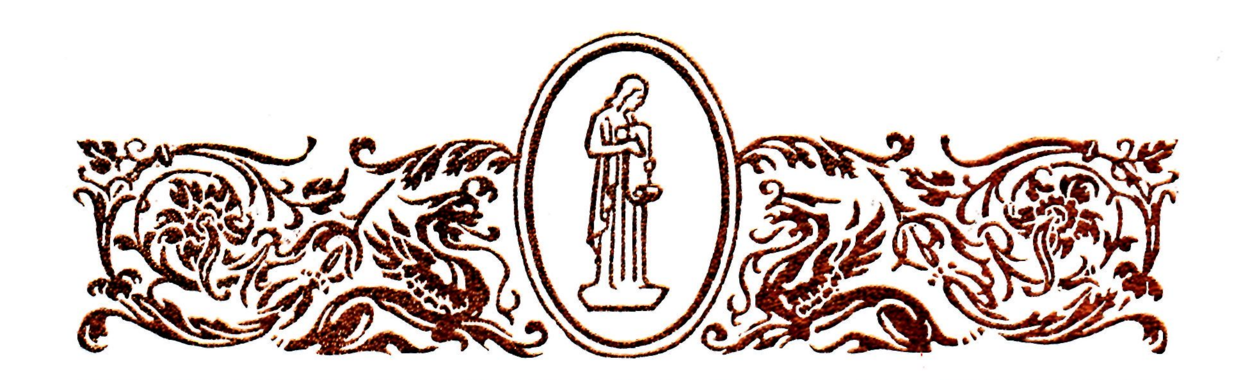

КЛУБ
ЛЮБИТЕЛЕЙ
ИСТОРИИ
ОТЕЧЕСТВА

М. И. ПЫЛЯЕВ

СТАРАЯ МОСКВА

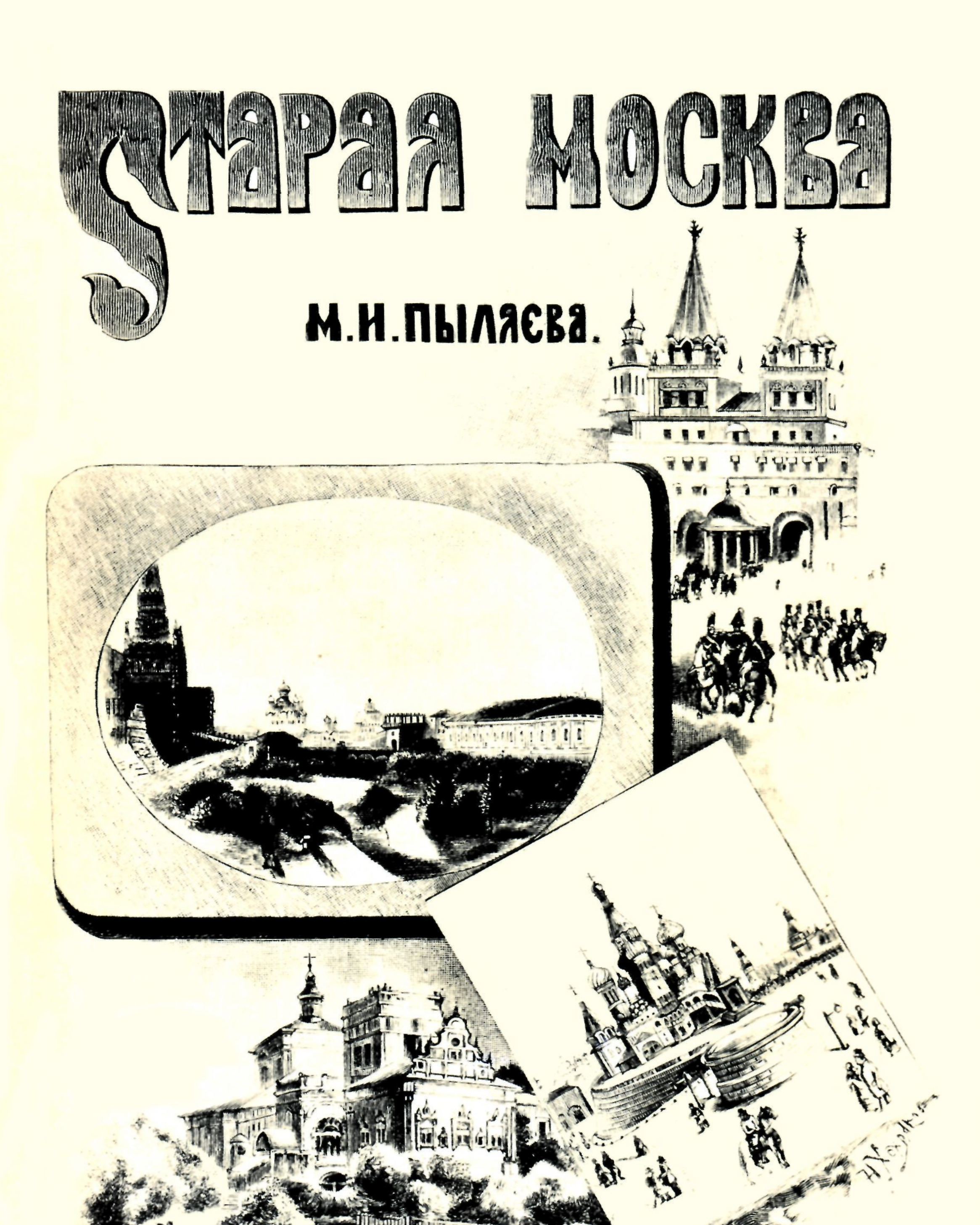

М. И. ПЫЛЯЕВ

СТАРАЯ МОСКВА

СТАРАЯ МОСКВА

М. И. ПЫЛЯЕВА.

ИЗДАНІЕ А. С. СУВОРИНА.

М. И. ПЫЛЯЕВ

СТАРАЯ МОСКВА

РАССКАЗЫ ИЗ БЫЛОЙ ЖИЗНИ ПЕРВОПРЕСТОЛЬНОЙ СТОЛИЦЫ

Московский рабочий
1990

ББК 63.3(2—2М)
П94

Составитель:
кандидат исторических наук
Ю. Н. АЛЕКСАНДРОВ

Пыляев М. И.
П94 Старая Москва: Рассказы из былой жизни первопрестольной столицы. / Сост. Ю. Н. Александров. — М.: Моск. рабочий, 1990. — 416 с: ил. — (Клуб любителей истории Отечества).

Книга М. И. Пыляева «Старая Москва» печатается в современной орфографии с небольшими изменениями по изданию А. С. Суворина (СПБ, 1891).

Этой книгой открывается новая серия «Клуб любителей истории Отечества».

«Старая Москва» повествует о древнем городе, быте, нравственных устоях, обычаях, зрелищах и развлечениях москвичей XVIII — начала XIX столетия. Она была несправедливо оценена современниками и носила почти столетие печать отвержения. Между тем ценность и оригинальность этого труда М. И. Пыляева заключается в попытке живописать биографию Москвы как совокупность личных биографий проживавших в ней государственных, военных деятелей, писателей и артистов, а также москвичей, странность и необычность характера которых сохранилась в памяти поколений. Подобная задача в полном объеме не была осуществлена ни до М. И. Пыляева, ни после него. Думается, что современный читатель оценит по достоинству его книгу.

П $\frac{4702010101—161}{М172(03)—90}$ Без объявл. **ББК 63.3(2—2М)**

ISBN 5—239—00569—9

К ЧИТАТЕЛЮ

Прошло почти сто лет с тех пор, как в Петербурге в издательстве А. С. Суворина вышла в свет объемная, богато иллюстрированная книга под названием «Старая Москва». Ее автором был литератор, сотрудник газеты «Новое время» Михаил Иванович Пыляев, к тому времени уже получивший известность такими литературными произведениями, как «Старый Петербург» (1887 г.) и «Забытое прошлое окрестностей Петербурга» (1889 г.).

В отличие от «Старого Петербурга», который приобрел широкую популярность, дважды переиздавался (в 1888 и 1903 гг.) в возвел автора в ранг знатока столичного города, «Старая Москва» признания в отставной столице не получила. Напротив, эта книга М. И. Пыляева была подвергнута сокрушительной критике в ежемесячном московском журнале «Русская мысль» умеренно либеральной ориентации. Анонимный рецензент упрекал автора в отсутствии системы, четкого плана, точности и «исторической верности» сообщаемых сведений, плохом литературном «слоге» и непростительных пробелах в описании московских памятников. «Нельзя же, описывая старую Москву, пропускать, как это делает г. Пыляев, Сухареву башню, Меншикову башню, Красные ворота, Лубянскую площадь с ее фруктовыми рядами, Болотную площадь с ее значением места исполнения уголовных приговоров. Нельзя упоминать вскользь всего о пяти монастырях, об одном Пресненском пруде, одних Серебряных (Серебрянические. — *Ю. А.*) банях, нельзя забывать и про «вольное место» на Солянской площади, — писал он. — Не за свое дело взялся г. Пыляев и сделал его до того плохо, что приходится очень пожалеть о значительном художественном материале, загубленном г. Сувориным на книгу никому не нужную, скучную, дающую о Москве слишком слабое, а часто и совсем неверное понятие» (Русская мысль, 1892, кн. 2, с. 73).

Суровый, безапелляционный приговор, вынесенный рецензентом «Старой Москве», которую он представил как сборный винегрет из случайно попадавшихся автору под руку исторических и бытовых объедков, не имеющих никакого значения и лишенных всякой связи между собой, был, несомненно, пристрастен и несправедлив. И хотя неточности у Пыляева действительно встречаются, а литературный стиль далек от совершенства, аргументы, приведенные рецензентом, свидетельствуют не только о явных недоброжелательности и предубеждении, но, прежде всего, о нежелании разобраться в творческом замысле автора. Кстати, упрек в том, что книги Пыляева скучны, отвергал еще А. М. Горький. Он упоминал о Пыляеве как о литераторе, умеющем писать занимательно, и рекомендовал познакомиться с этим автором молодым советским журналистам и писателям, приступавшим к работе над произведениями на современные темы.

Репутация Пыляева как писателя, дающего превратное и искаженное представление о старой Москве, послужила причиной того, что интереснейшее, на наш взгляд, бытописание «Старая Москва» впоследствии ни разу не переиздавалось, хотя неоднократно использовалось историками и литераторами, правда обычно без ссылок на автора. Для того чтобы объективно установить, в какой степени обоснована традиционно отрицательная оценка этого произведения, что лежало в основе его отвержения некоторыми либеральными историками прошлого столетия и что составляет его несомненную ценность, нужно представить себе историческую обстановку тех лет.

Книга Пыляева посвящена не только и не просто «старой» Москве, но, прежде всего, Москве сословно дворянской. Некритичное использование автором официальных источников о коронационных торжествах и других московских праздниках, проходивших с уча-

стием русских самодержцев, представление о Москве как столице русского дворянства, надежном оплоте самодержавия, которое трактуется в духе Н. М. Карамзина как палладиум России, включение в повествование «благонамеренных» легенд о самодержцах, в частности о доброй и мудрой матушке-императрице Екатерине II, общая тональность политической «благонадежности» — все эти черты, присущие произведению М. И. Пыляева, не могли не вызвать к этой книге бескомпромиссно отрицательного отношения в передовых кругах Москвы, которая во второй половине прошлого столетия стала одним из главных очагов распространения демократических и либеральных идей в стране. Историческая дистанция (книга о XVIII столетии писалась в конце XIX) выявила и подчеркнула анахронизм многих идей, запечатленных в источниках, которыми пользовался Пыляев. Ведь уже в конце XVIII столетия передовая часть русского общества осуждала отрыв дворянской культуры от национальной почвы, не принимала сложившейся в течение длительного времени особой культуры взаимоотношений при императорском дворе, обличала многие характерные черты, которые были свойственны его окружению. Традиция сатирического изображения придворных была заложена еще Антиохом Кантемиром (1708—1744 гг.), уподоблявшим их «плясальщикам веревочным», то есть марионеткам. В последней же трети века «дворская (придворная) жизнь» предстает во многих литературных произведениях как больная, способная отравить заразой соприкоснувшегося с ней человека, его восприятие жизни и самой природы («Ужель тебе то неизвестно, что ослепленным жизнью дворской природа самая мертва», — вкладывает Г. Р. Державин программное заявление в уста своего друга Н. А. Львова). Излюбленной темой поэтического творчества, переписки, бесед становится противопоставление «дворской» культуры и городской жизни сельскому уединению в кругу близких людей, семье, поэтизированному миру сельской дворянской усадьбы (*Краснобаев Б. И.* Основные черты и тенденции развития русской культуры в XVIII в. Очерки русской культуры XVIII века. Издательство Московского университета, 1985, т. 1, с. 37).

В пореформенное время Россия быстро превращалась из феодальной в буржуазную монархию. «Золотой век» дворянства уже прошел, и на авансцену политической жизни России настойчиво пробивалась осознающая свою растущую силу буржуазия. В новую фазу вступало и общественное движение. Демократически настроенные разночинцы утрачивали свою гегемонию в освободительном движении. И хотя в памяти поколения, ожидающего вступления в новый, двадцатый век, еще были свежи воспоминания о хождении интеллигенции в народ, о самоотверженном подвиге кучки героев-народовольцев, которые приговорили к смертной казни императора Александра II и ценой собственной жизни осуществили этот приговор, романтика революционного подвига уже в известной степени утратила в глазах народников свой ореол и уступила место теории «малых дел». Революционное народничество выродилось в либеральное.

Начало 1890-х годов ознаменовалось переходом от крайней реакции к общественному оживлению. Но год выхода книги Пыляева совпал с началом народной трагедии: Россию постиг жестокий голод. На всю страну прозвучал голос великого писателя земли русской Льва Толстого: «Народ голоден от того, что мы очень сыты» (Лев Толстой и голод. Н. Новгород, 1912, с. 8). В это тяжелое время красочное повествование о лукулловых пирах, которые давали русские самодержцы и дворянская аристократия, описание их забав и причуд были, по меньшей мере, весьма несвоевременными.

Помимо общих причин, не благоприятствовавших принятию читателем книги Пыляева, были еще и частные, которые заключались в богатых традициях научного изучения истории Москвы, а также в известной предубежденности московских литераторов, историков-краеведов по отношению к петербургским авторам, рисковавшим вступать на порой зыбкую для них почву московской истории. Эти чувства питало давнее противопоставление «двух столиц» в историографии и литературе, получившее особое развитие в прошлом столетии. «...История России может делиться по столицам, как по эпохам. Каждая эпоха имела свою столицу, и, наконец, когда Россия разделилась на две стороны, Земскую и Государственную, явились и две современные столицы», — писал один из наиболее ярких теоретиков славянофильства Константин Аксаков (*Аксаков.* Сочинения исторические. 2-е изд. М., 1889, т. 1, с. 48—49). Анализу отличительных особенностей «двух столиц» и обоснованию противопоставления Москвы и Петербурга отдали дань А. И. Герцен, В. Г. Белинский, Н. В. Гоголь и А. С. Пушкин. В «Путешествии из Москвы в Петербург», написанном в январе 1835 года, великий поэт отметил: «Литераторы петербургские по большей части не литераторы, но предприимчивые и смышленые литературные откупщики. Ученость, любовь к искусству и таланты неоспоримо на стороне Москвы» (*Пушкин А. С.* Собр. соч. М., 1981, т. 6, с. 185). Глубокая мысль Пушкина в известной степени может быть распространена и на отечественную историографию. Ведь именно Москва дала самых выдающихся историков прошлого столетия: Н. М. Карамзина, написавшего в ней восемь томов «Истории государства Российского», С. М. Соловьева —

профессора и декана Московского университета, в последние годы жизни председателя Московского общества истории и древностей российских и директора Оружейной палаты, и его ученика В. О. Ключевского — также профессора университета, автора блестяще написанного «Курса русской истории»; сменившего своего учителя на посту председателя этого общества.

Во второй половине прошлого столетия отечественная историография находилась под влиянием грандиозного труда С. М. Соловьева — 29-томной «Истории России», где последовательно проводилась теория органического развития исторического процесса, получила освещение борьба «государственного начала над родовым» и была дана новая трактовка значения исторического возвышения Москвы, исходного момента «собирания русской земли, конкретного хода складывания Московского государства» (*Рубинштейн Н. Л.* Русская историография. 1941, с. 335).

В годы, когда Пыляев работал над своей книгой, достигло расцвета научное творчество Ключевского — историка-художника, создавшего целую галерею ярких портретов государственных деятелей России. «Представительные типические л и ц а, — полагал о н, — помогут нам полнее изучить состав жизни, их воспитавшей. В таких лицах цельно собирались и выпукло проступали интересы и свойства их среды» (*Ключевский В. О.* Курс русской истории. М., 1937, ч. 1, с. 15). Талант такого масштаба, конечно, не мог не оказать воздействия на автора «Старой Москвы», но, в то время как Пыляев обычно следовал в повествовании лишь канве исторических фактов, Ключевский, осмысливая биографию, создавал яркий художественный образ. Приведем несколько выдержек из его дневника, показывающих, как представлял себе историк Екатерину II — одно из главных действующих лиц «Старой Москвы»: «Наигранная грация Ек<атерины> II, какую приобретает скромная, но энергичная женщина многолетней работой над своей богато одаренной, но не режущей праздных глаз красивой природой. Она была заезжей цыганкой в Российской империи»; «Сердце Ек<атерины> II никогда не ложилось поперек дороги ее честолюбию»; «Все эти екатерины, овладев властью, прежде всего поспешили злоупотребить ею и развили произвол до нем<ецких> размеров»; «Ек<атерина> — только ей удалось на минуту сблизить власть с мыслью. После, как и прежде, эта встреча не удавалась или встречавшиеся не узнавали друг друга»; «При Ек<атерине> II когти правительства остались те же волчьи когти, но они стали гладить по народной коже тыльной стороной, и добродушный народ подумал, что его гладит чадолюбивая мать», «Екатерина своей популярностью обязана ужасам времен Анны» (*Ключевский В. О.* Письма. Дневники. Афоризмы и мысли об истории. М., 1968, с. 333, 369, 385, 388, 396—397).

Для того чтобы полнее уяснить концепцию книги Пыляева «Старая Москва» и место, которое она занимает в исторической литературе о Москве, следует хотя бы в самых общих чертах представить себе особенности развития исторической науки того времени, которая питала творчество писателя и могла служить, так сказать, точкой отсчета для оценки его труда.

Обостренная социально-политическая борьба в пореформенной России пробудила в обществе живой интерес к отечественной истории. В ежемесячных журналах «Русская мысль», «Отечественные записки», «Русская беседа» стали появляться статьи на исторические темы. Проблемы истории обсуждались Н. Г. Чернышевским и Н. А. Добролюбовым в журнале «Современник». Появились и специальные исторические журналы. В 1863 году в Москве стал выходить основанный П. И. Бартеневым — видным археографом и издателем — журнал «Русский архив», в котором сотрудничали историки и писатели А. П. и Н. П. Барсуковы, П. А. Вяземский, Д. И. Иловайский. В 1870 году был выпущен первый номер журнала «Русская старина», редактором и издателем которого был историк М. И. Семевский. Публикациями этих журналов широко пользовался М. И. Пыляев. Так, например, приведенный в книге «Старая Москва» анекдотический эпизод о заказе фаворитом Екатерины II И. Н. Римским-Корсаковым книг не по их содержанию, а по формату полок, рассказ о том, как расплатился П. В. Нащокин за карточный долг Ф. И. Толстому-«Американцу», эффектная сцена появления этого авантюриста и бретера на балу у адмирала И. Ф. Крузенштерна, который высадил его с судна на одном из Алеутских островов, почерпнуты Пыляевым из различных номеров журнала «Русская старина», а другая версия о жизни Толстого-«Американца», сведения о религиозном фанатизме и аскетизме архимандрита Фотия и А. А. Орловой-Чесменской, описание великолепного фруктового сада царя Алексея Михайловича в Измайлове имеют своим источником материалы, опубликованные в журнале «Русский архив».

На этот же период приходится оживление работы Археографической комиссии во главе с Н. В. Калачевым, которая продолжала издание Полного собрания русских летописей и других серий документов. Содействовали подъему исторической науки открытие в 1883 году Исторического музея в Москве, регулярный выпуск публикаций «Чтений в Обществе истории и древностей российских при Московском университете». Стали издавать материалы частных архивных фондов.

В частности, П. И. Бартенев выпустил четыре тома публикаций «Осмнадцатый век» и «Архив гр. Воронцова», материалы которого были использованы М. И. Пыляевым в «Старой Москве», в том числе для уточнения биографии графа Л. К. Разумовского.

Помимо исторической периодики, сделавшей в те годы достоянием читателей множество новых документов по истории XVIII столетия, Пыляев, несомненно, знакомился и с общими трудами по истории России. Хотя многие вопросы истории Москвы получили освещение в работах Татищева, Карамзина, Соловьева и других крупнейших историков, появляются книги, специально посвященные древней столице.

В 1842—1845 годах был издан фундаментальный исторический труд профессора Московского университета И. М. Снегирева «Памятники московской древности с присовокуплением очерка монументальной истории Москвы и древних видов и планов древней столицы» (М., 1842—1845). Он содержал подробные сведения об историко-архитектурных памятниках города: описание церквей, монастырей и примечательных гражданских зданий. Автор рассматривал их как важнейший источник отечественной истории. «Памятники московской древности, запечатленные историческими воспоминаниями и пережившие столько веков и столько испытаний, — писал он в предисловии, — представляют нам остатки и вместе признаки древнего быта и бытия Москвы, проявления в ней городской и государственной, внутренней и внешней жизни народа и, так сказать, родословие города, который сделался сердцем и душою государства».

Подчеркивая связь историко-архитектурных памятников с народными обычаями, формой правления, уровнем образования, Снегирев отмечал и их художественное значение, как «отличительное украшение древней... столицы и важный предмет истории отечественных художеств».

В книге «Москва. Подробное историческое и археологическое описание города» (М., 1875) И. Снегирев наряду с обозрением Московского Кремля, Китай-города, Белого и Земляного городов, «где развивалась... жизнь государственная и народная», вводит в научный обиход и московскую топонимику. «Не только в ея (Москвы. — *Ю. А.*) храмах и твердынях, но даже в самых урочищах оживляются летописи. Такие ея памятники не составляют ли драгоценного достояния для города и народа?.. Время, истребляя дела рук человеческих, уничтожает и самую об них память, остается только одно имя местности, которое намекает на лица и события. Со временем надо бороться, чтобы уберечь, что возможно, уже не от разрушения, но от забвения».

Примечательно, что труды москвича Снегирева подверглись резкой критике в петербургском журнале либерального направления «Вестник Европы». В рецензии И. Е. Забелина утверждалось, впрочем без достаточно убедительных доказательств, что они «слабы в ученом отношении».

Во второй половине прошлого века в особую отрасль истории выделилось изучение и описание памятников материального быта. Наиболее крупным представителем этого направления стал И. Е. Забелин. Его основной труд «Домашний быт русских царей в XVI—XVII столетиях», на который ссылается М. И. Пыляев, вышел в 1862 году. В предисловии к книге Забелин писал: «Домашний быт человека есть среда, в которой лежат зародыши и зачатки всех так называемых великих событий его истории, зародыши и зачатки его развития и всевозможных явлений его жизни общественной и политической или государственной». Полагая, что бытовой уклад — основа всей жизни народа, Забелин начинает его исследование с бытового уклада царей. Он подробно рассказывает о мебели, утвари, дворцовых зданиях, этикете, распорядке дня царя Алексея Михайловича, его одеждах, торжественных выходах, приводит содержание челобитных царю о нарушении чести и т. д. В 1869 году вышел второй том «Домашнего быта русского народа в XVI—XVII столетиях» — «Домашний быт русских цариц в XVI—XVII столетиях», который дополнил информацию первого тома сведениями об «обряде царицыной жизни, комнатной и выходной», дворцовых забавах, увеселениях и развлечениях, придворном штате, царских нарядах, уборах и одеждах.

В исторической науке второй половины XIX века получает развитие местная история, выходят историко-краеведческие труды, основанные на тщательном изучении исторического, географического и археографического материала. Отдал дань местной московской истории и И. Е. Забелин. В 1867 году московская историография обогатилась его книгой «Древности Москвы и их исследования», а в 1884—1891 годах — «Материалами для истории, археологии и статистики г. Москвы». Уже после выхода «Старой Москвы» Пыляева увидела свет книга И. Е. Забелина «История города Москвы», в которой фактически автор писал лишь о наиболее исследованной его части — Московском Кремле. Строго говоря, как в его предшествовавших книгах, да и в трудах Снегирева, мы имеем дело не с историей города как таковой, а лишь с описанием историко-культурных памятников и других достопримечательностей.

Рассматривая русскую историографию тех лет, следует отметить стремление многих историков к внешней занимательности. Приобретает особое значение жанр исторической биографии, в которой доминирует анекдотическая сторона повествования. Наиболее ярким представителем этого направления

был С. П. Шубинский — автор таких книг, как «Собрание анекдотов о кн. Г. А. Потемкине», «Черты и анекдоты из жизни имп. Александра I» и др. Литературный стиль и трактовка истории Шубинским — главным редактором «Исторического вестника» — наложили отпечаток на содержание этого журнала, материалы которого широко использовал в своей книге М. И. Пыляев, сам постоянный автор этого издания.

Большой вклад в изучение истории Москвы, ее топографии, памятников и достопримечательностей внесли путеводители.

В 1782 году вышел первый путеводитель по Москве с пространным названием в духе того времени: «Описание императорского столичного города Москвы, содержащее в себе звание городских ворот, каменных и деревянных мостов, больших улиц и переулков, монастырей, церквей, дворцов, присутственных и других казенных мест, число обывательских дворов и покоев, рядов, рынков, фабрик, заводов, кладбищ, дорог, застав, число извощиков и прочая, собранное в 1775 году и изданное в свет, для удовольствия общества, издателем Описания Санкт-Петербурга В. Г. Рубаном».

Василий Григорьевич Рубан — поэт, переводчик, журналист, колоритная фигура XVIII столетия. Сын украинского казака, он был одним из первых питомцев Московского университета, где учился вместе с Д. И. Фонвизиным и И. Ф. Богдановичем. Сотрудничал во многих журналах, в том числе у Н. И. Новикова, и пытался сам их издавать. В 1774 году Рубан стал секретарем всесильного фаворита императрицы Г. А. Потемкина и оставался в этой должности почти 18 лет.

Первый московский путеводитель-справочник имел прежде всего практическое значение, так как содержал сведения по топографии Москвы и статистические данные. В числе источников, которые использовал Рубан, он указал «Книгу, содержащую описание моровой язвы, бывшей в Москве, печатанную в 1775 году», «Роспись московских церквей» (1778 г.) и план Москвы, «учиненный архитектором Мичуриным и напечатанный в 1739 году». Материал о Москве излагался на основе административного деления города на 14 частей.

Через десятилетие после выхода книги Рубана в университетской типографии В. Окорокова был напечатан «Путеводитель к древностям и достопамятностям московским, руководствующий любопытствующего по четырем частям сея столицы к ее — местоописательному познанию всех заслуживающих примечания мест и зданий...». Он был издан анонимно, но спустя много лет исследователям удалось по архивным документам установить автора: им был также питомец Московского университета Лев Максимович, известный как составитель «Географического словаря Российского государства», издатель сборников древнерусского законодательства и других книг.

Максимович по-новому подошел к материалу и изложил его в соответствии с исторически сложившейся планировкой Москвы. В то время крепостные стены еще разделяли территорию города на четыре части — Кремль, Китай-город Белый город и Земляной город (правда, к середине XVIII столетия укрепления Белого города и Земляного сильно обветшали, а к концу были частично срыты). Соответственные названия получили и четыре части книги. Следуя административному делению города на части и кварталы, путеводитель отмечал главные улицы, количество переулков, обывательских домов, фабрик и т. д. Однако основное содержание книги составляло описание памятных мест и достопримечательностей города.

В 1796 году «иждивением Т. Полежаева» вышел третий московский путеводитель «Историческое и топографическое описание первопрестольного града Москвы с приобщением генерального и частных ее планов». Информация о каждой из 20 частей города была иллюстрирована детальным планом. Историю Москвы анонимный автор излагал на основе легенд и сказаний, в частности «Повести о начале царствующего великого града Москвы».

Автором одного из первых путеводителей по послепожарной Москве явился крупнейший литератор, «Колумб русской истории» Н. М. Карамзин, который, по словам П. А. Вяземского, спас Россию от нашествия забвения». «Записка о московских достопамятностях» Карамзина, созданная в 1817 году для «некоторой Особы, ехавшей в Москву», содержала в себе рассказ о древней столице, основанной на описании сосредоточенных в ней достопримечательностей. Он предназначался для одной из персон императорской фамилии, но оказался настолько увлекательным, что вопреки воле автора был опубликован. С целью исправления допущенных при этом ошибок, как утверждал Карамзин, «Записка» вновь увидела свет уже в собрании его сочинений.

К моменту появления «Записки» Карамзин уже был известным историком и писателем. Глубокая образованность и талант помогли ему заново «открыть» и Москву.

В 1825 году выходит «Альманах... для приезжающих в Москву и для самих жителей сей столицы, или Новейший указатель Москвы, в котором с точностью означены все лучшие предметы, служащие к потребностям городской жизни, с присовокуплением исторической картины Москвы и описанием всех присутственных мест, военных, гражданских, учебных и прочих заведений...».

В том же году Сергей Глинка, драматург, писатель и переводчик, издатель журнала «Русский вестник», а впоследствии автор

«Записок о Москве», выпускает иллюстрированный «Путеводитель в Москве... сообразно французскому подлиннику г. Лекоента де Лаво, с некоторыми пересочиненными и дополненными статьями». Эпиграфом к нему Глинка, ополченец 1812 года, избирает строки поэта И. Дмитриева: «Что матушки-Москвы и краше и милее!»

Написанный живым и образным языком, не чуждым изящной словесности того времени, путеводитель Глинки содержал множество сведений. В 1827 году было предпринято издание четырехтомника под названием «Москва, или Исторический путеводитель по знаменитой столице государства Российского...». История Москвы освещается в путеводителе в тесной связи с историей России. Автор явно находился под влиянием Карамзина. Он усматривал смысл истории в борьбе просвещения с невежеством и заблуждениями и придавал решающее значение деятельности выдающихся людей.

«Новый путеводитель по Москве, первопрестольной столице государства Русского с показанием как исторических, так природных и искусственных достопримечательностей с приложением обзора статистических сведений... и живописного исторического путешествия по примечательным окрестностям Москвы» предложил рекомендации для прогулок по городу. В 1842 году вышла «Московская справочная книжка», составленная историком Вадимом Пассеком, в прошлом участником кружка Герцена и Огарева; в 1850 году — путеводитель «Описание Москвы» И. Милютина в двух книгах, а позднее — множество других.

Как показывает этот беглый обзор исторической и краеведческой литературы, посвященной Москве, для нее характерен описательный подход к городу как сосредоточию материальных памятников, связанных с важнейшими событиями русской истории.

Принципиально по-иному подошел к рассказу об истории города М. И. Пыляев, поставив в центр исторического повествования не историко-искусствоведческое описание архитектурных достопримечательностей и анализ археологических памятников, а увлекательную информацию о его жителях-москвичах, представив, так сказать, историю Москвы в лицах, в занимательной форме показав быт и нравы ее обитателей. Пыляев учел растущий в широких общественных кругах интерес к жанру исторической биографии, усиление внимания в отечественной науке к роли личности в истории. Своеобразным катализатором этого процесса в русской историографии послужили работы народников П. Л. Лаврова и Н. К. Михайловского, властителей дум целого поколения. В «Исторических письмах» Лавров, автор теории «критически мыслящей личности» — интеллигентного меньшинства, которое двигает историю, писал: «...единственно реальный двигатель прогресса: личность, определяющая свои силы и дело, ей доступное. Мысль реальна лишь в личности». В борьбе за индивидуальность между человеком и обществом видел содержание исторического процесса Н. К. Михайловский, который в серии статей о героях и толпе поставил психологическую проблему о гипнотизирующем влиянии героической личности на толпу, способную, по его мнению, лишь к социальному подражанию.

Реальные предпосылки для осуществления оригинального творческого замысла Пыляева к этому времени вполне созрели. Не говоря уже о работах И. Е. Забелина и С. Н. Шубинского, был накоплен и фактический материал. Еще в 1772 году Н. И. Новиков выпустил «Опыт исторического словаря о российских писателях». В 1818 и 1845 годах вышли словари русских духовных и светских писателей митрополита Евгения. В 1836—1847 годах появился восьмитомный «Словарь достопамятных людей русской земли» Д. Н. Бантыш-Каменского. В 1855 году был издан в двух частях «Биографический словарь профессоров и преподавателей имп. Московского университета за истекающее столетие, со дня учреждения января 12 1755 года, по день столетнего юбилея, января 12 1855 года...», который стал одним из источников «Старой Москвы». Большое значение имела развернувшаяся с 1876 года в Русском историческом обществе активная работа по подготовке капитального издания «Русского биографического словаря», которая велась под руководством председателя этого общества А. А. Половцева. Хотя первый том уникального издания был напечатан в типографии Суворина в 1896 году, но сбор материалов и написание статей для него и последующих томов захватили время, когда Пыляев готовил свою книгу. Широкое признание получили книги «Биографической библиотеки» (Жизнь замечательных людей), к изданию которой приступил Ф. Ф. Павленков.

Значительное влияние на формирование идеи «Старой Москвы» оказало издание в 1885 году Сувориным, у которого работал Пыляев, книги «Рассказы бабушки. Из воспоминаний пяти поколений, записанные и собранные ея внуком Д. Благово» — подлинной энциклопедии дворянской Москвы конца XVIII — начала XIX столетия. Учитывая обильно выпускаемую мемуарную и историческую литературу тех лет, успех своей книги «Старый Петербург», Пыляев и задумал новую книгу о прошлом Москвы также не как традиционное описание материальных реликвий ушедшего времени, а смело развернув в ней широкую панораму пусть не всегда отвечающих строгому литературному вкусу, но живых, запоминающихся портретов населявших древнюю столицу жителей, принадлежавших к различным социальным

слоям московского общества, преимущественно к дворянскому сословию. Автор «Старой Москвы» отнюдь не претендовал на то, чтобы создать свою версию истории города, уяснить законы и движущие силы его развития, осмыслить пройденный Москвой исторический путь, установить его периодизацию, наконец, показать место древней столицы в истории России. Нет! Недаром автор дал подзаголовок: «Рассказы из былой жизни первопрестольной столицы». Он писал: «Я не имел в виду написать полную историю Москвы, а лишь собрал здесь устные сказания современников и те сведения о ней, которые рассеяны в русских и иностранных сочинениях и которые рисуют преимущественно быт и нравы первопрестольной столицы в прошлом и начале нынешнего столетия». Ценность труда Пыляева именно в попытке живописать «биографию Москвы» как совокупность личных биографий вошедших в историю России государственных и военных деятелей, проживавших в Москве, а также москвичей, оригинальность и необычность характеров которых сохранилась в памяти современников. Такой подход делает для нас книгу Пыляева исключительно интересной. Подобная задача в полном объеме не была осуществлена ни до, ни после него. (Замечательная книга Гиляровского «Москва и москвичи» принадлежит к другому жанру — мемуарам, а книга Никольского под тем же названием, что и у Пыляева, в известной степени следовала ей как оригиналу.)

Книга Пыляева повествует о быте, нравственных устоях, обычаях, обрядах, зрелищах и развлечениях москвичей XVIII — начала XIX столетия. Написана она живо и интересно. «Старая Москва» во многом восполняет пробелы современных книг по истории города, где, как и в других трудах историков, за привычными стереотипами социальных схем нередко исчезает или проходит слабой тенью субъект истории — человек, с присущими только ему индивидуальными чертами, складом ума, особенностями характера и нравственного облика.

Уже одно это обстоятельство оправдывает переиздание книги, на наш взгляд, несправедливо не оцененной современниками. Кроме того, книга Пыляева — подлинный Монблан разнообразных и малодоступных сведений о Москве, собранных из различных, пусть даже не всегда достаточно достоверных, исторических источников, которыми подчас располагал только ее автор, —является памятником эпохи, исторической мысли своего времени с присущими ей достоинствами и недостатками.

Давно став библиографической редкостью, получив почти с самого рождения клеймо отвержения, книга Пыляева действительно порой оставляет впечатление спешки и незаконченности. Встречаются в ней и неточности. Но без этого талантливо задуманного и исполненного издания историография Москвы была бы неполной. Убедительным подтверждением служит тот факт, что в разделе «Исторические работы» научной библиографии, которая была рекомендована во втором томе академического издания «Истории Москвы» (1953 г.), указана и «Старая Москва». Однако эта книга, на наш взгляд, ценна не только для профессиональных историков. Думается, что многие москвичи прочтут ее с большим интересом.

Хронологический диапазон труда М. И. Пыляева ограничен в основном второй половиной XVIII века, открываясь описанием коронационных торжеств в связи с вступлением на престол Екатерины II и завершаясь характеристикой истории торговли в Китай-городе в XVII—XVIII столетиях. Однако автор, прослеживая биографии героев повествования и их родословные, выходит далеко за первоначально задуманные рамки, захватывая петровское время, царствования Анны Ивановны и Елизаветы Петровны, а также годы правления Павла I и Александра I. Таким образом, время, в котором происходят события и действуют исторические персонажи книги, включает в себя не только весь восемнадцатый век, интерес к которому был чрезвычайно велик в прошлом столетии, но выходит за его пределы.

Книга «Старая Москва» состоит из 25 глав. Ее структура не имеет четкого плана и логически обоснованного композиционного развития. В значительной степени автор шел вслед за публикуемым материалом, руководствуясь в основном его новизной и занимательностью. Одни главы построены преимущественно по хронологии, другие — по топографическому принципу. Но подавляющее большинство из них представляет собой пеструю мозаику, где описание праздничных торжеств, великосветских забав и народных увеселений в Москве соседствует с информацией о состоянии улиц или городского освещения, рассказ о модных нарядах, транспортных средствах перемежается литературными портретами знатных московских вельмож с перечислением их чудачеств, передававшихся, как правило, устной традицией излюбленных в то время исторических анекдотов из их биографии, а также упоминанием об их благотворительной, меценатской или другой деятельности на пользу города.

На страницах книги рассказывается о некоторых значительных событиях, которые вошли в историю Москвы: эпидемии чумы и народном восстании в 1771 году, привозе в пыточный застенок возле Монетного двора вождя Крестьянской войны Емельяна Пугачева и его мученической казни на Болотной площади. Упоминание о торжественных приездах в Москву Екатерины II позволяет автору подробно представить читателю пышные празднества по поводу заключения

Кючук-Кайнарджийского договора с Турцией, когда на Ходынском поле была воздвигнута грандиозная архитектурно-географическая декорация, изображавшая Крым, Черное море, Дон, города-крепости Азов, Керчь, Кинбурн и Еникале. Архитектурный ансамбль состоял из множества временных павильонов, посвященных событиям русско-турецкой войны. Яркий, необычный облик этих сооружений был результатом смелой фантазии и обращения зодчего В. И. Баженова к архитектуре Древнего Рима, средневековья и Древней Руси.

Со всеми подробностями Пыляев воспроизводит программу трехдневного уличного маскарада «Торжествующая Минерва», в котором должна была «изъявиться гнусность пороков и слава добродетели». В маскараде, которым руководил первый русский профессиональный актер Ф. Г. Волков, участвовали более 4 тысяч человек и 200 колесниц, запряженных волами.

В мозаику повествования вплетаются картины народных гуляний на Девичьем поле, в Сокольниках, под Новинским, с катанием на масленице с ледяных гор, а летом на качелях, «комедиантскими увеселительными» представлениями в балаганах и шатрах, «курьезными шпрингмайстерскими действиями», описания парадных выездов в экипажах и прогулок дворян на Тверском бульваре и Пресненских прудах, лихих рысистых бегов на набережных Москвы-реки, Шаболовке и в селе Покровском, таинственных обрядов вступления «профанов» в масонские ложи, посвящения в члены литературного кружка «Арзамас», жестоких опал, балов и свадеб, продаж крепостных, судебных поединков древности, бесчеловечных пыток в застенках Тайного приказа, публичных казней, оживленной суеты многоликого московского рынка.

В сопровождении автора мы отправляемся с московских улиц в древние палаты и барские усадьбы, знакомимся с их архитектурным обликом и интерьерами: из палат с мощными крепостными стенами гетмана-изменника Мазепы в Хохловском переулке переносимся то в палаты бояр Романовых на Варварке, то в ренессансный дворец на Тверской, который принадлежал М. П. Гагарину — московскому, а затем сибирскому губернатору, взяточнику и казнокраду, повешенному Петром I, осматриваем дворцы московской знати — Юсуповых, Шереметевых, Разумовских, Долгоруковых, любуемся радостной архитектурой триумфальных ворот, украшенных богатым декором, узнаем об истории московских курантов и многочисленных колоколов художественного литья, разными путями доставленных в древнюю столицу. Мы посещаем театральные ложи, восторгаемся игрой сценических звезд того времени: иностранных гастролеров и крепостных актеров.

Отдельные главы посвящены истории московского театра. Из них читатель узнает о первых театральных представлениях в Москве — «Комедийной хоромине» на Красной площади, императорских и частных крепостных театрах, их репертуаре, составе трупп, гардеробе, декорациях, расценке билетов, прославленных антрепренерах.

Одна из глав книги повествует об истории московских садов и парков, две — о типах московских дворян, которых можно было встретить до пожара 1812 года на бульварах, только что возникших на месте снесенной стены Белого города и на Пресненских прудах. Несколько выпадает из контекста заключительная глава, повествующая об истории древнего московского торга на Красной площади.

Причудливая вязь конкретных фактов, приводимых Пыляевым, подобно калейдоскопу рисует колоритный московский быт XVIII столетия. Здесь описания одежд, экипажей дворянства, мод, претенциозного облика франтов — петиметров, курения и нюханья табака, азартных игр, великосветского жаргона и прозвищ, дуэлей, свадеб, пиров и похорон, кладбищенских эпитафий, любовных похождений, мест скопления нищих и юродивых, историй с фальшивыми ассигнациями и т. д.

Эти разнообразные любопытные сведения разбросаны по всей книге, но акцент в ней все же сделан на портретах жителей старой Москвы. «Москва при Екатерине видела всех замечательных лиц своей эпохи, — писал М. И. Пыляев, — в стенах Белокаменной отдыхали утомленные благами фортуны и власти первые вельможи и государственные люди XVIII века. Москва при Екатерине, как говорит Карамзин, прослыла «республикой», в ней было больше свободы в жизни, но не в мыслях, более разговоров, толков о делах общественных, нежели в Петербурге, где умы развлекаются двором, обязанностями службы, исканием, личностями».

Князь Вяземский говорит: «В Петербурге сцена, в Москве зрители; в нем действуют, в ней судят. И какие большие актеры, обломки славного царствования Екатерины, проживали в былое время в Москве, каких лиц изменчивая судьба не закидывала в затишье московской жизни. Орловы, Остерманы, Голицыны, Разумовские, Долгоруковы, Дашкова, — одна последняя княгиня своею историческою знаменитостью, своенравными обычаями могла придать особенный характер тогдашним московским гостиным».

Портретная галерея книги Пыляева весьма обширна. Среди множества лиц — принадлежавшие к древнему боярскому роду Шереметевы, один — из «птенцов гнезда Петрова» — генерал-фельдмаршал Б. П. Шереметев и его сын генерал-аншеф и обер-камергер Петр Борисович, получивший после женитьбы на единственной дочери князя

А. М. Черкасского в приданое Останкино и Марьино, что сделало его одним из самых богатых людей России; его наследник — обер-камергер меценат Николай Петрович — при нем построен новый дворец и благоустроена усадьба, достиг расцвета крепостной театр, на актрисе которого П. И. Ковалевой-Жемчуговой Шереметев тайно женился. Вот как описывает Пыляев драматурга А. П. Сумарокова, которого современники ставили «наравне с Мольером и Расиным, плакали от его драм и смеялись до слез, любуясь его комедиями».

«Про Сумарокова существует множество анекдотов, характеризующих его вспыльчивость и доброе сердце. Он первый ввел разговоры актеров со сцены на злобы дня; так, узнав, что дети профессора Крашенинникова, известного описателя Камчатки, остались после смерти отца в бедности, он заставил одного из героев своей комедии сказать с подмостков сцены следующее: «Отец ездил в Камчатное и в Китайчатое государство, а дети ходят в крашенине и потому Крашенинниковыми называются».

Монолог актера попал в цель, кто-то из вельмож исходатайствовал пенсию несчастным у императрицы. Другой раз, встретив раненого офицера, который просил милостыню, драматург, не имея при себе денег, снял с себя мундир, шитый золотом, и отдал офицеру, а сам возвратился домой в кафтане своего лакея и тотчас же отправился во дворец к государыне просить для бедного пособия... Несмотря на такие порывы великодушия, этот сострадальный человек в минуты гнева ломал палки на спинах своих бедных подчиненных актеров единственно за то, что они плохо декламировали стихи».

В числе героев книги Пыляева — генерал-полковник граф П. А. Румянцев, полководец, одержавший в 1770 году победы над турецкой армией при Рябой Могиле, Ларге и Кагуле. Он, читаем в «Старой Москве», «был высокого роста, стан имел очень стройный, величественный, отличался превосходною памятью и крепким сложением, не забывал никогда, что читал и видал, не знал болезней, семидесяти лет от роду делал в день по пятидесяти верст верхом, не уставая, вел жизнь в лагере как простой солдат, вставал по утрам на заре и, несмотря на строгость военной тогдашней дисциплины, не делал никого из подчиненных несчастными, а только трунил над сибаритами и лентяями».

В портретной галерее «Старой Москвы» представлены известный своими причудами и странностями миллионер-промышленник и меценат П. А. Демидов; московский главнокомандующий, генерал-фельдмаршал граф П. С. Салтыков, одержавший в Семилетней войне победы над Фридрихом II под Пальцигом и Кунерсдорфом; один из главных участников дворцового переворота 1762 года, приведшего на престол Екатерину II, граф А. Г. Орлов, за победы русской эскадры под его командованием в Средиземном море получивший титул Чесменский. Он «был,— пишет Пыляев, — типом русского человека могучей крепостью тела, могучей силой духа и воли; он с тем вместе был доступен, радушен, доброжелателен; справедлив и вел образ жизни на русский лад, тяготея ко вкусу более простонародному».

Среди действующих лиц книги Пыляева — один из последних вельмож «золотого века» Екатерины II, директор императорских театров и Эрмитажа, владелец «подмосковного Версаля» — усадьбы Архангельское и древних палат в Москве, друг Вольтера, меценат князь Н. Б. Юсупов и отличавшийся патологической жестокостью и вероломством генерал-прокурор при Елизавете Петровне князь Н. Ю. Трубецкой; выходец из посадских людей А. В. Макаров — доверенное лицо Петра I, бывший его кабинет-секретарем; фаворит правительницы Софьи князь В. В. Голицын — один из наиболее просвещенных людей России того времени, много сделавший для благоустройства Москвы; московский обер-полицмейстер генерал-поручик Н. П. Архаров, прославившийся сыщицким талантом в раскрытии самых сложных преступлений, и его брат Иван Петрович, помогавший А. Г. Орлову в похищении из Ливорно претендентки на русский престол Е. Таракановой, впоследствии генерал, командир Московского гарнизона, солдаты которого завоевали дурную славу насильников и буянов, а слово «архаровцы» стало нарицательным в русском языке; перед нами просветитель-книгоиздатель Н. И. Новиков, один из учредителей «Дружеского ученого общества», основатель «Типографической компании», издававший газету «Московские ведомости» и ряд журналов, который был арестован и без суда заточен в Шлиссельбургскую крепость. «По возвращении из Шлиссельбурга Новиков по зимам жил в Москве, а летом в селе Авдотьине, — пишет М. И. Пыляев, — приехал он из ссылки дряхлым стариком, в разодранном тулупе. Московские старожилы, жившие еще в пятидесятых годах, хорошо помнили старика Новикова, ходившего с палкой, в гороховом широком сюртуке, черном бархатном жилете и белом галстуке. Черные волосы его, уже тогда редкие на лбу и на висках, зачесанные назад, открывали красивый его лоб, брови его дугою, орлиный нос; нижняя часть лица выражала кротость и добродушие».

В своей книге Пыляев рассказывает о генерал-фельдмаршале графе М. Ф. Каменском, участнике русско-турецких и наполеоновских войн, который отличался самодурством и жестокостью по отношению к солдатам, подвергал несправедливым преследованиям своих крепостных и был убит одним из них, и о его старшем сыне — графе генерале

С. М. Каменском, унаследовавшем худшие стороны характера отца. В ложе крепостного театра этого солдафона «на столе лежала книга, в которую он собственноручно вписывал замеченные им неисправности или ошибки артистов; на сцене, сзади от этого места, висело несколько плеток, и после каждого акта он ходил за кулисы и там делал свои расчеты с виновными артистами, крики которых иногда долетали до слуха зрителей... Граф иногда садился в первом ряду кресел и смотрел на спектакль; во втором ряду тотчас же за ним сидела его мать и с нею две его дочери, а позади матери в третьем ряду — любовница графа, с огромным портретом его на груди: если последняя чем-нибудь навлекала на себя неудовольствие графа, то портрет этот от нее отбирался и на место его давался другой, точно так же отделанный, но на котором лица не было видно, но виднелась одна спина; портрет этот вешался ей тоже на спину, и в таком виде, на соблазн всем, она должна была показываться всюду.

Кроме этого наказания, назначалось и другое, более жестокое: в квартиру к ней ставилась смена дворовых людей под командою урядника, которая каждые четверть часа входила к ней и говорила ей: «Грешно, Акулина Васильевна, рассердили батюшку графа, молитесь» (и бедная женщина должна была сейчас же класть земные поклоны; так что ей приходилось не спать и по ночам беспрестанно класть поклоны...)

В числе чудачеств графа были и ежедневные его вечерние приказы, в которых он повышал и производил своих лакеев из одного ливрейного фрака в другой, обозначавший по цвету разряд и степень должности; также в ежедневном приказе возвещалось по дому, как водится в полках, о беспорядках, замеченных им в течение д н я , — например: делалось замечание графине за допущение ею того, что при входе ее в лакейскую люди или не встали со своих мест, или не оказали должную ей почтительность».

Перечень персонажей книги «Старая Москва» продолжают владелец великолепного дворца в Заяузье миллионер-горнопромышленник И. И. Баташев, легендарные богатства которого были нажиты ценой многочисленных преступлений; дерзкий авантюрист и бретер Ф. И. Толстой-«Американец», о многих проделках которого повествует Пыляев; предприимчивый антрепренер М. Е. Медокс, которого за красный плащ москвичи прозвали кардиналом; мракобес архимандрит Фотий; мастер масонской ложи друг Новикова О. И. Гамалея; помещица-«душегубица» Д. Н. Салтыкова («Салтычиха»), замучившая более сотни своих крепостных; государственный деятель, академик, один из учредителей литературного кружка «Арзамас» граф Д. Н. Блудов, отличавшийся блестящим остроумием; прославленные зодчие Москвы В. И. Баженов и М. Ф. Казаков; сподвижник Петра I — молдавский господарь и ученый Д. К. Кантемир, его сын — талантливый поэт-сатирик и дипломат Антиох Кантемир; «актер чувства», предтеча П. С. Мочалова — П. А. Плавильщиков; крепостная актриса легендарной судьбы П. И. Ковалева-Жемчугова и другой кумир русской сцены, увенчанная романтическим ореолом Е. С. Сандунова; популярный московский шут Иван Савельевич и многие, многие другие.

В книге фигурируют многие деятели петровского времени (Б. П. Шереметев, М. П. Гагарин, А. В. Макаров, Д. К. Кантемир и др.), рассказывается о самоотверженной любви Н. Б. Шереметевой к другу Петра II князю И. А. Долгорукому, который подвергся опале, ссылке и мученической казни, приводятся сведения о развитии хлебной торговли в XVII веке, упоминается о строительстве первых каменных зданий в Москве в XV столетии, описывается блеск двора Анны Ивановны и Елизаветы Петровны, приезд в древнюю столицу Павла I и Александра I.

Значение книги Пыляева нельзя объективно оценить, не рассмотрев весь круг источников, которыми он пользовался. Сделать это не так просто, поскольку, хотя книга имеет специальный раздел примечаний, Пыляев не счел нужным снабдить ее полным научно выверенным аппаратом и дать библиографию. В тексте рассыпано множество упоминаний об авторах, обычно без инициалов и названий цитируемых изданий, ссылок на журналы, газеты, официальные документы, рукописи, предания и другие источники, которые использованы в книге «Старая Москва». К ним относятся труды известных историков: В. Н. Татищева, Г. Ф. Миллера, Н. М. Карамзина, Н. Н. Бантыш-Каменского, Н. И. Костомарова, М. П. Погодина, И. Е. Забелина, работы С. В. Ешевского, исторические писания С. Н. Шубинского, многотомное издание Голиковым документов «Деяние Петра Великого», исторический сборник П. Бартенева «Осмнадцатый век» (4 книги, вышедшие в Петербурге в 1868—1869 гг.) и др.

Но основной пласт использованных Пыляевым материалов представляют иные источники. Это путевые заметки и воспоминания о Москве побывавших или живших в ней многих иностранцев (посла императора Священной Римской империи Сигизмунда Герберштейна, представителя английской торговой «Московской компании», а затем «полномочного министра» королевы Елизаветы Джерома Горсея — прототипа шекспировского Фальстафа, немецкого дипломата и ученого-энциклопедиста Адама Олеария, иезуита француза де ла Невиля, Тесьби де Белькура, аббата Шапп д'Отероша, графа Луи Филиппа Сегюра, жившей у княгини Е. Р. Дашковой ирландки мисс Вильмот,

У. Кокса — англичанина, который побывал в России в 1787 г., актрисы Л. Фюзиль); многочисленные мемуары, значительная часть которых была опубликована в выпусках «Чтений в Обществе истории и древностей российских», «Историческом вестнике», «Русском архиве», «Русской старине» и других журналах (фельдмаршала графа Б. Х. Миниха, директора Академии наук и президента Российской академии Е. Р. Дашковой, блестящего писателя и поэта друга Пушкина П. А. Вяземского, статс-секретаря Екатерины II А. В. Храповицкого, первого русского агронома, помещика из Тулы А. Т. Болотова, поэта И. И. Дмитриева, писателя графа В. Соллогуба, кондотьера русской журналистики Н. И. Греча, государственного деятеля А. Д. Блудова, писателя М. Н. Загоскина, обер-прокурора Синода С. Жихарева, видного чиновника Ф. Ф. Вигеля и др.); труды московских историков и краеведов (И. М. Снегирева, А. А. Мартынова, П. Ф. Карабанова, А. Корсакова, П. Бессонова, П. С. Валуева, Н. Соловьева); исторические биографии А. А. Орловой-Чесменской и Фотия (авторы — П. И. Бартенев, Е. П. Карнович и Н. Елагин), Потемкина (П. П. Бекетов), Петра I (Н. А. Полевой), графов Разумовских (А. А. Васильчиков), А. П. Нарышкиной (П. И. Мельников-Печерский), графа Блудова (Е. Ковалевский), семьи Баташевых и др.; путеводители (*Глинка С. Н.* «Путеводитель по Москве... сообразно французскому подлиннику г. Лекоента де Лаво с некоторыми пересочиненными и дополненными статьями); переписка Екатерины II с Гриммом, письма принца Ш. де Линя; сборники документальных материалов (архив князя Воронцова), публикации редких и в то время малоизвестных документов (записка обер-камергера А. А. Нарышкина Александру I по поводу покупки актеров крепостного театра А. Е. Столыпина; прошение И. И. Бецкого Екатерине II о выделении места для строительства Воспитательного дома; записка Екатерины II к князю Волконскому о наказании фальшивомонетчиков; свадебный договор князя Д. Б. Юсупова; объявление антрепренера Медокса в газете «Московские ведомости» о годовой подписке на наем мест и др.); устные предания (об обычае снимать шапку, проходя через ворота Спасской башни; о вековом вязе возле Мытищ, увековеченном А. Ф. Мерзляковым в песне «Среди долины ровныя»; об убийстве фельдмаршала М. Ф. Каменского; о дворцовых интригах против невесты царя Михаила Федоровича Марии Хлоповой, обвиненной в «порче», и др.).

Пыляев использовал при работе над «Старой Москвой» многие уникальные источники: опубликованную в 1775 году историком Г. Ф. Миллером степенную книгу царского родословия, опись Китай-города, роспись Москвы за 1793 год, «Указатель чертежей московским церквам» И. Н. Николаева, изданный за год до «Старой Москвы» биографический словарь И. М. Долгорукова «Капище моего сердца, или Словарь всех тех лиц, с коими я был в разных отношениях в течение моей жизни», книги — М. А. Дмитриева «Мелочи из запаса моей памяти», «Русские предания» Макарова, «Замечательные богатства частных лиц в России» Карновича Е. И., сатирические листки и журналы Новикова и другие редкие издания.

Особую ценность для истории Москвы представляют воспроизведенные Пыляевым тексты на памятниках, большинство из которых не сохранилось. Это надписи над входом в Славяно-греко-латинскую академию и в типографию, над воротами Старого и Нового гостиных дворов, недавно частично раскрытая надпись «желтыми литерами» на Покровском (Василия Блаженного) соборе, тексты древнеславянской вязью и рациональным шрифтом латинского алфавита на московских колоколах, многочисленные эпитафии на могилах родственников Екатерины I — Скавронских, Г. П. Гагарина, А. А. Орловой-Чесменской, архимандрита Фотия, актрис П. И. Ковалевой-Жемчуговой (графини Шереметевой), Е. С. Сандуновой и др.

Значение и достоверность исторических источников, положенных Пыляевым в основу книги «Старая Москва», неравнозначны. Некритическое отношение к ним автора нередко приводило к неточностям и противоречиям. Так, например, нашествие орд Девлет-Гирея на Москву произошло не в 1541, а в 1591 году, когда в память об освобождении от осады кочевников был основан Донской монастырь; зодчие, возводившие в Московском Кремле Грановитую палату, — Марк Фрязин и Пьетро Антонио Солари не были братьями; построенный архитектором В. И. Баженовым дворцовый ансамбль в Царицыне не понравился Екатерине II, которая лично приехала осматривать его в 1785 году, а не Потемкину. Именно императрица заявила, что дворец напоминает острог, и приказала срыть все постройки; де ла Невиль, на книгу которого «Любопытные и новые известия о Московии 1689» ссылается Пыляев, не был посланником польского короля (как установлено исследователями, француз де ла Невиль, иезуит, дипломатический агент Франции в Варшаве, в действительности поставлял информацию о России генералу ордена иезуитов); путано изложена Пыляевым также история Ивана Сумарокова-«Орла», которого сторонники Софьи безуспешно пытались представить исполнителем мнимого заговора Нарышкиных против царя Ивана (см. примеч.); наконец, Пыляеву удалось дважды и в разных местах похоронить царицу Евдокию Лопухину — первую жену Петра I: в Вознесен-

ском монастыре Кремля и в Новодевичьем монастыре, где она действительно похоронена. Этот перечень можно было бы продолжить. Тем не менее Пыляевым поднят огромный пласт исторической действительности, собрана колоссальная информация о Москве и ее жителях, которая представляет значительную ценность, закрывая многие белые пятна истории города. Представленная в его книге в основном на бытовом и, так сказать, на «личностно-биографическом уровне», эта информация требует все же, на наш взгляд, дополнения в виде краткого обзора исторической эпохи.

XVIII век уже давно привлекал к себе особый интерес. Его называли «скандальным», «бесстыдным» и «веселым» веком, «временем случайных людей и неожиданных дел... когда впервые в русской истории на престол села женщина». Многочисленные, подчас меткие и блестящие афористические определения рассматриваемого столетия отмечают обычно лишь одну бросающуюся в глаза характерную примету знаменательной эпохи, которая стала переломной в истории России. У ее начала стоит грандиозная фигура преобразователя — «мастерового» Петра I, а в эпилоге века появляется «коронованный Дон-Кихот», его правнук Павел I. В исторической перспективе XVIII столетие продемонстрировало резкое ускорение темпов общественного развития. Подгоняемая батогами и дубинкой могучего Петра I, Россия стала наверстывать свое отставание от стран Западной Европы — последствие векового татаро-монгольского ига и вражеских нашествий с юга и запада, преодолевать длительную, искусственно насаждаемую изоляцию от «еретического» мира. Именно на XVIII столетие приходятся развитие крупного мануфактурного производства и зарождение капиталистического уклада, знаменовавшего начало кризиса феодально-крепостнической системы, формирование русской нации. В России утвердился абсолютизм — открытая форма диктатуры дворянства, которое перестало на себе чувствовать гнет родовитого боярства.

Заменив Боярскую думу Сенатом, а патриаршество — Синодом, учредив вместо старых приказов новые центральные учреждения — коллегии, систему разветвленного негласного надзора с помощью фискалов, гласного надзора прокуроров и «ока государева» генерал-прокурора Сената, введя «табель о рангах», по которому чины должны даваться тем, кто служит, а не «нахалам и тунеядцам», Петр I породил всесильную бюрократию, чиновничий аппарат управления. Так были созданы условия, позволявшие самодержавно, то есть ничем не ограниченно и бесконтрольно, управлять страной. Парю были подчинены созданные регулярные армия и флот. Он учредил политический сыск во всеоружии хитроумного инструментария жесточайших пыток — Преображенский приказ, с полномочиями государева «слова и дела». Россия была провозглашена империей, а Петр I принял титул императора. Он вел борьбу за выходы России к Черному и Балтийскому морям, которая была продолжена его преемниками и успешно завершилась к концу столетия. Победа в Северной войне открыла России выход к Балтийскому морю и превратила ее в великую европейскую державу, которая стала принимать деятельное участие во всех международных коллизиях того времени. К голосу страны стали прислушиваться при надменных дворах самых могущественных государств.

Политическая история России XVIII столетия насыщена жестокой борьбой интересов и честолюбий, калейдоскопической сменой ничтожных претендентов на престол и громких имен, ссылками и казнями фаворитов судьбы, придворными интригами и альковными похождениями венценосных любвеобильных правительниц. Но дворцовые перевороты, составившие целую историческую эпоху, не выходили за рамки внутриклассовой борьбы феодалов. Она сопровождалась неуклонным расширением дворянского землевладения, массовой раздачей крестьян дворянам (только Екатерина II пожаловала около 800 тысяч государственных крестьян), усилением эксплуатации крепостных.

Крепостнический гнет, приблизившийся к концу века, по словам В. И. Ленина, к «настоящему рабству», породил грозовую атмосферу XVIII столетия, которая сотрясала социальными катаклизмами огромное государство, начиная с народных восстаний в Азове, на Дону и в Башкирии в 1705—1711 годах, до могучего, всесокрушающего «девятого вала» — Крестьянской войны под руководством Емельяна Пугачева в 1773—1775 годах.

Растущее стремление дворянства к участию в политической жизни, его желание непосредственно направлять государственные дела стали явными сразу же после смерти Петра I. Гвардейская казарма приобрела значение противовеса и подчас открытого противника Сената и Верховного тайного совета: на протяжении 38 лет дворянская гвардия пять раз возводила на престол и свергала правителей.

После мрачного десятилетия бироновщины, всеобщей подозрительности, доносов и страха, когда, по выражению В. О. Ключевского, на Россию посыпались, как сор из дырявого мешка, иноземцы, обворовывавшие казну, опивавшие и объедавшие страну на «доимочные деньги», которые выколачивали с «подлого» люда, время правления «дщери Петра» Елизаветы было благоприятно для продвижения страны по пути, намеченному великим реформатором. Вернувшись во многом к петровским принципам внутренней и внешней политики, методам управления,

правительство Елизаветы ликвидировало засилье иноземцев, но сохранило фаворитизм и коррупцию, которые процветали при ее предшественнице — императрице Анне Ивановне. Осуществлялся курс на развитие промышленности и торговли, освоение молодого металлургического района Урала, колонизацию новых земель на востоке и юге. Принимались меры, направленные на укрепление регулярной армии и флота, поднятие престижа Русского государства. Велись войны против Оттоманской Порты и Швеции. Блистательные победы русского оружия были одержаны в Семилетней войне, в ходе которой корпус под командованием З. Г. Чернышева в 1760 году овладел Берлином.

28 июня 1762 года ставшим уже традиционным путем дворцового переворота с помощью гвардейцев Анхальт-Цербстская принцесса была провозглашена императрицей Екатериной II. Ее супруг — внук Петра I император Петр III — был низложен, а затем умерщвлен, как и несчастный «вечный узник» император Иван VI Антонович, убитый в 1764 году при попытке освободить его. Начав с двойного цареубийства свое царствование, к которому честолюбивая императрица тщательно готовилась в течение многих лет, она сделала все, чтобы удержать и упрочить власть в своих руках. Губернская реформа 1775 года и «Грамота на право вольности и преимущества благородного российского дворянства», пожалованная спустя десять лет, предоставили этому сословию, освобожденному от обязательной службы, монопольное право на владение крестьянами и землей. «Грамота на права и выгоды городам Российской империи» в известной степени принимала во внимание интересы купечества и ремесленников. Эти документы юридически закрепили сложившийся в стране сословный строй. Стремясь к популярности, Екатерина вступила в оживленную переписку с Вольтером, Дидро и другими прославленными умами Европы. Заимствуя либеральные идеи Монтескье, Чезаре Беккариа и других просветителей, она подготовила Наказ комиссии из выбранных сословиями депутатов для составления нового Уложения. Эта комиссия вскоре была распущена. Лицемерно разыгранный императрицей спектакль, который имел целью навести интеллектуальный декор на крепостническо-самодержавное государство, А. С. Пушкин заклеймил «непристойно разыгранной фарсой». Этот период правления «Северной Семирамиды», прикрытый либеральной фразой, наиболее характерен для русского «просвещенного абсолютизма». По мнению Я. Л. Барского, знатока истории и литературы XVIII столетия, «ложь была главным орудием царицы; всю жизнь, с раннего детства до глубокой старости, она пользовалась этим орудием, владея им как виртуоз, и обманывала родителей, гувернантку, мужа, любовников, подданных, иностранцев, современников и потомков» (цит. по: *Эйдельман Н. Я.* Грань веков. М., 1986, с. 23).

«Грозная пугачевщина» стала гранью, отделившей в истории России период «просвещенного абсолютизма» от неприкрытой реакции, последующих лет травли ненавистных «санкюлотов» и «якобинцев», последовательной борьбы против влияния Великой французской революции, жестоких гонений на просветителей и революционную мысль. Вместе с тем вторая половина XVIII века отмечена многими дипломатическими успехами и блестящими победами русского оружия в войнах с Турцией в 1768—1774 и 1787—1791 годах. Разгром турецкой армии при Рябой Могиле, возле рек Ларга и Кагул, уничтожение турецкого флота средиземноморской эскадрой в Чесменской бухте, морские победы у Тендры и Калиакрии, подвиг воинов при Фокшанах и Рымнике во время взятия крепости Очаков и самоотверженного штурма Измаила вошли в историю военного искусства.

В результате русско-турецких войн южно-украинские земли были освобождены от турецкого ига, Правобережная Украина воссоединилась с Россией. К ней был присоединен Крым, а Черное море стало открытым для судоходства. После раздела Польши к России отошли Западная Белоруссия, Литва и Курляндия. Успешно завершилась война со Швецией (1788—1790 гг.). Возросло влияние России и на Востоке. В состав Русского государства вошел Младший жуз (орда) Казахстана, укреплялись экономические и культурные связи с народами Поволжья, Приуралья и Сибири. Отечественные землепроходцы достигли Аляски. В 1784 году «Колумб российский» Г. И. Шелехов основал на севере Америки первые русские поселения. На юге возникли новые города: Херсон, Севастополь, Одесса, Ростов-на-Дону, Екатеринодар (Краснодар). Расширению территории соответствовало увеличение численности населения с 15,5 миллиона человек (по первой ревизии 1719 г.) до 37,4 миллиона человек (по пятой ревизии, проведенной в 1795 г.).

XVIII век разжаловал Москву из столиц: в 1712 году двор Петра I переехал в «северную Пальмиру» на берегах Невы. Но уже после воцарения Петра II в 1727 году столица вновь, правда лишь на короткое время, была переведена в Москву и оставалась в ней при Анне Ивановне до января 1732 года. Тем не менее Москва, сохранив значение промышленного и культурного центра, на протяжении всего столетия продолжала играть важнейшую роль в политической жизни страны. Значительно выросли территория и население «второй столицы». В самом начале столетия Москва была ограничена в основном валом Земляного города (по линии современного

Садового кольца), за ним на четыре версты лежали городские «выгонные» земли, тянулись рощи, огороды, поля, частично уже застроенные. Население насчитывало более 100 тысяч человек.

К концу века фактической границей Москвы стал так называемый Коллежский вал длиною свыше 37 километров, который охватывал местности, лежавшие за Земляным валом: Пресню, Сущево, Преображенское, Семеновское, Симоново, Даниловку, Девичье поле и Дорогомилово. За три четверти века население Москвы почти удвоилось, несмотря на гибель 57 тысяч человек во время эпидемии чумы в 1771 году. К 1784 году оно достигло 217 тысяч, а в 1811-м — 275 тысяч человек.

На политическом горизонте России рядом с именами прославленных полководцев появилась плеяда талантливых политиков и дипломатов: Екатерина II умела находить и отличать не только мужскую красоту, но и государственный ум.

Начало XVIII столетия вписало в летопись России имена многих «птенцов гнезда Петрова»: генералиссимуса А. Д. Меншикова, генерал-фельдмаршала Б. П. Шереметева, генерал-адмирала Ф. М. Апраксина, военного и государственного деятеля Я. В. Брюса, канцлера Г. И. Головкина, кабинет-секретаря Петра I А. В. Макарова, дипломатов П. А. Толстого, Б. И. Куракина, поэта, публициста и оратора Феофана Прокоповича и других. Конец столетия достойно пополнил славный перечень именами генерала-фельдмаршала Г. А. Потемкина, президента Коммерц-коллегии и дипломата А. Р. Воронцова, генерал-аншефа А. Г. Орлова, дипломата Н. И. Панина, директора Петербургской Академии наук и президента Российской академии Е. Р. Дашковой, генерал-фельдмаршала П. А. Румянцева-Задунайского, генералиссимуса А. В. Суворова, адмирала Ф. Ф. Ушакова и других.

Трудно переоценить вклад XVIII столетия в развитие русской культуры. Первые печатные газета и учебники, публичные библиотека, театр и музей, первое светское учебное заведение — Навигацкая и математическая школа, основание Академии наук, которыми ознаменовалась первая четверть столетия, были продолжены учреждением Московского университета, Российской академии, объединившей лучшие литературные силы страны, Вольного экономического общества, деятельностью землепроходцев, самородков-изобретателей, ученых, просветителей, писателей, художников и архитекторов. Складывался человек нового типа, свободный от пут «Домостроя» и власти церковного авторитета. XVIII столетие породило такого титана отечественной культуры, как М. В. Ломоносов. Это было время творчества Н. И. Новикова, А. П. Сумарокова, Г. Р. Державина, В. И. Баженова и М. Ф. Казакова, И. П. Аргунова, Ф. С. Рокотова, В. Л. Боровиковского, Д. Г. Левицкого, Ф. Г. Волкова, первого русского революционера — писателя А. Н. Радищева.

В «золотой век» дворянства менялись быт и нравы русского светского общества, о которых повествуется в книге Пыляева. Для дворян, которых XVIII столетие освободило от обязательной государственной службы, «движущей пружиной как воспитания, так и общежития было стремление к развлечению, которое наполняло бы досуг... — пишет В. О. Ключевский. — Внешняя обстановка, развитие роскоши, комфорт материальный, а потом и духовный, точнее, эстетический, доставляющий средства веселого настроения, — вот в чем замечался постоянный успех и над чем настойчиво работало образованное русское общество XVIII в. ...Тогдашнее великосветское общество питалось салонными рассказами о том, кто ввел в употребление шампанское в России, или кто первым заменил сальные свечи белыми восковыми, о том, что граф Алексей Григорьевич Разумовский стал первый носить бриллиантовые пуговицы и что английское пиво, прежде не известное в России, введено было в употребление графиней Анной Карловной Воронцовой и т. п. Но первым героем этих рассказов был деловой, всемогущий, даровитый, роскошный и непутный генерал-фельдцейхмейстер императрицы Елизаветы граф Петр Иванович Шувалов. Все самое дорогое и вкусное соединялось в его доме; он первый в России не только стал кушать ананасы, но и завел большую ананасную оранжерею; даже наскучив обыкновенными иностранными винами, к ужасу истинных гастрономов, стал дома приготовлять вино из ананасов; экипаж его блистал золотом, и он первый завел целую упряжку дорогих английских лошадей; бриллиантовые пуговицы его кафтана были дороже, чем у графа Разумовского. Одним словом, заключали рассказчики, этот роскошный министр имел более 400 тыс. тогдашних рублей (около 2 млн нынешних) дохода, получавшегося из разных открытых и скрытых источников, ухитрился оставить после своей смерти долгов одной казне более миллиона рублей. Мелочная новинка, введенная в великосветское общежитие, разумеется привозная, создавала надолго великосветскую известность виновнику или виновнице нововведения, и в столичных гостиных долго не смолкали об них толки. В царствование Елизаветы барышни Чернышевы привезли из Лондона и ввели в Петербурге английские контрадансы, и это сделало их видными особами в большом свете.

Разумеется, в числе увеселений видное место рядом с балами занимали театральные зрелища. Тогда театр впервые стал серьезным интересом для русского образованного общества, и ему приписывали не только уве-

селительное, но и образовательное значение...

В тяжелой пустоте такого общежития было много трагикомического. Но понемногу эта пустота стала наполняться благодаря усилению охоты к чтению».

Автор книг, повествующих о нравах и быте петербургской знати и московского дворянства, историк и журналист М. И. Пыляев сам происходил из купеческой семьи: его отец был владельцем галантерейной лавки в Гостином дворе.

Биографические сведения об авторе «Старой Москвы» скудно представлены в архивах и разбросаны по различным, преимущественно редким и малодоступным, изданиям. Правда, Пыляеву посвящена предельно сжатая статья в XXV томе Энциклопедического словаря Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона, вышедшем в 1898 году, за год до смерти автора «Старой Москвы». Более полное жизнеописание писателя составлено в наши дни В. Н. Баскаковым для биографического словаря «Русские писатели, (1800—1917)», который подготавливается издательством «Советская энциклопедия».

Известно, что Михаил Иванович Пыляев родился в 1842 году в небольшом старинном городе Гдове (ныне районный центр Псковской области) и до кончины был приписан к местному купечеству. Отец постарался дать своему сыну хорошее для того времени образование: М. И. Пыляев учился в Петербурге в Реформатском училище вместе с Н. А. Лейкиным (впоследствии известный писатель и журналист, редактор журнала «Осколки»), который также родился в купеческой семье.

Свои знания Пыляев неустанно пополнял самообразованием. Он слушал лекции в Харьковском университете и других учебных заведениях, в том числе и за рубежом, так как много путешествовал и хорошо знал немецкий язык. Он совершил поездку в Турцию, Египет и другие страны, объездил почти всю Россию. Богатство жизненных впечатлений, острая наблюдательность, увлечение чтением, театром, неуемная тяга к знаниям и великолепная память, о которой считали необходимым упомянуть многие его знакомые, вполне закономерно привели молодого провинциального купца в столичные артистические и литературные круги. Первые литературные опыты в виде статей по истории театра и отчетов о художественных выставках Пыляев помещал в еженедельном сатирическом журнале «Искра», основанном поэтом-полемистом некрасовской школы и знаменитым переводчиком Беранже В. С. Курочкиным. Братья В. С. и Н. С. Курочкины (последний сменил скальпель военного врача на журналистское перо) были активными членами тайного революционного общества разночинцев. Быть может, именно знакомство с братьями Курочкиными и общение с ними лежат в основе тайны, которой был окутан образ Пыляева. Тульский помещик Н. И. Шатилов, сын президента Московского общества сельского хозяйства, в своих мемуарах, помещенных в журнале истории и литературы «Голос минувшего», рассказывал:

«Обладая удивительной памятью и большими познаниями бытовой и анекдотической стороны нашей истории, Пыляев в обществе был чрезвычайно интересным собеседником, оживлявшим всегда своими рассказами наши воскресные вечера.

Бывал он у нас и в Моховом (имении Шатиловых. — *Ю. А.*) с помещиком Орловской губернии Мацневым, приезжавшим к нам на осенние охоты со своими гончими и борзыми собаками. Говорили, что Пыляеву одно время был воспрещен въезд в столицы, вследствие чего он жил долгое время у Мацнева в его имении Малоархангельского уезда, носившем тоже название Мохового... О себе и своем прошлом он (Пыляев. — *Ю. А.*) никогда не говорил, равным образом он никогда и никому не давал своего адреса, так что, несмотря на долговременное знакомство с ним, его личность и жизнь оставались окруженными какой-то таинственностью» (Голос минувшего, 1916, № 10, с. 66).

С середины 1860-х годов Пыляев сотрудничал также в «Петербургской газете», «Иллюстрации», «Сыне отечества», «Петербургском листке», «Семейном круге», «Родине», «Труде» и в других периодических изданиях.

Первым заметным литературным произведением Пыляева стала книга «Драгоценные камни», изданная в 1877 году. В ней был собран большой материал о примечательных свойствах этих минералов, их местонахождении, использовании, а также об истории наиболее замечательных камней, которые украшают знаменитые ювелирные изделия. Об успехе труда начинающего писателя свидетельствуют два последующих переиздания (3-е изд. — в 1896 г.). Однако известность пришла к Пыляеву после того, как он в 1879 году стал сотрудником газеты «Новое время» и начал помещать на ее страницах многочисленные статьи и заметки о русской старине, большая часть которых позднее вошла в его книги. На страницах «Исторического вестника» появляются публикации Пыляева «Эпоха рыцарских каруселей и аллегорических маскарадов в России», «Полубарские затеи» (о крепостных театрах в конце XVIII столетия), «Наш театр в эпоху Отечественной войны», «Столетие собора Александро-Невской лавры», «Суворов Вас. Ив., генерал-аншеф, отец генералиссимуса», «Записки русских людей» (перечень мемуаров) и др.

Первым крупным литературным произведением Пыляева, которое было посвящено прошлому России, была объемная, богато иллюстрированная книга «Старый Петербург.

Рассказы из былой жизни столицы», изданная А. С. Сувориным в Петербурге в 1887 году. В ней повествовалось об истории города, формировании его архитектурного ансамбля, наиболее примечательных зданиях, таких, как домик Петра I в Летнем саду, Таврический и Зимний дворцы, Михайловский замок и др., содержалась богатая информация о нравах и обычаях различных слоев столичного населения. Автор развернул широкую панораму городской жизни, сообщал о пожарах и наводнениях, освещении и благоустройстве улиц, приводил сведения о строительстве первого моста через Неву, плате за проезд и проход по нему, о столичных извозчиках, каруселях, клубах, общественных увеселениях, азартных играх, модах, зверинце и кладбищах. Значительное место в книге занимают литературные портреты императоров и императриц, их фаворитов, государственных деятелей и полководцев, писателей, артистов, купцов, чиновников, которые в различные исторические эпохи жили в Петербурге. Среди них читатель встречает А. Меншикова, Г. Потемкина, П. Зубова, А. Сумарокова и многих, многих других, упомянутых позже в «Старой Москве». Автор запечатлел также колоритные образы юродивой Аннушки, скопца-лжепророка К. Селиванова и других известных в столице фигур.

Спустя два года выходит в свет книга Пыляева «Забытое прошлое окрестностей Петербурга», которая продолжает его первый труд по истории столицы. В новой книге рассказывается о Петергофе и Царском Селе, дворцах в Стрельне и Ропше, загородных домах и дачах высшей петербургской знати, истории Черной речки и Новой деревни, Петрова, Елагина, Крестового, Каменного, Аптекарского и других островов, мыз Рябово, Озерки и др. В числе действующих лиц фигурируют А. П. Бестужев-Рюмин, А. А. Безбородко, Ф. Прокопович, Ф. И. Мамонов и др., многие из которых были героями первой книги.

Колоссальный материал, собранный Пыляевым для этих книг и частично опубликованный в периодической печати, позволил ему уже на следующий год после выпуска «Старой Москвы» издать еще две книги: «Старое житье» — о старинных русских обрядах, обычаях и укладе домашней и общественной жизни (зрелища, увеселения, азартные игры, праздничные застолья, одежда и т. д.) и «Замечательные чудаки и оригиналы», в которой рассказывалось об исторических лицах, оставивших о себе память неординарностью облика и поступков, странностью привычек и образа жизни. Большая часть из них описана под своими именами, как П. Г. Демидов, Е. И. Костров, фамилии других часто легко расшифровываются под криптонимами.

Человек, несомненно, одаренный, с широким кругом творческих интересов, Пыляев оказался в среде столичной литературно-журналистской богемы с характерными для нее лихорадочно-безудержной погоней за заработком, беззастенчивой эксплуатацией и обманом издателей, лихими попойками, жестокой литературной конкуренцией, мелкой завистью, интригами, игрой честолюбий и амбиций.

После выхода книг, которые приобрели популярность, у Пыляева появились завистники и литературные враги. Он стал объектом травли и подвергался оскорблениям. В Центральном государственном архиве литературы и искусства СССР хранится письмо к Пыляеву «скорбного поэта» Г. Н. Жулева, который помещал свои юмористические стихи и другие произведения в «Искре», «Будильнике», «Петербургской газете», «Петербургском листке» и других изданиях, во многих из которых сотрудничал и Пыляев. Поэт просил извинения за оскорбление, которое нанес ему, ссылаясь на свои «нервы, злость и изводящую работу» (ЦГАЛИ, ф. 1716, оп. 1, ед. хр. 6). В письме к писателю и драматургу А. А. Плещееву — сыну известного поэта, датированном 27—29 октября (но без года), Пыляев доверительно сообщает, что стал жертвой «гнусной интриги»: Г. Н. Жулев, редактор газеты «Новое время» М. П. Федоров и некоторые другие литераторы обвинили его в распространении анонимных писем в редакции газеты и даже подвергли их экспертизе. «Потерял голову, оправдываться позорно — готов броситься в воду. К счастью, есть несколько честных людей, которые верят в мою невиновность... Надо бежать из Петербурга, — но куда?.. у меня виски седые и брюки валятся от худобы — не дай бог никому такого горя выстрадать. Молитва спасла от самоубийства» (Государственный центральный театральный музей, ф. 210, № 78).

Между тем популярность М. И. Пыляева неуклонно росла, несмотря на то, что многие рецензенты обвиняли его творения в компилятивности, отсутствии глубины и стремлении развлечь непритязательного читателя. Но и они не отрицали незаурядной эрудиции автора. Например, анонимный критик в «Историческом вестнике», скрывшийся под псевдонимом «С. Тр-чев», признает, что Пыляев «очень много читал по новой и новейшей русской истории, он хорошо знает по различным сочинениям XVIII и XIX века... (Исторический вестник, 1889, ноябрь, т. 37, с. 430). В некрологе, помещенном в газете «Новое время», П. Быков справедливо отмечал, что Пыляев не похож на ученого-исследователя и «его работы были работами дилетанта, но дилетанта, горячо преданного тому делу, которому он посвятил свою жизнь. Он превосходно умел группировать богатейшие материалы, находившиеся в его распоряжении и главным образом касавшиеся

старого Петербурга, который он изучил в совершенстве до последних мелочей. Обладая отличной памятью, он мог сказать наверняка, чей дом стоял в старину на той или другой улице, объяснить название каждой улицы или переулка; он так и сыпал анекдотами из жизни разных исторических лиц, о многих из них он, что называется, «знал всю подноготную» (Новое время, 1899, 4 (16) февраля, № 8240).

Именно как к знатоку русской старины, к Пыляеву обращались многочисленные корреспонденты. Среди них — известный актер Александринского театра, педагог и критик М. И. Писарев; А. Вольф, переводивший «Медного всадника» на немецкий язык и стремившийся получить ряд конкретных сведений о наводнении 1824 года в Петербурге; Д. Анучин, изучавший историю Павловского кадетского корпуса, которого интересовали история дома графа Воронцова и Тальянского (так в рукописи. — *Ю. А.*) сада на набережной Фонтанки; Ю. Д. Беляев, исследовавший историю русского театра. В Центральном государственном архиве литературы и искусства СССР хранится письмо к Пыляеву литературного патриарха того времени, автора «Деревни» и «Антона Горемыки» Д. В. Григоровича. «Не застав Вас дома, к великому моему сожалению, решаюсь обратиться к вам письменно с своей просьбой. До выпуска Вашей книги мне необходима статья Ваша, в которой говорится о Петровском дворце в Летнем саду. Убедительно прошу Вас на только день — после чего непременно верну ее. Живу я по Офицерской, д. № 13, кв. 26. Уж ежли Вы будете настолько любезны, чтобы исполнить просьбу мою, то довершите любезность, прислав статью эту как можно поспешнее, ибо надобна столь она несколько дней...» (ЦГАЛИ, ф. 1716, оп. 1, ед. хр. 11).

С различными просьбами к Пыляеву обращались прославленная актриса Александринского театра, председатель Русского театрального общества М. Г. Савина, академик живописи В. Д. Орловский, писатель, приват-доцент Петербургского университета П. Н. Полевой, сын издателя «Московского телеграфа», и другие. Литератор В. П. Бурнашев настойчиво предлагал Пыляеву использовать собранный им материал о Петербурге и петербуржцах, разнообразные исторические анекдоты. «Сентября 7 имел честь быть у Вас, — сетует Бурнашев в одном из писем, — но Ваш камердинер-дворник сказал мне, что Вас нет дома, да и вообще Вас никогда нельзя видеть в Вашей квартире, так как Вы уходите с утра и возвращаетесь только к ночи, когда и пишете Ваши статьи». Жалобами на невозможность застать Пыляева у него дома и просьбами сообщить, когда он может принять визитеров, начинаются большинство писем, адресованных автору «Старого Петербурга» и «Старой Москвы».

«Не проходило недели, чтобы Пыляев не получил писем с различными просьбами, — вспоминал А. А. Плещеев, — столетие какого-нибудь здания, учреждения, полка — у Михаила Ивановича постоянно наводили справки, и никто, кроме его, не мог дать в таких случаях ценных указаний и ссылок на редчайшие документы. Он снабжал часто обращающихся к нему и рисунками и гравюрами, которые любил собирать. Мало того, он помнил, у кого какие имеются в Петербурге коллекции, где можно достать необходимые рисунки.

— Обратитесь к П. Я. Дашкову, у него вы все найдете, что вам нужно. Скажите, что я вас направил, — советовал, бывало, Михаил Иванович.

Роясь у всевозможных букинистов, Пыляев не забывал, где что видел, и направлял туда приходивших за всевозможными указаниями. Иногда, впрочем, он делал это неохотно.

— Надо поискать в другом месте, подождите, я поищу для вас. Этот букинист запрашивает огромные деньги, не стоит у него брать.

И обязательный Михаил Иванович бегал по лавчонкам букинистов, чтобы исполнить обещание. Делал он это с удивительной готовностью, как будто для самого себя хлопотал. Любезность этого милого человека не знала границ» (Исторический вестник, 1899, март, с. 971).

Автор этих воспоминаний А. А. Плещеев — «сосед М. И. Пыляева по лестнице» в доме на набережной Фонтанки — почти на полвека пережил его (Плещеев умер в 1944 эмигрантом в Париже, когда завершалось освобождение его родины от фашистских захватчиков). Один из самых близких Пыляеву людей, проводивший с ним нередко целые дни, Плещеев, как никто другой, превосходно знал образ жизни своего друга, его духовные интересы, изучил особенности характера и был в числе немногих избранных, допущенных в заветные пыляевские «чертоги». На страницах мемуаров, изданных как некролог, возникает оригинальная личность автора «Старой Москвы», предлагается разгадка некоторых его странностей, запечатлена бытовая обстановка, окружавшая неутомимого труженика. «Пыляев жил один, без прислуги, занимая две комнатки, которые незаметно с каждым годом заваливал книгами, скупая их на рынках и у букинистов, — вспоминал Плещеев. — В конце концов выросли горы книг, и Михаил Иванович, несмотря на свою память, затруднялся многое найти и предпочитал ходить за справками в публичную библиотеку, где его отлично знали и допускали заниматься в отделениях наиболее редких изданий. Пыляева все знакомые упрекали, что он не ремонтирует, своей квартиры, потолки и стены которой положительно почернели, но Михаил Иванович отлично сознавал, что теперь еще он

мог пользоваться своими книгами, а если их потревожат, станут перетаскивать, то все перепутают и собьют его с толку. Вот почему он отклонял советы ремонтировать с гигиенической целью квартиру и был очень недоволен, когда новый домовладелец настоял однажды и выбелил потолки. В комнате, заваленной книгами, помещался письменный стол Пыляева с грудой бумаг, обрывков, записочек, гравюр и пр., два кресла, диван и кровать. Вот и вся обстановка скромного приюта литературного труженика, где он работал по ночам часто до пяти, шести часов утра. Приют этот был гостеприимным для тех, кто допускался в него, а гостей Пыляев не любил... Не раз я заставал Михаила Ивановича озабоченным, встревоженным и видимо недовольным.

— Что с Вами, Михаил Иванович? — интересовался я.

— Генерал Икс два письма прислал, я не успел зайти к нему, сам приезжал, не застал и завтра опять приедет... Где мне его принимать!

— Что ему нужно?

— Просит сообщить биографические сведения о его прадеде и указать, где он жил перед смертью.

— Да Вы-то знаете ли?

— Нашел кое-какие указания, да принимать у себя очень не люблю.

Михаил Иванович, чтобы избавиться от визита генерала, рано утром бросился к нему и, к своему удовольствию, застал его дома. «Боюсь, чтобы благодарить не приехал, запрусь на ключ!» (Исторический вестник, 1899, март, с. 969—970).

В круг близких знакомых Пыляева входил известный писатель Н. С. Лесков, неоднократно обращавшийся с многими личными просьбами. В письме, датированном 9 августа 1884 года, Лесков писал:

«Разговоры с Вами и Ваша книга «О драгоценных камнях» потянули меня на новые увлечения... Мне неотразимо хочется написать суеверно-фантастический рассказ, который бы держался на страсти к драгоценным камням и на соединении с этою страстию веры в их таинственное влияние: я это начал и озаглавил повесть «Огненный гранат» и эпиграфом взял пять строчек из Вашей книги... Но чувствую, что мне недостает знакомства с старинными суеверными взглядами на камни и хотел бы знать какие-нибудь истории из каменной торговли. На этом останавливаюсь и с этим к Вам прибегаю, как к доброму товарищу и не только дорогому литературному другу, но к такому редкому человеку, который помимо своих специальных знаний понимает, что именно нужно мне для затеваемого мною баснословия вроде «Запечатленного ангела». Укажите мне (и поскорее, пока горит охота) — где и что именно я могу прочитать полезное в моих беллетристических целях о камнях вообще и о пиронах в особенности... Вы очень много знаете, очень образно и живо говорите об этих вещах и очень можете меня наставить» (Щукинский сборник. Вып. 8. М., 1909, с. 193).

Н. С. Лесков не только внимательно следил за творчеством Пыляева, но, будучи признанным стилистом и мастером русского языка, помогал Пыляеву подготавливать рукописи. 19 ноября 1888 года Лесков сообщает Пыляеву: «В «Новом времени» — «Старую Москву» отложили в долготу дней до весны. Так уже это положено и надо выждать время, чтобы попробовать изменить это настроение...» (там же, с. 194). В других письмах Лесков упрекает Пыляева: «Вы стали очень небрежно читать свои статьи», сообщает о том, что отдал переписывать его статью («Заглавие изменил так: Петербургская сторона. Дома именитых людей до р. Мойки»). Особенно интересно письмо, датированное: «27 суббота» (без года), проливающее свет на творческие отношения писателей: «Не позабудьте, Михаил Иванович, что сегодня я Вас жду вечером, в 7 часов и стенографистка будет. Рукописи Ваши подготовил к печати 38 листов. До сих пор наделил XIV глав. Это немножко оживляет течение материи. Ошибки и поспешность везде поправлял. Есть такое: «Идя к нему, проходя через двор, надо было идти». В рассказе о Корейше (известный в Москве юродивый «прорицатель». —*Ю. А.*) есть масса повторений и возвращений на тожде. Этого я уже не стал трогать, но это необходимо исправить, ибо это утомительно и неприятно действует. Есть места по недосмотру совсем непонятные, является сказуемое, а подлежащее, вероятно, только подумано, а не написано. Но таких мало. В субботу Лаврову не отдадим, а в воскресенье посмотрим с Вами вместе и, все пересмотревши, пошлем во вторник по почте. Это будет умнее. Надо бояться первого невыгодного впечатления, которое дает нехорошо досмотренная рукопись» (там же, с. 195—196). Речь, по-видимому, идет о рукописи книги «Замечательные чудаки и оригиналы», тема которой не могла профессионально не заинтересовать Лескова.

Дружеские отношения связывали М. И. Пыляева с И. Ф. Горбуновым — писателем и актером, превосходным мастером устных рассказов из народного быта, который владел также искусством стилизации под старинную русскую речь. Придя однажды к Пыляеву и, по обыкновению, не застав его дома, Горбунов оставил письмо, с юмором характеризующее негостеприимного хозяина: «Письменные хитрости трудолюбивому подвижнику: древних писаний изрядному ревнителю и учителю; сокровенных письмен в них же тайное и неудобосказуемое и блудное описуется; хранителю царствующего града и всех же в нем описателю; в затворе, яко пустынножитель, благопребывающему и в сем благопребывательном житии от умильно

гласных райских птиц превозносимому, пречестнейшему господину Михаилу Ивановичу некто, зовомый Ивашка, сын Федоров, неизмение касаясь честным твоим стопам, много челом бьет. Не один раз толкался аз многогрешный почасту и в колокольник клепал, писано бо есть: «Толдыте и отверзится вам». Но не отверзлись двери и безмолвии быть, яко в пустыне аравийской.

Некий из служителей дому твоему вопросил:

— Кто есть сей толкийся?

Аз же отвещав рече: хощу аз зрити лицо господина твоего.

— Господин мой исходит из дому своего утру глубоку на дело свое и наделание свое до вечера (Псалм. 103, стр. 23).

Пречестнейший мой господин! Отверзи ми дверь, утренеет бо дух мой ко храму твоему» (*Плещеев Александр.* Что вспомнилось. Актеры и писатели. СПб., 1914, т. 3, с. 122—123).

Работа Пыляева протекала не только в библиотеках и архивах. Иногда по утрам он отправлялся на кладбища Петербурга, разыскивал там забытые могилы писателей, деятелей русской культуры и оповещал о них в периодической печати и содействовал их восстановлению. Многое он сделал для сохранения исторических памятников как в Петербурге, так и в Москве. Многолетние занятия в архивах и библиотеках позволили Пыляеву опубликовать в журнале «Исторический вестник» перечень обнаруженных им и неизданных мемуаров, записок и других документов, связанных с видными именами в русской истории и культуре.

Находя радость и жизненный смысл в своем литературном труде, Пыляев, как отмечают современники, был исключительно деликатен в вопросах его оплаты. В некоторых печатных изданиях, которые пытались утвердиться в литературе, он вообще отказывался от гонорара, хотя для него он совсем не был лишним. Этим пользовались многие беззастенчивые издатели. Н. С. Лесков сочувствовал Пыляеву по поводу «гадости» (т. е. низкого гонорара), устроенной «Сергием Злочинцем» — С. Н. Шубинским — редактором журнала «Исторический вестник». Уже в конце жизни Пыляев сообщает А. А. Плещееву, что за год напряженной работы ему ничего не заплатил Н. С. Худеков — редактор «Петербургской газеты» (ГЦТМ, ф. 210, № 334).

Пыляева нередко упрекали в недостоверности сообщаемых им сведений. Однако не всегда эти упреки были достаточно обоснованы и чаще относились к использованным им историческим источникам. А. А. Плещеев, например, придерживается иной точки зрения:

«В своих работах М. И. Пыляев был всегда точен, и ошибался тот, кто предполагал, что он утрировал, описывая какого-нибудь чудака или оригинала. Пыляев заимствовал данные из хороших источников и не любил иллюстрировать факты собственной фантазией. Ошибки в таких работах, впрочем, неизбежны и случаются не по вине автора.

— Пренеприятное письмо я сегодня получил, — сообщил мне как-то Михаил Иванович.

— От кого?

— Описал одного оригинала, думал, что он умер, а он жив! Пишет, что ему девяносто два года и что пить он действительно пил, но пьяницей никогда не был. О нем несколько раз упоминается в различных мемуарах, но он не читал, а мой фельетон попался ему в руки. Придется сослаться на источник» (Исторический вестник, 1899, март, с. 970—971).

«Живая энциклопедия», Пыляев великолепно помнил колоссальное количество фактов, событий из русской истории, имена, даты рождения и смерти, биографические подробности множества государственных и военных деятелей, ученых, артистов, литераторов. Будучи признанным авторитетом в области изучения русской старины, он обладал поразительно широким кругом интересов. Библиофил, нумизмат, минералог, искусствовед, графолог, знаток истории и спорта, специалист по части старинных струнных инструментов, Пыляев к тому же увлекался народной медициной. Он рисковал давать медицинские советы многим своим знакомым: А. А. Плещееву (по поводу «потов»), П. В. Фетисову (о минеральных водах), И. Ф. Горбунову и другим. Слава о петербургском «Парацельсе», как называл Пыляева последний, дошла и до престарелого поэта А. А. Фета. В своем письме из усадьбы Степановка (без даты) он писал:

Monsieur Пыляев!

В крайнем мучении с передним зубом я вспомнил, что Вы искусны по этой части и имеете нужные для вырывания инструменты.

Надеюсь, Вы будете так обязательны подать страждущему соседу (Пыляев гостил у знакомого помещика. — *Ю. А.*) помощь.

Посылаю лошадей и прошу приехать завтра в среду утром, ибо у нас ночевать по причине перестройки буквально негде.

Исполнением моей убедительной просьбы Вы равно обяжете меня как человек и как хирург. Любезным хозяевам Вашим наш общий с женой прошу передать поклон.

С совершеннейшим уважением имею честь быть, милостивый государь.

Ваш всегда готовый к услугам А. Фет».

Медицинской практике Пыляева посвятил один из своих искрящихся юмором устных рассказов И. Ф. Горбунов:

«Мишу помню давно. За кулисами у нас в Александринском театре он сделался своим человеком. Носил нам из отцовской лавки в Гостином дворе парфюмерию. Его все любили, и когда Миши не было за кулисами, как

будто кого-то не хватало. Вдруг Миша пропал! Нет Миши! Исчез и ни слуху, ни духу... Из Петербурга исчез. Разыскивали мы его, справлялись — пропал. Актеры сожалели. Много времени спустя приезжаю я в Воронеж рассказывать и сижу в местном саду за столиком. Подходит ко мне знакомый воронежский помещик.

— Как, спрашиваю, вы поживаете?

— Да я ничего... жена вот очень больна, кому не показывал, толку нет.

— Надо бы с знаменитыми докторами посоветоваться.

— Непременно... Я за этим в городе! Сегодня как я узнал, приехал ваш знаменитый врач.

— Кто такой?

— Михаил Иванович Пыляев.

Тут мы встретились с Мишей и провели несколько дней. На другой год в Орле я был и разговорился со знакомой старухой, помещицей, мужа которой хорошо знал.

— Все ли благополучно у вас? — спрашиваю.

— На скоте какая-то болезнь, боимси, не чума ли?

— А что же господа ветеринары?

— Ничего в толк не возьмут, но вот приехал из столицы замечательный ветеринар.

— Кто такой?

— Пыляев Михаил Иванович, много помог уже...

— Миша...

Потом мы с Мишей гостили вместе у помещика, и там он тоже практиковал, делал операции, давал снадобья, и все ему были благодарны. Однажды Миша пошел погулять и пропал. День ждем, два ждем, три... думали — утонул. Дали знать становому, всему начальству. Пропал и вещи оставил. Три месяца прошло, и вдруг получаем от него письмо из Египта». (*Плещеев А.* Что вспомнилось. Актеры и писатели. СПб., 1914, т. 3, с. 161—162).

Своими медицинскими советами Пыляев поставил на ноги тяжело больного генерала В. И. Асташева, которого собирались везти для излечения за границу. Так между писателем и миллионером-меценатом родилась ничем не омраченная дружба. Они совершили совместную поездку в Сибирь, во время которой Пыляев познакомился с золотыми приисками генерала, собрал богатую коллекцию минералов. Результатом нового увлечения писателя явилась уже упоминаемая нами книга «Драгоценные камни».

Дружба с В. И. Асташевым сыграла значительную роль в жизни Пыляева, позволяя проявить присущие ему высокие нравственные качества. «Михаил Иванович не раз указывал ему (В. И. Асташеву) на бедных, нуждающихся людей, — вспоминал А. Плещеев, — к которым генерал приходил на помощь, избегая при этом малейшей огласки. Как счастлив был Пыляев, когда сознавал, что благодаря доброте Вениамина Ивановича ему удавалось спасти кого-нибудь от горькой нужды, прийти на помощь к бедному в тяжелую минуту. Михаил Иванович рассказывал мне, что генерал Асташев, узнав от него о том, что две, три могилы знаменитых русских писателей пришли в такую ветхость, что скоро будут стерты с земли, просил его поехать и возобновить памятники. Делалось все это не ради искания популярности, а, напротив, незаметно, и таким фактам не придавалось никакого значения» (Исторический вестник, 1899, март, с. 672).

Незлобивый и сердечный, далекий от литературных интриг, Пыляев оставил о себе благодарную память. Характеризуя нравственный облик писателя, современники вспоминали о том, что он был добрым, отзывчивым, жизнерадостным человеком, обладал юмором и наблюдательностью, был очень разборчив в знакомствах. Отличительной чертой Пыляева было трудолюбие. Он скончался, отмечалось в некрологе, как солдат на посту, среди книг. На письменном столе осталась незаконченная рукопись «Анекдоты и случаи из жизни Пушкина», которую он готовил к предстоящим торжествам 100-летия со дня рождения поэта.

Литературное наследство Пыляева определить точно чрезвычайно затруднительно, так как многие статьи и заметки он не подписывал. В 1903 году, когда переиздавалась книга «Старый Петербург», сестра Пыляева, вдова коллежского советника Е. И. Пацевич, продала право на издание всех его сочинений штабс-капитану А. Ф. Адойе за 400 рублей, но уже вскоре опекунша последнего перепродала литературное право М. И. Пыляева за половину этой стоимости. (ЦГАЛИ, ф. 1716, оп. 1, ед. хр. 10).

Коммерческая сделка оказалась невыгодной для нового владельца: произведения Пыляева после его смерти более уже не переиздавались. Наименее счастливой из них была судьба «Старой Москвы». Наше время восстанавливает эту литературную несправедливость. Думается, что современный читатель оценит по достоинству оригинальный труд, обогащающий наше представление о прошлом Москвы.

Творческий портрет М. И. Пыляева существенно отличается от образа академического ученого. Автор «Старой Москвы» занимает другую «нишу» в антологии отечественной культуры. Он принадлежал к широко распространенному в России типу историков-краеведов, «биографов» и бытописателей ее городов. Бескорыстные энтузиасты, фанатически одержимые сбором сведений о достопримечательностях, хранители устных преданий и рукописей, раритетов, связанных с историей городов и их жителями, они, как правило, видели в этой деятельности смысл

жизни, жертвуя всем. Собранные этими знатоками богатства чаще всего исчезали столь же бесследно, как и они сами, оставляя в памяти потомства лишь репутацию чудаков, оригиналов и людей высокой нравственной чистоты. Но в отличие от менее удачливых коллег М. И. Пыляев смог реализовать в литературе свой колоссальный труд летописца «обеих столиц».

Редкая книга М. И. Пыляева представляет интерес не только как богатое содержанием историко-литературное произведение. «Старая Москва» — ценный художественно-полиграфический памятник своего времени. Она принадлежит к числу так называемых «роскошных» подарочных книг, которые принесли известность и славу А. С. Суворину как издателю.

Труд Пыляева иллюстрируют множество старинных гравюр и литографий, изображающих городской пейзаж и московские достопримечательности: Кремль, его башни, Царь-колокол, Терема, а также древние палата, жилые дома и дворцы знати, великолепные ансамбли монастырей, панорамы улиц, бульвары, пруды. Запечатлены также бытовые уличные сценки, торжества и развлечения: маскарады, кулачные и петушиные бои, бега. Заметное место среди иллюстраций занимают редкие литографированные портреты москвичей, о которых рассказывается в книге. Большая часть из них в то время находилась в частных собраниях и была известна лишь узкому кругу специалистов. Автору пришлось проявить незаурядный прирожденный дар следопыта-коллекционера, для того чтобы обнаружить, собрать и опубликовать этот интереснейший материал. Вот почему, представляя современному читателю его книгу, «Московский рабочий» стремился максимально приблизить это издание к факсимильному.

Юрий АЛЕКСАНДРОВ

ОТ АВТОРА

*Настоящая книга составлена мною по тому же плану,
как и ранее изданные сочинения мои «Старый Петербург»
и «Забытое прошлое окрестностей Петербурга».
Я не имел в виду написать полную историю Москвы,
а лишь собрал здесь устные сказания современников и те сведения о ней,
которые рассеяны в русских и иностранных сочинениях
и которые рисуют преимущественно быт и нравы первопрестольной столицы
в прошлом и начале нынешнего столетия.
Многие из рисунков, воспроизведенных в настоящем издании,
появляются в печати в первый раз и заимствованы главным образом
из богатого и всегда радушно открытого для занимающихся
драгоценного собрания гравюр П. Я. Дашкова.*

ГЛАВА I

Москва при Екатерине II. — Улицы и мостовая. — Рогатки и фонари. — Характеристика высшего общества того времени. — Роскошь нарядов, экипажей и пр. — Модный молодой человек. — «Новоманерные петербургские слова». — Великосветский жаргон. — Тетушка Петровской эпохи. — Жизнь на улицах в праздники. — Кулачные бои. — Место народных гуляний. — Рысистые бега. — Святочные катанья по городу. — Полицийместер Эртель и граф А. Орлов. — Праздники в Москве во время коронации Екатерины II. — Поездка царицы на поклонение мощам святителя Сергия. — Описание торжеств в лавре. — Уличный маскарад. — «Торжествующая Минерва». — Авторы этого зрелища: Волков, Сумароков и Херасков. — Характеристика А. П. Сумарокова и Хераскова. — Церковь св. Кира и Иоанна в память восшествия императрицы на престол. — Павловская больница. — Проект Воспитательного дома. — Постройка здания. — Пожертвования П. А. Демидова. — Чудачества Демидова. — Переписка с Бецким. — Благотворительная деятельность последнего

Москва при императрице Екатерине II жила еще верная преданиям седой старины. По рассказам современников, в ней можно было найти много такого, до чего еще не коснулась эпоха преобразований Петра Великого.

Старина в Москве сохранялась не только в общественном быту, но и во внешнем устройстве города.

Москва при Екатерине II представляла несколько сплошных городов и деревень. Сама государыня, когда говорила про Москву, то называла ее «сосредоточием нескольких миров».

Имя города Москве давали только каменные стены Кремля, Китая и Белого города. Настоящий же город строился не по плану заморского зодчего [1], а по прихоти каждого домохозяина, хотя Бантыш-Каменский [2] в биографии князя В. Голицына [3] и говорит, что в угоду этому боярину было построено в Москве до 3000 каменных домов, но вряд ли это было на самом деле. Улицы были неправильные, где чересчур узкие, где не в меру уже широкие, множество переулков, закоулков и тупиков часто преграждались строениями.

Дома разделяли иногда целые пустоши, иногда и целые улицы представляли не что иное, как одни плетни или заборы, изредка прерываемые высокими воротами, под двускатной кровлей которых виднелись медные восьмиконечные кресты, да и о жизни на дворах давали знать лаем одни псы в подворотнях.

Дома богатых людей ютились на широких дворах в кучах вековых дерев; здесь царствовало полное загородное приволье: луга, пруды, ключи, огороды, плодовые сады.

К богатым барским усадьбам прилегала большая часть густо скученных простых деревенских изб, крытых лубком, тесом и соломой. На улицах существовала почти везде невылазная грязь и стояли болота и лужи, в которых купалась и плескалась пернатая домашняя птица.

Большая часть улиц не была в те времена вымощена камнем, а по старому обычаю мощена была фашинником [4] или бревнами. Такие улицы еще существовали в Москве до пожара 1812 года. Грязь с московских улиц шла на удобрение царских садов, и ежегодно это удобрение туда свозилось по нескольку сот возов *. Насколько непроходимы были улицы Москвы от грязи, видно из того, что иногда откладывались в Кремле крестные ходы.

Мостить улицы камнем стали в Москве с 1692 года, когда Петр Великий издал указ, по которому повинность мостить камнем московские улицы разложена была на все государство **. Сбор дикого камня распределен по всей земле: с дворцовых, архиерейских, монастырских и со всех вотчин служилого сословия, по числу крестьянских дворов, с десяти дворов один камень, мерою в аршин [5], с другого десятка — в четверть, с третьего — два камня, по

* См.: И. Забелин. «Домашний быт русских царей». «Отеч. зап.», 1851 г., № 3.

** См.: «Хроника общественной жизни в Москве», ст. И. Забелина, с. 7.

полуаршину, наконец, с четвертого десятка — мелкого камня, чтобы не было меньше гусиного яйца, мерою квадратный аршин. С гостей и вообще торговых людей эта повинность была разложена по их промыслам. Все же крестьяне, в извозе или так приезжавшие в Москву, должны были в городских воротах представлять по три камня ручных, но чтоб меньше гусиного яйца не было.

На ночь большие улицы запирались рогатками, у которых сторожа были из обывателей, рогатки вечером ставились в десять часов, а утром снимались за час до рассвета. Сторожа при рогатках стояли иные с оружиями, другие же с палками или «грановитыми дубинами». При опасностях сторожа били в трещотки.

Первые рогатки в Москве учреждены были при Иоанне III [6], в 1504 году; у них стояли караулы и никого не пропускали без фонарей; за пожарами наблюдала полиция с башенок, называемых тогда «лантернами»; последние устраивались над съезжими дворами. Первые фонари в Москве были зажжены осенью 1730 года, во время пребывания двора в Москве; поставлены они были на столбах, один от другого на несколько сажень; фонари были в первое время слюдяные.

Некоторым обывателям, у которых окна выходили на улицу, позволялось ставить на окнах свечи; как последние, так и фонари горели только до полуночи. В 1766 году всех фонарей на столбах было 600; в 1782 году фонарей было уже 3500 штук, а в 1800 году фонарей в Москве стояло до 6559 шт. Каждый фонарь в первое время по постановке обошелся казне по одному рублю. На больших улицах расставлены фонари были через 40 сажень; по переулкам, от кривизны их, против этого вдвое.

В екатерининское время московское высшее общество было далеко не на высокой ступени умственного и нравственного развития — под золотыми расшитыми кафтанами таились старинные грубые нравы.

Такие противоречия заставили литераторов того времени выступить с обличительным протестом против нравов высшего общества, где на первом плане была только одна мода. По требованиям моды роскошь в костюмах доходила до крайностей: бархат, кружева и блонды [7], серебряные и золотые украшения считались необходимыми принадлежностями туалета. Кафтаны носились с золотым шитьем и с золотым галуном, и не носить такого кафтана для светского человека значило быть осмеянным. Щеголь должен был иметь таких дорогих кафтанов по нескольку и как можно чаще переменять, шубы были бархатные, с золотыми кистями; на кафтанах тоже подле петель привешивались иногда кисти, а на шпаге ленточка; манжеты носились тонкие, кружевные, чулки носили шелковые, со стрелками, башмаки с красными или розовыми каблуками и большими пряжками; имели при себе лорнет, карманные часы, по нескольку золотых, иногда осыпанных бриллиантами, табакерок с миниатюрными портретами красавиц или с изображением сердца, пронзенного стрелой, и другие драгоценные безделки; на пальцах множество колец, а в руках трость.

Но особенное внимание щеголей было обращено на головную уборку: завивание волос, пудру и парики. Убрать голову согласно с требованиями светских приличий, как для мужчин, так и для женщин, было хлопотливое и нелегкое искусство. Волосы были завиваемы буколь в двадцать и более, щеголи просиживали за таким занятием часа по три и по четыре. Кудри завивали наподобие «заливных труб и винных бочонков», как острил журнал «Пустомеля».

Вот как, по свидетельству сатирических листков, проводил свое время модный молодой человек, носивший в екатерининское время названия: щеголя, вертопраха и петиметра [9]. «Проснувшись он в полдень, или немного позже, первое мажет лицо свое парижскою мазью, натирается разными соками и кропит себя пахучими водами, потом набрасывает пудреман и по нескольку часов проводит за туалетом, румяня губы, чистя зубы, подсурмливая брови и налепливая мушки, смотря по погоде петиметрского горизонта. По окончании туалета он садится в маленькую, манерную карету, на которой часто изображаются купидоны со стрелами, и едет вскачь, давя прохожих, из дома в дом».

В беседе с щеголихами он волен до наглости, смел до бесстыдства, жив до дерзости; его за это называют «резвым ребенком». Признание в любви он делает всегда быстро; например, рассказывая красавице о каком ни на есть любовном приключении, он вдруг прерывает раз-

говор: «Э! Кстати, сударыня, сказать ли вам новость? Вить я влюблен в вас до дурачества», — и бросает на нее «гнилой взгляд». Щеголиха потупляется, будто ей стыдно, петиметр продолжает говорить ей похвалы.

После этого разговора щеголиха и петиметр бывают несколько дней безумно друг в друга влюблены. Они располагают дни свои так, чтобы всегда быть вместе: в «серинькой» * едем в английскую комедию, в «пестринькой» бываем во французской, в «колетца» — в маскараде, в «медный таз» — в концерте, в «сайку» — смотрим русский спектакль, в «умойся» — дома, а в «красное» — ездим прогуливаться за город. Таким образом, петиметр держит ее «болванчиком» до того времени, как встретится другая.

На жаргоне петиметров было много слов, буквально переведенных с французского языка, такие слова назывались «новоманерные петербургские слова». Современная комедия не раз осмеивала этот язык. «Живописец» [10] Новикова приводит интересные образцы этого модного щегольского наречия.

Например, слово «болванчик» было ласкательное — его придавали друг другу любовники, оно значило то же, что idole de mon âme (*фр.* — кумир моей души): «Ах, мужчина, как ты забавен! Ужесть, ужесть! Твои гнилые взгляды и томные вздохи и мертвого рассмешить могут». Маханьем называлось волокитство. «Ха, ха, ха! ах, монкер, ты уморил меня!» — «Он живет три года с женою и по сю пору ее любит!» — «Перестань, мужчина, это никак не может быть, три года иметь в голове своей вздор!» «Бесподобно и беспримерно» в особенном новом смысле, например: «Бесподобные люди! Она дурачится по-дедовски и тем бесподобно его терзает, а он так темен в свете, что по сю пору не приметил, что это ничуть не славно и совсем неловко; он так развязен в уме, что никак не может ретироваться в свете». На простом языке эти странные слова без смысла обозначали следующее: «Редкие люди! Она любит его постоянно, а он совсем непонятлив в щегольском обхождении и не разумеет того, что постоянная любовь в щегольском свете почитается тяжкими оковами; он так глуп, что и сам любит ее равномерно».

Московские франты в конце XVIII в. По рисунку Делабарта

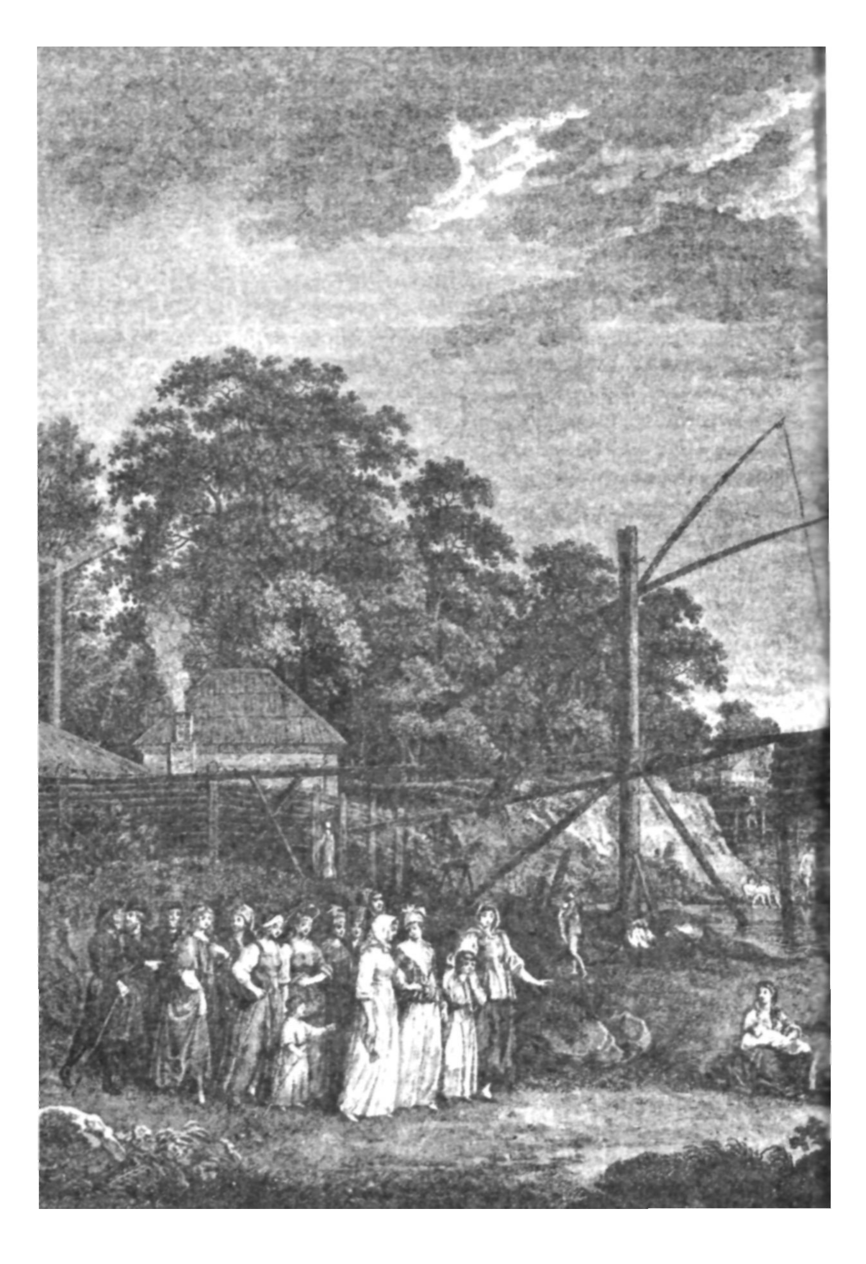
Разговоры между дамами и мужчинами преимущественно касались любовных похождений, страстных признаний и сплетен двусмысленного содержания о разных знакомых лицах; волокитство было и общим развлечением, и целью. При такой снисходительности всякая шалость, прикрытая модою, почиталась простительною. Нежная, предупредительная любовь между мужем и женою на языке модного света называлась смешным староверством. Торжество моды было тогда, если муж и жена жили на две раздельные половины и имели свой особенный круг знакомых: жена была окружена роем поклонников, а муж содержал «метрессу», которая стоила больших денег.

Но, несмотря на приведенные нами крайности, порожденные французским влиянием, в тогдашнем московском обществе еще много сохранялось старины. Сатирические журналы рисуют этих представителей старины, разумеется, в карикатуре, и на них нельзя опираться, как на документы. Но в известной

---

* Модные названия дней недели: «серинький» — понедельник, «пестринький» — вторник, «колетцо» — среда, «медный таз» — четверг, «сайка» — пятница, «умойся» — суббота, «красное» — воскресенье.

Вид Серебрянских бань и окружающей их местности в конце XVIII столетия. С гравюры Делабарта 1796 г.

степени их показания все-таки заслуживают внимания.

Во «Всякой Всячине» [11], например, описывается визит молодого племянника у старой тетки: «Не успел последний войти к ней и поклониться, как она закричала на него: «Басурман, как ты в комнаты благочинно войти не умеешь?» Я извинился, говоря, что я так спешил к ней подойти, что позабылся. Она глядела на него, нахмурившись, в комнате было темно, тетка сидела на кровати, племянник хотел поцеловать ее руку, но тут встретил непреоборимые препятствия. Между ними находились следующие одушевленные и неодушевленные предметы. У самой двери стоял, направо, большой сундук, железом окованный; налево множество ящиков, ларчиков, коробочек и скамеечек барских барынь. При конце узкого прохода сидели на земле рядом слепая между двумя карлицами и две богадельницы. Перед ними, ближе к кровати, лежал мужик, который сказки сказывал; далее странница и две ее внучки, девушки-невесты, да дура. Странница с внучками лежали на перинах; у кровати занавесы были открыты, вероятно от духоты, ибо тетушка была одета очень тепло: сверх сорочки она имела лисью шубу. Несколько старух и девок еще стояло

у стен для услуг, подпирая рукою руку, а сею щеку. Их недосуги живо изображало растрепанное убранство их голов и запачканное платье. Племянник так и не достиг со своим поклоном к тетке, он передавил человек пять и перебил множество посуды и в конце концов был очень рад, что кой-как выскочил поздорову из комнат своей родственницы».

Если можно было встретиться с таким образом жизни в дворянском быту, то еще проще была в то время жизнь посадских людей и простолюдинов.

Например, когда богатый человек едал на серебре десятки кушаньев, простолюдин ел хлеб пополам с соломой, лебедой, спал прямо на полу в дыму с телятами и овцами, а летом и осенью простой народ прямо спал на улицах; на Москве-реке и Яузе мылись лица обоего пола, прямо, открыто на воздухе, стирали свое белье. Ниже мы прилагаем изображение Серебрянских бань на реке Яузе — бани эти существовали еще в XVI столетии. В виду этих бань в приходе Николы в Воробьине стоял некогда родовой дом драматурга А. Н. Островского [12]. Здесь талантливый писатель написал целый рой своих неувядаемых комедий. Теперь в доме Островского открыто распивочное заве-

дение и как раз, где помещался письменный стол бессмертного художника, стоит стойка кабатчика. Описывая картину тогдашнего уличного быта, мы находим, что на «Вшивом рынке» собиралась целая толпа мужчин, которые там стриглись, и от этого рынок был постоянно устлан волосами, будто ковром.

Посадские и простой народ летом ходили в халатах или рубахах, а зимою носили тулупы, крытые китайкою [13] или нанкою [14]; летом на головах имели круглые шляпы и картузы, а зимою шапки и меховые картузы. Отличительным нарядом женщины простого сословия было покрывало, которое называлось накидкою. Накидки обыкновенно были ситцевые, но зажиточные носили «канаватные» [15] с золотом — бывали такие накидки ценою по сто рублей и более; выйти без такой накидки из дома почиталось за стыд; обыкновенная одежда баб состояла из рубашки с широкими рукавами и узенькими запястьями.

У пожилых женщин был у рубашек высокий ворот и широкий воротник, юбка и душегрейка [16] или шушун [17] — последние были разных покроев; голову повязывали платком. В старину все купчихи носили юбки и кофты, а на головах платки; последние были парчовые [18], глазетовые [19], тканые, с золотыми каймами, шитые золотом, битые канителью [20]; бывали платки по сто и более рублей; дамы, как в богатых, так и в бедных домах, носили бумажные вязаные колпаки. По праздникам же выходили на улицу в дорогих кокошниках [21], убранных жемчугом и драгоценными камнями; на шее было «перло» (жемчужная нитка).

В праздничные дни все женщины являлись на улицу — старые садились на скамейках или на «завалинках» у ворот и судачили, молодые качались на улицах на качелях и досках. Зимою катались женщины и мужчины на коньках по льду, также катались на салазках с гор.

Русские бани зимой. С гравюры Демартра начала XIX столетия

Московский Кремль в начале XVIII столетия. С гравюры того времени Бликланда

В Китай-городе, позади Мытного двора [22], была устроена такая катальная гора известным Ванькой Каином [23]; она долго после него носила название Каиновой. Зимою народ также в праздничные дни собирался на льду на кулачные и палочные бои. Охотники собирались в партии, таким образом составляли две враждебные стороны. По свисту обе стороны бросались друг на друга и бились жестоко, многие выходили навек из битвы изуродованными, других выносили мертвыми.

Вступая в единоборство, кулачные бойцы предварительно обнимались и троекратно целовались. В екатерининское время на Москве кулачным ратоборством славился половой из певческого трактира Герасим, родом ярославец; это был небольшого роста мужик, плечистый, с длинными мускулистыми руками и огромными кулаками.

Этого атлета где-то отыскала княгиня Е. Р. Дашкова [24] и рекомендовала чесменскому герою графу Орлову [25]; последний был большой охотник до таких ратоборств. В зимнее время знаменитые кулачные бои составлялись под старым Каменным [26], или Троицким [27], мостом, под которым была мельница, и речка Неглинная для этого запружалась; от запрудки здесь образовывался широкий пруд, почти во всю длину теперешнего верхнего кремлевского сада. В кулачных боях принимало участие и высшее тогда дворянское сословие. В дни, когда не было боев, охотники до рысаков потешались на борзых конях, в маленьких саночках, либо в пошевнях [28].

Здесь же об масленице строились горы, балаганы (комедии) и было народное гулянье, где знать московская, чиновники и горожане со своими семействами проезжали кругом гулянья, простые же люди скатывались с гор; женщины толпились около комедий и шатров бакалейных. Молодежь же фабричная собиралась в то время на подгородках и билась на кулачки. Подгородками назывались два места на берегах той же Неглинной, одно выше Курятного, или Воскресенского, моста [29], под стеною Китай-города, по левому берегу Неглинной до старого пушечного, или полевого, двора, или место, где теперь стоят Челышева бани [30] и где фонтан [31] с площадью; все это пространство называлось Верхним подгородком.

Другой, Нижний подгородок, был на месте нынешнего нижнего кремлевского сада, что между Троицкими и Боровицкими воротами. Ни по тому, ни по другому подгородку проездов не было. Чаще же охотники до рысистого бега выезжали кататься по набережной

Москвы-реки, от Устьинского Неглинного моста до Москворецкого, где теперь старая кремлевская набережная, либо в село Покровское, или за Москву-реку на Шаболовку, потому что набережная в то время, немощеная и не обложенная камнем, была малопроезжа и потому просторна для рысистого бега.

Улицы Покровского села, Старой Басманной и Шаболовки всегда были широки, длинны, просторны, гладки и без ухабов и бойков, которые по проезжим улицам Москвы выбивались обозными лошадьми, обыкновенно идущими одна за другою вереницею и ступая одна за другою след в след.

Рысистая охота гоняться друг за другом в то время жила только в купеческом сословии. Ездили купцы обыкновенно в одиночку на легких козырных санках [32] с русскою упряжью; резвых рысаков в то время называли «катырями»; ни красота статей, ни порода не принимались в расчет, требовалась одна резвая рысь, скачь осмеивалась.

Чиновная знать и дворяне-помещики катались по всем лучшим московским улицам в городских санях каретной работы на манежных кургузых [33] лошадях, с немецкою упряжью. Сани были богатой нарядной отделки с полостями, с кучерскими местами и запятками, на которых стояли лакеи или гусары, а иногда и сами господа.

Сани бывали двухместные, большие, с дышлами, запрягались парою, четвернею, иногда и шестернею — цугом [34]. Бывали и особенные беговые сани-одиночки, без кучерского места; у них была на запятках сидейка, на которой сидел верхом человек. Эти санки наружно отделывали пышно, с бронзою или в серебре, внутри обивали ярким трипом [35], полость такого же цвета, подпушенная мехом; оба полоза своими загнутыми головами сходились вместе на высоте аршин двух от земли и замыкались какою-нибудь золоченою либо серебряною фигурою, например головою Медузы [36], Сатира [37], льва, медведя, с ушами сквозными для пропуска вожжей. Лошадь была манежная, кургузая, в мундштуке с кутасами [38] и клапанами, в шорах с постромками, впрягалась в две кривые оглобли, с седелкою, без дуги.

Охотник садился в барское место, сам правил вожжами, на запятках сидел верхом гусар, держал легкий бич, щелкал по воздуху и кричал: «Поди, поди, берегись!» Такие святочные катанья продолжались до 1812 года.

Проездки и кулачные потехи на пруду существовали только до 1797 года; в этом году мельница под каменным Троицким мостом уничтожена, Неглинный пруд спущен, горы с комедиями переведены на Москву-реку, к Воспитательному дому [39]. По кремлевскому берегу, который до этого был в природном виде, стали от самого Каменного до деревянного Москворецкого выводить из камня набережную. Да притом в это время поступивший новый обер-полицеймейстер Эртель строго запретил на улицах скорую езду.

Почти в эти же годы приехал в Москву на постоянное свое житье чесменский герой граф А. Г. Орлов, устроил свой бег под Донским [40] и начал кататься в легких беговых саночках, с русскою упряжью, как ездят и теперь. Вся московская знать стала искать с ним знакомства и с его позволения стала выезжать к нему на бег, строго подражая ему в упряжке, и с этого времени немецкие нарядные санки стали свозиться в железный ряд на Неглинную, как старье, и тут в пожар 1812 года они сгорели чуть ли не все. В летнее время охотники до конского бега из купеческого сословия выезжали на Московское поле, между заставами Тверскою и Пресненскою, либо на Донское поле, что было между улиц Серпуховскою и Шаболовскою; оба эти места были песчаны, широки и малопроезжи.

Охотники катались на дрожках-волочках — это были те же беговые дрожки, только пошире, на железных осях, без переднего щитка. Эти волочки и послужили графу Орлову образчиком для беговых дрожек теперешнего вида. В двадцатых годах нынешнего столетия появился для такого катанья новый вид дрожек, который у извозчиков слыл под именем «калиберца».

В тридцатитрехлетнее царствование Екатерины II Москва видела много веселых и тяжелых дней [41]. Веселые дни начались с приездом императрицы для коронации 13-го сентября 1762 года *.

* Описание коронации императрицы Екатерины II взято из имеющейся у нас рукописи того времени.

В этот день состоялся торжественный въезд государыни.

Улицы Москвы были убраны шпалерами из подрезанных елок, на углах улиц и площадях стояли арки, сделанные из зелени с разными фигурами.

Дома жителей были изукрашены разноцветными материями и коврами. Для торжественного въезда государыни устроено несколько триумфальных ворот: на Тверской улице, в Земляном городе, в Белом городе, в Китай-городе Воскресенские [42] и Никольские в Кремле.

У последних триумфальных ворот встретил Екатерину II московский митрополит Тимофей с духовенством и сказал императрице поздравительную речь. Въезд государыни был необыкновенно торжествен, Екатерина ехала в золотой карете, за ней следовала залитая золотом свита. Клики народные не смолкали.

Чин коронования * происходил в воскресенье; стечение народа в Кремль началось еще накануне, хотя в тот день шел большой дождь; в день же коронования утро было пасмурно, но к вечеру погода разгулялась. По первому сигналу из 21 пушки в пять часов утра все назначенные к церемонии персоны начали съезжаться в Кремлевский дворец [43], а войска построились в 8 часу около соборной церкви и всей Ивановской площади [44].

В 10 часу затрубили трубы и забили в литавры [45], и по этому сигналу двинулась процессия в церковь. Государыня между тем, во внутренних своих покоях приготовившаяся к священным таинствам миропомазанию [46] и причащению [47], вошла в большую аудиенц-камеру, куда уже все регалии из сенатской камеры принесены были и положены на столах по обе стороны трона.

Когда все государственные чины собрались, императрица села под балдахин в кресла свои. В это время духовник государыни, Благовещенского собора [48] протопоп Феодор, стал кропить святою водою путь государыни.

Как только государыня из дворца вышла на Красное крыльцо, начался звон во все колокола и военная салютация. При приближении к соборным дверям государыню встретил весь церковный синклит, до двадцати архиереев [49] и более сорока архимандритов во главе с архиепископом новгородским, который поднес государыне для целования крест; митрополит московский окропил святою водою. Государыня села на приготовленный ей престол.

В это время она надела на себя порфиру [50] и орден Андрея Первозванного [51], а когда возложила на себя корону, то на Красной площади произведена была стрельба. После этого все чины двора принесли ей поздравление, а новгородский архиепископ Дмитрий сказал ей поздравительное слово.

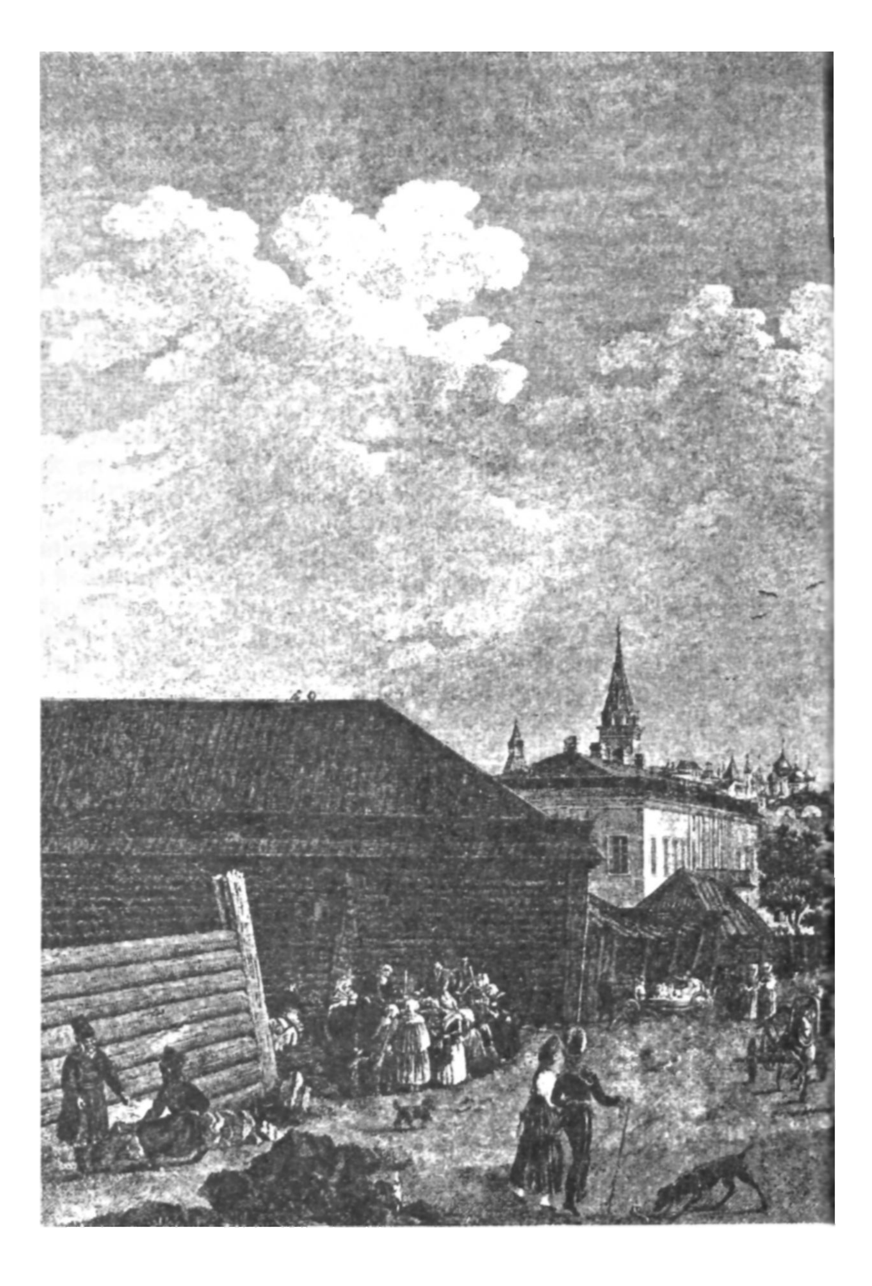
Выход из храма был не менее торжествен — все войска при виде государыни в короне и порфире производили салютации. Государыня пошла в Архангельский собор [52], где поклонилась усопшим предкам, после этого в Благовещенский собор и там приложилась к святым мощам и затем возвратилась во дворец.

Императрица Екатерина в своей аудиенц-камере села под балдахин и жаловала многих разными милостями. Потом царица отправилась в Грановитую палату [53], где происходил обед.

Во время стола исполнялся концерт на хорах, вокальный и инструментальный. По окончании стола государыня возвратилась в свои покои, и в тот день ничего более не происходило. При наступлении ночи весь дворец кремлевский и все публичные строения, как и колокольня Ивана Великого [54], были иллюминованы.

В полночь государыня вышла инкогнито на Красное крыльцо и любовалась на иллюминацию. В эту ночь, по словам очевидца, вся Москва пылала огнями; на выстроенных ко дню приезда государыни триумфальных воротах горели разные щиты: на одном был представлен гелиотроп (цвет, подобный солнцу), а под ним гора с надписью: «От всего мира видима буду»; на других виднелся меч с надписью: «Закон управляет, меч защищает»; на других воротах представлен орел, держащий в когтях громовые стрелы, надпись гласила: «Защищение величества»; на других виднелся царский жезл с надписью: «Жезл правости, жезл царствия твоего»; на других был изображен вензель Екатерины, поддер-

* Государыня выехала из Петербурга почти инкогнито 1-го сентября и прибыла в Подмосковье, село Петровское, 9-го сентября. На переезд государыни из Петербурга потребовалось 19 000 лошадей и около 80 000 народа.

Вид Московского Кремля со стороны Каменного моста в 1799 г. С гравюры Делабарта

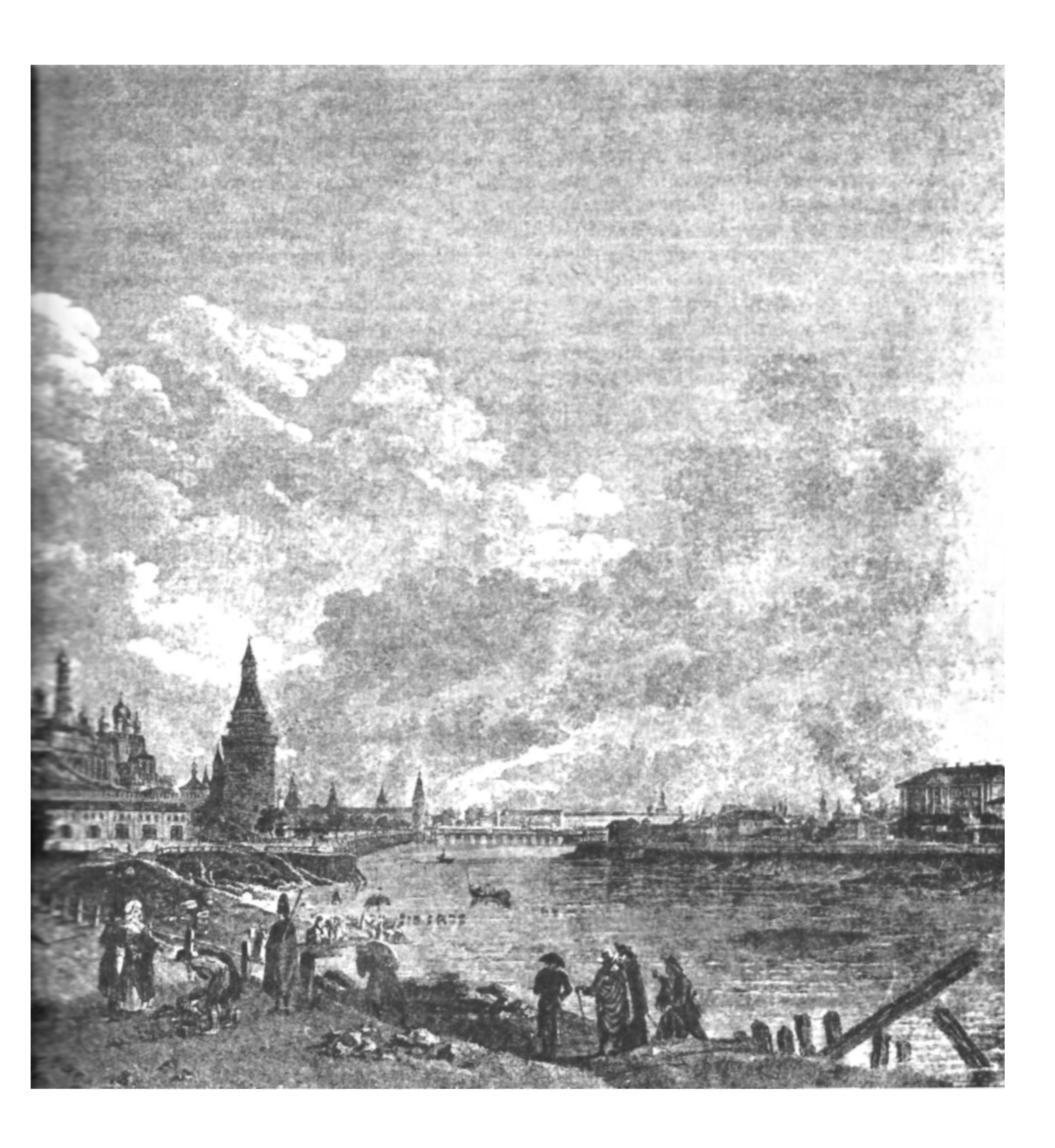
живаемый ангелами, а под ним Россия, с надписью: «Слава Богу, показавшему нам свет»; на порталах изображена была радуга с надписью: «Предвестие вёдра»; на следующих четыре части света, из которых Европа «особливо весело себя оказывала». Повсюду виднелись крылатые «гениусы» и «фамы», «которые в трубы поздравление говорили».

В довершение всего этого, напротив самого Кремля, к Замоскворечью, был сожжен великолепный фейерверк.

На шестой день после коронации Екатерина II дала праздник для народа. Народное празднество происходило на Красной площади и на Лобном месте [55].

В день праздника по улицам разъезжали торжественные колесницы, украшенные резною позолотой, на которых стояли жареные быки, лежали пирамидами дичь и разного сорта хлеб. За этими колесницами тянулись роспуски [56], установленные посеребренными и позолоченными бочками меда и пива.

На Красной площади стояло множество столов с различными яствами. Там же были устроены фонтаны, которые били красным и белым вином. Тоже и на некоторых перекрестках главных

улиц были столы для бедных, где их угощали закусками и питиями.

Близ Кремля к этому дню были разбиты шатры, украшенные разноцветными флагами, где раздавались пряники и разные сладости народу.

В других местах возвышались балаганы и амфитеатры, где представляли акробаты, фокусники, ходили по канату персияне и т. д. Сама императрица, в сопровождении большой свиты, разъезжала по улицам Москвы, любуясь народным празднеством; в это время окружавшие ее герольды [57]; бросали в народ серебряные жетоны. Такие празднества в Москве продолжались целую неделю.

После коронационных празднеств Екатерина отправилась в Троицкую лавру; путь императрицы отличался необыкновенною торжественностью. Государыня выехала из Москвы 17-го октября и прибыла в лавру в тот же день в восьмом часу. У ворот обители были расположены по бокам сорок молодых воспитанников в белых одеждах, с венцами на головах и с пальмовыми ветвями в руках; при прибытии императрицы они запели следующий кант: [58]

Гряди, желаннейшая мати,
Гряди с дрожайшим Павлом к нам,

Гряди от гроба дар прияти
В созданный чудотворцем храм...
и пр.

Это пение продолжалось до самого входа императрицы в храм; при вступлении в церковь певчие запели: «Достойно есть»; в это время государыня прикладывалась к святым мощам, после чего ей было возглашено многолетие.

При торжественных кликах многолетия государыня вышла из храма; здесь опять на паперти встретили ее семинаристы и запели уже другой кант:

Приди, Екатерина,
Вторая к нам Елизавет,
Надежда всех едина,
Приди, о презлатых нам лет,
И Павла возведи с собою,
Идуща спешною ногою.

Во время этого шествия продолжалась пушечная пальба и колокольный звон. Придя в приготовленные покои для императрицы, архимандрит [59] с братиею и учителями поднес хлеб-соль, наместник лавры Иннокентий произнес торжественную речь и затем еще пели канты семинаристы.

На другой день после литургии государыня со свитой обедала у настоятеля лавры, осматривала ризницу и различные церковные древности, потом отправилась в семинарию в богословскую палату, где были собраны как учителя, так и воспитанники, одетые «в белом с золотыми травами платье», имея в руках ветви и зеленые на головах венцы, ожидая с наичувствительнейшим желанием свою всемилостивейшую видеть государыню и, как токмо собрание юношества увидело монархиню, радостию сердечно взыграв, воспели следующий кант:

Сидящей на Российском троне
Вы, музы, в вашем Геликоне [60]

Бег в Москве в конце прошлого столетия. С английской гравюры того времени

Коронование императрицы Екатерины II. С гравюры Колпашникова

Приличный стих воспойте
И радость в нас откройте,
Сокрытую в сердцах.
Дни ваши ныне преблаженны,
Ликуй, ликуй, Парнас [61] священный,
Зря на Екатерину,
Надежду всех едину;
Науки продолжай...

и т. д.

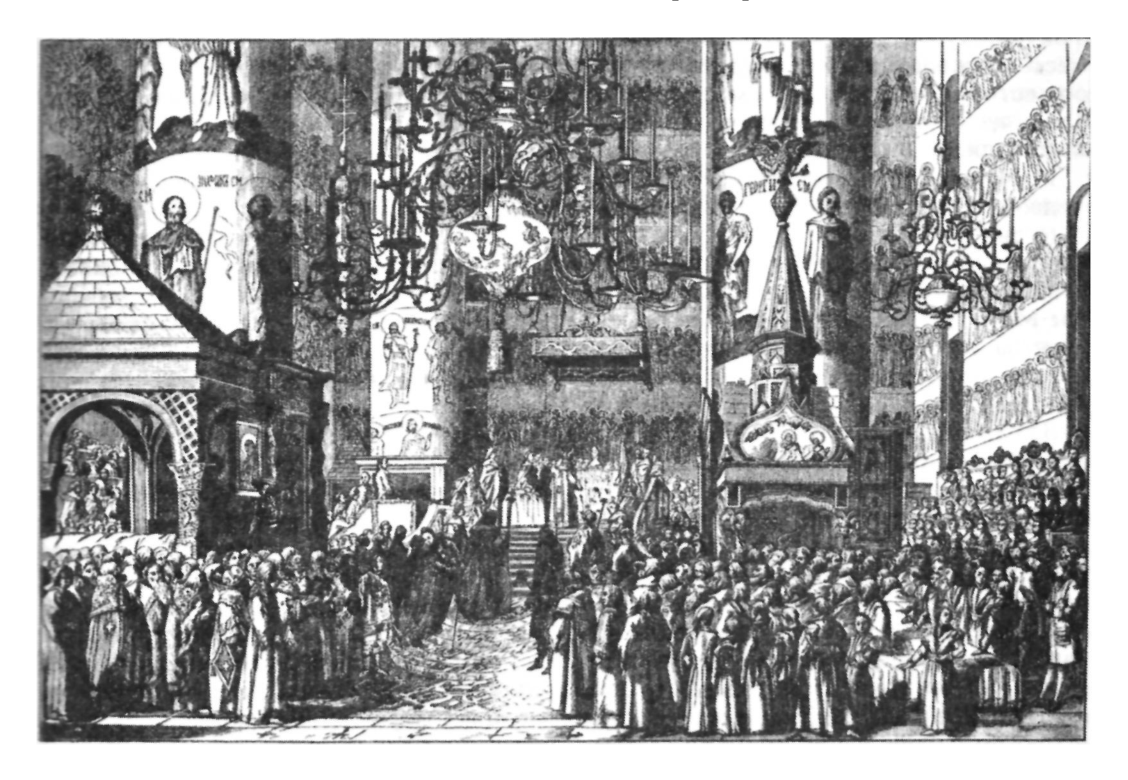
После этого канта ученики приветствовали государыню на русском, латинском и греческом языках, стихами и речами. В заключение сказал речь ректор семинарии Платон и затем настоятель лавры Лаврентий поднес государыне оду; последняя начиналась так:

Не может толь нас веселить
Весна своей красою,
Ни в жаркий день кто прохладить
Сердца всех нас водою.
Коль ты пришествием своим,
Дражайшая наша мати...

и т. д.

Государыня после осматривала библиотеку семинарии; в тот же вечер Екатерина посетила опять семинарию, где давалась ученикам драма [62] «О Царе Навуходоносоре [63] и трех отроцех в пещи». По преданию, эта драма тянулась очень долго; по окончании представления вся лавра была иллюминована.

«В субботу, поутру, 19-го октября, государыня, приложившись к мощам, при колокольном звоне и пушечной пальбе, изволила выдти за святые ворота, потом «седши в линию, путь в царствующий свой град восприяла в начале девятого часу, при сем производилась пушечная пальба с колокольным звоном. Проезжая слободою Клементьевою, изволила в народ бросить деньги» *.

Императрица после коронации из первопрестольной не уезжала, а пробыла там целую зиму. Москва в дни пребывания государыни увидела невиданные до этого празднества и маскарады. Роскошь и великолепие последних доходила до сказочного волшебства.

Так, первый такой грандиозный маскарад был дан в последние дни масленицы. Устройство этого маскарада было препоручено придворному актеру Федору Григорьевичу Волкову [64]; всех действующих лиц в нем было более четырех

* Подробности о посещении Троицкой лавры императрицей Екатериной II берем из имеющейся у нас рукописи того времени.

тысяч человек; двести огромных колесниц были везены запряженными в них волами, от 12 до 24-х в каждой.

Маскарад назывался «Торжествующая Минерва» *[65]. В нем, как гласило печатное объявление, «изъявится гнусность пороков и слава добродетели». Маскарад в течение трех дней, начиная с десяти часов утра и до позднего времени, проходил по улицам: Большой Немецкой, по обеим Басманным, по Мясницкой и Покровской.

По возвращении последнего к горам начиналось всеобщее катанье, на театре давались кукольные комедии, «фокус-покус и разные телодвижения»; вместе с желающими смотреть на это торжество в масках и без маски вызывались из публики желающие «бегатьси на лошадях».

Маскарадное шествие открывалось предвозвестниками торжества с большою свитою и затем разделялось на отделы; перед каждым отделом несли особенный знак. Первый знак был посвящен Момусу или «Упражнение малоумных»; за ним следовал хор музыки, кукольщики, по сторонам двенадцать человек на деревянных конях.

За ними ехал верхом «Родомант»-забияка, храбрый дурак; подле него шел паж, поддерживая его косу. После него шли служители Панталоновы, одетые в комическое платье, и Панталон-пустохват в портшезе [66]; потом шли служители глупого педанта, одетые Скарамушами, следовала сзади и книгохранительница безумного враля; далее шли дикари, несли место для арлекина, затем вели быка с приделанными на груди рогами; на нем сидел человек, у которого на груди было о к н о, — он держал модель кругом вертящегося дома.

Эту группу программа маскарада объясняла так: Мом, видя человека, смеялся, для чего боги не сделали ему на грудях окна, сквозь которое бы в его сердце можно было смотреть; бык смеялся, для чего боги не поставили ему на грудях рогов и тем лишили его большей силы, а над домом смеялся, отчего нельзя его так сделать, что если худой сосед, то его поворотить на другую сторону. За этой группой следовал «Бахус» [69], олицетворяя «Смех и бесстыдство».

Картина представляла пещеру Пана [70], в которой плясали нимфы [71], сатиры, вакханки [72], сатиры ехали на козлах, на свиньях и обезьянах. Колесница Бахуса заложена была тиграми.

Здесь вели осла, на котором сидел пьяный Силен [73], поддерживаемый сатирами, наконец, пьяницы тащили сидящего на быке толстого краснолицего откупщика [74]; к его бочке были прикованы корчемники и шесть крючков, следовали целовальники [75], две стойки с питьем, на которых сидели чумаки [76] с балалайками. Эту группу заключал хор пьяниц.

Третья группа представляла «Действие злых сердец»: она представляла ястреба, терзающего голубя, паука, спускающегося на муху, кошачью голову с мышью в зубах и лисицу, давящую петуха. Эту группу заключал нестройный хор музыки; музыканты были наряжены в виде разных животных.

Четвертое отделение представляло «Обман»; на знаке была изображена маска, окруженная змеями, кроющимися в розах, с надписью: «Пагубная прелесть»; за знаком шли цыгане, цыганки, пьющие, поющие и пляшущие колдуны, ворожеи и несколько дьяволов. В конце следовал Обман в лице прожектеров и аферистов.

Пятое отделение было посвящено посрамлению невежества; на знаке были изображены: черные сети, нетопырь [77] и ослиная голова. Надпись была: «Вред непотребства». Хор представлял слепых, ведущих друг друга; четверо, держа замерзших змей, грели и отдували их. Невежество ехало на осле. Праздность и Злословие сопровождала толпа ленивых.

Шестое отделение было «Мздоимство»; на знаке виднелись изображения: гарпия [78], окруженная крапивой, крючками, денежными мешками и изгнанными бесами. Надпись гласила: «Всеобщая пагуба». Ябедники и крючкотворцы открывали шествие, подьячие шли с знаменами, на которых было написано «Завтра». Несколько замаскированных длинными огромными крючьями тащили за собою зараженных «акциденциею»,

* «Торжествующая Минерва» была выпущена в крайне ограниченном числе экземпляров. Объяснительные стихи к этому маскараду писал М. М. Херасков [67], а хоры сочинял А. П. Сумароков [68]. Машины и аксессуарные вещи к нему делал итальянец-машинист Бригонций.

Троице-Сергиева лавра в XVIII столетни. С гравюры того времени Малютина

т. е. взяточников, обвешанных крючками, поверенные и сочинители ябед шли с сетями, опутывая и стравливая идущих людей; хромая «правда» тащилась на костылях, сутяги и аферисты гнали ее, колотя в спину туго набитыми денежными мешками.

Седьмое отделение было — мир навыворот или «превратный свет»; на знаке виднелось изображение летающих четвероногих зверей и человеческое лицо, обращенное вниз. Надпись гласила: «Непросвещенные разумы». Хор шел в развратном виде, в одеждах наизнанку, некоторые музыканты шли задом, ехали на быках, верблюдах; слуги в ливреях везли карету, в которой разлеглась лошадь; модники везли другую карету, где сидела обезьяна; несколько карлиц с трудом поспевали за великанами; за ними подвигалась люлька с спеленатым в ней стариком, которого кормил грудной мальчик. В другой люльке лежала старушка, играла в куклы и сосала рожок, а за нею присматривала маленькая девочка с розгой; затем везли свинью, покоющуюся на розах. За нею брел оркестр певцов и музыкантов, где играл козел на скрипке и пел осел. Везли Химеру [79], которую расписывали маляры и песнославили рифмачи, ехавшие на коровах.

Восьмое отделение глумилось над спесью; знак был — павлиний хвост, окруженный нарциссами, а под ними зеркало с отразившеюся надутою харею, с надписью: «Самолюбие без достоинств».

Девятая группа изображала «Мотовство и бедность». На знаке виден был опрокинутый рог изобилия, из которого сыпалось золото; по сторонам курился фимиам [80]. Надпись гласила: «Беспечность о добре». Хор шел в платьях, обшитых картами; шли карты всех мастей, за ними следовала слепая Фортуна [81], затем счастливые и несчастные игроки. Брели и нищие с котомками.

Шествие замыкала колесница Венеры [82] с сидящим возле Купидоном [83]. К колеснице были прикованы гирляндами цветов несколько особ обоего пола. Затем шла Роскошь с ассистентами-мотами. Хор поющих бедняков и скупцов в характерных масках. За сим начиналось самое торжественное и великолепное из всего маскарада: первою катилась колесница Юпитера [84] и затем следовали персонажи, изображающие золотой век. Впереди виднелся хор аркадийских пастухов, за ними следовали пастушки и шел хор отроков с оливковыми ветвями, славя дни золотого века и пришествие Астреи на землю. Двадцать четыре часа, в блестящей золотом одежде, окружали золотую колесницу этой богини; последняя призывала радость, вокруг нее теснились толпой стихотворцы, увенчанные лаврами, призывая мир и счастие на землю. Далее являлся уже целый Парнас с Музами и колесница Аполлона; потом шли земледельцы с их мирными орудиями, несли мир и жгли в облаках дыма военные оружия.

Затем следовала группа Минервы [85] с добродетелями: здесь были науки, художества, торжественные звуки труб и удары литавр предшествовали колеснице Добродетели; последнюю окружали маститые старцы в белоснежной одежде с лаврами на головах. Герои, прославленные историей, ехали на белых конях, за ними шли философы, законодатели; хоры отроков в белых одеждах с зеленеющими ветвями в руках предшествовали колеснице Минервы и пели хвалеб-

ные гимны. Хоры и оркестры торжественной музыки гремели победоносные марши.

Маскарадное шествие заключалось горой Дианы [86], озаренной лучезарными светилами.

Три дня двигалась эта процессия по московским улицам. Несмотря на холодную погоду, все окна, балконы и крыши домов были покрыты народом. Императрица смотрела на маскарад, объезжая улицы в раззолоченной карете, запряженной в восемь неаполитанских лошадей, с цветными кокардами на головах. Екатерина сидела в ало-бархатном русском платье, унизанном крупным жемчугом, с звездами на груди и в бриллиантовой диадеме.

За нею тянулся огромный поезд высоких, тяжелых золотых карет с крыльцами по бокам, карет, очень похожих на веера, на низких колесах; в каретах виднелись распудренные головы вельможных царедворцев, бархатные или атласные кафтаны, расшитые золотом или унизанные блестками, с большими стальными пуговицами и т. д.

В других осмистекольных ландо [87] сидели роскошно одетые дамы в атласных робронах [88] и калишах на проволоке, в пышных полонезах, в глазетовых платьях и длиннохвостых робах [89] с прорезами на боку, с фижмами [90] или бочками; головы были также распудрены; сзади карет стояли лакеи, одетые турками, гусарами, арабами, албанцами.

В день этого народного маскарада во дворце была играна итальянская опера «Иосиф Прекрасный в Египте». Автору Ф. Г. Волкову, по словам его биографа Н. И. Новикова [91], маскарад этот стоил жизни.

Разъезжая верхом для наблюдения за порядком маскарада, он сильно простудился, вскоре слег в постель и через два месяца скончался. Волков составлял программу этого маскарада не один; его сотрудником был известный в то время драматург Александр Петрович Сумароков. Он был и первым директором российского театра. Сумароков писал во всех родах поэзии — современники ставили его наравне с Мольером [92] и Расином [93], плакали от его драм и смеялись до слез, любуясь его комедиями. Большие похвалы ему воздавал и великий Вольтер [94].

Про Сумарокова существует множество анекдотов, характеризующих его вспыльчивость и доброе сердце. Он первый ввел разговоры актеров со сцены на злобы дня; так, узнав, что дети профессора Крашениникова [95], известного описателя Камчатки, остались после смерти отца в бедности, он заставил одного из героев своей комедии сказать с подмостков сцены следующее: «Отец ездил в Камчатное и в Китайчатое государство, а дети ходят в крашенине [96] и потому Крашенинниковыми называются».

Монолог актера попал в цель, кто-то из вельмож исходатайствовал пенсию несчастным у императрицы. Другой раз, встретив раненого офицера, который просил милостыню, он, не имея при себе денег, снял с себя мундир, шитый золотом, и отдал офицеру, а сам возвратился домой в кафтане своего лакея и тотчас же отправился во дворец к государыне просить для бедного пособия.

Несмотря на такие порывы великодушия, этот сострадальный человек в минуты гнева ломал палки на спинах своих бедных подчиненных актеров единственно за то, что они плохо декламировали стихи. Сумароков умер в Москве 1-го октября 1777 года и похоронен в Донском м о н а с т ы р е, — могила его у самой задней ограды, прямо против Святых ворот Донского монастыря *. На месте, где был погребен Сумароков, теперь лежит профессор Московского университета П. С. Щепкин.

Сотрудником Сумарокову, при составлении стихотворной программы маскарада, данного во время коронации, был тоже известный стихотворец Мих. Матв. Херасков **; это был очень угрюмый, важный и напыщенный человек.

В нежной юности с ним случилось очень странное приключение; его нянька посадила на окошко, а в то время проходила толпа цыган, которые и похитили его. К счастью, вскоре вспомнили о цыганах, догнали их и отняли ребенка.

Не случилось бы последнего, Херасков пел бы цыганские песни, а не героев нашей истории. В доме Хераскова собирались по вечерам все московские литераторы и читали свои литературные

---

* См.: «Биографический словарь» проф. Московского университета, т. II, с. 447.

** Херасков, действ. тайн. сов., 1733—1809, куратор Московского университета, автор первого русского романа «Кадм и Гармония» и также первых русских эпопей «Россиада» и «Владимир».

Воспитательный дом в Москве. С гравюры начала XIX столетня

произведения, и, как говорит Дмитриев[97], похвала Хераскова всегда ограничивалась одними словами: «Гладко, очень гладко!»

Херасков, как и Сумароков, был страстный любитель до театральных представлений; при нем в университете существовал постоянный театр с богатым гардеробом, а также и свой собственный у него в доме. На первом театре играли студенты и даже женские роли исполняли они же. Так, известный впоследствии профессор П. И. Страхов на этом театре являлся в роли «Семиры», очаровывая зрителей и самого автора А. П. Сумарокова.

С подмостков этого же театра перешли на московский публичный театр два студента, Иванов и Плавильщиков[98], — первый был известен на сцене под именем актера Калиграфова. П. И. Страхов нередко игрывал и в операх у Хераскова на домашнем театре, хотя не знал нот и не имел голоса. Вот как, по словам Страхова, проходили такие исполнения на сцене: «Херасков непременно хотел, чтобы я исполнял в его опере «Добрые солдаты» первую роль молодого «Пролета». Надо было угождать доброму начальнику, и вот я разыгрывал ее пополам с превосходным университетским тенором Мошковым, тогда еще гимназистом; он пел мои арии за кулисами, а я лишь расхаживал по сцене, размахивал руками и молча разевал рот, как будто бы пел. Наш капельмейстер, глухой Керцелли, мастерски поддерживал оркестром нашу хитрость, и после никто из зрителей не хотел даже верить нашим проделкам».

В первые годы царствования Екатерины II Москва увидела много новых построек. Так, в ознаменование восшествия государыни на престол была воздвигнута на Солянке, «на Кулишках», по плану архитектора Бланка, церковь во имя св. Кира и Иоанна. Храм был освящен митрополитом Амвросием, в присутствии самой императрицы, в 1768 году. В этой церкви сохраняется «царское место», нарочно устроенное для этого дня. В этой церкви имеется придел во имя Живоначальной Троицы. Из надписи, находящейся на доске над дверями, видно, что на этом месте была церковь во имя Троицы и что в пожар 1754 года она сгорела, и в 1758 году церковь опять возобновлена и освящена митрополитом Тимофеем.

В год пребывания Екатерины II в Москве, после коронации, был издан указ о крытии гонтом в Кремле и Китай-городе казенных и частных зданий, и в этот же год государыня повелела открыть Воспитательный дом *, сперва

* До этого времени никаких приютов для бедных детей и подкидышей не было; только по указу Петра I их принимали в ничтожном числе и воспитывали в Новодевичьем[99] и Андреевском[100] монастырях. До Петра основал «приемницу сирот» митрополит Иов в Холмской Успенской обители. В Петербурге для бесприютных дом основан в 1714 г.

в Китае-городе и затем уже, в следующем году, в Белом городе, в день рождения государыни.

В 1763 году, в память выздоровления наследника престола, была устроена еще Павловская больница [101] за Серпуховскими воротами. Мысль основать Воспитательный дом в Москве принадлежала Ив. Ив. Бецкому [102].

В своей записке он просил государыню для постройки дома дать место, так называемое «Гранатный двор» (последний стоял там, где теперь правая сторона Воспитательного дома; он принадлежал Пушечному двору, основанному во времена царя Феодора), с Васильевским садом подле Москвы-реки, со всею около лежащею казенною землею и строением, купно с отданною от Адмиралтейства мельницею, что на Яузе, и старую городскую стену употребить в строение. Эта стена, вероятно, тогда еще существовала и простиралась от Белого города по берегу Москвы-реки к стене Китай-города. Васильевский сад был посажен отцом Иоанна Грозного, великим князем Василием IV.

На постройку этого здания открылась добровольная подписка по церквам всей России. Сама государыня с наследником была первая вкладчица.

Апреля 21-го 1764 года, в день рождения государыни, при громе пушек, состоялась закладка здания. Генерал-фельдмаршал П. С. Салтыков [103] первый положил камень в основание этого здания, с надписью означения времени заложения и с двумя медными досками, на которых было вырезано на латинском и русском языках следующее: «Екатерина вторая, императрица и самодержица всероссийская, для сохранения жизни и воспитания в пользу общества в бедности рожденных младенцев, а притом и в прибежище сирых и неимущих родильниц, повелела соорудить сие здание, которое заложено 1764 г. апреля 21-го дня».

В день закладки, в ознаменование благотворения, было собрано более пятидесяти бедных невест и отдано с приданым замуж за ремесленников, и затем более тысячи человек бедных в этот день были угощаемы обедом.

В память закладки была выбита медаль с изображением на одной стороне поясного портрета государыни, а на другой стороне изображена была Вера, имеющая на голове покрывало и держащая в правой руке крест; облокотившись на постамент при церковном здании, она повелевает «Человеколюбию», представленному в образе жены, поднять найденного на пути ребенка и отнести в основанный милосердием государыни дом. Вверху, кругом, видны слова Спасителя: «И вы живы будете» (Иоанн, гл. XI, ст. 19), внизу за чертою: «Сентября 1-го дня 1763 года», т. е. день учреждения.

В 1771 году при этом Воспитательном доме был учрежден известным своими причудами и странностями Прокофием Акинфиевичем Демидовым *[104] «Родильный институт». Демидов на это учреждение прислал Бецкому 200 000 рублей.

Когда Демидов, в 1772 году, посетил Воспитательный дом, то опекунский совет поднес последнему золотую медаль и благодарственное свидетельство, до сих пор сохраняющееся в портретной галерее дома; оно написано на пергаменте и украшено миниатюрною живописью, превосходно исполненною академиком Козловым. По поводу этого посещения было напечатано тогда в «Московских ведомостях» [105] стихотворение под заглавием «Вывеска к жилищу Прокофия Акинфиевича Демидова». Вот начало этого стихотворения:

Демидов здесь живет,
Кой милосердия пример дает,
Свидетель в том
Несчастным дом.

Польщенный таким приемом, Демидов подарил Воспитательному дому большой каменный дом свой, находившийся на Донской улице, в приходе церкви Ризположения [106].

Несмотря на внимание и почет, которые опекунский совет постоянно оказывал Демидову, последний своими причудами и дурачествами немало причинял ему огорчений и очень часто приводил это почтенное учреждение «в недоумение». Так, например, узнав, что опекунский совет крайне нуждается в деньгах, обещал сперва дать взаймы 20 000 руб., но вместо денег прислал в него четыре скрипки по числу членов:

* Прокофий Акинфиевич Демидов на разные благотворительные учреждения в течение своей жизни пожертвовал около полутора миллионов рублей.

Вырубова, Умского и князей Голицына и Гагарина.

В другой раз, в 1780 году, когда совет, по приказанию Бецкого, препроводил к Демидову оба его бюста, мраморный и бронзовый, с тем чтобы он взял для себя один из них, то Демидов их не принял и отослал при следующем отзыве: «От Московского Воспитательного дома объявлено мне, чтобы я от господ опекунов взял бюст, и за оное приношу нижайшую благодарность, а паче за милость его высокопревосходительства Ив. Ив. Бецкого. В третьем году, когда я был в Питере у Ивана Ивановича, при мне сделан гипсовый бюст, а сказывал он, что многим мраморные делают и потому мне ненадобно; о чем с моею благодарностью хошь сие, хошь напишите высокопочтенному совету, а паче Ивану Ивановичу, в оное не входит и мне не пишет, какой из того план хочет сделать? Для того ли, что живущий мой дом, по смерти моей, считаться будет к Воспитательному дому? Я же скоро умру и об этом его превосходительству сказывал. Он смеялся: кто прежде умрет? И так, с высокопочитанием и моею преданностью остаюсь» *.

Демидовым выстроены также примыкающие к квадрату постройки «Корделожи».

После Демидова и другие стали приносить свои пожертвования в кассу Воспитательного дома. Так, 3-го марта 1774 года, ночью, от неизвестного прислано было к Бецкому письмо с препровождением в особом ящике 10 тысяч рублей, половина золотом, а другая ассигнациями; как письмо, так и ящик запечатаны были печатью, изображающею солнце, освещающее шар земной, с надписью: non sibi sed populi (*лат.* — «не для себя, а для народа»).

Письмо было написано по-французски. В нем неизвестный благотворитель, между прочим, говорит: «Не спрашивайте меня, государь мой, об моем отечестве; я произведен на свет не в сей обширной империи, но отечеству моему должен я только рождением,

Прокофий Акинфиевич Демидов. С портрета, принадлежавшего Н. И. Путилову

а России обязан тысячею несравненно превосходнейших выгод».

Сверх 10 000 рублей, доставленных при этом письме, неизвестный благотворитель обещал прислать в другой срок, 29-го июня 1774 года, еще 20 000 рублей и в третий срок, 3-го октября, также 20 000 рублей.

Это пожертвование вызвало со стороны Бецкого самую оживленную переписку, с заявлением глубокой благодарности благотворителю, напечатанной в то время в прибавлении к «С-Петербургским ведомостям» [107].

В числе воспитанников этого благотворительного заведения каждый год выпускается несколько с фамилиею Гомбургцовых — последняя дается питомцам по следующему случаю.

* П. А. Демидов умер в 1786 г., погребен в Донском монастыре, за алтарем Сретенской церкви. После него осталось несколько сыновей и дочерей — он был женат два раза. Сыновья Демидова воспитывались в Гамбурге и, возвратясь в Россию, с трудом говорили на родном языке. Демидов не любил их и давал им почти нищенское содержание. Императрица приказала ему выдавать более приличную сумму на их часть. Демидов купил им по тысяче душ и вместе с тем запретил показываться к себе на глаза. Дочерей своих отдал замуж за купцов и фабрикантов. Но когда одна из последних объявила, что она выйдет лишь за дворянина, то он отыскал первого такого попавшегося, Станиславского.

В 1767 году, в августе 31-го, в полдень было подано привратнику дома неизвестным лицом запечатанное письмо, с надписью: «Императорского Воспитательного дома высокопочтенным господам членам совета в Москве», в средине конверта было письмо, извещающее, что покойная светлейшая ландграфиня и наследная принцесса Гессен-Гомбургская Настасья Ивановна, урожденная княгиня Трубецкая, вручила сей неизвестной сумму денег с завещанием употребить ее на пользу бедных; с 1755 года сумма эта, отданная в рост, составила уже 10 000 рублей и представляется теперь в совет на содержание из процентов сей суммы на вечные времена стольких воспитанников, сколько позволит сумма процентов. Совет исполнил волю благодетельной завещательницы и содержимых 20 воспитанников назвал «гомбургцами».

В 1767 году для управления этим благотворительным заведением был учрежден «Опекунский совет». В этом году Екатерина II неожиданно посетила заведение и в память своего посещения положила в кружку богатый вклад и двухлетнему питомцу Никите пожаловала 300 червонцев. Сам Бецкий Воспитательному дому принес в дар в разное время 162 995 рублей. Памятники трудов и заслуг Бецкого не ограничились одной Москвой; в Петербурге он посвятил лучшие свои годы на попечение общества благородных девиц (Смольный монастырь). Бецкий родился в Стокгольме в 1704 году; князь И. Ю. Трубецкой был отцом его, мать была шведка, баронесса Вреде. Трубецкой вступил в брак во время своего плена, при жизни своей первой жены. С восшествием Екатерины II Бецкий является в числе первых сановников императрицы. И. И. Бецкий достиг маститой старости, умер 93 лет от роду. Бецкий очень любил сельское хозяйство; на террасе дома его был устроен висячий сад, где он разводил шелковичных червей на листьях тутовых деревьев. В кабинете Бецкого была устроена по китайскому образцу духовая печь, в которой он, посредством пара, выводил из яиц цыплят.

Беганье последних около него служило для него большим развлечением и обращало его мысли к другим птенцам, о призрении которых он так много потрудился. Вообще воспитывать безродных была его страсть; из числа таких его питомцев был и известный некогда оберполицийместер Петербурга и впоследствии сенатор Иван Савич Горголи. Этот Горголи был образцом рыцаря и франта. Никто так не бился на шпагах, никто так не играл в мячи, никто не одевался с таким вкусом, как он. Он первый начал носить высокие, тугие галстухи на щетине, прозванные его именем «горголиями». В 1808 году его посылали с каким-то поручением к Наполеону, бывшему тогда в Байоне, и по приезде оттуда его назначили с.-петербургским обер-полицийместером. По природе он был очень добрый и давал много воли своим подчиненным. Вскоре по его назначении явилось в городе стихотворение, которое оканчивалось следующим двустишием:

Как не любить по доброй воле
Ивана Савича Горголи.

Когда это стихотворение попалось на глаза Горголи, то он, улыбнувшись, добавил:

А то он вам задаст же соли...

Горголи был женат на одной из воспитанниц И. И. Бецкого.

ГЛАВА II

Моровая язва. — Общая паника на улицах столицы. — Мортусы. — Воспоминания Страхова. — Бегство главнокомандующего из Москвы. — Народный бунт. — Убийство архиепископа Амвросия. — П. Д. Еропкин. — Приезд князя Г. Г. Орлова в Москву. — Суд над убийцами архиепископа. — Несколько анекдотов из жизни графа Орлова. — Отъезд Орлова за границу. — Торжества 1773 г. — Триумфальные ворота. — Фельдмаршал Румянцев. — Случай с ним в молодости. — Характер его. — Дом Суворова в Москве. — Награды Румянцеву. — Несколько анекдотов из жизни Румянцева

В 1771 году Москву посетило ужасное бедствие — в январе месяце в столице открылась страшная моровая язва. Занесена была чума в Москву войском из Турции; врачи предполагали, что ее впервые завезли вместе с шерстью на суконный двор, стоявший тогда у моста, за Москвою-рекою.

Здесь с 1-го января по 9-е марта умерло 130 человек; следствие открыло, что на праздник рождества один из фабричных привез на фабрику больную женщину с распухшими железами за ушами и что вскоре по привозе она умерла. Чума с быстротой переносилась из одного дома в другой; самый сильный разгар чумы в Москве продолжался четыре месяца: август, сентябрь, октябрь и ноябрь.

Жители столицы впали в уныние, сам главнокомандующий, граф Салтыков, бежал из Москвы в свою деревню; в городе в это бедственное время не было ни полиции, ни войска; разбои и грабежи стали производиться уже явно среди белого дня.

По словам очевидца, Подшивалова, народ умирал ежедневно тысячами; фурманщики, или, как их тогда называли, «мортусы» в масках и вощаных плащах, длинными крючьями таскали трупы из выморочных домов, другие поднимали на улице, клали на телегу и везли за город, а не к церквам, где прежде покойников хоронили. Человек по двадцати разом взваливали на телегу.

Трупы умерших выбрасывались на улицу или тайно зарывались в садах, огородах и подвалах.

Вот как описывает это страшное время П. И. Страхов, профессор Московского университета, бывший еще гимназистом; брат его состоял письмоводителем в Серпуховской части, при особо назначенном на это время смотрителе за точным исполнением предохранительных и карантинных мер против заразы. Этот Страхов жил у Серпуховских ворот и от отца своего имел приказ непременно доставлять каждое утро записочку, сколько вчерашний день было умерших во всей Москве, а Страхов-гимназист каждое утро обязан был ходить к брату за такими записочками. Прямая и короткая дорога была ему туда и назад по Земляному валу через живой [1] Крымский мост.

— «Вот, бывало, — говорит он, — я, в казенном разночинском сюртуке из малинового сукна с голубым воротником и обшлагами на голубом же стамедном [2] подбое, с медными желтыми большими пуговицами и в треугольной поярковой [3] шляпе, бегу от братца с бумажкою в руке по валу, а люди-то из разных домов по всей дороге и выползут и ждут меня и, лишь только завидят, бывало, и кричат: «Дитя, дитя, сколько?» А я-то лечу, привскакивая, и кричу им, например: «Шестьсот, шестьсот». И добрые люди, бывало, крестятся и твердят: «Слава богу, слава Богу!» Это потому, что накануне я кричал семьсот, а третьего дня восемьсот! Смертность была ужасная и росла до сентября так, что в августе было покойников чуть-чуть не восемь тысяч, в сентябре же хватило за двадцать тысяч, в октябре поменьше двадца-

ти тысяч, а в ноябре около шести тысяч» *.

Отец Страхова еще на Святой неделе принял самые строгие меры предосторожности. На дворе своем, у ворот, разложил костры из навоза и поручил сыну-гимназисту, чтобы ни день, ни ночь не допускал их гаснуть; заколотил наглухо ворота, калитку запер на замок и ключ отдал ему же, строго-настрого приказав всех приходивших, не впуская во двор, опрашивать и впускать в калитку не иначе, как старательно окурив у костра.

— «Далее, — говорит Страхов, — наш приход весь вымер до единого двора, уцелел один наш двор; везде ворота и двери были настежь растворены. В доме нашего священника последняя умерла старуха; она лежала зачумленная под окном, которое выходило к нам на двор, стонала и просила, ради Бога, испить водицы. В это время батюшка наш сам читал для всех нас правила ко святому причащению, остановился и грозно закричал нам: «Боже храни, кто из вас осмелится подойти к поповскому окну, выгоню того на улицу и отдам негодяям», так тогда называли мортусов, т. е. колодников, приставленных от правительства для подбирания мертвых тел по улицам и на дворах. Окончив чтение, сам он вынул из помела самую обгорелую палку, привязал к ее черному концу ковш, почерпнул воды и подал несчастной».

Уголь и обгорелое дерево тогда были признаны за лучшее средство к очищению воздуха. Первая чумная больница была устроена за заставой в Николоугрешском монастыре [4]. Вскоре число больниц и карантинов в Москве прибавилось, также были предприняты и следующие гигиенические меры: в черте города было запрещено хоронить и приказано умерших отвозить на вновь устроенные кладбища, число которых возросло до десяти, затем велено погребать в том платье, в котором они умерли. Фабрикантам на суконных фабриках было приказано явиться в карантин, не являвшихся же приказано было бить плетьми; сформирован был батальон сторожей из городских обывателей и наряжен в особые костюмы. Полицией было назначено на каждой большой дороге место, куда московским жителям позволялось приходить и закупать от сельских жителей все, в чем была надобность. Между покупщиками и продавцами были разложены большие огни и сделаны надолбы, и строго наблюдалось, чтобы городские жители до приезжих не дотрагивались и не смешивались вместе. Деньги же при передаче обмакивались в уксус.

Но, несмотря на все эти строгие меры, болезнь переносилась быстро. Так, один мастеровой из села Пушкина, испугавшись моровой язвы, отправился к себе в деревню, но ему хотелось купить жене обновку и он купил в Москве для нее кокошник, который впоследствии оказался принадлежавшим умершей от чумы. Все семейство мастерового умерло быстро, а затем и все село лишилось обитателей. Точно таким образом вымер и город Козелец от купленного в Чернигове кафтана.

Как мы уже выше говорили, паника в Москве настолько была сильна, что бежал даже московский главнокомандующий граф Петр Семенович Салтыков (известный победитель Фридриха II при Кунерсдорфе) в свое подмосковное имение Марфино; вместе с ним выехали губернатор Бахметев и обер-полицеймейстер Ив. Ив. Юшков [5]. За оставление своего поста граф был императрицею уволен.

После него чумная Москва подпала под деятельный надзор генерал-поручика Еропкина [6]; последнему именным указом было приказано, чтоб чума «не могла и в самый город С.-Петербург вкрасться» и от 31-го марта велено было Еропкину не пропускать никого из Москвы не только прямо к Петербургу, но и в местности, лежащие на пути; даже проезжающим через Москву в Петербург запрещено было проезжать через московские заставы. Мало того, от Петербурга была протянута особая сторожевая цепь под начальством графа Брюса [7].

Цепь эта стягивалась к трем местам: в Твери, в Вышнем Волочке и в Бронницах. Но, несмотря на все заставы и меры, предпринимаемые полицией, чума все более и более принимала ужасающие размеры — фурманщики уже были не в состоянии перевозить всех больных, да и большая часть из них пере-

* Всего в Москве с апреля 1771 г. по март 1772 г. умерло от моровой язвы 57 901 человек; в других местах империи 75 393 человека. Всего — 133 299 человек.

мерла; пришлось набирать последних из каторжников и преступников, приговоренных уже к смерти.

Для этих страшных мортусов строили особые дома, дали им особых лошадей, носилки, крючья для захватывания трупов, смоляную и вощаную одежду, маски, рукавицы и проч. Картина города была ужасающая — дома опустели, на улицах лежали непогребенные трупы, всюду слышались унылые погребальные звоны колоколов, вопли детей, покинутых родными, и вот, в ночь на 16-е сентября, в Москве вспыхнул бунт. Причина бунта, как говорит Бантыш-Каменский *, была следующая. В начале сентября священник церкви Всех Святых (на Кулишках) стал рассказывать будто о виденном сне одного фабричного — последнему привиделась во сне Богородица, которая сказала, что так как находящемуся на Варварских воротах [8] ее образу вот уже более тридцати лет никто не пел молебнов и не ставил свечей, то Христос хотел послать на Москву каменный дождь, но она умолила его и упросила послать на Москву только трехмесячный мор. Этот фабричный поместился у Варварских ворот, собирал деньги на какую-то «всемирную свечу» и рассказывал свой чудесный сон.

Толпы народа повалили к воротам, священники бросили свои церкви, расставили здесь аналои [9] и стали служить молебны. Икона помещалась высоко над воротами — народ поставил лестницу, по которой и лазил, чтобы ставить свечи; очень понятно, что проход и проезд был загроможден. Чтобы положить конец этим сборищам, весьма вредно действующим при эпидемиях, митрополит [10] Амвросий думал сперва убрать икону в церковь, а собранную на нее в поставленном там сундуке немалую сумму отдать на Воспитательный дом. Но, не решаясь лично взять на себя ответственность, он посоветовался с Еропкиным; последний нашел, что брать икону в смутное время небезопасно, но что сундук можно взять, и для этого послал небольшой отряд солдат с двумя подьячими для наложения печатей на сундук.

Народ, увидя это, закричал: «Бейте их! Богородицу грабят! Богородицу грабят!» Вслед за тем ударили в городской набат у Спасских ворот и стали бить солдат. Архиепископ Амвросий, услыхав набат и видя бунт, сел в карету своего племянника, жившего также в Чудовом монастыре [11], и велел ехать к сенатору Собакину; последний со страху его не принял, и от него владыко поехал в Донской монастырь.

Мятежники кинулись в Кремль, многотысячная толпа была вооружена и неистово вопила: «Грабят Богородицу!» Толпа ворвалась в Чудов монастырь и накинулась на все: в комнатах и в церквах рвала, уничтожала и кощунствовала; вслед за тем были разбиты чудовские погреба, отдаваемые внаймы купцу Птицыну, — все вино было выпито. Между тем Амвросий, видя себе неизбежную гибель, просил у Еропкина, что бы он дал ему пропускной билет за город. Вместо билета Еропкин прислал ему для охраны его особы одного офицера конной гвардии, но пока закладывали для Амвросия лошадей, толпа ворвалась в Донской монастырь, Амвросий, предчувствуя свою гибель, отдал свои часы и деньги племяннику своему, находившемуся при нем все время, и велел ему искать спасение, а сам пошел в церковь, одев простое монашеское платье; увидев, что толпа черни стремится в храм. Амвросий приобщился святых тайн и затем запрятался на хорах церкви.

Бунтовщики кинулись в алтарь и стали всюду искать свою жертву. Они не щадили ничего, опрокинули престол. Увидя, что хоры заперты, они отбили замок и кинулись туда, и там, не найдя Амвросия, хотели сойти, как какой-то мальчик заметил ноги и платье несчастного мученика и закричал: «Сюда! сюда! архиерей здесь». Толпа с яростью накинулась на невинную жертву и потащила его из храма. Здесь, выведя его в задние ворота к рогатке, ему сделали несколько вопросов, на которые он ответил, и, казалось, слова архипастыря тронули многих, как вдруг из соседнего монастырского кабака выбежал пьяный, дворовый человек господина Раевского, Василий Андреев, и закричал: «Чего глядите вы на него? Разве не знаете, что он колдун и вас морочит?»

Сказав это, он первый ударил невинного страдальца колом в левую щеку и поверг его на землю, а затем и остальные изверги накинулись на несчастного архиепископа и убили его.

* См. Бантыш-Каменского: «Жизнь Амвросия».

По словам биографа Амвросия, тело его лежало на улице весь день и ночь. На месте, где убит был архиепископ, в память этого прискорбного случая был воздвигнут каменный крест. Убийцы, покончив с Амвросием, кинулись было к Еропкину, который жил на Остоженке, в доме [13], где теперь коммерческое училище *, но тот уже в это время вызвал стоявший в тридцати верстах от Москвы великолуцкий полк, принял над ним начальство и отправился с ним в Кремль.

Выехав из Спасских ворот, он увидел, что вся площадь была покрыта народом.

Еропкин подъехал к бунтовщикам верхом вместе со своим берейтором [14] и стал их уговаривать разойтись, но толпа кинулась к Кремлю, кидая в Еропкина каменьями и поленьями; одно из них попало ему в ногу и сильно ушибло. Видя, что увещания не действуют, Еропкин, поставив перед Спасскими воротами два орудия, приказал стрелять холостыми зарядами в народ. Толпа, увидя, что убитых нет, закричала: «Мать крестная Богородица за нас» — и кинулась к Спасским воротам. Тогда Еропкин приказал зарядить картечью, и на этот раз грянул выстрел, оставивший многих убитых и раненых.

После этого толпа в страхе кинулась на Красную площадь и прилегающие улицы; вслед за ней поскакали драгуны, переловившие многих бунтовщиков. Еропкин два дня не слезал с лошади и был первым во всех стычках с народом. По усмирении бунта он послал к императрице донесение о происшествии, испрашивая прощения за кровопролитие.

Екатерина милостиво отнеслась к поступку Еропкина и наградила его Андреевской лентой [15] через плечо и дала 20 000 рублей из кабинета и хотела пожаловать ему четыре тысячи душ крестьян, но он отказался, сказав:

— Нас с женой только двое, детей у нас нет, состояние имеем, к чему же нам набирать себе лишнее.

Позднее, когда он был московским главнокомандующим, то не переехал в казенный дом и денег, отпускаемых казной для приема гостей, не брал.

В посещение императрицей Екатериной II Москвы он давал ей праздник у себя в доме, и, когда она его спросила:

— Что я могу для вас сделать, я желала бы вас наградить.

Он отвечал:

— Матушка государыня, доволен

* От этого дома переулки называются Большой и Малый Еропкинские.

твоими богатыми милостями, я награжден не по заслугам: андреевский кавалер, начальник столицы, заслуживаю ли я этого?

Императрица не удовольствовалась этим ответом и опять ему сказала:

— Вы ничего не берете на угощение Москвы, а между тем у вас открытый стол, не задолжали вы? Я заплатила бы ваши долги.

Он отвечал:

— Нет, государыня, я тяну ножки по одежке, долгов не имею, и что имею, тем угощаю, милости просим кому угодно моего хлеба-соли откушать. Да и статочное ли дело, матушка государыня, мы будем должать, а ты, матушка, станешь за нас платить долги.

Видя, что Еропкину дать нечего, государыня прислала жене его орден св. Екатерины [16].

По наружности П. Д. Еропкин был высокого роста, весьма худощавый, несколько сгорбленный, очень приятной внешности, в молодости он был красавцем и замечательным силачом. Глаза у него были большие, очень зоркие, но довольно впалые, нос орлиный: он пудрился, носил пучок и был причесан в три локона (à trois marteaux — *фр.*). Еропкин был очень умен, великодушен, благороден, бескорыстен и, как немногие, в обхождении очень прост. Езжал он цугом в шорах с верховым впереди, при остановках у ворот и у подъездов верховой трубил в рожок, давая тем знать о приезде главнокомандующего. Вставал он по утрам рано, начинал всегда день молитвою и когда одевался, то заставлял прочесть себе житие святого того дня. Со своих крестьян оброку брал в год не больше двух рублей. Родился Еропкин в 1724 году, умер в 1801 году легко, точно уснул, отыграв три пульки [17] в рокомболь. Еропкин был замечательный стрелок из лука, он снимал стрелой яблоко с головы мальчика.

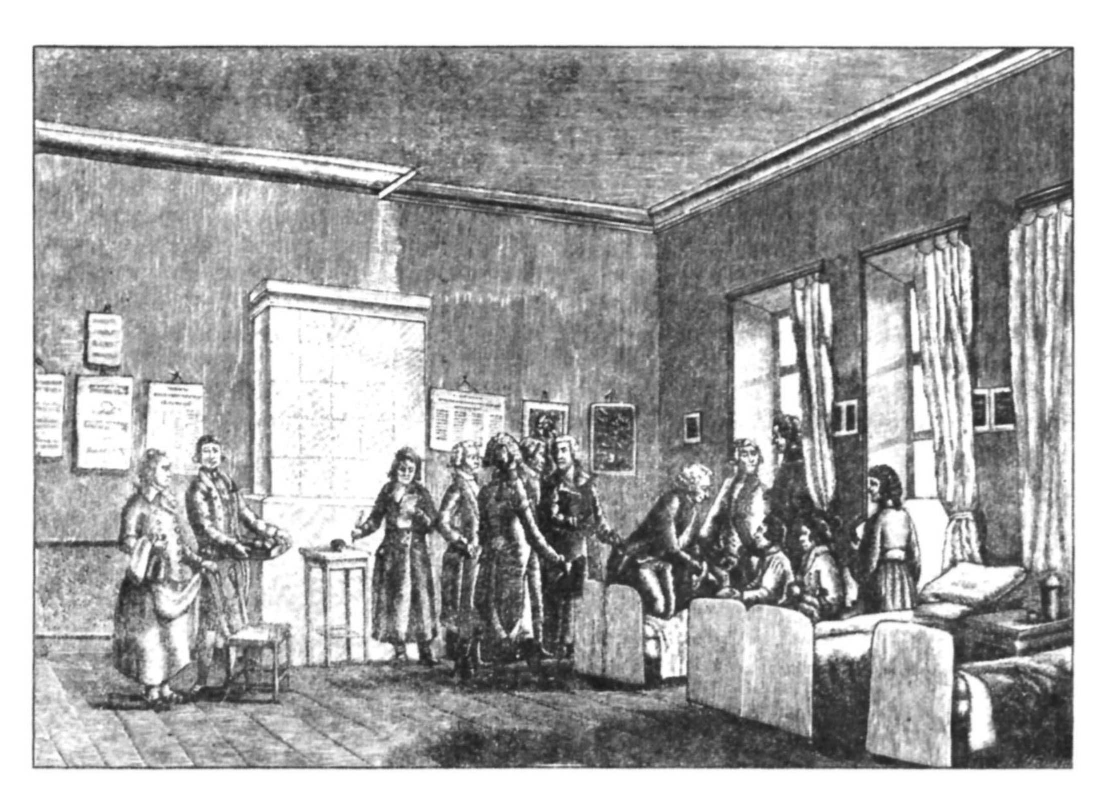
По усмирении бунта в Москву был прислан князь Гр. Гр. Орлов [18]; он приехал в столицу 26-го сентября, когда стояли ранние холода и чума заметно уже ослабевала. Вместе с Орловым прибыли команды от четырех полков лейб-гвардии с необходимым числом офицеров. По приказу Орлова состоялось 4-го октября торжественное погребение убитого Амвросия.

Префект московской академии Амвросию на похоронах сказал замечательное слово. В течение целого года покойного поминали во все службы, а убийцам возглашалась анафема. Убийцы Амвросия, Василий Андреев и Иван Дмитриев, были повешены на том самом месте, где совершено убийство. К виселице были приговорены еще двое — Алексей Леонтьев и Федор Деянов, но виселица должна была достаться одному из них по жребию; остальные шестьдесят человек: купцов, дьячков, дворян, подьячих, крестьян и солдат было приказано бить кнутом, вырезать ноздри

Объявление герольдами на Соборной площади о короновании императрицы Екатерины II. С гравюры Колпашникова

Братья Орловы во время московской чумы 1771 г. С гравюры того времени

Больница екатерининского времени. С рисунка Дергоена XVIII столетия

и сослать в Рогервик на каторгу; захваченных на улице малолетних приказано было высечь розгами, а двенадцать человек, огласивших мнимое чудо, велено сослать вечно на галеры с вырезанием ноздрей.

И с этих же дней вышел приказ прекратить набатный звон по церквам и ключи от колоколен иметь у священников. Казнь над преступниками была совершена 21-го ноября. При приезде в Москву Орлов многими благоразумными мерами способствовал окончательному уничтожению этой гибельной эпидемии и восстановлению порядка. Он с неустрашимостью стал обходить все больницы, строго смотрел за лечением и пищей, сам глядел, как сожигали платье и постели умерших от чумы и ласково утешал страждущих. Несмотря на такие высокочеловеческие меры, москвичи смотрели на него недружелюбно и на первых же порах подожгли Головинский дворец [19], в котором он остановился.

Но вскоре народ оценил его заботы и стал охотно идти в больницы и доверчиво принимать все меры, вводимые Орловым. По истечении месяца с небольшим после его приезда государыня уже писала ему, что «он сделал все, что должно было истинному сыну отечества, и что она признает нужным вызвать его назад».

Около 16-го ноября Орлов выехал из Москвы; от шестинедельного карантина в городе Торжке императрица освободила его собственноручным письмом. Въезд Орлова в Петербург отличался необыкновенной торжественностью; в Царском Селе, на дороге в Гатчину, ему были выстроены триумфальные ворота из разноцветных мраморов, по рисунку архитектора Гинальди [20]; вместе со множеством пышных надписей и аллегорических изображений на воротах красовался следующий стих тогдашнего поэта В. И. Майкова [21]: «Орловым от беды избавлена Москва».

В честь Орлова была выбита медаль, на одной стороне которой он был изображен в княжеской короне, на другой

же представлен город Москва, и впереди в полном ристании[22] на коне сидящий, в римской одежде, князь Орлов, «аки бы в огнедышащую бездну ввергающийся», в знак того, что он с неустрашимым духом за любовь к отечеству и для спасения Москвы живота своего не щадил. Кругом надпись: «Россия таковых сынов в себе имеет», внизу: «За избавление Москвы от язвы в 1771 году».

По поводу первой надписи Карабанов[23] рассказывает, что Орлов не принял самою императрицею вручаемые ему для раздачи медали и, стоя на коленях, сказал:

— Я не противлюсь, но прикажи переменить надпись, обидную для других сынов отечества.

Выбитые золотые медали были брошены в огонь и появились с поправленною надписью: «Таковых сынов Россия имеет». После Москвы Орлов никаких уже больше полномочий не получал и жил на покое. Под конец своей жизни он влюбился в свою двоюродную сестру, Е. Ник. Зиновьеву. Они обвенчались вопреки постановлениям грекороссийской церкви.

Незаконный брак был судим в совете и члены приговорили их заключить в монастырь, один только Кирилл Разумовский[24] был за Орлова, сказав товарищам-судьям, что «лежащего не бьют, и еще так недавно все бы из нас считали себя счастливыми быть приглашенными на эту свадьбу».

Императрица Екатерина не утвердила приговора, сказав, что рука ее не подпишет подобной бумаги и было бы грешно забыть, чем она обязана Орлову. Государыня на другой день назначила красавицу жену Орлова в свои статс-дамы, наградив ее орденом св. Екатерины и несколькими вполне царскими подарками.

Года через четыре после своей свадьбы Орлов повез свою супругу за границу на воды — у ней открылась чахотка. Княгиня Орлова через год скончалась в Лозанне. Смерть нежно любимой жены сильно повлияла на Орлова — он помешался в рассудке и почти безумный возвратился в Петербург и отсюда был отвезен братьями в Москву и помещен там в их доме, под Донским, в знаменитом Нескучном.

В ночь на 13-е апреля 1783 года Орлов скончался. 17-го апреля с царскою

П. Д. Еропкин.
С портрета,
принадлежавшего
графине Е. П. Кочубей

почестью он был отпет в Донском монастыре и затем перевезен в подмосковное село Орловых Отраду. Здесь тело князя покоилось только до 1832 года; в этом году графиня Анна Алек. Орлова-Чесменская[25] перенесла прах его в построенный ею новгородский Юрьевский монастырь и положила рядом с его братьями.

Москва при Екатерине видела всех замечательных лиц своей эпохи; в стенах Белокаменной отдыхали утомленные благами фортуны и власти первые вельможи и государственные люди XVIII века. Москва при Екатерине, как говорит Карамзин[26], прослыла «республикой», в ней было больше свободы в жизни, но не в мыслях, более разговоров, толков о делах общественных, нежели в Петербурге, где умы развлекаются двором, обязанностями службы, исканием, личностями.

Князь Вяземский[27] говорит — в Петербурге сцена, в Москве зрители; в нем действуют, в ней судят. И какие большие актеры, обломки славного царствования Екатерины, проживали в бы-

лое время в Москве, каких лиц изменчивая судьба не закидывала в затишье московской жизни. Орловы, Остерманы, Голицыны, Разумовские, Долгорукие, Дашкова — одна последняя княгиня своею историческою знаменитостию, своенравными обычаями могла придать особенный характер тогдашним московским гостиным.

Но не одни опальные и недовольные, покидая службу, переселялись в Москву — были и такие, которые, достигнув известного чина, оставляли службу и жили для семейства в древней столице. Многие из помещиков приезжали на зиму в Москву и жили открытыми домами. Московское благородное собрание [28] и дворянский клуб, начиная от вельможного до мелкопоместного дворянина, собирали в свои залы по вторникам от трех до пяти тысяч человек. Эти вторники для многих служили исходными днями браков, семейного счастия и блестящих судеб.

Но особенно отличались москвичи своими пышными, почти сказочными празднествами, когда им приходилось чествовать государыню или заезжих полководцев. Так, например, с зимы 1773 года в Москве затевалось еще небывалое по великолепию и роскоши празднество в честь побед наших войск в Турции.

Бальный костюм кавалерственной дамы ордена св. Екатерины в конце XVIII столетия. С гравюры XVIII в. Саблина

С весны на Ходынке стали возводиться разные крепости, города, наподобие отнятых у турок, строились также театры, галереи, храмы, беседки и проч. Дворянство и купечество воздвигло для встречи государыни и виновника торжеств графа Румянцева-Задунайского [29] двое триумфальных ворот. Первые триумфальные ворота были воздвигнуты на средства московского дворянства у Тверской заставы [30].

Улица, идущая от этой заставы, в то время называлась не Тверскою, а Царскою. Ворота были вышиною в сорок восемь аршин, украшены они были столбами коринфской архитектуры, на месте крыши на них находился пьедестал для вызолоченной статуи — посланницы небес в виде воинственной женщины, в правой руке которой была громовая стрела, а в левой щит с именем императрицы и пальмовою ветвью, — внутренняя же часть ворот представляла храм побед. Другие триумфальные ворота были построены на средства купечества у бывшего тогда каменного большого здания с тяжелыми железными воротами, которые на ночь в то время замыкались.

Замечательно, что эти железные ворота были украдены ворами в одну темную ночь и, несмотря на тщательные поиски полиции, не отысканы.

Вторые триумфальные ворота были убраны скульптурными и живописными изображениями, представляющими подвиги наших войск: вместо кровли на них было несколько ступеней, на которых помещалась статуя в восемь аршин вышиною, представляющая «славу» (фаму).

Помимо этих двух ворот Никольские и Воскресенские ворота были также украшены разными символическими изображениями из мифологии. Екатерина желала, чтобы виновник торжества граф П. А. Румянцев явился в столицу в древней колеснице, подобно римскому победителю. Но победитель оттоманов униженно просил государыню о вступ-

лении в Москву без торжеств и почестей. Екатерина уступила Румянцеву, но с тем только, чтобы он принял с приветствиями и поздравлениями всех собравшихся для этого случая в Москве сановников и военных.

Скромный кагульский герой, по словам современников, в молодости отличался необыкновенным удальством; особенно Румянцев не знал препятствий по части побед над прекрасным полом и очень часто торжествовал над непреклонными.

Так, однажды, заплатив одному оскорбленному мужу двойной штраф, он в тот же день воспользовался правом своим, сказав мужу, что последний не может жаловаться, потому что получил уже вперед удовлетворение.

Об этом поступке молодого полковника Румянцева было доведено до сведения набожной Елисаветы Петровны [31], и в уважение заслуг отца его провинившегося в нескромной шалости Румянцева императрица отправила к отцу для исправления, и будущий фельдмаршал понес телесное отеческое наказание, хотя и был в полковническом чине.

Граф Петр Александрович Румянцев-Задунайский был высокого роста, стан имел очень стройный, величественный, отличался превосходною памятью и крепким сложением, не забывал никогда, что читал и видал, не знал болезней, семидесяти лет от роду делал в день по пятидесяти верст верхом, не уставая, вел жизнь в лагере как простой солдат, вставал по утрам на заре и, несмотря на строгость военной тогдашней дисциплины, не делал никого из подчиненных несчастными, а только трунил над сибаритами и лентяями.

Так, раз, обозревая на рассвете свой лагерь, заметил офицера, отдыхавшего в халате, начал с ним разговаривать, взял его под руку, вывел из палатки, прошел мимо войск и потом вступил вместе в шатер фельдмаршальский, окруженный генералами и штабом. Делами своими занимался сам, без помощи секретаря; сам распечатывал и читал свои письма и бумаги. Обыкновенно он ничего не подписывал в присутствии своего секретаря, чтобы на досуге с спокойным духом перечесть написанное.

В его время князь Потемкин представлял в государстве первое лицо и могуществом своим затемнял заслуги всех преемников на военном поприще. Потемкин много неприятностей причинил Румянцеву, но последний никогда не жаловался на это, а единственно только избегал говорить о нем. Когда до Румянцева дошло известие о его смерти, то великодушный герой не мог удержаться от слез.

— Чем удивляетесь вы? — сказал он своим домашним. — Потемкин был мне соперником, но Россия лишилась в нем усерднейшего сына.

Румянцев любил часто беседовать о своем друге Суворове [33], который всегда являлся к нему в полном мундире и забывал при нем шутки свои. Суворов, по преданию, тоже избегал тех торжеств, которые были предложены победителям в Москве. Он также скромно проживал тогда близ церкви Вознесения, на правой руке, второй или третий дом [34], если идти от Кремля. Незадолго до 1812 года дом Суворова был куплен каким-то медиком и позднее, после пожара, принадлежал купцу Вейеру.

Вся родня князя Италийского похоронена при церкви Феодора Студийского [35]. Эта церковь в нескольких шагах от суворовского родового дома, она была прежде монастырем, устроенным в память Смоленской богоматери. В этой церкви гениальный полководец приучал себя читать апостола [36] и при всяком выезде из Москвы никогда не оставлял своих родителей без особых поминовений. Он тут, и в церкви Вознесения, служивал то молебны, то панихиды. Московские старожилы, жившие в пятидесятых годах, еще помнили, как Александр Васильевич сам, сделав три земные поклона перед каждою местною иконою, ставил свечку, как он служивал молебны, стоя на коленях, и как он благоговейно подходил под благословение священника.

За Кючук-Кайнарджийский мир [37], который так торжественно праздновала Москва на Ходынском поле, Румянцев получил до двенадцати наград. Под конец своей жизни он избрал местопребыванием своим поместье Ташань, в окрестностях Киева, там он построил себе дворец, но для своего жилья выбрал только две комнаты. Любимым его занятием было чтение книг.

— Вот мои учителя, — говорил Румянцев, указывая на них.

Часто, в простой одежде, сидя на пне, удил он рыбу. Однажды приезжие

отыскивали в саду кагульского героя, чтобы посмотреть на него, и обратились к Румянцеву с вопросом, где бы увидать графа.

— Вон о н , — сказал ласково Румянц е в , — наше дело города пленить да рыбу ловить.

В богато убранном дворце графа в нескольких комнатах стояли простые дубовые стулья.

— Если великолепные комнаты, — говорил о н , — внушают мне мысль, что я выше кого-либо из людей, то пусть сии простые стулья напоминают, что и я такой же простой человек, как и все.

Граф Румянцев очень любил курить из глиняных трубок; назначенный к нему в армию, во время турецкой войны, один чиновник по дипломатической части вздумал угодить ему, захватив для него целый ящик таких трубок, но не позаботился уложить их. Фельдмаршал очень обрадовался, потому что трубок у него оставалось немного, и приказал раскрыть при себе ящик, а когда увидел одни обломки, то, рассердясь, сказал, указывая на свое сердце: «Тут-то много», а потом на голову: «Да здесь нет».

Супруга графа Румянцева, зная непостоянство своего мужа, по случаю какого-то праздника послала в армию к нему подарки, в числе которых было несколько кусков на платье его любезной. Задунайский, тронутый до слез, сказал о супруге:

— Она человек придворный, а я — солдат; ну, право, батюшки, если бы знал ее любовника, послал бы тоже ему подарки.

Румянцев умер от удара 3-го декабря 1796 года, на 72-м году от рождения. По смерти, когда открыли его кабинет, то нашли в его бумагах пакет с надписью: «Относящееся лично до меня». Думали, что это завещание, но, открыв, нашли два письма: одно было от императрицы, которая предлагала ему сан гетмана малороссийского; второе заключало скромный отказ Румянцева и просьбу это достоинство заменить званием генерал-губернатора.

После его смерти были найдены многочисленные доказательства его благотворительности и щедрости; пенсионы, которые он давал втайне бедным, доходили до 20 000 рублей в год. Тело Румянцева с воинскою пышностью было отвезено в Киев, где было выставлено в продолжение восьми дней и затем

Архиепископ Амвросий Зертыс-Каменский. С портрета, принадлежавшего Н. Д. Быкову

предано земле в церкви Киевской лавры[38].

В память побед Румянцева был сооружен в Петербурге гранитный обелиск в 70 футов вышины по плану архитектора Брена[39]. На мраморном пьедестале обелиска надпись: «Румянцева победам».

Празднование мира с Турцией отличалось необыкновенною торжественностью: в дни празднеств вся Москва, по словам современников, очутилась на Ходынском поле, все лавки в городе были закрыты, лучшие товары были перевезены во временно устроенные магазины на Ходынке, большая часть азиатских товаров, продаваемых на Макарьевской ярмарке[40], была привезена тоже сюда.

Въезд императрицы в Москву был очень пышен. Государыня въехала в золотой карете, запряженной восьмеркой лошадей, богато убранных; при въезде в Воскресенские ворота по всем церквам раздался колокольный звон, пошла перекатная пушечная пальба и заиграла военная музыка. Москвичи встретили царицу хлебом-солью. Екатерина остано-

вилась на Пречистенке во дворце [41], где теперь дом князя Голицына [42].

По случаю предполагаемого мирного торжества с турками к этому Пречистенскому дворцу были сделаны огромные деревянные пристройки из брусьев. Кабинет императрицы помещен был возле парадных комнат на большую улицу и по вышине был очень холоден и плохо закрыт от непогоды и ветра. Несмотря на это, государыня очень долго занималась в нем делами. По словам современников, ее секретари Теплов и Кузьмин просто коченели в нем от холода.

Однажды императрица заметила, что они очень прозябли, и приказала подать им кофею, какой всегда сама употребляла. Когда секретари его выпили, то от непривычки почувствовали биение сердца и сильное головокружение; государыня, расхохотавшись, сказала:

— Теперь знаю средство согревать вас от стужи.

По приезде в Москву в тот же день вечером государыня отправилась в Кремль в Успенский собор [43] ко всенощной [44].

Там государыня была помазана священным елеем [45] и приложилась к ризе [46] Господней. На другой день, в пятницу, 16-го июля, была назначена торжественная церемония. В 6 часов утра дан был сигнал из пяти пушек собираться войскам, и гренадеры лейб-гвардии были поставлены в два ряда по всем улицам, по которым должно было идти триумфальное шествие из Пречистенского дворца. К 10-ти часам съехались все придворные особы в Кремлевский дворец, и затем двинулось шествие, предводительствуемое герольдами и церемониймейстерами.

Государыня шла в малой короне под балдахином, несомым генералами, рядом с ней наследник престола в адмиральском мундире с бриллиантовыми эполетами, перед государыней шел Румянцев, по сторонам процессии шли кавалергарды [47] в своих богатых красных с золотом кафтанах, в шлемах с перьями; процессию замыкали статс-дамы [48] и первые чины двора, залитые в золото и бриллианты.

С первых шагов процессии началась пушечная пальба, загремели трубы и литавры и раздался со всех церквей колокольный звон. В это же время из Успенского собора двинулась духовная процессия с архиереями и придворным духовенством и у врат храма приняла императрицу с крестом и святой водою и проводила к царскому месту [49] против алтаря.

После литургии и благодарственного молебна духовенство принесло поздравление императрице, и затем церемониальное шествие опять возобновилось. Государыня отправилась теперь в Грановитую палату, где стоял для нее трон и подле лежали государственные регалии и рядом с ними патенты и награды отличившимся в турецкую войну.

Грановитая палата была издавна местом, где русские цари давали аудиенции в торжественных случаях; построена она еще в 1473 году итальянским архитектором Марком Фрязиным и окончена братом его Петром Фрязиным [50]; получила она название Грановитой от граней, которыми покрыты наружные ее стены.

Грановитая палата носила также название Большой золотой государевой палаты; последнее название произошло уже от внутреннего ее убранства; ее стены и своды в екатерининское время были расписаны по золоту. На самой средине палаты находилась четырехсторонняя колонна, которая вверху, соединяясь со стрелками сводов, поддерживает последние; ширина каждой стороны была полтора аршина, колонна со всех сторон была украшена в древнем греческом стиле лепною работою, изображающею птиц, зверей и других химерических животных под золотом; вокруг колонны бронзовая, художественно сделанная вызолоченная решетка, по которой в несколько рядов приделаны подсвечники.

Налево от входа устроено на трех скамейках, в виде амфитеатра, место для музыкантов; направо, в углу, под бархатным балдахином трон государей, возвышающийся на четырех ступенях; подзоры балдахина обшиты бахромою и украшены висящими на шнурах кистями; вся палата обита темно-малиновым бархатом; шесть окон освещают палату, последние почти на сажень от пола и невелики и дают небольшой свет, отчего вся палата носит вид величественной таинственности; в простенках окон расположены в симметрии по три герба, густо вызолоченные. В Грановитой палате царь Иоанн Васильевич [51] в 1552 году три дня угощал своих храбрых сподвижников, отличившихся при покорении Казани.

Одного серебра для подарков послам и боярам было издержано им более 400 пудов. Пожары в XVI и XVII веках не раз уничтожали великолепное внутреннее убранство Грановитой палаты; до Петра Великого палата удерживала свой первоначальный вид, но затем, позднее, внутренний вид ее изменился к худшему, вся живопись ее по штукатурке была сбита, и своды перекрашены запросто.

В 1880-х годах было приступлено к восстановлению палаты в первоначальный вид, была найдена старинная подробная опись древней стенописи.

При переделке стен, когда был снят малиновый бархат, то в некоторых местах под штукатуркой открылись следы древних живописных по золоту орнаментов, украшавших стены залы, а самая кладка показала следы пожаров и многократных исправлений.

Теперь стенопись исполнена русскими иконописцами, крестьянами Владимирской губернии, села Палеха, братьями Белоусовыми. В Грановитой палате хранится на большом поставце [52] серебряная посуда — дар русским царям от иноземных властителей; главное место в палате занимает так называемый «красный угол», где, как и в старину, стоит теперь царский трон.

В Грановитой палате Екатерина II наградила героев турецкой войны многими милостями. Из Грановитой палаты государыня возвратилась во дворец на Пречистенку уже в своей походной карете. За императрицей скакала на конях ее блестящая военная свита; здесь были гусары [53], кавалергарды, кирасиры [54], затем албанцы и множество разных военных.

Граф Румянцев ехал за императрицей в богатой карете цугом. В Воскресенских воротах государыню приветствовал хор музыки торжественным маршем. За государыней следовал верхом, в красном плаще, с двумя герольдами и князь Потемкин, бросая из мешка в народ серебряные жетоны, выбитые в память мира с турками. На жетонах изображены были две масличные ветви и надпись: на одной стороне — «Мир с турками», а на другой — «Приобретен победами». Через день был назначен большой приезд ко дворцу, где была представлена мать фельдмаршала Румянцева, на которую императрица возложила ленту св. Екатерины. Мать фельдмаршала, графиня Марья Андреевна, была дочь графа Андрея Артамоновича Матвеева [55].

По словам графа Сегюра [56]: «Она в старости маститой, в параличе, была исполнена жизни: сохранила веселость, пылкое воображение, обширную память; разговор ее был столь же привлекателен, поучителен, как история, хорошо написанная». О браке отца Румянцева с ней существует следующее предание. Когда заслуги отца Румянцева при дворе Петра Великого стали заметны и последний сделался любимцем царя, то один из вельмож предложил ему руку своей дочери и тысячу душ в приданое. Румянцев, как известно, был бедняк, сын небогатого костромского дворянина. Осчастливленный подобным предложением, Румянцев бросился к ногам царя, испрашивая согласия на брак, от которого зависело все благополучие его жизни. Подняв Румянцева, Петр спросил:

— Видел ли ты невесту и хороша ли она?

— Не видал, — отвечал Румянцев, — но говорят, что она не дурна и не глупа.

— Слушай, Румянцев, — продолжает государь, — балу я быть дозволяю, а от сговора удержись. Я сам буду на бале и посмотрю невесту; если она действительно достойна тебя, то не стану препятствовать твоему счастию.

До 10-ти часов вечера ожидали царя, и, полагая, что какое-либо важное дело помешало ему сдержать данное слово, начали танцевать; но вдруг Петр явился в дом невесты своего любимца, увидел ее, стоя в дверях в толпе любопытных зрителей, и, сказав про себя довольно громко: «Ничему не бывать», уехал. Хозяин и жених были чрезвычайно огорчены этим неприятным событием.

На другой день Румянцев с печальным видом явился к царю.

— Нет, брат, — произнес царь, лишь только увидел его, — невеста тебе не пара и свадьбе не бывать, но не беспокойся, я твой сват. Положись на меня, я высватаю тебе гораздо лучшую, а чтоб этого вдаль не откладывать, приходи вечером, и мы поедем туда, где ты увидишь, правду ли я говорю.

В назначенное время государь отправился с Румянцевым к графу Матвееву.

— У тебя есть невеста? — спросил Петр, когда Матвеев вышел ему навстречу. — А я привез ей жениха.

ГЛАВА III

Рассказы про Румянцева. — Пречистенский дворец. — Народное гулянье на Ходынском поле. — Фейерверк и парадные спектакли. — Устройство праздников по плану Екатерины II. — Присутствие императрицы на праздниках. — Приезд турецкого посла. — Парадный прием турецкого посланника Абдул-Керима. — Подарки султана. — Главнокомандующий Москвы князь М. Н. Волконский. — Характеристика этого вельможи. — Ассигнационный банк в Москве. — Первое появление ассигнаций. — «Меновные лавки». — «Фальшивые ассигнации». — Пугачевский бунт. — Толки о нем в Москве. — Привоз Пугачева в Москву. — Суд над Пугачевым и казнь его на Болоте. — Приезд императрицы в Москву. — Реформы Екатерины II и разные милости. — Указ об экипажах и ливреях. — Пребывание государыни в Москве

Неожиданное предложение привело графа в большое замешательство, тем более что он считал Румянцева, как бедного дворянина, недостойным руки своей дочери. Государь тотчас отгадал мысль Матвеева.

— Ты знаешь, — произнес он, — что я его люблю и что в моей власти сравнять его с самыми знатнейшими.

Нечего было делать графу, пришлось согласиться на желание такого свата. Девятнадцатилетняя дочь графиня Марья Андреевна была объявлена невестою Румянцева.

Существует еще другое предание про эту свадьбу. Бывши еще в девушках, графиня Матвеева была замечена Петром I, и однажды Петр, из ревности, рассердясь на нее в Екатерингофе, телесно наказал ее на чердаке из своих рук и вскоре после того, против желания ее родителей, выдал за неимущего дворянина Румянцева.

После свадьбы Румянцев был произведен в бригадиры с пожалованием ему нескольких деревень. В царствование императрицы Екатерины I и Петра II [1] он быстро шел по службе, но в грозное время временщика Бирона [2] за отказ принять должность главноуправляющего государственными доходами был лишен чинов и знаков отличия и сослан в Казанскую губернию на жительство.

Там три года, как преступник, под строгим караулом влачил он бедственную жизнь. Наконец был прощен и назначен губернатором в Казань, а потом в Малороссию.

При императрице Елисавете Петровне он получил пост полномочного посланника в Константинополе, затем с успехом занимал на конгрессе в Або [3] место полномочного от российского двора, где успел склонить шведских министров к выгодному миру для России, за что и награжден графским титулом — он вскоре после этого и умер в 1749 году, 70 лет от роду.

Жена его графиня Марья Андреевна скончалась 4-го мая 1788 года, на 90-м году от рождения, и погребена в Невском монастыре, в Благовещенской церкви.

Сын фельдмаршала граф Николай Петрович [4] был большой любитель и собиратель древностей, рукописей, редкостей и разных диковинок; музей его теперь известен в Москве. Граф имел свой дом на Покровке, и там во многих комнатах на потолках были рисованные и барельефные изображения баталий, где участвовал его отец Задунайский.

Этот дом впоследствии купил какой-то купец и соскоблил и счистил все эти славные воспоминания. Сын фельдмаршала живал неподолгу в Москве; он служил в Петербурге и был канцлером до 1812 года.

Под конец своей жизни граф Н. П. Румянцев отличался большими странностями. При нем самым приближенным человеком состоял его домашний шут гермафродит «Ион Иванович», или, как тогда все называли, «Анна Ивановна»; последний ходил в чепце и женском капоте, вязал чулок и шил в пяльцах [5]. Этот шут отличался крайне сварливым характером, брюзжал и злился на всех и часто дрался. Колотушки его нередко попадали и на долю самого графа, кото-

рый сносил их с христианским смирением.

По рассказам, этот шут после таких побоев приносил к Румянцеву всегда горсть медяков в вознаграждение за побои, и на эти медные деньги граф покупал деревянное масло, которое и теплил перед своим образным киотом [6] в спальне.

Время пребывания императрицы в Москве, как мы выше говорили, ознаменовалось народными праздниками. Все эти празднества были устроены по мысли государыни.

Вот как она излагает свои планы празднеств в письме к Гримму [7]:

«Так как вы говорите мне о праздниках по случаю мира, послушайте, что я вам расскажу, и не верьте всем вздорам, которые пишут в газетах. Сочинили было проект, похожий на все праздники: храм Янусу [8], храм Бахусу, храм диаволу и его бабушке и преглупые аллегории, нелепые уже потому, что они были чудовищно громадны: это были гениальные усилия породить что-то, вполне лишенное здравого смысла.

Сильно рассерженная этими великолепными и обширными проектами, которые я отвергла, я в одно прекрасное утро призвала своего архитектора Баженова [9] и сказала ему:

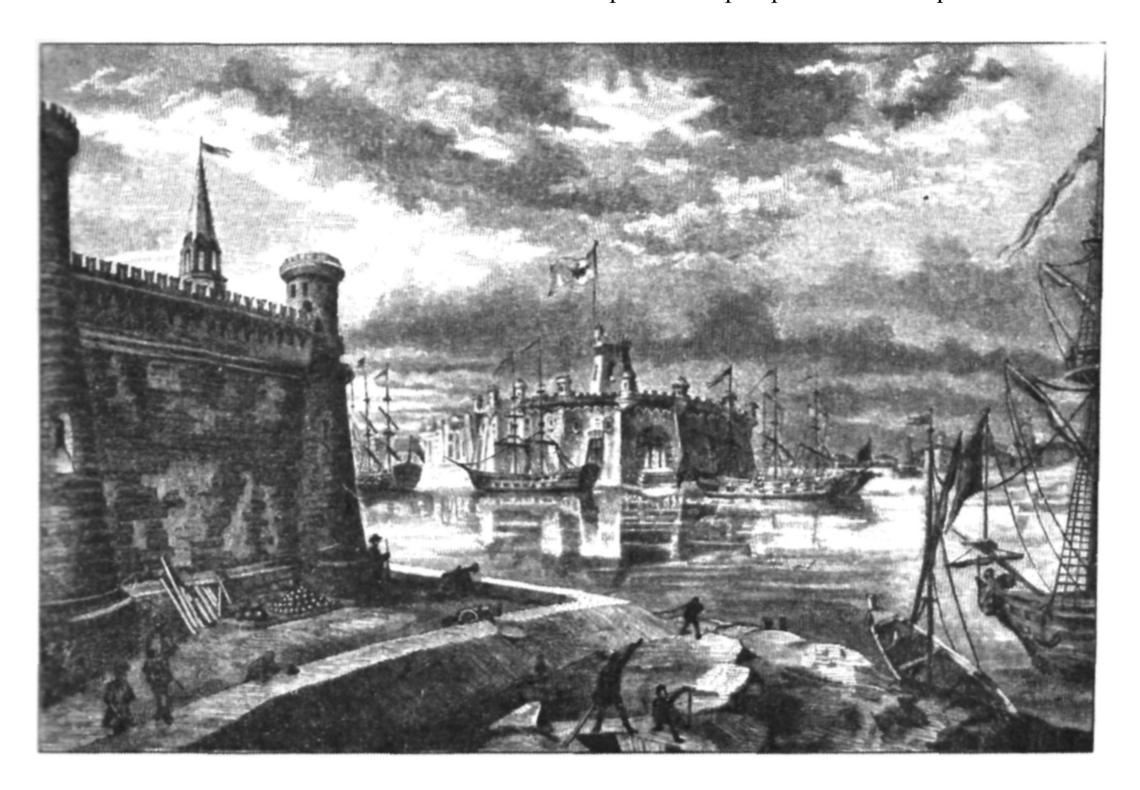
— Друг мой, в трех верстах от города есть луг; вообразите себе, что этот луг Черное море, что из города доходят до него двумя путями; ну, так один из этих путей будет Дон, а другой — Днепр; при устье первого вы построите обеденный зал и назовете его Азовом; при устье другого вы устроите театр и назовете его Кинбурном [10]. Вы обрисуете песком Крымский полуостров, там поставьте Керчь в Еникале, две бальные

Дом Пашкова в Москве в конце XVIII столетия. С гравюры Делабарта 1798 г.

Увеселительное строение, воздвигнутое на реке Ходынке, близ Москвы, по случаю празднования мира с Турцией в 1775 г.

залы; налево от Дона вы расположите буфет с вином и мясом для народа, против Крыма вы зажжете иллюминацию, чтобы представить радость двух империй о заключении мира. За Дунаем вы устроите фейерверк, а на той земле, которая должна представлять Черное море, вы расставите освещенные лодки и суда; берега рек, в которые обращены дороги, вы украсите ландшафтами, мельницами, деревьями, иллюминованными домами, и вот у вас будет праздник без вымыслов, но зато прекрасный, а особливо естественный.

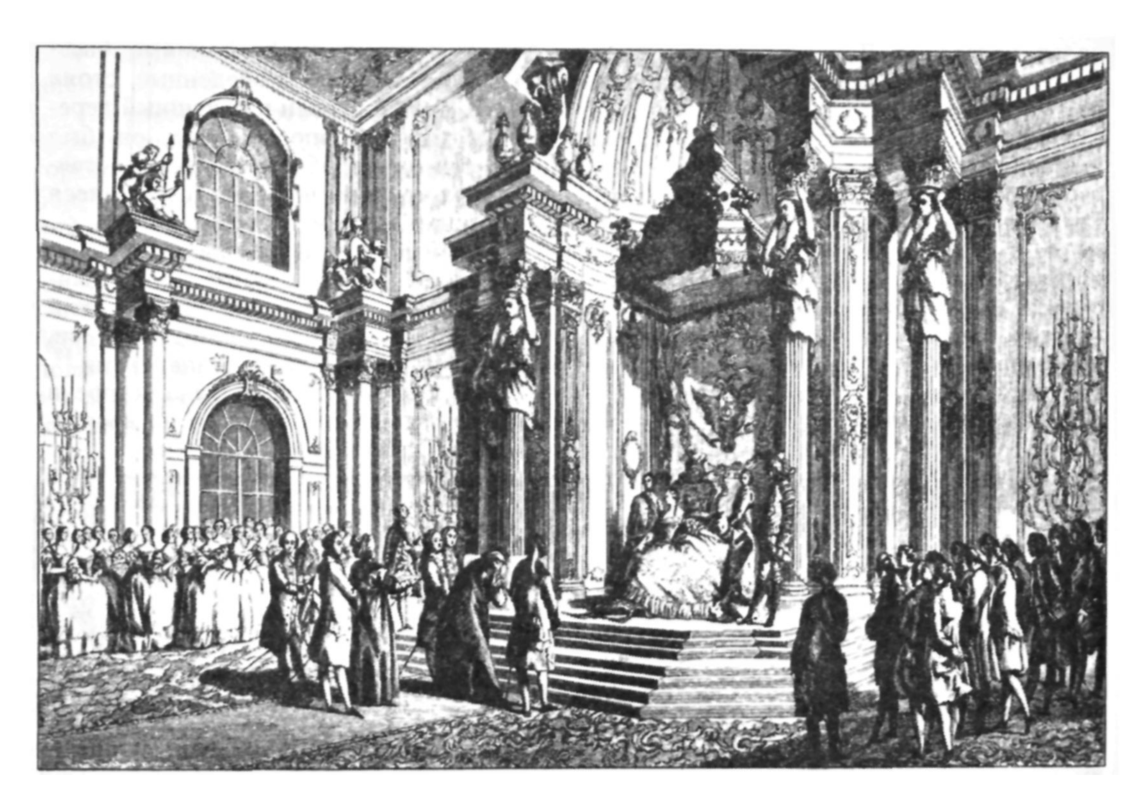

Мой друг, восхищенный этой мыслию, тотчас схватился за нее, и так готовится праздник. Я забыла вам сказать, что направо от Дона будет ярмарка, окрещенная именем Таганрога... Правда, что море на твердой земле не совсем имеет смысл, но простите этот недостаток...»

Празднества как мы уже говорили, вышли чрезвычайно удачны: благодаря простору не было ни одного несчастия, которое бы омрачило народное веселье. Народное гулянье открылось на Ходынке 21-го июля; торжества начались с утра этого дня и тянулись несколько дней подряд. На поле, как мы уже говорили, были построены разные крепости и города с турецкими названиями; были здесь залы бальные и обеденные, стоял и театр, был выстроен и потешный деревянный дворец; впоследствии он был перенесен на Воробьевы горы и поставлен на каменные подклети, оставшиеся от прежних царских теремов [11].

Кругом этого дворца разбит большой сад и аллеи. Все постройки на Ходынском поле были сделаны на турецкий образец, с разными вычурами: башнями, каланчами, с высокими минаретами [12], как при мечетях. На поле была устроена огромная ярмарка или базар на восточный манер, стояли кофейные дома, давалось народу даровое угощение, обеды и разные театральные представления. Места для зрителей были устроены на подмостках в виде кораблей с мачтами и парусами, в разных местах, которые названы именами морей, где Черное, Азовское, где река Дон; на острове Фанагории устроен театр для балансеров [13]; в Азове и в ногайских ордах стояли обеденные столы с жареными быками, с золочеными рогами, на каланчах били фонтаны вином.

С прибытием государыни на поле празднеств был подан сигнал к началу пиршества, многотысячная толпа быстро расхватала все яства. Государыня

Торжественная аудиенция турецкому посольству

смотрела на гулянье с красиво устроенной для нее галереи, на которой стояла роскошно отделанная серебром и покрытая тигровым бархатом и белым атласом с букетами мебель, в окнах галереи виднелись фарфоровые вазы с цветами. Для императрицы и августейшего семейства в Азовской крепости был приготовлен на пяти столах обед на 139 персон, после обеда на театре давали французскую комедию.

После этого шла в одной из галерей и русская опера «Иван-царевич», затем был маскарад, где танцевали особенную для этого случая кадриль [14] кавалеры и дамы, одетые в богатые турецкие и рыцарские костюмы.

На другой день государыня в городке «Таганроге» закупала богатые азиатские товары на большие суммы, вечером она отправилась на корабли, с которых и смотрела на блистательный фейерверк, изображавший Чесменскую битву. Фейерверк этот устраивал генерал-поручик Мелиссинф. После фейерверка государыня на возвратном пути ко дворцу проезжала по дороге, по одним сторонам которой были устроены деревянные щиты с разноцветными шкаликами и плошками. По закрытии торжеств вскоре в Кремле был парадный прием турецкого посла с грамотой о вечном мире и подарками.

Присланный посол от турецкого султана был Абдул-Керим. Церемониальный въезд его от подъездного дома на Якиманской улице, через Каменный мост, затем по Моховой, Никольской, в посольский дом на Солянке был необыкновенно пышен; посол ехал в золотой карете в восьмерку белых лошадей с многочисленной свитой арабов, гайдуков [15], скороходов, окруженной придворными чинами в золотых кафтанах.

Аудиенция его у императрицы вышла также не менее торжественна. Подарки, поднесенные послом, были необыкновенно ценны: в них обнаружилась вся роскошь сказочного Востока.

В числе подарков было золотое зеркало, осыпанное алмазами и рубинами, с арабскою надписью следующего содержания: «Благословение и счастие, удовольствие и спасение, честь и победа, благая помощь и сила, власть и могущество, слава и долголетие владельцу».

Драгоценнейший веер с алмазами, сапфирами, изумрудами и рубинами, такой же цены седло, усыпанное многоценными камнями, пернач [16] и сабля, украшенная алмазами, яхонтами и жемчугами. Екатерина II осталась довольна подарками своего друга Абдул-Гамида [17], как она в шутку называла султана, и в своих письмах к иностранцам говорила: «Мне кажется, что дружба и согласие, которые установились между возлюбленным моим братом Абдул-Гамидом и мною, заставляют многих худеть». Хотя мир с турками и был заключен, но завистливая Европа не переставала интриговать в Турции; точно так же и в то время как теперь, турки беспрестанно нарушали условия мирного договора. По этому поводу государыня писала через два года к Гримму: «По имени мир наш существует, на деле же марабу [18] (Этим именем она часто называет турок) ежедневно его нарушают пункт за пунктом и потом опять хотят ставить заплаты... Мой братец Абдул-Гамид все тот же». Окончательного подписания некоторых пояснительных статей Кючук-Кайнарджийского мира императрица дождалась только спустя четыре года после войны, в чем ей помог своим влиянием французский посланник Сен-При; последний получил за это от императрицы Андреевскую звезду с алмазами.

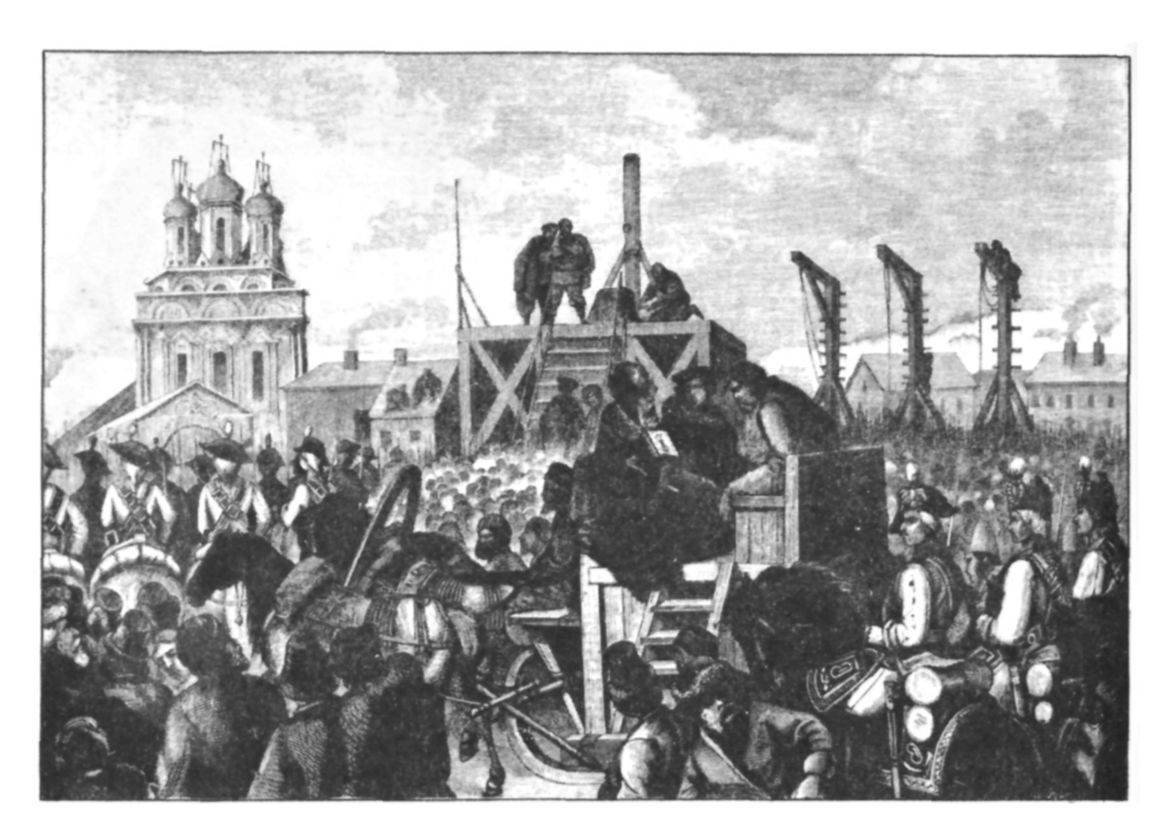

Князь
М. Н. Волконский.
С портрета,
принадлежавшего
Эрмитажу

После Салтыкова был назначен в Москву главнокомандующим князь М. Н. Волконский [19] (1713—1789). Это был один из выдающихся вельмож века Екатерины, умный и добрый, с низшими необыкновенно обходительный и гордый только с временщиками. Императрица два раза мирила его с Потемкиным. Он успешно отправлял все важные государственные должности, возлагаемые на него государыней. В 1771 году назначенный главнокомандующим в Москву, на этом важном тогда посту он блистательно управляет столицей и деятельно ведет переписку с императрицей; при нем в Москве учреждается банк для вымена государственных ассигнаций, директором которого, как в Москве, так и в Петербурге, назначается граф Андрей Петрович Шувалов.

Первая контора ассигнационного банка была открыта на Мясницкой, в приходе архидиакона Евпла [20]: здесь был размен ассигнаций и медной монеты; последняя хранилась в подвалах и особых кладовых; то и другое имело необыкновенную сырость, и мешки с медью, производя постоянную россыпь, требовали нового счета, новой поверки; позднее в этом доме была винная контора. Сперва ассигнации в публике встретили недоверие, но вскоре кредит бумажных денег и требование на них сильно возросли, но банк туго их выдавал, вследствие этого в Москве открылись меняльные лавки, или, как их тогда называли, «меновные лавки»; промен в последних в первое время существовал следующий: меняя крупные ассигнации на мелкие, платили промену по грошу [21] с рубля; разменивая ассигнации на медь, брали по пяти копеек с рубля; разменивая рублевики на ассигнации — по десяти копеек с рубля; а рублевики на медные деньги — по восьми копеек с рубля; первые ассигнации были следующего достоинства: 25, 50, 75 и 100 рублей.

По случаю появившихся фальшивых ассигнаций, переделанных из 25-ти рублевого достоинства в 75-ти рублевые, повелено впредь не делать 75-ти рубле-

вых ассигнаций, и всенародно было объявлено, чтобы каждый частный человек, имеющий такие ассигнации, в установленный срок представлял их для обмена на другого достоинства.

Подделывателями ассигнаций явились два брата Пушкиных, Сергей и Михаил, и Федор Сукин. Сергей Пушкин привез из-за границы штемпеля, литеры и бумагу для делания поддельных ассигнаций. Екатерина II ревностно взялась за преследование подделывателей и собственноручную прислала записку Волконскому, в которой выписывает наказание виновным: «Сергея Пушкина, который для делания штемпеля ездил в чужие края и с оными при обратном пути на границе пойман, следовательно, более других заботился о произведении сего вредного государственному кредиту дела, лишить чинов и дворянства и взвести на эшафот, где над ним переломить шпагу и поставить на лбу «В», заключить его вечно, как вредного обществу человека, в какую ни есть крепость. Михаила Пушкина, как сообщника сего дела, лишить чиной и дворянства и сослать в ссылку в дальние сибирские места. Федора Сукина, чрез колебание совести которого сие вредное дело открылось и Сергей Пушкин пойман, то, смотря более на его неокаменелость в преступлении, нежели на его действительную вину, повелеваем лишить всех чинов и сослать в ссылку в Оренбургскую губернию. Имение же всех сих отдать ближним их по законам наследникам».

Кредит государственных ассигнаций после того сильно поколебался и только пятнадцать лет спустя приобрел в народе снова свою ценность. В 1786 году ассигнации были обменены на новые образцы, изготовлено было их на 50 000 000 рублей; всех обменено было прежних ассигнаций на сумму 46 219 250 рублей. В следующем году ассигнаций было выпущено уже на сто миллионов рублей. К концу царствования Екатерины ассигнаций в обращении было на 157 миллионов рублей.

С 1768 по 1786 год бумага для ассигнаций делалась на красносельской бумажной фабрике графа Сиверса — есть предание, что в первое время не хватило материала для приготовления бумаги — и что Екатерина приказала выдать все свое старое дворцовое белье: скатерти и салфетки.

Позднее была учреждена казенная бумажная мельница в Царском Селе.

Первые ассигнации приготовлялись

Е. Пугачев.
С гравированного
портрета XVIII в.

Казнь Пугачева.
С рисунка художника
Шарлеманя

на белой бумаге, имели вид четвероугольника, по сторонам с внутренними просвечивающимися прописями; вверху «Любовь к отечеству», внизу «Действует в пользу онаго», с левой стороны «Государственная казна» и с правой достоинство ассигнации прописью, в конце следовали для возбуждения большего доверия подписи: двух сенаторов, советника правления и директоров банка, писанные собственноручно пером. Первые ассигнации были в обращении 18 лет.

Легкий способ и неограниченное право выпускать ассигнации, заменяющие наличные деньги, дали повод министру финансов во времена Николая и графу Е. Ф. Канкрину [22] назвать их «сладким ядом государства». При Павле I [23] число ассигнаций возросло до 212 миллионов; при Александре I [24] в 1810 году сумма их достигала до 577 миллионов. С 1812 по 1817 год масса всех ассигнаций, обращавшихся в народе, простиралась до 836 миллионов, зато и достоинство их упало на 75 процентов против серебряной монеты.

В течение этого времени народ привык считать серебряную монету в 25 копеек, или четвертак, — ассигнационным рублем, и серебряная монета в 25 копеек принималась за 100 копеек медной монеты. Есть свидетельство, что в Отечественную войну Наполеон [25], желая подорвать окончательно наш кредит, пустил в ход массу фальшивых ассигнаций, по выходе французов из Москвы крестьяне представляли военному начальству доставшиеся им по разным случаям во время неприятельского нашествия сторублевые ассигнации французского изделия, так искусно подделанные, что даже в ассигнационном банке приняли их с первого взгляда за настоящие; они отличались от русских только тем, что подпись на них была выгравирована.

Данилевский [26] в своей истории 1812 года говорит о письме Бертье [27] к Наполеону, где последний, между прочим, изъявляет свою горесть о потере «последней своей коляски, в которой были самые тайные бумаги». Данилевский добавляет: «В ней найдено было нами очевидное доказательство плутовства Наполеона: доска для делания фальшивых сторублевых русских ассигнаций».

Известный следователь по раскольничьим делам И. Липранди уверяет, что эти фальшивые ассигнации печатались в Москве на Преображенском кладбище [28]: московские старожилы ему указывали в 1846 году на две комнаты на этом кладбище, в одной из которых стоял станок для делания фальшивых ассигнаций, а в другой жили французские жандармы.

Возвращаемся опять к деятельности московского главнокомандующего князя Волконского. При возникновении пугачевского бунта императрица деятельно ведет с ним переписку, советуя ему «успокоивать умы жителей древней столицы». Князю Волконскому привелось также быть главным деятелем в суде над самозванцем. В Москве чернь была в таком настроении, что правительство одно время боялось, чтобы Пугачев не наделал в ней какой ни на есть пакости. Вера в него, как в Петра III [29], там была очень сильна; в этих-то видах Москва и была избрана местом для суда и казни Пугачева [30].

Князь Волконский хотел сделать ввоз Пугачева как можно более гласным; он приказал изготовить особенную повозку, на которой стояла виселица, и к ней, стоя, должен был быть прикован Пугачев; наверху над ним должна быть

доска, на которой большими буквами выписаны все его злодеяния.

Но императрица проект князя не одобрила, а приказала «его привезти днем под конвоем (окроме тех, кои с ним) сот до двух донских казаков и драгунов, без всякой дальней аффектации и не показывая дальное уважение к сему злодею и изменнику». Пугачева привезли в Москву в десять часов утра, 4-го ноября 1774 года.

Народ массами встретил повозку с ним и провожал в бесчисленном количестве по всем улицам до Монетного двора [31] (в Охотном ряду), где была приготовлена тюрьма для Пугачева. Множество карет с дамами собралось к Воскресенским воротам; думали, что Пугачев подойдет к окну. Но этого ему сделать было нельзя: по привозе в тюрьму его приковали к стене.

Жена и сын его помещены были в отдельной комнате. Следователи — Шешковский [32] и Галахов — поселились в той же тюрьме; через час прибыл в Тайную экспедицию и князь Волконский. К судьям в судейскую комнату ввели Пугачева, который пал на колени. Князь Волконский стал говорить с ним «истерически», каким он образом, где и когда он содеял злодейства и т. д. На вопросы Пугачев отвечал спокойно и ясно: «Мой грех, виноват» и проч. Послал Волконский и за женой Пугачева. Казачка не знала о делах мужа и отвечала на все вопросы неведением; Пугачев бросил ее еще за три года.

Для участия в окончательном суде прибыли в Москву генерал-прокурор князь Вяземский [33] и П. С. Потемкин, возивший в Петербург следственное дело. 9-го января 1775 года была подписана сентенция [34]. Пугачев и Перфильев [35] приговорены были к четвертованию. Казнь совершилась 16-го января 1775 года в Москве, на Болоте. Вот что передают очевидцы о казни Пугачева: «Эшафот был воздвигнут на середине площади; вокруг были поставлены пехотные полки — начальники и офицеры имели знаки и шарфы сверх шуб по причине жестокого мороза. Здесь же был и обер-полициймейстер Архаров [36] со своими подчиненными.

«На высоте лобного места или эшафота стояли палачи. Позади фронта все пространство низкой лощины Болота, все кровли были усеяны зрителями; любопытные даже стояли на козлах и запятках карет и колясок. Вдруг все сколебалось и с шумом заговорило: «Везут! везут!»

Вскоре появился отряд кирасир, за ним необыкновенной высоты сани, и в них сидел Пугачев; он держал в руках две толстые зажженные свечи из желтого воска, который, от движения оплывая, залеплял ему руки; напротив его сидел священник в ризе с крестом и еще секретарь Тайной экспедиции, за санями следовал отряд конницы. Пугачев был с непокрытою головою и кланялся на обе стороны.

Сани остановились против крыльца лобного места. Когда Пугачев и любимец его Перфильев, в сопровождении духовника и двух чиновников, взошли на эшафот, раздалось «на караул!» и один из чиновников стал читать манифест.

При произнесении чтецом имени злодея Архаров спрашивал: «Ты ли донской казак Емелька Пугачев?» — «Так, государь, — отвечал последний, — я». И проч. Во все продолжение чтения манифеста он, глядя на собор, часто крестился, тогда как его сподвижник, Перфильев, стоял неподвижно, потупя глаза в землю.

По прочтении манифеста духовник сказал им несколько слов, благословил их и пошел с эшафота.

Тогда Пугачев сделал с крестным знамением несколько земных поклонов, обратясь к соборам; потом с оторопелым видом стал прощаться с народом, кланялся на все стороны, говоря прерывистым голосом: «Прости, народ православный».

После этого экзекутор [37] дал знак палачам, и палачи бросились раздевать его; сорвали белый бараний тулуп и стали раздирать рукава шелкового малинового полукафтанья. Тогда он всплеснул руками, опрокинулся назад, и вмиг окровавленная голова уже висела в воздухе, палач взмахнул ее за волосы. С Перфильевым последовало то же. Четвертование было исполнено над трупами. Отрезанные части тела несколько дней выставлены были около московских застав и, наконец, сожжены вместе с телами, а пепел развеян палачами». Внук Пугачева был жив еще в 1890 году; он жил в одной из московских богаделен.

Через две недели после казни Пугачева в Москву прибыла императрица

Екатерина и здесь принимала участие в удовольствиях столицы, где в то время праздники следовали за праздниками.

Роскошью и разнообразием их Екатерина старалась возвысить блеск своего двора и затмить пережитое ею тревожное время. Со дня открытия законодательной комиссии, более шести лет перед этим, Екатерина не позабыла своего неудовольствия на старую столицу и, возвратясь снова в ее белокаменные стены, говорила, что чума не истребила всего политического яда, коренящегося в этом городе.

Весною 1775 года в Москве изготовлялись важнейшие из реформ екатерининского царствования — новые губернские учреждения[38], которые явились главным результатом законодательной комиссии; образцом для этих учреждений послужило устройство остзейских провинций[39]. Разумеется, подобный образец имел большую поддержку в остзейцах, занимавших многие значительные места при дворе и в администрации. Екатерина хотела сначала ввести новые учреждения только в Твери, в виде опыта.

Но, как уверяет Сиверс, совет, состоявший из придворных льстецов, бросился к ее ногам и со слезами умолял немедленно обратить в закон такое великое благодеяние. Императрица уступила, и проект сделался законом.

В Москве также в это время вышел манифест «О высочайших дарованных разным сословиям милостях по случаю заключенного мира с турками»; в числе пунктов этого манифеста был один, который унижал достоинство граждан и облегчал чиновникам и недобросовестным богачам способы притеснять мелких торговцев.

Пункт этот предписывал гражданам, не имеющим капитала свыше 500 рублей, называться не купцами, а мещанами и платить по-прежнему подушные; купцы же всех трех гильдий освобождались от подушного и обязывались платить по одному проценту с «объявленного им по совести» капитала. Про этот манифест государыня писала к Гримму, что он ее лишает полутора миллионов дохода. Также не менее неудовольствия в Москве произвел указ от 3-го апреля 1775 года об экипажах и ливреях.

Крепостная башня

Главным мотивом для распределения экипажей и ливрей соответственно разным рангам выставлено желание уменьшить «день ото дня умножающуюся роскошь». Сакен, саксонский посланник, доносил своему двору, будто этот указ произвел в Москве большее неудовольствие, нежели бедствия чумы и пугачевщина, а неслужащая часть дворянства, униженная новыми правилами, будто начала покидать столицу. Государыня в этот приезд пробыла в Москве почти год и на этот раз, видимо, осталась довольна древней столицей.

О своих тогдашних впечатлениях вот что она писала Гримму:

«Я в восторге, что сюда приехала, и здесь все большие и малые в восторге, что меня видят... Этот город есть феникс [40], воскресающий из пепла; я нахожу народонаселение заметно уменьшенным и причиной тому чума: она, наверное, унесла в Москве более ста тысяч человек. Но перестанем говорить об этом. Вы хотите иметь план моего дома [41]? Я вам пришлю его, но нелегка штука опознаться в этом лабиринте.

Я пробыла здесь два часа и не могла добиться того, чтобы безошибочно находить дверь своего кабинета, это торжество путаницы. В жизни я не видала столько дверей; я уж полдюжины велела уничтожить, и все-таки их вдвое более, чем требуется».

Какие неудобства императрица испытывала, видно, между прочим, из слов: «Сидя между тремя дверями и тремя окнами», а также из следующей выдержки: «У меня в Москве очень дурное помещение в грязном квартале, дом мой высок и сам по себе, и по местоположению, которое он занимает; соседние испарения [42] распространяют там миазмы, более полезные в истерике, чем приятные, и я удаляюсь оттуда почаще...»

ГЛАВА IV

Рассказы капитана де Белькура про Москву. — Подъездной дворец. — Загородные дома в Петровском. — Землянки французов. — Башиловка. — Архитектор Матвей Казаков. — Лобное место. — Историческое прошлое его. — Салтычиха. — Убийцы Жуковы. — «Тайная канцелярия». — Истязания и пытки. — Вольная типография. — Н. И. Новиков. — Деятельность московских масонов. — Гроза, постигшая и х . — Университетская типография. — Старые московские типографщики и книгопродавцы. — Возвращение Новикова в Москву. — Характеристика Новикова. — Рассказы про масонов. — Обряд посвящения в масоны. — Банкеты масонов. — Число масонских лож в Москве. — Запрещение масонских лож в 1822 и 1826 годах. — Забытая масонская ложа

В царствование Екатерины II Москва, как уже мы выше говорили, не производила хорошего впечатления своими постройками. По словам Тесьби де Белькура, древняя столица имела вид «совокупности многих деревень, беспорядочно размещенных и образующих собою огромный лабиринт, в котором чужестранцу нелегко опознаться». Вы видите тут, говорит он, огромные, роскошно изукрашенные палаты; но все строено в самом странном вкусе (le goût le plus baroque — *фр.*). Эти палаты окружены дрянными маленькими домишками, которые, без преувеличения, можно назвать балаганами.

Даже самый царский дворец в Кремле состоит из беспорядочных, полуразрушенных построек, как будто он только что выдержал осаду от варваров-разрушителей. Улицы дурно расположены и так же дурно содержатся.

Благоустроенных общественных зданий нет, ни одно даже не заслуживает такого названия. Белькур восхищается только одними триумфальными (Красными) воротами [1], существующими посейчас.

Во время пребывания своего в Москве в 1775 году императрица Екатерина II повелела в память побед российских войск над оттоманами заложить подъездной дворец за Тверской заставой, на пустом месте, принадлежащем московскому Высоко-Петровскому монастырю.

Постройку дворца государыня препоручила известному зодчему Матвею Казакову. Дворец был назван по местности — «Петровским» и выстроен в готическом вкусе [2]. Екатерина II в первый раз остановилась в этом дворце в 1787 году.

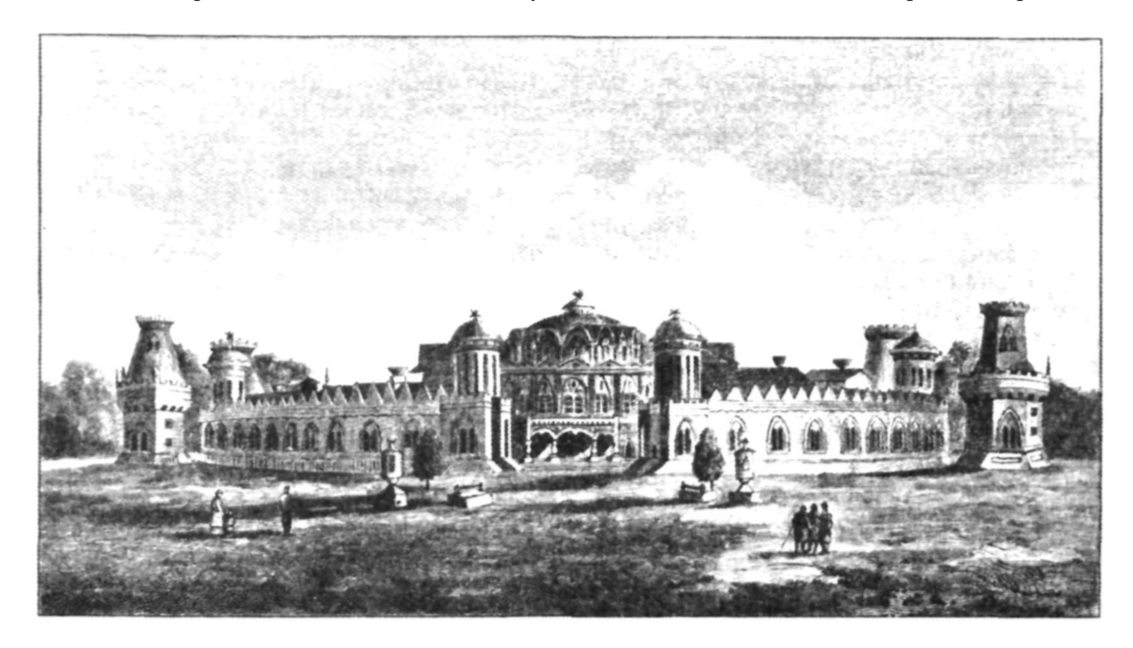
Есть предание, что государыня во время своего пребывания здесь отослала все назначенные для нее караулы солдат, сказав, что она хочет остаться во дворце под охраной своего народа. И после того, как передает предание, толпы народа стали тесниться около дворца, остерегая друг друга, говоря: «Не шумите, не нарушайте покоя нашей матушки». Возле этого дворца уже в первое время стояли загородные дома: гр. Апраксина, кн. Волконского, Голицына и других, а также в лежащей около большой вековой роще ютилось несколько загородных трактиров и ресторанов; один из таких, под названием «Gastronome russe» («Любитель русской кухни» — *фр.*), долго славился своими гастрономическими обедами; его содержал француз-повар.

В Отечественную войну Петровская роща пострадала от неприятелей; самые большие деревья были вырублены на батареи. Французы в этой местности построили себе роскошные землянки с рамами, дверями, зеркалами и мебелью, взятыми из лучших барских московских палат. Но когда в Кремле вспыхнул пожар и французы начали выбираться из Москвы, то и император Наполеон выбрал своим местожительством Петровский дворец, а гвардия и свита его еще гуще разместились в этих землянках.

При выступлении неприятеля из Москвы многие отдельные отставшие его отряды в этой местности были разбиты крестьянами, и трупы убитых были за-

рыты в этих землянках. Но собственно Петровский парк обстроился только в тридцатых годах нынешнего столетия. В эти годы вся местность от Тверской заставы до Петровского дворца была разделена на участки и отдана желающим здесь строиться.

Самое большое пространство земли взял тогдашний начальник комиссии для построений А. А. Башилов [3]; он выстроил здесь вокзал, где давались праздники с цыганами, фейерверками и т. п. В его же время был построен и Петровский летний театр. Улица Башиловка получила название от имени этого землевладельца.

Петровский дворец в Москве. С гравюры начала XIX в.

Зал Московского дворянского собрания, украшенный для приема Екатерины II. С рисунка с натуры Тишбейна (подлинник в Эрмитаже)

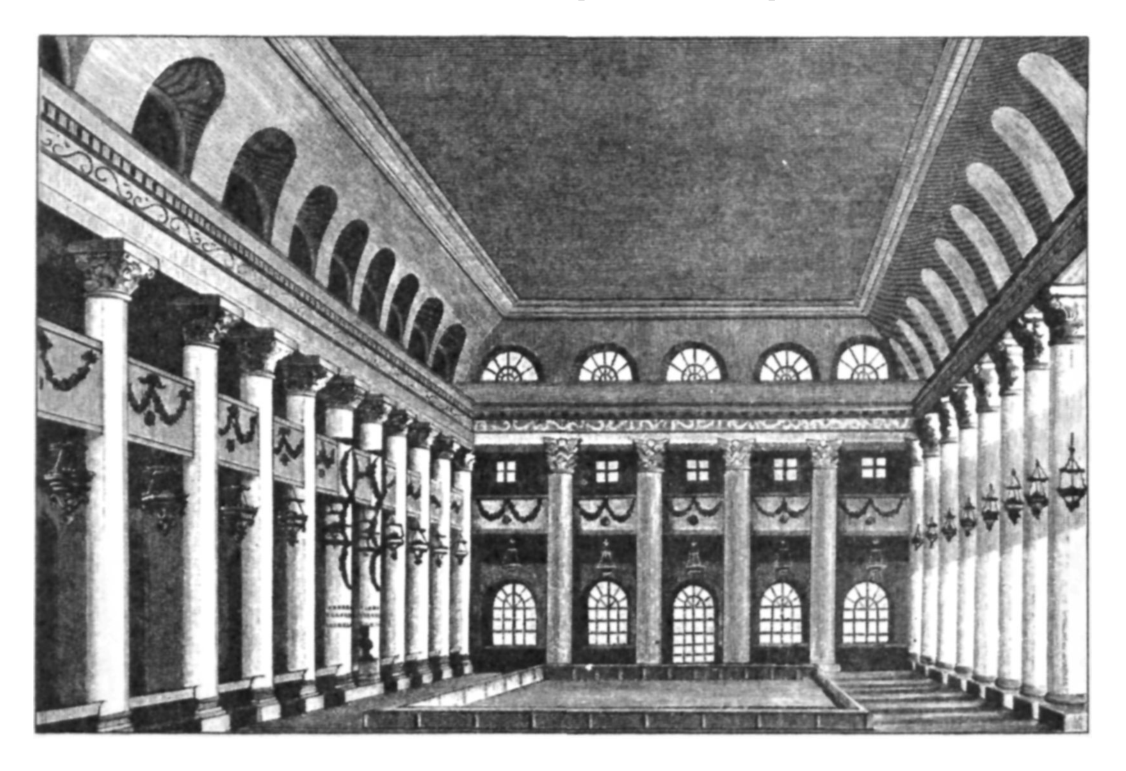
Петровский дворец Казаков выстроил в семь лет. Государыне очень понравилось здание дворца. Кроме этого дворца Казаковым в Москве построены: Голицынская [4] и Павловская больницы, соборная церковь в Зачатьевском монастыре [5] и здание присутственных мест в Кремле [6]. В этом здании считается образцовым произведением зодчества ротонда с куполом, над которым видна императорская корона с надписью: «Закон» [7].

До 1812 года здесь стоял колоссальный золотой св. Георгий на коне, изображающий герб Московской губернии. Эта ротонда была назначена для общих собраний губернского дворянства и для баллотирования новых членов через каждые три года. Купол этот считается по своей величине чудом архитектурного искусства. Существует рассказ, что, когда по его отделке были вынуты все подмостки и леса, начальник Кремлевской экспедиции М. М. Измайлов пригласил всех известных тогда архитекторов, в числе которых был и знаменитый Баженов, для освидетельствования здания и купола, и когда зодчие выразили некоторое сомнение в прочности его, то Казаков взошел на поверхность купола и более получаса стоял на нем.

Этот опыт, довольно наивный надо сказать, восхитил всех архитекторов, и

по возвращении Казакова он был принят рукоплесканиями и криками «ура». В первое время по постройке против главного входа в великолепной арке воздвигнут был императорский трон, обширные галереи с обеих сторон также были отделаны барельефами и гербами уездных городов Московской губернии. Когда в 1787 году Екатерина II с блестящей свитою обозревала эту постройку, то сказала сопровождавшему ее М. М. Измайлову:

— Я ожидаю, что благородные дворяне при первом своем собрании здесь

для выборов, смотря на этот трон, припомнят, что я дала им и всему их потомству грамоту с правами и преимуществами важными [8].

После этого государыня обратилась к Казакову, сказав:

— Как все хорошо, какое искусство! Это превзошло мое ожидание; нынешний день ты подарил меня удовольствием редким; с тобою я сочтуся, а теперь вот тебе мои перчатки, отдай их своей жене и скажи, что это на память моего к тебе благоволения.

При выходе государыни из здания мастеровые приветствовали царицу восторженными криками. Императрица приказала им выдать 500 рублей. Казаков за постройку получил следующий чин, бриллиантовый перстень и значительную пенсию. Казаков пользовался благоволением императоров: Павла I и Александра I. Им построено в Москве множество частных домов; он умер 79 лет, в чине действительного статского советника [9], по приезде его из Москвы в Рязань, во время нашествия французов в 1812 году.

На месте, где было воздвигнуто им колоссальное здание в Кремле, некогда стояли палаты князя Трубецкого и упраздненные церкви св. Козьмы и Дамиана, Филиппа Митрополита и Введения во храм Богородицы.

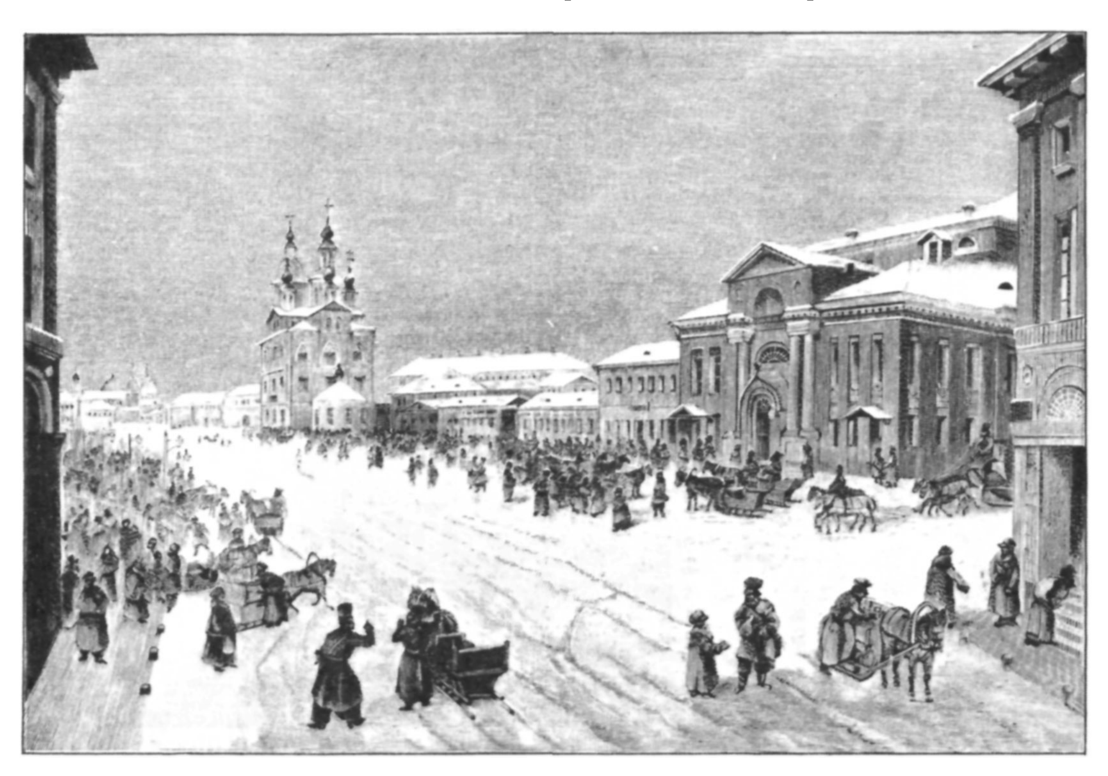
В числе построек нехудожественных и капитальных, но важных в истории Москвы в царствование Екатерины II на Красной площади, против Спасских ворот, было перестроено Лобное место [10]; до этого оно было кирпичное с деревянною решеткой, которая запиралась железным засовом, имело навес или шатер на столбах; государыня приказала сделать его из дикого белого тесаного камня, круглый помост его с амвоном оградить каменными перилами, а с запада ступенчатый вход с железною решеткой и с дверью.

Позднее, при императоре Павле I,

московское купечество хотело здесь поставить под куполом огромный крест с изображением страстей Христовых, рая и ада, также святых мест Иерусалима, хранящийся в соборной церкви Сретенского монастыря [11], но почему-то этот план не осуществился, хотя проект и был одобрен митрополитом Платоном.

Лобное место издревле имело религиозное и государственное значение; сюда ставились приносимые в Москву святые мощи и образа, здесь служили молебны, здесь объявлялись указы народу и отсюда народ узнавал об избиторой нередко цари говорили с народом.

Отсюда Иоанн Грозный торжественно просил прощения у земли и обещал, в присутствии митрополита и депутатов государства, быть судьею и обороной своих подданных; там же он в 1570 году объявлял свой суд над обвиненными боярами; отсюда Василий Шуйский [14] был провозглашен царем; с этого же места Лжедмитрий [15] просил дозволения оправдаться ему перед народом; с Лобного же места патриарх в Вербное воскресенье, по совершении молебствия,

раемых на царство царях, отсюда патриарх раздавал народу свое благословение и здесь же совершались казни [12], вероятно, по месту, недалекому от застенка, который помещался в Константиновской башне [13]. При Петре I Лобное место было обставлено головами стрельцов, воткнутыми на кол, и только при Петре II, по указам 1727 года июня 10-го и сентября 17-го, сняты виселицы и столбы, на которых были тела казненных. Лобное место получило свое название по валявшимся там черепам. Но полагают также, что название это произошло и от возвышенного места, кафедры (lobium — *лат.*), с ко-

Дом Дворянского собрания и Охотный ряд в Москве. С литографии начала XVII столетия

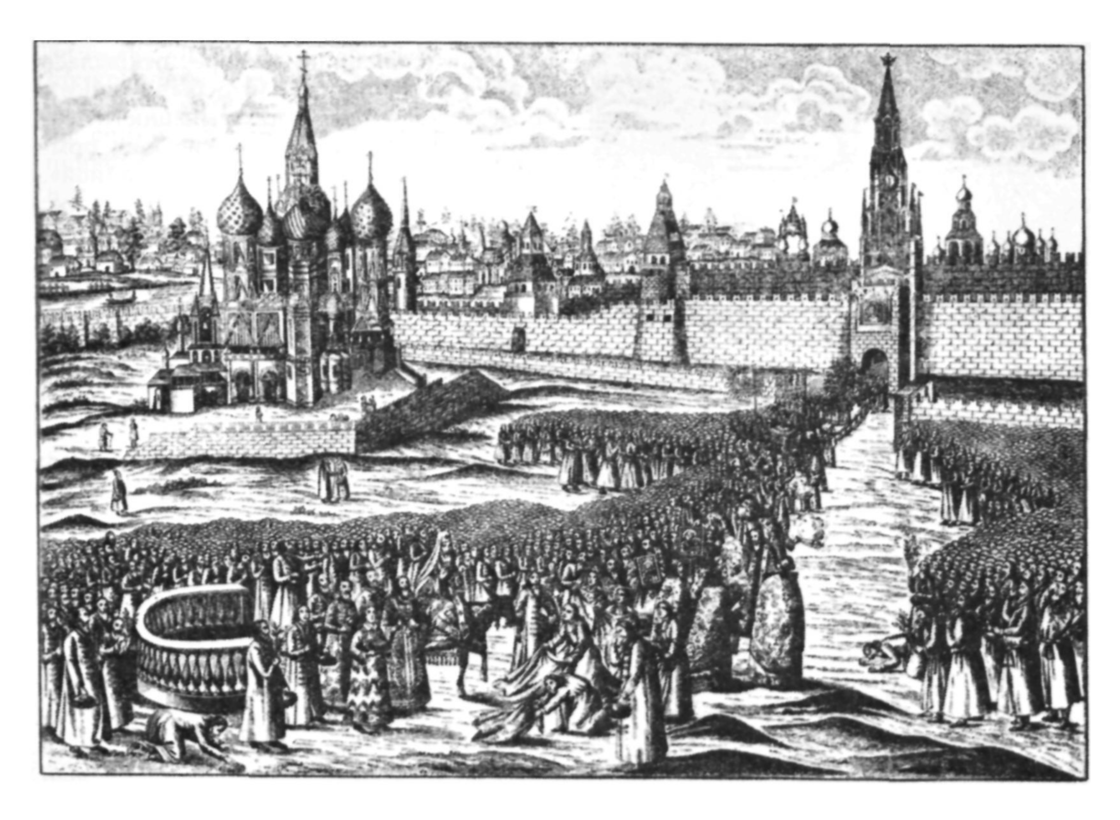
Крестный ход (шествие на осляти) в Москве в XVII столетии. Со старинной голландской гравюры

ехал по соборной церкви на осляти, ведомом царем. У Лобного же места бывало самое раннее весеннее гулянье в Лазареву субботу; называлось оно «под вербою» [16].

Здесь была небольшая ярмарка, на которой продавалась верба для наступающего праздника недели ваий, или входа во Иерусалим; придельный храмовый праздник этого дня был в Покровском соборе, известном более под именем Василия Блаженного. С Лобного места нанимались попы служить обедни в домовые церкви [17].

наносила собственноручно палкою, скалкою, поленьями, или при ее глазах несчастных добивали плетями ее конюхи и гайдуки.

Замечательно, что сердце этой ужасной женщины было доступно любви: она питала самую нежную, сердечную любовь к инженеру Тютчеву. Жила эта тигрица в Москве, в собственном доме, на углу Кузнечного моста и Лубянки. Дело Салтычихи тянулось шесть лет. Салтычиха от всего отпиралась, говоря, что все доносы были сделаны на нее из злобы. Судья просил императрицу, чтобы она

У Лобного места при царе Алексее Михайловиче стояли пушки и был царев кабак, называемый «Под пушками». На этом же Лобном месте была поставлена на эшафоте палачом Салтычиха [18] в саване, со свечою в руке, с листом на груди, на котором было написано: «Мучительница и душегубица». Салтычиха, Дарья Михайловна, была вдова Салтыкова и по связям покойного своего мужа принадлежала к самым знатным людям того века; загублено ею было крестьян и дворовых людей до 138 душ.

Гнев Салтычихи происходил только от одной причины — за нечистое мытье белья или полов. Побои Салтыкова

дозволила употребить над ней пытку; государыня не согласилась, но только приказала перед глазами Салтычихи произвесть пытку над кем-нибудь из осужденных, но и это не привело последнюю к раскаянию. Но, наконец, «душегубицу и мучительницу» приказано было заключить в подземную тюрьму под сводами церкви Ивановского монастыря [19], пищу приказано ей было подавать туда со свечою, которую опять гасить, как скоро она наестся. Пищу подавал ей солдат, сперва в окно, потом в дверь.

По сказанию старожилов, от своего тюремщика она родила ребенка. Салтычиха была в старости очень толстая жен-

Портрет М. Ф. Казакова. С гравированного портрета Афанасьева (из собрания Д. А. Ровинского)

щина, и когда народ приходил смотреть в окошечко, самовольно отдергивая зеленую занавесочку, желая посмотреть на злодейку, употреблявшую, по общей молве, в пищу женские груди и младенцев, то Салтычиха ругалась, плевала и совала палку сквозь открытое в летнюю пору окошечко. Салтычиха была заключена в склепе тридцать три года, умерла в 1800 году и похоронена в Донском монастыре. Застенок, в котором она сидела, разобран вместе с церковью в 1860 году.

В царствование Екатерины II отправление карательного правосудия с принесением публичного покаяния совершалось как на Лобном месте, так и на улицах Москвы. Государыня такими гласными обрядами хотела действовать на дух и нравственность народа, возбуждая омерзение к ужасным преступлениям. Из таких примеров известен был в 1766 году еще один, когда по московским улицам, при громадном стечении народа отряд солдат с заряженными ружьями, со священником с крестом провожал босых, скованных мужчину и женщину, в саванах, с распущенными волосами, которые падали на глаза; это были Жуковы, убийцы своей матери и сестры.

Они останавливались пред дверьми Успенского собора, перед церквями св. Петра и Павла в Басманной [20], Параскевы Пятницы на Пятницкой [21], у Николы Явленного на Арбате [22] и т. д. Там читался им манифест.

Преступники, стоя на коленях, должны были прочесть сочиненную на этот случай молитву и неоднократно повторять пред народом покаяние. В екатерининское время Тайная канцелярия была уничтожена, но вскоре открылась Тайная экспедиция [23], что было одно и то же. В сороковых годах нынешнего столетия старожилы московские еще помнили железные ворота этой «тайной», где караул стоял во внутренности двора; страшно было, говорили, ходить мимо них. В застенках и каменных мешках содержались заподозренные и оговоренные люди в кандалах, колодках и нередко с кляпом во рту. Туда не допускались ни родные, ни знакомые, ворота отпирались только при особенных случаях или рано утром, или поздно ночью. Места заключения назывались в старину «порубами», «ямами», погребами, каменным мешком, где нельзя ни сесть, ни лечь. В Константиновской башне, по стене Московского Кремля, к ней ведущей, существует посейчас крытый коридор с узенькими окошечками, где содержались приговоренные к пытке с заклепанными устами, которые расклепывались для ответа и для принятия скудной пищи, и прикованные к стене, в которой были железные пробои и кольца.

Употребительнейшая из пыток в то время была дыба, или виска: истязуемому завертывали и связывали назад руки веревкою, за которую, подняв кверху на блоке, утвержденном на потолке, вывертывали руки из суставов, а к ногам привязывали тяжелые колодки, на которые становился палач и подпрыгивал, увеличивая мучения истязуемых.

Кости, выходя из суставов, хрустели, ломались, иногда кожа лопалась, жилы вытягивались, рвались. В таком положении пытаемого часто били кнутом по обнаженной спине так, что кожа лоскутьями летела, и после еще встряхивали по спине зажженным веником.

Когда снимали с дыбы, палач вправ-

лял руки в суставы, схватив за руки и вдруг дернув наперед.

Иногда, для вынуждения признания у преступника, перед ним пытали «на заказ» другого злодея, дабы тем вынудить правду у обвиняемого, также кормили подозреваемого соленым и сажали его в жарко натопленную баню, не давая ему пить до тех пор, пока не вымучат признания, часто ложного.

При истязаниях секли иногда и сальными свечами; последние причиняли ужасное мучение. Допрашивали «подлинную» также подлинниками, или смоляными кнутами, к хвостам которых прикреплялись кусочки свинца. Наказывали кнутом преступника, положив его на спину другого. Аббат Шапдатрош * приводит в своем путешествии описание такого наказания над Натальей Лопухиной [24], статс-дамой, первой красавицей своего времени, в царствование Елисаветы Петровны, за участие в заговоре маркиза Ботта.

«Простая одежда, — говорит он, — придавала новый блеск ее прелестям. Один из палачей сорвал с нее небольшую епанчу [25] покрывавшую грудь ее; стыд и отчаяние овладели ею, смертельная бледность показалась на челе ее, слезы полились ручьями. Вскоре обнажили ее до пояса в виду любопытного, молчаливого народа; тогда один из палачей нагнулся, между тем другой схватил ее руками, приподнял на спину своего товарища, наклонил ее голову, чтобы не задеть кнутом. После кнута ей отрезали часть языка».

Екатерина II запретила наказывать на спинах других, а приказала делать на станке и козе [26]. В застенках нередко истязуемого подымали на блоке вверх, разводили под ним огонь и мучили его жаром и дымом или привязывали его на кол, так что можно было его вертеть над огнем, как жаркое на вертеле. Для выведывания тайны также забивали под ногти спицы или гвозди; это называлось: «выведать всю подноготную».

При Бироне иногда виновных бросали с камнем в реку, чтобы «след простыл». Ранее этого так казнили отцеубийц на Руси: связав им руки и привесив камень или надев на голову куль, кидали в воду. Также, по преданию народному, их живыми опускали на дно могилы, а на них

Наталья Федоровна Лопухина. С портрета, принадлежавшего князю А. Б. Лобанову-Ростовскому

ставили гроб с телом убитого и таким образом засыпали землей.

За подделку денег лили в горло олово и отсекали руки. При Петре I было введено колесование, заимствованное от шведов, и вешание за ребра — колесовали разбойников и вешали за ребра воров; за поджоги и колдовство сжигали живыми. Последнюю казнь несли также еретики и неудачные врачи. К жесточайшим мукам причисляли также литье воды по каплям на обритую голову, причем на уши клали горячие угли.

Против тайного судилища на площади стояло в екатерининское время низенькое каменное здание Вольной типографии, содержателем которой был известный Н. И. Новиков.

Кроме этой типографии у Новикова было еще две, одна в Армянском переулке, в доме, теперь занимаемом Лазаревским институтом [27], и другая — у Сухаревой башни [28], в доме Генрихова; у Новикова была еще и четвертая, тайная;

* «Voyage en Sibérie», Amsterdame (Путешествие в Сибирь» — *фр.*), 1769.

последняя помещалась в одном из его домов.

Другая тайная типография масонов была у И. В. Лопухина. О новиковской типографии упоминает князь Трубецкой в письме к неизвестному петербургскому брату-масону.

«Уведомляю тебя, мой друг, что, благодаря Спасителю нашему, мы открыли тайную орденскую типографию, в которой нужные переведенные книги для братьев печататься будут. Бр. Новиков посылает тебе при сем начатые в оной печататься книги: «О молитве» и «Дух масонства». Сокрывай оные от всех, а употребляй только сам для своего чтения и познания».

Из тайной же типографии московских масонов вышла, по всей вероятности, и книга, которую Сопиков [29] называет редчайшею, именно «Божественная и истинная метафизика» Пордеча, вышедшая без означения года и места печати. Во второй типографии печатались на французском языке небольшие сборники условных масонских знаков, ударов и т. д., и здесь же, у Лопухина, был отпечатан и его «Catéchisme moral pour les vrais» F. M. 5790. Катехизис этот, как говорит Лопухин, он отдал знакомому книгопродавцу продавать, как новую книжку, полученную из чужих краев *.

В числе домов Новикова в Москве был теперь известный своею доходностью и обширностью так называемый Шипов дом [30] и здание нынешних Спасских казарм [31]. Новиков помимо домов имел обширную книжную лавку в Москве и комиссионеров в шести губернских и уездных городах. Новиков имел в Москве много друзей, в числе которых были самые влиятельные люди, как, например, московский главнокомандующий князь Долгоруков-Крымский [32], преемник его граф З. Г. Чернышев [33], гр. П. Панин [34], московский куратор университета Херасков и многие другие.

Последний и дал возможность снять Новикову в аренду типографию Московского университета и издавать «Московские ведомости»; при Новикове последние вместо малой четверки стали печататься в большую и в две колонны и выдаваться по средам и субботам. В кабинете этого содержателя типографии стали собираться вельможи и профессора и люди замечательные по своим дарованиям; одни содействовали успехам российской словесности своим влиянием, другие своими трудами и советами. «Ведомостей» тогда расходилось уже до 4000 экземпляров.

Желая приохотить публику к чтению, он завел первую в Москве библиотеку для чтения, открытую в его доме у Никольских ворот, для безденежного пользования всеми желающими. Книжная деятельность Новикова росла, типографские станки работали без устали, Москва зажила сильным литературным движением.

Когда было назначено освидетельствование книг, находящихся в магазинах Новикова, то реестр показал, что их было 362 книги разного названия, 3 названия отпечатанных, но не поступивших в продажу и 55 названий еще печатавшихся в его типографиях. Но скоро гроза постигла Новикова, общество мартинистов обратило на себя внимание правительства, и в числе первых таких жертв был Новиков и его близкий друг Ив. Вл. Лопухин. Главнокомандующий тогда в Москве князь Ал. М. Прозоровский [35] приказал книжные магазины и типографию Новикова запечатать и 11-го февраля 1793 года по указу Екатерины II всех новиковских изданий было сожжено 18 656 книг. Лопухина сослали на жительство в деревню, Новикова же постигла участь более тяжкая.

Он жил тогда в деревне своей и сильно скучал, предчувствуя еще большую беду, и, как рассказывали его дети, несколько дней сряду прилетал на крышу его дома ворон и зловещим своим криком не давал покоя ни хозяину, ни его семейству. Вскоре Новиков был арестован, взят под стражу и привезен в Москву, где содержался три недели. За Новиковым в село его Авдотьино был послан целый эскадрон полицейских драгун под начальством князя Жевахова.

По этому случаю граф К. Г. Разумовский сказал князю Прозоровскому:

— Вот расхвастался, как город взял! Старичонка, скорченного геморроидами,

---

* На русском языке «Catéchisme moral pour les vrais» «Катехизис нравственности для истинно верующих — *фр.*) был издан несколько раз. Позднее И. П. Тургенев по плану Лопухина сочинил книгу под заглавием: «Кто может быть добрым гражданином и верным подданным?»

взял под караул. Да одного бы десятского или будочника за ним послать, так и притащили бы его.

Для следствия над Новиковым прислан был в Москву известный Шешковский, и после вопросных пунктов, данных им Новикову, на которые он отвечал удовлетворительно, ему была предложена подписка в том, что он отказывается от своих убеждений и признает их ложными. Новиков не согласился дать подписку и был отправлен в Шлиссельбург; по просьбе его ему было дозволено взять с собою одну книгу — Библию, которую он читал во время своего заточения и выучил всю наизусть.

В Шлиссельбурге сначала содержали его очень строго, но впоследствии императрица дозволила ему прогуливаться внутри крепости. Там Новиков содержался до вступления на престол Павла I. О судьбе Новикова в Москве ходили разные тайные слухи. Так, в дневнике А. Т. Болотова [36] находим под числом 12-го января 1796 года:

«Славного Новикова и дом, и все имение, и книги продаются в Москве из магистрата [37], с аукциона — и типография, и книги, и все. Особливое нечто значило. По-видимому, справедлив тот слух, что его нет уже в живых — сего восстановителя литературы».

После Новикова университетская типография поступила на откуп к известному в свое время архитектору, ученику и помощнику Баженова, Василию Ивановичу Окорокову с его родственником Цветушкиным. В это время типография и книжная и газетная лавка перемещены были от Воскресенских ворот на Тверскую, в дом бывшей Межевой канцелярии, который впоследствии был пожалован Екатериною II Московскому университету.

С этого времени и Вражеский Успенский переулок, идущий с Тверской на Никитскую улицу, стал называться Газетным, потому что в нем была первая газетная лавка, где подписчикам раздавались московские газеты. Впоследствии там, где была книжная лавка, существовала церковь университетского Благородного пансиона [38].

По возвращении из Шлиссельбурга Новиков по зимам жил в Москве, а летом в селе Авдотьине; приехал он из ссылки дряхлым стариком, в разодранном тулупе. Московские старожилы, жившие еще в пятидесятых годах, хорошо помнили старика Новикова, ходившего с палкой, в гороховом широком сюртуке, черном бархатном жилете и белом галстуке. Черные волосы его, уже тогда редкие на лбу и на висках, зачесанные назад, открывали красивый его лоб, брови его дугою, орлиный нос; нижняя часть лица выражала кротость и добродушие.

Н. И. Новиков. С литографии, сделанной с портрета Боровиковского

Вот как описала наружность Новикова княгиня Е. Р. Дашкова в письме к Ив. В. Лопухину:

«Мне он тотчас же бросился в глаза, и я бы тотчас его узнала, без всех ваших рекомендаций, по одному его черному пасторскому кафтану, по его башмакам с черными, особенно глянцовитыми пряжками. Лицо его открыто; но не знаю, я как-то боюсь его; в его прекрасном лице есть что-то тайное».

Всегдашним спутником Новикова в прогулках по улицам Москвы был его душевный друг, тоже масон, бывший правитель канцелярии главнокомандующего в Москве графа Чернышева О. И. Гамалея; последний был небольшого роста, имел высокий лоб, маленькие глаза с нависшими бровями; в обществе был молчалив, отчего казался суровым, но у себя в кабинете был очень ласков и словоохотлив, говорил очень убедительно и с одушевлением.

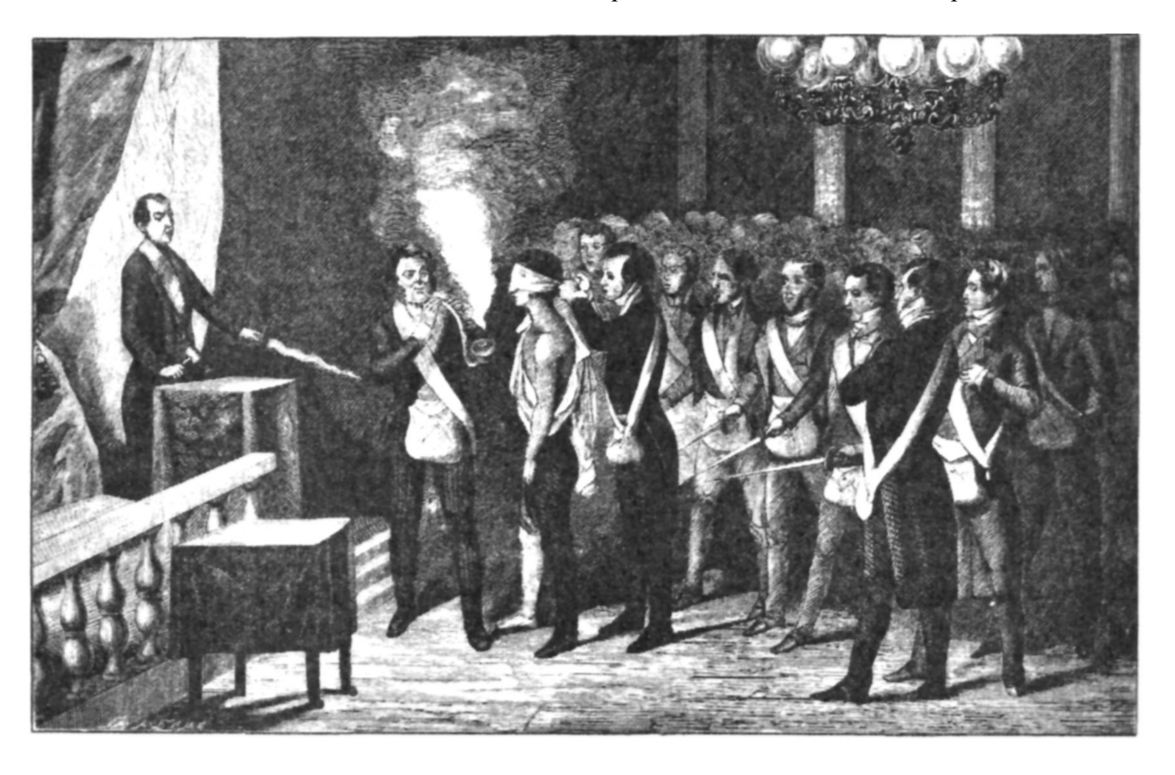
Вышедши в отставку, он не имел ничего и потому был приглашен Новиковым жить у него в деревне, где к окошку его комнаты приходило множество нищих, и он всегда сам выходил на крыльцо, разговаривал с ними и раздавал медные деньги. Гамалея получал пенсии сто рублей в год; в службе он был бескорыстен и никогда никто не смел ничего предложить ему в знак благодарности. Рассказывают, что один богатый московский купец, будучи чем-то ему обязан, хотел угостить его обедом, и, узнав, что он любит рыбный стол, достав лучшую и редкую рыбу, он позвал своих знакомых и пригласил Гамалея; последний принял его приглашение только с условием, чтобы весь стол был приготовлен из любимой его рыбы, самой дешевой плотвы.

Купец понял намерение честного Гамалея, отказал своим гостям и должен был с ним вдвоем есть плотву, которой, может, и вкусу до того времени не знал.

Сам Новиков был такой же глубоко религиозный и чистонравственный человек, как и друг его; про него выразился митрополит Платон: «Дай бог, чтобы во всем мире были христиане таковые, как Новиков». Новиков обладал огромными талантами, образованием и благороднейшим характером; он был главою кружка московских масонов; лучшие люди его времени, как, например, граф Чернышев, Лопухин, Репнин, Тургенев; митрополиты Платон, Михаил (Десницкой) и Серафим (Глаголевской), считали его своим другом.

Новиков умел адептам своим словом внушать подвиги чисто христианской братской любви.

Известен, например, следующий случай, когда в Москве был голод и на съестные припасы стояла неслыханная дороговизна. В одном из собраний свое-

Прием в масонскую ложу вновь поступающего члена. Со старинной гравюры

Посвящение в масоны. Со старинной английской гравюры

го общества бедствия неимущего класса были описаны им так красноречиво, что один из слушателей встал, подошел к оратору и прошептал ему что-то на ухо; это был человек не старый, известный богач премьер-майор Григ. Мак. Походяшин *. Речь Новикова так сильно на него подействовала, что он тут же отдал на помощь бедным все свое огромное состояние.

На деньги этого богача Новиковым была открыта безденежная раздача хлеба неимущим в Москве; это изумило всех москвичей, хотя и привыкших к благотворительным действиям Новикова. Никто не мог понять, откуда взялись средства к такому благодеянию, когда четверть ржи стоила двадцать рублей.

С этой минуты добровольно разорившийся Походяшин исполнился какого-то благоговения к Новикову. В Москве думали, что он разорился на лечение своей жены, и только впоследствии узнали настоящую причину его бедности. Походяшин пережил Новикова; над смертным одром его висел портрет Новикова, и смотреть на него было единственным утешением человека, жившего когда-то в роскоши и умиравшего на чердаке, в положении, близком к нищете. Просвещеннейшие москвичи весьма сочувственно относились к деятельности Новикова и были усерднейшими его адептами. Но, несмотря на все добрые дела московских масонов и очевиднейшую их благонамеренность, в тогдашнем обществе об них ходила самая дурная слава.

Одной из важнейших причин такой дурной славы, без сомнения, должно считать ту таинственность, в которую их учение облекало все собрания. Державин говорит о своей тетке Блудовой, считающей появившихся в Москве масонов отступниками от веры, еретиками, богохульниками, преданными антихристу, о которых разглашали невероятные басни, что они заочно за несколько тысяч верст неприятелей своих умерщвляют, и тому подобные бредни.

Про масонов говорили также, что в их обществе мужчины и женщины живут все безразлично одни с другими, что члены их дурачат идиотов и обирают их, что они идолопоклонники, служения свои производят на высотах или в подва-

* Отец Походяшина был простой извозчик, возивший руду на заводах в Сибири; он составил себе миллионное состояние открытием медных рудников.

лах, причем исполняют многие магические обряды, проводят на земле черты и фигуры, разводят огни, делают заклинания, клянутся на мертвой голове, спят в гробах со скелетами и проч.

Рассказывали также про обряды посвящения, что брали при этом клятвы служить дьяволу. Также порицали все знаки и непонятные слова для профанов при встречах и при разговорах масонов друг с другом.

Но вот кто были эти страшные московские масоны, или мартинисты, во главе которых стоял Новиков. По словам записки Карамзина, составленной для того, чтобы напомнить о печальной судьбе семейства Новикова, они были не что иное, как христианские мистики; толковали природу и человека, искали таинственного смысла в Ветхом и Новом завете, хвалились древними преданиями, унижали школьную мудрость и проч., но требовали истинных христианских добродетелей от учеников своих, не вмешивались в политику и ставили в закон верность к государю.

Помимо этого, мартинисты имели и другое глубокое значение: они проповедовали чистую евангельскую любовь, не щадили капиталов в пользу благотворительности бедным и несчастным, и заботились об устройстве больниц, аптек и школ. Нравственная сторона их учения заслуживает полной симпатии; она вполне объяснена в катехизисе И. В. Лопухина, отпечатанном на французском языке, и в других масонских сочинениях.

Наклонность к мистицизму, составлявшему одно из существенных качеств масонов, была характеристическою чертою века; мистицизм возник в противовес крайнему учению энциклопедистов.

Существует рассказ, что глубоко религиозный Новиков был выбран друзьями-масонами без всяких предварительных объяснений. Однажды посещавшие его приятели собрались к нему в известном числе и после небольшого вступления, не требуя от него обета, прочли ему принятие и, против ожидания, его поздравили членом своего общества.

— Мы знаем тебя, — говорили они, — знаем, что ты честный человек, и уверены, что не нарушишь тайны.

Общество, в которое введен Новиков, составляло «Великую провинциальную ложу», мастером которой был И. П. Елагин, секретарем ложи известный стихотворец В. И. Майков *. Между московскими масонами, в первое время по открытии лож, находилось много людей, серьезно преданных благу человечества, желавших распространения просвещения и благотворительности.

Но позднее, в павловское и александровское время, принадлежать к масонам было лишь простою модой, завезенною из-за границы, и большинство светских людей вступало в ложу лишь ради заманчивой таинственности и тесного равенства, соединяющих между собою вообще масонов, несмотря на различие сословий и национальностей.

Избрание таких «профанов» в первую степень масона «шотландского ученика» в ложах сопровождалось разными таинственными приемами. Посвященного с завязанными глазами, полураздетого, с оголенным плечом и рукою водили по подземельям, заставляли клясться на Библии и мече, окружали остриями мечей, ставили на кабалистический треугольник или ковер, клали в гроб, заставляли переплывать воду или пробегать через огонь и т. д.

В конце концов испытываемому вручали передник и перчатки и давали еще небольшой ключ из слоновой кости, отпирающий дверь ложи; при этом шотландскому ученику сообщался пароль или слово, по которому он узнавал брата-масона; помимо этого, объяснялось также ему, как делать рукопожатие, и другие знаки при встречах с незнакомыми братьями-масонами.

Масоны позднейшей уже, александровской эпохи любили носить различные знаки, в виде булавок, брелок, перстней с мертвой головой и т. д. Одно время отличительным признаком всякого масона был длинный ноготь на мизинце. Такой ноготь носил и Пушкин; по этому ногтю узнал, что он масон, художник Тропинин [40], придя рисовать с него портрет. Тропинин передавал покойному князю М. А. Оболенскому, у которого этот портрет хранился, что когда он пришел писать и увидел на руке его ноготь, то сделал ему знак, на который Пушкин ему не ответил, а погрозил ему пальцем. Этот, бесспорно, лучший пор-

* В. И. Майков во время пребывания Дидро в Петербурге состоял при нем по приказанию Екатерины II, и замечательно то, что Майков совсем не знал французского языка.

трет нашего поэта принадлежит теперь дочери князя М. А. Оболенского, княгине А. М. Хилковой.

Каждый вступающий в масоны в екатерининское время пред введением в ложу обязан был клятвенно обещать исполнить наистрожайше следующее: 1) прилежное упражнение в страхе божием и тщательное исполнение заповедей евангельских, 2) непоколебимую верность и покорность своему государю, с особливою обязанностью охранять престол его не только по долгу общей верноподданным присяги, но и всеми силами стремясь изобретать и употреблять всякие к тому благие и разумные средства и таким же образом стараясь отвращать и предупреждать все оному противное тайно и явно, наипаче в настоящие времена адского буйства и волнения против властей державных, 3) рачительное и верное исполнение уставов и обрядов своей религии и т. д. (только одни христиане могли быть выбраны в масоны).

Затем следовало «приуготовление».

В назначенной комнате приготовлялось три стола, покрытые один черным, другой белым, третий желтым; на первом лежала Библия, раскрытая на 6 и 7 главах книги премудрости Соломоновой [41], знак рыцаря, т. е. крест в сердце, обнаженный меч, погашенный светильник, кость мертвой головы, над которой зажженная лампада, небольшой сосуд с чистою водою и дощечка с надписью: «Познай себя, обрящеши блаженство внутрь тебя сущее». На втором столе полагалось изображение пламенной звезды, а на третьем — рукомойник с водою, белые перчатки и мастерская золотая лопатка.

Введение профана к приуготовлению.

Он вводился с завязанными глазами, в мантии, на которой изображено на левой стороне обвитое змеем сердце, посреди сердца — малый свет, еще помраченный тьмою. Затем следовала первая беседа — брат-вводитель обращался к вводимому с вопросами, восчувствовал ли он, что тьма его окружает, истинно ли желает искать премудрости? и т. п., и потом надевал на него знак рыцаря, прикрепленный к шнурку, на котором пять узлов — в ознаменование, что он должен обуздать свои чувства. Вторая беседа — поступающий в общество должен омыть свои глаза и тут же ему вручается меч на борьбу с царством тьмы и возженный светильник для освещения пути к храму премудрости. Третья беседа — вместо прежней надевается на него другая мантия, у которой левая сторона белая, с изображением кровоточивого сердца, окруженного лунами света; правая же сторона мантии темная. Кандидат омывает руки, надевает белые перчатки, и вводитель привешивает ему лопатку.

Принятие. Вводитель стучится в двери к председателю, и на вопрос «кто там?» брат-обрядоначальник отвечает: «Испытанный, омовенный, знамением избрания и ранами, на добром подвиге полученными, украшенный, желатель премудрости». «Таковому не должно и не можно воспретить в х о д», — отвечает председатель. Кандидат входит и дает обещание стараться всеми силами: 1) испрашивать премудрости от бога, служить ему и кланяться духом и истиною; 2) хранить душу и тело от осквернения и прилежно убегать всего, что может препятствовать наитию духа премудрости, ибо в злохудожную душу не внидет премудрость, ниже обитает в телесе, повиннем в грехе; 3) любить ближних и служить им желанием, мыслями, словами, делами, примером.

После разных обрядов и наставлений председатель дает ему золотое кольцо с вырезанным внутри крестом и словами «помни смерть»; рыцарский знак надевается на него уже на розовой ленте, а мантия белая; вместе с этим нарицается ему новое имя.

Выборы в степени «учеников, братьев и мастеров» и в другие высшие степени всегда зависели от собрания «великой ложи». Все масоны, несмотря на различие национальностей и положения, были связаны между собою тесными узами.

Самые торжественные собрания у масонов происходили накануне праздника рождества Христова.

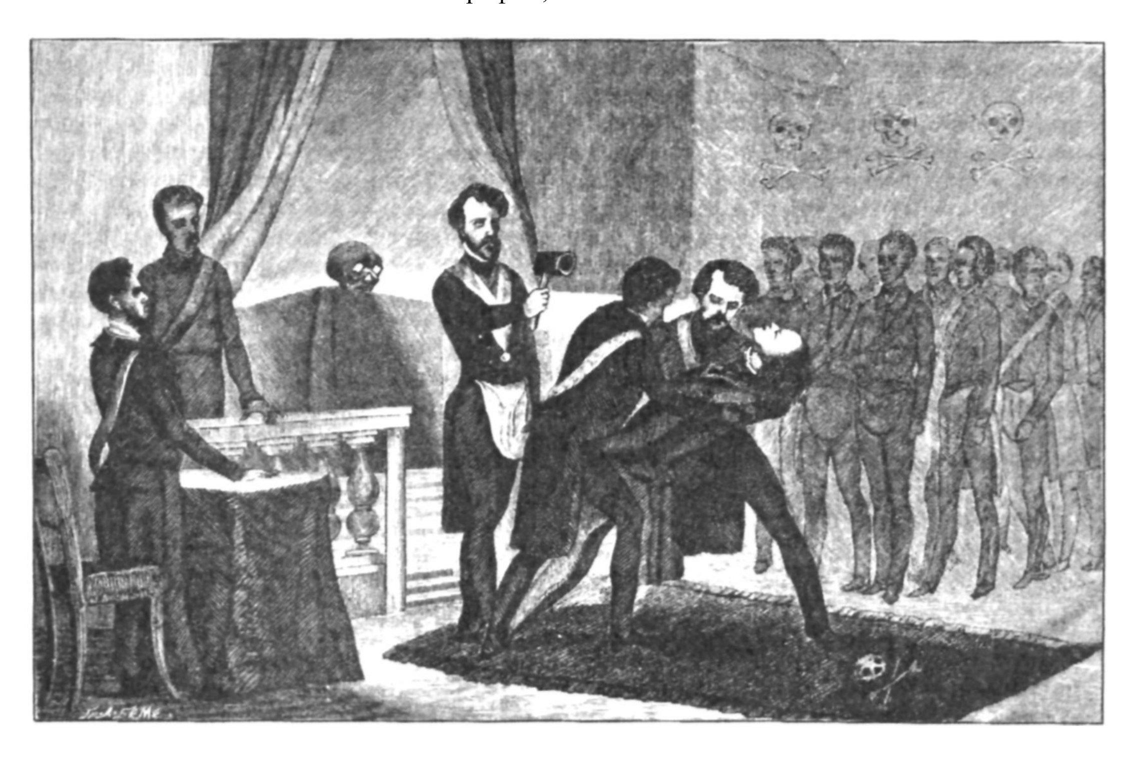
В этот вечер все собирались во всех своих украшениях, под предводительством старшего настоятеля, читались торжественные речи, затем садились за стол, беседовали «в благоустройном веселии и пениях благочестивых», продолжая это до самой полуночи. Как же скоро пробьет 12 часов, то по знаку настоятеля все вставали и, воспев радостную песнь в прославление Спасителя мира, закрывали собрание.

В этот вечер делался главнейший сбор деньгами на какую-либо «чувствитель-

нейшую помощь ближним, во славу рождающегося спаса».

В масонских собраниях XVIII века пелись различные хоры и песни, многие из таких песен сопровождались постукиванием рюмок и стаканов — рюмки и стаканы, употребляемые на масонских банкетах, были особенной формы, с толстым и крепким дном. В начале шестидесятых годов были еще живы два-три старика из придворных певчих, которые певали в былые годы масонские песни в ложах. Сборник масонских песен был отпечатан тайно в какой-то типографии, с обозначением города Кронштадта.

В Москве масонских лож существовало более сорока. Первая из масонских лож «Клио»[42] была основана в 1763 году; есть известие, что императрица Екатерина II была попечительницей (tutrice — *фр.*) ложи Клио *. Через десять лет спустя в Москве была основана вторая ложа «Трех мечей» (zu den drei Degen); в этой ложе был мастером известный друг Новикова — Шварц[43]. Ложа располагала большими денежными средствами, которые получила от графини Чернышевой. В 1774 году была основана третья ложа в Москве, приезжими купцами-иностранцами, и носила она название «La Réunion des Etrangers»[44]. В 1775 году из Петербурга перенесены ложи: «Латоны» и «Горуса» (Horus), и в этот же год, под управлением Новикова, открыты четыре еще младшие ложи, где мастерами были: Лопухин[45], Гамалея[46], Кутузов и Ключарев[47], и в этот же год была перенесена из Петербурга в Москву «Ложа Озириса»[48] и также основан в Москве орден «Тамплиерства» бароном Бенингсом. Ешевский говорит **, что братья-масоны усомнились в законности Бенингсова основания

Посвящение в мастера масонской ложи. Со старинной гравюры

Торжественное заседание масонской ложи. Со старинной гравюры

* «Notice historique sur la F. M. dans l'Empire de Russie» par M. Thory.
** См. соч. Ешевского, т. III, с. 473, 499.

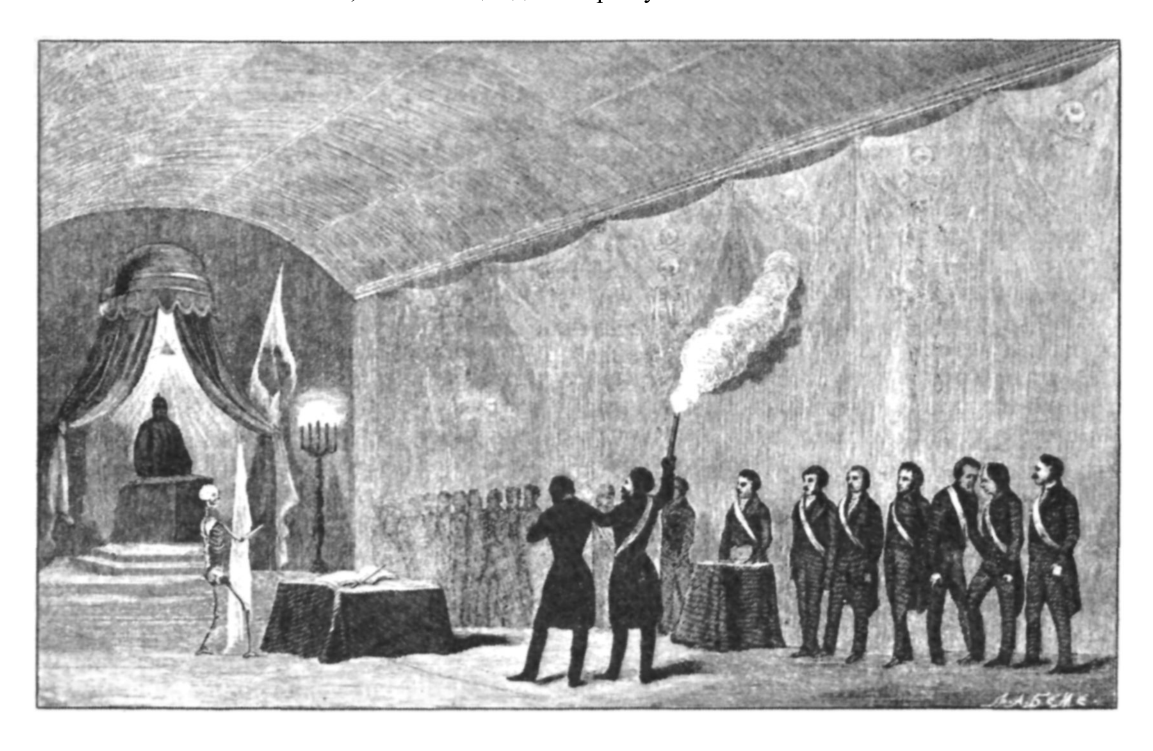
и обращались чрез посредство ложи «Трех глобусов» к герцогу Брауншвейгскому. В 1779 году основаны ложи: «Аписа» [50], «Трех христианских добродетелей» (zu den drei christischen Tugenden), «Трех Знамен», или «Матерь-ложа«; мастером здесь был П. А. Татищев; под начальством Татищева в Москве работали еще три других масонских ложи: в одной из них мастером стула был сын Татищева, в другой купец Таусен.

Около этого же времени в Москве, по показанию Новикова, были еще две ложи «настоящих французских»; в одной из этих лож главным двигателем был приезжавший в то время в Москву известный граф Калиостро [51].

В 1786 году была в Москве еще эклектическая ложа «Гармония», где соединялись «братья» разных лож для лучшего устройства русского масонства. Мастером был в ней известный Шварц. В 1782 году, 21-го октября, была основана ложа «Девкалиона»; мастером стула здесь был известный Гамалея.

В 1783 году открывается в Москве ложа «Сфинкса» [52], под начальством князя Гагарина; эта ложа была признана четвертой ложей-матерью. В 1784 году в Москве возникает ложа «Блистающей звезды» под руководством мастера стула И. Вл. Лопухина; затем ложа «св. Моисея» [53], где мастером был Ф. П. Ключарев, и ложа «Светоносного треугольника», здесь мастером стула был А. М. Кутузов, и в этом же году, 1-го сентября, московские розенкрейцеры учреждают «Типографскую компанию».

1785 и 1786 годы для московских масонов полны разных тревог; в эти годы масонство со стороны правительства подпадает под строгий присмотр. 23-го декабря выходит указ Екатерины II к митрополиту Платону и графу Брюсу об испытании Новикова в законе Божием и рассмотрении изданных им книг; через месяц следует другой указ московскому губернатору П. В. Лопухину об осмотре масонских больниц и школ.

В этом году ходят в московском обществе упорные слухи, что некоторые масонские собрания стали превращаться в политические клубы; молва обвиняет в якобинстве гр. Строганова, Репнина, Шувалова и еще некоторых других вельмож. В 1786—1787 годах московские розенкрейцеры просят покровительства у великого князя Павла Петровича. В 1788 году основывается в Москве ложа «Пламенеющей звезды» (zum flammenden Stern). В марте 1790 года опять гроза наступает для масонов. Екатерина II поручает князю Прозоровскому

следить без огласки за московскими масонами; в следующем году уже в Москву приезжают гр. Безбородко [54] и Архаров для разведывания о масонах; в ноябре этого же года уничтожается «Типографская компания».

В 1792 году, как мы выше уже помянули, обыск типографии Новикова и арест его самого и заключение в крепость в Шлиссельбург. Затем строго следят за всеми масонами, делают обыски и идут аресты. Так, возвращавшихся из-за границы масонов Невзорова и Колокольникова сперва заключают в Невский монастырь, а после сажают их в крепость.

В 1793 году выходит указ Екатерины об истреблении запрещенных и вредных новиковских изданий; вследствие этого сожжено на Болоте руками палачей более 18 656 книг.

В последующем году и в царствование императора Павла I в Москве о масонстве нет никаких известий, но несомненно, что ложи за все эти года действовали, но держались в большой тайне. Снова же масонские ложи в Москве воскресают уже в царствование императора Александра Благословенного; в числе первых лож этой эпохи здесь известны были «Ложа тройственного спасения», основанная от «Астреи»; мастером стула здесь был купец Розенштраух; ложа эта помещалась в Демидовом переулке» в приходе Богоявления господня; «братьями» были здесь почти все иностранцы.

Затем в то время не менее известна также была ложа «Ищущих манны» [55], где мастером стула был С. П. Фонвизин, ритор Ал. Ив. Поздеев, известный орловский помещик Малоархангельского уезда; первый стуарт был Вас. Львов. Пушкин [56]. В 1822 году вышло запрещение тайных обществ и масонских лож и затем в 1829 году новое подтверждение этого запрещения. Но, кажется, несмотря на строгое запрещение, масонские ложи тайно еще в Москве существовали, хотя в крайне ограниченном числе.

Так, пишущему эти строки передавал известный московский старожил, директор Московского архива, покойный князь М. А. Оболенский, что еще в конце пятидесятых годов нынешнего столетия где-то на Полянке существовала тайно масонская ложа, где, по ходившим в городе слухам, мастером стула был известный в то время проповедник одной из церквей на Арбате.

В шестидесятых годах на Мясницкой улице, напротив почтамта [57] в доме бывшем Кусовникова, существовал целый ряд комнат со всеми атрибутами и украшениями прежнего масонства. Владельцы этого дома, очень состоятельные, но скупые старики, муж с женой, поселившиеся без прислуги в доме тотчас по уходе французов из Москвы, с переездом в дом, войдя в первую из таких масонских зал, обитую всю черным, со скелетом в углу и с ремешками на стенах, как они называли иероглифы, из суеверного страха и перепуга так и не решились обойти всех комнат, а заблагорассудили заколотить двери навсегда.

Оригиналы-старики прожили в доме более пятидесяти лет, ни разу не переступив порога таинственных и страшных комнат фармазонов.

А. А. Мартынов *[58] говорит, что дом Кусовниковых ранее более 80-ти лет был во владении Измайловых, и позднее, когда перешел к последним владельцам, то многие годы являл собою вид запустения и одичалости в центре московского движения: ворота его редко растворялись, на дворе виднелся обширный огород. Владельцы его вели жизнь загадочно отшельническую, не имели прислуги, кроме дворника, и выезжали кататься лишь по ночам. В Москве об этом доме ходило немало толков.

---

* См. Русский архив, 1878 г., ч. 1, с. 158.

ГЛАВА V

Второй приезд Екатерины в Москву. — Село Коломенское. — Последний приезд Екатерины в Москву. — Анненгофские сад и дворец. — Празднества во время пребывания Екатерины в Москве. — Соколиное поле. — Сокольники и его прошлое. — Народные празднества при императоре Александре I. — Первое мая в Сокольниках в старину. — Дача графа Ростопчина. — Начало московских народных гуляний. — Старые кунштмейстеры, балансеры, великаны, скоморохи, гусляры и проч. — Гулянье на масленице. — Кулачные бои. — Санное катанье и маскарад

В конце июня 1787 года Москва снова увидела Екатерину II. Императрица приехала в древнюю столицу на возвратном пути своего путешествия из Крыма. В Москве государыня намеревалась отпраздновать двадцатипятилетие своего царствования. Екатерина ехала с блестящей свитой, при ней были три посланника: английский — Фитц Герберт, французский — Сегюр и австрийский — Кобенцел [1]. Государыня в шутку называла их своими карманными министрами. Затем в свите был еще князь де Линь [2], граф Ангальт и в числе других замечательных лиц, сопровождавших государыню в путешествии, находились графы: Чернышев, Безбородко и Дмитриев-Мамонов [3]. Последнего государыня называла «красным кафтаном» (Habit rouge). «Под этим красным кафтаном, — говорила она, — скрывается превосходнейшее сердце, соединенное с большим запасом честности. Наружность его также совершенно соответствует внутреннему достоинству: черты лица правильные, чудные черные глаза с тонко нарисованными бровями, рост несколько выше среднего, осанка благородная, поступь свободная» и т. д. (такой, как описывает императрица, блестящей наружности портрет графа Мамонова, кажется единственный, висит в Царскосельском дворце, в круглой агатовой комнатке; писан он карандашом на небольшой белой мраморной дощечке; молодой красавец изображен одетым в какой-то маскарадный костюм).

Государыня, не доезжая десяти верст до Москвы, остановилась в селе Коломенском [4]; приехав сюда, императрица уже нашла своих внуков, расположившихся здесь с начала июня месяца. Государыня остановилась во дворце, построенном в шесть месяцев. Начат он был почти в день выезда императрицы в путешествие. Стоял он на том же месте, где теперь стоит и нынешний, близ церкви Вознесения, но он был гораздо обширнее теперешнего.

По рассказам коломенских старожилов, здание Екатерининского дворца занимало большую часть той площади, которая теперь находится между воротами, Вознесенскою и Георгиевскою церквами и садом, примыкающим к одноэтажному павильону, находящемуся на левой стороне нынешнего дворца. Екатерининский дворец был о четырех этажах: два нижние были каменные, а верхние — деревянные.

Около дворца стоял «Оперный дом», а против дворца через Москву-реку был деревянный мост. В этом дворце жила императрица, а с нею и внуки ее Александр и Константин. До сих пор еще в Коломенском живо предание о том, как учился под кедром Александр и как он с братом Константином стрелял из пистолета в Дьяковском [5] овраге *.

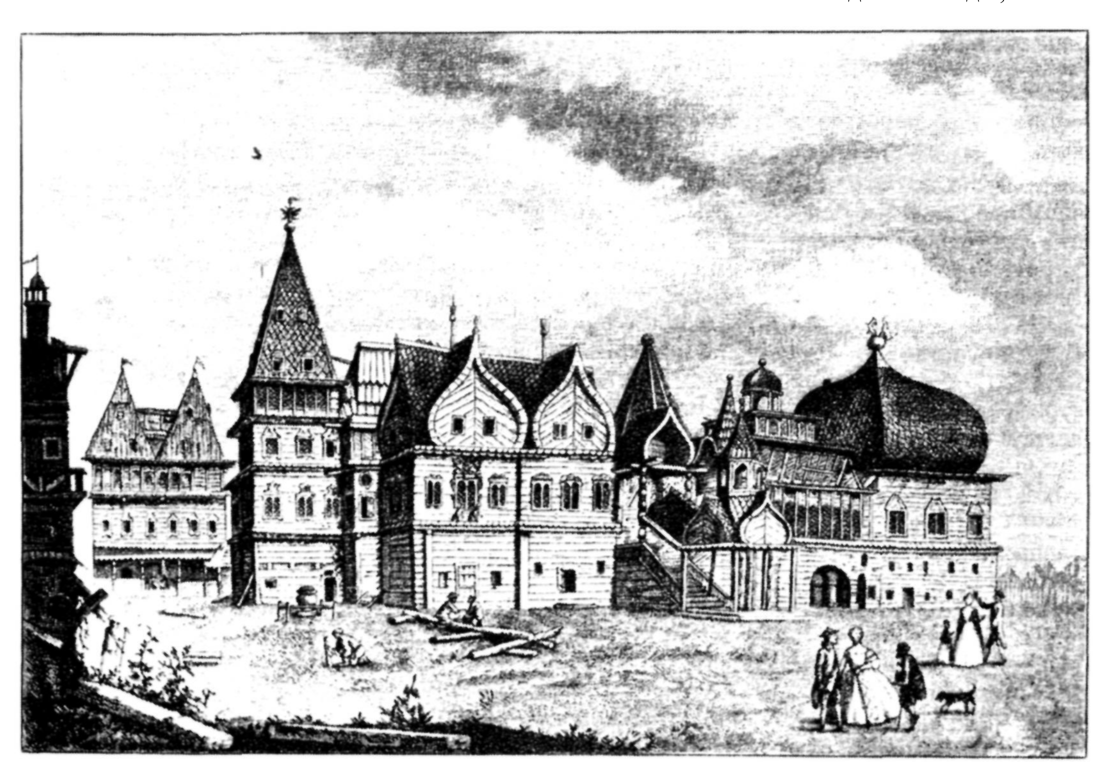
---

* Существуют две старые гравюры с изображением дуба и кедра в Коломенском саду. На гравюрах надписи:

Сей дуб присутствием Петровым украшался;
Отец отечества под оным просвещался!
Под кедром Александр здесь в юности своей
Учению внимал — для счастья наших дней!

Дворец, в котором жила Екатерина II, безжалостно приказал сломать бывший начальник Кремлевского дворца князь Н. Б. Юсупов [6] и перевезти его в Кремль. Старый же дворец царя Алексея Михайловича, в котором родился Петр Великий, был сломан еще в 1767 году. В это время дворец был настолько ветх, что не было уже возможности поддерживать его, а потому императрица и приказала разобрать его; уважая отечественные древности, Екатерина приказала сделать вернейшую модель старого дворца, которая, как пишет А. Корсаков *, долгое время хранилась вместе с прочими редкостями в московской Оружейной палате, но где находится теперь [7] — неизвестно **. По рассказам Бергхольца, бывшего в нем 4-го мая 1722 года, здесь было 270 комнат и 3000 окон. «В числе комнат есть красивые и большие, но все вообще так ветхо, что уже не везде можно ходить, почему наш вожатый в одном месте просил нас не ступать по двое на одну доску, и мы, конечно, не пошли бы, если бы нам об этом было сказано прежде; но он думал, что так как сам император еще недавно всюду ходил там, то и нас необходимо поводить». «Коломенский дворец, — добавляет Берхгольц, — построен 60 лет тому назад отцом его величества, который и сам не далее как за 27 лет еще жил в нем и потому назначил теперь известную сумму на его возобновление». В петровское время в летнее время в селе Коломенском стояло до 31 000 солдат лагерем.

Коломенские плодовые сады, скот-

Коломенский дворец. С редчайшей гравюры, сделанной за год до разрушения дворца (из собрания П. Я. Дашкова)

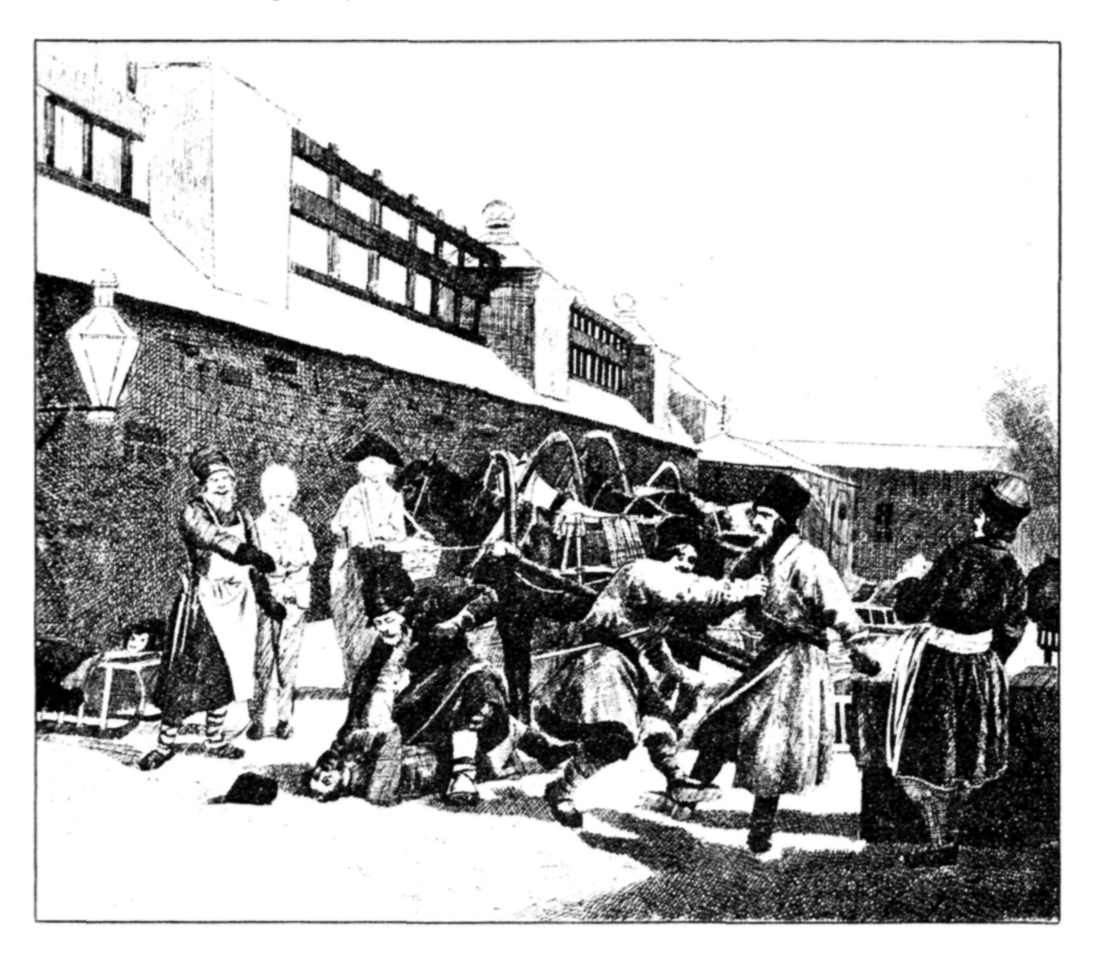
Извозчичья стоянка в Москве в начале XIX столетия. С гравюры Гейслера

---

* План старинного царского дворца в Коломенском приложен к книге Малиновского «Исторические сведения о селе Коломенском». Москва, 1809 года.

** См. А. Корсакова: «Село Коломенское».

ный и птичий дворы были первые в России. Все празднества, бывшие во время коронации Екатерины I [8], Петра II, Анны и Елизаветы, устраивались в этом дворце. Император Петр II часто езжал сюда на охоту, а в 1729 году провел здесь все лето. Особенно императрица Елисавета Петровна заботилась о поддержании и сохранении дворца своего деда, где в то время хранилась и колыбель великого ее родителя. Императрица, живя в Москве, любила приезжать в Коломенское с знатнейшими лицами своего двора и угощала их там столом по старинному царскому положению.

Императрица Екатерина также очень любила Коломенское и поэтически описывала его в своих письмах, хотя и говорила про него, что Коломенское относится к Царскому Селу, как плохая театральная пьеска к трагедии Лагарпа [9]. Императрица прожила в Коломенском три дня и в воскресенье, 27-го июня, накануне дня своего вступления на престол, утром в десятом часу был назначен парадный въезд в столицу. Поезд открывал впереди всех земский исправник Московского округа с заседателями и полицейскими драгунами, за ним ехал почт-директор со своими чиновниками и почтальонами верхом, потом конвойная губернская команда, выборные из дворянства, почетные дворяне верхом и затем уже карета императрицы, впереди которой шли два скорохода, а за ними двенадцать пар ординарцев, карета в восемь лошадей цугом, у стекол стояли великаны; государыня сидела с великими князьями, а сзади кареты ехал московский губернатор генерал-майор Петр Васильевич Лопухин.

По приближении государыни к городским воротам встретили императрицу главнокомандующий московский П. Д. Еропкин с генералами и прочими высшими чинами и поехали в свите по бокам ее кареты, за ними уже следовали в придворных каретах чужестран-

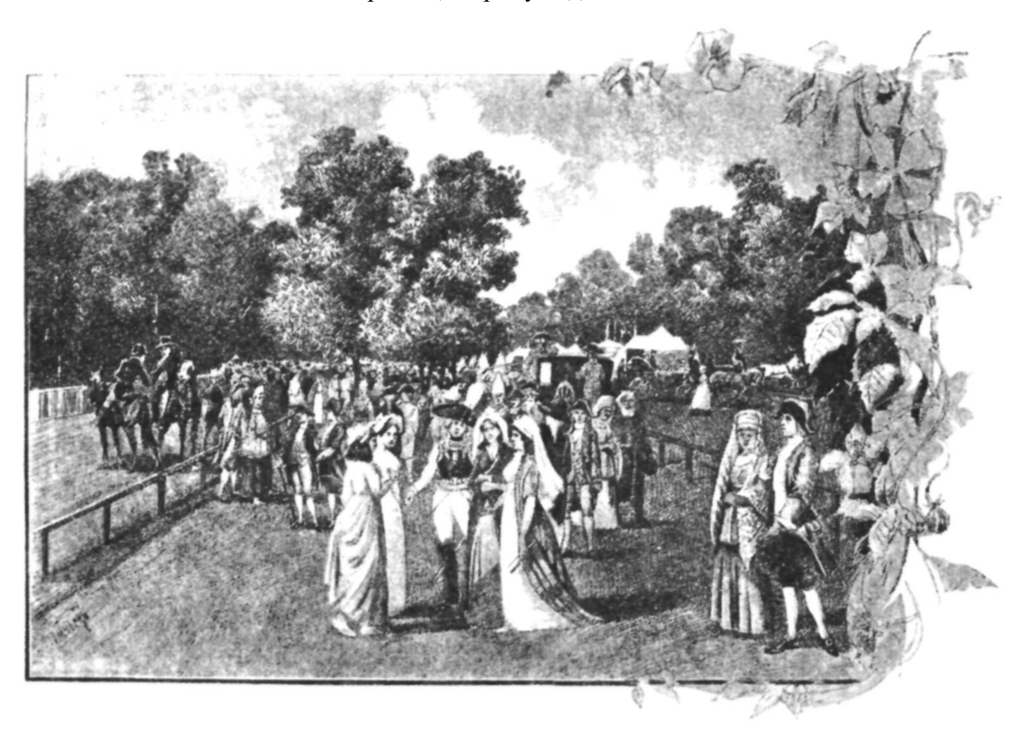
ные министры и придворный штат, составлявший свиту императрицы. У самой Серпуховской заставы были устроены триумфальные ворота с разными символическими и аллегорическими изображениями; в боковых нишах ворот помещались два оркестра музыки: инструментальный и вокальный.

Здесь же ожидали прибытия императрицы все городские власти, именитое купечество, ремесленные цехи со старшинами, и от первых стояли городской голова и выборные с хлебом-солью. Когда поезд подъехал к воротам, городу

был произведен 101 выстрел и во всей Москве раздался колокольный звон.

При въезде Екатерины в Воскресенские ворота заиграла поставленная на них бальная, а на гауптвахте полковая музыка. В Спасских воротах, где ожидал ее московский обер-комендант со своими чинами, играла гарнизонная музыка.

Государыня отправилась в Успенский собор, где была встречена архиепископом Платоном и духовенством. По окончании литургии государыня прикладывалась к святым иконам и мощам.

Гулянье в Сокольниках в конце XVIII столетия. С гравюры того времени Делабарта

было дано знать 51-м выстрелом из пушек, поставленных у заставы; с приближением же кареты императрицы к воротам раздалась музыка и послышалось пение «кантов», на приезд государыни сочиненных. По принятии государынею хлеба-соли кортеж двинулся дальше. У каменного Всесвятского моста императрицу ожидали директор главного народного училища с учителями и учениками, поставленными по обеим сторонам улицы. Лишь только императрица проехала мост, городскою артиллериею

Г. Любецкий передает следующий любопытный рассказ о наречении в этот день Платона митрополитом. Протодиакон получил во время литургии тайное повеление императрицы: при словах «преосвященного Платона, приносящего св. дары Господеви и Богу нашему» провозгласить его митрополитом. Платон, думая, что протодиакон ошибся, заметил ему это из алтаря, но, когда тот снова повторил то же самое, тогда Платон догадался, в чем было дело. Он выступил в царские двери, поклонился госуда-

рыне и отблагодарил ее импровизированною речью.

После обедни императрица посетила Платона и потом со свитой отправилась к главнокомандующему Москвы, где был приготовлен для государыни и всех высших особ обеденный стол.

А. Корсаков говорит: «Это был четвертый и последний триумфальный въезд наших государей из Коломенского в Москву. Был еще пятый въезд, но это был не радостный, встреченный с горем и плачем и с унылым звоном колоколов московских. То был печальный поезд, тянувшийся из Таганрога с прахом Александра Благословенного».

Екатерина II, в свой приезд 1787 года, остановилась в Пречистенском дворце, в первые же приезды в Москву государыня жила в Головинском дворце, против Немецкой слободы [10], за Яузою. Последний дворец существовал еще при императоре Петре Великом; при этом государе голландец Тимофей Брантгоф разводил здесь сад.

Императрица Анна Иоанновна очень любила этот сад и приказывала даже называть его своим именем «Анненгоф». Когда эта государыня в первое время жила здесь, то перед дворцом лежал один только большой луг и не было ни одного деревца.

Раз императрица, гуляя со своими приближенными, сказала: «Очень бы приятно было гулять здесь, ежели бы тут была роща: в тени ее можно бы было укрыться от зноя». Несколько дней спустя было назначено во дворце особенное торжество, по случаю какой-то победы. Императрица, встав утром рано, по обыкновению подойдя к окну, чтобы посмотреть на погоду, была поражена удивлением: перед глазами ее стояла обширная роща из старых деревьев.

Изумленная царица потребовала объяснения этого чуда, и ей доложили, что ее придворные, которым она несколько дней тому назад, гуляя по лугу, выразила свое желание иметь здесь рощу, воспользовались мыслью государыни и тогда же вечером разбили луг на участки, и каждый, кому какой достался по жребию участок, со своими слугами в одну ночь насадил его отборными деревьями.

П. Львов, у которого мы заимствуем это предание, говорит, что еще в его время здесь были деревья, на которых можно было видеть имена придворных, которые их сажали. Глинка [11] говорит, что роща, принадлежащая к дворцу, была будто бы насажена еще самим Петром Великим и что государь здесь лично делал окопы; место же под сад взято у Лефорта [12].

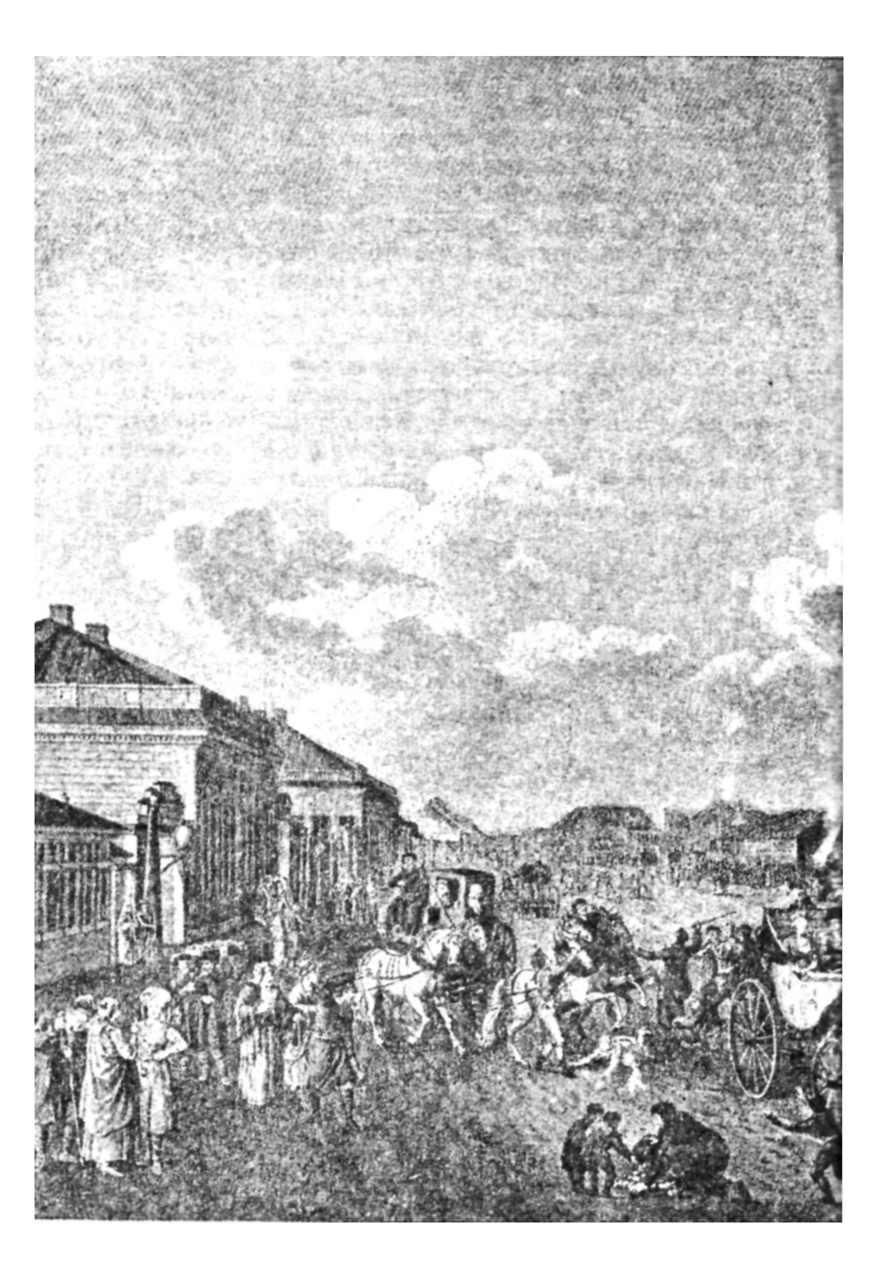
В Анненгофский сад [13] были выписаны разных родов деревья из Персии; но все эти заморские растения от худого присмотра погибли в дороге, не прибыв еще в Москву. По отчетам садовника Дениса Брокета, для этого сада часто были покупаемы у жителей Немецкой слободы тюльпаны, нарциссы, лилии и другие цветочные и луковичные растения.

Из производства интендантской конторы, в которой состояли Анненгофский сад и дворец, видно, что ежегодно на содержание сада и устройство его отпускаема была сумма в 30 000 рублей. Заведовал ими обер-гофмейстер Сем. Андр. Салтыков и обер-архитектор Растрелли [14]. Кроме того, ближайшим смотрителем над строением Анненгофских садов был архитектор Петр Гейден [15]. В Анненгофских садах кроме главного садовника находился смотритель из военных. Таковым был в 1741 году подпрапорщик Афанасий Федоров, с жалованием по 1 рублю в месяц.

Интересны также существовавшие тогда цены на растения. Так, из справки видно, что крестьянин Филатов обязался перевезти в новый Анненгофский сад из вотчины князя В. Урусова Московского уезда, из села Садков — Знаменское тож, по Серпуховской дороге, в 17-ти верстах от Москвы, из рощи липовых дерев штамбовых [16] 2000, шпалерных 1000 и более, ценою с вырыванием и перевозкою: за штамбовые по 6 рублей, а за шпалерные [17] по 3 рубля за сотню. В 1741 году весною крестьянин цесаревны Елисаветы Петровны доставил для посадки в новый сад разные деревья, толщиной «в рублевик» и «в полтинник», а именно: ильмы [18] по 6 копеек за дерево, ясени по 6 копеек за дерево, клен по 3 рубля за сто, орешник толщиною «в полтинник» по 1 рублю за сто. Садовые ученики получали жалованье в треть по 5 рублей. Они носили мундир: «кафтаны серые, камзолы красные, штаны козлиные».

Из таких же отчетов и описей Анненгофского сада видим, что в те годы в саду было девять прудов с рыбою и несколько беседок; также там стояли каменные

Народное гулянье под Новинским в Москве в конце XVIII в.

статуи «Венус», Самсон [19], сфинксы золоченые и проч.

О пространстве, какое занимал Анненгофский сад, точных указаний нет. Впрочем, об обширности его можно судить из того, что в 1740 году наряжены были главною дворцового канцеляриею дворцовые крестьяне из сел Троицкого-Голенищева [20], Измайлова, Коломенского, Софьина и Братовщина [21] для перевозки в сад одного только навоза из Остоженских конюшен.

В каких размерах здесь были устроены оранжереи, можно заключить из того, что на отопление их отпускалось ежемесячно 45 сажен (дров).

Вскоре после кончины Анны Иоанновны деревянный дворец сгорел. Следы этого дворца существовали еще в двадцатых годах нынешнего столетия; П. С. Валуев [22], бывший президент Кремлевской экспедиции, устроил на фундаменте этого дворца галерею и беседку. В двадцатых годах нынешнего столетия здесь было самое модное гулянье. Императрица Елисавета Петровна приказала невдалеке от старого дворца построить новый, тоже деревянный. Дворец этот в народе стал называться Головинским; название это произошло от того, что как строитель дворца, так и поставщик материалов для дворца

оба носили одну фамилию — Головиных

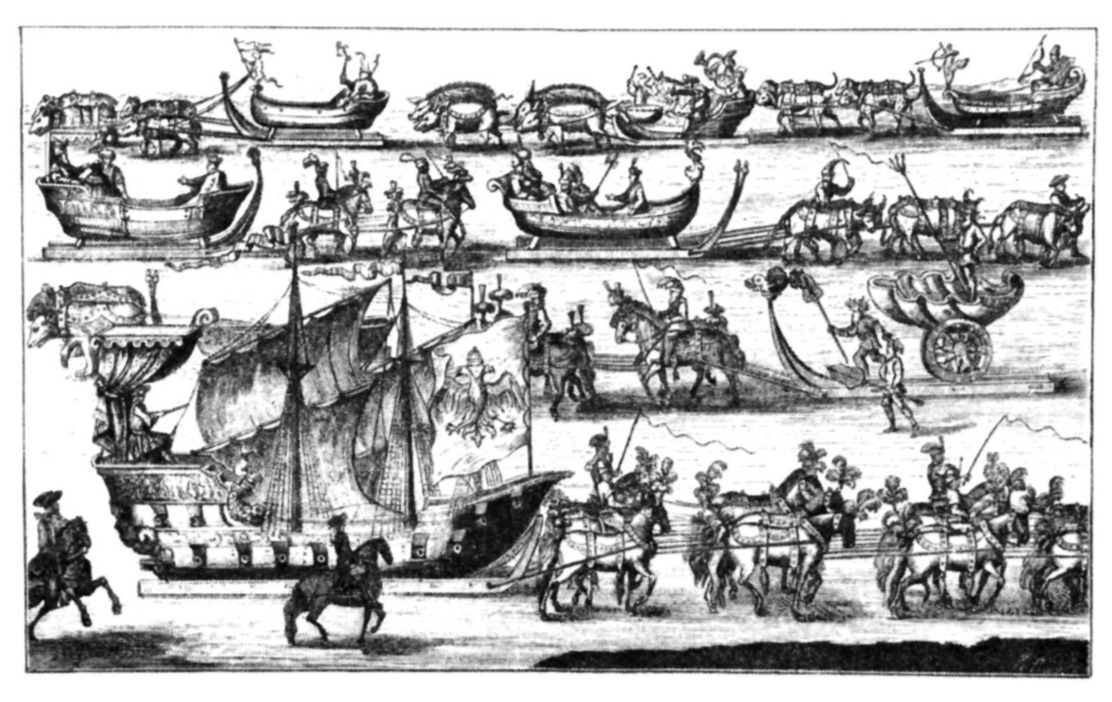
Во время чумы в Москве в этом дворце поселился присланный из Петербурга князь Гр. Гр. Орлов, но чуть ли не на третий день по его приезде Головинский дворец, как мы уже говорили, сгорел до основания. Одни полагали, что дворец сгорел от неосторожности во время топки камина, другие же уверяли, что от поджога. Императрица Екатерина II на месте прежнего деревянного приказала построить каменный, назначив строителем знаменитого русского зодчего В. И. Баженова [24]. Как план Головинского дворца, так и все украшения в нем были рассматриваемы и утверждены Екатериною II. Все эмблемы лепной работы, которые были над окнами и дверями в большой зале, были избраны императрицею, и каждая из них представляла торжество какой-нибудь добродетели.

Император Павел I приказал этот огромный каменный дворец превратить в казармы, поместив в нем четыре батальона московского гарнизонного полка, и назвать дворец Екатерининскими казармами. В 1812 году Головинский дворец был почти разрушен французами и только в 1823 году возобновлен и перестроен под надзором генерал-майо-

ра Ушакова, директора Смоленского кадетского корпуса, а в следующем, 1824 году, по воле императора Александра Благословенного, из Костромы сюда переведен Смоленский кадетский корпус (бывшее Псковское Благородное училище), что теперь первый Московский кадетский корпус, столетний юбилей которого праздновался лет десять тому назад.

Но, возвращаясь к пребыванию Екатерины II в Москве, мы видим, что с приездом императрицы празднества и торжества пошли каждый день зауряд. Тогдашнее вельможное барство древней столицы один перед другим старалось отличиться своими балами. Кроме таких праздников государыня часто совершала увеселительные поездки на загородные гулянья, как, например, Сокольничье поле [25]. Здесь в те времена обыкновенно собирались цыгане, кочевавшие тогда на Филях [26]; тогдашние цыгане ходили в своих ярких национальных одеяниях, мужчины в кафтанах с перехватами и широких восточных шальварах, а женщины в ярких разноцветных платьях с перекинутыми на одно плечо алыми, выцветшими шалями и с золотыми монетами в ушах вместо серег.

Государыня ездила со всею пышностью: впереди, перед каретою ее, ехал взвод лейб-гусар в блестящих мундирах, сзади сопровождал ее подобный же конный отряд гвардейской свиты; поздно вечером путь императрицы освещался факелами. Появление государыни на какой-нибудь улице производило полное волнение в народе, всюду неслись восторженные крики, и толпа кидалась бегом провожать царицын поезд.

Маскарад в Москве в 1722 г. С весьма редкой гравюры того времени (из собрания Д. А. Ровинского)

Нередко государыня посещала и Сокольничью рощу. В Сокольниках, на немецких станах, особенно шумно праздновался день 1-го мая городскими жителями. Обычай здесь праздновать первый день весны шел со времен Петра Великого. Сокольничья роща была частью Лосиного погонного острова, где издревле русские государи любили потешаться звериною и соколиною охотой. В народе это гулянье слывет

под именем «немецкого стана или немецких столов». Предание гласит *, что здесь было первое становище немцев, вызванных и добровольно приехавших в Россию и поселившихся в Немецкой слободе, известной под финским названием Кукуя или Кукуй [27].

Сюда на новоселье немцы собирались вспоминать родной свой праздник «первое мая». Любопытство привлекало сюда и русских, у которых впоследствии и обрусел этот чужестранный праздник, но название «немецких станов» удержалось. Когда в Москву приведены были пленные шведы, Петр I, поселив их близ Сокольничьей рощи, роздал знающим разные мастерства в науку русских мальчиков, которые помещены были в матросской фабрике в Преображенском селе [28]. У царя стоял дворец в Сокольничьй роще; в сороковых годах нынешнего столетия были еще целы старые липы царской посадки; стояли они в саду Чориковой дачи.

Здесь государь угощал немецких и шведских мастеров, по обычаю их страны, своими столами. Это угощение и прослыло «немецкими столами» и из немецкого гулянья сделалось чисто русским народным гуляньем «первого мая». Существует предание, что государь здесь устраивал воинские потехи с примерными сражениями, осадой и взятием крепостей и сам с ними участвовал в ратоборствах. При дочери Петра, императрице Елисавете, это гулянье пользовалось особенной популярностью. Так, в 1756 году здесь было столько народу, что прогуливаться не было возможности. Карет было в этом году более тысячи.

На Сокольничьем поле император Александр I давал три дня сряду праздник своему народу после коронации. В этот день на обширном поле устроены были беседки и галереи в разных стилях; стояли столы, целые быки мяса с золотыми рогами; жареные гуси, утки, индейки, как плоды, висели на деревьях; винные и пивные фонтаны били без устали; стояли полные вином сороковые бочки и т. д. Государь приехал на гулянье в исходе первого часа, заиграла музыка, и с криком «ура» все столы опустели и весь сад с яствами исчез и даже от быков ничего не осталось; только еще фонтаны продолжали бить вином, народ пил из них шляпами, другие подставляли прямо рты к фонтанам. Государь ездил верхом посреди рядов народа и приветливо обращался к толпе со словами: «Кушайте, будьте довольны!» «Довольны, очень довольны, ваше императорское величество, — отвечал ему один отставной служивый гвардеец времен Екатерины, — тебе только так угощать нас, в тебе, государь, мы видим нашу матушку-царицу!» По преданию, порядок в этот день царствовал образцовый, не было ни одного скандала, праздник кончился благополучно. Все это произошло благодаря заботливой распорядительности обер-полицийместера Каверина и двух полицийместеров — Ивашкина и Алексеева.

На этом народном празднике отличился со своею труппою волтижеров известный в то время привилегированный берейтор Петр Марио.

В первые годы царствования императора Александра в Сокольниках праздник «первого мая» выходил необыкновенно разгульным и многолюдным.

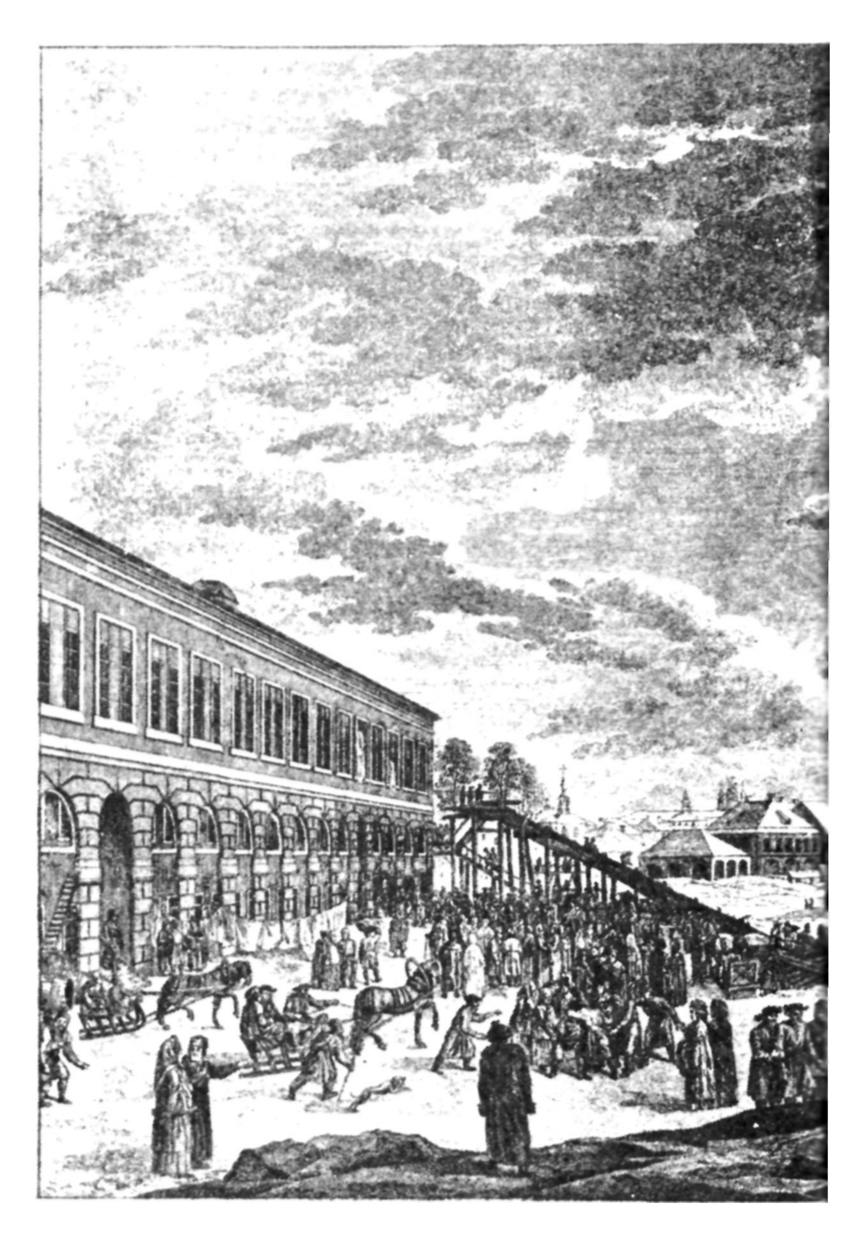
На это народное гулянье приезжали почти все тогдашние вельможи и разбивали здесь свои турецкие и китайские палатки с накрытыми столами для роскошной трапезы и великолепными оркестрами; рядом с такими сказочно-пышными палатками в то время стояли простые, хворостяные, чуть прикрытые сверху тряпками шалаши, с единственными украшениями — дымящимся самоваром, со сбитнем и простым пастушьим рожком для аккомпанемента поющих и пляшущих поклонников алкоголя!

С. П. Жихарев [29] в своих воспоминаниях говорит: «Сколько щегольских модных карет и древних, прапрадедовских колымаг и рыдванов, блестящей упряжи и веревочной сбруи, прекрасных лошадей и претощих кляч, прелестнейших кавалькад и прежалких дон-кихотов на прежальчайших россинантах!»

Описывая одно из таких гуляний 1805 года, он упоминает про палатку своего знакомого Е. Е. Ренкевича, у которого он нашел прекрасное общество и роскошное угощение. Палатка эта была поставлена на самом бойком месте, несколько наискось против палатки главнокомандующего и других вельмож; отсюда все гулянье, на всем его протя-

* См. Ив. Снегирева: «Русские простонародные праздники».

Ледяные горы в Москве во время сырной недели в конце XVIII столетия. С гравюры Делабарта 1794 г.

жении в обе стороны, было видно. Между тем народ, наиболее тут толпившийся, нетерпеливо посматривал к стороне заставы и, казалось, чего-то нетерпеливо поджидал, как вдруг толпа зашевелилась и радостный крик «едет! едет!» пронесся по окрестности; и вот началось шествие необыкновенно торжественного поезда, без которого, говорили, гулянье «первого мая» было бы не в гулянье народу. Впереди на статном фаворитном коне своем Свирепом ехал граф А. Орлов в парадном мундире и обвешанный орденами. Азиатская сбруя, седло, мундштук и чепрак были буквально залиты золотом и украшены драгоценными каменьями. Немного поодаль, на прекраснейших серых лошадях, ехали дочь его и несколько дам, которых сопровождали А. А. Чесменский, А. В. Новосильцев, И. Ф. Новосильцев, князь Хилков, Д. М. Полторацкий [30] и множество других неизвестных мне особ. За ними следовали берейторы и конюшие графа, не менее сорока человек, из которых многие имели в поводу по заводной лошади в нарядных попонах и богатой сбруе. Наконец, потянулись и графские экипажи: кареты, коляски и одноколки, запряженные цугами и четверками одномастных лошадей. Проезжая мимо палатки Ренкевича, А. А. Чесмен-

ский приглашал всех находящихся в ней дам к графу на сегодняшнюю скачку.

В начале нынешнего столетия у Сокольничьей заставы стояла знаменитая дача графа Ростопчина [31]. Спустя сорок лет после нашествия французов от этой роскошной барской усадьбы оставались одни развалины дома и запустелый сад, по дорожкам которого росла трава и ездили иногда для сокращения пути проезжие в телегах.

Все московские гулянья прошлого века отличались от нынешних большим разнообразием и разгулом. И. Е. Забелин [32] весьма верно замечает, что общее веселье тогда поддерживалось и общим участием москвичей, большинство которых не успело еще поставить себя выше народных обычаев и не только не чуждалось, но, напротив, принимало самое живое личное участие во многих забавах простого народа. Гулянья того времени еще во многом сохраняли те первобытные черты, в которых вполне отражалась старинная жизнь со всеми особенностями и оттенками; эти главные черты были: пьянство, пляски, кулачные бои и т. д.

Одним из центров каждого гулянья был большой шатер, известный в народе посейчас под кличкой «колокола». Из гуляющих редко кто проходил мимо

шатра-колокола, верх которого украшался обыкновенно небольшим флагом и зеленою кудрявою елкою; внутри шатра стояли стойки с бочонками и разного питейного посудою, в числе которой употребительнейшая называлась «плошкою» и «крючком». Это была особая мера, в которой продавалось вино в разливку, и в старину не просили «на водку», а просили обыкновенно «на крючок».

Кроме большого шатра на гуляньях стояли еще разного рода шалаши и палатки, крытые нередко рогожей и лубком. Здесь помещались трактиры, продавцы пряников, орехов, царьградских стручьев; также всюду на гуляньях виднелись столы, где дымились самовары с ароматным имбирным сбитнем[33], продавалась хмельная буза [34], полпиво и проч. В числе народных забав первое место занимали качели, затем карусели, нынешние детские коньки. Затем давались для народа и драматические представления, устраиваемые в лубочных балаганах, шалашах и других на скорую руку постройках.

Такие балаганы строились обыкновенно на святой под Новинским[35], и на масленице — на Москве-реке. Представления в таких театрах не отличались чистотою; героем комедии был шут или дурак со своими нецеломудренными рассказами и прибаутками; в числе народных зрелищ были еще кукольные комедии и райки, показываемые заезжими иностранцами; приезжали в Москву и разные немецкие шпрингеры, балансеры, позитурные мастера, кунстмейстеры, эквилибристы[36] и великаны; в числе последних в 1765 году, в Немецкой слободе, показывался иностранец Бернард-Жилли; ростом он был в 3½ аршина, во всем с пропорциональными членами и такой величины, что «не найдено еще человека, который бы свободно не мог проходить под его руку». Великан начал расти только с десятого года. Этот силач представлен был императрице в Царском Селе. Жил в те времена еще итальянец Швейцер в Немецкой слободе и показывал любопытствующим персонам повседневно разные курьезные действия собак и брал за смотрение по рублю.

Другой заезжий француз показывал человека, который был выброшен во время жестокой бури на остров Мартиник и три месяца питался камешками, дававшимися ему в пищу. Жила у Тайницких ворот[37] у малороссиянина Репкова дочь, которая, 3-х лет от роду, играла на гуслях 12 пьес по слуху, самоучкой. Показывалась также на Тверской, в екатерининское время, у жены Шаберта де Тардия, привезенная из Африки птица «струс», которая больше всех птиц в свете, чрезвычайно скоро бегает, имеет особенную силу в когтях, на бегу может схватить камень и так сильно оным ударить, как бы из пистолета выстрелено было; оная же птица ест сталь, железо, разного рода деньги и горящие уголья.

За смотрение благородные платили по своему изволению, а с купечества брано было по 24 копейки; простому же народу объявлялась цена при входе.

В числе древнейших народных забав на гуляньях можно было встретить медведя с козою. Затем также на старинных гуляньях славились игрою на рожках тверские ямщики; они же «оказывали весну разными высвистами по-птичьи». Эти простые мужички составляли целые хоры самых разнообразных птичьих голосов, начиная от нежной малиновки до соловья.

Кроме описанных удовольствий на старинных гуляньях можно было встретить и «собачью комедию». С такою ученою комедиею на Москве в 1766 году был итальянец Иозеф Швейцер с некоторым числом больших и малых собак, приученных к разным «удивительным действиям», давал он представление в Немецкой слободе, в доме графа Скавронского. За смотрения «оных действий» брал сперва по рублю с персоны, но затем позднее и 50 копеек, а с «подлого» народа по 10 копеек с человека.

Давало свои представления в этом же году на придворном театре в Головинском дворце «собрание разных искусников, танцующих по веревке, прыгающих, ломающихся и представляющих пантомиму». Приезжал также в Москву французский королевский механик, господин Тезие, с удивительною физической и оптической машиной, посредством которой он перспективным представлением по правилам архитектуры показывал города, замки, церкви, сады, гавани, триумфальные ворота и прочие любопытства достойные вещи, которые зрителей довольно приводят в удивление. В 1764 году в Москву наезжал английский берейтор

Батес и производил свои «конские ристания».

На Кисловке [38], близ Никитского монастыря [39], в доме купца Телепнева, «показывал свое искусство с разными удивительными штуками маленький безногий человек», в Немецкой слободе, в доме француза Мармсона, можно было видеть «весьма любопытную машину, называемую оракул».

В Старой Басманной, против Разгуляя, в доме парикмахера Карла Шлаха, была машина, которая изображала статуи в движении, «как натуральные люди работают на горах, подкопах и ямах для сыскания руды серебряной и золотой».

Показывал также в Немецкой слободе, в Чоглоковом доме, голландский кунстмейстер Сергер штуки с Цицероновою головою [40] и прочими большими итальянскими двухаршинными куклами, которые разговаривали, представлял комедию о «докторе Фавсте», а также у него и ученая лошадь «по-прежнему действовала».

Тот же Сергер пред рождеством объявил, что у него, в доме Трубникова, на Дмитровке, начнется новая комедия из больших итальянских марионеток, которая будет называться «Храбрая и славная Юдифь» [41].

Французский механик Дюмолин показывал удивительную машину, которая «одним разом шесть лент ткет, и самодельную канарейку, которая поет разные арии»; у этого же механика показывалась движущаяся лягушка, которая знает время на часах и, показывая оное, плавает в судне. Показывалась также и голова в натуральную величину, движущиеся действия которой так натуральны, что всех зрителей устрашают.

Помимо итальянских марионеток или кукол были и русские скоморохи [42], которые разыгрывали роли, наряжаясь в скоморошное платье, надевали на себя хари, или маски; некоторые из них носили на голове доску с движущимися куклами, поставленными всегда в смешных и часто в соблазнительных положениях; но больше всего они отличались и забавляли народ прибаутками, складными рассказами и красным словцом. Были между ними глумцы и стихотворцы-потешники. Тешили народ такие скоморохи также и музыкой. В то время еще старых национальных инструментов было несколько; так, например, гусли, гудки (ящики со струнами), сопелки, дудки, сурьмы (трубы), домвры, накры (род литавр), волынки, ленки, медные рога, барабаны, бубны, торбаны [43] и проч.

Самое многолюднейшее гуляние в Москве в старину было на масленице; главное гуляние на этой неделе сосредоточивалось на Москве-реке, и особенно на Неглинной, где теперь фонтан перед Кремлевским садом, потом еще за Кузнецким мостом на Трубе; летом здесь текла Неглинная и было непроходимое болото, а зимой это место, как широкая площадь, представляло много удобств для постройки масленичных гор и кулачных боев, без которых в старину, как мы уже говорили, в Москве не проходило ни одного зимнего праздника.

Борьба и кулачный бой составляли одну из первых и любимых забав народных в сырную неделю: на улицах и на реке бились «сам на сам» или один на один. Это — бой стеной, стенка на стенку. Такие единоборческие потехи назывались в летописях «играми, игрушками», и их давали наши великие князья.

Для примерных битв составлялись две враждебные стороны; по данному знаку свистком обе стороны бросались одна на другую с криками; для возбуждения охоты тут же били в накры и в бубны; бойцы поражали друг друга в грудь, в лицо, в живот, и сразу сбить противника на землю называлось «снять с чистоты».

В то время бились неистово и жестоко, и очень часто многие выходили навек калеками, а другие оставались на месте мертвыми. Катание на санях по улицам начиналось с понедельника, а более с четверга на сырной неделе [44]; вечером в эти дни ездили целыми вереницами, а народ катался с песнями.

При Петре Великом масленичные потехи бывали в Москве у Красных ворот. Император сам в понедельник на масленице открывал празднество, повертевшись на качелях с офицерами.

По случаю Ништадского мира в 1722 году [45] царь дал в Москве невиданный дотоле маскарад и санное катание. В четверг на масленице открылось шествие большого поезда из села Всесвятского [46], где еще накануне с вечера было собрано множество морских судов разного вида и разной вели-

чины саней, запряженных разными зверями. По данному ракетой сигналу сухопутный флот, напоминающий древний великого князя Олега [47], на полозьях и колесах протянулся длинною вереницею от Всесвятского к Тверским триумфальным воротам. Шествие открывал арлекин [48], ехавший в больших санях, запряженных в шестерик лошадей, украшенных бубенчиками и побрякушками.

В следующих санях ехал князь-папа, Зотов [49], облаченный в длинную мантию из красного бархата, подбитую горностаем; в ногах у него сидел Бахус на бочке. За ним следовала свита пьяниц, замыкаемая шутом в санях, запряженных четырьмя свиньями. Затем началось шествие самого флота под предводительством Нептуна [50], сидевшего с трезубцем в руках на колеснице, везомой двумя сиренами.

В процессии находился и князь-кесарь Ромодановский [51], в царской мантии и княжеской короне; он занимал первое место в большой лодке, везомой двумя живыми медведями. Наконец, следовал громадный 88-ми пушечный корабль, построенный совершенно по образцу корабля «Фридемакера», спущенного на воду в марте 1721 года в С.-Петербурге. Корабль имел три мачты и полное корабельное вооружение.

На этом корабле, везомом 16-ю лошадьми, сидел сам император в одежде флотского капитана с адмиралами и офицерами и маневрировал кораблем, как бы на море. За этим кораблем следовала раззолоченная гондола императрицы. Государыня была в наряде простой остфризской крестьянки; свита царицы состояла из придворных дам и кавалеров, одетых арабами.

За гондолой появились настоящие герои маскарада, известные под именем «неугомонной обители», или «всепустейшего собора». Они сидели в широких длинных санях, сделанных в виде драконовой головы, и наряжены были волками, журавлями, медведями, драконами, представляя в лицах героев Эзоповых басен.

Пестрое маскарадное шествие потянулось через Тверские ворота в Кремль при пушечных выстрелах. Эта процессия достигла дворца только вечером. На следующий день и на третий день, 2-го февраля, сбор был назначен у ворот, построенных на этот случай купечеством. Этот маскарад окончился великолепным пиршеством и фейерверком. Участвовавшие в этом маскараде в течение четырех дней каждый день меняли костюмы на новые.

ГЛАВА VI

Первые театральные представления в Москве. — Первые заморские комедианты и антрепренер. — Спектакли немецкой труппы. — Судьба московского театра при Екатерине I и последующее царствование. — Московский театр при Екатерине II. — Н. С. Титов. — Головинский театр. — Антрепренер Медокс. — Театр на Знаменке. — Петровский театр. — Ротонда. — Первая русская опера. — Актеры Медокса: Померанцев, Шушерин, Украсов, Колесников, Лапин, Сахаров, Плавильщиков и Сандунов. — Переход московского театра в казну. — Репертуар старого театра. — Трагедии, оперы и оперетки. — Первая опереточная артистка. — Слезливая эпоха. — Пантомимный драматический балет. — Спектакли в доме Пашкова. — Новый Арбатский театр. — Балетная и французская труппы. — Актрисы: Жорж, Вальберхова и Семенова. — Патриотические спектакли. — Актриса Лисицына. — Прекращение спектаклей в Москве. — Пожар Арбатского театра

Первые публичные театральные представления в Москве происходили при Петре в «Комедийной храмине» [1], на Красной площади и в Немецкой слободе в доме генерала Франца Яковлевича Лефорта. Обе эти храмины имели «театрум и хоры», и против пожара в них были приняты следующие курьезные меры: для этой цели были предназначены два окна, в которые можно было пролезть двум человекам и которые во время действия закрывались щитками, так как свет внешний для комедии был неудобен.

На случай пожара в храмине стояли два ушата воды, и следившим за порядком здесь подьячим посольского приказа было предписано особенно наблюдать, чтобы не было курения. Места в театре были четырех разрядов: первые стоили гривну [2], вторые два алтына, третьи пять копеек и последние алтын.

Входные билеты, или, как их тогда называли, ярлыки, печатались на толстой бумаге. Ярлыки продавались в чуланах, т. е. небольших комнатах при театре; для кассы были устроены два ящика — в один опускались полученные за вход деньги, а в другой — ярлыки. У сбора денег были приставлены сторожа, нанятые из посадских людей.

Сбор с комедий в 1703 году равнялся 406 рублям и 23 алтынам. В 1704 году комедийных денег в сборе мая с 15-го по 2-е июня — 82 рубля 27 алтын 4 деньги [3], и в том же году с 15-го мая по 10-е ноября — 388 гривн 9 алтын 4 деньги.

Сбор в летние большие дни был значительнее, чем в осенние дни, потому что публики было больше.

В светлые вечера зрителям по воротам не надо было платить двойной платеж, как в комедию, так и из комедии едучи. Для облегчения посетителей и усиления театрального сбора от 5-го января 1705 года государь указал в указные дни, когда бывает комедия, всем смотрящим всяких чинов людям ходить повольно и свободно, без всякого опасения, а в те дни ворот городовых по Кремлю, по Китай-городу и по Белому городу в ночное время до 9 часу ночи не запирать и с проезжих указной по воротам пошлины не имать для того, чтобы смотрящие того действия ездили в комедию охотно.

Но указ о вольном бесплатном проезде в комедию в конце концов не имел желаемого успеха и, как ниже увидим, комедийная храмина в 1707 году совсем пришла в запустение и была переведена на Печатный двор и на подворье Богоявленского монастыря [4].

Для комедийной храмины в 1701 году отправлен был за границу поступивший к царю на службу комедиант Иван Сплавский, в город Гданск (Данциг) для вербования в Москву театральной труппы.

Он в контракте обязывался по прибытии с труппою в Москву «царскому величеству всеми вымыслами, потехами угодить и к тому всегда доброму, готовому и должному быти», и за все это ему назначено ежегодно получать по 5000 ефимков. Современники в то время смотрели на зарождающийся «светский театр» как на дело дьявольское и богопротивное и глядели, приговаривая: «С нами крестная сила!» Но не так думало тогда только наше духовенство,

составлявшее в то время самый образованный класс, наиболее знакомый с литературою Запада. Студенты духовного училища при московском Заиконоспасском монастыре переводили на славянский язык французские и немецкие мистерии, заимствованные из библейской истории, и разыгрывали их в трапезах и рекреационных залах.

Лучшими из этих пьес были: «Эсфирь и Агасфер» [6], «Рождество Христово», «Кающийся грешник» и «Христово воскресенье» с весьма аллегорическими посторонними действиями. Первая из этих пьес впоследствии по повелению Елисаветы Петровны игралась великим постом на придворном театре; по преданию, во второй пьесе пречистой девы Марии на театре между действующими лицами не было, а был только образ ее.

Публичные представления на Красной площади в конце 1704 года на время прекратились в этом году: Яган Куншт [7], этот предтеча нынешних антрепренеров, бежал из Москвы, не заплатив жалованья никому из своих служащих. Несчастные его комедианты принуждены были просить, чтобы для уплаты им Кунштова долга взять в казну принадлежащие его театру гардероб и другие вещи. В хронике русского театра Носова приведен список описанных вещей и следующее объявление об аукционе: «Продаются театральные украшения, принадлежащие директору немецких комедианщиков Ягану Куншту, убоявшемуся нашего градского начальства наказания за сочиняемые им и играемые на публичном театре пасквильные комедии, уехал из России инкогнито, не заплатя никому жалования, по сему резонту и объявляем, что продажа сия делается на уплату долгов комедиантов».

В числе вещей продавались: дворец с великолепными садами, крепостями, лесами, рощами, лугами, наполненными людьми, зверями, птицами, мухами и комарами; море, состоящее из 12 валов, из которых самый огромный, 9-й вал, немного поврежден. Полторы дюжины облаков, снег в больших хлопьях из белой овернской бумаги и т. д.

После Куншта театр на Красной площади перешел в руки Отто Фюрста; представления у последнего чередовались с русскими представлениями; русские давались по воскресеньям и вторникам, а немцы играли по понедельникам и четвергам — немецкие и русские пьесы представлялись под управлением Фюрста. Немецкая труппа давала по большей части так называемые пьесы на случай (pièces de circonstances — *фр.*). Так, например, в 1703 году ему поручалось поставить драматическое представление на случай взятия русскими Нотебурга, или Орешка [8]. Новому антрепренеру было отдано несколько русских учеников в науку. Об этих русских актерах сохранился интересный документ, относящийся к 1705 году, рисующий как ту эпоху, так и состояние тогдашнего драматического искусства у нас.

Вот этот доклад начальству:

«Ученики комедианты русские без указу ходят всегда с шпагами, и многие не в шпажных поясах, но в руках носят, и, непрестанно по гостям в нощные времена ходя, пьют. И в рядах у торговых людей товары емлять в долги, а денег не платят. И всякие задоры с теми торговыми и иных чинов людьми чинят, придираясь к бесчестию, чтобы с них что взять нахально.

И для тех взяток ищут бесчестий своих и тех людей волочат и убыточат в разных приказах, мимо государственного посольского приказу, где они ведомы.

И, взяв с тех людей взятки, мирятся, не дожидаясь по тем делам указу, а иным торговым людям бороды режут для таких же взяток.

Особенно в таких злокозненных деяниях обличался актер Василий Теленков, он же Шмага пьяный, — по посланному на него доносу к боярину Головину вышла от последнего резолюция: «Комедианта пьяного Шмагу, взяв в приказ, высеките батоги».

В 1704 году в труппе Фюрста женские роли исполняли две женщины: девица фон Велих и жена генерального доктора Паггенкампфа, в русских документах последняя попросту переделана в Поганкову.

Первая жалованья получала 150 рублей, вторая по 300 рублей *. В 1705 году в Москве публичных немецких спектаклей не давалось. В 1707 году драматические представления часто происходили

* Русским ученикам-комедиантам положено было жалованья «смотря по персонам: за кем дела больше — тому дать больше, а за кем дела меньше — тому меньше».

при дворе цариц Прасковьи Феодоровны и великой княжны Натальи Алексеевны; из дворцовых документов видно, что в разное время высылались по требованию цариц в села Преображенское и Измайлово театральные костюмы и декорации, которые служили в труппах Кунште и Фюрста.

В селе Измайлове дочь царя Иоанна Алексеевича [9] сама распоряжалась представлениями за кулисами. На этом придворном театре в антрактах являлись дураки, дуры, шуты с шутихами и забавляли зрителей пляскою под звуки рожка с припевами или разными фарсами. Там было, по пословице царя Алексея Михайловича, «делу время, а потехе час». В 1706 году, в год смерти второго * директора русского театра, графа Ф. А. Головина [10], второй антрепренер, бывший золотых дел мастер Артемий Фюрст принимал участие в церемонии его похорон; последние, как известно по уцелевшей современной гравюре, отличались необыкновенною пышностью, актерам были выданы из театрального платья «латы добрыя всея воинския одежды и с поручи и с руками».

При другой тоже пышной церемонии для торжества по случаю Полтавской победы в Москве было построено несколько триумфальных ворот, и на одних, именно в Китае-городе, на площади у церкви Казанские богородицы, устроены декорации из комедиального дома. Известно еще, что в 1713 году по указу царицы Прасковьи были взяты из «комедии, обретающиеся близ Николаевских ворот, двадцать перспективных картин».

На всех этих театрах русскими учениками Кунша и Фюрста играны были пьесы следующие: «О Франталисе эпирском и о Мирандоне, сыне его», «О честном изменнике», «Тюрьмовый заключенник, или Принц Пикельгяринг», «Постоянный папиньянус», «Доктор Принужденный» и проч.

Все эти пьесы имели все театральные эффекты и ужасы — сражения, убийства и проч.

По обыкновению, в пьесах были и смешные сцены, где шут Пикель Гяринг ** сыплет грязные площадные шутки, поет куплеты, вроде:

Братья, да возвеселимся,
Сим вином да утвердимся!
Бог убо весть — сколько нам жити,
Ныне идем купно в поле,
Убитыми быть или вздраве и т. д.

Берхгольц говорит, что о представлениях на театрах к знатным людям сами актеры разносили афиши и что один из таких придумал даже извлекать из этого выгоды, выпрашивая вознаграждение, за что и был наказан батогами. Афиши были печатные и так называемые перечневые; последние печатались для лучшего объяснения публике содержания и хода представления.

После Петра I, при Екатерине и в последующее царствование, в Москве публичных представлений не было. Со вступлением на престол Анны Иоанновны простота прежних времен сменилась великолепием и пышностью. Никогда еще коронование русских государей не совершалось с таким великолепием и блеском, как коронация Анны Иоанновны. К этому торжественному дню польский король Август II [11] отправил в Москву отборнейшие таланты своей дрезденской оперы. Это были итальянцы, между которыми находились европейские знаменитости, превосходные певицы, танцовщики и музыканты. Из числа их особенно отличалась актриса Казанова, мать известного авантюриста Жака Казанова [12], и комик певец Педрилло, впоследствии шут государыни.

Этими-то артистами и была представлена первая итальянская интермедия с неслыханною роскошью в костюмах и декорациях. В 1741 году с восшествием на престол императрицы Елисаветы Петровны началась новая блистательная эпоха процветания драматического искусства в России, и в ее же царствование положено начало отечественному театру. Ко дню коронования императрицы в Москве нарочно был построен новый театр на берегу Яузы; театр был обширен и прекрасно убран. В день коронации был дан первый великолепный спектакль на итальянском языке; он состоял из оперы: «Clemenzo di Titto» «Титово милосердие» — *итал.*) и «La Russia affletta et riconsolata» («Опечаленная и вновь утешенная Россия» — *итал.*), большая аллегорическая интермедия, смысла которой пояснять не

* Первым управляющим театральным делом был боярин Матвеев.
** Тип голландского шута, который перенесли на немецкую сцену английские актеры XVII века.

нужно, потому что он виден из самого заглавия пьесы. После следовал балет «Радость народа, появление Астреи на российском горизонте и о восстановлении златого века».

Балет, по сказаниям современников, был превосходный и приводил в неимоверный восторг публику.

В следующие дни торжества был представлен еще другой балет: «Золотое яблоко на пире богов, или Суд Париса» [13]. Оба балета были сочинены и поставлены на сцену Антонием Ринальдо-Фузано; этот балетмейстер служил прежде при дворе Анны Иоанновны и был преподавателем танцевания великой княгини Елисаветы Петровны.

При первом известии о восшествии ее на престол Фузано, бывший тогда в Париже, поспешил в Петербург, чтобы представиться венценосной своей ученице и предложить ей свои услуги; императрица тотчас же его приняла и наименовала вторым придворным балетмейстером для комических балетов; первым балетмейстером и хореографом трагических танцев числился Ланде, в то время находившийся за границей. В 1759 году в Москву был отправлен по высочайшему повелению актер Ф. Г. Волков вместе с другим актером, Яковом Шумским [14], для основания публичного театра.

Прибывшие в Москву артисты нашли русский театр уже существующим; построен он был в 1756 году в малом виде у Красного [15] пруда *, где теперь станция железной дороги, в доме Локателли; антрепренер московского театра Джиовани-Батисто Локателли [16] приехал в Россию в 1757 году с итальянской труппой, где главные роли исполняли певицы Мария Комати и Жиованна Локателли, называвшаяся по театру Стелла, и затем Бунни; певцами у него были: Андреас Елиас, Ергард, тенор Бунни и молодой кастрат Масси; первые представления он давал в Петербурге на придворном театре.

Через год он переехал в Москву, куда выписал еще певцов, музыкантов и танцоров; лучшими в его труппе были: певица Монтаваники и кастрат Монфредини; первый спектакль дал хороший сбор, но потом пошли плохие сборы, за вход к нему в театр платили по рублю с человека, а на ложи существовала годовая плата по 300 рублей. Наши баре в то время отделывали свои абонементные ложи шелковыми материями и зеркалами; оперою здесь распоряжался Локателли, итальянские интермедии давались безденежно, к смотрению их университет приглашал все дворянство, как тогда объявлялось в «Московских ведомостях».

Театр находился под управлением директора университета Мих. Матв. Хераскова, писавшего для него пьесы вместе с Сумароковым.

В числе актеров здесь были известные впоследствии литераторы, тогда еще университетские студенты: Я. П. Булгаков [17], Д. И. Фонвизин [18]. Для поощрения талантов государыня повелела награждать шпагами тех, которые окажутся хорошими актерами. На этом же театре появилась первая русская актриса Авдотья Михайлова.

Первая пьеса, представленная на московском публичном театре, называлась «Сердечный магнит», драма увеселительная, с музыкою, в трех действиях, перевод с итальянского студента Егора Булатницкого, белыми стихами.

За нею давалась другая пьеса с великолепным спектаклем под названием «Обращенный мир» (т. е. «Свет навывороте»), драма увеселительная, с музыкою, в трех действиях, изобретенная живописью, театральным украшением Ангиолом Карбоном (Анжело Карбоно), инженером Болонским. Танцы Гаспара Сантини. После них с необыкновенным успехом шла героическая комедия в стихах М. Хераскова «Безбожник».

Но театр московский долго не мог держаться, потому что не имел постоянной труппы, актеры-студенты, оканчивая курс в университете, поступали на государственную службу или уезжали в Петербург или провинции. Новое звание и служба не позволяли им продолжать сценическое поприще, театр сиротел и оскудевал. В 1761 году он рушился совершенно; многие его артисты перешли в Петербург на придворный театр.

Во время коронационных празднеств при восшествии на престол Екатерины II в Москве, как мы выше уже говорили, были даны великолепные театральные

* Другой театр у Красных ворот, выстроенный немцами, был уже в 1753 году сломан; он носил название «Деревянной комедии». См.: Полн. собр. закон. VII, учр. 10, 167.

представления, затмившие все до этих пор виденные сценические зрелища. В начале царствования Екатерины вольный московский театр содержал все тот же итальянец Бельмонти.

В эту эпоху на московском театре случился неслыханный до этого времени театральный скандал. Около 1770 года Бельмонти поставил на своем театре драму Бомарше [19] «Евгения»; пьеса эта не принадлежала к классическому репертуару и, как немодная, не имела даже успеха в Париже. Петербургский театр тоже ее не принял. «Евгения» в Москве явилась в переводе молодого литератора Пушникова, прошла с большим успехом и делала полные сборы.

Проживавший тогда в Москве А. П. Сумароков, видя такой редкий успех, возмутился и написал письмо к Вольтеру. Тонкий фернейский философ отвечал Сумарокову в его тоне. Подкрепленный словами Вольтера, Сумароков решительно восстал против «Евгении» и бранил Бомарше на чем свет стоит.

Но его не слушали. Бельмонти попрежнему продолжал давать ее на своем театре, московская публика продолжала наполнять театр во время спектаклей и по-прежнему аплодировала «слезной мещанской драме», как называли этот новый род пьес Вольтер и Сумароков с компанией классиков. Тогда возмущенный Сумароков написал не только резкую, но даже дерзкую статью и против драмы, и против актеров, и против публики, умышленно называя переводчика «подьячим» — худшего названия он не мог придумать. «Ввелся у нас, — писал он, — новый и пакостный род слезных драм. Такой скаредный вкус не приличен вкусу Великой Екатерины... «Евгения», не смея явиться в Петербург, вползла в Москву, и как она скаредно ни переведена каким-то подьячим, как ее скверно ни играют, а она имеет успех. Подьячий стал судьей Парнаса и утвердителем вкуса московской публики. Конечно, скоро будет преставление света. Но неужели Москва скорее поверит подьячему, нежели г. Вольтеру и мне?»

Этими словами как все московское тогдашнее общество, так и актеры с содержателем театра сильно обиделись и поклялись отомстить Сумарокову за его выходки. Сумароков, чувствуя приближение грозы, заключил с Бельмонти письменный договор, по которому последний обязывался ни под каким видом не давать на своем театре его трагедий, обязуясь в противном случае за нарушение договора поплатиться всеми собранными за спектакль деньгами.

Но это не помешало врагам Сумарокова привести свой план в исполнение. Они упросили московского губернатора Салтыкова приказать Бельмонти поставить его «Синава и Трувора», потому что, как говорили они, это было желанием всей Москвы. Салтыков, ничего не подозревавший, приказал Бельмонти поставить эту трагедию. Бельмонти, как и актеры, был очень рад насолить Сумарокову и приказал артистам исказить пьесу, насколько было возможно. В назначенный вечер театр наполнился враждебной Сумарокову публикой, занавес поднялся, и, едва актеры успели нарочно дурно выговорить несколько слов, раздались свистки, крики, стук ногами, ругательства и прочие бесчинства, тянувшиеся довольно долго.

Никто трагедии не слушал, публика старалась исполнить все, в чем ее упрекал Сумароков. Мужчины ходили между кресел, заглядывали в ложи, разговаривали громко, смеялись, хлопали дверьми, грызли у самого оркестра орехи, и на площади по приказу господ шумели слуги и дрались кучера. Скандал вышел колоссальный, Сумароков пришел в бешенство.

Такой неслыханный скандал поверг его в сильный гнев; он не знал, что делать, ходил по комнате, плакал, перечитывал последнее письмо Вольтера о драме Бомарше и, наконец, излил свое горе в следующих строках:

Все меры превзошла теперь моя досада.
Ступайте, фурии! ступайте вон из ада.
Грызите жадно грудь, сосите кровь мою
В сей час, в который я терзаюсь, вопию, —
Сейчас среди Москвы «Синава» представляют
И вот как автора несчастного терзают...

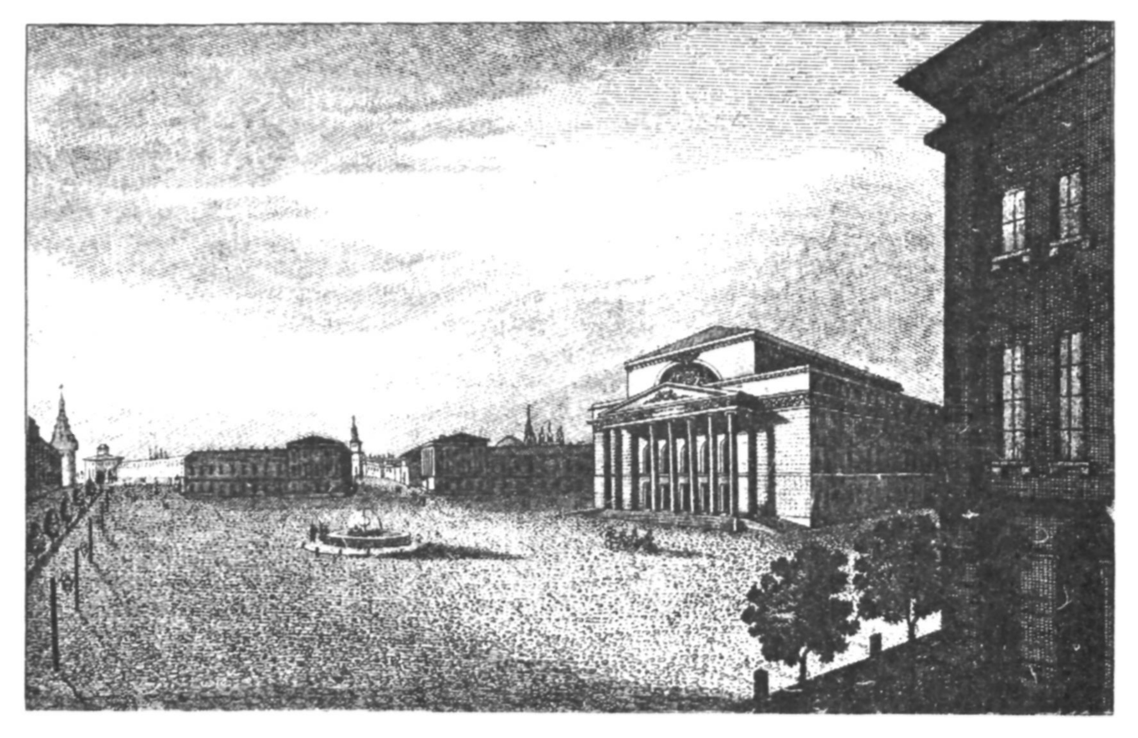
После вскоре он написал к государыне жалобу на Салтыкова. Государыня ему ответила, что ей приятнее видеть «представление страстей в его драмах, нежели в его письмах». Этим дело не кончилось, письмо было перетолковано в самую неблагоприятную для Сумарокова сторону; он написал на эти слухи эпиграмму, начинавшуюся так:

Наместо соловьев кукушки здесь кукуют
И гневом милости Дианины толкуют;
Хотя разносится кукушечья молва,
Кукушкам ли понять богинины слова?..

Московское общество, в свою очередь, упросило в это время бывшего в Москве молодого Державина [21] ответить на «Кукушку», и он написал «Сороку», окончив ее так:

Сорока что соврет,
То все слывет сорочий бред.

И подписал ее двумя буквами Г. Д. Последнее обстоятельство дало возможность Сумарокову заподозрить ни в чем не повинного какого-то Гавриила Дружерукова, и последний едва отделался от Сумарокова.

Большой театр и Театральная площадь в Москве в начале XIX столетия. С гравюры Аркадьева

Помимо русских спектаклей у Бельмонти давались итальянские интермедии и оперы; певцами в то время у него служили Мора, Фонети, Тоника, Приор с женою и другие. В 1766 году антрепризу русского театра взял на себя полковник Н. С. Титов.

Представления собранной им труппы давались в Головинском деревянном театре, построенном в бытность императрицы Екатерины в Москве. Титов взял в свою труппу актеров: Померанцева, Калиграфа и Базилевича; остальные персоналы, нужные для спектаклей, дополнялись из разного звания людей; маскарады и оперные спектакли остались по пятилетнему контракту за Бельмонти; последний, впрочем, в это время принял к себе в компанионы еще Чути. Титов содержал театр до 1769 года; после него антрепризу приняли опять итальянцы. В эти же годы казна отвела Бельмонти и Чути место для постройки между Покровскими и Мясницкими воротами [22], где были стена Белого города и Лесной ряд. По словам А. А. Мартынова *, после шли представления в доме графа С. И. Воронцова на Знаменке, где теперь дом М. С. Бутурлиной.

Затем театр принял иностранец Гроти, к которому в 1776 году поступил в товарищи московский губернский прокурор князь П. В. Урусов. В этом же году Гроти отделился от него, и князь Урусов

* См.: «Русский архив», 1878 г., ч. 2, с. 478.

один содержал московский публичный театр и «с благопристойными к удовольствию публики увеселениями», а также устраивал уже один концерт, маскарады и вокзалы. Князь Урусов принял к себе в товарищи англичанина Михаила Егоровича Медокса [23].

По уличному прозвищу в Москве он слыл за кардинала. Прозвище это он получил за свой обычай ходить всегда в красном плаще. Медокс был превосходный механик; он сделал часы с полным оркестром музыки и различными фигурами, приходящими в движение, подобно механизму известных страсбургских часов. Эти часы были поднесены императрице Екатерине и ценились очень высоко. Одно время они стояли в Москве у известного антиквария Г. Лухманова; на них съезжалась смотреть вся Москва. Часы эти впоследствии купил сын фельдмаршала графа Каменского [24].

Медокс был более двадцати пяти лет антрепренером театра и, кроме долгов, ничего не нажил.

Известно, что почти все театры в Москве погибли от пожаров. Так и театр, который арендовали Медокс с князем Урусовым на Знаменке, сгорел во время представления трагедии «Дмитрий Самозванец». Пожар этот стоил жизни известному в то время актеру Калиграфу: на нем он простудился и затем вскоре умер.

Большие убытки от пожара потерпел князь Урусов. Это обстоятельство и принудило его уступить свою привилегию держать театр Медоксу за 28 000 рублей; сверх этого новый содержатель театра был повинен платить опекунскому совету [25] ежегодно 3100 рублей. Получив привилегию, Медокс заложил свое вокзальное заведение за 50 000 рублей и принялся за постройку большого каменного театра. Место для нового театра Медокс купил у князя Лобанова-Ростовского, на Петровской улице, в приходе древней церкви Спаса [26], что в Копье (от этой улицы большой московский театр и стал называться Петровским).

План и работы производил ему архитектор Розберг; театр был построен в пять месяцев и обошелся Медоксу в 130 000 рублей. Тогдашний начальник столицы князь В. М. Долгорукий-Крымский остался так доволен зданием, что дал Медоксу привилегию на содержание театра еще на десять лет, т. е. до 1796 года.

Внутреннее устройство этого театра было почти такое же, какое было до пожара 1853 года, с тою только разницею, что ложи не были открыты, но каждая составляла как бы отдельную комнату; подле оркестра были особые места, занимаемые постоянными посетителями; назывались они «табуретами», и большая часть владельцев этих мест имела свои собственные крепостные театры в Москве. Это были строгие ценители и судьи, и Медокс часто руководствовался их советами.

Они получали всегда приглашения на две генеральные репетиции новой пьесы вместе с авторами и переводчиками. Каждый из таких гостей имел здесь голос.

Если ареопаг [27] знатоков общим приговором решал, что пьеса идет успешно, что каждый актер на своем месте и твердо знал свою роль, суфлер переходил на амплуа бесполезностей и, когда Аполлон не скакал на сцене, тогда только Медокс назначал первое представление.

Публика была всегда уверена, что увидит что-нибудь «совокупное», как тогда называли ensemble (*фр.*). В то время пьеса разыгрывалась без докучного эха, и из дыры не торчала всклокоченная голова суфлера, на которую тогда еще не было изобретено деревянного колпака. Места для дам были кресла — стоили они 2 рубля; партер был за креслами, ценою по рублю за место. Ложи не продавались на один спектакль; в «Московских ведомостях» 1780 года, № 76, напечатано объявление Медокса о принятии подписки на годовой наем мест; они оставались на полной ответственности годовых абонентов, которые обязаны были оклеивать их на свой счет обоями, освещать и убирать как хотели: каждая ложа имела свой замок, и ключ хранился у хозяина ложи. Декорации тогдашнего театра были просты, написаны по-домашнему, хотя многие из них писывал «Ефрем, российских стран маляр», но они не были несообразны, а художественны. В костюмах играли первые роли китайка, коломенка и крашенина [28].

Отстроенный большой театр представлял большое удобство для спектаклей и маскарадов, которые посещало тогда все высшее общество; они давались в особой великолепной круглой зале (ротонде), украшенной зеркалами, где при собрании многочисленной публики

освещение производило изумительный эффект.

План * внутреннего устройства этой залы и идею дал сам Медокс. Это было нечто изящное в своем роде: зала освещалась сверху огнем, горевшим в 42 хрустальных люстрах; к ней примыкали еще несколько больших гостиных. Вход в маскарад стоил рубль медью. Посетители все допускались только замаскированные. Петровский театр был открыт в 1780 году; для этого случая по желанию государыни Аблесимов[29] сочинил пролог-диалог в стихах «Странники»; в нем были выведены: Аполлон, Меркурий, Момус, Муза, Талия[30] и Сатир. Декорация представляла вдали Парнас, у подножия которого лежала Москва с возвышающимся новым великолепным зданием; к нему подъехал в великолепной колеснице Аполлон, предшествуемый Меркурием.

Спустя несколько лет после открытия Петровского театра на Медокса посыпались невзгоды. В это время Ив. Ив. Бецкий нашел выгодным для казны учредить публичный театр при московском Воспитательном доме, с двумя труппами — русской и итальянской. Это обстоятельство заставило Медокса подать прошение бывшему тогда главнокомандующему графу З. Г. Чернышеву.

Просьба его осталась не уважена, но, на его счастие, вдруг произошла перемена. И. И. Бецкий нашел неприличным, чтоб девицы Воспитательного дома танцевали и представляли на публичном театре, и потому, запретив воспитанницам участвовать в спектаклях, заключил с Медоксом следующие условия: 1) уступает ему театр, устроенный в большой зале главного корпуса; 2) вносит Медоксу ежегодно десятую часть с собираемых доходов с театра в Воспитательный дом; 3) принять гардероб за 4000 рублей и 4) принять же ему, Медоксу, на полное содержание и жалованье питомцев обоего пола, которые были привезены из петербургского театра к московскому: для балетов 50 человек, для декламации 24 человека и для музыки 30 человек; 5) Воспитательный дом обязывается, со своей стороны, построить еще другой театр вне главного корпуса и дозволить Медоксу одному производить на них представления и, кроме Медокса, никому уже содержания публичного театра в Москве не дозволять.

Таким образом, Медокс сделался владельцем и распорядителем двух театров. Он начал с того, что уволил всю иностранную труппу, состоявшую из немцев и французов, принятую Воспитательным домом, а строение театра со всеми принадлежностями положил продать и вырученные деньги обратить на уплату долгов своих; но в этом он не успел, и впоследствии его финансы от всех предприятий до того расстроились, что если б даже ему была уступлена опекунским советом десятая часть доходов с театра, которую Медокс никогда не платил, 188 150 рублей, то и затем он остался бы совету должен с лишком 100 000 рублей. У Медокса осталась одна русская опера. Изворотливый Медокс прилагал все старание, чтобы придать занимательность своим спектаклям.

В продолжение года он поставил, впрочем, не более 80 спектаклей.

Замечательно, что в первое время публика считала по какому-то предубеждению русскую сцену неспособною для оперы, и когда первую русскую оперу «Перерождение» в 1777 году решились играть, то Медокс так был не уверен в успехе, что перед представлением заставил актеров в нарочно сочиненном для этого разговоре испросить у публики дозволения сыграть ее.

Русская труппа Медокса в восьмидесятых годах состояла из тринадцати актеров и девяти актрис; настоящих танцовщиц было четыре и три танцовщика вместе с балетмейстером; музыкантов было двенадцать человек, из них один капельмейстер Керцелли. Вся труппа получала жалования 12 139 рублей 50 копеек, старший оклад был 2000 рублей; получал его один актер Померанцев. Актеры у него были: Лапин, Залышкин, Сахаров, Волков, Ожогин, Украсов, Колесников, Федотов, Попов, Максимов, Померанцев[31] и Шушерин[32], последние оба играли в драмах и комедиях: первый был превосходный актер в ролях благородных отцов; у него была превосходная дикция, он готовился поступить в дьячки, но невзначай как-то попал в

* См. книгу «Планы и фасады театра и маскарадной залы в Москве, построенных содержателем публичных увеселений англичанином Михаилом Медоксом», напечатанную (sic) в Универ. типогр., 1797, в лист.

театр, и здесь решилась его судьба, он поступил в актеры.

Померанцев был красавец собою и обладал ловкостью и благородством — он был актер чувства.

Это был предтеча знаменитого П. С. Мочалова [33]; Карамзин сравнивал его с великим французским актером Моле, восхищавшим в свое время всю Европу. Для Померанцева на сцене тогдашних заученных классических жестов и поз не существовало — во время игры он забывал все на свете.

Жесты этого актера были очень просты, но всегда кстати — за ним, как говорили его современники, водился один странный жест указательного пальца, и этот жест у него, как у знаменитого трагика Девриена [34], был потрясающий в драматических моментах. Рассказывали, что, когда Померанцев подымал свой указательный палец в торжественные минуты — у зрителей становился волос дыбом.

Он был велик в ролях просто человеческих, но не героев — последних он не любил играть. К его портрету тогдашний поэт сказал:

На что тебе искусство?
Оно не твой удел. Твоя наука — чувство.

Другой актер, Шушерин, был как раз противоположностью Померанцева. Вся его игра была чисто ходульная, искусственная, у него все было рассчитано — голос, осанка; он не играл на сцене, как говорили про него тогдашние критики, но повелевал над собою.

Его недостатки были неотъемлемою потребностью века. Шушерин был нехорош собою, но на сцене был красавец — особенно глаза его были выразительны, и часто вместо слов он отвечал одним взглядом и одной улыбкой, и выше этого красноречия не могла стать ни одна классическая фраза. Такие моменты были блистательны в его игре. Роли короля Лира (по-тогдашнему Леара) и царя Эдипа [35] были коронные в репертуаре этого актера. Вскоре он перешел на службу в Петербург *, где, впрочем, долго не ужился, а опять переехал в Москву. С. Глинка рассказывает, что здесь он построил себе уютный домик и в июне 1812 года праздновал новоселье, на котором, выпивая заздравный кубок, Глинка ему пророчески сказал: «Хозяину

П. А. Плавильщиков

дай Бог пожить еще сто лет, а дому не устоять». Тогда все дивились такому предсказанию. К несчастию, оно оправдалось; осенью того же года дом Шушерина сгорел во время пожара Москвы дотла, а хозяин пережил его несколькими месяцами.

Комиком в труппе Медокса был Ожогин. Этот актер был необходим для райка. Он был большого роста, с комическою физиономиею и удивительно развязный на сцене; голос его был груб и сиповат; он был недурен в «Мельнике» Аблесимова; но этот же мельник — Ожогин являлся и в Коррадо де Герера, в опере «Редкая вещь», и в роли французского бочара «Мартына».

Волков был крепостной человек князя Волконского, играл роль слуг, что по тогдашнему репертуару считалось нелегким; Колесников в свое время был лучший певец; Украсов, несмотря на свои преклонные года, играл все вертопрахов и исполнял их превосходно, несмотря на то, что ему изменял уже голос и хрипел. Замечательные трагические актеры были — Лапин и Сахаров; первый перешел на московскую сцену из Петербурга, потому что не поладил с Дмитриевским.

Он соединял в себе все качества, делавшие его отличным трагиком:

* После Шушерина его амплуа в Петербурге занял актер Яковлев.

красивую наружность, звучный и гибкий голос, чистую и правильную дикцию. В игре его было много благородства, и он чрезвычайно напоминал собою знаменитого французского актера Флораджа.

Женские первые роли исполняла Надежда Калиграф, замечательная актриса в ролях трагических и женщин жестоких и коварных; М. С. Синявская играла первых любовниц, где требовалось сильное чувство, и затем в ролях героинь.

Две эти актрисы были из первых. Померанцева исполняла роли старух и, по сказаниям современников, в драмах заставляла плакать, а в комедиях морила со смеху; играла также в операх, талант имела необыкновенный. Баранчеева играла роли благородных матерей и больших барынь. Е. А. Носова — превосходная и симпатичная оперная актриса — обладала прекрасным голосом и большим талантом, но была безграмотна, и все роли ей начитывали. По словам современников, она замечательно пела русские песни, как, например, «При долинушке стояла»; последнюю нередко по востребованию публики повторяла до десяти раз, так что едва не задыхалась.

Успех с нею разделял также певец Колесников, лучший в тогдашнее время тенор. Из оперных актрис славилась в екатерининское время еще известная Лизанька Сандунова [36]. Особенно большой успех в конце царствования Екатерины имели в Москве оперы: «Волшебная флейта», «Дианино древо», «Cosa rara» * (*итал.*), «Венецианский купец», затем «Старинные святки», «Водовоз» и «Русалка».

Во всех этих операх отличалась Сандунова; только в это время даровитая певица не представляла уже большого интереса, потому что была в летах и внешность имела уже далеко не привлекательную. Сандунова была низенького роста и очень полная на вид. Сандунова положила на музыку известную песню «Ехал казак за Дунай».

Сандунова нередко играла и у французов; так, в опере «L'amant statue» (*фр.*) ** она неподражаемо исполняла роль Селимены. Но и в то время, когда Сандунова допевала свои арии, петые еще при Екатерине, в Москве она имела многих страстных обожателей ее таланта. В числе таких был некто Гусятников. В описываемое время, как рассказывает князь Вяземский, в Москву приезжала из Петербурга на несколько представлений известная актриса Филис-Андрие.

Поклонники русских актрис взволновались и вооружились против нашествия иностранок. Поклонник Сандуновой Гусятников особенно сильно вооружался против французов. Однажды приезжает он во французский спектакль, садится в первый ряд кресел, и, только что начинает Филис делать свои рулады, он затыкает себе уши, встает с кресел и с заткнутыми ушами торжественно проходит всю залу, кидая направо и налево взгляды презрения и негодования на недостойных французолюбцев, как их тогда называли в Москве.

Про мужа знаменитой актрисы Филис-Андрие, который хотя и был плохой актер, но за жену петербургское общество к нему благоволило, ходил следующий анекдот: при императоре Александре I однажды был назначен в Эрмитаже спектакль. Утром того дня Андрие, встретясь на Дворцовой набережной с государем, спросил его, может ли он вечером явиться на сцене ненапудренный.

— Делайте как хотите, — отвечал государь.

— О, я знаю, государь, — отвечал Андрие, — вы добрый малый, но что скажет маменька?

Достойной ее соперницей на московской сцене была еще жена Померанцева. По словам тогдашних театральных критиков, это был совершенный «оборотень». Из слезливой драмы она переходила в живую и веселую комедию. Она являлась то сентиментальной девушкой, то наивной пейзанкой, то хитрой, оборотливой служанкой, и всегда публика встречала и провожала ее аплодисментами. Ум, живость, ловкость и необыкновенная веселость были всегдашними ее спутниками. Она одевалась с необыкновенным вкусом; тогдашняя публика любила ее до обожания.

В числе артистов театра Медокса были еще два замечательных таланта, это — Плавильщиков и Сандунов [37], муж

* «Редкая вещь», комическая опера Мартин-и-Солера, либретто де Понте, перевод И. Дмитриевского.

** «Любовник-статуя», комическая опера, музыка Талейрака, либретто де Фонтена.

актрисы. Первый из этих актеров имел декламацию пышную и высокопарную, он был сколком тогдашнего знаменитого французского трагика Барона[38]. Плавильщиков сложением был колосс. Играя роли героев, он приходил в такой пафос, что приводил весь театр в трепет. До поступления на сцену он был учителем истории. Не менее хорош Плавильщиков был и в ролях, так называемых тогда мещанских; в последних, по рассказам современников, он трогал зрителей до слез. Плавильщиков написал несколько пьес для сцены.

Сандунов, Сила Николаевич, происходил родом из дворян. Это был первый русский комик; амплуа его были роли слуг. В то время господствовала на русской сцене французская комедия, в которой все интриги, по обыкновению, завязывались и держались на плуте — слуге или ловкой служанке, и амплуа слуги было самое трудное. Сандунов в таких ролях был неподражаем и был на сцене как дома: смел, развязен и ловок.

Сандунов был самый модный и любимый актер. Все тогдашние молодые люди в обществе старались ему подражать; у него было множество друзей между знатью в свете; он был небольшого роста, прекрасно сложен, говорил прищуривая глаза, но сквозь эти щелки век вырывались взгляды самые умные и хитрые: он высматривал каждое движение того, с кем говорил, и проникал его насквозь. Его женитьба известна всем, и сама Екатерина II принимала в ней живейшее участие[39]. Сандунов одно время служил в Петербурге, но после опять перешел в Москву. Во время нашествия французов в 1812 году. он бежал в Сумы и здесь явился с бородой и в мужицкой сермяге к своему приятелю А. А. Палицыну, известному переводчику «Новой Элоизы» Жан-Жака Руссо[40].

— У меня погибли все пожитки, — сказал Сандунов своему приятелю, — но о них не жалею: у меня уцелели две вещи, для меня самые дорогие: мраморный бюст матушки Екатерины и ее песня; она всегда у меня в кармане, вот тут — близ сердца. С этой песнею узнал я свет, с нею и в гроб лягу!

Сандунов умер в Москве и похоронен на Лазаревом кладбище. На могиле его стоит чугунный крест с лавровым венком, и на развернутом свитке читается эпитафия, написанная его братом:

Я был актер, жрец Талии смешливой,
И кто меня в сем жречестве видал,
Тот мне всегда рукоплескал,
Но я не знал надменности кичливой!
В смысл надписи прохожий проникай!
Тщеславься жизнию, но знай,
Что мира этого актеры и актрисы,
Окончив роль — как я, уйдут все за кулисы!
Кто роль свою умеет выдержать до конца,
Тот воздаяние получит — от Творца.

Брат Сандунова был известный в то время обер-секретарь. Братья были очень дружны между собою, что не мешало им нередко подтрунивать друг над другом.

— Что это давно не видать тебя? — говорит актер брату своему.

— Да меня видеть трудно, — отвечал тот, — утром сижу в Сенате, вечером дома за бумагами. Вот твое дело другое, каждый, когда захочет, может увидеть тебя за полтинник.

— Разумеется, — говорит актер, — к вашему высокородию с полтинником не сунешься.

По открытии Медоксом Петровского театра дела его пошли хорошо — труппа у него была блистательная и очень любимая москвичами; весь репертуар состоял из тридцати пьес и семидесяти пяти спектаклей в год. Кроме большого Петровского театра был еще у него и другой, летний, в вокзале в Рогожской части. Тут играли только маленькие комические оперы в одном или в двух действиях и такие же комедии. За представлением следовал бал или маскарад, который заключался всегда прекрасным ужином — и все это тогда стоило пять рублей.

Для открытия вокзала В. И. Майков сочинил небольшую оперу: «Аркас и Ириса», музыка Керцелли[41]. Для гуляющих в саду были раскинуты палатки, где находились кофейни, поставлены качели, балансеры вольтижировали на канатах, играла музыка и пели песенники. Сюда обыкновенно стекалось публики по 5000 человек и более.

Медокс предполагал в своем вокзале устроить другой театр для простого народа, в котором бы представляли одни пьесы народные или патриотические. В этих пьесах должны были бы играть молодые актеры, и кто из них отличился, то того переводили бы в Большой театр.

Но вскоре дела Медокса приняли дурной оборот — многие актеры его покинули, сборы пошли плохие, он впал в неоп-

латные долги и обязательств с казною не мог выполнять.

В таком положении он стал просить главнокомандующего князя А. А. Прозоровского оказать ему возможное содействие, но последний отвечал Медоксу:

«Фасад вашего театра дурен, нигде нет в нем архитектурной пропорции; он представляет скорее груду кирпича, чем здание. Он глух потому, что без потолка и весь слух уходит под кровлю. В сырую погоду и зимой в нем бывает течь сквозь худую кровлю, везде ветер ходит и даже окна не замазаны, везде пыль и нечистота. Он построен не по данному и высочайше конфирмованному плану, — внизу нет сводов, нет определенных входов, в большую залу один вход и выход, в верхний этаж лож одна деревянная лестница, вверху нет бассейна, отчего может быть большая опасность в случае пожара.

Кругом театра, вместо положенной для разъезда улицы, деревянное мелочное строение. Внутреннее убранство театра весьма посредственно, декорации и гардероб худы. Зала для концертов построена дурно — в ней нет резонанса; зимой ее не топят, оттого все сидят в шубах; когда топят — угарно. Актеров хороших только и есть два или три старых; нет ни певца, ни певицы хороших, ни посредственно танцующих и знающих музыку. Поверить нельзя, что у вас капельмейстер глухой и балетмейстер хромой».

В декабре 1790 года императрица спрашивала Прозоровского о московском театре и, известясь от него, что театр во всех частях неудовлетворителен, заметила, что право Медокса скоро должно кончиться, и поручила князю привести театральные представления в лучшее состояние. Князь предложил директорам Дворянского клуба принять театр в свое содержание, но они от этого

Сила Николаевич Сандунов

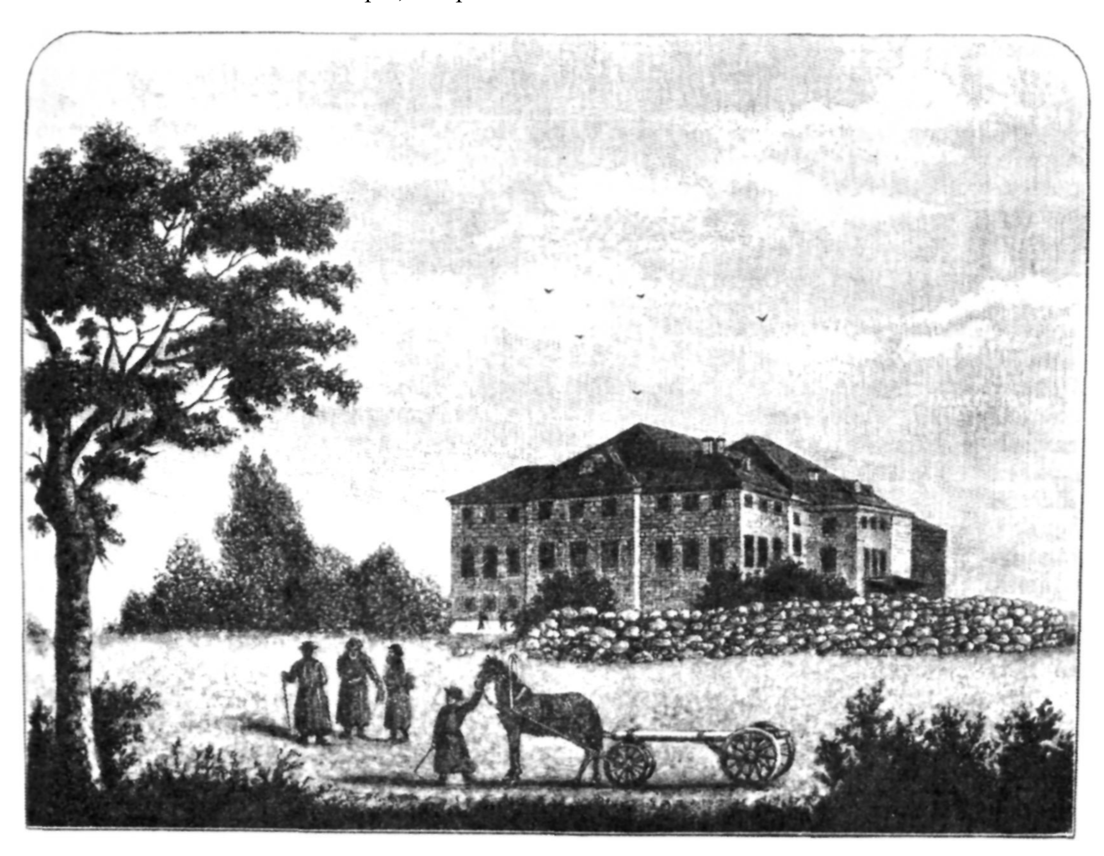
Елизавета Семеновна Сандунова

Театр Медокса в Москве. С весьма редкого рисунка, сделанного с натуры в 1805 г. А. А. Мартыновым (из собрания П. Я. Дашкова)

отказались. Медокс согласен был продать театр за 350 000 рублей. В 1792 году Медокс подавал просьбу Прозоровскому, в которой упомянул о своих заслугах пред обществом тем, что построил театр, и просил оказать ему возможное пособие. Осенью в этом году опекунский совет назначил к продаже все имущество Медокса.

Но, несмотря на затруднительное положение, Медокс не переставал давать спектакли, и в 1794 году труппа его была составлена необыкновенно удачно — многие талантливые актеры, перешедшие из петербургского театра, играли у него. Высшая публика весьма охотно ездила в русский театр, и в доказательство моды на русские драматические представления в Москве завелось много домашних театров — таких в то время в Москве было более двадцати. Медокс не ослабевал в постановке своих спектаклей, и что только нового являлось в Петербурге, то и он спешил поставить у себя. Он подрядил трудолюбивого переводчика, Н. С. Краснопольского, переводить все новые пьесы с немецкого и поставил три части «Русалки», которая и шла у него долгое время с большим успехом. В 1796 году срок привилегии Медокса кончился, он просил тогдашнего начальника столицы, М. М. Измайлова [42], отсрочить ему привилегию еще на два года, потому что в его театре около двух лет не было представлений по причинам, от него не зависевшим.

Его просьба была уважена. После актер Сандунов составил с товарищами проект и просил начальство отдать ему театр на откуп. Но высочайшего на это соизволения не последовало. В 1804 году был учрежден комитет для разбора дел театральных, и высочайше повелено было занять у опекунского совета 300 000 рублей, из которых комитет уплатил первоначально долгу театра 191 366 рублей, а остаток предоставил театральной дирекции, которая тогда только что учреждалась, на расходы и нужное обзаведение театра. Впоследствии, как ни старался Медокс оградить свое имение, но оно подверглось все продаже, как-то: флигель Петровского театра, деревянный дом, в котором жил Медокс, и его вокзал с садом; в это время Медокс был должен кредиторам 76 000

рублей. Последние получили все деньги сполна и с процентами, потому что независимо от вырученных за проданное его имение императрица Мария Федоровна оказала благодеяние Медоксу, обеспечив горькую его судьбу, дав ему единовременно 10 000 рублей и положив еще пенсию ему ежегодно в 3000 рублей.

В 1805 году зимою Петровский театр сгорел от неосторожности гардеробмейстера. Собирались играть «Русалку», но как пожар произошел до начала спектакля и публика только начала съезжаться, то с людьми несчастия не последовало. После пожара театральные представления в Москве не прекращались.

От Медокса московский театр на короткое время подпал непосредственному надзору, или попечительству, императорского московского Воспитательного дома, от имени которого театральной частью распоряжался Гавриил Степанович Карнович.

Как мы выше уже говорили, московский Воспитательный дом уже ранее этого занимался образованием актеров. Так, известна была еще в 1784 году в Петербурге труппа чиновника Книпера, составленная единственно из воспитанников этого благотворительного учреждения. Всех актеров у Книпера из воспитанников было 51 человек; из последних возникли многие замечательные таланты, как, например, Тамбуров и Крутицкий [43]. Последний был в свое время в такой славе, что иностранные артисты, проживавшие в Петербурге, часто ходили на него смотреть. Эта труппа впоследствии присоединилась к императорской.

1-го апреля 1806 года театр московский сделался императорским и перешел в зависимость директора театральных зрелищ; вместе с этим повелено было всем артистам зачесть их годы службы у Медокса за действительную к выслуге пенсионов и был назначен особым директором в Москве князь Мих. Пет. Волконский [44], от которого впоследствии приобретена в казну и его крепостная труппа артистов. В бытность директором театра князь Волконский особенно заботливо относился к постановке пьес. Так, актера Волкова, игравшего тогда в «Русалке» роль Тарабара, он нарочно посылал поучиться в Петербурге у Воробьева (известного ученика Маркети), как он выражался, тарабарской грамоте.

На московском театре долго стояли столбами рабски подражательного французского классицизма Сумароков и Княжнин [45]; перед именами этих авторов благоговели все грамотные и безграмотные. Никто не смел отыскивать в их творениях недостатков и погрешностей.

Считалось святотатством критиковать какое-нибудь место в «Дмитрии Самозванце», в «Синаве и Труворе» (Сумарокова), в «Додоне», в «Рославе», в «Титове милосердии» (Княжнина); говорили: «Матушка их царица отметила!», «Старшие хвалят!», и если являлся какой-либо смелый «выскочка и растабарывал» как-нибудь не в выгоду общепринятого хорошим — старики всех кругов начинали над выскочкою смеяться и говорить в один голос: «Смотри, пожалуй, умней хочет быть Сумарокова!» В числе русских опер непомрачаемо блистал в прошлом московском веке «Мельник-колдун, обманщик и сват» Аблесимова; за ним стоял «Сбитенщик» Я. Б. Княжнина, очевидно, впрочем, заимствованный из французских нравов.

После них имели большой успех две оперы князя Горчакова «Баба-яга» и «Счастливая Тоня». Первая из них более нравилась публике, за вторую публика претендовала на князя Горчакова и громко говорила: «Ну, что бы это его сиятельству назвать рыбака своего Иваном, а не Миловзором», или: «Что бы это рыбаку-то его сиятельства поймать не духа, а уж если не черта, то, по крайней мере, водяного дедушку, а дух, что это такое? Всяк бывает дух!»

За этими операми следовал «Ахридеич» — «Иван-царевич», опера Великой Екатерины, замечательная по великолепию своих декораций. «Гостиный двор» (Матинского), картинка нравов тогдашнего купечества и крючкотворства приказных. «Розана и Любим» (Николаева) с «Барчуком-псарем» и проч. Музыку ко всем этим операм составляли большею частью какие-то мелодические сборники из русских и всяких песен. Поставляли музыку Мартини, Керцелли, Фрей и другие музыканты, теперь позабытые; был, впрочем, знаком москвичам того времени и Моцарт [46], но он не ладился под наш стих, как ни запрягал его в наши оглобли какой-нибудь Фрей или Афанасий.

Нынешняя оперетка, или, как тогда ее величали, «малая опера», тоже уже была известна москвичам. Из таких уже

Лизин пруд в Москве.
С гравюры начала
XIX в.

пользовались успехом «Несчастие от кареты» (Княжнина), «Федул с детьми» (Екатерины Великой), «Новое семейство» (Вязмитинова) и еще некоторые другие. Особенно нравились «Федул с детьми», со своими песнями, хорошо подобранными, и «Несчастие от кареты», резкая сатира на бар-«французолюбцев». Одна афиша «Федула» составляла какую-то народную скороговорку. Для любопытства привожу часть имен пятнадцати детей Федула: Дуняша, Фатяша, Минодора, Нимфодора, Митродора, Анкудим, Никодим, Ипполит, Неофит, Парамон, Филимон и т. д.

Одна историческая песня из этой оперы: «Во селе, селе Покровском», петая актрисой Сандуновой, производила фурор во всех тогдашних салонах. Сандунова, как говорили, сама находила здесь какой-то факт из собственных своих приключений, и потому-то мастерство ее в этой песне было мастерством особенным! В «Несчастии от кареты» героиней была барыня полуфранцуженка, которая очень желала иметь модную французскую карету и, за недостатком денег на покупку ее, решилась продать в рекруты крестьянина.

Домашний шут научил этого бедняка сказать его госпоже несколько французских слов с соблюдением «прононсия», и тем бедняк спас себя от рекрутчины и женился на ком хотел. Успех эта оперетка имела тогда колоссальный, все ходили слушать пение Сандуновой и смотреть на «буфонства» любимого тогда комического актера Ожогина, от одного выхода которого на сцену публика уже помирала со смеху. Но особенный

фурор в этой пьесе производила песня на напев известной песни графини Шереметевой[47] «Вечор поздно из лесочку», петая Сандуновой и ею сочиненная:

Если б завтра да ненастье,
То-то б рада я была.
Если б дождик — мое счастье —
За малинкой в лес пошла.

В тот романический век нежные души видели в песне Сандуновой намек на судьбу известной крестьянки Параши (графини) и Лизаньки (Сандуновой). Как известно, обе были актрисы и певицы, обе сыграли в свете между современниками видную героическую роль.

Позднее, с 1790-х годов, на сцену входит в моду слезливая немецкая комедия, немецкая драма и даже частью немецкая опера и трагедия, и завладевает московскою сценою Август фон Коцебу[48]. В Москве многие дивились большому успеху Коцебу и говорили: «Как это он, Коцебу, русский подданный, мог прославить себя литературно в целой Европе?» И вследствие этого всякая пьеса Коцебу в переводе имела в Москве большой успех. Особенно с большим успехом давались его драмы «Сын любви», «Серебряная свадьба», «Ненависть к людям и раскаяние», «Попугай», «Бедность и благородство души» и проч.

Во всех пьесах Коцебу первые женские роли играла трагическая актриса М. С. Синявская[49]; позднее заменила ее М. С. Воробьева, «сотворенная, — как говорила тогдашняя критика, — для драм Коцебу». В «Гуситах под Наумбургом», когда эту пьесу стали часто давать в начале 1812 года, весь театр рыдал от игры этой артистки. Критика в наивном восторге иначе ее не называла, как «невозможною». Несколькими годами позднее такой же слезливый успех в Москве производили приезжие из Петербурга артисты Самойловы в пьесе «Павел и Виргиния»; оба, муж и жена, были превосходны; в первый раз эти артисты играли на Арбатском театре[50] в опере «Водовоз». Н. Полевой[51] в своих театральных воспоминаниях говорит: «Волосы стали у меня дыбом, когда Павла разлучили с Виргиниею, а когда Павел бросается в море, и потом на сцене беготня и смятение, и их вытаскивают без чувства, — я едва дышал...»

Из также слезливых пьес в начале нынешнего столетия в Москве долго не сходили с репертуара две Лизы: первая — «Лиза, или Торжество благодарности», сочинения Н. И. Ильина; в ней пожинала лавры Сандунова; вторая — «Лиза, или Следствие гордости и обольщения», сочинения Б. М. Федорова, была взята им из повести Карамзина «Бедна Лиза»; в роли последней из Лиз опять пользовалась успехом Матрена Семеновна Воробьева. После представления этой пьесы, по словам современников, у ничем не повинного Лизина пруда в Москве по вечерам гуляли толпами влюбленные. Какой-то непочтительный поэт невинный пруд почтил даже следующим двустишием:

Здесь Лиза утонула, Эрастова невеста,
Топитесь, барышни, для всех вас будет место.

Отличалась также такими же элегическими достоинствами комедия Ефимьева «Преступник от игры, или Братом проданная сестра» (истинное происшествие). В Петербурге в таких немецких драмах и русских переделках имел громадный успех актер Яковлев; особенно извлекал он слезы у зрителей в «Графе Вальтроне», в «Ненависти к людям и раскаянии» и в тех же «Гуситах под Наумбургом».

Даже ничего не имеющие общего со слезами танцы и балет в то время носили характер элегический, и зритель ежеминутно трепетал в ужасе за участь любовников. Так, в известном балете «Ацис и Галатея» неожиданные катастрофы с первого акта поражали публику, — герой балета, бедный Ацис, с открытием занавеси тотчас же попадал неожиданно в руки ужасного Полифема[52] — он с яростию опрокидывает его, схватывает за ногу и, как перо, бросает через сцену по воздуху. Ацис должен был бы уничтожиться от удара, но он невредимо сохраняется Амуром, подхватывающим его на лету и переносящим на облаке в безопасное место. Во втором акте Полифем застает любовников на берегу морском в самом страстном изъяснении чувств; он отрывает от горы целый обломок скалы и с яростью бросает его на них.

Гора летит и готова раздавить любовников, не ожидающих такой беды; но вдруг вся эта скала раздвоется и из нее вылетает Амур, в то же мгновение сцена переменяется, представляя восхитительнейшее зрелище — царство любви.

В этой картине вся правая сторона

сцены не имела кулис, и целая гора, кипящая сверху донизу народом и занимавшая всю длину театра, выдвигалась вперед. Все проделки с падающим и летающим несчастным героем балета делались в то время с куклою, одетою Ацисом. Другой такой же слезливый балет — «Венгерская хижина» — был заимствован из истории венгерских возмущений, и ни один из зрителей не мог устоять, чтобы не тронуться до слез сценою с ребенком во втором акте, и много было пролито слез чувствительными барышнями.

Московскую публику восхищала балетная танцовщица, или, как ее тогда называли, пантомимная актриса, Е. И. Колосова [53], особенно она была хороша в ролях Медеи [54] и Изоры («Рауль Синяя Борода»). Также очень нравилась публике ее русская пляска с танцором Огюстом. Знаменитая трагическая актриса Жорж [55] даже просила ее выучить этой пляске ее меньшую сестру, которая плясала в бенефис актрисы Жорж с Огюстом. Колосова в свой бенефис в 1811 году перед балетом «Рауль Синяя Борода», которого представлял Лефевр, участвовала в двух пьесах: в комедии Иванова «Женихи» она играла офицера Быстряя и в оперетке И. И. Вальберха «Два слова, или Ночь в лесу» роль Розы, прислуживавшей в трактире.

Большие похвалы расточались в это время балетам; по ним учились, хореографические произведения того времени обнимали мир видимый и воображаемый, историю и мифологию, рыцарские романы и восточные сказки. Но какая это была история! Так, в «Альцесте» мифология греков была смешана с понятиями нашего времени, так как в древнем Тартаре фигурировали черти и фурии, одетые в платье нового покроя. Критика 20-х годов дает много интересных данных относительно театральных костюмов на московской сцене. При костюмировке на верность мало обращалось внимания. Дмитрий Донской [56] являлся вооруженным римским мечом, Антигона [57] — в русской фате, Отелло — в полусапожках, Аменаида — с бриллиантовой гребенкой; своеволие в нарядах комических лиц было не менее безгранично. Жених являлся во французском кафтане, напудренным, со шпагою, а невеста — одетой по последней книжке «Дамского журнала».

В «Бригадире» все женщины, исключая бригадиршу, были одеты в платья последнего времени, мужчины в кафтаны 1770 года, а сын бригадира в новомодный фрак и напудрен. Существовали привилегированные костюмы. Подьячие, приказные являлись непременно в коротких оборванных кафтанах, в треугольных шляпах; необходимою принадлежностью считались рукавицы, муфта, шпага, тавлинка [58]. Евреи, какие бы ни были, были всегда одеты в платье польских евреев. Театральные предания, впрочем, и посейчас чтутся многими актерами. Так, первый любовник непременно является на сцену завитой бараном, а простак всегда в рыжем парике и т. д.

Как уже мы выше сказали, после пожара Петровского театра представления в Москве возобновились в доме Пашкова на Моховой, и затем в 1807 году сделано было распоряжение о постройке нового деревянного театра у Арбатских ворот, где оканчивается Пречистенский бульвар; на этой площади теперь устроен бассейн. Театр был построен по плану архитектора Росси и открыт 13-го апреля 1808 года пьесой С. Н. Глинки «Баян» — русский песнопевец древних времен — с хорами и балетами. Площадь, на которой стоял театр, была вновь нивелирована и вымощена, потому что в дождливую погоду по ней ни пройти, ни проехать было невозможно от грязи.

Арбатский театр был очень красив, весь окружен колоннами, подъезды к нему вели со всех сторон; большое пространство между колонн в виде длинных галерей, соединявшихся вместе, представляло хорошее место для проездов. Внутреннее устройство театра было превосходное; декорации для него написаны были художником Скоти; балетмейстером принят Лефевр, и переведены из Петербурга танцовщики Делиль, Ламираль и Константин Плетен. Но самая лучшая эпоха московского балета была только в следующем году, когда сюда приезжал знаменитый Дюпор, который, порхая по сцене, удивлял своею силою, грацией и легкостью; с ним танцевали петербургские танцовщицы Сенклер, Новицкая и Иконина. Дюпор поставил здесь балеты «Зефир, или Ветреник, сделавшийся постоянным» (Le volage fixe — *фр.*), «Любовь Венеры и Адониса, или Мщение Марса» и «Севильский цирюльник». В ноябре 1809 года на этом

театре играла отличная французская труппа с известной актрисой Жорж во главе — она дебютировала в роли Федры [59], потом Дидоны [60]. В это время с этой артисткой те же роли по-русски играла актриса Вальберхова; насчет игры этой артистки в Москве в то время были сложены стихи:

Вальберхова Дидона
Достойна трона!

Актриса Жорж во второй раз приезжала в Москву в 1812 году; в то же время на сцене Арбатского театра появилась ей соперница — Семенова (Катерина Семенова), По словам критиков того времени, Семенова ничем не отличалась от французской актрисы. Лучшие литераторы того времени были руководителями Семеновой. Н. И. Гнедич [62] по нескольку раз проходил с ней каждую роль. Русская артистка не знала твердо русскую грамоту, ей должны были начитывать роли, объяснять каждый монолог с ударением всякого стиха; последнему искусству ее обучала жившая у нее актриса П. А. Лобанова — известная артистка на роли наперсниц.

Жорж и Семенова съехались в одно время в Москву и представляли одни и те же роли; это состязание талантов вызывало в московском обществе много толков, и публика разделилась на две партии. Ариана, Меропа, Танкред [63] чередовались на театре по-французски и по-русски. Жорж, отдавая справедливость Семеновой, говорила, что она имеет перед нею то преимущество, что играет трагедию и в прозе, которая на сцене у нее не идет с языка.

С Семеновой играли тогда первые роли Шушерин, Плавильщиков и Мочалов. Семенову вся знать Москвы приглашала к себе на вечера и за прочтение какого-нибудь монолога платила по 500 рублей. Во время представления «Меропы», в которой она явилась в роли Аменаиды, ей была поднесена бриллиантовая диадема, и тогдашний поэт Ю. А. Нелединский, восхитясь ею игрою, написал в ложе экспромт, кончающийся так:

Всех привела в восторг! Твоих страшася бед,
Всяк чувствами к тебе, всяк зритель был Танкред.

Где требовалось изображение сильных страстей — Семенова не имела соперниц. Оставя совсем театр, она долго жила в Москве и участвовала во многих благотворительных спектаклях.

Из таких спектаклей особенно замечательно был устроен в большой зале Благородного собрания, где она играла Эйлалию вместе с известным любителем Ф. Ф. Кокошкиным, на этот спектакль недоставало мест для желающих. В другой раз она играла на театре графа Апраксина, тоже в спектакле благородных любителей. В 1808 году на Арбатском театре [64] с большим успехом давалась пьеса графа Ростопчина «Вести, или Убитый живой», в ней играли актеры Сила Сандунов — в роли поэта и А. И. Лисицына — в роли Мартемианы Бабровны Набатовой, развозчицы вестей.

Пьеса повторялась несколько дней сряду; самому автору так понравилась игра Лисицыной, что он на другой день после представления прислал ей сумму, равнявшуюся годовому окладу ее жалования, надписав: «Ее Совершенству Мартемьяне Бабровне Набатовой». В 1809 году 6-го декабря в 8 часов вечера, Арбатский театр посетил император Александр I; давали оперу «Старинные святки», и когда Сандунова, игравшая Настасью-боярышню, с кубком в руке вышла на сцену и запела: «Слава нашему царю, слава!» — все присутствовавшие встали, обратились к царской ложе и закричали: «Слава царю Александру!»

В Отечественную войну при получении сведения о Клястицком и Кобринском сражениях давали на этом театре опять «Старинные святки», и здесь опять Сандуновой пришлось величать наших героев: Витгенштейна [65], Тормасова [66] и Кульнева [67] вместе с присутствовавшей публикой. 30-го августа 1812 года был последний спектакль с маскарадом в этом театре, давали «Семейство Старичковых», публика состояла почти из одних военных. При вступлении неприятеля в Москву Арбатский театр сделался одною из первых жертв пожара.

ГЛАВА VII

Московский театр в 1812 году. — Французская труппа. — Богатый театральный гардероб. — П. А. Поздняков. — Спектакли в Москве во время нашествия Наполеона. — Трагическая судьба артистов. — Возрождение московского театра. — Апраксинский театр. — Любительские спектакли. — Столыпинский театр. — Крепостные актеры. — Продажа столыпинской труппы. — Покупка труппы в казну. — Граф Гудович. — Старинные театральные обыкновения. — Отмена некоторых обычаев. — Граф Ростопчин. — Дурасовский театр. — Театр князя Хованского. — Характеристика князя. — Его шут Савельич. — Потемкинский театр

Во время пребывания французов в Москве в Отечественную войну, император Наполеон приказал отыскать французских артистов, живших в Москве, и велел для военной публики дать несколько спектаклей.

Французская труппа артистов, под управлением даровитой актрисы Бюрсей, в то время всеми забытая, жила в большом доме князя Гагарина, на Басманной, в части города, совершенно противоположной той, откуда вступила неприятельская армия.

Семья артистов состояла из гг. Адне, первого трагика парижского театра Сен-Мартен, Перу, Госсе, Лефебра и г-ж Андре, Перигюи, Лекень, Фюзи, Ламираль и Адне.

Короли кулис, в лаптях и сермяжных армяках, влачили свое существование в ограбленной столице. По приказу императора генерал Боссе выдал им значительную сумму денег для поправления их печального положения.

Вот как описывает актриса Фюзи * состав этой труппы, представшей перед своим директором, генералом Боссе. Первый трагик явился в фризовой [1] шинели и шапке ополчения; первый любовник — в семинарском сюртуке и треугольной шляпе; благородный отец — без сапог и с дырявыми локтями; злодей — без необходимейшей части туалета — без панталон, в коротеньком испанском плаще.

Женский персонал был одет еще скуднее. Вся труппа была разряжена так, как будто шла в маскарад нищих и бродяг. Одна только директорша, г-жа Бюрсей, была в красной душегрейке на заячьем меху и в головном уборе Марии Стюарт [2], с черным страусовым пером и в чалме, в которой некогда играла в «Трех султаншах» и «Заире».

Граф Дюма, которому Наполеон поручил надзор за Кремлем, открыл спрятанные в подземельях сундуки с разными богатыми придворными одеждами.

И надо представить себе, с какою жадностью, по словам Фюзи, артисты, почти нагие, бросились вскрывать сундуки московских бояр. Мужчины делили дедовские кафтаны русских; женщины отнимали друг у дружки старинные атласные роброны бабушек и т. д.

Но, несмотря на все эти роскошные наряды, у актеров недоставало самого необходимейшего — белья. Далее Фюзи говорит: у нас не было ни платья, ни башмаков. Однако ленты и цветы посыпались на нас градом в день первого спектакля; последние находили в казармах французской гвардии. К стыду победителей, эти казармы гвардии, где развевались ленты, были святые соборы: Кремлевский, Успенский, Благовещенский и Архангельский. Представления французской труппы давались на Большой Никитской, на домашнем театре Позднякова, где теперь дом князя Юсупова.

Театр П. А. Позднякова [3] в старой Москве славился своею роскошью, зимним садом и другими затеями прошлого вельможного барства. Спектакли Позд-

* См. «Souvenirs d'une actrice par madame Louise Fusil».

някова считались первыми в Москве. Сам хозяин на своих спектаклях и маскарадах важно разгуливал наряженным не то персиянином, не то китайцем. Про него сказал Грибоедов в своей комедии:

На лбу написано театр и маскарад.

У него же находился и «певец зимой — погоды летней»: это был садовник-бородач, который во время балов и маскарадов, прячась в кустах, щелкал и заливался соловьем. У Позднякова режиссером театра был Сандунов, а в труппе особенно славилась актриса Любочинская.

Про Позднякова, этого московского хлебосола и увеселителя, князь Вяземский рассказывает следующий случай. У него в качестве домашнего гофмаршала, или камергера, состоял некто Лунин, который при дворе его хозяйничал и приглашал на празднества и проч. В Москву ожидали персидского или турецкого посла. Разумеется, Поздняков не мог пропустить эту верную оказию и занялся приготовлениями к великолепному празднику в честь именитого восточного гостя. К сожалению, смерть застала его в приготовлениях к этой тысяче и одной ночи. Посол приезжает в Москву, и Лунин к нему является. Он докладывает о предполагаемом празднике и о том, что Поздняков извиняется перед послом; за приключившеюся смертью его праздник состояться не может.

Поздняковский театр французами был приведен в порядок с необыкновенною роскошью и мог щегольнуть невиданным и неслыханным богатством. Здесь ничего не было мишурного, все было чистое серебро и золото. Ложи были отделаны дорогою драпировкою. Занавесь была сшита из цельной дорогой парчи, в зале висело стосемидесятиместное паникадило из чистого серебра, некогда украшавшее храм божий.

Сцена была убрана с небывалою роскошью. Всюду виднелись в изобилии богатейшая мебель, драгоценные украшения, мрамор, бронза — их извлекали из-под пепла и из погребов, куда москвичи прятали свои сокровища, предавая жилища огню. Кремлевские палаты, галереи Чудова монастыря и колокольня Ивана Великого были битком набиты всевозможными сокровищами и драгоценностями.

Через три дня после приказа был назначен первый спектакль. Вот его афиша: Théâtre Français á Moscou. Les comediens français auront l'honneur de donner mercredi prochain, 7 octobre 1812, une première représentation du «Jeu de l'amour et du hasard», comedie en 3 actes et en prose, de Mariveau. Suivie de «L'amant auteur et valet», comedie en I acte et en prose de Ceron. Dans le «Jeu de l'amour»: m-rs Adnet, Perroud, St.-Clair, Belcour, Betrand; m-mes André, Fusil [4].

Цена местам была назначена следующая: первая галерея: 5 рублей или 5 франков, партер 3 рубля или 3 франка, вторая галерея 1 рубль или 1 франк.

Первый спектакль имел большой успех, военная публика неистово кричала «браво». Весь партер был занят солдатами: заслуженные, с крестами Почетного легиона, сидели в первых рядах; оба ряда лож были наполнены чиновниками штаба и офицерами войск всех национальностей.

Публика при всякой оказии кричала: «Vive L'empereur! Vive Napoléon!» [5] Женщин в театре было немного — несколько оставшихся гувернанток и модисток с Кузнецкого моста.

Оркестр был превосходный и состоял из лучших музыкантов гвардии. Между тем как одни солдаты смотрели на представление, товарищи их поочередно охраняли театр.

Кое-где были разложены огни и чрезвычайное множество бочек с водою и ведер стояло около самого театра. По всей же Никитской и по бульварам тянулись сторожевые кордоны и пикеты — такие строгие меры предпринимались на случай пожара, могущего произойти на сцене.

За все время пребывания французов в Москве дано было одиннадцать представлений. Вот пьесы, которые имели успех и повторялись несколько раз: «Figaro», «Le procureur arbitre», «Side et Zaira», — (*фр.*), «Три султанши» [6] и др. На театре также очень нравились военной публике разнохарактерные дивертисменты из танцев; последние целиком были взяты у русских.

Из таких танцев особенно блистательно шла русская пляска, которую превосходно плясали две сестры Ламираль — по рождению русские.

Сам император не удостоил своим присутствием ни одного спектакля. Впрочем, Фюзи в своих записках говорит,

Шут Савельич. Со старинной литографии

что однажды Наполеон зашел на представление, когда давали пьесу «Открытая война».

Но для императора каждый вечер давался концерт из пьес любимых его авторов. Между иностранцами, жившими в Москве и уцелевшими при общем погроме, нашли итальянца, певца Таркинио, к нему добыли пианиста, Мартини, сына автора оперы «Редкая вещь» («La cosa rara» — *итал.*) и «Дианино древо», еще отыскали певицу романсов и ариеток, г-жу Фюзи.

Вот как описывает последняя один из таких концертов:

«Я пела романс, которым прославила себя в московских гостиных. В присутствии императора зрители не аплодировали; но романс, никому не известный, произвел некоторое впечатление. Наполеон разговаривал с кем-то во время пения, не слышал романса, однако ж шум в зале заставил его спросить о причине графа Боссе. Мне приказано было повторить романс. С тех пор меня беспрестанно мучили этим романсом. Король неаполитанский [7] выпросил у меня музыку. Романс был написан в рыцарском духе.

7-го октября император призвал меня и начал расспрашивать об улучшениях касательно театра. Он начал перечислять артистов, которых можно взять из Парижа, отмечая имена их карандашом на лоскутке бумаги; он говорил о мерах, которые нужно принять для скорейшего доставления их в Москву.

Список еще не был кончен, как наши занятия были прерваны неожиданным приездом адъютанта Мюрата с известием о поражении короля неаполи-

танского под Тарутином войсками Беннигсена [8].

В тот же вечер был отдан приказ о выступлении войск из Москвы, и бедные французские актеры были предоставлены на свою волю — оставаться ли в Москве или следовать за армией. Артисты из Москвы выехали очень печально и кончили путешествие очень трагически. Первый любовник поехал верхом, трагики и комики поместились в лазаретном фургоне, директорша и первая любовница поехали на тройках в ландо — до Смоленска они кое-как дотащились, но уже от Смоленска на них обрушились всевозможные несчастья.

Так, первый любовник потерял своего буцефала и отморозил ноги и, затем оставленный на большой дороге, умер с голоду в лазаретной фуре.

Другой первый сюжет [10] труппы забыл запастись рукавицами и валенками, на пути отморозил себе ноги и руки, а при переправе через Березину утопил свою жену и повозку. Директорша и первая любовница долго путешествовали на одной хромой лошади, в старом зарядном ящике, но под конец на одном из привалов, во время партизанского наезда, первая любовница была сильно контужена ядром и вскоре скончалась.

Сам директор, граф Боссе, долго путешествовал верхом на пушке, отморозил себе ноги и кое-как добрался до Франции».

По выходе французов из Москвы первый посетил наполеоновский театр известный драматург князь А. А. Шаховской [11].

Вот что он увидел здесь: на сцене валялись дохлые лошади, лестница, коридоры и зал были загромождены мебелью, зеркалами, музыкальными инструментами.

В уборных валялись обрезки парчовых и бархатных материй, из которых артисты выкраивали себе кафтаны, а артистки сооружали юбки, береты и спенсеры [12].

Наши русские актеры в годину Отечественной войны потерпели немало.

Князь И. М. Долгоруков [13] в своем «Капище сердца» рассказывает:

«Когда партизаны-неприятели уже грабили в окрестностях около нашей подмосковной, мы снабдили подводами семейства актеров: Мочалова с женою и дочерью и певицу Насову [14] с матерью — и доставили им возможность дотащиться до Ярославля.

При всем горе и несчастии, в котором всякий из нас тогда находился, были минуты, в которые нельзя было не расхохотаться. Например, когда я увидел, что Насова натягивала дугу у телеги и сама в нее впрягала лошадь, Насова, которую я помню в театре, дающую оперу в свой бенефис, которой кроме четырех тысяч сбору в один вечер летели еще из партера на сцену кошельки с особенными подарками признательности, — видеть же ее около лагуна с дегтем и клячи было жалко и смешно.

Не меньше был забавен и Мочалов, когда он вдруг прибежал к матери моей и трагически вопиял против невежества нашего управителя. Дело было в следующем: Мочалов, видя, что мы слишком стеснены, желал нанять квартиру на заводе; управляющий заводом, узнав, что он актер, запретил ему отдавать квартиру, говоря, что господь покарает весь завод за то, что он приютил в такое тяжкое время грешника — актера».

Этот Степан Мочалов был отец известного в свое время трагического актера П. С. Мочалова.

Театр московский возродился только в 1814 году. Первая пьеса, игранная на московской сцене, была драма Бориса Федорова «Крестьянин-офицер, или Известие о прогнании французов из Москвы». Пьеса шла тридцать раз кряду.

Но ранее этого еще в Москве давали на частном театре графа С. С. Апраксина, на Знаменке, любимую оперу «Старинные святки»; помимо этой пьесы шли там патриотические пьесы: «Храбрые Кирилловны при нашествии врагов», сочинения Вронченки; затем «Освобождение Смоленска», «Всеобщее ополчение» и комедия Бориса Федорова «Прасковья Прадухина».

Дом Апраксина в Москве был самый гостеприимный. Судить о широком хлебосольстве этого барина можно по тому, что, как рассказывает князь Вяземский, он вскоре после нашествия французов дал в один и тот же день обед в зале Благородного собрания на 150 человек, а вечером в доме своем ужин на пятьсот. Но не одними балтазаровскими [15] пирами угощал Москву Апраксин, и более возвышенные и утонченные развлечения и празднества находили там москвичи. У него бывали литературные вечера и чтения, концерты и так называемые

благородные, или любительские, спектакли.

В его барском доме, как мы уже говорили, была обширная театральная зала; там давали в особенности славившуюся тогда оперу «Диана и Эндимион», в которой гремели охотничьи рога, за кулисами слышался лай гончих собак, а по сцене бегали живые олени. У него шли пьесы «Ям», «Филаткина свадьба», «Русалка» и проч. После французов там долго давался дивертисмент под названием «Праздник в стане союзных войск» с солдатскими песнями. В труппе Апраксина был известный комик Малахов и замечательный тенор Булахов (отец) [16], с металлическим голосом и безукоризненной методой.

Про Булахова говорили итальянцы, что если бы он пел в Милане или Венеции, то затмил бы все европейские знаменитости. В любительских спектаклях у Апраксина играли два очень талантливых любителя — два соперника по искусству — приятели Апраксина, Фед. Фед. Кокошкин и Ал. М. Пушкин: первый заведовал у него русскою сценою, другой — французскою.

Оба были превосходные актеры, каждый в своем роде. Первый был трагический актер старинных сценических преданий и обычаев; второй был тоже большой знаток сценического искусства и на театре был как дома, играл свою роль, как чувствовал и понимал, и был неподражаем в комедии Бомарше в роли Фигаро.

На театре Апраксина много лет играли императорские актеры, и опера итальянская выписана и учреждена была тоже при содействии Апраксина. Когда умер граф Апраксин, то в Москве про смерть его ходили разные слухи и рассказывали следующий, бывший с ним в молодости, случай.

Он был с кем-то в приятельских отношениях. По каким-то служебным неприятностям этот приятель вынужден был выйти из военной службы. Он поселился в Москве — это было в царствование Екатерины II. Увольнение от службы делало его положение в обществе сомнительным.

Он умирает. По распоряжению градоначальника отменяются военные почести, обыкновенно оказываемые при погребении бывшего военного лица. Апраксину показался такой отказ несправедливым; он командовал тогда полком в Москве и прямо от себя и, так сказать, частным образом воздал покойнику подобающие почести.

В ночь, следующую за погребением, является ему умерший благодарить за дружеский и благородный поступок и исчезает, говоря ему: «До свидания!» Другой раз является он ему и говорит: «Теперь приду к тебе, когда мне суждено будет уведомить тебя, что ты должен готовиться к смерти».

Прошли многие годы. Апраксин успел состариться и позабыть видение. Наконец он легко занемогает; ни доктор, ни домашние не видят в нездоровье его опасности, но он грустен и задумчив. Проходит несколько дней, и он, к удивлению брата, быстро угасает. Эту неожиданную смерть в то время и объяснили третьим видением, или сновидением, которого он был жертвою.

Кроме театра Апраксина после французского погрома уцелел еще другой барский театр; помещался он в Знаменском переулке близ Арбатских ворот в доме Столыпина; театр этот после перешел во владение к князю Хованскому [17] и позднее был продан последним князю Трубецкому вот по какому случаю. По соседству с ним был дом князя А. И. Вяземского у Колымажного двора. Когда князь скончался, на отпевание был приглашен московский викарий. По ошибке он приехал в дом Хованского и, увидев князя, сказал ему: «Как я рад, князь, что встречаю вас; а я думал, что приглашен в дом для печального обряда». Хованский был очень суеверен и вовсе не располагал умирать. Он невзлюбил дома своего и поспешил продать его при первом удобном случае.

Труппа актеров А. Ем. Столыпина [18] в свое время пользовалась большою известностью. Особенно славилась в ней опереточная актриса Варинька (Столыпинская), впоследствии вышедшая замуж за известного писателя Н. Страхова.

До 1806 года почти вся труппа Петровского театра состояла, за небольшим исключением, из крепостных актеров Столыпина.

Крепостных актеров от свободных артистов отличали только тем, что на афишах не ставили буквы «г», т. е. господин или госпожа, да и обращались с ними тоже не особенно любезно.

Так, С. П. Жихарев рассказывает: «Если они зашибались, то им делали тут же на сцене выговор особого рода».

В 1806 году этих бедняков помещик намеревался продать.

Проведав про это, артисты выбрали из среды своей старшину Венедикта Баранова; последний от лица всей труппы, актеров и музыкантов, подал прошение императору Александру I. «Слезы несчастных,— говорил он в нем,— никогда не отвергались милосерднейшим отцом, неужель божественная его душа не внемлет стону нашему. Узнав, что господин наш, Алексей Емельянович Столыпин, нас продает, осмелились пасть к стопам милосерднейшего государя и молить, да щедротами его искупить нас и дать новую жизнь тем, кои имеют уже счастье находиться в императорской службе при московском театре. Благодарность будет услышана создателем Вселенной, и он воздаст спасителю их».

Просьба эта через статс-секретаря князя Голицына была препровождена к обер-камергеру А. А. Нарышкину, который представил государю следующее объяснение:

«Г. Столыпин находящуюся при московском вашего императорского величества театре труппу актеров и оркестр музыкантов, состоящий с детьми их из 74 человек, продает за сорок две тысячи рублей. Умеренность цены за людей, образованных в своем искусстве, польза и самая необходимость театра, в случае отобрания оных могущего затрудниться в отыскании и долженствующего за великое жалованье собирать таковое количество нужных для него людей, паче актрис, никогда со стороны не поступающих, требуют непременной покупки оных. Всемилостивейший государь! По долгу звания моего, с одной стороны наблюдая выгоды казны и предотвращая немалые убытки театра, от приема за несравненно большее жалованье произойти имеющие, а с другой стороны убеждаясь человеколюбием и просьбою всей труппы, обещающей всеми силами жертвовать в пользу службы, осмеливаюсь всеподданнейше представить милосердию вашего императорского величества жребий столь немалого числа нужных для театра людей, которым со свободою от руки монаршей даруется новая жизнь и способы усовершенствовать свои таланты, и испрашивать как соизволения на покупку оных, так и отпуска означенного количества денег, которого ежели не благоволено будет принять за счет казны, то хотя на счет московского театра, с вычетом из суммы, каждогодно на оный отпускаемой».

Бумага эта была подана государю 25-го сентября 1806 года; император нашел, что цена весьма велика, и повелел г. директору театров склонить продавца на более умеренную цену. Столыпин уступил десять тысяч, и актеры по высочайшему повелению были куплены за 32 000 рублей.

Из этих артистов в свое время пользовались успехом следующие актеры: И. П. Кураев — очень талантливый комик; А. И. Касаткин — певец и актер того же амплуа; Я. Я. Соколов — певец-тенор, замечателен был в опере «Иосиф» и в «Водовозе»; Лисицын — комик не высокого комизма, особенно хороший в ролях дураков и шутов; Кавалеров — в роли слуг; из актрис Баранчеева, хорошая в ролях благородных матерей и больших барынь; Караневина, которая, по словам С. П. Жихарева, роли молодых любовниц превращала в старых; упоминавшаяся уже выше г-жа Насова, водевильная актриса с превосходным голосом, чистая натура; Бутенброк, недурная певица, и сестра ее Лисицына — на роли старух — обе были очень талантливые актрисы; последняя выдвинулась случайно. Во время представления «Русалки» игравшая роль Ратины Померанцева внезапно была поражена ударом на сцене. Кто-то сказал, что молодая Лисицына, еще неопытная актриса, может заменить ее; актер Сандунов убедил ее согласиться сыграть за нее и сам разрисовал дебютантке лицо сухими красками так, что она долго плакала от боли, и когда надела костюм, то ее сестра и другие товарищи приняли ее за Померанцеву и с участием стали расспрашивать о здоровье. Лисицына мастерски провела свою роль и с тех пор стала любимицей публики.

Существует предание, что крепостных актеров публика не особенно любила и не так усердно посещала Петровский театр, где играли они.

Рассказывают, что вскоре после покупки труппы император Александр I смотрел игру актеров и она ему не понравилась. Государь заметил заведовавшему театром Нарышкину:

— Твои артисты совсем испортились.

— Когда же, не может быть, ваше величество,— отвечал остряк Нарышкин,— как им испортиться, когда они играют на льду.

В то время под театром помещались погреба с винами.

Впоследствии, когда был выстроен Большой театр в Москве, граф Ростопчин говорил, что это хорошо, но недостаточно; нужно купить еще 2000 душ, приписать их к театру и завести между ними род подушной повинности, так чтобы по очереди высылать по вечерам народ в театральную залу: на одну публику надеяться нельзя.

По постройке Большого театра главнокомандующим в столице был генерал-фельдмаршал граф И. В. Гудович [19]. Русские артисты нашли в нем ревностного покровителя — им были увеличены оклады и даны многие льготы; граф сам имел своих актеров, и особенно хорош был его оркестр музыкантов.

При Гудовиче на театре вошло в обыкновение со сцены после первой игранной пьесы извещать публику о следующем спектакле.

Этот обычай был принят в старину, когда еще не печаталось афиш. Обыкновенно выходили с анонсом первые актеры с тремя поклонами и говорили: «Почтеннейшая публика! В следующий (такой-то) день императорскими российскими актерами представлено будет...», а если возвещался бенефис, то объявление оканчивалось: «такой-то артист ласкает себя надеждою, что почтеннейшая публика удостоит его своим посещением».

В Петербурге в это же время, в управление театрами князя П. И. Тюфякина, было заведено, что артист, возвещавший о спектакле, был одет не иначе, как в башмаки и с треугольной шляпой. Рассказывают, что, когда началась война 1812 года и французский актер Дюрень явился на сцену с обычным анонсом, сказав: «Messieurs, demain nous aurons l'honneur de vous donner» — (*фр.*) и проч., увидел, что в зале всего сидит один зритель, и то, кажется, должностное лицо, а потому тотчас же переменил начало речи и сказал: «Monsieur, demain nous aurons l'honneur... (*фр.*) [20]... закрыть спектакли, распустить труппу» и т. д.

В Москве играли по 31-е августа, но с первых чисел июня, т. е. со времени объявления войны, у подъездов театра виднелись две кареты, не более — дворянство уже не посещало театра, ходили только одни купцы.

При графе Гудовиче в театре было отменено интересное для артистов «метание кошельков» на сцену. Про этого главнокомандующего Москвы ходило много анекдотов. Гудович был нрава горячего, правил строгих, любил правду и очень преследовал порочных; видом он был угрюм и неприступен; но в кругу друзей и домашних ласков и приветлив.

По словам князя Вяземского, он крепко стоял за свое звание. Во время генерал-губернаторства его в Москве приезжает к нему иностранный путешественник; граф спрашивает его, где он остановился. — «Au pont de Maréchaux. — Des maréchants ferrants, vous voulez dire, — перебивает граф довольно гневно, — en Russie, il n'y a de maréchal que moi (*фр.*)» [21]

Гудович говаривал, что с получением полковничьего чина он перестал метать банк сослуживцам своим. «Неприлично, — продолжал он, — старшему подвергать себя требованию какого-нибудь молокососа-прапорщика, который, понтируя [22] против вас, почти повелительно вскрикивает «аттанде».

В Москве он был настойчивый гонитель очков и троечной езды и принимал самые строгие меры благочиния против злоупотребления очков и третьей лошади. Никто не смел являться к нему в очках; даже в посторонних домах случалось ему, завидя очконосца, посылать к нему слугу с наказом: нечего вам здесь так пристально разглядывать, можете снять с себя очки.

Приезжавшие в город из подмосковных в телегах и в колясках должны были, под опасением попасть в полицию, выпрягать у заставы одну лошадь и привязывать ее сзади.

Заменивший его граф Ростопчин не гнал очки, и хотя и говорил в одной из своих афиш, что он «смотрит в оба», это, однако, не помешало ему просмотреть Москву, хотя и по обстоятельствам, от него не зависевшим.

В описываемую нами эпоху в числе барских театров славился в Москве дурасовский [23]. У этого так называемого тогда «евангельского» богача в его имении Люблине было все, включительно до пансиона для дворянских детей с учителем-французом, неизвестно для какого каприза заведенным.

По словам мисс Вильмот [24], когда она раз посетила театр этого барина *,

* См. «Русский архив», 1873 г., с. 1889.

на сцене и в оркестре его появлялось около сотни крепостных людей, но хозяин рассыпался насчет бедности постановки, которую он приписывал рабочей поре и жатве, отвлекшей почти весь его наличный персонал, за исключением той горсти людей, которую успел собрать для представления.

Самый театр и декорации были очень нарядны и исполнение актеров весьма порядочное. В антрактах разносили подносы с фруктами, пирожками, лимонадом, чаем, ликерами и мороженым. Во время представления ароматические курения сожигались в продолжение всего вечера.

О другом таком же барском театре князя Хованского, анекдот из жизни которого мы привели выше, нам известно, что на нем ставились целые оперы с балетами.

Князь Хованский сам был известен как симпатичный поэт; его песенка в свое время обошла всю Россию и, кажется, посейчас живет в памяти деревенских девушек и горничных. Кто из нас не слыхал милую песенку про «незабудочку»:

Я вечор в лугах гуляла,
Грусть хотела разогнать,
И цветочков там искала,
Чтобы к милому послать... и т. д.

Спектакли у князя ставились с большим умением и разборчивым вкусом. Смерть князя Хованского оплакивал Карамзин в стихах («Друзья, Хованского не стало...»). У князя Хованского жил известный шут, или дурак, Иван Савельич, которого знала вся Москва. Этот Савельич на самом деле был преумный и иногда так умно шутил, что не всякому остроумному человеку удалось бы придумать подчас такие смешные и забавные шутки. Хованские очень любили и баловали его — для него была устроена особая одноколка и дана в его распоряжение лошадь; он в этом экипаже езжал на гулянья, которые бывали на масленице и святой. В летнее время он появлялся на гулянье под Новинским в своей одноколке: лошадь вся в бантах, в шорах, с перьями, а сам Савельич во французском кафтане, в чулках и башмаках, напудренный, с пучком и с кошельком и в розовом венке, сидит в своем экипаже, разъезжает между рядами карет и во все горло поет: «Выйду ль я на реченьку» или «По улице мостовой шла девица за водой». Выезды Савельича очень забавляли и тешили тогдашнее общество. После Хованских Савельич в Москве жил в доме Ек. Серг. Ивашкиной (урожденной Власовой, по первому мужу Шереметева), супруги обер-полицеймейстера в первой четверти нынешнего столетия. Савельич в 1836 году был еще жив; под конец своей жизни он сделался комиссионером и нажил состояние. Однажды, обязавшись чихнуть на каждой из ста двадцати ступеней, он добросовестно вычихал себе дом у одного богатого причудливого московского вельможи.

В числе барских театров в Москве в конце царствования Екатерины II был очень недурной у графа Павла Серг. Потемкина[25], внучатного брата знаменитого князя Таврического.

Смерть владельца театра * от отравы в свое время произвела в Москве немало толков.

Бантыш-Каменский говорит, что кончину графа тогда приписывали посещению, будто бы сделанному ему страшным Шешковским ** и вызванному внезапным желанием исследовать дело о поступке его в 1786 году в Кизляре с персиянами.

Дело это помрачает имя П. С. Потемкина коварным и жестоким поступком. Двое из братьев Али-Мегемет-хана, хищника персидского престола, бежали от его преследований; первый успел укрыться в Астрахань, а второй приближался морем к кизлярскому берегу. Потемкин отказался принять его под предлогом, что Россия в мире с Персией.

Но изгнанник, преследуемый по пятам неприятельскими кораблями, решился с отчаяния войти в Кизлярский порт. Комендант Кизляра послал ему навстречу лодки, наполненные солдатами, которых беглецы радостно приветствовали. Но только что солдаты взошли на корабль, как бросились на персиян, перерезали, передушили и перетопили их всех и разграбили несметные сокровища,

* У Потемкина своего дома в Москве не было, он жил в доме светлейшего князя Таврического, в приходе Вознесения господня, на Большой Никитской улице. Домов у князя Таврического в Москве было несколько; лучшие были в приходе Грузинской божией матери и в приходе Николы в Воробьине.

** Известие о визите Шешковского к Потемкину в марте 1796 г. — совершенно ложно. Шешковского не было уже в живых в июле 1794 г., т. е. с лишком за полтора года до смерти П. С. Потемкина.

увезенные на этом корабле принцем, который сам погиб в волнах.

Дело это почти десять лет оставалось безгласным, несмотря на общую его известность, но наконец нашли нужным поднять его ввиду того, что Россия, воюя с Персией, приняла на себя защиту прав принцева брата Сали-хана, спасшегося в Астрахани и жившего в России забытым, пока он не сделался нужен как предлог для войны с Персией.

Над Потемкиным было наряжено следствие — вся Москва заговорила об этом скандале; Потемкин сделался очень болен. Жена его, красавица Прасковья Андреевна (урожденная Закревская, род. 1763 г., ум. 1816 г.), растрепанная, простоволосая, с воплем и слезами, приходила к Иверской [26] поднимать образ Богородицы и несла его к себе в дом молебствовать по улицам Москвы. Жена Потемкина славилась своей красотой и пользовалась восторженною любовью князя Таврического.

Когда в 1789 году при главной квартире его, рядом с военным штабом, образовался, к удивлению России, другой женский, то в числе лиц последнего, как говорит П. П. Бекетов *, Прасковья Потемкина занимала первое место.

Современники сохранили для потомства имена этих патриоток, облегчавших воинские труды светлейшего. Это были П. А. Потемкина, гр. Самойлова, кн. Долгорукая, гр. Головина, кн. Гагарина, жена польского генерала де Витта. Энгельгардт в своих воспоминаниях говорит, что жене Потемкина «его светлость оказывал великое внимание». Это внимание доходило у него до боготворения. Вот так выражал Потемкин страсть «к сударушке своей Парашеньке»: «Утеха моя, сокровище бесценное, ты дар Божий для меня», — писал он ей. «Целую от души ручки и ножки твои прекрасные, моя радость... Дурочка моя умненькая, je vous porte dans mon coeur [27]. Жизнь ты моя, тобою моя жизнь приятна, бесценная, ангел, которым сердце мое наполнено... Я, видя тебя благополучною, буду счастлив и в архиерействе подам мое благословение; облачась пребогато, скажу к тебе: да победиши враги твоя красотою твоею и добротою твоею. Знаешь ли ты, прекрасная голубушка, что ты кирасиром у меня в полку! Куда как шапка к тебе пристала, и я прав, что к тебе все пристанет. Прости... целую ручки ангельские» («Рус. стар.», т. XIII 1875 г.).

Возвращаясь к другому Потемкину, мы видим, что он, обвиняемый в грабеже и убийстве, впоследствии издал стихотворение «Глас невинности». На это стихотворение явился колкий и ядовитый ответ «Возражение на Глас невинности». Подобных возражений было еще три, одно из этих сатирических посланий приписывали Державину; последнее, по выражению Болотова, «летало всюду в Москве и читано было многими».

В Москве тогда говорили, что жадность Потемкина доходила до того, что он променивал косяками людей и солдат на косяки горских лошадей и овец, которые ему были нужны. Он не жалел своих соотечественников отдавать в неволю ради своей корысти.

К делу Потемкина примешивали еще генерала Гудовича, командира кубанских войск и рязанского наместника. Преследуемый такими неприятными слухами, Потемкин думал даже оставить Россию и поступить на службу австрийского императора. Молва в Москве еще приписывала Потемкину смерть князя П. М. Голицына, молодого полковника, красавца, охранявшего дорогу от Казани к Оренбургу и нанесшего первый удар Пугачеву. Но последнее обвинение неверно: Голицына убил Шепелев на дуэли, как тогда говорили, «изменнически заколол». Шепелев был женат впоследствии на одной из племянниц князя Потемкина.

По поводу этой дуэли ходили следующие толки. В бытность Екатерины II 1775 году в Москве на бале Голицын был замечен государыней; увидав его, она сказала: «Как он хорош! настоящая куколка». Эти слова его и погубили.

П. С. Потемкин воспитание получил в Московском университете, в первые годы его основания. Быстрая служебная карьера его начинается в первую турецкую войну; здесь он получил чин гвардии капитан-поручика и «Георгия» 4-й степени.

В 1774 году он был произведен из бригадиров в генерал-майоры и назначен начальником двух секретных следственных комиссий — оренбургской и казанской, действовавших по делу о пугачев-

* См.: «Русский архив», 1880 г., с. 385.

ском бунте. Потом, как мы уже упоминали, он был в Москве в числе судей над Пугачевым. За начальство в южных окраинах России он получил Анненскую ленту, затем Александровскую и камергерский ключ. В 1783 году он приводил к присяге покорившихся России крымцев и убедил царя Ираклия кахетинского и карталинского принять русское подданство, за что получил Владимирскую ленту и чин генерал-поручика. С 1784 года он был наместником саратовским и вместе с тем кавказским. Несмотря на сильную протекцию своего могучего родственника, он в эти годы лишился благосклонности Екатерины и жил в Москве, где и считался одним из первых в числе недовольных правительством.

По словам Бантыш-Каменского, Потемкин отличался неустрашимостью, умом, образованием, любил заниматься словесностью, знал в совершенстве отечественный и многие иностранные языки. Из произведений его пера известно более десяти напечатанных книг, в числе которых три драмы в стихах: «Россы в архипелаге», «Торжество дружбы» и переводная «Магомет» — трагедия Вольтера. Из неизданных произведений Потемкина: «История о Пугачеве» и описание кавказских народов. Потемкин имел двух сыновей: Григория Павловича, убитого под Бородином, и Сергея Павловича, умершего в 1858 году, известного любителя искусств, литературы и театрала; оба они умерли бездетными, и род Потемкиных пресекся.

ГЛАВА VIII

Театры в Нескучном и Кускове. — Богатство Шереметевых. — «Дом в уединении». — Наталья Долгорукова. — Описание Кусковской рощи. — Шереметевский театр. — Славное его прошлое. — Посещение Кускова императрицей Екатериной II. — Характеристика графа П. Б. Шереметева. — Село Останкино; посещение этого села императором Павлом I. — Богатство обеденного стола. — Император Александр I в Останкине. — Историческая судьба актрисы графа Шереметева. — Граф Н. П. Шереметев. — Романическая любовь его. — Приезд императора Павла в Останкино. — Брак графа Шереметева. — Смерть графини и трогательная печаль графа. — Благотворительность графа Шереметева. — Село Троицкое графа Румянцева. — Празднество в нем. — Прием императрицы Екатерины II. — Исторические воспоминания о Троицком

Но кто славился в доброе старое время в Москве своим театром и актерами, то это граф Шереметев. Театров у графа было три, один в Москве и два подмосковных — в Кускове [1] и Останкине [2]; в Кускове помимо постоянного театра существовала еще воздушная сцена в саду из липовых шпалер с большим амфитеатром; впрочем, такой воздушный театр был еще в Нескучном, селе Д. В. Голицына. На воздушном театре давали не только дивертисменты и водевили, но даже большие комедии, трагедии и балеты. Загоскин [3] об этом говорит: «Я очень помню, как однажды в проливной дождь дотанцовывали на нем последнее действие «Венгерской хижины» почти по колено в воде».

Кусковский театр был первым из русских барских театров; он был несравненно богаче тогдашнего московского. Этот театр надо считать рассадником наших сценических талантов конца XVIII столетия. Стоял он у одного угла рощи; еще в пятидесятых годах нынешнего столетия видно было обветшалое здание его с фронтоном и порталом.

На этот некогда знаменитый Кусковский театр, видно, не жалели тогда золота, которое еще в упомянутые года блестело из-под пыли и паутины. Три яруса лож, и особенно авансцена, были отделаны со всею роскошью и грандиозностью итальянской архитектуры. Театр был выстроен в полгода французским архитектором Вальи [4]; год постройки его нам неизвестен — смутно известно только, что его начали строить перед рождеством и окончили к петрову дню, ко дню ангела графа Петра Борисовича. Спектакли у Шереметева бывали по четвергам и воскресеньям, на них стекалась вся Москва, вход для всех был бесплатный.

Ввиду этого обстоятельства тогдашний содержатель московского частного театра Медокс обратился с жалобой к главнокомандующему Москвы князю А. А. Прозоровскому на графа Шереметева, говоря, что он платит условленную часть своих доходов Воспитательному дому, а граф отбивает у него зрителей.

Кусково, по преданию, получило свое название от куска, которым граф Петр Борисович обыкновенно называл свою родовую собственность, небольшой участок земли, где были дом, главный пруд, сад и село.

Вся земля кругом принадлежала князю А. М. Черкасскому [5], и в сравнении с его огромным имением, которое составляли почти все ближние села и деревни, окружавшие Кусково, действительно, оно было кусочком. Когда граф Петр Борисович женился на единственной дочери князя Черкасского, то все его поместья: Перово, Тетерки, Вишняки, Вылонь, Жулебино и Останкино — перешли в род графов Шереметевых. Княжна Черкасская, помимо этого, принесла мужу в приданое более 80 000 душ крестьян.

Молодая графиня провела детство в Вишняках и очень любила их; она не хотела забыть родину, и молодой граф исполнил желание своей супруги, выстроил для нее на своем куске дворец и назвал его Кусковом; дом был построен по плану архитектора Вальи.

В этом доме в одной комнате стены

были из цельных венецианских зеркал, в другой обделаны малахитом, в третьей обиты драгоценными гобеленами, в четвертой художественно разрисованы не только стены, но и потолки; всюду античные бронзы, статуи, фарфор, яшмовые вазы, большая картинная галерея с картинами Рафаэля [6], Ван-Дейка [7], Доминикино [8], Кореджио [9], Веронезе [10], Рембрандта [11], Гвидо-Рени [12]; большая часть картин была, впрочем, по смерти графа в 1788 году вывезена в Петербург и часть в Останкино; в некоторых комнатах висели люстры из чистейшего горного хрусталя.

Замечательны также были в кусковском доме огромная библиотека и оружейная палата; в последней было редкое собрание древнего и нового оружия: английские, французские, испанские, черкесские, греческие и китайские ружья, дамасские сабли, оправленные в золото и осыпанные драгоценными камнями, турецкие ятаганы [13], шашки и проч. В числе конских приборов было седло Карла XII [14], доставшееся вместе с его скакуном графу Борису Петровичу [15] в Полтавском сражении.

В спальне покойного графа висел неоконченный его портрет, писанный пятнадцатилетнею его дочерью; смерть помешала кончить его, и неутешный отец не хотел, чтобы чья-нибудь рука коснулась работы милой его дочери. Других портретов его было здесь несколько, один работы Гротта, простреленный 10-ю пулями; другой в парадной столовой и также прострелен пятью пулями; рядом с ним прорезанный портрет графини, жены его. Эти три испорченные портрета остались памятником пребывания здесь французов в 1812 году. По преданию, граф П. Б. очень не любил французов и был враг тогдашней французской философии.

В саду Кускова было 17 прудов, карусели, гондолы, руины, китайские и итальянские домики, китайская башня наподобие нанкинской, с колоколами, — граф называл ее голубятней, каскады, водопады, фонтаны, маяки, гроты, подъемные мосты.

Теперешний дом и сад Кускова только остатки прежнего великолепия: нынешний так называемый гай, или роща возле театра, был некогда превосходным английским садом, с такою обстановкою, что граф и его гости предпочитали его дому и французскому саду.

В этой роще стоял летний дом графа Петра Борисовича, где он постоянно жил в неприемные дни и где принимал своих друзей. Дом этот назывался «домом уединения».

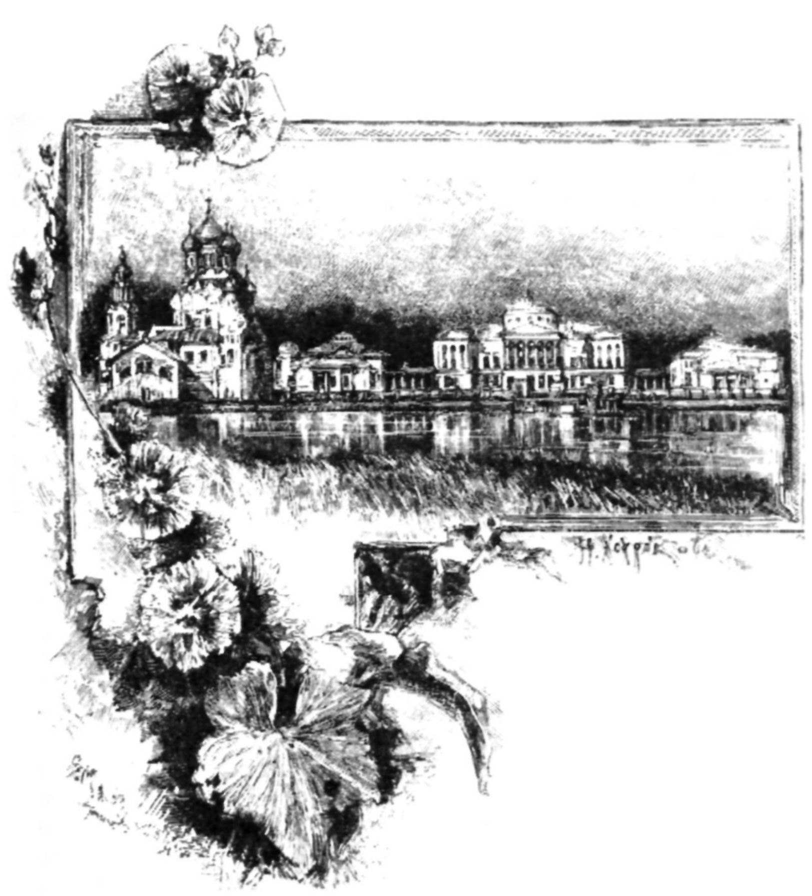
В этом домике жил граф, когда лишился милых сердцу жены и дочери, и оттуда выходил только для приема знатных гостей, иногда Екатерины и других государей. Только тогда он являлся еще истинно русским вельможею, и иностранные принцы с изумлением описывали его пиры; но, возвратясь в свой домик, в свое уединение, он снова был отшельником, верным памяти о сердечном счастии. Жена графа была красавица; она обладала такими роскошными локонами, что еще в бытность фрейлиной императрицы Анны ей одной позволялось носить их при дворе.

Дочь графа Петра Борисовича была невестою графа Никиты Ивановича Панина [16]. Говорили, что отец был вдвойне огорчен как потерей дочери, так и горестию своего друга по ней. Тоска и чувствительность графа, можно сказать, были отличием всех Шереметевых. Кто не знает славной страданиями Натальи Долгоруковой [17], самоотверженная любовь которой к своему мужу [18] увековечена в наших преданиях старины!

По преданию, княгиня Наталья Борисовна пришла из Сибири прямо в Кусково ночью, в темный осенний вечер, перешла сад и подошла к дому; но в нем все было заперто. Бедная путница, с ребенком на руках, едва дошла до дома священника и там провела ночь. Через несколько недель княгиня была уже при дворе и в милости. Екатерина возвратила ей все, что некогда потерял муж ее.

Позднее многострадальная приняла схиму и жила в Киеве в монастыре под именем старицы Нектарии. Княгиня Наталья, по преданию, бросила свое обручальное кольцо в Днепр и постриглась в монахини в одежде фрейлины с Екатерининскою лентою через плечо.

Сын ее, по семейным преданиям, был самым суетным, мелочным и тщеславным человеком и едва не попал в большую беду: он затеял заговор и хотел возвести на престол Ивана Антоновича [19] при содействии родственника своего князя М. И. Долгорукова, точно такого же тщеславного человека; по рассказам, последний у себя в преогромном деревянном доме имел на подмостках раззолоченный трон, на котором и сиживал,

Вид села Останкина.
Со старинной гравюры

и редко в присутствии гостей сходил с него.

Существует рассказ, крайне, впрочем, сомнительный, будто бы он посещал в Шлиссельбурге Ивана Антоновича в одежде афонского монаха.

В «доме уединения» в 1810 году помимо графа жила еще Анна Николаевна — калмычка, весьма важное лицо в Кускове.

С 1810 года дом этот жадные опекуны стали отдавать внаймы, и его нанимала для летней дачи, прельщенная преданиями старины Кусковского театра, известная актриса Е. С. Сандунова; весною 1812 года нанял было его купец 1-й гильдии Чертков, но отказался из опасения сырости, затем в июне нанимал М. Ф. Бестужев за 500 рублей и также отказался из опасения сырости; уже в июле явилась придворная актриса Сандунова и давала 350 рублей ради упущенного времени, но опекуны, ценя дом в тысяч 50 и более, рассудили отказать «политическим образом», а в самом деле потому, что она жила с мужем в разводе; состояние ее было неизвестно и опасались «неблагопристойных компаний».

Судьба спасла Сандунову от последующей встречи здесь с французами, а ограбленный ими дом был вскоре сломан (см. очерк П. Бессонова).

На конце рощи было небольшое озеро под названием Локасино; искусственная река соединяла его некогда с другими небольшими озерами; через рукава этой речки живописно перекинуты были красивые мосты с раззолоченными перилами; один из них вел в глубину рощи, к так называвшемуся «убежищу философов» или в Тентереву деревню, в красивый домик с зеркальными стенами, полами и плафоном, наполненный тысячами редкостей.

Недалеко от этого дома было другое здание под названием «Метрея»; это был небольшой скотный двор, куда приводили графу на показ его любимых коров. У опушки гая, недалеко от нынешней Гиреевской рощи и дороги в Косино, бил фонтан; в пятидесятых

годах в этом гаю стояла еще «беседка тишины» и курган.

Беседку окружал некогда искусный лабиринт, а на кургане стояла статуя Венеры; возле нее была львиная пещера; здесь на лаврах лежал лев, под ним была латинская надпись и здесь же хранилась плита с допотопными окаменелостями, найденная в окрестностях Кускова.

Недалеко отсюда был знаменитый стог сена, который еще помнят некоторые старожилы; при приближении к нему замечалась оригинальная беседка в виде русской избы, в которой за дубовым столом на тесаных скамьях сидели двенадцать мужичков в праздничных нарядах и в интересных позах и пили водку. Это была группа восковых фигур, которая называлась «пьяною компаниею». П. Бессонов говорит, что эта группа не изображала русских мужичков, а иностранцев, что тут были восковые фигуры какого-то «Вилиуса», «турка», еще «господина без печали, веселого брата», затем «француза» и доктора «Бамбаса вместе с дамой». Судьба этих кукол была самая печальная: портной Иван Пучков и обойщик Нефед Никитин в ночное время перебили их, отшибли им головы и руки, обобрали их платье и продали в Москве. Позднее опустошение этого «Шомьера» довершили мыши и всепожирающее время.

Также на идущей мимо театра в Владычино дороге, на том месте, где теперь мост через канал, прежде был так называемый «потаенный фонтан», и стоило только шутнику отвернуть кран, как на бедного, проходившего через мост, лился проливной дождь.

Говоря о бывшем великолепии Кускова, нельзя не вспомнить и о старинных его угодьях. К числу их принадлежала и та роща, которая теперь известна под именем зверинца; зверинец был в окружности до трех верст; еще заметны теперь два пересекающихся под прямым углом в средине леса проспекта и видны следы каменной башни, служившей сборным местом охотников, но уже нет следов построек настоящего зверинца, где содержались разных пород звери: черные американские, серые русские и сибирские медведи, лоси, лисицы и проч. Стада оленей ходили свободно; их считалось до 600 голов; остатки этих стад выведены отсюда в 1809 году, и зверинец уничтожен. Охоту графа составляли обыкновенно сорок псарей, сорок егерей, сорок гусаров и т. д., все по сорока.

Но охота графа принимала иногда более огромные размеры, и тогда театром ее делались все окрестности; сотни наездников и амазонок [20], благородных гостей графа, цвет тогдашней аристократии, множество богатых экипажей, блестящих ливрей, лихих скакунов в раззолоченных уборах, все это составляло прекрасную картину, напоминавшую охоты Генриха IV [21] в Булонском лесу или королей английских в Виндзоре.

На другой стороне сада, против грота и итальянского дома, возвышалось двухэтажное здание в мавританском вкусе, под названием эрмитажа; построен последний был архитектором Вальи; в этом здании из нижнего этажа в верхний была машина, поднимавшая на стол 16 кувертов; низ здания был занят тремя буфетами; здесь сервировали стол и приборы, и каждый отдельно поднимался наверх. Здесь был также подъемный диван, поднимавшийся наверх вместе с гостями.

На верху эрмитажа граф по часам сиживал один, и никто лишний не мог войти туда: все подавалось и принималось машиной. Также необыкновенно богаты были кусковские оранжереи, теплицы, но лучшие деревья перешли к Шереметевым от Черкасского; здесь были бесценные лавровые и померанцевые деревья огромной величины, считавшие уже при графе П. Б. несколько столетий своей жизни.

Оранжереи, теплицы и грунтовые сараи Шереметева снабжали фруктовыми отводками все окрестные поместья и много способствовали развитию плодового садоводства не только под Москвою, но и во всей России.

Для лавровых деревьев были сделаны особые двери или, лучше, проломы до 18 аршин в вышину; таких лавров и померанцев было трудно найти даже на юге; некоторые деревья доходили до 18 аршин высоты, кадки вместе с деревом весили до 150 пудов; для перенесения их с места на место требовалось до ста человек, но на катках их сдвигали с места 60 рабочих; деревьям по счету слоев одного высохшего дерева приходилось с чем-то 400 лет по оценке, сделанной во время опеки над малолетним наследником Шереметева, каждое дерево ценилось 10 000 рублей ассигнациями.

На месте нынешнего оранжерейного здания, где уцелела старая домовая церковь, стоял первый дом владельцев, за которым в память петровской эпохи и для собрания воедино голландских памятников сооружен был дом «Голландский» (1749 г.).

Этот дом был весь выложен внутри изразцами, или плитками, самого разнообразного рисунка, с мраморным полом, украшенный по стенам множеством картин с голландскими видами фламандской школы, рисовавшими домашний быт.

Бессонов замечает, что, разумеется, все главные источники для своих причудливых планов молодой граф приобрел, женившись на Варваре Алексеевне Черкасской (1711—1767 гг.), дочери известного А. М. Черкасского (очень честного, но недостаточно деятельного канцлера Анны и Елизаветы) и наследнице несметных, в том числе сибирских, богатств, прибавим — наследнице особенно изящного вкуса; отец заведовал строением дворцов и садов, равно как устройством художественных ремесел.

В Кускове уцелела еще железная решетка, сделанная по рисунку, который во время пребывания здесь на досуге набросала Екатерина.

В то старое время существовал еще «Итальянский дом», предназначенный для памятников итальянского искусства, преимущественно для дорогих картин с историческим и духовным содержанием; внешность дома теперь обезображена, внутри — жилые покои с мебелью петровского времени; картины и редкости вынесены. Прежде везде, кроме картин и статуй, были мрамор, золото, хрусталь, резьба по дереву, штоф, атлас, живописные плафоны и фрески. Дом этот поврежден после отдачи внаймы.

От «Итальянского» дома через вал вел мостик, где стояли пять каменных изящных домиков, с окнами и воротцами, решетками и колоннами: все это было вызолочено; правая сторона обводного канала была отведена для редких птиц, лебедей, журавлей, американских гусей, фазанов, пеликанов и т. д.

Пруды Кускова были полны дорогих рыб; рыбы было столько, что неводом вылавливали зараз по 2000 карасей — и раз была вынута из пруда раковина с жемчугом; в старину на пруду было несколько рыбачьих хижин, стояли яхты со шлюпками и лодками, был остров с руинами, были матросы в шкиперских кафтанах кофейного и вишневого цвета с белыми пуговицами.

Помимо прудов, среди садов Кускова протекал быстрый ручей; он был расчищен, углублен, обложен по берегам камнем и обращен в речку; от этой речки сделаны отводы и каналы, вырыты водоемы, ручейки, обставленные разукрашенными, с живописными берегами островками, переходными мостиками, с золочеными перилами, башенками, беседками и т. д.

Перечисляя памятники роскошного прошлого Кускова, нельзя обойти описанием каруселя с затейливыми играми, как-то: кольцами, мячами, кеглями, висячим шаром, деревянными конями для езды в одноколках, фортункой, качелями висячими и круглыми на столбах; затем был здесь «Диоген» [22], врытый в землю, — сидел он в дубовом чану со снимающейся крышкой; философ был сделан из алебастра и расписан под цвет натурального тела; он имел при себе муравленый [23] кувшин и шнуровую книгу в кожаном переплете.

В саду был еще Храм молчания или тишины. В этом здании, сооруженном в лабиринте, стояли только, в знак молчания, две большие вазы с крышками. В саду также в некоторых местах возвышались большие декорации из тесу с изображениями красками красивых ландшафтов и строений. Такие декорации часто употреблял в дело князь Потемкин во время проездов Екатерины по бедным и скучным местностям. Была в Кускове одна декорация, представлявшая домики, при них ворота с замком и скобками.

Красовалась там еще беседка «Трефиль», снаружи и внутри обитая равендуком [24], с расписными стеклами; на ней надпись: «Найти здесь спокойство»; был и «философский домик», обитый внутри березовою корою и на дверях с надписью на французском и русском языках. В числе затей стоял еще «открытый воксал» [25] для музыки и танцев, с наугольными кабинетами, снаружи и внутри фонари и колокольчики.

Но наибольшею роскошью, как мы уже говорили, отличался театр Шереметева. По величине он равнялся нынешнему московскому Малому театру, но удобством, вкусом, изяществом и богатством он далеко оставлял второй позади.

Построен он, как мы сказали, по пла-

ну архитектора Вальи и убран внутри по рисункам известного Гонзаго [26]. Начат он, по преданию, год спустя после постройки барского дома.

Театров, до постройки главного, в Кускове было несколько: так, по архивным спискам, известны сначала были «Домашний», «Старый», «При вокзале в гае», затем уже «Новый» и «Новоустроенный». В новом виде театр просуществовал недолго — перед кончиной Петра Борисовича и в первые лишь годы Николая Петровича. Театр Шереметева у современников стяжал громкую славу как отличным исполнением богатого репертуара, так и счастливым выбором главных исполнителей, число которых было весьма немногочисленно, но зато хорошо поддержано массою танцовщиц, и особенно превосходным оркестром и хором певчих. Особенно также богат был театр роскошными декорациями и обильным гардеробом.

Летом в праздники представления переносились на «Воздушный театр», помещавшийся под открытым небом в большом саду, между «Итальянским» домом и деревянным бельведером. На этом театре было поставлено несколько драм, с десяток комедий, до двадцати балетов и более сорока опер; некоторые из этих театральных пьес ставились здесь ранее двора и Эрмитажа.

В начале нынешнего столетия театр был запечатан. Было даже время, много лет тому назад, когда в запустелом театре поселились целой шайкой мошенники и с трудом были оттуда выгнаны.

О полноте и богатстве гардероба можно судить по тому, что в 1811 году по сделанной описи «театрального платья», парчового, шелкового и т. д., было сундуков семнадцать, а разных уборов, перьев, обуви и т. п. — 76 сундуков. Исполнители театральные помещались в особых корпусах, близ театра, «свои» же иногда и по собственным домам; певчие, родоначальники знаменитой некогда шереметевской капеллы, преимущественно малороссы; певцы-солисты, музыканты, актеры и актрисы, танцовщики и танцовщицы особо — из своих и приглашенных за плату. В старших музыкантах было много иностранцев, главные Файер и Фацил или Фасциус, а из своих русских Дмитрий Трехвалов, позднее — Алексей Скворцов, Осип Долгоносов и Василий Зайцев.

Любопытно, что музыкантам-иностранцам, особенно же актерам и актрисам, предпочтительно пред прочими сожителями и наравне с графскою семьею, отпускались из прудов к столу караси, иногда (например, русским в посту) в большом количестве на весь корпус, так что, глядя на счеты, можно бы с первого раза подумать, не считалось ли это принадлежностью и лучшим питанием жрецов сценического искусства. Стражами театра состояли старший «гусар Иван Белый с шестью рабочими». Графский библиотекарь, как и поставщик театральных пьес, был крепостной человек — Василий Вороблевский; театральных пьес и других сочинений этого автора, напечатанных в эпоху от 1772 по 1797 год, известно более пятнадцати.

В 1787 году, в бытность Екатерины II в Кускове, граф Шереметев давал представления на своем театре; граф Сегюр, бывший на этих спектаклях, говорит, что балет удивил его не только богатством костюмов, но и искусством танцовщиков и танцовщиц. Наиболее ему показалось странным, что стихотворец, музыкант, автор оперы, как и архитектор, живописец, написавший декорации, так и актеры и актрисы, — все принадлежат графу и были его крепостными людьми.

Все празднества в Кускове отличались необыкновенною пышностью; во время праздников у графа Шереметева число гуляющих посетителей доходило до 50 000 человек, исключая званых гостей, которых приглашалось по билетам более 2000 человек.

Где теперь столбы и шлагбаум, на выезде из кусковской земли в сторону Перова и Опекунова, при повороте к Теркам, стоял деревянный столб с надписью, приглашавшей посетителей Кускова «веселиться, как кому угодно, в доме и в саду».

Из таких исторических праздников и торжеств в Кускове известен был «день открытия обелисков». Один из таких обелисков, помещенных в глубине Большого сада, там, где перегораживала его решетка по рисунку императрицы, имел на вершине статую якобы Минервы, но гораздо более похожую на фигуру самой государыни, с надписью о посещении 1775 года, «в память чего благодарность сей монумент из пожертвованного ее величеством мрамора соорудила».

Другой близ Большого дома, пира-

мидальный, гласил, что «Екатерина II пожаловала графу П. Б. Шереметеву (мрамор) в 1785 году, во время бытности его губернским предводителем московского дворянства».

Празднества в старину шли с необыкновенным великолепием: в саду была иллюминация, прозрачные картины, пирамиды, пели хоры певчих, играли оркестры музыкантов, оранжерея была превращена в вокзал, где танцевали тысячи пар.

Слух об этих роскошных праздниках дошел до государыни, и в бытность императрицы в Москве во время празднования двадцатипятилетия ее царствования на третий день торжеств 30-го июня 1787 года, в три часа пополудни, императрица отправилась в Кусково со всем двором и блестящею свитою. Екатерина вступила на кусковскую землю через великолепную арку, убранную оранжерейными растениями, между которыми были размещены символические картины с приветственными надписями.

На верху галереи играла музыка. При приближении поезда к подъемному мосту * стоявший на Большом пруде двадцатипушечный корабль и другие меньшие суда салютовали, а с берегов также гремели пушечные выстрелы.

К большому дому вела галерея живых картин: здесь стояли попарно жители и слуги Кускова с корзинами цветов, девушки в белых платьях и венках рассыпали букеты по пути. Через Большой сад хозяин провел царицу в сад английский и лабиринт, где при вечернем солнце показывал свои прихотливые сооружения и редкости, а после повел царицу в театр, где давали оперу «Самнитские браки» и в заключение балет. Екатерине очень понравился спектакль; она допустила всех артистов к руке и раздала им подарки.

На одном из праздников в Кускове сопровождал Екатерину император австрийский Иосиф [27]. Посетив Кусково, император думал, что приехал к венценосному владельцу.

Граф Сегюр в своих воспоминаниях говорит, что стол графа Шереметева в этот день был сервирован золотою посудою на шестьдесят персон; граф Комаровский, видевший этот праздник, замечает в своих записках: «Что всего более удивило меня, так это плато, которое было поставлено перед императрицей. Оно представляло на возвышении рог изобилия, все из чистого золота, а на том возвышении был вензель императрицы из довольно крупных бриллиантов».

П. И. Шереметева. С гравированного портрета Зелигера

На возвратном пути из театра весь сад уже горел огнями; на пруду плавали лодки и гондолы [28] с песенниками и хорами музыкантов; два обелиска по обеим сторонам пруда представляли два ярких маяка, вдали горели щиты с вензелевыми изображениями царицы и сыпались целые каскады разноцветных огней.

Перед началом фейерверка государыне подали механического голубя, и с ее руки он полетел к щиту с ее изображением и парящей над нею Славой; вместе с этим щитом в один миг вспыхнули другие, и пруд и сад залились ярким светом.

Во время фейерверка разом было пущено несколько тысяч больших ракет, и иностранцы, бывшие на празднике,

* Подъемных мостов в Кускове было два: один при начале пруда и сада, через тот канал, где теперь простой деревянный мост и ворота, а другой по левую сторону дома, против церкви, где теперь деревянный мост.

удивлялись, как частный человек мог тратить несколько тысяч пудов пороху для минутного своего удовольствия.

На этом празднике бесчисленные толпы народа гуляли целую ночь. В галерее был ужин, во время которого пели певчие.

Государыня возвратилась с праздника по дороге, освещенной вплоть до Москвы плошками, фонарями, смоляными бочками. Когда царица подъезжала к Москве, то в столице били утреннюю зарю.

По преданию, граф повторил такой праздник еще два раза — 1-го августа и потом 6-го августа. На первом из этих праздников между прочими пьесами на театре был поставлен балет, не игранный еще на императорском театре: «Инеса де Кастро», сочинения Канциани.

Граф П. Б. Шереметев умер 30-го ноября 1788 года; он похоронен вместе со своими предками в соборной усыпальнице Спасо-Андрониева монастыря [29]. Сын героя полтавского и прутского, современник Петра и шести других царствований, он был истинный вельможа золотого века Екатерины, ослеплявший иноземцев «умною пышностью»; пышность его не была разорительная: он расходовал только то, что получал из имений, и был далеко не расточительный и весьма осторожный в расходах, превосходный хозяин, устроивший систематическую экономию и строгие штаты со сметами. П. Бессонов в своем очерке «Графиня Прасковья Ивановна Шереметева» про него говорит: «Это был образец екатерининского вельможи-богача, ловкий, хотя не слишком услужливый и довольно самостоятельный придворный, с хитростью, блестевшею в его несколько скошенных глазах, важный, но не надменный и со всеми до низших ласковый, не любивший головоломного труда, но очень крепкий природным умом и образованный по-французски; член знати европейской и вместе хлебосольный русский барин; артист в душе для всех искусств, с отличным ко всему вкусом, до изысканной гастрономии и равно до тяжелых дедовских блюд».

В его домах, петербургском, московском и кусковском, до конца его жизни ежедневно накрывались столы для бедных дворян, часто до ста приборов, из десятка и более блюд — сам же Шереметев никогда не ел более трех блюд.

Выезжал он на охоту в сопровождении не менее как пятидесяти дворян, которым он благодетельствовал, и имея при себе не менее 700 человек дворни, как-то: конюхов, шатерничих, поваров и проч.; шатры, палатки, огромные запасы следовали за ним большими обозами.

В гости он ездил к соседям также в сопровождении нескольких сотен конных проводников; но, несмотря на такую пышность выездов, он очень любил уединяться, и даже одно время хотел постричься, носить воду, дрова в келью и выметать сор своими руками.

Граф прожил 75 лет, умер в почетном звании обер-камергера и кавалером ордена св. Андрея Первозванного. Он был обладателем 140 тысяч душ крестьян.

Граф Петр Борисович во время первых дворянских выборов в Москве при учреждении губерний в 1782 году был единогласно выбран сперва в уездные предводители дворянства; и на другой день, когда тогдашний главнокомандующий граф З. Г. Чернышев пригласил всех дворян в Грановитую палату для выбора губернского предводителя, они опять единогласно выбрали графа и в эту почетную должность.

У покойного графа был сын Николай Петрович [30]; последний, подобно отцу, умел угощать высоких посетителей, давать праздники, превышавшие пышностью и блеском даже те, которые давал отец.

Николай Петрович жил в другом своем имении под Москвой, селе Останкине, в красивом доме, выстроенном по плану знаменитого архитектора Кваренги [31], но несколько измененном по вкусу графа нашим русским не менее знаменитым зодчим Казаковым [32].

Император Павел посещал Останкино, и граф приготовил ему однажды следующий сюрприз: когда государь проезжал густую рощу, которая заслоняла вид на Останкино, то вдруг, как бы по мановению волшебного жезла, деревья упали, открыв красивую панораму всего Останкина.

В ожидании государя сделана была от начала рощи до самого Останкина просека, у каждого подпиленного дерева стоял человек и по данному сигналу сваливал деревья. Император был очень удивлен, любовался декорацией и благодарил хозяина за доставленное ему удовольствие.

Останкинский дом по убранству и роскоши представлял целый музей: масса бронзы, гобеленов, художественных статуй, картин, венецианские зеркала, всюду мрамор, мозаика, золото, китайский и японский фарфор, мебель с инкрустациями и т. д.

Нижний этаж был обитаем, верхний же представлял великолепный театр, окруженный настоящими чертогами. Сад в Останкине делился на английский [33] и парк перед домом; аллеи лип были подстрижены стенами и кругами, всюду виднелись мраморные статуи, беседки и т. д.

Налево от дворца могучая кедровая роща, по преданию, вывезенная из Сибири старым владельцем Останкина, князем Черкасским, бывшим сибирским губернатором. В этой роще стоит мраморная урна над прахом любимой собаки графа.

Недалеко отсюда была и аллея вздохов из лип.

Между деревьями встречаются вековые дубы, и среди них есть могучий дуб — прародитель всех тамошних дубов, имеющий за собою несколько столетий.

Император Павел не раз посещал Останкино. По вступлении на престол государь здесь был встречен боем в литавры с хоровым гимном на день коронования его, положенным на музыку Козловским [34]:

Какие солнцы озаряют
Великолепный русский трон?
В божественной чете сияют
Лучи от царских двух корон

и проч.

Вид церкви и части сада села Останкина. С офорта Лафона по рисунку с натуры Делабарта (из собрания П. Я. Дашкова)

Когда в царствование императора Павла король польский Станислав Понятовский [35] посетил Останкино, то его хозяин дал для него блестящий праздник.

Король был удивлен великолепием шереметевского имения. После роскошного обеда король отправился в театр, на котором крепостные актеры сыграли уже игранную при Екатерине пьесу «Самнитские браки»; роскошные кос-

Н. П. Шереметев.
С портрета,
принадлежавшего
императорскому
Эрмитажу

тюмы, точные эпохе, были необыкновенно богаты, на артистке, игравшей главную роль, было ожерелье ценою в 100 000 рублей; декорации были написаны Гонзаго.

После шел балет, и затем все гости уже танцовали в залах; под конец был предложен ужин, — в зале, в которой ужинали, был устроен роскошный буфет, уступы которого были уставлены драгоценными сосудами.

Между гастрономическими блюдами подавали тогда модное кушанье под названием «бомбы á la Sardanapale, облитые соусом эпикурейцев»[36]. Это было нечто очень вкусное, состоящее из дичиного фарша; изобретено это блюдо было поваром прусского короля Фридриха II[37].

Большие блюда с десертами были накрыты хрустальными колпаками, на которых были представлены разные этрусские фигуры. Дорога, по которой поехал король в Москву, была вся освещена горевшими смоляными бочками.

Во время коронационных празднеств императора Александра I Останкино посетил государь — здесь ему был устроен пышный праздник. Государя с семейством встретили полонезом Козловского (слова Державина) «Гром победы раздавайся», с пушечными выстрелами; затем была пропета кантата на день коронования государя: «Русскими летит странами на златых крылах молва»; после пел еще графский хор известные тогда куплеты: «Александр! Елизавета! Восхищаете вы нас!»...

По окончании обеда высокие посетители приглашены были в темную комнату, обращенную окнами на двор, и оттуда смотрели блистательный фейерверк. Блестящая иллюминация, устроенная Шереметевым, от Останкина тянулась на пять верст к Москве и стоила ему несколько десятков тысяч рублей.

Второв в своих записках говорит, что на всем пути стояли какие-то изобретенные особые машины, в конструкцию которых входила серебряная ткань. Теперь нельзя представить той роскоши и блеска, которыми отличались почти все московские собрания эпохи восшествия на престол Александра I, — возможен ли теперь, например, маскарад с пятнадцатью тысячами гостей, вроде того, какой был устроен в Слободском дворце[38] по случаю коронации императора?

Не менее богатый праздник в Останкине дали опекуны молодого графа во время пребывания двора с новобрачными в 1817 году, в это время посетил имение Шереметевых и прусский король Вильгельм III, отец новобрачной.

Прием царственных особ состоялся утром, в полдень был здесь утренний спектакль, давали русскую пьесу «Семик, или Гулянье в Марьиной роще». Пьеса эта долго не сходила в то время с репертуара; она была не что иное, как большой дивертисмент из песен и плясок.

С этой пьесой связан следующий анекдот: для пения и пляски в «Семике» часто был приглашаем любитель — военный писарь Лебедев, замечательный «плясун-ложечник»: не было в то время ни одного вечера или барского спектакля, в котором бы не плясал и не пел Лебедев. Высокие покровители этого Лебедева вздумали и на этот раз пригласить его на спектакль. Император Александр I не любил таких удовольствий, плясун ему не понравился, и, узнав, что он военный писарь, государь запретил ему

впредь показываться на сцене, а начальству тоже досталась гонка за допущение на сцену военнослужащего.

Августейшее семейство по приезде в Останкино было встречено хором певцов, пропевшим модную тогда кантату «Ты возвратился, благодатный», затем на устроенном в зале театре, до поднятия занавеса, послышалась русская песня «Не будите меня, молоду».

При поднятии занавеса представилась следующая картина: вся импровизованная сцена была убрана срубленными березками, где в кружках на полянах пировали крестьяне. В спектакле участвовали все крепостные артисты, как певцы, актеры, так и дансеры и дансерки [40], хороводы ходили по сцене, распевая неумолкаемо русские песни «Заплетися, плетень», «А мы просо сеяли» и затем плясовую, в то время самую излюбленную, «Под липою был шатер».

После на сцену явились цыгане во главе с известной цыганской певицей Стешей, прозванной цыганской Каталани [41]; последняя пропела тоже модный в то время романс Жуковского [42] «Дуброва шумит, сбираются тучи».

Затем следовала более веселая песня «Зеленая рощица всю ночь прошумела» и т. д. В числе шереметевских певчих здесь был известный впоследствии певец Императорского московского театра П. Булахов, отец не менее известного Петербургу оперного артиста.

Бархатный тенор Булахова, по рассказам современников, был необыкновенно красив, и, получи последний музыкальное образование, он мог бы затмить все тогдашние европейские знаменитости. Пела на этом празднике еще известная в то время оперная артистка Кротова, в русском сарафане, трогательную песню Мерзлякова «Я не думала ни о чем в свете тужить».

Затем участвовал и кордебалет шереметевский во главе с дансеркой Медведевой, плясавшей под хоровую песню «Возле речки, возле моста»; с нею плясал еще тогдашняя балетная знаменитость Лобанов. Танцы были поставлены лучшими в то время балетмейстерами Глушковским [43] и Аблецом.

В дивертисменте участвовал еще и солдатский хор, пропевший песню на бегство французов:

За горами, за долами
Бонапарте с плясунами и т. д.

Военная песня эта производила тогда большой успех. Император Александр не раз угощал ею своих высокопоставленных иноземных гостей. Так, рассказывает князь Вяземский *, в 1813 году, около Дрездена, по случаю именин государя наша артиллерия угощала обедом прусскую.

На обеде был и прусский король; после обеда короля угостили молодецкой солдатской песней. Королю прусскому так понравилось русское пение, что для его удовольствия солист-рожечник хора бомбардир Милаев, желая отличиться, от натуги надорвался и через неделю отдал богу душу.

Говоря о Кусковском театре, мы видим, что он стал процветать в 1790 году, в эпоху страстной любви графа к его актрисе Параше, по сцене Жемчуговой; эту фамилию граф дал своей будущей жене, романическая судьба которой более известна всем чувствительным барышням от крестьянского до барского сословия по песне:

Вечор поздно из лесочка
Я коров домой гнала
и проч.

Графа Н. П. Шереметева его современники представляли тогда тридцативосьмилетним страстным, хотя несколько и пресыщенным мужчиной, страсти которого были — охота, лошади да женщины.

Образованный и благородный человек по своему времени, граф при первой встрече со своей крестьянкой был поражен ее красотой и воспылал к ней серьезной страстью; он стал вести свою любимицу по артистической дороге.

Он взял ее из отцовского дома и поместил во флигеле, где жили его актрисы; здесь он обратил все свое внимание на образование своей избранницы. К ней были приставлены учителя, в числе которых были и иностранцы; для сценического искусства ей была дана наставница, Т. В. Шлыкова [44], подруга и неизменный друг Параши до гроба. Кусковский театр в эту эпоху расцвел, и лучшим его украшением сделалась талантливая Параша.

На одном из таких парадных спектаклей, данном 1-го августа 1790 года,

* См. «Русский архив», 1874 г.

в приходский праздник, она явилась в великолепном балете, не игранном еще на придворном театре, «Инеса ди Кастро» («Нинет а-ла Кур»). В числе других капитальных ролей особенно она была хороша в «Самнитских браках», где играла роль Элианы в блестящем рыцарском наряде средних веков (вместо классического) и в шлеме.

В этом виде была снята на одном из портретов будущая графиня Шереметева. В Кусковском театре еще недавно сохранялась классическая колесница о двух колесах, на которой выезжала Параша.

Будущую графиню в этой роли видели император Иосиф, король Станислав Понятовский и многие знатные принцы. Граф в Параше встретил действительно редкую и высокую душу, и любовь его скоро сделалась страстью, постоянной и единственной. Живя с нею, граф с каждым часом совершенствовался и возвышался и не мог того не чувствовать.

Он расстался с прежними мелкими страстями и увлечениями, постепенно бросил охоту, забыл праздную жизнь, предался сценическому искусству, сделался хорошим хозяином, распространил и усовершенствовал школу, покровительствовал художникам, много читал и много делал добра.

Расстояние между его общественным положением и положением его подруги было слишком велико для тогдашнего времени: тогда скорее простили бы распутства, не знавшие предела, чем подобную страсть, и вся эта блестящая обстановка и внешность скрывали только самую глубокую драму, полную треволнений, огорчений и проч.

По рассказам старых людей, граф нередко входил в комнаты Параши и заводил с ней беседу, как ему тяжело, что он собирается жениться на равной и нужно им расстаться. Параша не выражала ни упреков, ни жалоб, только после, когда выйдет граф, она плакала и молилась.

Граф Н. П. жил с Парашей в так называемом «новом доме», построенном им на месте «Мыльни», наискось от театра; внутри этого дома все было просто — в спальне же актрисы Жемчуговой было еще проще: в окнах занавесы из затрапезы[45] и серпянки[46], в простенке зеркало, две картинки с пастушками, ниша для самой простой постели с ситцевым подзором, два сосновых столика, березовые кресла, потолок подбит холстом, пол сосновый.

Единственную роскошь представляли картины, принадлежавшие графу. Параша знала одну дорогу — в театр да в сад по большой крайней аллее; девять лет, с 1790 года, когда построен был этот дом, до 1799 года, здесь жили влюбленные в тиши и уединении, между природою и искусством.

Но жить в Кускове им было невесело — косые взгляды, намеки, сплетни и т. д., и, как рассказывает Бессонов, случай решил отъезд из Кускова: раз, гуляя по большой аллее, Параша встретила посетителей, приехавших погулять по саду; подученные дети бросились к ней с вопросом: «Где здесь живет кузнечиха, где здесь кузница и есть ли дети у кузнеца?» Огорченная, она бросилась в свой покой, и граф после этого тотчас распорядился отъездом в Останкино.

Театр был запечатан в 1800 году и после пятнадцатилетнего своего процветания покинут. Родной внук Натальи Борисовны Долгорукой, известный поэт И. М. Долгорукий, писал о Кусковском театре:

Театр волшебный подломился,
Хохлы в нем опер не дают,
Парашин голос прекратился,
Князья в ладоши ей не бьют;
Умолкли нежной груди звуки
И «Крез меньшой» скончался в скуке.

То же самое последовало и с новым домом — жилищем влюбленных; через десять лет после смерти графа опекуны в него стали пускать жильцов-дачников, но вскоре дорогой памятник для Шереметевых был срыт до основания и сглажен и на место его здесь посажены серебристые тополи.

В Останкине, как говорит биограф Пр. Шереметевой Бессонов, влюбленная чета вздохнула свободнее, подругу графа только видели да знали по слухам, не было у нее тысячи тяжелых связей, заботливо отсюда удаленных.

Граф с Парашей перестал вовсе посещать место дорогих, но щекотливых воспоминаний, мало-помалу все вещи из Кускова были вывезены; перевели также и театральную труппу, и в Останкине повторились те же представления: оркестры музыки, хоры, катанья по прудам с песнями, фейерверки и проч. В Останкине театр был только «домашний», допускались только избранные, меньше

было огласки, более свободы для главной героини.

Граф предпочитал чествовать в Останкине высоких посетителей, как мы уже говорили, императора Павла I, короля польского Станислава Понятовского и др.

Зимою, живя в Петербурге, граф еще меньше делал у себя приемов, на которых редко показывалась Прасковья Ивановна. У графа Николая Петровича не было только парадных праздников, но обычного своего гостеприимства он не покидал, и ежедневный его открытый стол, по обыкновению, был на тридцать и более человек. Садились за этот стол, кто хотел, не только знакомые, но и мало известные хозяину. И. А. Крылов[47] рассказывал князю Вяземскому, что к нему повадился постоянно ходить один скромный искатель обедов, чуть ли не из сочинителей. Разумеется, он садился в конце стола, и, также разумеется, слуги обходили блюдами его как можно чаще. Однажды не посчастливилось ему пуще обыкновенного: он встал из-за стола почти голодный. В этот именно день случилось так, что хозяин, после обеда, проходя мимо него, в первый раз заговорил с ним и спросил: «Доволен ли ты?»

— Доволен, ваше сиятельство, — отвечал он с низким поклоном, — все было мне видно.

В его доме, на Фонтанке, поставлен в саду был деревянный дом, напоминавший собою кусковский «дом в уединении», и здесь уединилась нежно любящая друг друга чета.

Бессонов * говорит, что в Останкине как хозяйку дома Прасковью Ивановну навещал император Павел, признавая этим «совершившийся факт»; еще больше любил и уважал последнюю за ее высокие душевные качества московский митрополит Платон, светило своего времени. Посоветовавшись с добрым своим другом, митрополитом Платоном, «с апробации и благословения его», граф вступил в законный брак.

Бракосочетание в Москве было торжественное, в церкви Симеона Столпника на Поварской[48] 6-го ноября 1801 года; свидетелями при бракосочетании были близкие люди: К. Ан. Щербатов, известный археолог А. Ф. Малиновский[49] и синодский канцелярист Н. Н. Бем — домашний графа; со стороны же невесты друг ее — актриса Т. В. Шлыкова, умершая в 1863 году, 90-та лет. Но брак ее долго сохранялся в тайне, и бедная жена одного из первых богачей и знатных людей не смела при всех назвать его своим мужем. В последние годы супруги жили в Петербурге на Фонтанке в собственном доме; спальня Прасковьи Ивановны находилась близ домовой церкви, и последняя была единственным ее утешением. 3-го февраля 1803 года у ней родился сын Дмитрий, но мать беспрерывно спрашивала о новорожденном, выражала боязнь, чтобы его не похитили, требовала часто к себе и единственно радовалась, заслышав крик его в соседней комнате.

Но дни ее были сочтены, и 23-го февраля 1803 года она скончалась. Погребена она в Невской лавре; над могильной ее плитой видна следующая эпитафия:

Храм добродетели душа ее была,
Мир, благочестие и вера в ней жила.
В ней чистая любовь, в ней дружба обитала и т. д.

Муж заказал портрет лежавшей в гробу графини и надписал девиз покойной: «Наказуя наказа мя, смерти же не предаде мя».

Из спальни граф устроил моленную, или образную, завещав не прикасаться к сей комнате и блюсти ее как святыню; надпись цела посейчас; другая на полу, где скончалась графиня. Вообще весь дом и сад в Петербурге испещрены надписями в ее память и сувенирами: здесь сидела она, здесь проводила приятно время и т. п. На бронзовой доске мраморной тумбы в саду начертано:

Je crois voir son ombre attendrie
Errer autour de ce séjour. J'approche,
mais bientôt cette image cherie
Me rend à mon douleur en fuyant
sans retour...[50]

Тяжка и мучительна была утрата супруги для графа; до самой своей кончины он не мог вспомнить об ней без слез — память о графине увековечена в Москве постройкой Странноприимного дома с больницею и богадельнею, основанного по мысли ее графом Н. Пет. Покойная графиня отличалась широкою благотворительностью; ежегодно по завещанию ее выдается значительная сум-

* 9-й выпуск песней, собранных П. В. Киреевским.

ма сиротам, бедным, убогим ремесленникам, на выкупы за долги и на вклады в церковь. После смерти графини Кусково совсем оскудело — граф еще при жизни ее перевел все оттуда в Останкино, даже зверинец графа оскудел — все ценные его олени были перебраны к столу, а борзые и гончие, как и охотничьи наряды, были проданы разным лицам, славившимся в ту пору охотою.

К довершению всего и сам «Крез меньшой», как тогда называли графа Ник. Пет., скончался в Петербурге 2-го января 1809 года, снедаемый тоской по любимой супруге.

После смерти графа все его имение перешло к единственному его сыну графу Дмитрию Николаевичу (род. в 1803 г., ум. в 1871 г.), не имевшему в то время шести лет.

Его опекуны во время долгой опеки все свозили, уничтожали и продавали даже с аукциона все движимое имение, все памятники, постройки, здания, сооружения и проч., прикрываясь недостатком средств для штата. Нашествие французов на Москву в 1812 году им пришлось тоже кстати. Ссылаясь на посещение неприятелем подмосковных имений Шереметева, они исписали огромные списки вещей, будто бы расхищенных или уничтоженных французами.

После графа Дмитрия Николаевича осталось двое сыновей, а потому по прошествии ста пятидесяти лет огромное богатство графов Шереметевых, ни разу не делимое, подверглось в первый раз дележу между наследниками и выделу вдовьей части.

Говоря о Кускове, нельзя пройти молчанием и села Троицкого[51] графа П. А. Румянцева-Задунайского, которое живо напоминает также блестящие годы царствования Екатерины Великой.

До 1760 года история этой местности не представляет ничего замечательного, но с этого времени, когда оно перешло во владение графа Румянцева, для него настали лучшие годы.

Скоро там сооружена была церковь с двумя колокольнями, выстроен обширный дом, разведен сад, устроены огромные оранжереи, выкопаны пруды и проч. Графиня Мария Андреевна, мать Задунайского, особенно полюбила Троицкое и даже предпочитала его южным поместьям сына.

Август 1775 года особенно памятен для Троицкого; в это время императрица Екатерина II здесь праздновала Кючук-Кайнарджийский мир после своего десятидневного празднества в столице.

По преданию, государыня встретила там великолепный бал и народный праздник. Троицкое в то время представляло роскошную царскую дачу, вроде французского Версаля, где государыню окружал весь блестящий ее двор.

Министры, вельможи, полководцы, иностранные послы, несколько полков гвардии расположены были по окрестным полям и рощам Троицкого; тысячи народа пировали на празднике; для всех был стол и вино полной чашей. Верстах в двух от теперешней фермы старожилы указывали место под названием Столы; здесь праздник продолжался несколько дней.

Для государыни были разбиты роскошные шатры, в одном из них был накрыт обеденный стол; после стола царица слушала музыку, цыганские песни и смотрела на пляску.

Вечером после заревой пушки были иллюминация и фейерверк; по преданию, государыня отослала почетный караул, назначенный для нее, в лагерь за кагульскую ферму, препоручив себя караулить народу, кочевавшему всю ночь в троицких саду и селе.

Государыня, уезжая из Троицкого, изъявила желание, чтобы дом свой в имении граф назвал Кайнарджи в память того, что здесь среди роскошного пира не забыт был и мир с турками. Кагулом же названа ферма, выстроенная в 1797 году графом Ник. Пет. Румянцевым, старшим сыном фельдмаршала. Кагульская ферма в свое время была замечательная; здесь были собраны все русские растения и первые земледельческие орудия и машины. Управлял этой фермой знаменитый агроном Роджер, которому сельскохозяйственное искусство обязано введением особого плуга, изобретенного им.

После 1812 года все это образцовое хозяйство рушилось и луга заросли травой, и былое отошло в область преданий. Младший сын Задунайского Сергей Петрович, впрочем, увековечил эти предания, поставив там памятник, который находится теперь в Фенине.

Вверху его стоит бюст императрицы, а ниже на белом мраморе надпись «Кайнарджи»; под ней змея поднимает го-

лову к трофеям Задунайского, но богиня Мира попирает змею и с пальмой в руке предстоит перед императрицей. На пьедестале памятника надпись: «От Екатерины дана сему месту знаменитость, оглашающая навсегда заслуги графа Румянцева-Задунайского».

В этом селе церковь сооружена в 1774 году графом П. А. Румянцевым, и, подновленная в 1812 году, до войны с французами, она была очень богата; при приближении неприятеля крестьяне, желая спасти церковную утварь, собрали с икон серебро и золото, сняли оклады, лампады и проч., все это зарыли в церкви под пол, за левым клиросом [52], и наскоро заложили плитою.

Но французы нашли клад, и уже через несколько месяцев после изгнания их он был возвращен в Троицкое; одного серебра здесь было более 12-ти пудов. Но недоставало еще многого, в том числе ризы с иконы св. Николая и драгоценного ковчега [53].

На следующее лето случилось поправлять мост, который и теперь существует между Фенино и Троицким на Пехорке, и под ним между свай из-под песку и ила увидали ризу и несколько дней спустя нашли и ковчег, зарытый в неглубокой рытвине, недалеко от села.

В старину в Троицком были лучшие огромные оранжереи, снабжавшие все рестораны и фруктовые лавки столицы редкими фруктами.

ГЛАВА IX

Большое количество садов в древней Москве. — Замоскворецкие сады. — Сад П. А. Демидова. — Заповедные вековые рощи. — Мерзляковский дуб. — Нескучное Орлова и Д. В. Голицына. — Воздушный театр. — Жизнь чесменского героя. — Шванвич. — Сад в Нескучном. — Манеж, карусели. — Алексей Орлов на похоронах Петра III. — Кончина графа. — Заслуги Орлова в деле коннозаводства. — Анекдоты. — Судьба Нескучного после смерти графа Орлова. — Село Остров. — Историческое прошлое этого имени. — Графиня Орлова-Чесменская. — Ее набожность. — Дочь графа Орлова, графиня Анна Алексеевна. — Благотворительность на монастыри. — Ее советник архимандрит Фотий. — Богатство Юрьева монастыря. — Послушница Фотина. — Проделки этой ханжи. — Кончина Фотия. — Могилы Фотия и графини А. А. Орловой-Чесменской. — Судьба села Острова

Москва, по историческим преданиям, всегда красовалась своими рощами и садами. Прямо пред «очами векового Кремля» лежали Садовники [1]; многие столетия смотрел на них Кремль, любуясь их зеленью; оттуда по ветру к нему навевался сладкий запах цветов и трав; там целые слободы заселялись только садоводами; к нему примыкала как бы вдобавок цветущая поляна (нынешняя Полянка) с прудами, рыбными сажалками, с заливными озерами и т. д.

Сады в урочище Садовниках были неприхотливы: в них не было ни регулярности, ни дорожек — одни только неправильные тропинки, и то не везде.

В этих садах вся праздная земля, не занятая деревом, кустом, грядой овощей, шла под сенокос хозяйский. Плоды старых садов московских обыкновенно приносили яблони, вишни, груши, малину, крыжовник (агрыз), смородину черную и красную; с белою смородиною и с земляникою на грядах долго, очень долго никто не был знаком из наших предков (первый в Москве землянику викторию ввел доктор П. Л. Пикулин, в конце сороковых годов). Малинники в то время были очень густы, почти непроходимы, в них захаживал непрошеный гость — косолапый мишка. По краям садов сажались черемуха, рябина, по углам иногда засаживали орешник. От каждого сада, на более сырых местах, тянулись огороды, большею частью капустные.

В числе замоскворецких садов и огородов были также огороды и сады царские. Самый главный царский сад был Васильевский; он от урочища Подкопан [2] подходил по лугам к устью Яузы, там, где теперь Воспитательный дом; этот сад принадлежал Кремлю; его создателем был, если верить преданиям, Василий Дмитриевич, сын Донского. Это был первый садовод из наших великих князей; сад этот примыкал к рекам Москве и Яузе, был орошаем еще и по срединам своим речкой Сорочкою, протекающею через двор некогда Главного архива коллегии иностранных дел [3].

При впадении этой Сорочки в устье рек была и мельница; на холмах Ивановских красовались сосновые рощицы. Татары, разгромив сады замоскворецкие, не коснулись садов Васильевских.

Гроза отца Васильева — Димитрия, уже очень могучая, смирила их своевольство, и в новых садах Васильевских они уже не бывали. Но зато впоследствии тут гарцевали поляки, и разгром постиг и эти сады, точно так, как и замоскворецкие при татарах. Слишком три века спустя после того бóльшая часть лугов Васильевских [4] принадлежала уже богачу Демидову, и на одном из этих лугов построен им Воспитательный дом.

Что же касается до сада строителя этого дома, Прокопия Акинфиевича Демидова, то он в екатерининское время в Москве был единственный: в нем было собрано около 2 тысяч сортов *

* По каталогу, изданному в 1781 г. Палласом, редких ботанических растений в саду П. А. Демидова было 2224 сорта.

одних редких ботанических растений. И по словам академика Палласа[5], который жил целый месяц для описания у Демидова, сад у последнего не имел в России соперника.

Сад Демидова находился за городом у самой Москвы-реки, близ Донского монастыря. Он был разбит в 1756 году; берег реки тогда был совсем неудобен для разбивки сада, и для этого работали здесь над разравниванием почвы целых два года по семисот человек рабочих в день.

Сад имел правильную фигуру амфитеатра; сперва владелец посадил в нем одни плодовые деревья, но потом засадил его ботаническими кустарниками и травянистыми растениями и построил здесь множество каменных оранжерей.

Сад от двора и дома к Москве-реке шел уступами разной ширины и высоты, но длиною везде в девяносто пять сажен; самая верхняя площадка отделялась от двора прекрасною железною решеткою, которая имела около десяти сажен в ширину.

С правой стороны находились гряды с луковичными растениями, и тут же был устроен зверинец для кроликов, которые здесь переносили и зиму на открытом воздухе.

С левой стороны шли каменные грунтовые сараи, парники для ананасов. С уступа вел сход в семнадцать ступеней, выложенных железными плитами. Такие плиты были по всему саду; на второй площадке сада, имеющей более девяти сажен в ширину, находились гряды с многолетними и однолетними растениями, посаженными в грунту и горшках; с левой стороны находились гряды, обнесенные каменною стеною для плодовых дерев, а с правой стороны шли две кирпичные оранжереи, параллельные одна к другой, простирающиеся каждая на десять сажен в длину: одна была для винограда, другая — для рощения семян, а зимою для многолетних растений. Второй сход вел к третьей площадке сада, гораздо большей, чем прежние две. Здесь были две оранжереи шириной во весь сад; в этих оранжереях стояли пальмы и деревья теплых стран.

На четвертой площадке опять были оранжереи. Наконец, пятая площадка сада была самая большая, на ней был большой пруд и птичник, обсаженный деревьями; тут содержались редкие птицы и животные, выписанные из Голландии и Англии. Здесь же стояли карликовые деревья, искусственно выведенные до очень малых размеров, не более аршина или д в у х, — из таких здесь были березка болотная, курильский чай, ракитники и т. д. Для любителей и ботаников хозяином сада было дано дозволение собирать растения и составлять гербарии.

В старину окрестности Москвы славились своими заповедными вековыми рощами, и куда бы ни кинул свой взгляд путник — всюду встречал лесных гигантов. Один из таких вековых обитателей дубрав, впрочем, жив еще посейчас, и проезжий со станции Мытищи может его видеть, хотя он стоит в пяти верстах от железного пути. Этот гигант — вяз, воспетый А. Ф. Мерзляковым[6] более восьмидесяти лет тому назад в известной народной песне:

Среди долины ровные, на гладкой высоте,
Цветет, растет высокий дуб в могучей красоте.
Высокий дуб развесистый, один у всех в глазах,
Один, один, бедняжечка, как рекрут на часах.

Только этот вяз у поэта почему-то назван дубом. Это предание нам передавал один из почтенных московских старожилов.

В конце царствования Екатерины II Москва, по свидетельству иностранцев, представляла какой-то ленивый, изнеженный, великолепный азиатский город, где, как величественные призраки, существовали все те, кто был некогда в силе, и все те, кто был в немилости или считал себя обойденным на известной лестнице почестей.

Все эти разукрашенные призраки былого величия колыхались в своих парадных покоях или двигались в восьмистекольных золотых каретах, запряженных восемью лошадьми, под тяжестию блестящих мундиров, с лентами, с бриллиантовыми ключами и т. д.

В числе таких наших московских призраков златого прошлого в памяти нашей восстает утопающий среди чисто азиатской роскоши генерал-адмирал великой царицы граф Алексей Орлов-Чесменский, который живал в своем Нескучном; рядом с этим селом была дача князя Дмитрия Владимировича Голицына, а за его дачей — дача князя Шаховского. Император Николай купил Нескучное у дочери графа Орлова графини Анны Алексеевны за 800 000 ассигнациями.

Князь Голицын купил часть у Шаховского и принес в дар государю, таким образом, увеличенное Нескучное стало называться Александрией. Александровский дворец — это тот самый дом, в котором живал граф Орлов и давал свои праздники и пиршества для забавы единственной дочери.

В Нескучном долго существовал воздушный театр графа Орлова. Это было не что иное, как крытая большая галерея полукружием, а самая сцена была приспособлена так, что деревья и кусты заменяли декорации.

Еще в двадцатых годах нынешнего столетия два раза в неделю здесь бывали представления, по окончании которых пускали фейерверк.

Герой чесменский доживал свой громкий славой век в древней столице; современник его С. П. Жихарев говорит: «Какое-то очарование окружало богатыря Великой Екатерины, отдыхавшего на лаврах в простоте частной жизни, и привлекало к нему любовь народную. Неограниченно было уважение к нему всех сословий Москвы, и это общее уважение было данью не сану богатого вельможи, но личным его качествам».

Граф А. Г. был типом русского человека могучей крепостью тела, могучей силой духа и воли; он с тем вместе был доступен, радушен, доброжелателен, справедлив и вел образ жизни на русский лад, тяготея ко вкусу более простонародному; эти-то качества и покоряли сердца всех московских жителей.

Другой современник графа, заслуженный профессор Московского университета П. И. Страхов, вот как описывает появление графа на улицах столицы:

«И вот молва вполголоса бежит с губ на губы: «Едет, едет, изволит ехать». Все головы оборачиваются в сторону к дому графа А. Г.; множество любопытных зрителей всякого звания и лет разом скидают шапки долой с голов, а так, бывало, тихо и медленно опять надеваются на головы, когда граф объедет кругом.

Какой рост, какая вельможная осанка, какой важный и благородный и вместе добрый, приветливый взгляд! Такое-то почтение привлекал к себе любезный москвичам боярин, щедро наделенный всеми дарами: и красотой, и силой разума, и силой телесной».

Про Алексея Орлова говорили, что физическая его сила была настолько велика, что он гнул подковы и свертывал узлом кочергу. Про него рассказывали, что еще в юношеские свои годы только один человек в Петербурге мог одолеть его силой, это был лейб-кампанец Шванвич, отец того Шванвича, который пристал к Пугачеву и сочинял для него немецкие указы. Раз в доме виноторговца Юберкампфа, на Большой Миллионной улице в Петербурге, оба силача встретились. По рассказам, Шванвич справлялся всегда с Алексеем Орловым, но когда братья были вдвоем, то Орловы брали верх. Разумеется, они часто сталкивались друг с другом; когда случалось, что Шванвичу попадался один из Орловых, то он бил Орлова, когда попадались оба брата, то они били Шванвича. Чтобы избежать напрасных драк, они заключили между собою условие, по которому один Орлов должен был уступать Шванвичу и, где бы ни попался ему, повиноваться беспрекословно, двое же Орловых берут верх над Шванвичем, и он должен покоряться им также беспрекословно. Встретившись, как уже мы сказали, в трактире с Орловым, Шванвич овладел биллиардом, вином и бывшими с Орловым женщинами. Он, однако ж, недолго пользовался своей добычей; вскоре пришел в трактир к брату другой Орлов, и Шванвич должен был, в свою очередь, уступить биллиард, вино и женщин. Полупьяный Шванвич хотел было противиться, но Орловы вытолкали его из трактира. Взбешенный этим, он спрятался за воротами и стал ждать своих противников. Когда Алексей Орлов вышел, Шванвич разрубил ему палашом[7] щеку и убежал. Удар пришелся по левой стороне рта; раненый Орлов был тотчас отнесен к вблизи жившему здесь лейб-медику принца Петра, племяннику знаменитого Боергава Герману Кааву; удар, нанесенный нетвердой рукой, не был смертелен. Орлов отделался продолжительною болезнью, но шрам остался на щеке, отчего Алексей Орлов и получил прозвание со шрамом (le Balafré (*фр.*) — меченый).

Позднее, когда Орловы возвысились, они могли бы погубить Шванвича, но они не захотели мстить ему; он был

назначен кронштадтским комендантом и стараниями Орлова смягчен был приговор над его сыном, судившимся за участие в пугачевском бунте.

Алексей Орлов в молодости был победителем не только на каруселях, но всегда выходил победителем в кулачных боях и в состязаниях со всеми тогдашними рубаками.

Алексей Орлов был самым деятельным из братьев во время вступления императрицы Екатерины на престол. В ночь перед решительным днем он вместе с Бибиковым[8] приехал в Петергоф, разбудил государыню и отвез ее в Петербург, исполняя должность кучера.

От быстрой езды лошади скоро были замучены; на дороге он встретил мужика с возом сена, у которого была свежая лошадь; Орлов предложил ему поменяться с ним, но последний отказался. Орлов вступил с ним в драку, осилил его, выпряг его лошадь и оставил ему свою замученную. Подъезжая к столице, путники встретили саксонца Неймана, которого тогда посещали многие молодые люди, и в том числе Орловы; Нейман, увидя своего друга Алексея, закричал ему по-приятельски:

— Эй, Алексей Григорьевич, кем это ты навьючил экипаж?

— Знай помалкивай, — отвечал Орлов, — завтра все узнаешь.

Впоследствии граф Алексей Орлов был вознагражден государыней больше всех своих братьев; к его обогащению тоже немало послужили и те морские призы, которые он захватил во время войны с турками. На его морскую экспедицию Екатериною было отпущено в его безотчетное распоряжение около 20 000 000 рублей и современники уверяют, что значительная часть этой суммы перешла в его собственность.

Мы видим из истории, как он щедро и безрассудно распоряжался казенным добром. Так, чтобы представить страшное и величественное Чесменское сражение на четырех заказанных им картинах живописцу Гекерту, с различных точек зрения и в четыре последовательных момента, он взорвал на воздух близ Ливорно старое военное судно. Эти картины висят в Петергофском дворце, а гравюры с них сделаны на меди английским художником.

А. А. Орлова-Чесменская. С портрета, находившегося в новгородском Юрьевском монастыре

Граф Алексей Орлов, живя в Москве, любил выставлять свои богатства и свои знаки отличия перед изумлявшеюся толпою. Орлов, в конце царствования Екатерины, был одним из четырех сановников, имевших через плечо ленту ордена[9] Георгия Победоносца *. Выезды Алексея Орлова на гуляньях в Москве были необыкновенно пышны и торжественны.

Сад графа в Нескучном был расположен на полугоре, разбит на множество дорожек, холмов, долин и обрывов и испещрен обычными постройками в виде храмов, купален, беседок. Березовая кора стала, кажется, у него у первого употребляться на украшение для садовых построек, как об этом передают иностранцы.

Все памятники и постройки в этом

* Остальные кавалеры большого военного ордена Георгия Победоносца (лента через плечо) были: Суворов, адмирал Чичагов и фельдмаршал Репнин. Павел I никогда не носил его; он не получил его, бывши наследником престола, а став императором, не хотел носить его.

году напоминали подвиги и победы графа А. Г. Орлова. Летом ни одного праздника, ни одного воскресенья не обходилось без того, чтобы в саду графа не было каких-либо торжеств и празднеств. Представления на театре графа давались в его похвалу и прославленье. Образы Петра I, Екатерины II и Алексея Орлова по странному сопоставлению сменялись один другим, и хоры величали в хвалебных гимнах подвиги победителя турок. Самого графа представляли актеры в образе бога войны.

В манеже его Нескучного постоянно устраивались карусели[10], и не только вся аристократическая молодежь, но и дочь его, графиня Анна Алексеевна, со своими сверстницами, участвовала в них. Она изумляла зрителей, выдергивая на всем скаку копьями ввернутые в стены манежа кольца, а также срубая картонные головы с надетыми на них чалмами и рыцарскими шлемами.

Из сверстниц молодой графини здесь отличались княгини: Урусова (урожденная Хитрово), Гагарина, Н. Ф. Четвертинская, В. Ф. Вяземская и Щербатова. В этом же манеже ездил по утрам для моциона наш молодой историк Н. М. Карамзин.

Граф Орлов жил в Москве после смерти своего брата Григория; говорят, Орлов не мог выносить князя Потемкина. Спустя несколько лет, летом 1791 года граф приехал в Петербург для присутствования в Петергофе на празднествах в день восшествия на престол. На празднестве граф был угрюм и недоволен; после праздников граф уехал обратно в Москву и, пока жива была Екатерина II, никогда уже не приезжал в Петербург.

По смерти государыни Алексей Орлов обязан был посетить Петербург при совершенно иных обстоятельствах, чем прежде. Император Павел вступил на престол и тотчас же вызвал графа Алексея Орлова в Петербург.

Легко себе представить, с каким тяжелым чувством он уехал из Москвы и прибыл в Петербург, чтобы явиться перед очи императора. Аудиенция происходила при закрытых дверях; слышен был только горячий разговор. Граф вышел из кабинета императора сильно прихрамывая; Орлов в то время страдал подагрой.

Спустя несколько дней, при погребении императора Петра III, его видели еще больше хромавшим. При торжественном принятии праха Петра III из Александро-Невского монастыря и перенесении из монастыря в императорский Зимний дворец и из дворца в крепость граф должен был идти перед гробом и нести императорскую корону. Не нужно быть очень чувствительным, как говорит очевидец этого случая Гельбиг, чтобы содрогнуться, живо представив себе настроение, в котором должен был находиться Орлов.

«Один из первых чинов при императорском дворе, уже в глубокой старости и в болезненном состоянии, он должен был сделать пешком трудный переход более чем в три четверти часа и на всем этом пути был предметом любопытства, язвительных улыбок и утонченной мести!» После погребения императорской четы, Петра III и Екатерины II, Орлов должен был немедленно уехать, что он охотно и исполнил. При коронации в Москве, когда новый император прибыл в столицу, Орлов с трудом получил разрешение ехать за границу и отправился в Дрезден.

Граф хотел навсегда поселиться в Саксонии и здесь торговал себе поместье, но саксонское правительство, не желая ссориться с тогдашним русским двором, крайне чувствительным к малейшим оскорблениям, постаралось отклонить его от намерения купить имение.

По смерти императора Павла граф возвратился в Москву, где и умер в 1808 году; Орлов скончался в самый рождественский сочельник, и день отпевания тела его был днем сетования целой столицы. Графа отпевали в церкви Положения риз господних, близ Донского монастыря. При выносе гроба сотни тысяч людей, с открытыми головами и со слезами на глазах, творили молитву, а крепостные люди плакали навзрыд.

Так любили москвичи графа за его приветливость и благотворительность. В день похорон графа восьмидесятилетний сержант, чесменский герой тоже, Изотов, тридцать лет служивший в доме графа Орлова и спасший ему однажды жизнь, был в числе провожавших тело, помогал опустить гроб в могилу и тут же мгновенно умер. Дома графа сохранились в целости от неприятельского разорения в 1812 году; в старом доме,

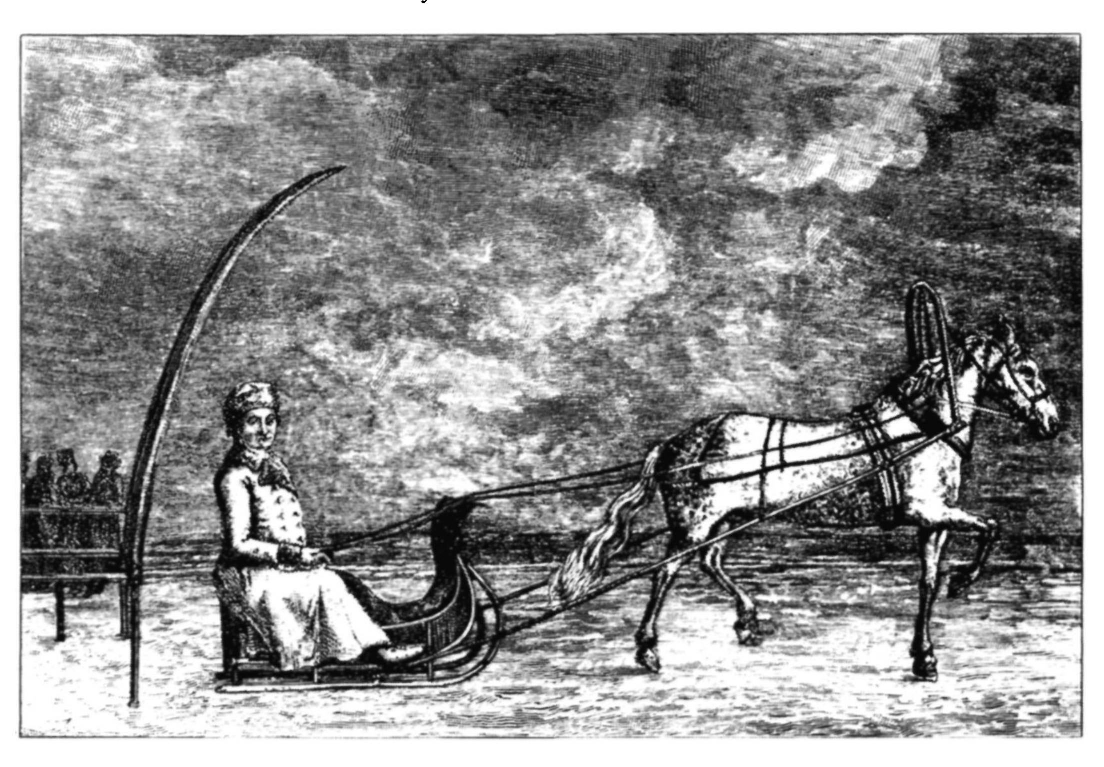
где всегда живал покойный, устроена была городская больница; другой, новый дом сделался царским дворцом; его любимые имения, село Остров и село Хреновое, поступили в состав государственных имуществ.

По смерти графа был уничтожен один его бег под Донским и две китовые кости тогда же поступили в Московский университет: последние тоже уцелели от пожара 1812 года и сохраняются посейчас.

Граф А. Г. Орлов, как известно, знаменит также своими заслугами в деле российского коннозаводства — почин кровного коннозаводства и тесно связанного с ним скакового дела положен им в Москве в 1785 году.

Граф в этом году завел в столице публичные скачки на призы, ранее того выписал из Англии лучших скакунов и из Аравии — редких производителей. Известный знаток конского дела П. А. Дубовицкий говорит, что орловский рысак усовершенствован был графом по строго задуманному им плану, причем он доказал фактами, ссылаясь на другие заводы наших вельмож (и особенно на обширный Серебряно-Прудский завод графа Шереметева), имевшие те же богатые и разнообразные типы всех европейских и азиатских пород, что хотя они и производили весьма хороших лошадей, но не имели определенного типа, какой выработал граф Орлов, а потому все произведения этих громадных заводов исчезли бесследно.

Через искусное сочетание арабской и английской крови граф вывел и тип верховой лошади — такой тип, какой известен в лице его знаменитого Свирепого, который не гнулся под девятипудовым богатырем-вельможей, когда он, залитый золотом и бриллиантами, красовался на гуляньях в Москве, выезжая в пышных поездах с огромной свитой, составлявшею нечто среднее между восточною роскошью

А. Г. Орлов-Чесменский, проезжающий своего рысака Барса. С весьма редкой гравюры того времени

и средневековою торжественностью рыцарских турниров.

Проживая все царствование императора Павла I в Дрездене, граф и там удивлял немцев своими выездами; особенно любовались последние его кобылами Арфой и Амазонкой; другие любимые его две лошади были Потешный и Каток: первую граф подарил князю Голицыну, а второй по наследству достался генералу Алексею Алексеевичу Чесменскому.

До самого нашествия Наполеона они не переставали по зимам спорить между собою на москворецком беге и, при всей своей старости, не встречали себе соперников. Граф помимо лошадиной охоты имел и псовую для истребления волков, тревоживших его табуны; граф сам вел собственноручно родословные своих собак; у него также были почтовые голуби, летавшие с письмами в его Хатунскую волость за 70 верст из Москвы.

Известны еще посейчас орловские бойцовые гуси, а также и орловские канарейки с особенным напевом. По рассказам, граф был необыкновенно хлебосолен и приветлив.

К его обеду ежедневно могли приезжать находившиеся в Москве дворяне, хотя бы с ним и незнакомые, но для этого они должны были быть в дворянском мундире. Если же приехавший незнакомый был в партикулярном платье, тогда граф спрашивал у него: «От кого вы, батюшка, присланы?» — и когда незнакомец называл себя, тогда граф извинялся, что не разглядел, ибо по старости уже плохо видит.

Этим граф давал разуметь, что всякий, но только русский, дворянин имеет право на его хлебосольство. По воскресеньям у него обедало от 150 до 300 человек.

Со смертью графа Алексея Орлова его Нескучное пришло в упадок. Дочь его, графиня Анна Алексеевна, была так потрясена потерей отца, что дала обет перед образом не знать уже более никаких светских удовольствий.

Узнав о кончине отца, она впала в обморок, в котором пробыла четырнадцать часов. Нескучное в тридцатых годах, по словам бытописателя Москвы, было таким местом, где порядочные люди боялись прогуливаться.

Сад Нескучного сделался сборным местом цыган самого низкого разряда, отчаянных гуляк «в полуформе», бездомных мещан, ремесленников и лихих гостинодворцев, которые по воскресным дням приезжали сюда пропивать на шампанском и полушампанском барыши всей недели, гулять, буянить, придираться к немцам, ссориться с полуформенными удальцами и любезничать с «дамами».

Вот как рисует там картину гуляющих Загоскин:

«На каждом шагу здесь встречались с вами купеческие сынки в длинных сюртуках и шалевых жилетах и замоскворецкие франты в венгерках [11]; не очень ловкие, но зато чрезвычайно развязные барышни в кунавинских шалях, накинутых на одно плечо, вроде греческих мантий. Вокруг трактира пахло пуншем, по аллеям раздавалось щелканье каленых орехов, хохот, громкие разговоры, разумеется, на русском языке, иногда с примесью французских слов нижегородского наречия: «Кома н ву портеву требьян! бон жур! мон шер!» и т. д.

Изредка вырывались фразы на немецком языке, и можно было подслушать разговор какого-нибудь седельного мастера с подмастерьем булочника, которые, озираясь робко кругом, толковали между собою о действиях своего квартального надзирателя, о достоверных слухах, что их частный пристав будет скоро сменен, и о разных других политических предметах своего квартала.

С изгнанием цыганских таборов из Нескучного и уничтожением распивочной продажи все это воскресное веселое общество переселилось в разные загородные места, и в особенности в Марьину рощу [12].

У графа Алексея Григорьевича Орлова было еще другое подмосковное село — Остров [13], лежащее от столицы в 12 верстах. Село это некогда было известно под именем Дворцового села; оно уже в 1328 году в духовной грамоте Ивана Даниловича Калиты упоминается.

Затем известно, что при царе Василии Ивановиче здесь стоял княжеский терем; в 1547 году здесь живал еще молодой грозный царь Иван Васильевич, и здесь, по сказаниям псковского летописца, во время петрова поста, когда к нему пришли посланные от псковичей 70 человек выборных с жалобою на своего наместника князя Турунтая Пронского, государь, не выслушав и не разобрав дела, «разгневался на псковичей, обливал

вином горячим, палил бороды и волосы, да свечу зажигал и повелел их покласти нагих на землю; и в ту пору на Москве колокол-благовестник напрасно (неожиданно) отпаде и государь пойде к Москве, а жалобников не истял (не погубил)».

Позднее видим, что царь Алексей Михайлович ходил в поход в село Остров: тишайший государь останавливался в Острове, когда ходил в монастырь у Николы на Угреше. После село Остров принадлежало при Петре всесильному тогда вельможе князю Меншикову, и уже при императрице Елисавете Петровне оно приписано было к комнате великого князя Петра Феодоровича. Императрица Екатерина II всемилостивейше пожаловала его графу А. Г. Орлову в потомственное и вечное владение; в год пожалования, в 1767 году, в сентябре месяце, почтил своим посещением нового владельца великий князь Павел Петрович, где и кушал в доме графа.

В 1782 году, 6-го мая, граф А. Г. праздновал в селе Острове свое бракосочетание с девицею Евдокиею Николаевною Лопухиной. Почти вся Москва была свидетельницею торжества, продолжавшегося несколько дней.

Молодая Лопухина вступила в брак 20 лет; при красивой наружности она отличалась добродушием и приветливостью, была набожна, не пропускала церковного служения не только в праздники, но и в обыкновенные дни; молодая графиня не любила нарядов и никогда не надевала бриллиантов. Через три года, 2-го мая, родила она дочь Анну и через год, 20-го августа, при рождении сына Иоанна, скончалась сама графиня Евдокия Николаевна, в Москве, на 25-м году.

Граф Иван Орлов-Чесменский был зачислен в Преображенский полк, но через год тоже умер. Чесменский герой проводил лето обыкновенно в Острове. Старожилы рассказывали, что с самых юных лет дочь его удивляла всех своею набожностью и, несмотря на равнодушие и даже холодность отца ее в деле веры, нимало не охладевала, так что в то время как съехавшиеся гости наполняли дом отца, молодая графиня тайком убегала в церковь к вечерне, так как это было удобное время ускользнуть от внимания имевших над нею надзор.

Архимандрит Фотий. С портрета, приложенного к 1-му тому «Русских деятелей», изд. «Русской старины»

Сперва о ней весьма тревожились, но впоследствии знали уже, где ее отыскивать, шли в церковь и находили там молящеюся. В Острове церковь была вблизи дома, и молодая графиня убегала туда, не будучи никем замеченною.

После смерти отца двадцатидвухлетняя графиня осталась одна наследницею всех богатств графа — ежегодный доход наследницы простирался до 1 000 000 рублей, стоимость ее недвижимого имения, исключая бриллиантов и других драгоценностей, ценившихся на 20 000 000 рублей, доходила до 45 000 000 рублей. Очень понятно, что у такой богатой наследницы было немало женихов.

В числе последних был граф Воронцов и сын фельдмаршала Каменского граф Николай Михайлович. По словам биографа графини Елагина *, Анна Алексеевна посвятила себя жизни уединенной, близкой к отшельничеству и, несколько лет спустя по смерти отца, поехала на богомолье в Киев, а потом в Ростов; здесь во время поклонения мо-

* См. «Жизнь графини Анны Ал. Орловой-Чесменской», соч. Н. Елагина. СПб., 1853 г.

щам св. Дмитрия познакомилась она с гробовым иеромонахом Анфилохием. Графиня избрала его своим духовником, но он вскоре скончался. Тогда Орлова желала найти себе другого руководителя и обратилась к епископу пензенскому Иннокентию за советом; тот указал ей на Фотия [14]. Для знакомства с последним Орлова покинула родную Москву и переехала в Петербург. Здесь она искала два года случая сблизиться с ним, но последний, опасаясь влияния ее знатности и богатства на свое убожество, тщательно уклонялся от нее. Орлова познакомилась с Фотием только по переводе его в Юрьев монастырь.

Графиня купила поблизости этого монастыря у тамошнего помещика В. И. Семеновского за 75 000 рублей небольшую усадьбу и построила для себя дом на том месте, где, по преданию, некогда стоял древний монастырь св. Пантелеймона.

Жизнь вблизи монастыря Фотия на первое время, однако, не удалила графиню от большого света. Она ездила в Петербург и Москву, делала приемные вечера для избранного общества и не покидала и двор, где числилась камер-фрейлиной, и ездила с императрицею Александрой Феодоровной на коронацию в Москву, затем в Киев, в Варшаву и Берлин, и все это время графиня оставалась светской женщиной. Мисс Вильмот, известная приятельница княгини Дашковой, рассказывает, что граф Чесменский устраивал у себя праздники единственно для дочери и что последняя была всегда героинею праздников. Орлова была очень грациозна и легка в танцах, и все присутствовавшие невольно любовались ею.

По желанию отца и для удовольствия гостей она плясала танец с шалью, с тамбурином, казачка, цыганку, русскую и проч. При этом две служанки выполняли вместо нее фигуры, считавшиеся недовольно приличными для молодой графини, а гости составляли около нее благоговейный круг.

По словам Вильмот, после каждого танца графиня подбегала к восхищенному отцу, чтобы поцеловать у него руку. Графиня впоследствии впала в пиетизм [15] и в течение своей двадцатипятилетней жизни вблизи Юрьева монастыря отличалась строгою подвижническою жизнию, держала пост, соблюдая его по-отшельнически, например, в первую неделю поста ела одну просфору, а в продолжение страстной недели ела только однажды в великий четверток.

Елагин, сообщая о такой аскетической жизни Орловой, говорит, что это она делала под руководством Фотия. Графиня Анна Алексеевна Орлова-Чесменская и архимандрит Фотий, как верно замечает П. Бартенев *, суть лица вполне исторические. Их жизнь и деятельность служили противовесом тому вероисповедному безразличию, которое господствовало в русском образованном обществе, не столько по влиянию философии XVIII века, сколько вследствие того, что Россия сделалась убежищем для французских эмигрантов.

Строгий подвижник Фотий умел придать вес себе в высших кружках тогдашнего распущенного общества, он имел доступ во дворец, обличал сильных мира и поднял значение русского духовенства, до того тогда униженного, что издавались даже распоряжения, чтобы помещики подносили священникам и причту, приходящим со святынею, лишь определенное количество рюмок водки.

Юрьевский архимандрит Фотий, сын дьячка в приходской церкви в Новгородском уезде, по фамилии Спасский, в мире Петр Никитич, родился в 1792 году, получил образование сперва в новгородской, потом в петербургской семинарии и в духовной академии, впрочем, болезнь груди не дала ему возможность окончить полного курса — двадцати пяти лет он был пострижен в монахи и на третий год по пострижении рукоположен в иеромонахи [16] и в том же году был назначен законоучителем и настоятелем во втором кадетском корпусе; с воспитанниками Фотий был крайне строг и в домашней жизни воздержан чрезвычайно.

Уверяли, что он питался одним чаем — жил тогда Фотий в самой убогой квартирке на Петербургской стороне, в одном из самых глухих переулков. Фотий отличался крайне болезненным, истощенным видом, смотрел исподлобья; он последние годы своей жизни носил на теле вериги [17], от которых у него были зловонные язвы.

* См. «Русский архив», 1878 г., с. 292.

Площадь в Москве в конце XVII столетия. С гравюры того времени (из «Путешествия Олеария»)

Фотий спал на каменной кушетке, покрытой волосяной тканью. Проповеди его по воскресным дням отличались самым строгим аскетизмом.

На второй год своего законоучительства в корпусе Фотий за отличие был назначен иеромонахом в Невскую лавру [18] и два года спустя рукоположен в игумены новгородского третьеклассного Деревяницкого монастыря. Удаление свое из Петербурга Фотий приписывал козням тайных богопротивных обществ и врагов церкви христовой. Фотий был самым яростным изобличителем сект, которым покровительствовал сильный тогда А. Н. Голицын [19]. Фотий считал последнего главным виновником всех церковных смут.

Князь Голицын, как и многие из важных лиц того времени, дорожил тем, что после времен неверия и безбожия явилось религиозное чувство, религиозное возбуждение, хотя бы и в неправильном виде; он надеялся, что это движение, будь оно даже и неправильное, обратится в пользу господствующей церкви. А. Н. Голицын, уважая всех сектантов, уважал и православных в их религиозном чувстве: форма для него не значила в деле религии ничего.

Фотий яро, с исступлением восстал против сильных в то время приверженцев так называемой внутренней церкви; он не хотел вступать в сделку и не хотел выжидать; он, как человек энергичный, пошел напролом вперед.

Эта-то черта его характера и вызвала в графине Орловой безграничную преданность к нему и уважение, выразившиеся тем, что она предоставила ему все свое колоссальное состояние. После Деревяницкого монастыря Фотий был переведен в Сковородский монастырь и отсюда в том же 1822 году Фотий, за примерное поведение и за исправление двух монастырей, переведен был настоятелем первоклассного Юрьева монастыря; с переходом сюда и начинается историческая деятельность Фотия.

По свидетельству одних, Фотий был фанатиком, другие видели в нем лицемера, а третьи считали его клевретом [20] Аракчеева.

Вот характеристика Фотия, сделанная самой графиней Орловой, когда один близкий к ней человек спросил ее, что вас привлекло к Фотию? «Он возбудил мое внимание тою смелостию, тою неустрашимостию, с какою он, будучи законоучителем кадетского корпуса, молодым монахом, стал обличать господствовавшие заблуждения в вере. Все было против него, начиная со двора; он не побоялся этого; я пожелала узнать его и вступила с ним в переписку; письма его казались мне какими-то апостольскими посланиями, в них был особый язык, особый тон, особый дух. Узнав его ближе, я убедилась, что он лично для себя ничего не искал: он распоряжался для других моим состоянием, но себе отказывал во всем; я хотела обеспечить бедных его родных, он мне и этого не позволил».

Не одна графиня Орлова в то время была увлечена Фотием, но и Аракчеев, и Шишков[21] были его поклонники, портрет Шишкова во весь рост стоял в парадной зале Фотия.

При поступлении Фотия в Юрьев монастырь эта обитель была самая бедная, пришедшая в совершенную ветхость. Фотий выпросил у императора Александра I для поддержания монастыря ежегодно по 4000 рублей.

Но монастырь обогатился не этим вкладом — несколько миллионов было пожертвовано графиней Орловой для возобновления его; по словам Е. Карновича *, одна только серебряная рака[22] для мощей св. Феоктиста стоила ей свыше 500 000 рублей. В настоящее время это один из замечательнейших и богатейших русских монастырей как по своей обстройке, так и по богатейшим в нем сокровищам.

Серебро, золото, бриллианты, рубины, сапфиры, изумруды, жемчуг и разные драгоценные в художественном отношении вещи напоминают как о несметных богатствах Орловой, так и о безграничности ее пожертвований. Даже по смерти Фотия на Юрьев монастырь графиня Орлова внесла более полумиллиона рублей. Благодаря таким пожертвованиям Юрьев монастырь в народе стал слыть богатым, и странники, и странницы начали усердно его посещать, находя там более чем сытную пищу; съестные припасы по распоряжению Орловой подвозились в монастырь целыми обозами.

Для более далеких богомольцев в монастыре были устроены гостиницы, а также для больных — больницы. Особенно много приходило сюда так называемых «бесных» больных — от духов нечистых, которых отчитывал сам архимандрит Фотий.

Много шуму наделал в свое время один случай, имевший место в монастырской больнице. Однажды сюда явилась молодая девушка, Фотина, служившая фигуранткой[23] в петербургском балете; не предвидя себе хорошей будущности на театре, она вздумала играть видную роль в другом месте. Придя в больницу, она объявила себя одержимой нечистым духом, Фотий принялся отчитывать ее. После заклинательных молитв при конвульсивных движениях раздались крики: «Выйду, выйду!» — и затем девица впала в беспамятство. Придя в чувство, она объявила себя освобожденною от беса. Ей отвели помещение подле монастыря.

Фотий об ней заботился; скоро она начала рассказывать, что ей бывают видения и что она на молитвах по ночам удостоивается особых озарений. Фотий хотя и верил, но желал убедиться точнее и не раз ночью посылал своего молодого келейника за монастырь подсматривать, что делает исцеленная девица. Всякий раз он получал известие, что она молится, что в ее комнате виден какой-то необыкновенный свет, что она в молитве как бы отделяется от земли.

Очень понятно, что молодой келейник сошелся с бывшей фигуранткой. С первого появления ее сюда Орлова получила против нее предубеждение, считала ее обманщицей и не раз предостерегала Фотия от нее, говоря: «Не верь ей, батюшка, она обманывает тебя, ей, верно, хочется денег; отдай ей хоть половину моего состояния; ты себе делаешь бесчестие, держа ее и лаская».

Правда, Фотий ласкал ее, как родное дитя, и это возбуждало толки. Фотина убедила Фотия, что для отвращения гнева божия нужно, чтобы живущие в окрестностях монастыря девицы собирались на вечернее правило в монастырь и, одетые в одинаковую одежду с иноками, совершали молитву.

Говорили, будто Фотина явилась в куполе церкви одетая в такую одежду, как бы для указания. Фотий, устроив такие хитоны[24], стал приглашать соседних девушек на молитву и приходящих щедро оделял деньгами.

Охотниц являлось все более и более; из военных поселений стали приходить почти все девицы. Эти сборища не обходились без непорядков. Молва и говор, полный ропота, несмотря на денежные раздачи, распространились по окрестностям и дошли до губернатора. Он лично хотел удостовериться в справедливости слухов и приехал во время вечернего правила в монастырь.

Но в это время ворота монастыря запирались и губернатора не пустили. Губернатор сказал архиерею, для которого не могли не отпереть ворот, и последний положил конец этим собраниям. Графиня Орлова уговорила Фотия

---

* См. ст. «Архимандрит Фотий». «Рус. стар.», 1875 г., т. XIII, с. 308.

удалить Фотину, и он отправил ее в федоровский Переяславский монастырь. Фотина, щедро наделенная деньгами от Фотия, уехала в монастырь.

Менее чем через год после смерти Фотия Фотина оставила монастырь и вышла замуж за своего кучера и от дурного обращения с нею мужа вскоре умерла.

Фотий умер в 1838 году на руках графини Орловой и был погребен торжественно в Юрьевском монастыре в пещере подле самой церкви Похвалы Богородицы.

В этой усыпальнице у подножия креста стоят два мраморных гроба с мраморными запаянными крышами. На одном белом гробе сделана по серебрükованому покрову надпись: «Здесь покоится прах в бозе почившего 1838 г., февраля 26 дня, в час пополунощи, и погребенного в девятый день, 6 марта, настоятеля-благодетеля и возобновителя святые обители сея преподобного отца священно-архимандрита Фотия».

На другом, темноватом гробу сделана на бронзовой доске следующая надпись: «Здесь покоится прах графини Анны Алекс. Орловой-Чесменской, камерфрейлины двора ее императорского величества и кавалерственной дамы ордена св. Екатерины меньшого креста. Родилась 2-го мая 1785 года, скончалась 5-го октября 1848 года». Графиня Анна Алексеевна пережила Фотия на десять лет; она умерла скоропостижно на 64-м году от рождения, в келье настоятеля Юрьева монастыря, собравшись выехать оттуда в Петербург.

Графиня Орлова предполагала в селе своем Острове устроить женскую обитель и при ней богоугодные заведения, но от этого отговорил ее тамошний священник отец Никифор, бывший очень нерасположенным к монашеству. Орлова живала в селе Острове после смерти своего отца.

Усадьба там была раскинута на тридцати двух саженях; здесь был обширный дом и превосходный сад, расположенный по холмам и скатам с удивительным разнообразием и украшенный множеством беседок и павильонов, существовавших еще в недавнее время. Графиня еще при жизни продала свои имения в казну, в числе которых и Остров поступил в ведомство министерства государственных имуществ.

В 1868 году, спустя двадцать лет после смерти графини, островский дом, манеж и некоторые еще бывшие там здания, начинавшие приходить в упадок, решено было продать с торгов, и Угрешский монастырь, лежащий поблизости к Острову, нашел выгодным купить их.

В 1869 году Угрешский монастырь посетил митрополит московский Иннокентий. Прохаживаясь по площадке угловой башни, примыкающей к настоятельским келиям, и обозревая окрестности обители, он стал расспрашивать настоятеля о названии селений, видимых через ограду с высоты площади. Упомянув при ответах владыке об Острове, настоятелю пришло на мысль рассказать о неисполнившихся желаниях графини, и, говоря об обширных островских постройках, давно уже совершенно пустых, он выразил, между прочим, мнение, что хорошо было бы воспользоваться этими зданиями для какого-нибудь богоугодного заведения.

Это случайное замечание настоятеля породило в уме митрополита мысль на самом деле воспользоваться, если это только возможно, существующими в Острове строениями на учреждение там богадельни для престарелых и немощных лиц белого духовенства московской епархии. Владыко вошел в сношение с министром государственных имуществ, прося его исходатайствовать высочайшее соизволение на пожалование села Острова духовному ведомству для устроения там богадельни, и в мае 1870 года село Остров с постройками всемилостивейше было безвозмездно пожаловано духовному ведомству, и спустя год здесь помещена была богадельня в квадратном одноэтажном здании, имеющем посредине двор.

При графине Орловой это был графский скотный двор, впоследствии преобразованный в училище. Таким образом, странными путями, хотя и не при жизни Орловой, исполнились ее желания. Островский дом и другие строения, принадлежавшие ей и купленные Угрешским монастырем, употреблены совершенно соответственно ее желаниям.

ГЛАВА X

Разорительная роскошь вельмож. — Щедрость императрицы Екатерины II. — Доходы государства. — Случайные люди. — И. Н. Корсаков. — Азартные игры. — Великосветские менялы и торгаши драгоценностями. — Многочисленные дворни помещиков. — В. В. Головин и его сын. — Публикация о продаже людей. — Покупка Екатериной имения Черная грязь. — Царский питомник. — Аптекарский сад в Москве. — Прогулки царицы. — Рассказ о князе Кантемире и о покупке Царицына. Кантемир, молдаванский господарь. — Его сыновья князь Антиох и князь Сергей. — Первые постройки в Царицыне. — Работы архитектора В. И. Баженова. — Дворец Царицынский. — Пруды. — Увеселительные постройки. — Выбор невест царем Алексеем Михайловичем. — Наталья Кирилловна Нарышкина. — Опала на Нарышкиных. — Царь Феодор. — Царица Агафья Семеновна. — Усыпальница рода Нарышкиных. — Каменные палаты Нарышкиных в Белом городе. — Александр Львович и Семен Кириллыч Нарышкины

В век Екатерины II наша русская знать приобрела большую склонность к разорительным роскошным празднествам; еще императрица Анна Иоанновна сильно развивала страсть к роскоши у своих придворных; в ее время было запрещено даже два раза являться ко двору в одном и том же платье; у жены Бирона было одно платье, унизанное жемчугом и стоившее 100 000 рублей; гардероб жены Бирона тогда ценился в полмиллиона, а одних бриллиантов у ней было на 2 миллиона.

В такой разорительной роскоши историки справедливо видят сознательную цель верховника Бирона — систематически разорить наше высшее дворянство.

В таком недобром стремлении разорить нашу знать едва ли мы можем заподозрить Екатерину II; из дошедших примеров мы видим, как щедра была императрица к своим приближенным.

Так, известный Ив. Ник. Корсаков [1], когда он «вышел из случая», имел денег около 2 500 000 рублей. У него в деревне в доме не только слуги, но и люди гостей пивали шампанское. Гостей у него ежедневно бывало не менее восьмидесяти человек. Ив. Ник. Корсаков начал военную службу сержантом в конной гвардии — он был капитаном в кирасирском полку, когда Потемкин назначил его, в числе трех лиц, в кандидаты на звание флигель-адъютанта к императрице, на место только что уволенного Зорича; первые два были: Бергман — лифляндец и Ронцов — побочный сын графа Воронцова. Корсаков обладал необыкновенно изящной фигурой, но, в сущности, он был более любезен, чем красив: по словам Гельбига, его внешность была так изящна и прелестна, что подобное редко встречается.

Этот внешний лоск его скоро пропал. Легкомыслие и доброта составляли главные черты его характера; он обладал даром чрезвычайно приятной беседы и правильным, хотя непроницательным умом. Все три кандидата были представлены императрице в приемной.

Когда они явились, Потемкина еще не было. Императрица пришла, поговорила с каждым из них и, наконец, подошла к Корсакову. Она дала ему букет, только что поднесенный ей, и поручила отнести этот букет князю Потемкину и сказать ему, что она желает говорить с ним. Потемкин, чтобы наградить принесшего букет, сделал его своим адъютантом.

День спустя после представления, в июне 1778 года, Корсаков сделан был флигель-адъютантом и мало-помалу чрез очень короткие промежутки стал прапорщиком кавалергардов, что давало ему чин генерал-майора, затем кавалером ордена Белого Орла и, наконец, генерал-адъютантом государыни.

По удалении от двора он серьезно захворал и после отправился в Москву, где и остался жить навсегда. Корсаков навлек гнев государыни, похитив жену графа А. С. Строганова [2]. Корсаков был хороший музыкант и превосходно играл на скрипке — он обладал в свое время самою драгоценною скрипкою в России.

Про него существует анекдот, что он имел у себя по примеру дворцов большую библиотеку. Когда он получил в пода-

рок от государыни дом, бывший Васильчикова, то позвал к себе книгопродавца и заказал ему библиотеку для библиотечной комнаты. На вопрос же книгопродавца, сделал ли Корсаков реестр книг, которые желал бы иметь, и по какой отрасли должны быть выбраны книги, он отвечал:

— Об этом я уже не забочусь, это ваше дело; внизу должны стоять большие книги, и, чем выше, тем меньшие, точно так, как у императрицы *.

Какие безумные суммы денег истратили Потемкин и Орловы! Теперь достоверно известно, что последние получили за двадцать лет от щедрот государыни 45 000 душ крестьян и 17 миллионов деньгами. Один Зорич[3] с августа 1777 года по 3-е июня 1778 года получил от Екатерины Шкловское имение, заключавшее в себе 16 000 душ, помимо бриллиантов; ему также выдано подарками более 2 000 000 рублей. Один стол близких придворных Екатерины, П. А. Зубова[4], графа Н. И. Салтыкова[5] и графини Браницкой, ежедневно стоил казне, с вином, кофе, чаем и шоколадом и проч., более 600 рублей.

Если сопоставить эти расходы с доходами государства в то время, так, право, все сказанное покажется какою-то насмешкою или выдумкою. Так, известно, что в последний год царствования императрицы общая сумма доходов государства достигала всего 70 657 691 рубля.

Только удивляться надо, откуда брались тогда деньги на разные траты и войны. Энгельгардт, например, в своих записках рассказывает, что когда был заключен Безбородко мир с турками и когда приходилось туркам заплатить России 24 миллиона пиастров, то канцлер торжественно им заявил: «Русская государыня не имеет нужды в турецких деньгах!» Энгельгардт добавляет, что такой поступок глубоко изумил турок. А что стоило императрице путешествие ее в полуденный край? Известно, что назначенных десяти миллионов на это путешествие не хватило.

Праздная и разгульная жизнь бар прошлого века стоила много денег, но не на одно вино только шло у них много денег. Что проигрывалось еще в карты? Азартная игра в царствование Екатерины велась даже при дворе, а от двора она распространялась и во всех обществах. Энгельгардт утверждает, что азартные игры хотя законом были запрещены, но правительство на то смотрело сквозь пальцы.

Однако императрица иногда и преследовала игроков. Так, письмом от 7-го августа 1795 года к московскому главнокомандующему Измайлову она предписывает: «Коллежских асессоров; Иевлева и Малимонова, секунд-майора Рошт-ейна, подпоручика Волжина и секретаря Попова за нечистую игру сослать в уездные города Вологодской и Вятской губерний, под присмотр городничих, и внеся притом имена их в публичные ведомости, дабы всяк от обмана их остерегался». У Волжина притом было отобрано векселей, ломбардных билетов и закладных на 159 000 рублей и, кроме того, множество золотых и бриллиантовых вещей. Все эти богатства приказано было «яко стяжание, неправедным образом снисканное и ему не принадлежащее, отдать в приказ общественного призрения Московской губернии на употребления полезные и богоугодные».

В том же году писал Бантыш-Каменский князю Куракину: «У нас сильный идет о картежных академиках перебор. Ежедневно привозят их к Измайлову; действие сие в моих глазах, ибо наместник возле меня живет. Есть и дамы...» Через несколько дней он сообщал: «Академики картежные, видя крепкой за собой присмотр, многие по деревням скрылись».

По рассказам современников, в екатерининское время в каждом барском доме по ночам кипел банк и тогда уже ломбард более и более наполнялся закладом крестьянских душ. Не к добру послужило дворянству это учреждение дешевого и долгосрочного кредита. Двадцать миллионов, выданные помещикам, повели к еще большему развитию роскоши и к разорению дворянства. Быстры и внезапны были переходы от роскоши к разорению.

В большом свете завелись менялы; днем разъезжали они в каретах по домам с корзинками, наполненными разными безделками, и променивали их на чистое золото и драгоценные каменья, а вечером увивались около тех несчастливцев, которые проигрывали свои имения, и выманивали у них последние деньги.

У Загоскина в воспоминаниях находим описание одного из таких ростов-

---

* См. «Русская старина», 1887 г., октябрь, с. 7.

Ив. Ник. Римский-Корсаков. С портрета, принадлежавшего М. А. Мятловой

щиков сиятельного происхождения, отставного бригадира, князя Н., промотавшего четыре тысячи душ наследственного имения. Вот как описывает он место его действий на одном из московских великосветских балов, где в ту эпоху подобный торговец был необходимой принадлежностью. «Посреди комнаты стоял длинный стол, покрытый разными галантерейными вещами: золотые колечки, сережки, запонки, цепочки, булавочки и всякие другие блестящие безделушки разложены были весьма красиво во всю длину стола, покрытого красным сукном. За столом сидел старик с напудренной головой, в черном фраке и шитом разными шелками атласном камзоле. Наружность этого старика была весьма приятная и, судя по его благородной и даже несколько аристократической физиономии, трудно было отгадать, каким образом он мог попасть за этот прилавок. Да, прилавок, потому что он продал при нас двум дамам, одной — золотое колечко с бирюзой, а другой — небольшое черепаховое опахало с золотой насечкою; третья барышня, лет семнадцати, подошла к этому прилавку, вынула из ушей свои сережки и сказала:

— Вот возьмите! Маменька позволила мне променять мои серьги. Только воля ваша, вы много взяли придачи: право, десять рублей много!

— Ну, вот еще много! — сказал продавец. — Да твои-то сережки и пяти рублей не стоют.

— Ах, что вы, князь! — возразила барышня. — Да я за них двадцать пять рублей заплатила...»

В числе таких торговцев драгоценными камнями в Москве был известен некто Кристин, живший в доме графа Маркова; родом Кристин был швейцарец и некогда служил нашим агентом при иностранных дворах.

До начала французской революции он был секретарем известного министра Колонна; он видел начало революции в Париже, куда ездил переодетый с тайными поручениями от графа д'Артуа, впоследствии короля Карла X [6]. Кристин тайком проникал в Тюльерийский дворец, подавал утешение пленному королю; когда пали невинные королевские головы, Кристин, вместе с графом д'Артуа, явился в Петербург. Из Петербурга он ездил тайным агентом в Швецию; здесь он на одном из придворных балов, как рассказывает Вигель [7], как будто разбежавшись, наткнулся на стоящего у камина несовершеннолетнего молоденького короля Густава IV [8]; низко кланяясь и будто бы в смущении извиняясь, шепотом сказал ему:

— Ваше величество, вас обманывают, хотят женить на уроде, позвольте с вами объясниться.

Тот, едва внятным голосом, отвечал ему:

— У меня учитель математики ваш земляк, шевалье такой-то, напишите мне через него.

В записке своей Кристин изобразил все прелести великой княгини Александры Павловны и всю пользу от родственного союза с Екатериной. В это время через месяц ожидали невесту, кривобокую принцессу Мекленбургскую. Король вдруг заупрямился, объявил, что этому браку не бывать, и, как ни старались убедить его, он поставил на своем. Никто не мог понять причины такой внезапной перемены, но король ли проговорился, Кристин ли проболтался, или сами догадались, но гроза висела над головою тайного агента. Кто-то предупредил его,

что его хотят взять и отправить в рудники Дарлекарлийские.

Будучи приятелем со всеми дипломатами, он был причислен к какой-то миссии и отослан курьером из Швеции. Только через несколько месяцев ему посчастливилось приехать в Петербург, в то самое время, когда в Петербурге находился король шведский с дядей и шло уже сватовство.

Разумеется, ему нигде нельзя было показываться. Екатерина II приняла Кристина у себя в кабинете очень ласково, щедро наградила его, велела определить в иностранную коллегию с чином надворного советника и пожаловала ему четыреста душ крестьян близ Летичева в Подольской губернии. При представлении императрице с ним случился презабавный анекдот.

Государыня позволила ему быть при представлении в эрмитажном театре, только в закрытой ложе. Он в ней соскучился, пошел бродить за кулисы и забрался на самый верх. Устав, он присел на какое-то седалище, которое вдруг стало опускаться; Кристин закричал, его успели приподнять, и видны были одни только его ноги. Это было облако, на котором должен был спускаться Меркурий.

Кристин при императоре Александре жил в Париже, где сошелся с семейством Бонапарта; как роялист, он тайно переписывался с графом д'Артуа, переписка была открыта; Бонапарт схватил его и отправил в крепость в Лион; отсюда ему удалось убежать и пробраться в Москву, в которой он и проживал, торгуя драгоценностями и обделывая дела с векселями.

Вигель в своих воспоминаниях говорит, что, умирая, Кристин все свое имущество отказал графине де Броглио (урожденной Трубецкой). Какие рукописные сокровища достались, какие перлы рассыпались перед этою женщиной!.. Переписка со множеством исторических лиц, чего стоили одни письма Сталь[9], самый роман его жизни, все это, как ненужное, рукою невежества предано огню...

Страсть московских барынь к драгоценным нарядам в то время была так велика, что вошло в обычай, за неимением собственных дорогих вещей, без всякого стыда надевать чужие платья и украшения, некоторые блистательные уборы, принадлежавшие богатым дамам, появляясь по очереди то на той, то на другой особе, приобрели даже себе всеобщую известность.

И в силу предрассудка гости, богаче других одетые, хотя бы все знали, что на них чужие наряды, пользовались везде знаками особенного внимания и предпочтения. Даже старики вельможи эпохи Екатерины были не лишены этого предрассудка и появлялись на вечерах покрытые с головы до ног бриллиантами, нередко взятыми за деньги напрокат. Характер всех балов московских того века был церемонный и однообразный.

На каждом празднике целая стая слуг различных наций в пестрых национальных костюмах: здесь были негры в желтых куртках с белыми тюрбанами на головах, русские одеты были в кафтаны, подпоясанные пестрыми кушаками, на головах высокие гренадерские шапки; все они или бегали и метались как угорелые, или стояли как столбы до тех пор, пока их громко не позовут; между ними были карлики и гайдуки чуть не саженного роста, и почти у каждого барина за спиной стоял шут, забавлявший общество своими дурачествами и по временам отпускавший и самые злые остроты насчет самого барина и его гостей.

Между молодежью на балах в Москве по большей части встречались недозрелые юноши, напомаженные и разодетые по последней моде; последние всегда были в сопровождении французских гувернеров, которые тщательно следили за первыми их шагами в обществе.

Вполне образованных молодых людей в Москве было немного, большая часть из них жила в Петербурге или в армии, где делала карьеру. Англичанка Вильмот, гостившая в Москве у княгини Дашковой, делает следующее заключение о московском обществе и вообще о русской цивилизации: «Подчиненность развита здесь до крайней степени. Тут нет того, что в Англии называют словом «джентльмен»; достоинства каждого оцениваются мерою высшей милости. В понятиях массы слова хороший и плохой — суть синонимы благоволения и неблаговоления; уважение к личному характеру заменяется уважением к чину».

Большой почет в старое время вселяли к себе все богачи помещики. Дома таких господ кишели прислужника-

ми, приставленными к разным должностям.

Например, у богатого помещика Головина их было около трехсот, у Лунина — двести восемьдесят, у графа Алексея Орлова-Чесменского — более пятисот человек. Такая большая дворня почти ничего не делала и выполняла только прихоти своего барина. У С. Н. Шубинского находим любопытное описание дворни и жизни богатого помещика В. В. Головина, владельца огромного подмосковного села Новоспасского. Жизнь этого барина в молодости была полна бедствий и страданий.

При Бироне он был пытан и затем два года сидел в тесном заключении при церкви Воскресения Христова в Москве. Несчастия, испытанные им, имели довольно сильное влияние на его характер. Он сделался нелюдимым и религиозным до суеверия. Все его дворовые власти входили в его комнату по команде горничной и докладывали с низкими поклонами по раз утвержденным правилам.

Вокруг его дома всю ночь ходил неусыпный дозор, бил в колотушки, гремел в доску и трубил в рожок. Утром после докладов ему приносили чай, и впереди обыкновенно шел один слуга с большим медным чайником с горячей водой, за ним другой нес большую железную жаровню с горячими угольями, шествие заключал выборный с веником, насаженным на длинной палке, для обмахивания золы и пыли.

Напившись чаю, он отправлялся в церковь. После обедни его вели под руки двое слуг; подавали затем завтрак и после обед — обед тянулся три часа. Кушаний бывало обыкновенно семь блюд, но иногда число их доходило и до сорока. Для каждого блюда был особый повар, и каждый из них приносил блюдо в белом фартуке.

Сервиз был весь оловянный, но в праздники — серебряный и фарфоровый. Поставя блюда, повара уходили и являлись двенадцать официантов, одетых в красные кафтаны кармазинного сукна, с напудренными волосами и длинными белыми косынками на шее.

После обеда подавался десерт и хозяин пил шоколад. Ужина не было. На ночь все двери и ставни в доме закрывались железными болтами. Если барину не удавалось уснуть, то он начинал читать вслух свою любимую книгу «Жизнь Александра Македонского», Квинта Курция или садился в большие механические кресла, начинал качаться в них, поправляя руками на обоих висках волосы, закладывая их за уши, и, перебирая четки и понижая и возвышая голос, читал заклинания против сатаны и злых духов. Окончив заклинания, он вставал с кресел и начинал ходить по всем комнатам, постукивая колотушкою или обмахивая густым крылом мнимую нечисть вокруг себя. Если же он находил пыль, то приказывал курить ладаном и окроплять то место святою водою.

В комнатах у него было семь кошек, которые днем ходили по комнатам, а ночью привязывались к семиножному столу. За каждой кошкой было поручено ходить особой девке. Отправляясь зимою в Москву, он был всегда сопровождаем чрезвычайно пышным поездом, в котором находилось до 70 лошадей и около 20 различных экипажей. Впереди всего везли чудотворную икону Владимирской божией матери в золоченой карете с утвержденным внутри фонарем в сопровождении крестов и священника. Затем следовал барин с барыней в особенных шестиместных фаэтонах, запряженных парадным цугом в восемь лошадей.

Дочери ехали в четырехместных каретах в шесть лошадей; молодые господа — в открытых колясках или санях в четыре лошади. Все они сидели поодиночке, за исключением малолетних детей их, которые помещались с матерями. Барские барыни и сенные девицы ехали в бричках и кибитках. Канцелярия, гардероб, буфет, кухня были отправляемы в особых фурах.

Двадцать богато одетых верховых егерей оберегали этот затейливый поезд. При жене этого помещика находились безотлучно пара уродливых карликов и ученый гуслист, ловкий, видный и красивый мужчина, природный черкес, вывезенный из Кавказа. Из сыновей этого Головина был известен тоже Василий Васильевич, удивлявший всех москвичей своею роскошью. Он выезжал не иначе, как парадом, с вершниками, гусарами, гайдуками и скороходами, окруженный всегда множеством дур и дураков. Свиту его составляли также арабы, башкиры, татары и калмыки.

Головин угощал своих гостей богатыми праздниками, обедами, ужинами, на которых гремели его хоры музыки и пели

певчие и плясали цыгане, до которых он был большой охотник. Этот Головин умер в 1800 году.

В екатерининскую эпоху вельможа без богатой дворни или нескольких тысяч душ крестьян почти был немыслим. Сама императрица покровительствовала таким барским привычкам, щедро раздавая вельможам населенные имения. Встретить среди толпы царедворцев и вельмож того времени лиц, которые бы не имели крестьян или от них отказывались, было исключительным явлением. Таким редким бескорыстием и непринятием крепостных душ в ту эпоху отличались только два лица — это П. Д. Еропкин и масон Гамалея — первый, как мы уже выше говорили, отказался от 4000 душ, назначенных ему за его деятельность во время чумы в Москве, второй — от 3000 душ в награду за свою службу.

Всего роздано крестьян Екатериной II с 1762 по 1796 год около 800 000, обоего пола около 2 000 000. Случайные люди получили более четверти того, что было роздано во все царствование Екатерины. Императрица в один день (18-го августа 1795 года) подписала указы о пожаловании более 100 000 душ. Император Павел относительно раздачи населенных имений следовал примеру своей матери. Он в день своей коронации роздал 105 лицам более 80 000 душ. В последний год царствования этого императора уже затруднялись находить имения для пожалования, и император Александр I, как говорит Богданович *, на письмо одного сановника, желавшего получить населенное имение, отвечал: «Русские крестьяне большею частью принадлежат помещикам — считаю излишним доказывать унижение и бедствие такого состояния, и потому я дал обет не увеличивать числа этих несчастных и принял за правило никому не давать в собственность крестьян». По словам В. Семеновского **[10], с этих пор населенные имения стали давать только в аренду, зато в обширных размерах продолжалось пожалование ненаселенных имений.

Цены на людей в екатерининское время были различны; при продаже с землей душа ценилась от 70 до 120 рублей в начале царствования и до 200 рублей в конце его. При продаже без земли люди ценились весьма дешево, так, в 1773 году одна мещовская помещица продала души по 6 рублей за штуку. За рекрута в начале царствования платили по 120 рублей, в конце — 400 и даже 700 рублей.

Крепостных людей продавали публично на базарах и ярмарках. Текели, бывший в России в 1778 году, видел в Туле на площади до сорока девиц, стоявших толпою; на вопрос проводника, что они здесь делают, был ответ, что продаются.

Когда же сам путешественник спросил их, то девушки наперерыв отвечали:

— Купи нас, господин, купи!

Текели поразил веселый вид, с каким девицы говорили о собственной продаже. Он полюбопытствовал узнать от них:

— А пошли бы вы за мной, куда бы я вас ни повел?

— Нам все равно — вам или другому служить, — был ответ.

Одним из главных центров этой торговли была Урюпинская ярмарка, на которой парней и девушек покупали преимущественно армяне для сбыта в Турцию.

В старинных ведомостях то и дело встречаются публикации о продаже людей, так: «Продаются 20-ти лет человек, парикмахер, и лучшей породы корова», или: «Лучшие моськи продаются и семья людей, за сходную цену». Крепостных не только продавали, но и проигрывали, давали ими взятки, платили ими врачам за лечение и проч.

В 1750-х годах в Москве необученная горничная стоила 50 рублей, а умеющая шить и проч. 80 рублей. Дорого ценились в екатерининские времена музыканты и разные артисты. Так, например, Потемкин заплатил Разумовскому за его оркестр 40 000 рублей, одна крепостная актриса была продана за 5000 рублей.

Вигель описывает одного владельца крепостных артистов: «Его повара, его лакеи, конюхи делались, в случае надобности, музыкантами, столярами, сапожниками и т. д.; его горничные и служанки — актрисами, золотошвейками и т. д.». Они в одно и то же время — его наложницы, кормилицы и няньки детей, рожденных ими от барина. Я ча-

* См.: «История царствования Александра I», т. I, с. 97.

** См. «Раздача населенных имений при Екатерине II».

сто присутствовал при его театральных представлениях. Музыканты являлись в оркестре, одетые в различные костюмы, соответственно ролям, которые они должны были играть, и, как только по свистку поднимался занавес, они бросали свой фагот, литавры, скрипку, контрабас, чтобы сменить их на скипетр Мельпомены, маску Талии и лиру Орфея; а утром эти же люди работали стругом, лопатою и веником.

Особенно уморительно было видеть, как этот владелец артистов во время представления в халате и ночном колпаке величественно разгуливал между кулисами, подбадривая словами и жестами своих крепостных актеров.

Однажды во время представления Дидоны этому барину не понравилась игра главной актрисы; он вбежал на сцену и отвесил тяжелую оплеуху несчастной Дидоне, вскричав: «Я говорил, что поймаю тебя на этом. После представления отправляйся на конюшню за наградой, которая тебя ждет». Дидона, поморщившись от боли, причиненной оплеухой, вновь вошла в свою роль и продолжала арию как ни в чем не бывало. Впоследствии эта актриса за потерю голоса была сослана в отдаленную деревню.

Когда этот помещик отправлялся в другое свое имение, то за ним ехало не менее двадцати кибиток с его наложницами, танцовщицами, актрисами, поварами и проч. На каждой станции раскидывали огромную палатку, где помещался барин со своими невольницами, а в другой — двадцать человек увеселяли его пением во время обеда.

Случалось, что крепостные артисты посылались господами на заработки. Так, князь Щербатов говорит, что разорившийся князь Вяземский имел одного крепостного музыканта, которого он посылал играть для своего прокормления.

В начале царствования Екатерины II оброк с крестьян доходил от одного рубля до трех. В конце же царствования — от 5 до 25 с души, но одной денежной платой часто помещики и не ограничивались, а заставляли своих крестьян платить и натурой. Из официальных сведений 1766 года видно, что у самых добрых помещиков крестьяне работали на барина три дня в неделю.

Окрестности Москвы славились своими садами и питомниками плодовых деревьев. Так, в родовой вотчине Романовых, селе Измайлове, сад был известен своими лекарственными и хозяйственными растениями.

Вдоль по берегу речки Серебровки [11], против деревянного дворца, как рассказывает профессор Снегирев *, на тридцать три сажени простирался регулярный сад, от которого и теперь остались еще следы — кустарники шиповника, барбариса, крыжовника и сирени. Позади дворца также был насажден царем Алексеем Михайловичем виноградный сад на пространстве целой версты, где разводились лозы виноградные, также росли разных сортов яблони, груши, дули, сливы, вишни и другие заморские деревья.

Еще в пятидесятых годах здесь цела была липовая аллея, саженная, по преданию, царем Алексеем Михайловичем, под тенью которой любил гулять в юности своей Петр I со своими наставниками. Впоследствии там существовал вокзал, где бывали в былое время блистательные собрания. Измайловские сады служили рассадниками для других садов в России; из них плоды доставляемы были для государева обихода, а целебные травы и коренья посылались в Аптекарский приказ, остальные поступали в продажу.

В 1703 году Петр I из Шлиссельбурга писал к Стрешневу: «Из села Измайлова послать осенью в Азов коренья всяких зелий, а особливо клубнишнего, и двух садовников, дабы там оные размножить». В 1704 году царь повелел ему же прислать в С.-Петербург, не пропустя времени, всяких цветов из Измайлова, а больше тех, «кои пахнут». Аптекарский сад близ Сухаревой башни на Балкане [12] разведен большею частию из Измайловского.

В садоводство Измайлова входило и хмелеводство; там, еще прежде чем в Гуслицах, разводился лучший хмель на косогорах и близ протоков. Хмельники ежегодно доставляли от 500 до 800 пудов хмелю не только для дворцовой пивоварни, но и на продажу. Цветущие луга, сады и огороды в Измайлове способствовали и размножению пчеловодства. В 1677 году они доставили 179 пудов меду и столько же воску.

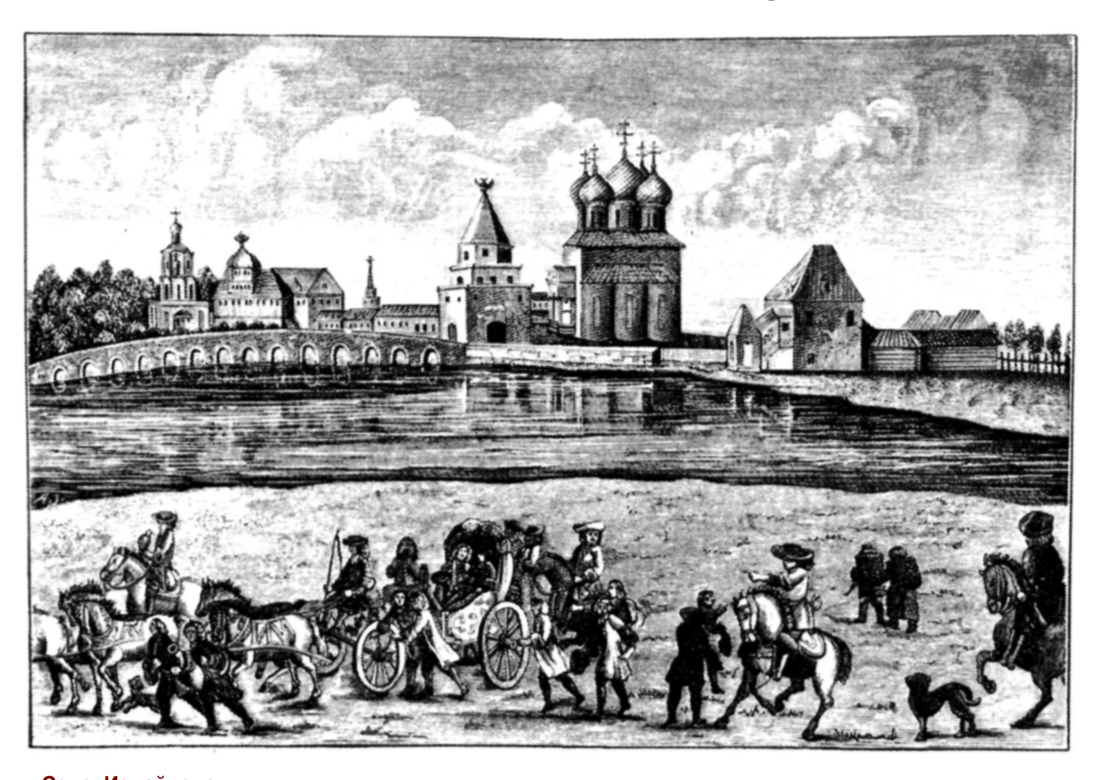
* См. «Русская старина», А. Мартынова и И. Снегирева.

В прежнее время также славилось своими плодовыми садами и огородами и село Покровское, отделенное тогда еще от городских селений вековыми заповедными рощами и пахотными полями.

Как мы выше уже говорили, императрица Екатерина II почти весь 1775 год провела в Москве; в этом году императрица посетила в храмовые праздники большинство славящихся в народе церквей, сходила пешком на богомолье в Троицко-Сергиевскую лавру, посетила подмосковных помещиков, гр. Шереметева в Кускове, гр. Румянцева, затем слов и о Коломенском, где от дворца, в котором жила Екатерина, остался теперь один фундамент.

Село Коломенское некогда было любимым жильем царя Алексея Михайловича; здесь он имел свою соколиную охоту, в которую даже принимал охотников по совершении известного обряда.

По словам иностранцев, в Коломенском особенно замечателен был дворец, в обоих этажах которого было более 150 комнат; особенно замечательны были в нем дубовые резные ворота и затем высокие терема, в числе шести, а

Село Измайлово в XVIII столетии. С весьма редкой гравюры того времени

Нарышкина; описание последнего посещения мы приведем ниже.

Живя в селе Коломенском, Екатерина II делала дальние прогулки пешком и в экипажах, чтоб осматривать местность, и вот в одну из таких прогулок ознакомилась она с прелестным местоположением имения князя Кантемира Черная грязь и пожелала приобрести его.

Но ранее описания покупки считаем не лишним здесь сказать несколько также и внутреннее убранство теремов богатыми шелковыми тканями и красивыми печными изразцами.

В сенях дворца на потолке был написан знак зодиака, в окнах виднелись доски с изображением герба России. Перед окнами дворца стоял невысокий каменный столб, у которого в определенный день и час являлись недовольные решениями приказов и, увидя государя у окошка, кланялись ему «до лица земли» и оставляли на столбе свои челобит-

ные. В комнатах царицы окна были золоченые.

Возвращаемся к покупке имения князя Кантемира. Императрица осмотрела окрестности древней столицы и купила себе прелестное место, по общему отзыву — земной рай, имение князя Кантемира Черную грязь, которую и назвала Царицыно Село — более известное теперь под именем Царицыно.

Вот как описывает сама государыня в письме своем к Гримму этот красивый забытый уголок, купленный и обстроенный ею в две недели: «Представьте берег, покрытый большим лесом, и ее величество, с лакеем переезжающую ручей на пароме. Перед нею низменность, покрытая кустарником, где вы поместите фазаньи клетки, прудок, оканчивающийся плотиной, осененный высокими ивами, и между ними открывается еще более значительный пруд, которого один берег, крутой, занят разбросанными по нем маленькими деревеньками, а другой, с незаметным склоном, представляет вашему взору поля, луга, букеты лесов и отдельные деревья; налево от плотика тинистый ручеек зарос лесом, который постепенно возвышается амфитеатром. Ну, представьте же себе все это и вы будете в Царицыне».

В другом месте государыня говорит, как она подъехала к Царицыну: «Дорога привела меня к громадному пруду, связанному с другим, еще огромнейшим; но этот второй пруд, богатый прелестнейшими видами, не принадлежал этому величеству, а некоему князю Кантемиру, ее соседу. Второй пруд соединяется с третьим прудом, который образовал бесчисленное множество заливов, и вот гулявшие, переходя от пруда к пруду то пешком, то в карете, очутились за семь длинных верст от Коломенского, высматривая имение своего соседа, старика с лишком 70-летнего, который нисколько не интересовался ни водами, ни лесами, ни прелестными видами, восхищавшими путешественников. Он проводил свою жизнь за карточным столом, проклиная свои проигрыши, и вот осторожно и с полнейшей деликатностью весь двор с императрицей во главе начинает интриговать, чтобы выведать намерения его, узнать, выигрывает он или проигрывает; не продает ли свое имение, дорожит ли им, часто ли в нем бывает, не нужно ли ему денег, кто его друзья, чрез кого бы заинтересовать его. Мы не хотим одолжения, мы не хотим чужого, мы покупаем, но и отказать нам не есть преступление. — «Как хотите, м. г., нам улыбается приобретение, но мы можем обойтись без него». Придворные мои засуетились, один говорит: «Он мне отказал, он не хочет продавать». — «Ну, тем лучше». Другой доносит: «Ему не нужно денег, он играет счастливо». Третий: «Он сказал, я не могу продать, у меня нет ни наследников, ни кого-либо другого; имение мое исходит из казны, ей же я его предоставлю». Наконец, является пятый и передает, что Кантемир сказал: «Я решительно объявляю, что имение мое может быть продано только казне». — «А, это прекрасно!..» Вот к нему наряжают нарочного узнать, любит ли он имение. «Нисколько, — отвечает он. — Доказательство, что я живу в другом, я это имение наследовал от брата и никогда в него не езжу; оно может годиться только императрице». — «Сколько же вы за него хотите?» — «20 000 рублей». — «Мне велено предложить вам 25 000 рублей».

Из имеющегося у нас рукописного описания села Царицына конца прошлого века имение куплено у бригадира Сергея Дмитриевича, князя Кантемира; вместе с ним приобретены казною у князя деревни Хохловка, Пладрово и Ореховка и у гвардии капитана князя Ив. Ал. Трубецкого село Булатниково и позднее годом село Коньково у фрейлины Зиновьевой. Имение Черная грязь переименовано по указу, данному Сенатом августа 14-го дня 1775 года, в Царицыно Село. Имение Черная грязь подарено отцу владельца, бывшему господарю молдавскому князю Дмитрию Константиновичу [13], Петром Великим. Князь Кантемир родился в Яссах в 1663 году (см. примеч.). В 1684 году за оказанные важные услуги Порте Кантемир был возведен в достоинство молдавского государя, во время войн турок с русскими в 1711 году Кантемир присоединился в подданство России вместе с управляемым им княжеством. Кантемир со своими боярами присягнул в верности Петру I в самый день Петра и Павла.

Когда Петр Великий был окружен у Прута турецкими войсками, в числе предложений, потребованных визирем от царя, было предложено выдать и Кантемира пленником. Но государь им ответил: «Я лучше уступлю туркам всю зем-

лю, простирающуюся до Курска, нежели выдам князя, пожертвовавшего для меня всем своим достоянием. Потерянное оружием возвращается; но нарушение данного слова невозвратимо, отступить от чести то же, что не быть государем». Визирю было объявлено, что Кантемир бежал из лагеря, между тем он скрылся в царской карете, куда один служитель носил к нему пищу.

Прутский договор [14] лишил князя его владений, но Петр возвратил потери, понесенные им, пожаловав ему в Москве дом и в Севском уезде тысячу дворов с селом Дмитровским, впоследствии городом, затем подмосковную Черную грязь со всеми угодьями. Вместе с тем государь положил ему ежегодную пенсию в 6000 рублей, пожаловал свой портрет, осыпанный бриллиантами, и вместе с титулом светлейшего князя предоставил ему право судить самому выехавших с ним из Молдавии его бывших подданных в числе более двух тысяч человек.

Это был единственный пример русского подданного, пользовавшегося такою властью. В 1715 году Кантемир приговорил было к смертной казни трех молдаванских дворян и нескольких к ссылке за смертоубийство, потом переменил смертную казнь на телесное наказание, что и было утверждено государем.

Кантемир сперва поселился в Харькове, откуда по приглашению Петра переехал сперва в Москву и затем в Петербург, где, в 1717 году перед второю женитьбою на дочери князя И. Ю. Трубецкого, обрил себе бороду, снял молдаванское платье и оделся в европейскую одежду. Петр I произвел тогда князя в тайные советники и сделал сенатором и пожаловал ему шпагу, осыпанную бриллиантами.

Кантемир был самый образованный человек своего времени: помимо восточных языков он знал все европейские, на которых писал и говорил; он оставил более пятнадцати сочинений по части истории. Кантемир умер в своем орловском имении Дмитровке *, населенной князем молдаванами и малороссиянами, названной по его имени. В 1782 году село это преобразовано в уездный город Орловской губернии. У князя Дмитрия было два сына — вышеупомянутый владелец Черной грязи князь Сергий и затем известный сатирик князь Антиох [15], наш резидент в Лондоне и затем посланник в 1738 году в Париже, где он и оставался до своей смерти в 1744 году.

Молодой красавец, воспитанный в Константинополе в духе безбожия, он объяснялся на всех европейских языках как на своем природном, а музыкальные его произведения посейчас исполняются в Турции. В крайне молодых летах он занимал уже высокие должности, так, двадцати двух лет он был нашим посланником в Лондоне.

По покупке Царицына в две недели были возведены легкие деревянные постройки, и государыня уже переехала туда в конце июня месяца. Екатерина жила там, как говорит Державин, в маленьком домике, состоящем из шести комнат.

В день преображенья, 6-го августа, здесь устроен был обеденный стол для штаб- и обер-офицеров Преображенского полка. Впрочем, в Царицыне существовали еще постройки при Петре I; это были обширные деревянные палаты, в которых в тишине и уединении жил и воспитывался молодой сын Кантемира — князь Антиох. Екатерина поручила архитектору В. И. Баженову построить в Царицыне в готическо-мавританском вкусе дворец; план этого дворца государыня утвердила лично, убавив в нем окна и ширину лестниц. Вместе с дворцом строились также длинные галереи, оперный дом, мосты, въездные ворота; все это выводилось из камня во вкусе самой затейливой архитектуры.

В Царицыно также пролагалась широкая дорога, обрамленная березками, — аллея тянулась на две версты. По смерти царицы эта дорога была заброшена, мосты развалились, и по ней трудно было пройти даже пешком.

По преданию, не один праздник был дан государыней в новом ее имении. Один такой, по словам Любецкого, состоялся здесь во время сенокоса; пышно прибыла сюда царица из Коломенского: золотая карета императрицы была запряжена восьмериком неаполитанских кровных лошадей; головы их были убраны кокардами, на ремнях

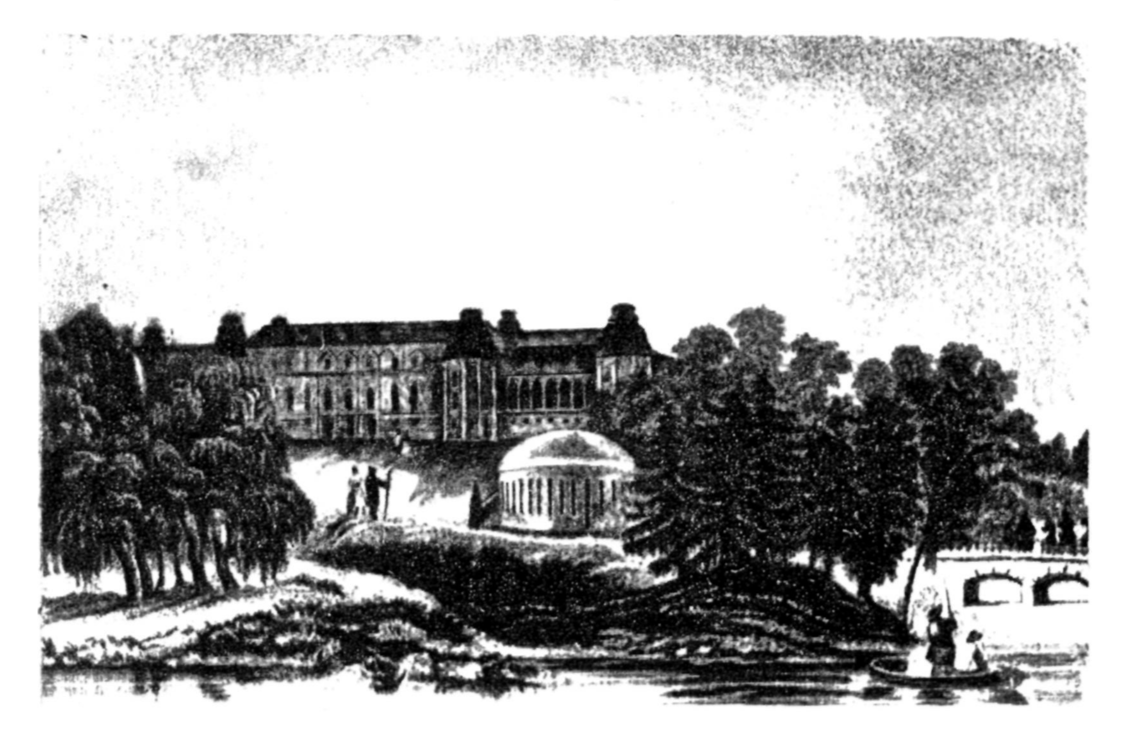
* По духовному завещанию это имение князя Сергея Кантемира, вместе с 10 тысячами душ крестьян было отдано императрице Екатерине II. Впоследствии император Павел I подарил его канцлеру Безбородко в день своей коронации.

кареты сидели пажи, впереди бежали скороходы, по бокам ехали кавалергарды и кирасиры в красных мундирах, на вороных лошадях, сверкая блестящими своими кирасами, позади следовала верхами свита. Народ на протяжении почти всей дороги стоял густыми шпалерами, шумно приветствуя царицу. В Царицыне государыню ожидал роскошный завтрак; на лугах нового имения в праздничных нарядах косили траву косцы, звонкие песни стройно лились по окрестностям, стройные хороводы баб в цветных сарафанах плясали там и сям по полянам. Императрица со всею свитою смотрела на сельский праздник, сидя в большой беседке, устроенной для нее из сена и полевых цветов.

Государыня поздно возвратилась с праздника в Москву; на дороге, по которой она ехала, стояли иллюминованные версты, далеко отбрасывая зарево огней своих. Работа над дворцом спустя десять лет о покупке имения была почти приведена к концу. Но, по преданию, Потемкину она не понравилась, и в 1787 году вышло повеление все здание сломать до основания и на этом месте поставить новый дворец, который и посейчас красуется в виде какой-то полуразвалины мрачного вида [16].

Здание существующего дворца с восемью высокими башнями очень напоминает какую-то гигантскую гробницу, стоящую на катафалке и окруженную недвижно стоящими какими-то гигантами монахами со свечами в руках.

Впечатление эта неудачная постройка производит унылое, какое-то удручающее. Зато большие зеркальные пруды Царицына полны жизни и оживляют всю окрестность — вода в них чиста и прозрачна, текут они из двух речек и называются: Ореховский, Лазаревский, Верхний, Хохловский, Шапиловский и

Вид села Царицына. С гравюры, сделанной с рисунка с натуры П. П. Свиньина

Парк в селе Царицыне. С рисунка с натуры Стакельберга (из собрания П. Я. Дашкова)

Цареборисовский; на двух последних устроены мельницы — воды прудов богаты аршинными щуками и большими карпами.

Лет двадцать тому назад тут была поймана щука с золотой серьгой, на которой виднелась корона и имя царицы Екатерины II. Говорили, что когда-то, чуть ли не лет тридцать тому назад, здесь был пойман карп с именем царя Бориса на серьге. Наш покойный драматург А. Н. Островский каждое лето здесь сиживал с удочкой.

В 1886 году там был пойман арендатором царицынских прудов большой осетр с золотою серьгой в губе, пущенный еще при Екатерине II. При поимке этого исторического осетра в неводе из Нижнего пруда произошла целая история. Вот как этот случай описал в своем московском фельетоне г. Курепин: «Когда приволокли в сетях осетра, арендатор был в восторге; но тут вмешался в дело окружный надзиратель. Имея в виду историческое значение осетра, надзиратель не позволил арендатору взять его, а предложил следующее: устроить для осетра особый садок, приставить для охраны стражу за счет арендатора и хранить осетра, пока он, надзиратель, отрапортует в удельную контору, а контора снесется с дворцовым ведомством и т. д., пока, словом, не воспоследует окончательное распоряжение высшего начальства. Подумав, арендатор почесал в затылке и отпустил осетра на все четыре стороны, а насчет всего вышеизложенного был составлен длинный протокол, впрочем, не длиннее осетра, который был 2 аршин 11 вершков».

В Царицынском саду существует очень красивый каменный мост, соединяющий два берега, есть островки, купальни; одна из таких стоит на месте Кантемировых палат; есть там уединенная галерея, «храм меланхолии», затем фруктовый сад с оранжереями; последний в начале нынешнего столетия доставлял ежегодно фрукты в столицу на значительную сумму.

В саду имелось также несколько беседок для приезжающих в Царицыно, последние были устроены так, что приезжающий здесь находил все хозяйство.

Некогда здесь существовал и трактир, помещавшийся в одной из дворцовых развалин; посейчас еще видна и другая такая же двухэтажная беседка с обрушенными печами и комнатами. Лучшая здесь историческая беседка известна под именем «Миловида»; стоит она на крутом холме; сквозная арка ее, составляющая

Царица Наталья Кирилловна. С портрета, находившегося в императорском Эрмитаже

залу, украшена мраморными бюстами.

По преданию, «Миловидой» она названа самой императрицей Екатериной II: из этой беседки видно село Коломенское. Другие беседки носят названия «Езопка», «Хижина» и т. п., названы они этими именами бывшим начальником московских дворцов и садов П. С. Валуевым.

Первая из этих беседок была сделана из березовых бревен с корою; дорожки и аллеи Царицына также носят разные названия; так, большая глухая аллея носит прозвище Несторовой и т. д.

В старину на прудах царицынских плавали лебеди, черные гуси, австралийские пеликаны и другие редкие птицы. По имеющемуся у нас списку, в 1800 году в Царицыне было 13 павлинов с павами, 18 лебедей, 2 журавля и более 79 разных пород гусей.

В 1801 году из оранжерей было собрано разных фруктов до 27 580 штук, проданы последние были за 2108 рублей 70 копеек. На содержание садов и оранжерей царицынских с 1780 года по 1793 год израсходовано было 16 924 рубля 27 копеек.

Императрица Екатерина II в бытность свою в Москве не раз посещала подмосковные своих приближенных братьев Нарышкиных.

В ряду имен, окружавших двор еще царя Алексея Михайловича, одно из первых и почетнейших было, бесспорно, Нарышкиных. По свидетельству иностранцев, Нарышкины происходят от древнего чешского рода Нарисци, имевшего некогда во владении своем город Егер, что, между прочим, подтверждается и гербом этого города, имеющим большое сходство с гербом Нарышкиных.

Историк Миллер, согласно со справкою Разрядного архива, отвергает это известие и показывает, что в 1463 году к великому князю Иоанну Васильевичу выехал из Крыма Нарышко и был при нем окольничим. Потомки его Нарышкины, находясь в русской службе наместниками, воеводами и в иных знатнейших чинах, жалованы были от государей вотчинами и другими почестями и знаками монарших милостей. Уничтожение местничества и разрядных грамот было причиною, что первым в роде Нарышкиных назван небогатый московский дворянин Полуект или Полиевкт, отец Кирилла и дед девицы Наталии Нарышкиной, воспитанной в доме известного боярина Артамона Матвеева [17]; отец ее Кирилло Полуектович служил тогда в рейтарских полках под начальством Матвеева.

Лет двести тому назад богатые и знатные люди имели обыкновение у себя в доме собирать небогатых родственниц, а также дочерей покровительствуемых людей. Из дома знатного человека можно было скорее составить себе партию, чем живя в небогатом родительском доме.

В списке девиц, из которых в 1669 и 1670 годах царь Алексей Михайлович выбирал себе вторую жену, встречаем немало девиц, живших у своих родственников.

История отвергает анекдот, приводимый голштинским немцем Штелином, будто царь Алексей Михайлович заметил Наталью Нарышкину у Матвеева за ужином, влюбился и посватался за нее, а потом уже сделал, по старинному обычаю, смотр шестидесяти невестам.

Не в сентябре 1670 года, как пишет Штелин, и не в один день, а с 28-го

ноября 1669 года по 17-е апреля 1670 года девятнадцать раз обходил по ночам верховые почивальни тишайший царь Алексей Михайлович и выбирал из среды спавших красавиц, которая была покрасивей и ему, великому государю, приглядней. Привезли во дворец на царское смотрение и девиц из Вознесенского монастыря... смотрел под конец царь и разных чинов привозных девок московских и городовых (из Новгорода, Костромы, Суздаля, Владимира, Рязани). Последнюю оглядывал царь Беляеву — из монастырок.

В то время производились царские осмотры так: не более как в шести палатах наверху во дворце ложились на постелях по нескольку девиц, подле каждой стояли ближние ее родственницы. Девицы, раскидавшись на мягких пуховиках, спали, т. е. притворялись спящими. Царь обходил неспешно, любуясь на красавиц. Дохтуры свидетельствовали, нет ли тайной скорби (болезни). Затем, по окончании осмотров, царь объявлял избранницу, ее нарекали царевной и великою княжной и переменяли имя.

А сколько при царских смотринах бывало происков, интриг! Вспомним несчастную судьбу Хлоповой — невесты царя Михаила и Всеволжской [18] — невесты царя Алексея.

От брака царя Алексея Михайловича с Натальей Кирилловной [19] родился Петр Великий. Веселое житье Натальи Кирилловны продолжалось только пять лет; в январе 1676 года Алексей Михайлович, пользовавшийся, по-видимому, хорошим здоровьем, скончался неожиданно. Нового царя Феодора Алексеевича окружили враги Нарышкиных и Матвеева, близкие люди его матери.

Царь Феодор был здоровья очень слабого, его переехали санями, и он страдал цингою. Матвеев был сослан, Нарышкиным была объявлена опала, а один из Нарышкиных, по свидетельству Желябужского, быть наказан публично батогами перед холопьим приказом.

Смуты, последовавшие по смерти слабого Феодора, честолюбивые замыслы царевны Софии и возбуждаемые ею крамолы стрелецкие подвергли кроткую царицу Наталью, мать Петра, и весь род Нарышкиных жесточайшим преследованиям буйных стрельцов. Иван Кирилыч Нарышкин [20], родной брат царицы Натальи и дядя Петра, носивший звание боярина и оружничего (чин, соответствующий нынешнему званию генерал-фельцейхмейстера), невинно погиб мученическою смертью на копьях разъяренных стрельцов, которые отсекли ему ноги, руки и голову, потом, разрубив туловище на мелкие части, топтали ногами останки неповинного страдальца в глазах старика отца его. Самого боярина Кирилла Полуектовича злодеи заставили принять монашество, сослав его в Кириллов монастырь.

Н. Полевой * говорит, что он там и умер, но это неверно; в Высокопетровском монастыре, в Москве, находится его могила. По году его кончины видно, что после мученической смерти сыновей он прожил еще девять лет. Любопытно знать, где он провел эти девять лет и точно ли был пострижен, чего не видно в надписи на могиле.

Жизнь самой царицы также была в опасности. Наталья укрылась в Троицко-Сергиевском монастыре; Петр здесь чуть-чуть не погиб от отравы.

Царицу Наталью Кирилловну за введение при кремлевском дворе музыки и театральных представлений фарисейски набожная тогда партия Милославских называла еретицей. Но какую же злобу и ненависть вызвала вскоре жена царя Феодора Алексеевича [21], Агафья Семеновна, взятая из польского рода Грушецких.

Она была выбрана царем не по-старинному на смотрах в верховых опочивальнях, а приглянулась просто на улице во время крестного хода. Эта царица, по преданию, уговорила царя снять с себя и с бояр женские охабни, стричь волосы, брить бороду и ходить по-польски с саблей и носить кунтуш [22]. Царь все это исполнял в угоду царицы и только одного не делал — не брил бороды, и то потому, что у двадцатилетнего монарха борода еще не показывалась.

Царица Наталья прожила только 39 лет. В день кончины ее Петр писал к архангельскому воеводе Апраксину: «Беду свою и последнюю печаль глухо объявляю, о которой подробно писать рука моя не может, купно же и сердце».

В стенах древнего Высокопетровского монастыря до бывшего в Москве морового поветрия погребались все члены фамилии Нарышкиных.

---

* См. Опыт Н. Полевого «Повествование о Петре Великом». «Сын Отечества», январь 1858 г.

Монастырь этот основан при Дмитрии Донском; первый игумен был Иоанн, известный установитель общежития монахов в Москве. По смерти Алексея митрополита Иоанн в свите известного Миняя отправился в Царьград и после смерти митрополита безуспешно искал себе сана митрополита, соперничая с переяславским архимандритом Пименом.

В 1505 году монастырь Петровский был перестроен и назван Высокопетровским; так говорит Амвросий в своей «Истории Российской иерархии». В Степенной книге сказано: «На месте, где построен монастырь, прежде было одно из селений боярина Кучки [23], называвшееся Высоцкое, отчего и монастырь назван Высокопетровским». В той же Степенной книге говорится, что великий князь Иван Данилович Калита [24], проезжая близ этого места, узрел над ним видение: «белый, как бы снеговой столб, и в память этого видения Калита основал на этом месте храм во имя божией матери».

Петр I, вступив на престол, приказал в 1690 году в память убиенных стрельцами дядей своих, погребенных здесь, построить каменную колокольню и кельи для монахов.

Нарышкины погребены в холодном храме Боголюбской богоматери [25]. Здесь по обеим сторонам стоят ряды каменных, соединенных между собою памятников, точно таких, как в Архангельском соборе, с поставленными на них черными дощечками.

На эти дощечки перенесены в сокращении старинные надписи, иссеченные на памятниках внизу в головах. Всех рядов шесть, памятников восемнадцать, по правую сторону три ряда, или девять памятников мужского рода, по левую также три ряда — девять памятников женского рода.

Один из Нарышкиных, генерал-поручик Петр Кириллович, был погребен около храма в 1770 году. До нашествия французов в Москву 1812 года все эти памятники были покрыты красным сукном, но в приход французов сукно было похищено.

Некогда в ризнице монастыря находились парадные покровы — всех таких было девять; покровы были малиновые и зеленые бархатные, обшитые серебряными тонкими круглыми бляхами величиною с большое яблоко.

В тридцатых годах нынешнего столетия на каждом памятнике стояли образа святых, соименных погребенным в могиле. В 1812 году французы, думая найти сокровища в гробах, разломали памятники и осмотрели могилы. Надписи на некоторых памятниках тоже истреблены.

Каменные палаты Нарышкиных в Москве были в Белом городе, на берегу Неглинной, там, где теперь дом Горного правления. Родовой дом Нарышкиных продал племянник Натальи Кирилловны — Александр Львович Нарышкин [26] жене генерала Н. С. Свечина; последняя в 1818 году продала его уже Горному правлению.

Племянник царицы и двоюродный брат Петра Великого Ал. Львович был очень любим императором; Петр его иначе не называл как Львовичем. В молодых летах он путешествовал по Европе, где обучался морской науке. Петр его хотел отправить в Испанию для склонения короля к войне с Швецией; в изготовленной грамоте государь называл его графом. С 1723 года он управлял Морскою академиею и школами. При императрице Екатерине I он был президентом Камер-коллегии и директором Артиллерийской конторы и числился еще тогда капитаном от флота.

Его врагом был тогда всесильный Меншиков; он уговорил впоследствии императора Петра II лишить его чинов и сослать в дальние деревни. Опала его продолжалась недолго; с удалением Меншикова он снова приехал ко двору, где по-прежнему стал посещать юного монарха и смело укорял его за праздность и охоту.

Долгорукие опять уговорили Петра II удалить Нарышкина в его подмосковное село Чашниково. Это еще более раздражило Нарышкина, и он еще смелее стал укорять императора и роптать на правительство. Когда его сосед Козлов уговаривал Нарышкина выехать к государю, забавлявшемуся охотой близ места ссылки Нарышкина, и испросить у него прощения, он отвечал: «Что мне ему с чего поклониться? Я и почитать его не хочу, я сам таков же, как и он, и думал на царстве сидеть, как он; отец мой государством правил, дай мне выйти из этой нужды, я знаю, что сделать» *.

* См. «Царствование Петра II», соч. Арсеньева, с. 109, 146.

Это неуважение к императору, переданное государю, подвергло его суду по законам (1729). Он был в опасности подпасть розыску или пыткам, но милостивый император велел допросить его не в полном собрании Верховного совета, а только двум членам — Остерману [27] и князю В. Л. Долгорукому [28].

Нарышкин был отправлен в свое Шацкое имение в Тамбовскую губернию. Долгорукие велели объявить ему через своих агентов: если он отдаст им две вотчины — Покровское и Кунцево, то будет по-прежнему в Москве.

Он с негодованием отверг это предложение и оставался в опале до самой смерти Петра II. Императрица Анна в числе разных отличий, дарованных ему, сделала его директором императорских строений и садов.

Императрица Елисавета по восшествии на престол пожаловала его кавалером ордена св. Андрея Первозванного и произвела в действительные тайные советники. Он умер в 1745 году, на 51-м году от рождения.

В своем Покровском он построил церковь и вывез образа из Италии для иконостаса этого храма. В этой церкви хранится в ризнице полотенце, вышитое золотом и шелками царицей Наталией Кирилловной.

Из замечательных лиц рода Нарышкиных нельзя не упомянуть о Семене Григорьевиче Нарышкине [29], генерал-адъютанте Петра Великого; последний был сын боярина Григория Филимоновича, он приходился внучатым братом Наталии Кирилловне.

Служил он вначале комнатным стольником, потом был камергером, капитаном гвардии и, наконец, генерал-адъютантом у Петра Великого. Император удостоивал его особым доверием, посылая за границу с важными поручениями к иностранным державам. Он был замешан в деле царевича Алексея и сослан в дальнюю деревню, откуда был возвращен Екатериною I ко двору. Умер он в 1747 году.

Известен также по дипломатической службе Семен Кириллович Нарышкин [30], тоже внучатный брат царицы Натальи. Сначала служил он кравчим. Эти придворные чины имели в своем ведении посуду, напитки, столовое белье и в торжественные дни подносили кушанья государю.

Они наблюдали также за столом, охраняли царское здоровье и занимали место непосредственно после бояр. По смерти императрицы Анны этот Нарышкин уехал за границу, где проживал под именем Тенкина.

Вступив на престол, императрица Елисавета отправила его чрезвычайным посланником в Англию, затем он был назначен состоять гофмаршалом при наследнике престола, при Екатерине II был генерал-аншефом и обер-егермейстером. Жил он и умер в Москве в своем доме на Басманной. Семен Кириллович был первым щеголем в свое время.

В день бракосочетания Петра III он выехал в карете, в которой везде были вставлены зеркальные стекла, даже на колесах. Кафтан его был шитый серебром, на спине его было вышито дерево, сучья и листья которого расходились по рукавам.

У Нарышкина был очень хороший домашний театр. 8-го декабря 1774 года императрица Екатерина II присутствовала у него на спектакле. Давали оперу «Альцеста», сочинения Сумарокова. Всех посетителей на этом спектакле было до двухсот человек. До представления оперы играл хор роговой музыки... После оперы дан был балет «Диана и Эндимион». Последний был поставлен более чем великолепно; на сцене бегали олени и собаки, являлись боги и богини.

ГЛАВА XI

Два брата Нарышкиных: Семен и Алексей. — Два царедворца: Александр и Лев Нарышкины. — Дочери Нарышкина. — Граф Северин Потоцкий. — Марья Антоновна Нарышкина. — Анекдоты о Нарышкине. — Мать Нарышкиных. — Графиня Н. К. Соллогуб. — Обер-церемонийместер И. А. Нарышкин. — Смерть его сына на дуэли. — Толстой, прозванный «Американцем», характеристика его. — Анекдоты и рассказы о нем современников. — Рассказы Новосильцевой о Толстом. — Ек. Ив. Нарышкина. — Исторические сведения о роде Нарышкиных. — Рассказы Кокса. — Граф Л. К. Разумовский, его роскошная жизнь в Москве. — Романтическая женитьба Разумовского. — Графиня Разумовская. — Ее примерная скорбь по мужу. — Страсть к нарядам. — Празднества в Петровском во время Александра I. — Судьба этого имения в последующие года

Известны в роде Нарышкиных два брата — Семен и Алексей Васильевичи, сыновья генерал-поручика Вас. Васильев. Нарышкина; оба брата по летам были сверстники императрицы Екатерины II, образование получили по своему времени отличное и принадлежали к той фаланге молодых людей, которые, вслед за Херасковым, выступили на поприще юной тогдашней журналистики — оба брата писали стихотворения. Младший из них, Алексей [1], состоял в 1767 году генерал-адъютантом майорского чина по инженерному корпусу при графе Гр. Гр. Орлове и в этой должности сопутствовал ему, когда Орлов сопровождал Екатерину в знаменитом ее путешествии по Волге, во время которого переведен был императрицею и ее свитою Мармонтелев «Велисарий», главы 7-я и 8-я которого переведены А. В. Нарышкиным.

В 1787 году он был избран в действительные члены Императорской российской академии. Из других потомков этой фамилии первыми сановниками и приближенными к императрице Екатерине II идут блистательные придворные века этой царицы — Лев Александрович [2] и остроумный сын его Александр Львович [3]. Судя по запискам графа Сегюра и принца де Линя, неистощимая и непринужденная веселость Льва Нарышкина вошла тогда в поговорку, и где только требовались развлечения, где только собиралось веселое общество, он был необходимым лицом; при дворе Петра III и императрицы Екатерины II брали Нарышкина во все дальние прогулки, во все путешествия.

Во время торжественных выездов, имея звание обер-шталмейстера, он всегда сидел в императорской карете. Чтобы забавлять императрицу, он, как говорят иностранцы, брал уроки у французского актера Рено. В шуточном описании путешествий императрицы по каналам и в Москву Нарышкин обвиняется иностранными посланниками в колдовстве, привлекается к допросу и здесь является самая забавная и живая характеристика этого вельможи.

Отношения к Нарышкину Екатерины были самые дружественные: она часто ездила к нему в гости, он же составлял ее вечернюю партию. По характеристике его, сделанной современниками, видно, что при своем балагурстве он не мог похвалиться обширными познаниями, над чем Екатерина в веселые минуты любила посмеяться, называя его невеждой по ремеслу. Особенно забавляли императрицу политические суждения Нарышкина.

Раз она пишет к Гримму: «Вы непременно должны знать, что я до страсти люблю заставлять обер-шталмейстера говорить о политике, и нет для меня большего удовольствия, как давать ему устраивать по-своему Европу».

В сочиненной Екатериной шуточной поэме «Леониана» вначале рассказывается о детстве и воспитании Льва Нарышкина, а затем о его путешествии сухим путем и морем с разными комическими приключениями и эпизодами, приведшими его в руки алжирских корсаров [4], откуда жена выкупает его за большую сумму.

Такие шуточные пародии в форме путешествий во вкусе известий, распро-

странявшихся об императрице и России иностранными газетчиками, были в большой моде тогда при дворе. Эти шутки и аллегории, видимо, очень нравились императрице, и их в ее переписке с Гриммом встречается несколько по разным поводам.

Так, одна такая пародия, написанная Сегюром, изображает приезд в Москву и происшедший там будто бы заговор и бунт, в котором участвуют не только высшие сословия, но и сам митрополит московский. Окруженная опасностями, государыня спасается из одного дворца в другой и, наконец, в загородные дворцы: Коломенское, Царицыно — и везде искусно и ловко ускользает в минуту опасности.

Обратное путешествие в Петербург, где также готовится восстание, исполнено затруднений всякого рода: общество терпит нужду в припасах, которых никто не дает, причем приведено имя тверского помещика Полторацкого в французском переводе: «Un et demi»[4].

Наконец путешественников ожидают опасности на водяном пути, кишащем разбойниками, и проч. Министрам и посланникам отведена при этом каждому своя роль, и шутка продолжается еще на петергофском празднике.

Более пятидесяти лет Нарышкины состоят при государыне; один служит обер-шталмейстером, другой — обер-мундшенком[5]; у последнего государыня в бытность цесаревной присутствует на свадьбе в Москве и из своего дворца, бывшего в конце Немецкой слободы, в октябре месяце, в мороз и гололедицу, делает чуть ли не семь верст до дома Нарышкина.

Свадьба Нарышкина происходила в Казанской церкви, близ Иверских ворот. Екатерина описывает и весь церемониал этой свадьбы. «После ужина, — говорит она, — в передспальней комнате было сделано несколько туров парадных танцев, и затем нам сказали с мужем, чтобы мы вели молодых в их покои. Для этого надобно было миновать множество коридоров, довольно холодных, взбираться по лестницам, тоже не совсем теплым, потом проходить длинными галереями, которые были выстроены на скорую руку из сырых досок и где со всех сторон капала вода».

Под конец своей жизни в одном из писем к Гримму императрица припоминает всех своих живых сверстников, в числе которых упоминает и двух Нарышкиных. Грустные ноты звучат в воспоминаниях царицы. «В четверг, 9 февраля 1794 года, — говорит она, — исполнилось 50 лет с тех пор, как я с матушкой приехала в Москву; из этих прошедших лет я милостию Божиею царствую тридцать два года. Во-вторых, вчера были при дворе разом три свадьбы. Вы понимаете, что это уже третье или четвертое поколение после тех, кого я тогда застала, и я думаю, что здесь, в Петербурге, едва ли найдется десять человек, которые помнили бы мой приезд. Во-первых, Бецкий — слепой, дряхлый старик: он сильно заговаривается и спрашивает у молодых людей — знавали ли они Петра I; потом графиня Матюшкина 78 лет, вчера танцевавшая на свадьбе; потом обер-шенк Нарышкин, тогда камер-юнкер, и его жена; затем брат его, обер-шталмейстер; но он не сознается в этом, чтобы не казаться слишком старым, и т. д.».

Государыня щедро изливала на него добро и дружбу и при женитьбе его в 1759 году на свой счет омеблировала дом, где он должен был поселиться. По вступлении Екатерины на престол он получил звание обер-шталмейстера, в котором и пребывал до самой своей смерти.

По врожденной веселости характера и особенной остроте ума он присвоил себе право всегда шутить, не стесняясь в своих речах. Во все царствование Екатерины он пользовался большою благосклонностью императрицы.

Впрочем, в своих записках часто она о нем отзывается не с большим уважением, то называет его «арлекином», то «слабым головой и бесхарактерным» или «человеком незначительным», но зато государыня восхищается его комическим талантом, который доставляет ей большое удовольствие, — в нем она находит некоторый ум. «Он слышал обо всем, — говорит она, — и все как-то особенно ложилось в его голове».

«Он мог, — продолжает царица, — произнести, не приготовясь, диссертацию о каком угодно искусстве или науке»; при этом он употреблял надлежащие технические термины и говорил безостановочно с четверть часа или долее; кончалось тем, что ни он, ни другие не понимали ни слова из его, по-видимому, складной речи и в заключение раздавался общий хохот».

Подчас Нарышкин забавлял императрицу и тем, что самым отчаянным образом спускал перед нею кубари [6]. Принц де Линь в одном из писем своих, писанных из южной России во время путешествия в Крым с императрицей, рассказывает: «Намедни обер-шталмейстер Нарышкин, прекраснейший человек и величайший ребенок, спустил среди нас волчок огромнее собственной его головы. Позабавив нас жужжаньем и прыжками, волчок с ужасным свистом разлетелся на три или на четыре куска, проскочил между государыней и мною, ранил двоих, сидевших рядом с нами, и ударился об голову принца Нассауского, который два раза пускал себе кровь».

Екатерина II дразнила Нарышкина смертью сардинского короля накануне своей собственной кончины. Впечатление, которое Л. А. Нарышкин производил на государыню своею забавною личностью, было так сильно, что она написала на него комедию — «L'Insouciant» [7] и два юмористических очерка. Замечателен первый из них, содержание которого мы привели выше, называлось оно: «Léoniana ou faits et dits de sir Léon, grand écyeur, recuellis par ses amis» [8]. Иностранцы, видевшие Нарышкина при дворе Екатерины, были также поражены его чрезвычайною оригинальностью; это свойство находит в нем Сегюр рядом с умом посредственным, большою веселостью, редким добродушием и крепким здоровьем. Нарышкин умер в 1799 году в своем доме на Мойке за Поцелуевым мостом, теперь демидовский дом призрения трудящихся.

Род Нарышкиных отличался красотою телесною, добродушием и популярностью; у всех их была какая-то врожденная наклонность к изящному, и каждый находил у них приют. Образ жизни вельмож двора императрицы Екатерины II теперь принадлежит к области вымысла, к романам и повестям. В коренном вельможе того времени было соединение всех утонченностей, всех великосветских качеств, весь блеск ума и остроумия, все благородство манер века Людовика XIV [9] и вся вольность нравов эпохи Людовика XV [10], вся щедрость и пышность старых польских магнатов и все хлебосольство древних русских бояр.

Цель жизни состояла в том, чтобы наслаждаться жизнию и доставлять наслаждение другим и среди наслаждений поддерживать таланты и дарования. В доме, например, Льва Алекс. Нарышкина принимаемы были не одни лица, имеющие приезд ко двору, но и каждый дворянин мог хоть ежедневно обедать и ужинать в его доме. По характерному выражению Грибоедова, у него «дверь была отперта для званых и незваных».

Литераторов, художников и музыкантов Нарышкин сам отыскивал, чтобы украсить ими свое общество. В девять часов утра можно было узнать от швейцара, обедает ли Нарышкин дома и будет ли вечером, и после того без приглашения являться к нему; но на вечер приезжали только хорошо знакомые в доме. Ежедневно стол накрывался на пятьдесят и более персон. Являлись гости, из числа которых хозяин многих не знал по фамилии, и все принимаемы были с одинаковым радушием.

На вечерах была музыка, танцы, les petits jeux [11] но карточной игры вовсе не было. По свидетельству современников, на вечерах Нарышкина в одной комнате раздавались шумные песни цыган, сопровождаемые живою их пляской, в другой гремела музыка, в третьей лучшие танцовщицы восхищали толпившихся вокруг них гостей, в четвертой в кругу посетителей играли русские или французские актеры. На балах была расточаема азиатская роскошь; званые обеды удовлетворяли самый изысканный гастрономический вкус; но в обыкновенные дни стол был самый простой. Обед состоял из шести блюд, а ужин из четырех. На обыкновенных обедах кушанье стряпалось большею частью из домашней провизии.

С первым зимним путем огромные обозы с домашней провизией приходили из деревень в столицу. На столе в обыкновенные дни стояли кувшины с кислыми щами [12], пивом и медом, а вино — обыкновенно францвейн или франконское — разливали лакеи, обходя вокруг стола два раза во время обеда. Редкие и дорогие вина подавали тогда только на парадных обедах или на малых, званых.

Державин воспел дом Нарышкина:

Нарышкин! Коль и ты приветством
К веселью всем твой дом открыл!
. . . .

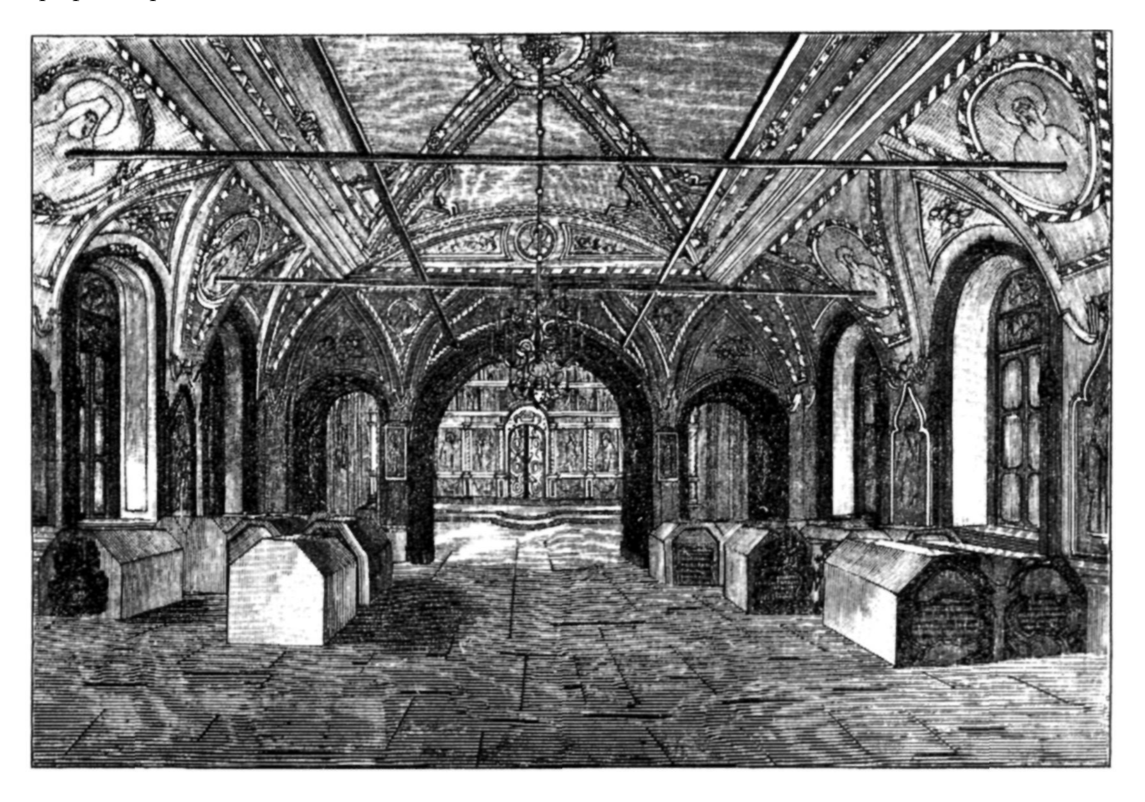
Где скука и тоска забыта,
Семья учтива, не шумна,
Важна хозяйка, домовита,
Досужа, ласкова, умна,
Где лишь приязнью, хлебосольством
И взором ищут угождать и проч.

В екатерининское время вся польская знать и с нею лучшая шляхта стала наезжать в Россию, где и находила отличный прием при дворе и в высшем обществе. При короле Станиславе Понятовском в Петербург стекались все польские честолюбцы. Из таких известен граф Северин Потоцкий [13]. Он после отца своего, лишившегося огромного состояния на спекуляциях, остался беден. Граф А. С. Ржевусский рассказывал, что, возвращаясь из Петербурга, он встретил на одной станции Потоцкого, ехавшего в Петербург.

Это было в начале польской революции в 1793 году. Они были приятели, и Ржевусский спросил его, зачем он едет в Петербург. «В Польше у меня ничего не осталось, — отвечал Потоцкий, — а теперь человек с именем может все приобресть при русском дворе. Еду за всем!» — прибавил он, смеясь. И действительно, Потоцкий впоследствии приобрел все в России.

В частной жизни он был весьма оригинален, никогда не заводился домом, жил на холостую ногу, в гостинице (на Екатерининском канале в доме Варварина), вечера проводил в гостях. В обществе был приятен и остроумен, дома капризен и брюзга.

Многие из таких знатных поляков были сенаторами и занимали высшие должности. Браки русских с польками, а поляков с русскими стали особенно покровительствуемы Екатериной. Граф Соллогуб, князь Любомирский и князь Понинский женились на трех дочерях

Усыпальница Нарышкиных в Боголюбской церкви Высокопетровского монастыря. С рисунка, приложенного к «Русским достопамятностям», изд. Мартыновым и Снегиревым

Л. А. Нарышкина *. За второй дочерью Нарышкина, Марией Львовной, вышедшей замуж за князя Любомирского, очень ухаживал Потемкин. Она была превосходная музыкантша; Державин написал ей экспромт во время игры ее на арфе и воспел ее под именем Эвтерпы. Потемкин, почти нигде не показывавшийся в обществе, уступал своей прирожденной лени, ежедневно приезжая в дом Нарышкина; у него он чувствовал себя совершенно свободным и сам никого не стеснял — серьезное чувство влекло его к юной дочери Нарышкина, и в тогдашнем обществе никто в этом не сомневался, видя, как он настойчиво ухаживал за нею; посреди всех посторонних он всегда был как будто наедине с ней.

Канцлер Безбородко писал в Англию своему родичу, Виктору Павловичу Кочубею [14]: «Князь (Потемкин) у Льва Александровича Нарышкина всякий вечер провождает. В городе уверены, что он женится на Марии Львовне. Принимают туда людей с разбором, а вашу братию, молодежь, исключают». Дмитрий Львович Нарышкин, впоследствии обер-егермейстер, женился на польской княгине Марии Антоновне Четвертинской, знаменитой своей красотой и вниманием императора Александра I. По свидетельству современников, ее сердечная доброта отражалась у ней не только во взоре, но и в голосе и в каждом ее приеме; она делала столько добра, сколько могла, и беспрестанно хлопотала за бедных и несчастных. Женившись на ней, Нарышкин выделился из родительского дома; это обстоятельство дало другу дома его поэту Державину написать грациозное стихотворение «Новоселье молодых», где он молодых хозяев воспевает под именем «Дафниса и Дафны» [15].

Затем у Державина встречается и другое стихотворение, «Аспазии» [16], написанное для Марии Антоновны Нарышкиной. Она имела гибкий стан, правильные черты лица, большие глаза, приятнейшую улыбку, матовую, прозрачную, неполированного мрамора белизну кожи.

Ф. Вигель, видевший Нарышкину, описывает встречу так: «Разиня рот стоял я перед ее ложей и преглупым образом дивился ее красоте, до того совершенной, что она казалась неестественною, невозможною; скажу только одно, в Петербурге, тогда изобиловавшем красавицами, она была гораздо лучше всех».

Род князей Четвертинских происходит от русских государей, от святого Владимира [17] и от правнука его Святополка, князя Черниговского.

Потомство последнего сделалось подвластно Литве, когда этот край отделился от России. Предки Четвертинских, размножаясь, обеднели. При Петре Великом Гедеон, князь Четвертинский, был православным митрополитом в Киеве, и уже потомки его впали в католицизм и затем возвысились в Польше в почестях. Отец княгини Марьи Антоновны был умерщвлен в 1794 году во время варшавского возмущения.

Про брата мужа Марии Антоновны в обществе тоже много ходило анекдотов и рассказов. Так, на каком-то торжественном празднестве в кадетском корпусе, в присутствии великого князя Константина Павловича и многих высших сановников, Нарышкин подходит к великому князю и говорит:

— J'ai aussi un cadet ici [18].

— Я и не знал, — отвечает великий князь, — представьте мне его.

Нарышкин отыскивает брата своего Дмитрия Львовича, подводит его к Константину Павловичу и говорит:

— Voici mon cadet [19].

Великий князь расхохотался, а Дмитрий Львович, по обыкновению своему, пуще расшаркался и встряхивал своею напудренною и тщательно завитою головою.

А. Л. Нарышкин был в ссоре с канцлером Румянцевым. Однажды заметили, что он за ним ухаживает и любезничает с ним. Когда просили у него объяснить тому причину, он отвечал, что причина в басне Лафонтена: [20]

«Maître corbeau sur un arbre perché Tenait en son bec un fromage» и т. д. [21]

Дело в том, что у Румянцева на даче изготовлялись отличные сыры, ко-

* Граф Виельгорский женился на графине Матюшкиной, бывшей княгине Гагариной, фрейлине императрицы. Граф Валер. Зубов — на Потоцкой. Родителям предоставлено было на волю избирать вероисповедание для их детей в той уверенности, что в третьем поколении дети от русских отцов и матерей примут православную веру, что и исполнилось почти без исключения — сын гр. Соллогуба был католик, а внук (известный писатель) — православный, равно как и князья Любомирские.

торые он дарил своим приятелям. Нарышкин был очень лаком и начал восхвалять сыры его в надежде, что он и его оделит гостинцем.

Император раз, в первый день пасхи, спросил Нарышкина: — Avez — vous embrassé aujourd'hui votre cousin Roumiazoff? — Non, sir, nous nous sommes seulement embarassés[22], — отвечал он.

Нарышкин не любил Румянцева и часто трунил над ним. Последний до конца своей жизни носил косу в своей прическе.

— Вот уж подлинно скажешь, — говорил Нарышкин, — нашла коса на камень.

Нарышкин говорил про одного скучного царедворца: «Он так тяжел, что если продавать его на вес, то на покупку его не стало бы и шереметевского имения».

На берегу Рейна предлагали Нарышкину взойти на гору, чтобы полюбоваться окрестными живописными картинами.

— Покорнейше благодарю, — отвечал он, — с горами обращаюсь всегда, как с дамами: пребываю у их ног.

Сам Нарышкин тоже перед коронацией императора Александра I долго не остригал своей косы.

— Отчего ты не острижешь своей косы? — раз спросил его император. — Je ne veux pas qu'on dise de moi que je n'ai ni tête ni queue[23], — отвечал он.

Нарышкин рассказывал про Всеволожского, известного московского хлебосола, что он живет очень открыто — у него два огромных дома в Москве без крыш стоят.

Раз, когда за придворным обедом подавали грибы, император, зная, что Нарышкин их любит, приказал камерлакею подать ему это блюдо после всех, восхваляя между тем другим это кушанье. Нарышкину остался только один гриб. Он отказался.

— Отчего ты не жалуешь этого блюда? — спросил его государь.

— Оттого, ваше величество, чтоб не сказали, что я от вас гриб съел, — отвечал Нарышкин.

Когда в 1807 году умер министр финансов граф Васильев, Нарышкин просил для себя это место. Император сперва выразил свое удивление, потом очень смеялся, когда Нарышкин сказал ему:

— Je suis non seulement qui versé dans les finances, mais renverse[24].

Один старый вельможа, живший в Москве, жаловался на свою каменную болезнь, от которой боялся умереть.

— Не бойтесь, — успокаивал его Нарышкин, — здесь деревянное строение на каменном фундаменте долго живет.

— Отчего, — спросил его кто-то однажды, — ваша шляпа так скоро изнашивается?

— Оттого, — отвечал Нарышкин, — что я сохраняю ее под рукой, а вы на болване.

Получив с прочими дворянами бронзовую медаль в воспоминание 1812 года, Нарышкин сказал:

— Никогда не расстанусь с нею, она для меня бесценна; нельзя ни продать ее, ни заложить.

Раз как-то на параде, в Пажеском корпусе, инспектор кадет упал на барабан.

— Вот в первый раз наделал он столько шуму в свете, — заметил Нарышкин.

Нарышкин имел обыкновение часто занимать деньги, которые редко уплачивал в срок; умирая, на смертном одре, он сказал:

— В первый раз я отдаю долг природе.

А. Л. Нарышкин был женат на дочери Закревского — родной племяннице графа Разумовского, Марине Осиповне. Императрица сама сосватала племянницу Разумовских Закревскую за Нарышкина. Сватовство это началось на балу у Екатерины II, тогда еще великой княгини. Марина Осиповна, молоденькая и ловкая, мастерски танцевала менуэт с Нарышкиным. Великая княгиня, сидевшая между сестрою Нарышкина Сенявиною и невесткою его Анной Никитичной (урожденной Румянцевой), любовалась парою и решила вместе с собеседницами своими, что молодых людей следует непременно женить; ее еще более к этому подстрекало то, что Нарышкина сватали в городе на племяннице Шуваловых, Хитровой. Государыня накануне свадьбы Марины Осиповны сама была на девичнике, который справлялся в Аничковском доме (нынешний дворец).

Свадьба праздновалась с обыкновенною торжественностью, с маршалами, шаферами и ближними девицами. Марина Осиповна впоследствии была очень

влиятельная особа в высшем петербургском обществе. Про нее пишет жена Державина, что она Гог и Магог [25].

По смерти своего мужа она была в ссоре с детьми за то, что они нарушили завещание дяди их Алекс. Алекс. Нарышкина. Завещанием этим он отдавал одну половину жене своей Анне Никитичне (урожденной Румянцевой, двоюродной сестре Задунайского), другую — брату своему Льву Александровичу, а после него уже детям. Нарышкина была превосходная хозяйка — она управляла всею домашнею экономией своего мужа.

Ей принадлежало в Могилевской губернии огромное имение Горы или Горки, теперь уездный город Горки, отданное ею старшей дочери графине Нат. Льв. Соллогуб; в этом имении в пятидесятых годах существовало Горыгорецкое училище. Здесь некогда гостил поэт Державин и воспел его в своих стихах. Державин в то время ездил в Белоруссию по повелению императора Павла для изыскания мер к отвращению голода и для исследования причин бедственного положения тамошних крестьян. Так, находясь по этому поводу на следствии в соседней деревне Березятни, принадлежавшей графу Поте, и возвращаясь оттуда однажды ночью в дом графини Соллогуб, он был встречен ее дочкой (она впоследствии вышла за князя Голицына), которая, из шутки, перерядясь в жидовское платье, поднесла поэту несколько стреляных бекасов (см. стихотв. «Горы», Державин, т. II, изд. Я. Грота).

В начале нынешнего столетия в Москве на Пречистенке жил обер-церемониймейстер Иван Александрович Нарышкин [26], небольшой пятидесятилетний худенький и миловидный человечек, очень учтивый в обращении и большой шаркун, как называет его в своих записках Благово; волосы у него были очень редки, он стриг их коротко и каким-то особенным манером, что очень к нему шло; он был большой охотник до перстней и носил прекрупные бриллианты.

У него было несколько сыновей и две дочери. Старший из сыновей Нарышкина, Александр Иванович, был видный и красивый молодой офицер, живого и вспыльчивого характера, у последнего была дуэль с известным Толстым, прозванным «Американцем»; на этой дуэли Толстой убил Нарышкина.

Убив Нарышкина, Толстой бежал из Москвы и долго путешествовал, был в Сибири, на Камчатке. Про него сказал Грибоедов:

Ночной разбойник, дуэлист,
В Камчатку сослан был, вернулся алеутом
И крепко на руку не чист.

Ф. И. Толстой [28] был очень видный, красивый мужчина и большой кутила. По возвращении из ссылки или бегства, так года за два или три до двенадцатого года, когда немного позабыли про его дуэль и другие грешки его молодости, он некоторое время в Москве был в большой моде и дамы за ним бегали.

Про него сказал кто-то в Москве: «Кажется, он довольно смугл и черноволос, а в сравнении с душою его он покажется блондином».

Толстой был лихой собеседник и гуляка; о нем рассказывает князь Вяземский, что однажды в Английском клубе сидел пред ним барин с красно-сизым и цветущим носом, и Толстой смотрел на него с сочувствием и почтением; но, видя, что во все продолжение обеда барин пьет одну чистую воду, Толстой вознегодовал и говорит:

— Да это самозванец! Как смеет он носить на лице своем признаки, им незаслуженные?

Раз Толстой написал своему приятелю в письме из Тамбова: «За неимением хороших сливок пью чай с дурным ромом». Толстой был мастер играть словами. Один из его родственников, ума ограниченного и скучный, добивался, чтобы он познакомил его с поэтом-партизаном Денисом Давыдовым [29]; Толстой под разными предлогами все откладывал представление, наконец однажды, чтобы разом отделаться от скуки, предлагает он ему подвести его к Давыдову.

— *Нет*, — отвечает *тот*, — сегодня неловко, я лишнее выпил, у меня немножко в голове.

— *Тем лучше*, — говорит *Толстой*, — тут-то и представляться к Давыдову.

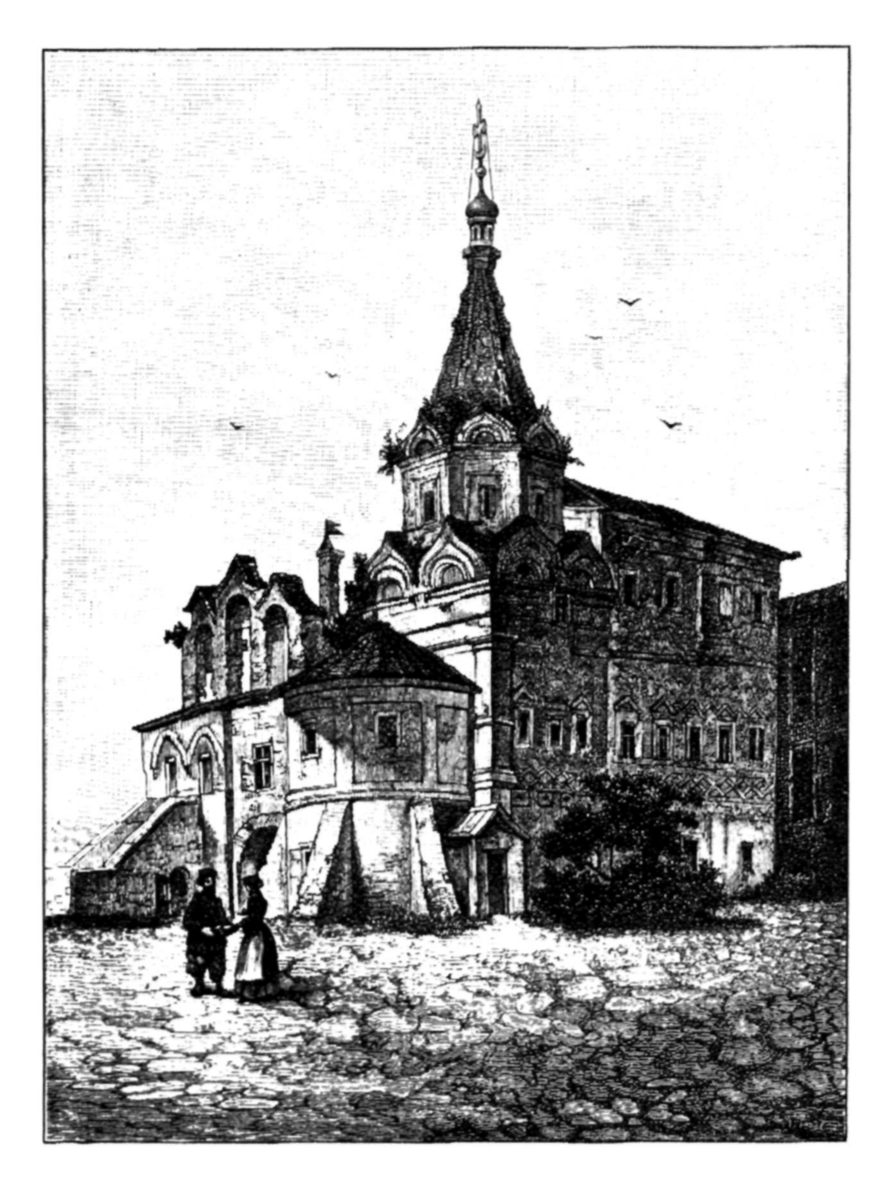
Затем он берет его за руку и подводит к Давыдову, говоря:

— Представляю тебе моего племянника, у которого немного в голове.

Однажды Толстой заходит к старой своей тетке.

— *Как ты кстати пришел*, — говорит *она*, — подпишись свидетелем на этой бумаге.

— Охотно, *тетушка*, — отвечает он и

Церковь при доме Нарышкиных на Воздвиженке. С рисунка, приложенного к «Русской старине», изд. Мартыновым

пишет: «При сей верной оказии свидетельствую тетушке мое нижайшее почтение».

Гербовый лист стоил очень дорого.

Какой-то князь был должен Толстому по векселю довольно значительную сумму; срок платежа давно прошел, а князь все не платил, несмотря на несколько писем Толстого; наконец последний, выбившись из терпения, написал ему: «Если вы к такому-то числу не выплатите долг свой весь сполна, то не пойду я искать правосудия в судебных местах, а отнесусь прямо к лицу вашего сиятельства».

Толстой был резкий тип прошлой эпохи; он был далеко не безупречен, но зато обладал неустрашимостью и силой характера; ему было море по колено; он не пресмыкался ни перед личностью, ни пред общественным мнением и признавался иногда в своих проступках с откровенностью, не лишенною цинизма. Впрочем, все эти недостатки не помешали ему в 1812 году оставить калужскую деревню, в которую он сослан был на житье, и явиться простым солдатом на Бородинское поле, геройски сражаться с неприятелем и заслужить крест св. Георгия 4-й степени.

Говорили тогда, что в азартные игры играл он не безупречно. Толстой и сам в этом сознался, отказав раз своему приятелю, князю С. Гр. Волконскому[30], метать ему банк:

— Нет, мой милый, я вас слишком

Александр Львович Нарышкин. С портрета, принадлежавшего Академии художеств

для этого люблю. Если бы вы сели играть, я увлекся бы привычкой исправлять ошибки фортуны.

Новосильцев * приводит рассказ, как Толстой сошелся с Нащокиным [31], с которым он не расставался по смерть и даже умер у него на руках. Вот как описывает он первую встречу друзей. Шла адская игра в клубе; наконец все разъехались, за исключением Толстого и Нащокина, которые остались за ломберным столом. Когда дело дошло до расчета, Толстой объявил, что противник должен ему заплатить двадцать тысяч.

— Нет, я их не заплачу, — сказал Нащокин, — вы их записали, но я их не проиграл.

— Может быть, это и так, но я привык руководиться тем, что записываю, и докажу это вам, — отвечал граф.

Он встал, запер дверь, положил на стол пистолет и прибавил:

— Он заряжен, заплатите или нет?

— Нет.

— Я вам даю десять минут на размышление.

Нащокин вынул из кармана часы, потом бумажник и отвечал:

— Часы могут стоить пятьсот рублей, а в бумажнике двадцатипятирублевая бумажка: вот все, что вам достанется, если вы меня убьете, а в полицию вам придется заплатить не одну тысячу, чтоб скрыть преступление: какой же вам расчет меня убивать?

— Молодец, — крикнул Толстой и протянул ему руку, — наконец-то я нашел человека!

В продолжение многих лет друзья жили безотлучно, кутили вместе, попадали вместе в тюрьму и устраивали охоты, о которых их близкие и дальние соседи хранили долгое воспоминание.

Друзья, в сопровождении сотни охотников и огромной стаи собак, являлись к незнакомым помещикам, разбивали палатки в саду или среди двора и начинали шумный, хмельной пир. Хозяева дома и их прислуга молили бога о помощи и не смели попасться на глаза непрошеных гостей.

Князь Вяземский говорит, что на одном из таких пьяных обедов, на котором был Толстой, подают к концу обеда какую-то закуску или прикуску. Толстой отказывается. Хозяин настаивает, чтобы он попробовал предлагаемое, и говорит:

— Возьми, Толстой, ты увидишь, как это хорошо; тотчас отобьет весь хмель.

— Ах, боже мой! — воскликнул тот, перекрестясь. — Да за что же я два часа трудился? Нет, слуга покорный, хочу оставаться при своем.

Толстой одно время, неизвестно по каким причинам, наложил на себя эпитимию [32] и месяцев шесть не брал в рот ничего хмельного. В это время совершались в Москве проводы приятеля, который отъезжал надолго. Проводы эти продолжались недели две. Что ни день, то прощальный обед или прощальный ужин. Все эти прощания оставались, разумеется, не сухими. Толстой на них присутствовал, но не нарушал обета, несмотря на все приманки и увещания приятелей, несмотря, вероятно, и на собственное желание. Наконец, назначены окончательные проводы, за городом, в селе Всесвятском. Дружно выпит прощальный кубок, отъезжающий сел в кибитку и пустился в дальний путь. Гости

* См. «Русская старина», 1878 г., т. 21, с. 538.

отправились в город. Толстой сел в сани вместе с Денисом Давыдовым, который, надо заметить, не давал обета трезвости. Ночь морозная и светлая, глубокое молчание. Толстой вдруг кричит кучеру: «Стой!» Сани остановились. Он обращается к попутчику и говорит:

— Голубчик, Денис, дохни на меня!

Относительно бегства из ссылки Толстого находим много разноречивых рассказов. Г-жа Новосильцева * говорит, что он во время кругосветного морского путешествия поссорился с командиром экипажа Крузенштерном и вздумал возмущать против него команду. Крузенштерн вынужден был высадить его на каком-то необитаемом острове, оставив на всякий случай ему немного провианта.

Когда корабль удалился, Толстой снял шляпу и поклонился командиру, стоявшему на корабле. Остров этот оказался, однако, населенным дикарями, среди которых Толстой прожил довольно долго. Несколько лет спустя, на его счастье, какой-то корабль заметил его местожительство и отвез его в Европу.

В самый день своего возвращения в Петербург Толстой узнал, что Крузенштерн дает бал, и ему пришло в голову сыграть довольно оригинальный фарс. Он переоделся, поехал к врагу и стал в дверях залы. Увидя его, Крузенштерн[33] не верил глазам.

— Толстой, вы ли это? — спросил он наконец, подходя к нему.

— Как видите! — отвечал незваный гость. — Мне было так весело на острове, куда вы меня высадили, что я совершенно помирился с вами и приехал даже вас поблагодарить!

Вследствие этого эпизода своей жизни он был назван «Американцем».

По другим сведениям, этот рассказ вполне опровергается **. В первых годах царствования императора Александра I было снаряжено морское кругосветное плавание под начальством Крузенштерна. Толстой, служивший тогда в Преображенском полку, испросил позволение участвовать в этой экспедиции. У Толстого, по рассказам той же г-жи Новосильцевой, было несметное число дуэлей.

Он был разжалован одиннадцать раз. Чужой жизнью он дорожил так же мало, как и своей. За одну дуэль или какую-то проказу, как рассказывает Вяземский, он был посажен в Выборгскую крепость. Спустя несколько времени показалось ему, что срок его ареста миновал, и он начал бомбардировать рапортами и письмами коменданта. Это наконец надоело последнему, и он прислал ему выговор и строгое предписание не докучать начальству пустыми ходатайствами. Малограмотный писарь, переписывавший эту бумагу, где-то совершенно неуместно поставил вопросительный знак.

Толстой обеими руками ухватился за этот неожиданный знак препинания и снова принялся за перо. «Перечитывая, — писал он коменданту, — несколько раз с должным вниманием и с покорностью предписание вашего превосходительства, отыскал я в нем вопросительный знак, на который вменяю себе в непременную обязанность ответствовать». И тут же стал он снова излагать свои доводы, жалобы и требования.

Толстой имел свои погрешности, о которых можно сожалеть, но нельзя не сказать, что он был человек ума необыкновенного. Толстой умер в подмосковном своем имении в начале сороковых годов.

Возвращаясь опять к роду Нарышкиных, нельзя пройти молчанием Екатерину Ивановну Нарышкину — дочь Ивана Львовича Нарышкина. Отец ее рано овдовел и умер тридцати четырех лет, оставив ее на попечение старшего брата Александра Львовича.

По матери своей она происходила от Фомы Ивановича Нарышкина — дяди Кирилла Полуектовича. Семейство Нарышкиных разделилось уже в XVI веке, и при Петре Великом родство между отдельными ветвями было так отдаленно, что, несмотря на строгость в то время церковных правил, потомки разных поколений свободно могли вступать между собою в брак. Брак царя Алексея Михайловича возвысил весь захудалый род Нарышкиных, и самые отдаленные родственники попали ко двору, как родственники царицы.

Екатерина Ивановна воспитывалась в доме дяди своего Александра Львовича, известного своею надменностью и женатого на графине Е. А. Апраксиной. Сестры его при дворе Петра Великого играли весьма важную роль и считались чем-то вроде принцесс крови. Обручение

---

* См.: «Русская старина», т. 21, с. 539.

** Там же.

Нарышкиной с графом К. Гр. Разумовским было очень парадно, в большой придворной церкви. Самая свадьба происходила спустя три месяца, 27-го октября. В этот день, как отмечено в камер-фурьерском журнале, знатнейшие обоего пола особы съехались ко двору его императорского величества в галерею.

Потом обыкновенною церемониею «из покоев его императорского величества чрез галерею невеста ведена с литавры и трубы маршалом князем Трубецким с шаферами и другими кавалерами. Невесту вел его императорское высочество, за нею следовали ее высочество государыня великая княгиня и другие чиновные дамы в церковь и по обвенчании такою же церемониею пошли в галерею и в парадные камеры, пока на приготовленные столы кушанья становили. И как поставили кушанья в покоях на стороне его императорского высочества подле малой комнатной церкви, в трех покоях: в первой половине два стола с балдахинами, на восемьдесят персон; во втором покое два стола, на столько же персон; в третьем покое на двадцать персон — за столом, обыкновенно под балдахином, посажена невеста подле ее матери, по правую сторону великая княгиня, по левую — вдовствующая ландграфиня Гессен-Гомбургская; в конце стола, из высочайшей милости, изволила присутствовать сама императрица, подле нее, по правую и левую стороны, сидели господа послы.

За другим столом под балдахином жених; подле его отцы и братья и прочие знатные чужестранные министры. Во время столов по свадебной церемонии обыкновенно маршал с трубами и литаврами проводил ближних девиц и форшнейдера. В продолжение стола играла итальянская музыка. По окончании стола возвратились в галерею и начались танцы и, несколько потанцевав, с музыкою провожены до карет, и жених и невеста отвезены в дом их. На другой день после свадьбы Екатерина Ивановна была объявлена статс-дамой и пожалована пребогатым портретом». Ек. Ив. Нарышкина приходилась императрице Елисавете внучатной сестрой. 30-го октября вся императорская фамилия пировала у нее в доме.

Великолепный дом Нарышкиной, где впоследствии жил ее муж, Разумовский, был построен на старинном Романовом дворе; после смерти Ек. Ив. он в 1782 году был перестроен по плану графа З. Г. Чернышева *. Дом этот поныне не изменил своего внешнего вида [34]. Все пространство по обеим сторонам Воздвиженки, при соединении ее с Москвою, на берегу Неглинной, принадлежало с XVII и начала XVIII века Нарышкиным. Воздвиженка называлась в то время Арбатскою улицею.

Родовые вотчины Нарышкина были Петровское (Разумовское) [35], подмосковные Троицкое, Лыково и Поливаново. Петровское, по рассказам Кокса **, путешествовавшего в 1778 году вместе с лордом Гербертом, походило скорее на город, чем на дачу. Оно состояло из 40 или 50 домов разной величины. У мужа Нарышкиной, графа Разумовского, находились здесь телохранители, множество слуг и оркестр музыки.

Огромные Петровские пруды были выкопаны работниками-малороссами. Граф жил окруженный блестящим военным штатом — генерал- и флигель-адъютантами, ординарцами, почетными караулами, целою толпою егерей, гайдуков, гусаров, скороходов, карликов и всяких других телохранителей. Огромный старинный сад Петровского шел уступами к большому озеру, живописно лежащему в отлогих зеленых берегах; длинные тенистые аллеи из столетних дерев еще посейчас живо напоминают былое великолепие барского времени.

Недалеко от Петровского-Разумовского есть группа исполинских дубов, посаженных, по преданию, рукою Петра Великого. Существует также предание, что в Петровском стоял некогда охотничий домик Алексея Михайловича. В память рождения Петра царем построена там церковь во имя св. Петра и Павла; в церкви хранится апостол, пожертвованный императором Петром I с собственноручною его подписью. Петр Великий очень любил это село и там выстроил для себя летний дворец и близ него несколько домиков; при нем эта местность называлась сельцо Астрадово [36]. Впоследствии муж Нарышкиной, граф К. Г. Разумовский, отдал его пятому своему сыну Льву Кирилловичу. Страсть к постройкам и садоводству была в се-

---

* «Русская старина», г. Мартынова, II, с. 115.

** «Voyage en Pologne, Russie etc.» Par Wiliam Cox.

мействе Разумовских наследственна, и этот новый владелец еще больше украсил свое подмосковное имение. Екатерина II, отправляясь на коронацию в Москву, остановилась в этом подмосковном. Здесь провела она несколько дней, посещая изредка город под строгим инкогнито. Здесь увидел ее Державин, находившийся тогда простым солдатом на карауле при петровском доме. Симпатичная личность Разумовского очень подробно очерчена князем Вяземским и А. А. Васильчиковым *. Она настолько интересна, что нельзя не привести несколько кратких выдержек о ней.

Родился Разумовский в 1757 году; в 1774 году он был зачислен в блестящее посольство князя Н. В. Репнина [37] и вместе с ним отправился в Константинополь. По возвращении с Востока он поступил в Семеновский полк. В это время в полку он сделался одним из первых петербургских щеголей и ловеласов, но среди светских успехов своих он сумел сохранить свежесть и чистоту сердца.

И. И. Дмитриев рассказывает, что во время дежурств на петербургских гауптвахтах к нему то и дело приносили записочки на тонкой надушенной бумаге, видимо писанные женскими руками. Он спешил отвечать на них на заготовленной заранее, также красивой и щегольской бумаге. В Семеновском полку он дослужился до полковничьего чина и только в 1782 году поступил генерал-адъютантом к князю Потемкину. Отец сам спешил удалить сына из столицы. «Лев — первое дело, м о т , — писал он к другому своему сыну, Андрею * * , — и часто мне своими беспутными и неумеренными издержками немалую скуку наводил».

За Дунаем он забыл свое столичное сибаритство [38] и храбро дрался против турок и не прочь был покутить с товарищами, которые его все без памяти любили. Сперва он командовал егерским полком, под начальством Суворова, а потом был дежурным генералом при князе Н. В. Репнине. В 1791 году он был под Мачином. За военные подвиги Разумовский был награжден орденом св. Владимира 2-го класса. В 1796 году он подал по болезни в отставку и отправился за границу. Пропутешествовав несколько лет, он окончательно поселился в Москве. Отец отделил ему вместе с громадным малороссийским имением Карловкою можайские вотчины и Петровское-Разумовское. В 1800 году Лев Кириллович, по делам и для свидания с родными, отправился в Петербург. Едва успел он туда приехать, как получил высочайшее приказание немедля возвратиться в Москву ***. Граф Лев Кириллович, по словам князя Вяземского, «был замечательная и особенно сочувственная личность». Он не оставил по себе следов ни на одном государственном поприще, но много в памяти знавших его. Он долго жил в Москве на Тверской в доме, купленном им у Мятловых (теперь принадлежит г. Шаблыкину — в нем помещается Английский клуб) [39], и забавлял Москву своими праздниками, спектаклями, концертами и балами. Он был человек высокообразованный: любил книги, науки, художества, музыку, картины, ваяние. Едва ли не у него первого в Москве был зимний сад в доме. Это смешение природы с искусством придавало еще новую прелесть и разнообразие праздникам его.

Лев Кириллович был истинный тип благородного барина; наружность его была настоящего аристократа: он смотрел, мыслил, чувствовал и действовал как барин; росту он был высокого, лицо имел приятное, поступью очень строен, в обращении отличался необыкновенною вежливостью, простодушием и рыцарскою честью. Он был самый любезный говорун и часто отпускал живое, меткое, забавное слово. Он несколько картавил, даже вечный насморк придавал речи его особенно привлекательный диапазон. Всей Москве известен был обтянутый светлой белизны покрывалом передок саней его, заложенных парою красивых коней, с высоким гайдуком на запятках. Всякому москвичу знакома была большая меховая муфта **** графа, которую он ловко и даже грациозно бросал в передней,

* См. А. А. Васильчикова «Семейство Разумовских».

** Наш посланник в Неаполе, известный по связям с королевой неаполитанской, красавец собой, был необыкновенно горд. Граф Ростопчин рассказывает, что на одном из спектаклей в Эрмитаже цесаревич Павел Петрович подозвал его к себе и сказал: «Сообщу тебе новость, сегодня Разумовский первый поклонился мне».

*** «Архив князя Воронцова».

**** «Манька» — так называли в то время модные мужские муфты.

входя в комнаты. Разумовского в обществе тогда называли «Le comte Le comte Léon» [40]. Разумовский был близок с Карамзиным и в тесной связи с масонами. Он был масоном и глубоко верующим и ревностным христианином.

Как уже было сказано выше, Разумовский был поклонником прекрасного пола.

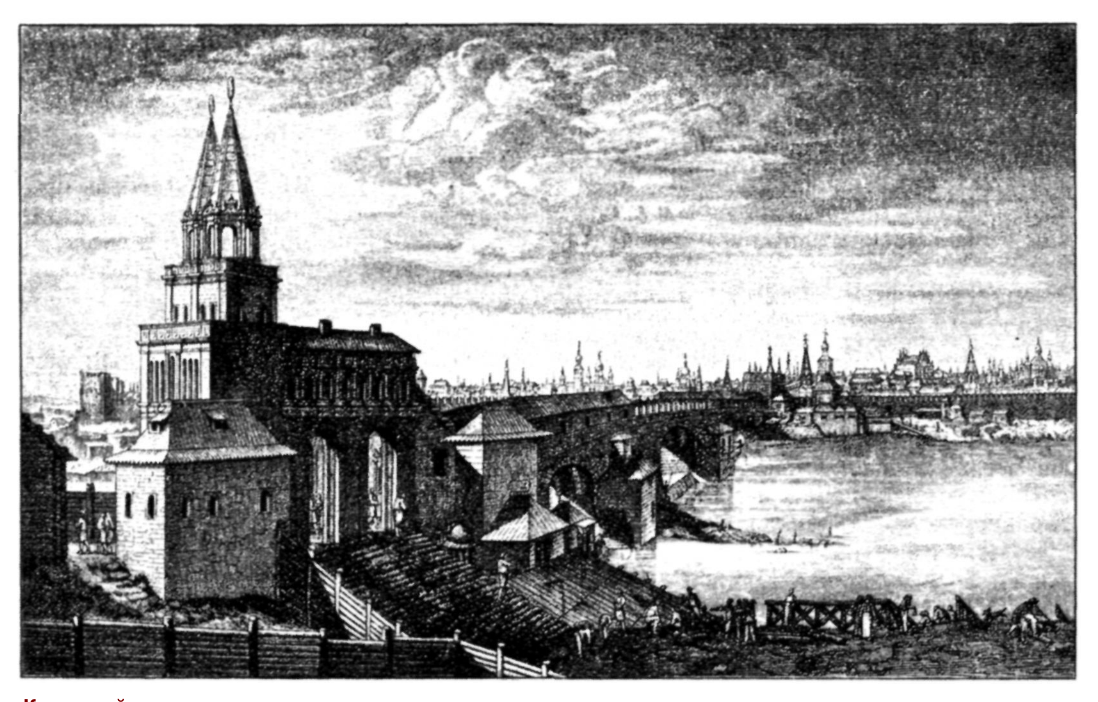
В то время в Москве жил князь Ал. Ник. Голицын, внук знаменитого полтавского героя. Этот князь отличался крайним самодурством, за которое в Москве его прозвали именем оперетки, бывшей в то время в большой моде, «Cosa rara» (редкая вещь).

Про Голицына рассказывали, что он отпускал ежедневно кучерам своим по полудюжине шампанского, что он крупными ассигнациями зажигал трубки гостей, что он горстями бросал на улицу извозчикам золото, чтобы они толпились у его подъезда, и проч., и проч. Разумеется, что все его громадное состояние — у него считалось 24 000 душ — пошло прахом.

Голицын был женат на красавице княжне М. Г. Вяземской, почти ребенком выданной за самодура. Сумасшедшая расточительность мужа приводила княгиню в отчаяние. Он, не читая, подписывал заемные письма, в которых сумма прописана была не буквами, а цифрами, так что заимодавцы, по большей части иностранные, на досуге легко приписывали к означенной сумме по нулю, а иногда по два, по три. Все прочие действия и расходы его были в таком же поэтическом и эпическом размере.

Последние годы жизни своей провел он в Москве, получая приличное денежное содержание от племянников своих, светлейших князей Меншиковых и князей Гагариных. Вяземский про него говорит, что он был по-своему практический мудрец, никогда не сожалел он о прежней своей пышности, о прежнем своем высоком положении в обществе, а наслаждался по возможности жизнью, был всегда весел духом, а часто и навеселе.

Уже принадлежавши екатерининскому времени, он еще братался с молодежью и разделял часто их невинные и «винные» проказы; в старости он сохранял величавую, совершенно вельможную

Каменный мост в Москве в начале XVIII столетия. С современной гравюры Бликланда

наружность. Ума он был далеко не блистательного, но так хорошо, плавно изъяснялся, особенно по-французски, что за изящным складом речи не скоро можно было убедиться в довольно ограниченном состоянии умственных способностей его.

Граф Разумовский был в свойстве с князем Голицыным и часто встречался с его женой в обществе. Нежное его сердце не устояло при виде ее миловидности и того несчастного положения, в котором она находилась вследствие самодурства мужа. Об этом романе вскоре заговорила вся Москва. «Брат Лев, — писал старик Разумовский к сыну Андрею в 1799 году, — роль Линдора играет». С обоюдного и дружелюбного согласия состоялся развод. Граф женился на княгине. Брак этот в свое время наделал много шума.

Богатые и знатные родственники Голицына сильно восставали против этого брака; сам же князь продолжал вести дружбу с графом Разумовским, часто обедывал у бывшей своей жены и нередко с нею даже показывался в театре. Брак хотя официально не был признан, но сильные мира, как, например, главнокомандующий граф Гудович, племянник его гр. В. П. Кочубей, явно стали на сторону молодой графини, и московское общество стало принимать молодую, щеголеватую и любезную графиню и толпиться у нее на роскошных пирах — зимою на Тверской, а летом в Петровском. Только изредка тайком делались намеки на не совсем правильный брак, но и этим намекам скоро был положен конец.

В бытность императора Александра I в 1809 году в Москве на бале у Гудовича государь подошел к графине и, громко назвав ее графинею, пригласил на полонез. Брак Разумовского был самый счастливый: 16 лет протекли у них в самой нежной любви и согласии.

Графиня М. Г. Разумовская пережила мужа сорока семью годами. Симпатичная ее личность памятна еще многим людям нашего высшего общества. Графиня после кончины мужа предавалась искренней и глубокой грусти.

Для здоровья ее, сильно пострадавшего от безутешной печали, ее уговорили отправиться за границу, и здесь она переменила траурную одежду на светлую.

За границей много говорили о ее блестящих салонах в Париже и на водах. По возвращении в Россию она опять заняла первое место в высшем обществе. Графиня сперва поселилась на Большой Морской в своем доме (теперь Сазикова), затем переехала на Литейную, в дом Пашкова (дом департамента уделов).

Когда дом был куплен в казну, император Николай Павлович подарил графине всю мебель, находившуюся в ее комнатах. Последние годы графиня жила на Сергиевской, в доме графа Сумарокова (теперь Боткина). Царская фамилия особенно была милостива к графине и удостоивала ее праздники своим присутствием. Но при всей своей любви к обществу графиня таила у себя священный уголок, хранилище преданий и памяти минувшего.

Рядом с ее салонами и большою залою было заветное, домашнее, сердечное для нее убежище. Там была молельня с семейными образами, мраморным бюстом спасителя работы знаменитого итальянского художника, с неугасающими лампадами и портретом покойного графа.

У графини была одна страсть — к нарядам. Когда в 1835 году, проезжая через Вену, она просила приятеля своего, служившего по таможне, облегчить ей затруднения, ожидавшие ее в провозе туалетных пожитков.

— Да что же вы намерены провезти с собою? — спросил он.

— Безделицу, — отвечала она, — триста платьев.

К характеристике ее добавляет А. А. Васильчиков, что графиня очень любила Париж и простодушно признавалась, что любит его за то, что женщины немолодые носят там туалеты нежных, светлых оттенков.

— Ах, улица эта губит меня, — шутя говорила она на другой день после приезда своего, гуляя по Rue de la Paix[41].

Перед коронацией покойного государя графиня поехала в Париж, чтобы заказать приличные туалеты для готовящихся торжеств в Москве. Графиня, нигде не останавливаясь (тогда еще не везде были железные дороги), одним духом доехала до Парижа; ей было уже 84 года. Приехала она довольно поздно вечером, а на другой день, утром, как ни в чем не бывало гуляла по любимой своей «Rue de la Paix».

В то время в Париже находилась старая венская приятельница и ровесни-

ца графини княгиня Грасалькович, рожденная княжна Эстергази, славившаяся тоже необыкновенною своею бодростью, несмотря на преклонные лета. Узнав, что графиня одним духом доскакала до Парижа для заказа нарядов, княгиня с завистью воскликнула: «После этого мне остается только съездить на два дня в Нью-Йорк».

Графиня Разумовская скончалась в 1865 году, 93-х лет от роду. Она тихо уснула на руках своих преданных приближенных. Все домашние любили графиню безгранично. Она делала много добра и милостей без малейшего притязания на огласку. Тело ее перевезено было в Москву в Донской монастырь и положено рядом с мужем. Мало знакомых сошлось помолиться вокруг ее поздней могилы.

Великолепное Петровское графини сильно пострадало во время двенадцатого года. Впрочем, по уходе неприятеля за исключением повырубленных там деревьев все было возобновлено в прежнем виде. Во время пребывания императора Александра I в 1818 году ему не удалось побывать в Петровском. Графиню там посетили только король и принц прусские вместе с принцем мекленбургским.

Этим посещением заключились навсегда веселые пиры в живописном и гостеприимном Петровском. Граф Лев Кириллович умер 21-го ноября 1818 года, а вскоре после смерти его Петровское купил бывший в то время московский градоначальник князь Долгоруков.

После него в 1829 году это барское имение приобрел аптекарь Шульц; новый владелец с этим имением много не церемонился, частями повырубил там вековой парк на дрова и продал несколько домов на своз. От Шульца имение было куплено в казну, и здесь была устроена Земледельческая академия.

ГЛАВА XII

Тетка царицы Натальи Кирилловны. — Федор Полуэктович Нарышкин. — Авдотья Петровна Нарышкина. — Монахиня Деввора. — Народные предания о родине царицы Натальи селе Киркино. — Ирина Григорьевна и Наталья Александровна Нарышкины. — Борода Архипыча. — Последние родичи царственной ветви Нарышкиных. — Село Кунцево. — Ал. Вас. Нарышкин. — Подгородный дом Нарышкиных. — Церковь Большого Вознесения. — Могилы Скавронских. — Первый полковой Преображенский двор и дворы птенцов Петра. — Старейший представитель рода Нарышкиных

Интересна судьба также еще одной Нарышкиной, тетки царицы Натальи Кирилловны, бывшей при ней ближней боярыней. Она была родом шотландка, родилась в Москве в Немецкой слободе, называемой просто Кокуем. В этой слободе иноземцы жили совершенно особою от прочих москвичей жизнью, у них были свои нравы, свои обычаи и вера. Вступать в браки русским с «девками Немецкой слободы» в то время считалось делом неслыханным, и вот в такой неравный брак (mésalliance — *фр.*) вступил дядя царицы, Федор Полуэктович Нарышкин [1]; нареченная его невеста была Авдотья Петровна Гамильтон.

В почтенном труде А. А. Васильчикова «Род Нарышкиных» она названа Анной. П. И. Мельников [2] предполагает, что, вероятно, имя Авдотьи она получила уже впоследствии, при переходе в православную веру, в честь знатной своей тетки. Об этой Нарышкиной сохранилось несколько любопытных письменных известий и еще более любопытных народных преданий. По смерти своего мужа, рейтарского ротмистра Федора Полуэктовича Нарышкина, вместе с матерью своей иноземкой и с тремя сыновьями — Василием, Андреем и пятилетним Семеном «за многие вины», как сказано в царской грамоте арзамасскому воеводе, была отправлена в ссылку в сельцо Лобачево Алатырского уезда.

По преданию, обвинялась она в пособничестве тем поступкам своей племянницы, в которых обвиняли мачеху царевна София, ее сестры и тетки. Незадолго до смерти своей царь Феодор Алексеевич освободил старших сыновей Авдотьи Петровны, а младший, Семен, остался при ней. Для надзора за Нарышкиной назначен был особый пристав Данило Чернцов.

По указу великого государя «велено ему быть у федоровской жены Нарышкина, у вдовы Овдотьи, и у матери ее, и у детей в приставех и держать во всякой осторожности, чтобы к ней, Овдотье, тайно никто не приходил и писем никаких не приносил, также бы и они ни с кем тайно ничего не говорили и от себя писем и людей своих никуды не посылали. А на карауле велено с ним, Данилой, быть алатырским стрельцам десяти человекам и стоять, переменяясь, помесячно». Но сосланные не очень-то слушались Чернцова, так что он был вынужден жаловаться на их поступки. «Вдова Овдотья, — писал он в Москву, — и мать ее, и дети, и люди ее чинятся во всем, не послушны, и его, Данила, она, Овдотья, била и бороду выдрала, и жену его бранят, и бесчестят, и беспрестанно бьют же».

У приставов при опальных людях всегда были несогласия с находившимися под их надзором. Эти несогласия обыкновенно происходили из-за корыстных целей. Бедным приставам хотелось поживиться на счет богатых ссыльных людей, и вот отсюда и вытекали разные дрязги и несогласия.

Нравы того времени были таковы,

что выдранная борода пристава не представляла бы ничего особенного, но дело кончилось тем, что Нарышкина со всем семейством и людьми из места своего заточения неизвестно куда скрылась. Данилу Чернцова за несмотрение выдрали батогами и сослали в дальние сибирские места на государеву службу.

Авдотья Петровна Нарышкина скрылась в северной части Арзамасского уезда в лесу близ Пустынского озера в пяти верстах от села Пустыни, и для того, чтобы живущие вблизи раскольники не выдали её тайного места жительства, Нарышкина, как предполагает П. И. Мельников, сама назвалась раскольническою старицей Девворой *.

До сих пор в лесу на берегу Пустынского озера указывают место, где был построен небольшой, в два этажа деревянный дом этой Девворы. В каждом этаже было, как рассказывают, по три покоя. Дом стоял на лужайке внутри густой чащи столетних деревьев, которые совершенно закрывали его ветвями.

П. И. Мельников посещал это место и видел там сохранившиеся признаки былого жилья: погребные ямы, заросшие бурьяном, несколько гряд и позднейшие ямы кладокопателей.

Несколько десятков лет тому назад здесь рылись искатели кладов, и хотя сокровищ не нашли, но отыскали железный таган, медную кастрюлю, две серебряные столовые ложки и старообрядскую просфирную печать.

Место, где жила Нарышкина в Пустынском лесу, доныне зовется Царицыным, или Девворином, местом. Раскольники уважают его, и на лужайке, где стоял дом, служат панихиду по инокине Девворе. Они почитают ее праведною.

Предание повествует следующее. Во времена гонений за старую веру одна из царских сродниц, другие говорят — сама царица, не восхотела приять никоновых новшеств и на Москве, при царском дворе живучи, претерпела многие мучения. Сам патриарх и многие архиереи уговаривали ее покинуть старую веру и приять новую, она их не послушала и до того озлобила царя, что он послал ее в заточение.

Но из заточения она успела бежать, постриглась в инокини и была наречена Девворой. Поселилась матушка Деввора на Пустынском озере со своими людьми, также не восхотевшими приять нового учения, и жила она в своем доме безвестно много времени. Никуда она не выходила из дому и только в летнюю пору, в светлые ночи, приходила со своими домочадцами гулять по берегу озера.

Потом как-то проведали про место, где скрывается мать Деввора, и прислано было от царя много ратных людей для ее поимки. Так всех их тут и забрали, а потом, заковав в железо, отвезли в дальнее заточение.

Вообще на бедную Наталью Кирилловну было наплетено немало небылиц. Так, князь Долгоруков, известный составитель родословной книги, приводит взятый им из напечатанной в 1827 году в «Историческом, политическом и статистическом журнале» рассказ:

«В 25-ти верстах от города Михайлова стоит селение Киркино, коего жители большею частию дворяне (однодворцы); там сохранился изустный рассказ, что царица Наталья родилась в Киркине и что боярин Матвеев, проезжая случайно через это селение, увидел плачущую девицу и полюбопытствовал спросить о причине ее слез. Услышав, что причиною печали была насильственная смерть ее девки, «самовольно удавившейся», добрый боярин взял ее к себе на воспитание. В этом селении и поныне говорят: «Если бы не удавилась девка в Киркине, не быть бы на свете Петру».

Село Киркино теперь принадлежит С. Н. Худекову; в нем построено одноклассное уездное училище, названное Нарышкинским. В церковном архиве села Киркина хранятся редкие документы, относящиеся до рода Нарышкиных, архив этот ревниво оберегается от археологов старым священником.

Место, где скрывалась беглая Авдотья Петровна Нарышкина с детьми, было через несколько лет отыскано, и арзамасскому воеводе предписано было взять ее, посадить в тюрьму и в застенке произвести розыск.

Вскоре после застенка судьба ее несколько улучшилась: два старших ее

* См. очерк П. И. Мельникова (Печорского): «Авдотья Петровна Нарышкина».

сына были взяты в Москву и сделаны комнатными стольниками царевича Петра, младший же сын остался при матери. При вступлении Петра Великого на престол в первый же день состоялся вызов «думного дворянина Феодоровой жене Полуектовича Нарышкина с сыном (Симеоном) велено быть на Москве не мешкав».

После этого Нарышкина опять появляется при дворе, чтобы видеть избиение своих родичей во время стрелецкого бунта.

Из женского поколения Нарышкиных помимо Авдотьи Нарышкиной известна по своей набожности и принадлежности к старой вере и Ирина Григорьевна Нарышкина, бывшая замужем за князем Иваном Юрьевичем Трубецким, этим последним боярином русским, пережившим это звание целым полувеком. Князь был женат дважды. Нарышкина была его вторая жена; от нее он имел одну дочь, княжну Анастасию (род. в 1700 г., ум. в 1755 г.), выданную сначала на 12-м году возраста за молдаванского господаря и русского сенатора князя Дмитрия Константиновича Кантемира, потом по смерти его вышедшую за русского генерал-фельдмаршала князя Людвига-Вильгельма Гессен-Гомбургского. Кроме дочери князь имел, как мы выше уже говорили, еще побочного сына, прижитого им в Стокгольме, известного впоследствии И. И. Бецкого.

В истории рода Нарышкиных известна также была Настасья Александровна Нарышкина, сын которой, Александр Иванович, был вельможа времен Екатерины II; сын последнего, Иван Александрович, был женат на Екатерине Алек. Строгановой, сестре барона, впоследствии графа Гр. Ал. Строганова. Сын Ив. Алек. Нарышкина, как мы выше говорили, был убит Толстым, Американцем, на дуэли. Нарышкин жил в Москве на Пречистенке почти напротив дома бывшего Всеволожского, остававшегося столько десятков лет в том виде, в каком он уцелел от пожара 1812 года.

Настасья Александровна Нарышкина известна дружбою царицы Прасковьи Феодоровны, супруги царя Иоанна Алексеевича. По преданию, это была самая ярая противница всех преобразований Петра Великого и руководительница царицы Прасковьи во всех ее благотворениях.

В роде этой Нарышкиной сохранялась как святая реликвия борода известного юродивого императрицы Анны Иоанновны Тимофея Архипыча; с этой бородой было связано, по суеверному преданию, благосостояние всей семьи Нарышкиных, и с утратой ее должен прекратиться и род Нарышкиных.

Действительно, во время переезда в новый дом борода исчезла и в год исчезновения ее было получено известие, что у главы семьи Нарышкиных, проживавшего тогда за границею, у единственного его сына Александра появились первые признаки того тяжкого недуга, который свел его впоследствии преждевременно в могилу; после смерти его эта ветвь Нарышкиных действительно пресеклась.

Родовым имением царственной ветви Нарышкиных были подмосковные села Кунцево, Фили [3] и Покровское, пожалованные царем Алексеем Михайловичем своему тестю Нарышкину. Описывать Кунцево с его столетними аллеями, беседками и т. д. мы здесь не будем, от этого былого барского гнезда сохранилось теперь весьма немного, но скажем несколько слов о существующем там «чертовом мосте».

К числу преданий о нем относится следующее: лет тридцать назад в одну из чудных летних ночей сюда приехала попировать компания — представители лучших интеллигентных людей того времени в Москве — здесь были профессора, литераторы и актеры.

Беседа на открытом воздухе шумно и весело прошла до утра, и, когда первые лучи солнца озолотили верхушки дерев, пирующие дали клятву по смерть в этот день собираться в Кунцеве.

Каждый год сюда приезжали гости, и каждый год число их редело. Несколько лет тому назад сюда приезжали только двое — это были известный в свое время доктор и ученый П. Л. Пикулин и не менее известный переводчик Шекспира Н. Х. Кетчер [4], теперь и эти оба покойники.

В Покровском в церкви сохранилось много исторических вещей, внесенных в дар родичами Нарышкиных. Из таких даров в ризнице хранятся Евангелие, напечатанное в Москве в 1689 году, аксамитные [5] ризы и полотенце, вышитое

золотом и шелками, работы самой царицы Натальи Кирилловны.

Пред запрестольными образами висят шесть больших серебряных вызолоченных лампад с надписью: «Лета 7202 (1694) сия лампада построена в новопостроенную каменную церковь Нерукотворенного Спасова Образа, что в селе Покровском, тщанием и иждивением боярина Льва Кирилловича Нарышкина».

Эта церковная утварь была спасена в 1812 году от неприятеля купцом Шуховым. В числе местных образов замечательны: с. Иоанна Предтечи и св. Алексия человека божия, апостолов Петра и Павла — письма Карпа Золотарева, изографа XVII века, и св. мучеников Адриана и Наталии.

Московская улица в конце XVIII столетия. С гравюры того времени Дюрфельда

По словам А. А. Мартынова, в этих иконах представляется семейство царя Алексея Михайловича со второю супругою его Наталиею Кирилловною Нарышкиной с сыновьями ее Иоанном и Петром. На образе апостолов виднеется следующая знаменательная надпись: «Образ камене, его же Христос нарече: Петре! ты еси Каменю веры, на нем же созиждю церковь мою и врата адова не одолеют ю»; на хартии у апостола Петра [6], изображенного с крестом на раме и с двумя ключами в руке, начертано из его посланий: «Отложите убо всяку лесть, и лицемерие, и зависть, и все клеветы, яко новорожденнии младенцы, словесное и нелестное млеко возлюбите, да в нем возрастете во спасение».

Другие образа также напоминают фамилию Нарышкиных. Все церкви в подмосковных селах, принадлежавших Нарышкиным, сходствуют по стилю — они итальянской архитектуры, во вкусе Возрождения (Renaissance) [7].

Этот вкус, надо полагать, был самый модный в Москве в конце XVII века. Зодчий этих церквей неизвестен, но по всем признакам несомненно, что он был чужеземец [8].

В подмосковном селе Троицком (Лыково тож), принадлежавшем некогда родному брату матери Петра I, Ивану Кирилловичу Нарышкину, сущест-

вует храм, который также увековечивает в образах святых имена Нарышкиных.

Здесь тот же собор святых апостолов Петра и Павла, мученицы Наталии, Льва Катанского, Мартиниана, Анны Пророчицы, Евдокии, Параскевы и проч. В этом храме, на антиминсе [9], обозначено имя императора Петра I и сына его царевича Алексея Петровича; освящена церковь в 1708 году Каллистом, архиепископом тверским и кашинским.

С церквами в селах Троицком и Покровском на Филях сходствует также церковь при доме графа Шереметева на Воздвиженке [10], принадлежавшая некогда тоже одному из Нарышкиных.

В сооружениях церквей при своих домах и вотчинах в XVII веке соревновались один перед другим все знатные московские бояре. Такие храмы строились отдельно на дворах, с главами и со звоном. В них хранились и читались за литургиею фамильные синодики [11], которые служили родословною летописью, сближавшею потомков с предками. Примеру предков и своих современников подражали и Нарышкины.

Такая церковь Нарышкиных, по словам Ив. Снегирева, стояла у их каменных палат, на берегу Неглинной в Белом городе, там, где теперь дом Горного правления. Церковь была с двумя престолами во имя св. мученицы Ирины и во имя св. Параскевии Пятницы.

В этом храме были приделы во имя Знаменья и святителя Николая. Церковь эта впоследствии принадлежала племяннику Натальи Кирилловны Александру Львовичу. Существует предание, что как дом, так и церковь эту выстроил Нарышкиным царь Алексей Михайлович по близости своего дворца, соединившись с Нарышкиными узами родства.

Во время нашествия французов в 1812 году вся церковная утварь и образа были отданы на сбережение известному купцу-антикварию Шухову, о котором упоминалось выше. Все эти церковные драгоценности были сохранены им в целости от неприятеля и впоследствии отданы Львом Кирилловичем Нарышкиным в церковь Знамения Пресвятой Богородицы: 1) большой местный образ св. мученицы Ирины, старинного письма, в серебряном окладе, украшенном каменьями и жемчугом; 2) большой местный образ Казанской Божией Матери, превосходного письма, в серебряной ризе; 3) образ Знамения Пресвятой Богородицы. Эта икона находилась в воротах дома и теперь обращена в запрестольную. Место, занимаемое иконою, видно в воротах, существующих в первобытном виде. Все проходившие мимо ворот имели обыкновение снимать шапку перед образом; 4) большое запрестольное Евангелие, в большом, богатом, серебряном вызолоченном окладе, с финифтяными украшениями.

Эта церковь за ветхостью была сломана в 1842 году. Службы в ней не было с 1812 года. Трехэтажные каменные палаты Нарышкиных целы посейчас [12]. Отец Натальи Кирилловны, боярин Кирилл, ранее жил в доме, где теперь помещается Арбатская часть.

Предания о царице Наталье Кирилловне еще живы в Рязанском уезде в селении Алешни. Там рассказывают, как бедная, молодая и прекрасная боярышня Наталья проживала у богатого своего родича Нарышкина. М. Н. Макаров, известный знаток русской старины, умерший в пятидесятых годах нынешнего столетия, слышал от старика, помещика села Желчина А. П. Гагина, где была приходская церковь Алешни, как в старину еще при его дедах боярышне Наталье Кирилловне богатый ее родственник и его сосед Нарышкин поручал ключи хозяйские и присмотр за домом; как, бывало, она в черевичках на босую ногу ходила на погребицу, выдавала еще на восходе солнца припасы домашние, наглядывала за «подпольем», где хранились вина и наливки. Богатый родственник называл ее просто «племянинкою Кирилловною».

Тот же Гагин передавал Макарову, что Наталья Кирилловна с самого детства чуждалась всех сельских игрищ, и молодые соседи дворяне Коробьины, Худековы, Марковы, Ляпуновы, Остросаблины, Казначеевы никогда ее в свои хороводы не залучали. Зато храм господень часто видел Наталью, и многие молитвы она читала наизусть не хуже священника, отчего подруги ее, боярышни, и называли ее желчинскою черничкою. Макаров в 1821 году видел в селе Желчине место в церкви, где молилась будущая мать Петра Великого.

При дворе императора Петра Великого Нарышкины, как мы выше говорили,

Н. Б. Юсупов.
С гравированного
портрета Валькера

имели значение принцев крови. Так, при погребении Петра две Нарышкины, Мария и Анна Львовны, шли в глубоком трауре за гробом императора перед герцогом Голштинским и великим князем Петром Алексеевичем (Петром III), у них были ассистенты, и пажи несли их шлейфы.

В павловское время в Москве в приходе Николы в Хамовниках [13] в Соболевском переулке жил очень открыто и давал праздники сенатор Алексей Васильевич Нарышкин. Этот вельможа принадлежал к младшей линии Нарышкиных; отец его, коллежский советник Василий Васильевич Нарышкин, был во времена Екатерины II начальником Нерчинских заводов; несмотря на то что он был крестником императрицы и имел знатную родню, в 1777 году Екатерина лишила его не только должности, но и чинов.

Про самодурство этого Нарышкина существуют почти баснословные рассказы, в бытность свою начальником Нерчинских заводов он чудил немилосердно, кидал деньги горстями в народ и устраивал сказочные празднества.

В то время в Нерчинске имел сереброплавильный завод один из замечательных сибирских богачей Михаил Сибиряков. Разорившись на празднества, Нарышкин стал немилосердно эксплуатировать Сибирякова; последний сперва поддавался Нарышкину, но, наконец, решился раз отказать ему, когда он потребовал от него пять тысяч рублей в долг без отдачи. Рассерженный Нарышкин собрал бывшую в его распоряжении артиллерию и окружил солдатами дом богача Сибирякова, угрожая, что он начнет стрелять из пушек, если Сибиряков не даст ему требуемых им пяти тысяч. Сибиряков, осажденный в своем доме пехотою и угрожаемый артиллериею Нарышкина, вышел на крыльцо и с низким поклоном представил своему победителю на серебряном блюде требуемую от него сумму. Воинственный Нарышкин заключил с ним мир и, распустив свою команду, вошел в дом Сибирякова и пировал с обобранным хозяином шумно и весело до поздней ночи.

Сын этого Нарышкина жил в Москве необыкновенно пышно; он выезжал со двора в богато вызолоченной карете на шести лошадях; перед каретою шли скороходы в золотых кафтанах, в чулках и башмаках, несмотря ни на какую грязь; за стеклами его кареты стояли гусары в богатых голубых венгерках с серебряными бляхами; пуговицы на кафтане Нарышкина, как и пряжки на башмаках, все были из бриллиантов.

Как мы выше уже сказали, где стоит теперь Арбатская часть, там жил отец Натальи Кирилловны и был впоследствии подгородный дом царицы Натальи; по всем данным, вблизи этих арбатских мест стояли почти все усадьбы родных или близких людей царицы Натальи, а по ней и сына ее, Петра Великого. Об этом свидетельствует, например, церковь св. Феодора Студийского, что у Никитских ворот или по-прежнему у Смоленских ворот, основанная в 1626 году патриархом Филаретом Никитичем на своей земле во имя Смоленской Божией Матери.

Вторым свидетельством можно принять то, что император Петр, сочетавшись браком с императрицею Екатериною I, поместил поблизости на своих Романовских или Нарышкинских местах всех ее родственников. Таким образом, тут отведены были дворы и выстроены покои для Ефимовских или Скавронских; последние даже и погребались

у церкви Большого Вознесения [14], называемой «Старой».

Так, у старой теплой церкви, сломанной в конце тридцатых годов, между многими надгробными камнями лежала четвероугольная каменная плита, очень богато отделанная, на которой видна была следующая надпись: «1729 года, апреля 14, представися раба Божия благоверные великие государыни императрицы Екатерины Алексеевны сестра ее родная Крестина Самойлова дочь Скавронских, а тезоименитство ее июля 25 дня; а жития ее было 42 года, а прежде ее того же года, декабря 25, представися супруг ее Симон Леонтьев, сын Гендриков, поживе 56 лет; да 1731 года, февраля в 6-й день, представися дщерь их Агафья Симонова дочь, жена Григорья Петрова Соловова, поживе 16 лет, и погребена против сей таблицы на сем месте». Надпись эта в свое время была густо позолочена. Кругом надписи орнаменты в виде лавров с княжескою короною; два парящих ангела держат ее.

Подле этой намогильной плиты виднелась еще другая, значительно, впрочем, попорченная; из надписи прочесть можно было только следующее: «Во вечное житие прейде от сего света ноября в 4-й день... Екатерины Алексеевны, сиятельнейший граф Феодор Самойлович Скавронский» [15]. Эти могилы возбудили в свое время много толков в Москве. Покойный М. П. Погодин [16] тщательно исследовал их и нашел на одном из камней герб Скавронских с одноглавым орлом; а на другом камне, на могиле дочери, «особливую фигуру».

Знаток московской старины Макаров в то время в «Молве» поместил заметку, в которой, между прочим, сообщал, что ему, как прихожанину церкви Старого Вознесения, давно было известно о родовом при оной кладбище Скавронских и что Большая Никитская слобода, где сооружена эта церковь, называлась Царицыною улицею и всегда принадлежала к удельным доходам цариц. Рядом с церковью Вознесенья был дом секретаря святителя Димитрия Ростовского Ксенофонта Феоктистова. Феоктистов был похоронен тоже у Вознесенья. Камень с могилы его снят в сороковых годах нынешнего столетия. Дом Феоктистова был цел в царствование Екатерины II. Потомки Феоктистова здравствуют посейчас; некогда родичи последнего жили в Рязанском уезде.

Наконец, в дополнение сказанного о возможной и точной принадлежности арбатского частного дома царице Наталье Кирилловне прибавим еще, что юный Петр, не удаляясь от родного ему места, учредил тут же свой полковой Преображенский двор; он стоял в Гранатном переулке (4-го квартала за № 334) *. Сюда, в свой полковой двор, из Преображенского села ко двору матери своей приводил Петр своих воинов, готовых, вышколенных Лефортом или Гордоном [17]. Царь дивил этими воинами и друзей, и старых бояр русских, не одобрявших забавы юного монарха. В павловское время, по словам старожилов, у ворот этого двора, где было положено начало нашей гвардии, стояла будка, а в будке часовой — инвалид-гвардеец, полусолдат. Бывало, он сиживал тут, скорняжничая, а иногда починивая какую-нибудь обувь. Так тут шла его последняя служба до смены на вечный караул — в небеса!

Недалеко от этих мест стояли дома птенцов Петровых — здесь были палаты воина-вельможи Бутурлина, сенатора Писарева, математика Брюса и царедворца Толстого.

Нарышкины своим богатством обязаны браку Натальи Кирилловны с царем Алексеем Михайловичем. Первым богачом этой фамилии был отец царицы, боярин Кирилл Полуэктович [18] (1623—1691). Он владел в пяти пожалованных ему вотчинах до 88 000 крестьян.

Два его сына, убитые мятежными стрельцами, не оставили после себя детей, двое младших детей тоже умерли бездетными, следовательно, все его богатство перешло оставшемуся в живых единственному его сыну Льву Кирилловичу, за вычетом незначительной части его племяннице Наталье Мартимиановне, вышедшей замуж за князя В. П. Голицына. По смерти Льва Кирилловича имение его перешло к двум его сыновьям — Александру и Ивану, у последнего была одна дочь, вышедшая замуж, как мы выше говорили, за Разумовского.

От нее в роде последней и перешло

---

* См. роспись Москвы 1793 г.

44 000 душ крестьян, т. е. половина всех недвижимых имений, принадлежавших Кириллу Полуэктовичу, в числе которых были большие пензенские вотчины.

Другая половина старинного нарышкинского имения, как говорит Карнович, разделилась между двумя сыновьями Александра Львовича: обер-шенком Алекс. Александровичем и известным во времена Екатерины II обер-шталмейстером Львом Александровичем.

Последний из них значительно увеличил свое родовое состояние женитьбой на Закревской — племяннице гр. Разумовской. По богатству своему он считался наравне с графом А. С. Строгановым и о нем, как и о Строганове, говорила Екатерина II, что он делает все, чтоб разориться, но никак не может достигнуть этого.

Жена брата этого Нарышкина хотела передать свое большое состояние графам Румянцевым, но Нарышкины выиграли процесс, и богатство перешло к сыновьям Льва Александровича — Александру и Дмитрию. Из них последний был женат, как мы выше говорили, на Марии Антоновне Четвертинской; последнему император Александр I пожаловал обширные земли в Тамбовской губернии. Сын его обер-гофмаршал Эммануил Дмитриевич, родившийся в 1815 году, известный своею благотворительностью, считается старейшим представителем царской линии Нарышкиных.

ГЛАВА XIII

Князь Ник. Бор. Юсупов. — Богатства рода Юсуповых. — Князь Григорий Юсупов. — Село Архангельское. — Князь Голицын, вельможа екатерининских времен. — Театр. — Богатство оранжерей. — Расчетливость князей Юсуповых. — Директорство. — Земельное богатство Юсупова. — Анекдоты из жизни Юсупова. — Т. В. Юсупова. — Князь Б. Н. Юсупов. — Родовой дом князей Юсуповых в Москве. — Трудовая жизнь князя Б. Н. Юсупова. — Графиня де-Шево

Одним из последних вельмож блестящего века Екатерины II был также в Москве князь Николай Борисович Юсупов. Князь жил в древнем своем барском доме, подаренном за службу прапрадеду его, князю Григорию Дмитриевичу [1], императором Петром II.

Дом этот стоит в Харитоньевском переулке и замечателен как старый памятник зодчества XVII века [2]. Здесь дед его угощал венценосную дщерь Петра Великого императрицу Елисавету во время ее приезда в Москву.

Богатства Юсуповых издавна славятся своею колоссальностью. Начало этого богатства идет со времен императрицы Анны Иоанновны, хотя и до этого времени Юсуповы были очень богаты. Родоначальник их, Юсуф, был владетельный султан Ногайской орды. Сыновья его прибыли в Москву в 1563 году и были пожалованы царем богатыми селами и деревнями в Романовском округе (Романовско-Борисоглебский уезд Ярославской губернии). Поселенные там казаки и татары были подчинены им. Впоследствии одному из сыновей Юсуфа были даны еще некоторые дворцовые села. Царь Феодор Иванович также неоднократно жаловал Иль-Мурзу землями. Лжедмитрий и Тушинский вор [3] пожаловали Романовским посадом (уездный город Романов Ярославской губернии) его сына Сеюша.

При вступлении на престол царь Михаил Феодорович оставил все эти земли за ним. Потомки Юсуфа были магометанами еще при царе Алексее Михайловиче. При этом государе первым принял христианство правнук Юсуфа, Абдул-Мурза; он при крещении получил имя Дмитрия Сеюшевича Юсупово-Княжево.

Новокрещеный князь скоро подпал царской опале по следующему случаю: он вздумал у себя на обеде попотчевать гусем патриарха Иоакима; день оказался постный, и князя за это нарушение уставов церкви от имени царя наказали батогами и отняли у него все имение; но вскоре царь простил виновного и возвратил отобранное.

По поводу этого случая существует следующий анекдот. Однажды правнук Дмитрия Сеюшевича был дежурным камер-юнкером во время обеда у Екатерины Великой. На стол был подан гусь.

— Умеете ли вы, князь, разрезать гуся? — спросила Екатерина Юсупова.

— О, гусь должен быть очень памятен моей фамилии! — отвечал князь. — Мой предок съел одного в великую пятницу и за то был лишен нескольких тысяч крестьян, пожалованных ему при въезде в Россию.

— Я отняла бы у него все имение, потому что оно дано ему с тем условием, чтобы он не ел скоромного в постные дни, — заметила шутливо по поводу этого рассказа императрица.

У князя Дмитрия Юсупова было три сына, и по смерти его все богатство было разделено на три части. Собственно, богатству Юсуповых положил начало один из сыновей последнего, князь Григорий Дмитриевич. Потомки других двух сыновей не богатели, а их имения дробились и приходили в упадок.

Князь Григорий Дмитриевич Юсупов

был одним из боевых генералов времен Петра Великого — его ум, неустрашимость и отвага доставили ему расположение императора.

В 1717 году князь был назначен в числе других лиц исследовать злоупотребления князя Кольцова-Масальского по соляному сбору в Бахмуте. В 1719 году он был генерал-майором, а в 1722 году сенатором. Екатерина I произвела его в генерал-поручики, а Петр II назначил его подполковником Преображенского полка и первым членом Военной коллегии. Ему же был поручен розыск над Соловьевым, переводившим в заграничные банки миллионы, принадлежавшие кн. Меншикову.

Он же производил следствие о казенных вещах, утаенных обер-камергером князем Ив. Долгоруким. Вдобавок к этому, как говорит Карнович, он занимался чрезвычайно прибыльною в то время провиантскою и интендантскою частью, а также строил суда. Петр II подарил ему в Москве обширный дом в приходе Трех святителей [4], а в 1729 году пожаловал ему в вечное потомственное владение многие из отчисленных в казну деревень князя Меншикова, а также отписанное у князя Прозоровского имение с подгородною слободою.

Испанский посол Дюк де Лириа так характеризует князя Юсупова: «Князь Юсупов татарского происхождения (брат его еще и поныне магометанин), человек вполне благовоспитанный, очень хорошо служивший, достаточно знакомый с военным делом, он был весь покрыт ранами; князь любил иностранцев и был очень привязан к Петру II, одним словом, принадлежал к числу тех людей, которые всегда идут прямою дорогою». Одна страсть омрачала его — страсть к вину.

Он умер 2-го сентября 1730 года на 56-м году от рождения в Москве в начале царствования Анны Иоанновны, погребен в Богоявленском монастыре * (в Китае-городе), в нижней церкви Казанской Богородицы. Надгробная его надпись начинается так: «Внуши, кто преходит, семо, много научит тебя камень сей. Погребен зде генерал-аншеф и проч., и проч.». Юсупов оставил трех сыновей, из числа которых двое вскоре умерли, и единственный оставшийся сын Борис Григорьевич получил все его громадное богатство. Князь Борис был воспитан по повелению Петра Великого во Франции. Он пользовался особенным расположением Бирона.

При императрице Елисавете Петровне Юсупов был президентом коммерц-коллегии, главным директором Ладожского канала и девять лет управлял кадетским сухопутным Шляхетным корпусом.

Во время управления этим корпусом он первый в столице завел, для собственного удовольствия и для развлечения немногих сановников, задержанных против воли делами службы на берегах Невы, театральные представления. Двор в то время пребывал в Москве; актеры-кадеты разыгрывали в корпусе лучшие трагедии, как русские, сочиняемые в то время Сумароковым, так и французские в переводах.

Репертуар французских состоял по преимуществу из пьес Вольтера, представляемых в искаженном виде **. Когда двор возвратился из Москвы, государыня пожелала видеть представление, и в 1750 году по инициативе Юсупова состоялось первое публичное представление русской трагедии сочинения Сумарокова «Хорев», и в том же году 29 сентября императрица изустным своим указом повелела Тредиаковскому и Ломоносову сочинить по трагедии. Ломоносов через месяц составил трагедию «Тамира и Селим». Что же касается Тредиаковского, то он тоже через два месяца доставил трагедию «Диедамия», «катастрофа» которой «было ведение царицы на жертву богине Диане». Трагедия, однако, не удостоилась даже печатания при академии.

Но возвращаемся опять к Борису Юсупову. Императрица Елисавета, довольная управлением его Шляхетным корпусом, пожаловала ему в вечное потомственное владение в Полтавской губернии в селе Ряшках казенную суконную фабрику со всеми станами, инструментами и мастеровыми и с приписным к ней селом, с тем чтобы он выписал в это имение голландских овец и привел фабрику в лучшее устройство.

Князь обязался ежегодно в казну поставлять сперва 17 000 аршин сукна

---

* См. «Русская старина», соч. А. Мартыновым, год второй.

** См. «История академика Пекарского», т. II, с. 455.

всяких цветов, а потом ставил 20 и 30 тысяч аршин.

Сын этого князя Николай Борисович, как мы уже выше сказали, был один из самых известных вельмож, когда-либо живших в Москве. При нем его подмосковное имение село Архангельское обогатилось всевозможными художественными вещами. Им был разбит там большой сад с фонтанами и огромными оранжереями, вмещавшими более двух тысяч померанцевых дерев.

Одно из таких дерев было им куплено у Разумовского за 3000 рублей; подобного ему не было в России, и только два таких, находившихся в версальской оранжерее, были ему под пару. По преданию, этому дереву было уже тогда 400 лет.

Село Архангельское, Уполозы тож, расположено на высоком берегу реки Москвы. Архангельское было родовой вотчиной князя Дмитрия Михайловича Голицына [5], одного из образованных людей петровского времени.

При императрице Анне Иоанновне князь был сослан в Шлиссельбург, где и умер. Во время опалы князь жил в этом имении; здесь у него, по словам И. Е. Забелина, были собраны изящная библиотека и музей, которые своим богатством уступали в то время только библиотеке и музею графа Брюса. Большая часть рукописей из Архангельского перешла потом в собрание графа Толстого и теперь принадлежит Императорской публичной библиотеке; но лучшие были расхищены при описи имения — ими попользовался, как говорит Татищев, даже герцог курляндский Бирон.

Во времена Голицыных Архангельское напоминало старинное деревенское житье бояр по незатейливости и простоте. Двор князя состоял из трех небольших светлиц, собственно, восьмиаршинных изб, соединенных сенями. Внутреннее убранство их было просто. В передних углах иконы, у стены лавки, печки из желтых изразцов; в одной светлице было два окна, в другой четыре, а третьей пять; в окнах стекла были еще по-старинному в свинцовых переплетах, или рамах; столы дубовые, четыре кожаных стула, еловая кровать с периною и подушкою, в пестрядинных и выбойчатых [6] наволоках, и т. п.

При светлицах была баня, а на дворе, огороженном решетчатым забором, разные службы — поварня, погреб, ледники, амбары и проч. Невдалеке от дома стояла каменная церковь во имя Архангела Михаила [7], основанная отцом князя, боярином Михаилом Андреевичем Голицыным. Но что не соответствовало незатейливому простому боярскому быту тогда здесь — это две оранжереи, весьма необыкновенные по тому времени; здесь зимовали заморские деревья: лаврус, нукс малабарика, миртус, купресус и другие.

Против оранжерей был расположен сад, длиною 61 сажень, шириною 52 сажени, в нем были посажены: самбукус, каштаны, шелковицы, серенгии (2 шт.), грецких орехов 14, божия деревья, маленькая лилия и т. п.; на грядах росли: гвоздика, катезер, лихнис халцедоника, касатики (iris) синие и желтые, калуфер, исоп и проч.

Против хором был заведен сад, в длину на 190 саженей, в ширину на 150 саженей, с прешпективными дорогами, по которым были посажены клены и липа штамбовые. Последний из Голицыных, который владел Архангельским, был Николай Александрович, женатый на М. А. Олсуфьевой. Эта Голицына и продала Архангельское за 100 000 рублей князю Юсупову.

По покупке имения князь вырубил много лесу и принялся за капитальную стройку усадьбы. Дом был выведен в прекрасном итальянском вкусе, соединен колоннадами с двумя павильонами, в которых, как в семнадцати комнатах дома, еще пятьдесят лет тому назад было расположено 236 картин, состоявших из оригиналов: Веласкеза [8], Рафаэля Менгса [9], Перуджино [10], Давида [11], Риччи [12], Гвидо-Рени, Тиеполо [13] и других. Особенное внимание из этих картин заслуживала картина Дойяна [14] — «Триумф Метелла»; из мраморов Архангельского замечательна группа Кановы [15] «Амур и Психея» и резца Козловского [16] прекрасная статуя «Купидон», к несчастию, поврежденная при перевозке в 1812 году. Картинную галерею Юсупов собирал тридцать лет.

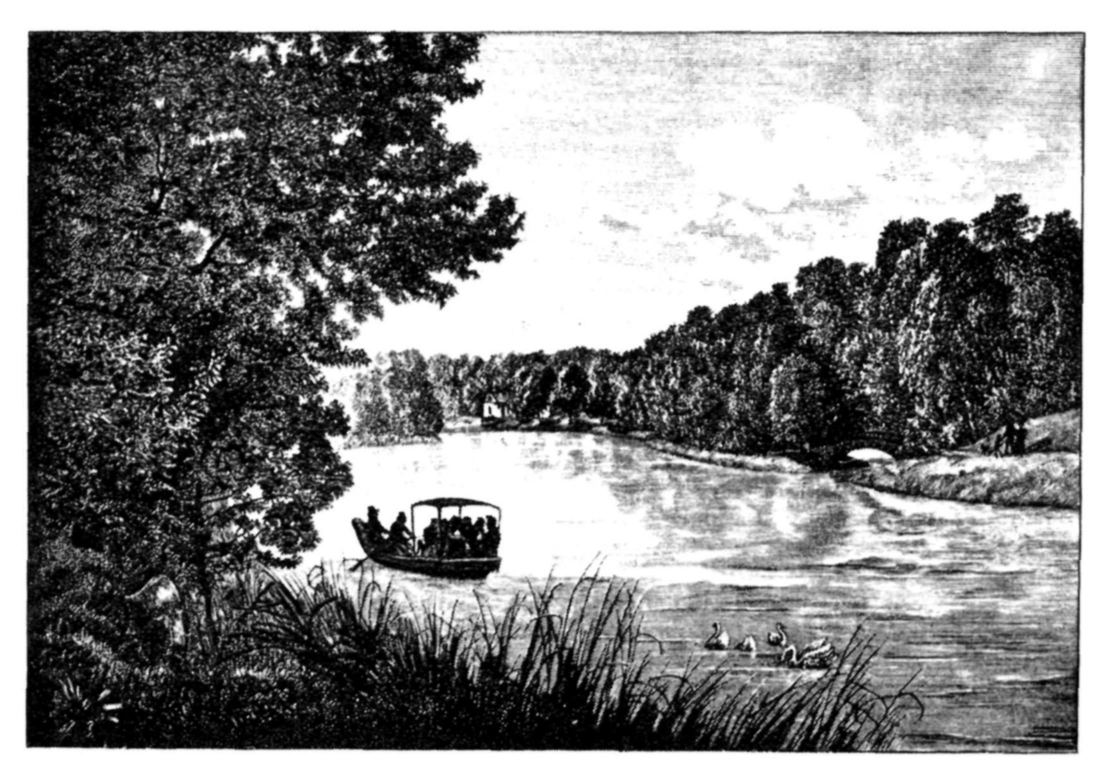
Но лучшая красота Архангельского — это домашний театр, построенный по рисунку знаменитого Гонзаго для 400 зрителей; двенадцать перемен декораций этого театра были писаны кистью

того же Гонзаго. У Юсупова был еще другой театр в Москве, на Большой Никитской улице, который прежде принадлежал Позднякову и на котором давались французские представления во время пребывания французов в Москве в 1812 году.

Библиотека Юсупова состояла более чем из 30 000 томов, в числе которых были редчайшие эльзевиры [17] и Библия, отпечатанная в 1462 году.

В саду был еще дом, называемый «Каприз». Рассказывали по поводу постройки этого дома, что, когда еще Архангельское принадлежало Голицыным, муж и жена поссорились, княгиня не захотела жить в одном доме с мужем и велела построить для себя особый дом, который и назвала «Капризом». Особенность этого дома была та, что он стоял на небольшой возвышенности, но для входа в него нет крылец со ступенями, а только отлогая дорожка, идущая покатостью к самому порогу дверей.

Князь Юсупов очень любил старые бронзы, мраморы и всякие дорогие вещи; он в свое время собирал их такое количество, что другого такого богатого собрания редких античных вещей трудно было найти в России, — по его милости разбогатели в Москве менялы и старьевщики: Шухов, Лухманов и Волков. Князь Николай Борисович по своему времени получил блестящее образование — он в царствование Екатерины был посланником в Турине. В университете этого города князь получил свое образование и был товарищем Альфиери [18].

Парк в селе Архангельском. С рисунка, сделанного с натуры Раухом (из собрания П. Я. Дашкова)

Император Павел при своем короновании пожаловал ему звезду Андрея Первозванного. При Александре I он был долго министром уделов, при императоре Николае — начальником кремлевской экспедиции и под его ведением перестраивался Малый Николаевский кремлевский дворец [19].

Он имел все российские ордена, портрет государя, алмазный шифр, и когда уже нечем было его более награ-

дить, то ему была пожалована одна жемчужная эполета.

Князь Юсупов был очень богат, любил роскошь, умел блеснуть, когда нужно, и, будучи очень даже щедр, был иногда и очень расчетлив; графиня Разумовская в одном письме к мужу описывает праздник в Архангельском у Юсупова, данный императору Александру I и королю прусскому Фридриху-Вильгельму III: «Вечер был превосходный, но праздник — самый плачевный. Все рассказывать было бы слишком долго, но вот тебе одна подробность, по которой можешь судить об остальном. Вообрази, после закуски поехали кататься по ужасным дорогам и сырым некрасивым местам. После получасовой прогулки подъезжаем к театру. Все ожидают сюрприза, и точно, сюрприз был полный, переменили три раза декорации и весь спектакль готов. Все закусили себе губы, начиная с государя. В продолжение всего вечера была страшная неурядица. Августейшие гости не знали решительно, что им было делать и куда деваться. Хорошее понятие будет иметь король прусский о московских вельможах. Скаредность во всем была невообразимая».

Все Юсуповы не отличались расточительностью и старались более собирать богатства. Так, выдавая невест из своего рода, Юсуповы не давали много в приданое.

По завещанию, например, княгини Анны Никитичны, умершей в 1735 году, дочери ее к выдаче назначено было в год только 300 рублей из хозяйственных статей, 100 ведер вина, 9 быков и 60 баранов. При выдаче замуж княжны Евдокии Борисовны за герцога курляндского Петра Бирона дано было в приданое только 15 000 рублей с обязательством со стороны отца невесты снабдить будущую герцогиню алмазным убором и другими нарядами с означением цены каждой вещи. Княжна-невеста была ослепительной красоты и прожила в замужестве за Бироном недолго.

После смерти ее Бирон прислал на память Юсупову ее парадную постель и всю мебель из ее спальни; обивка мебели была голубая, атласная, с серебром.

Интересен также свадебный договор князя Дмитрия Борисовича Юсупова с окольничим Актинфовым, который обязался в случае, если не выдаст за князя свою дочь к назначенному сроку, уплатить ему 4000 рублей неустойки — сумма весьма значительная для половины XVII столетия.

Село Архангельское не раз было удостоено приездом высочайших особ; императрица Мария Федоровна гащивала по нескольку дней, и в саду есть памятники из мрамора с надписями, когда и кто из высочайших особ там бывал. Очень понятно, что, принимая царственных особ, Юсупов давал и праздники великолепные.

Последний из таких праздников дан был Юсуповым императору Николаю после его коронования. Здесь были почти все иностранные послы, и все удивлялись роскоши этого барского имения. Праздник вышел самый роскошный и великолепный. В этот день в Архангельском был обед, спектакль и бал с иллюминацией всего сада и фейерверком.

Князь Николай Борисович был другом Вольтера и живал у него в Фернейском замке; в молодости своей он много путешествовал и был принят у всех тогдашних властителей Европы. Юсупов видел в полном блеске двор Людовика XVI и его жены Марии-Антуанетты; Юсупов не раз был в Берлине у старого короля Фридриха Великого, представлялся в Вене императору Иосифу II и у английского и испанского королей; Юсупов, по словам его современников, был самый приветливый и милый человек, без всякой напыщенности или гордости; с дамами он был изысканно вежлив. Благово рассказывает, что, когда в знакомом доме ему, бывало, приходилось встретиться на лестнице с какою-нибудь дамой, знает ли он ее или нет, всегда низко поклонится и посторонится, чтобы дать ей пройти. Когда у себя летом в Архангельском он гулял в саду, туда тогда допускались все желающие гулять, и он при встрече непременно раскланяется с дамами, а ежели встретит хотя по имени ему известных, подойдет и скажет приветливое слово.

Пушкин Юсупова воспел в прелестной своей оде «К вельможе». Князь Николай Борисович управлял театрами с 1791 по 1799 год, и, как и его отец, положивший начало русскому драматическому театру в Петербурге, он на этом поприще сделал тоже для искусства

много; у князя была в Петербурге собственная итальянская опера-буфф, доставлявшая удовольствие всему двору.

По словам биографа Николая Борисовича, он любил театр, ученых, художников и даже в старости приносил дань удивления прекрасному полу! Нельзя сказать, чтобы и в молодых летах Юсупов бегал от прекрасного пола; по рассказам знавших его, он был большой «ферлакур», как тогда называли волокит; в деревенском его доме была одна комната, где находилось собрание трехсот портретов всех красавиц, благорасположением которых он пользовался [20].

В спальне его висела картина с мифологическим сюжетом, на которой он был представлен Аполлоном, а Венерой была изображена особа, которая более известна была в то время под именем Минервы [21]. Император Павел знал про эту картину и при восшествии своем на престол приказал Юсупову убрать ее.

Князь Юсупов под старость вздумал было пуститься в дела и завел у себя зеркальный завод; в то время все зеркала были больше привозные и стояли в большой цене. Это предприятие князю не удалось, и он потерпел большие убытки.

Последние годы своей жизни князь Юсупов безвыездно проживал в Москве и пользовался большим уважением и любовью за свою чисто аристократическую обходительность со всеми. Одно только немного вредило князю, это — пристрастие к женскому полу.

Князь Н. Б. Юсупов был женат на родной племяннице князя Потемкина, Татьяне Васильевне Энгельгардт, бывшей ранее замужем за своим дальним родственником Потемкиным. Жена Юсупову принесла колоссальное богатство.

Супруги Юсуповы не знали счету ни своих миллионов, ни своих имений. Когда у князя спрашивали:

— Что, князь, имеете вы имение в такой-то губернии и уезде?

Он отвечал:

— Не знаю, надо справиться в памятной книжке.

Ему приносили памятную книжку, в которой по губерниям и уездам были записаны все его имения, он справлялся и почти всегда оказывалось, что у него там было имение.

Князь Юсупов в старости был очень моложав и любил трунить над своими сверстниками-стариками. Так, раз, когда он пенял графу Аркадию Маркову по поводу старости его, тот на это ответил ему, что он одних с ним лет.

— Помилуй, — продолжал князь, — ты был уже на службе, а я находился еще в школе.

— Да чем же я виноват, — возразил Марков, — что родители твои так поздно начали тебя грамоте учить.

Князь Юсупов был дружен с известным графом Сен-Жерменом [22] и просил у него дать ему рецепт долгоденствия. Граф всей тайны ему не открыл, но сказал, что одно из важных средств есть воздержание от пития не только хмельного, но и всякого.

Князь Юсупов, несмотря на свою галантность с женщинами, в бытность свою директором театра умел быть, когда надо, строгим с подчиненными ему актрисами. Однажды какая-то певица итальянской оперы по капризу сказалась больной; Юсупов приказал, под видом участия к ней, не выпускать ее из дому и к ней никого не впускать, кроме врача. Этот деликатный арест так напугал капризную артистку, что мнимую болезнь у нее как рукой сняло. Князь Юсупов, как мы говорили, был женат на вдове Потемкиной. В жизни этой богачки, как упоминает Карнович, представлялось одно замечательное обстоятельство: приехавшая при Екатерине Великой в Петербург сильно чудившая герцогиня Кингстон, графиня Ворт, так полюбила молодую еще в то время Татьяну Васильевну Энгельгардт, что хотела взять ее с собою в Англию и передать ей все свое несметное состояние. Герцогиня приехала в Петербург на собственной великолепной яхте, имевшей сад и убранной картинами и статуями; при ней кроме многочисленной прислуги находился оркестр музыки. Татьяна Васильевна не согласилась на предложение герцогини и, овдовев, вышла в 1795 году за Юсупова. Супруги впоследствии не очень поладили и жили не вместе, хотя не были в ссоре. Князь умер ранее жены, последняя умерла после него спустя лет десять. У них был один сын. Замечательно, что в этой линии Юсуповых, как и в младшей линии графов Шереметевых, постоянно в живых оставался один только наследник. Теперь, кажется, это изменилось — у Шереметевых есть

Патриаршая церковь в Москве. С литографии Брея, начало XIX в.

несколько, а у Юсуповых ни одного.

Татьяна Васильевна Юсупова тоже не отличалась расточительностью и жила очень скромно; она сама управляла всеми своими имениями. И из какой-то бережливости княгиня редко меняла свои туалеты. Она долго носила одно и то же платье, почти до совершенного износа. Однажды, уже под старость, пришла ей в голову следующая мысль: «Да если мне держаться того порядка, то женской прислуге моей немного пожитков останется по смерти моей». И с самого этого часа произошел неожиданный и крутой переворот в ее туалетных привычках. Она часто заказывала и надевала новые платья из дорогих материй. Все домашние и знакомые дивились этой перемене, поздравляли ее с щегольством и с тем, что она как будто помолодела. Она, так сказать, наряжалась к смерти и хотела в пользу своей прислуги пополнить и обогатить свое духовное завещание. У ней была только одна дорого стоившая страсть — это собирать драгоценные камни. Княгиня купила знаменитый бриллиант «Полярная звезда» за 300 000 рублей, а также диадему бывшей королевы неаполитанской Каролины, жены Мюрата, и еще знаменитую жемчужину в Москве у грека Зосимы за 200 000 рублей под названием «Пилигрим», или «Странница», некогда принадлежавшую королю

испанскому Филиппу II. Затем Юсупова много тратила денег на свое собрание античных резных камней (cameo и intaglio — *лат.*).

Единственный сын Татьяны Васильевны, Борис Николаевич, известен как человек весьма деятельный и заботливый в выполнении своих обязанностей. По рассказам его современников, он умирал на службе и за хозяйственными делами своих обширных имений и за день до своей смерти занимался делами службы. По словам его биографа: «Счастье открывало ему блестящее поприще».

Он был крестником императора Павла и еще в детстве получил Мальтийский орден [23], а от отца к нему перешло потомственное командорство ордена св. Иоанна Иерусалимского. По выдержании экзамена при комитете испытаний в с.-петербургском педагогическом институте он поспешил вступить в гражданскую службу.

Как уже мы сказали, трудолюбивая деятельность была отличительною чертою его характера. Князь, владея в семнадцати губерниях имениями, каждый год обозревал обширные свои имения. Даже такие страшные вещи, как, например, холера, не удерживали его от хозяйственных забот; и в то время, когда последняя свирепствовала в Малороссии, он не побоялся приехать в свое село Ракитное, где в особенности губительно действовала эта эпидемия; не опасаясь заразы, князь всюду ходил по селу.

В домашней жизни князь чуждался роскоши; все утро его было посвящено служебным и хозяйственным делам.

Но в час обеда он всегда был рад встретить у себя своих приятелей и знакомых: он не делал разбора и различия по чинам, и однажды приглашенные им получали к нему доступ навсегда.

В разговоре князь был шутлив и остроумен и умел ловко подметить странности своих знакомых. Вечером князь всегда был в театре, любовь к которому унаследовал от отца, долгое время управлявшего театрами; князь, впрочем, любил только бывать в русских спектаклях.

Князь превосходно играл на скрипке и имел редкое собрание итальянских скрипок. Борис Николаевич не любил своего Архангельского и никогда не живал в нем подолгу; одно время он начал многое оттуда вывозить в свой петербургский дом, но император Николай Павлович, помнивший его Архангельское, велел сказать князю, чтобы он Архангельского своего не опустошал.

Князь никогда не давал празднеств в этом имении и, приезжая в Москву, обыкновенно останавливался в своем древнем боярском доме, подаренном, как мы выше говорили, его прадеду императором Петром II.

Дом этот в Земляном городе, в Большом Харитоньевском переулке, представлял редкий памятник зодчества конца XVII века; прежде он принадлежал Алексею Волкову. Каменные двухэтажные палаты Юсуповых с пристройками к восточной стороне стояли на пространном дворе; к западной их стороне примыкало одноэтажное каменное здание, позади каменная кладовая, далее шел сад, который до 1812 года был гораздо обширнее, и в нем был пруд. По словам А. А. Мартынова, первая палата о двух ярусах, с крутою железною крышею на четыре ската, или епанчою, отличается толщиною стен, складенных из 18-ти фунтовых кирпичей с железными связями. Прочность и безопасность были одним из первых условий здания. Наверху входная дверь сохранила отчасти свой прежний стиль: она с ломаною перемычкою, в виде полуосмиугольника и с сандриком [24] вверху, в тимпане [25] образ св. благоверных князей Бориса и Глеба. Это напоминает заветный благочестивый обычай русских молиться пред входом в дом и при выходе из него. Здесь были боярская гостиная, столовая и спальня; в западной стороне — покой со сводом об одном окошке на север, по-видимому, служил моленною. В нижнем этаже под сводами то же разделение; под ним — подвалы, где хранились бочки с выписными фряжскими заморскими винами и с русскими ставлеными и сыпучими медами, ягодными квасами и проч. Пристроенная на восток двухэтажная палата, которая прежде составляла один покой, теперь разделена на несколько комнат.

Здесь князь Борис Григорьевич угощал державную дщерь Петра Великого, любившую верного слугу своего отца. Над палатою возвышается терем с двумя окнами, где, по преданию, была церковь;

из него в стене виден закладенный такой же тайник, какой находится в Грановитой палате. Дом этот в роду Юсуповых находится около двухсот лет; в этот дом по большим праздникам собиралась с хлебом-солью по древнему заведенному обычаю тысячная толпа крестьян для принесения поздравлений. Сюда же были принесены на руках теми же крестьянами смертные останки князя Юсупова для погребения в подмосковное село Спасское. Князья Юсуповы погребаются в особой каменной палатке, пристроенной к церкви; на гробнице Бориса Николаевича вырезана следующая надпись, написанная самим умершим: «Здесь лежит русский дворянин князь Борис, княж Николаев, сын Юсупов, родился 1794 года, июля 9-го, скончался 1849 года, октября 25-го», внизу написана по-французски любимая его поговорка: «L'honeur avant tout» («Честь превыше всего» — *фр.*). В основании видны золотой крест и якорь; на первом надпись: «Вера в бога», на втором — «Надежда в бога». Князь Борис Николаевич был женат два раза: первая его жена княгиня Н. П. Щербатова (умерла 17-го октября 1820 года); вторая — Зинаида Ивановна Нарышкина, родилась в 1810 году; во втором браке за иностранцем графом де Шево. От первого брака сын — князь Николай Борисович родился 12-го октября 1817 года. Графиня де Шево и князь Николай Борисович здравствуют посейчас. Князь считается последним в роде — сыновей у него нет — есть только дочери.

ГЛАВА XIV

Матвей Гагарин. — Губернаторство его в Сибири. — Роскошные палаты князя Гагарина в Москве. — Суд и казнь князя Гагарина. — Загородный дом. — Гагаринские пруды. — Дача Студенец. — Граф Закревский. — Дом князя Б. И. Гагарина. — Князь Г. П. Гагарин. — Муж Лопухиной. — Княгиня П. Ю. Гагарина. — Домашние спектакли. — Актрисы Семенова и Жорж. — Домашние спектакли в павловское время. — Село Марфино. — Театралы александровского времени. — Награды театралов в старое время. — Театрал Сибилев. — Ф. Ф. Кокошкин. — Анекдоты про Кокошкина. — Французские любительские спектакли. — Загородные дома вельмож в екатерининское время

Говоря о доме Юсуповых, нельзя пройти молчанием московского дома князя Матвея Петровича Гагарина[1] — в петровское время московского губернатора и сибирского; дом этот, искаженный только в своем виде, цел посейчас: стоит он на Тверской улице и разбит на мелкие квартиры и магазины[2].

И. Снегирев говорит, что, когда еще в Белом городе в царствование Петра Великого между уютными каменными домами бояр стояли не только деревянные хоромы, но и даже избы горожан, тогда князь М. П. Гагарин воздвиг великолепные палаты на образец венецианских, вероятно по проекту одного из иностранных архитекторов, которые вместе с русскими строителями украшали столицу произведениями церковного и гражданского зодчества. Мы еще помним первобытный наружный вид этих палат и можем наверное сказать, что они составляли украшение Царской, или Тверской, улицы.

Великолепие внешности его палат соответствовало и роскошному внутреннему убранству. Разного рода дорогое дерево, мрамор, хрусталь, бронза, серебро и золото употреблены были на украшение покоев, где зеркальные потолки отражали в себе блеск люстр, канделябр, в висячих больших хрустальных сосудах плавали живые рыбы, разноцветные наборные полы представляли узорчатые ковры. Одни оклады образов, находившихся в спальне его, осыпанные бриллиантами, стоили, по оценке тогдашних ювелиров, более 130 000 рублей.

Где стояли эти каменные палаты, в 1657 году был двор князя Ивана Дашкова; по отъезде своем в Сибирь князь отдал этот дом своему сыну Алексею, женатому на дочери вице-канцлера Шафирова[3]. Молодой Гагарин, большой кутила, долго путешествовал по Европе, живя там как владетельный князь. После смерти своего отца, казненного Петром Великим, он был разжалован царем в простые матросы и служил при адмиралтействе.

Причину казни князя Гагарина современники толкуют неодинаково. Бергхольц говорит, что он был повешен за расхищение царской казны, но в то время Меншиков, Брюс и Апраскин тоже крали, но их не вешали. Страленберг утверждает, что до царя дошли слухи о намерении Гагарина сделаться в Сибири независимым от России владетелем. Это подтверждается запискою некоторых дворян, составленною в 1730 году, в то время, когда шли в Москве толки о форме правления при вновь избранной императрице Анне. «Не видели ли мы, — сказано в записке, — как при самовластном, но молодом монархе, велику власть имеющие, Мазепа[4] действительно, а Гагарин намерением подданство отложити дерзнули».

Бергхольц рассказывает, что Гагарин не хотел признаваться в своих проступках и потому несколько раз был наказываем кнутом. Когда князь Гагарин был уже приговорен к виселице и казнь должна была совершиться, царь за день перед тем словесно приказывал уверить его, что не только дарует ему жизнь, но и все прошлое предаст заб-

вению, если он признается в своих ясно доказанных преступлениях. Но, несмотря на то, что многие свидетели, в том числе родной его сын, на очных ставках убеждали в них более, нежели сколько было нужно, виновный не признался ни в чем. Тогда в самый день отъезда царя в Ригу, он был повешен перед окнами юстиц-коллегии в присутствии государя и всех своих знатных родственников. Через несколько дней виселица была перенесена в другое место, на Большую площадь. Бергхольц пишет, что он слышал, будто для большего устрашения тело будет повешено в третий раз по ту сторону реки и затем отошлется в Сибирь.

Где видел Бергхольц висевшим тело несчастного князя, там стояло много шестов с воткнутыми на них головами; лицо преступника было закрыто платком, одежда состояла из камзола [5] и исподнего платья коричневого цвета, сверх которого надета белая рубашка; на ногах у него маленькие круглые русские сапоги. Росту князь Гагарин был очень небольшого.

Когда князь был губернатором всей Сибири, то делал очень много добра сосланным туда пленным шведам, для которых в первые три года своего управления истратил будто бы до 15 000 рублей собственных денег.

Князь Гагарин удивлял царскою пышностью в Сибири. У него за столом подавали кушанья на пятидесяти серебряных блюдах, сам же он ел только на золотых тарелках. Колеса его кареты были также серебряные и лошади подкованы серебряными и золотыми подковами. Гагарин прежде пользовался большим доверием императора и потому стал почти самовластно управлять обширною и богатою страною.

В числе сокровищ князя находился драгоценный рубин, привезенный ему из Китая; впоследствии этот рубин достался в виде подарка князя Меншикову и от него перешел к императрице Екатерине I. Сын Гагарина, путешествовавший за границей, до того сорил деньгами, что иностранцы считали молодого князя за какого-то набоба [6].

Когда происходило следствие над отцом, то и у сына спрашивали: «Как он поехал за море, что с ним было от отца его отправлено денег, и золота, и товаров, а также через векселя; в бытность за морем сколько денег, и товаров, и золотых, и прочих вещей через него получал, и что всей суммы в ту его бытность за морем издержано».

Петр, узнав о злоупотреблениях в Сибири Гагарина, вызвал его в Петербург под тем предлогом, что назначает его участвовать в суде над царевичем Алексеем Петровичем [7], а сам между тем отправил для разведки о действиях губернатора одного полковника, а следом за ним и своего денщика Егора Пашкова.

Первый из этих ревизоров, подкупленный в Петербурге на сторону Гагарина князем Меншиковым, скрыл все губернаторские злоупотребления и за это поплатился своею головою. Пашков же рассказал Петру всю правду об ужасном лихоимстве князя.

После следствия признано было, что Гагарин утаил на Вятке от отпуска за море хлеба в 1716 году и некоторое количество его роздал иноземцам за алмазные вещи; брал себе казенные деньги, получал взятки от откупщиков и даже грабил купеческие караваны. Князь после пытки, как мы уже говорили, был повешен.

Великолепные палаты Гагарина в царствование Екатерины II принадлежали внуку казненного, князю Матвею Алексеевичу; а когда линия этих князей Гагариных пресеклась в 1804 году за смертью внука казненного — сына графини Матюшкиной, то, в 1805 году, владела ими мать графа Платона Зубова, потом переходили они в руки купцов Часовникова, Крашенинникова и Дубицкого и затем к Д. А. Олсуфьеву.

Дом Гагарина в век Петра Великого представлял немалую диковинку не только на Тверской улице, но и по всей Москве; построен он был по образцу венецианских дворцов. Четырехэтажные палаты эти выходили фасадом на улицу, образуя портал [8] с двумя павильонами; в уступах между ними на арках устроена была открытая терраса с балюстрадою [9].

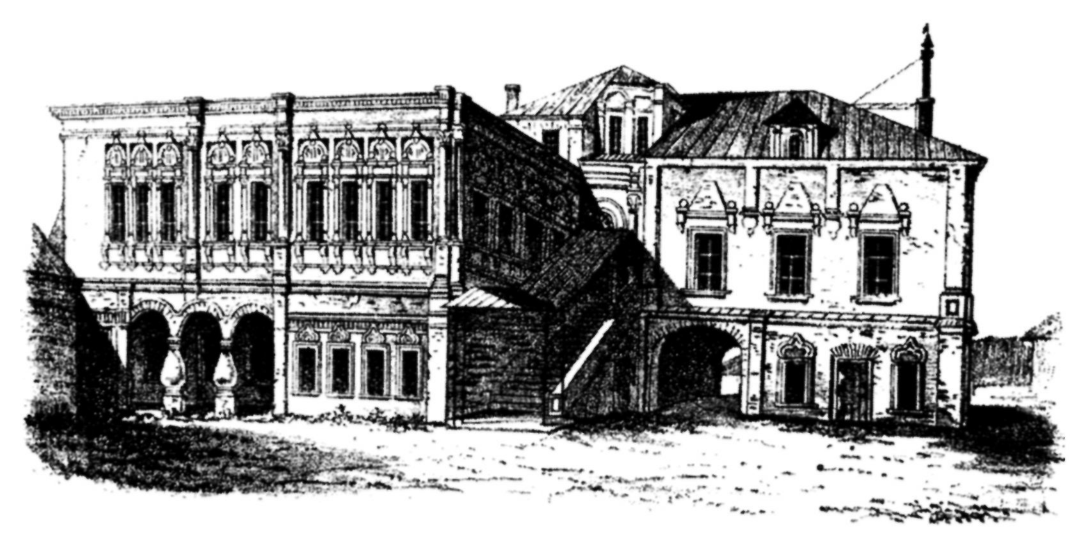
В бельэтаже у портала и в павильонах висели балконы из белого камня, украшенного вычурною резьбою. Наличники и сандрики над окнами состояли из орнаментов, искусно высеченных из белого же камня. Над подъездными воротами видно было клеймо, увенчанное княжескою короною и запечатленное следующею надписью: «Боже, во имя твое спаси».

В этих воротах с стрельчатым сводом на правой стороне парадная лестница вела в верхние этажи здания. Глубокие подвалы из белого камня занимали низ всего здания, сложенного из тяжеловесного кирпича и белого камня с частыми железными связями. С лицевой стороны фасада этого дома разными владельцами его было сделано много рельефных украшений во вкусе архитектуры XVII века и заимствованных из флорентийских городских домов.

Из бельэтажа на улицу по обе

эта дача перешла к графу Федору Андреевичу Толстому и уже от него к единственной его дочери, графине А. Ф. Закревской.

Муж графини тогда был министром внутренних дел. Слово «загородный дом» тогда состарилось для москвичей, его начали заменять словом «дача». Вот отчего переименованное Трехгорное в Закревскую дачу стало привлекать всех москвичей в это имение. Граф гостеприимно открыл для всех двери, и все другие загородные гульбища были брошены, опустели.

Дом Юсупова. С рисунка, приложенного к «Русской старине», изд. Мартыновым

стороны ворот были красивые каменные крыльца с оборотами, с фигурами, балюстрадами, иссеченными из белого камня. На заднем фасаде дома на дворе находился из того же второго этажа длинный балкон с балясом и художественными орнаментами.

Об этом доме известный наш зодчий прошлого столетия В. И. Баженов отзывался с восторженной похвалой. В настоящее время дом переделан для жилья, внизу его трактир и лавки. По словам А. А. Мартынова, дом этот совершенно был переделан и утратил свой первобытный характер в 1852 году.

Загородный дом Гагариных был за Трехгорною заставой, что теперь называется Студенец [10], а в то время он назывался Гагаринские пруды. Впоследствии

Новый владелец прекрасно изукрасил свою дачу. От больших ворот до главного дома над самою рекой шла прямая, широкая и длинная аллея для экипажей с двумя боковыми узкими, для пешеходов, аллеями. С обеих сторон этих аллей было по три обрыва четырехугольных, равной величины, разделенных между собою вновь прокопанными канавами, тогда еще с чистою проточною водой, и соединенных деревянными мостиками. Каждый из этих островков был посвящен памяти одного из героев, под начальством которых Закревский находился: Каменского, Барклая, Волконского и других. На каждом посреди деревьев находилися или храмик, или памятник названным полководцам.

Необыкновенная нового рода правильность, напоминающая что-то фрон-

товое, и самая чистота, в которой все это было содержимо, как бы заимствованы были у аракчеевских военных поселений [11]. Но недолго эта дача была в моде у москвичей — вскоре она была продана и теперь под названием Студенец принадлежит Обществу садоводства.

Существовал в Москве некогда еще другой, не менее исторический, гагаринский дом, с большим садом, прудами и со всеми затеями прошлого барского житья. В этом доме перед 1812 годом помещался Английский клуб, а теперь в нем находится Екатерининская больница [12]. Построен он был в 1716 году бригадиром князем Богданом Ивановичем Гагариным. Дом этот в роде Гагариных был более ста лет, куплен он в казну в 1833 году.

Один из рода этих Гагариных, князь Гавриил Петрович [13], служил при императрице Екатерине II сенатором. Император Павел I произвел его в кавалеры ордена св. апостола Андрея Первозванного.

Впоследствии он был министром коммерции и издал «Банкротский устав»; он известен также как духовный писатель; эпитафия, написанная им для своего намогильного памятника, одно время была в большой моде и повторялась на всех кладбищах на монументах зажиточных людей. Вот она:

Прохожий, ты идешь, но ляжешь так, как я,
Постой и отдохни на камне у меня;
Взгляни, что сделалось со тварью горделивой,
Где делся человек? И прах зарос крапивой!
Сорви ж былиночку и вспомни обо мне!
Я дома, ты в гостях — подумай о себе!

Сын этого князя — муж известной красавицы в павловское время, урожденной Лопухиной, — издал сочинения отца под заглавием: «Забавы уединения моего в селе Богословском».

В начале нынешнего столетия в Москве была известна княгиня Прасковья Юрьевна Гагарина, урожденная княжна Трубецкая, бывшая впоследствии за вторым мужем Кологривовым. Эта княгиня слыла в тогдашнем московском обществе как очень эмансипированная женщина; у ног ее лежали наш историк Карамзин и поэт того времени князь Ив. Мих. Долгорукий, посвятивший ей несколько стихотворений.

Особенно известно одно под названием «Параше». Из-за любви к Гагариной застрелился тогда один молодой человек *.

Странная судьба была этой княгини Гагариной: родная племянница фельдмаршала Румянцева-Задунайского, она вышла за молодого полковника Фед. Серг. Гагарина, погибшего при штурме Варшавы; неутешная молодая вдова, мать нескольких малолетних детей, была взята в плен и в темнице родила меньшую дочь. Она была освобождена вместе с другими пленницами после взятия Праги Суворовым. Долго она отвергала всякие утешения, в серьге носила землю с могилы мужа своего, но вместе с твердостью имела она необычайные, можно сказать, невиданные живость и веселость характера; раз предавшись удовольствиям света, она не переставала им следовать.

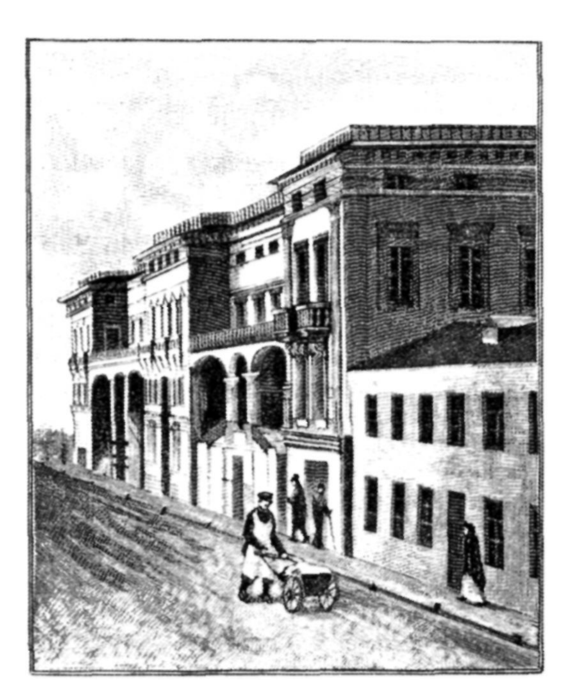
Сбросив иго старинных предрассудков и повиновение законам приличия, она стала пользоваться излишнею свободой. В то время не знали слов эмансипированная, нигилистка и т. д. и назвали Гагарину просто бойкой барыней. Под конец, когда Прасковья Юрьевна стала терять свои прелести, явился обожатель Петр Алек. Кологривов, отставной полковник, служивший при Павле в кавалергардском полку, и княгиня, чтобы отвязаться от преследований влюбленного, вышла за него замуж.

В доме Гагариной был театр, на котором нередко шли итальянские оперы, примадонною в последних была сама хозяйка дома. Княгиня также играла и на театре Шаховских под Новинском, где появлялась в ролях репертуара французской актрисы Жорж.

В те времена в высшем обществе в большой моде были драматические спектакли, и не только считали обязанностью смотреть драматических актрис Семенову и приезжавшую тогда в Москву знаменитую французскую актрису Жорж, но и у себя на дому устраивали благородные спектакли и, в подражание им, появлялись в ролях этих артисток.

Две эти артистки, Семенова и Жорж, в Москве производили в то время необыкновенный фурор.

* Известный дипломат граф Спренгпортен.

Дом Гагарина на Тверской улице. С рисунка, приложенного к «Русской старине», изд. Мартыновым

Говорили тогда, что Жорж имела годового содержания в Петербурге 60 000 рублей, и, считая с царскими подарками, двумя бенефисами в Петербурге и двумя бенефисами в Москве, она получала до 100 000 рублей в год.

Мамзель Жорж приехала в первый раз в Москву как раз ко дню бенефиса знаменитой Семеновой и послала ей 50 рублей, прося себе ложу в 3-м ярусе. Через неделю шел бенефис Жорж, и Семенова со своей стороны посылает ей 200 рублей и тоже просит ложу 3-го яруса, но гордая артистка отвечает следующей запиской: «Милостивая государыня! Если вы препроводили ко мне ваши 200 рублей для того, чтобы судить о моем таланте, то я не нахожу слов, как вас благодарить, и прилагаю к вашим деньгам еще 250 рублей для раздачи бедным людям. Но если вы посылаете деньги эти мне в подарок, то извольте знать, что в Париже я имею у себя двести тысяч франков».

Девица Жорж не отличалась строгостью нрава; она была привезена в Москву молодым гвардейским офицером Бенкендорфом. Из Петербурга до первой станции ее сопровождал большой кортеж поклонников артистки, всю дорогу и на станции вино лилось рекой, многие кавалеры не стояли на ногах; когда же пришлось ехать дальше, компания подхватила Жорж на руки и снесла ее в сани при криках «Viva le célèbre talent, vive la beauté!» [14].

Князь Вяземский в своих мемуарах рассказывает, как он, очарованный величием ее красоты и не менее величественною игрою художницы, отправлялся к ней лично за билетом на ее бенефис. Она жила на Тверской у француженки мадам Шеню, которая содержала и отдавала комнаты внаймы с обедом в то время, когда в Москве не имелось ни отелей, ни ресторанов.

Вяземский говорит: «Взобравшись на лестницу и прикоснувшись к замку дверей, за которыми таился мой кумир, я чувствовал, как сердце мое прытче застучало и кровь сильнее закипела. Вхожу в светилище и вижу пред собою высокую женщину в зеленом, увядшем и несколько засаленном капоте; рукава ее высоко засучены, в руке держит она не классический мельпоменовский кинжал, а просто большой кухонный нож, которым скоблит деревянный стол: это была моя Федра и Семирамида [15]. Нисколько не смущаясь моим посещением врасплох и удивлением, которое должно было выражать мое лицо, сказала она мне: «Вот в каком порядке содержатся у вас в Москве помещения для приезжих, я сама должна заботиться о чистоте мебели своей».

О красоте Жорж дает нам понятие другой ее современник, Ф. Ф. Вигель, видевший ее в Москве. По словам его: «Голова ее могла служить моделью скорей ваятелю, чем живописцу; в ней виден был тип прежней греческой женской красоты, которую находим мы только в сохранившихся бюстах на древних моделях и барельефах и которой форма как будто разбита или потеряна. Самая толщина ее была приятна; более всего в ней очаровательным казался ее голос, нежный, чистый и внятный; она говорила стихи нараспев, в игре ее было не столько нежности, сколько жара; везде, где нужно было выразить благородный гнев или глубокое отчаяние, она была неподражаема».

Тот же Вяземский приводит рассказ в своих воспоминаниях: «Лет через тридцать в Париже захотелось мне подверг-

нуть испытанию мои прежние юношеские ощущения и сочувствия. Я отправился к девице Жорж; увидя ее, я внутренно ахнул и почти пожалел о зеленом измятом капоте и кухонном ноже: предо мною предстала какая-то старая баба-яга, плотно оштукатуренная белилами и румянами и... можно ли было, глядя на эту безобразную маску, угадать в ней ту, которая как будто еще не так давно двойным могуществом искусства и красоты оковывала благоговейное внимание многих тысяч зрителей, поражала их, волновала, приводила в умиление, трепет, ужас и восторг».

В павловское время в Москве особенно вошла в моду страсть к благородным спектаклям. Эта страсть преимущественно процветала в высшем обществе. Таких «партикулярных спектаклей» на неделе давалось по нескольку. Тогдашний московский главнокомандующий князь Долгорукий нашел нужным даже испросить у государя на них разрешение. Государь на его просьбу ответил следующим: «Что запрещать их не находит надобности, но находит, однако ж, нужным, чтоб не были играны пьесы без цензуры и не игранные еще в больших театрах и чтобы для сохранения надлежащего порядка в таких частных собраниях, а равно и для наблюдения за исполнением предыдущих пунктов предписуемого, быть всегда частному приставу, который за то и отвечать должен».

По отзывам современников, особенно блистательны были домашние спектакли в имении Марфино [16], деревне графа Ив. Петр. Салтыкова.

В живописном имении этом стоял на горе, над широким прудом с островами превосходный трехэтажный дом в стиле Возрождения (вид этой барской усадьбы был отлитографирован в сороковых годах архитектором П. Бурениным, отцом известного нашего критика В. П. Буренина) [17]. Два флигеля одинаковой вышины, построенные в одну линию, соединялись с ним галереями и террасами и таким образом получался огромный фасад. С одной стороны был длинный, правильно распланированный сад с бесконечными прямыми липовыми аллеями, а с другой примыкала к нему прекрасная густая роща, идущая вниз по скату горы до самого пруда или озера. Приемным комнатам нижнего этажа служило украшением многочисленное собрание старинных фамильных портретов; большая же часть верхнего под именем Оружейной обращена была в хранилище не только воинских доспехов, принадлежавших предкам, взятым на войне с прусаками *, но и всякой домашней утвари, даже платья их и посуды, серебряной и фарфоровой, вышедшей из употребления.

Театральные представления давались здесь в большой фамильной зале, а также еще в небольшом деревянном театре, построенном в саду и на открытом воздухе в двух верстах от господского дома среди прекрасной рощи, названной Дарьиной. Здесь поляна, состоящая из двух противоположно идущих отлогостей, образовала природный театр; сцена заключалась в правильном продолговатом полукружии. Сам Карамзин приезжал сюда для постановки спектаклей и для этого театра написал пьесу под названием «Только для Марфина».

В числе светских любителей, князей Белосельского и Козловского **, графа Чернышева и других играл также Василий Львович Пушкин, являясь в роли Оросмана в «Заире». По отзывам современников, этот актер-литератор отличался весьма неказистою внешностью, имел в тридцать лет рыхлое, толстеющее туловище на жидких ногах, косой живот, кривой нос, лицо треугольником, рот и подбородок à la Charles Quint [18] и притом очень редкие волосы и был почти без зубов. Несмотря на такую невзрачность, внешность его не имела ничего отвратительного, а скорее была только забавной.

В числе актеров, как сам рассказывает в своих воспоминаниях, подвизался и известный Фил. Фил. Вигель, распевая следующие куплеты в роли бурмистра в пьесе «Только для Марфина»:

Будем жить, друзья, с женами,
Как живали в старину,
Худо быть нам их рабами,
Воля портит лишь жену и т. д.

---

* Эта историческая коллекция теперь принадлежит г. Мятлеву.
** Известные впоследствии наши посланники.

В. Л. Пушкин.
С редкого
гравированного
портрета Галактионова

На это отвечал ему другой герой пьесы Карамзина — вахмистр:

Наш бурмистр несет пустое,
Не указ нам старина,
Воля — дело золотое и проч.

В числе актрис-любительниц играли: вышеупомянутая княгиня П. Ю. Гагарина, П. И. Мятлева, старшая дочь хозяйки дома графини Салтыковой — вдовы долго начальствовавшего в столице графа Салтыкова, последняя игрою напоминала известную в то время актрису Вальвиль, затем княжна Хилкова, которая тоже пела и играла как настоящая актриса.

На этом домашнем театре шли и оперы — так известная в то время опера «Паезиэло», «La servante — maîtresse» [19], русские: «Два охотника» и излюбленный в то время «Мельник» Аблесимова.

Марфино с незапамятных времен принадлежало роду Салтыковых: сюда из Москвы бежал от чумы в 1771 году граф Петр Семенович Салтыков, победитель Фридриха II, и здесь с того времени, потеряв доверенность императрицы Екатерины II, жил он не более года в опале; по словам его биографа, душевная скорбь прекратила жизнь его. Граф Салтыков был очень любим солдатами и отличался неустрашимостью и храбростью на войне; во время битвы он выказывал необыкновенное хладнокровие: когда ядра летали мимо его, он постегивал хлыстиком вслед за ними и шутил. У него было необыкновенно доброе сердце. В разговорах он отличался шутливостью.

Порошин в своих воспоминаниях рассказывает, что однажды в присутствии государыни, когда придворные, хвалясь ловкостью, делали из пальцев своих разные фигуры, фельдмаршал Салтыков правою ногою вертел в одну сторону, а правою рукою в другую в одно время. Сын фельдмаршала Иван Петрович [20] отдал Марфино в приданое своей дочери, когда она вышла замуж за графа Григ. Влад. Орлова; от него оно поступило к графам Паниным и от них уже к графу Мусину-Пушкину.

В описываемую эпоху в Москве было множество театралов. По признанию одного из таких театралов, поэта Вяземского, привычка к театру — род запоя. «В известный час после обеда заноет какой-то червь в груди; дома не сидится, покидаешь чтение самой занимательной книги, отвлекаешься от приятного и увлекательного разговора и отправляешься в театр, чтобы в креслах своих смотреть на посредственных актеров и слушать скучную драму». Московская труппа в те годы была так себе; больших талантов, и в особенности образованных актеров, тогда не было. Репертуар, вообще весь русский репертуар, был слаб и скуден. «Нас, между прочим, — продолжает Вяземский, — забавляло смотреть, как некоторые из актеров на сцене, в самом пылу действия или любовного объяснения, одним глазом на минуту не смигнут с директорской ложи, чтобы видеть: доволен ли их игрою Аполлон Александрович Майков, тогдашний директор театра».

Блестящую тогдашнюю московскую молодежь привлекал в особенности балет, пламенно воспетый Денисом Давыдовым в лице красавицы Ивановой и удостоенный похвальным отзывом в «Евгении Онегине». Тогда, собственно, настоящего нынешнего балета не было, а давался разнохарактерный дивертисмент — в нем являлись в разнообразных плясках красивые, грациозные и талантливые танцовщицы.

Первое место тогда занимала Ивано-

ва и затем живая, увлекательная, черноглазая и густо-черноволосая цыганочка Новикова. Из мужского персонала на московском театре первое место в пляске и пении занимал молодой Лобанов; в роли цыгана, с черною бородою и в ярко-красном архалуке, он приводил в известном тогда «Семике» в восторг всю публику от райка до кресел своими эксцентрическими и неистовыми «коленцами». Со славою Лобанова соперничал еще военный писарь Лебедев, не принадлежавший московскому театру, но со стороны участвовавший в «Семике» как песенник. Голосом своим он звонко заливался; руки его, вооруженные ложками, фейерверочно вертели их; ноги его так прытко изворачивались вприсядку и все тело его так изгибалось и трепетало, что он был живой и превосходный образец беснующегося.

Выше уже мы рассказали про случай с ним, бывший во время приезда императора Александра I, прекративший его театральную карьеру навсегда.

Нравы театралов в старое время в Москве были жестокие, и боже избави, если какая-нибудь актриса им не нравилась: ее зашикают и засвищут, несмотря на существовавшие в то время строгие порядки относительно зрелищ. По поводу такого неистового протеста театралов М. А. Дмитриев приводит в своих «Мелочах» следующий случай. Какую-то актрису публика не выносила и при появлении ее шикала, шумела и топала; это дошло до Петербурга, приказано было всех посадить под арест: кого на гауптвахту, кого просто в полицию. Посадили человек двадцать, в том числе графа Потемкина; между ними еще попался некто Сибилев, человек за пятьдесят лет, самый смирный, толстый, с красным лицом; последний являлся безмолвно на бульварах и имел привычку, бывая в театрах, ходить по ложам всех знакомых, что в то время было не принято в свете. Князь Ник. Бор. Юсупов, о котором мы выше говорили, любил его, потому что над ним можно было посмеяться. Он называл его по круглой его фигуре и по красноте лица арбузом, а по охоте его лазить по ложам «ложелазом», что было тем смешнее, что напоминало ловеласа, на которого совсем не похож был Сибилев. Повеление было исполнено, но вся Москва раскричалась, лица были известные. Из Петербурга тотчас велено было всех выпустить.

Мало этого, государь сам приехал в Москву посгладить впечатление. На вечере у князя Голицына он изъявил желание играть в карты с графинею Потемкиной, муж которой был посажен под арест, и был с ней очень любезен; выиграв у нее пять рублей и получая от нее деньги, сказал ей очень благосклонно, что сохранит эту бумажку на память. Графиня отвечала ему, что она со своей стороны не имеет нужды в напоминании, чтобы помнить о его величестве. Государь отвечал: «А вы все еще на меня сердитесь за мужа? Забудемте это с обеих сторон». Между тем в Москве вышла карикатура, представляющая лица всех посаженных под арест, и впереди их — смиренный Сибилев, с надписью: Le chef de la conjuration [21].

В числе больших театралов в Москве был некто Ф. Ф. Кокошкин [22]. Он сам играл в благородных спектаклях и был хорошим актером — все роли его были обдуманы, все шаги разочтены, искусства у него было очень много, но натура иногда скрывалась за искусством. Во время его директорства в театре он пригласил лучших актеров; ему много был обязан московский театр; им был вызван Щепкин [23] на московскую сцену; им были приняты трагик Максин, Афанасьев, Лавров, певец Бантышев [24], Ленский [25], Рязанцев, актриса Львова-Синецкая; в балет при нем были выписаны из Парижа Ришар и г-жа Гюллень. Театральное училище тоже представляло для него главную заботу. Экзамены училища делались публично в театре, из училища при нем вышли Живокини [26], Сабуров, Над. Репина, Сабурова, Карпакова, Богданова и другие.

В дом Кокошкина собирались литераторы и люди высшего общества; для усвоения воспитанниками манер хорошего тона у него давались вечера, в которых по приглашению принимали участие и взрослые воспитанники училища. Из литераторов у него бывали Мерзляков, Загоскин, Давыдов, Раич [27], оба Дмитриева, Погодин, Шевырев [28], Полежаев, А. И. Писарев; последний начал свое водевильное поприще под руководством Кокошкина. Им же были поощрены в первых своих литературных трудах Н. Ф. Павлов [29], С. Т. Аксаков [30] и Ф. А. Кони [31].

Сам Кокошкин написал комедию в стихах «Воспитание, или Вот приданое», перевел несколько французских мело-

А. А. Закревский. С литографированного портрета

драм, в числе которых «Жизнь игрока». Затем переделал оперетку «Роман на один час; чертенок розового цвета на один час в отпуску», также перевел «Мизантропа» Мольера, который в первый раз был исполнен в 1814 году на благотворительном спектакле. В этой же пьесе в 1815 году декабря 15-го в первый раз появилась на сцене, не принадлежа еще к театру, М. Д. Львова-Синецкая в роли Прелестиной (т. е. Селимены). Когда Кокошкин управлял театрами, артисты приходили к нему как к другу. Он жил на Воздвиженке в угольном доме против церкви Бориса и Глеба. Он часто по целым ночам просиживал на сцене за постановкою пьес, боясь поручить их режиссеру или кому-нибудь, не посвященному в таинства сцены.

Как русский барин, Кокошкин жил пышно, открыто, привлекая к себе хлебосольством, привязывая радушием. Старики актеры долго помнили его блистательные и очаровательные праздники, которые он давал в селе Бедрине, где великолепие природы смешивалось с роскошью вымысла, где плавучие острова Бедринского озера, воспетого А. И. Писаревым, оглашались песнями наяд, игра натуры прикрашивалась игрою искусства, где простой холм над заливом переносил вас в древнюю Элладу, где звучал меч Ахиллеса[32] и сожигался троянский флот и где тяжелый александрийский стих сменялся веселыми песнями колонистов, не театральных, а действительных, поселенных Кокошкиным близ Бедрина.

Отказавшись от театра, он пустился в спекуляцию и сделался фабрикантом — в то время это было в м о д е , — и картофельная мука, патока, глиняная посуда, новые печи, сальные свечи — все было перепродаваемо новым фабрикантом, и, кажется, не без выгод для других.

Кокошкин был два раза женат: в первый раз на дочери сенатора И. П. Архаровой и во второй раз на актрисе; от последнего брака он имел детей. За два года до своей смерти он был разбит параличом и влачил жизнь страдальческую. Он умер в Москве в сентябре 1838 года.

Про Кокошкина ходило множество анекдотов; говорили, что он никогда не читал Шекспира потому, что был отчаянный классик. По рассказам молодых дебютантов и актеров, он учил их сам с голоса, как учат птиц, и потому некоторые из них играли немножко нараспев, подражая голосу учителя. Кокошкин очень любил чтение вслух и декламацию.

Про него Ал. Ив. Писарев говорил, что он любил литературу как средство громко читать. Голос у него был звучный, интонация обдуманная; особенностью его голоса была необыкновенная гибкость. Когда он играл на сцене, то были слышны даже его тихие тоны.

Он требовал от актеров, чтобы они попадали в октаву, или, правильнее, в тон. Но игре Кокошкина очень вредила какая-то необыкновенная торжественность на сцене. Внешность Кокошкина была оригинальная: он был очень небольшого роста, в рыжем парике, с большой головой и нарумяненными щеками. Носил он длинные чулки в башмаках с пряжками и атласную culotte courte[33] черного, а иногда розового цвета. Он казался олицетворением важности, пафоса и самодовольствия. И. И. Дмитриев, когда был министром юстиции, предложил ему место московского губернского прокурора, но предварительно захотел посоветоваться о нем с его тестем Ив. Петр. Архаровым. «Ох, мой

отец, — сказал тот, — велика твоя милость, да малый-то к театру больно привязан!» Дмитриев не посмотрел на это, думая, что театр не помешает делу, и сделал его прокурором. Однако последствия оправдали заключение тестя. Кокошкин не показал стойкости на этом важном месте и недолго занимал его. Назначая его на место прокурора, Дмитриев говорил, что переводчик, передавший верно и хорошо характер Альцеста, должен быть сам человек добросовестный и правдивый.

У Кокошкина была привычка всем говорить «мой милый!». Об этом упоминает Аксаков в своих воспоминаниях. Однажды Кокошкин спорил с Писаревым, кто лучше: Расин или Шиллер? Писарев спросил его: «Да читали ли вы Шиллера? Вы прочтите». — «Не читал, милый, — отвечал Кокошкин, — и читать не хочу! Я уж знаю, что Расин лучше!» Потом, взглянувши умилительно на Писарева, прибавил: «Эх, милый, Александр Иваныч! Когда я тебя в чем-нибудь обманывал? Поверь же ты мне на слово, что Расин лучше!» Этот анекдот был всем известен.

Ф. Ф. Кокошкин. С литографированного портрета

В начале нынешнего столетия Москва насчитывала более двадцати домашних театров, где играли крепостные люди и сами господа, любители. Из таких театров, как мы выше упоминали, первыми были: два театра графа Шереметева, в Кускове и Останкине, графа Орлова — под Донским, Бутурлина и Мамонова — в Лефортове, на Разгуляе — у Мусина-Пушкина, в Петровском — у Разумовского, у Голицына, у Пашкова — на Моховой, в Люблине, Перове, Рожествене, Архангельском; в апраксинском Ольгове, помимо этого загородного был еще театр на Знаменке, у графа.

Последний театр в то время был лучший в Москве, с ложами в три яруса; на нем играли все знаменитости, посещавшие Москву; здесь давалась итальянская опера, на любительских же спектаклях тут игрывали лучшие тогдашние любители: Кокошкин, Яковлев, Гедеонов. В женском персонале появлялась и сама хозяйка дома. Последняя, по словам Благово, никогда не знала своей роли и, подойдя к суфлеру, спрашивала его: «Comment?»[34] П. Арапов говорит, что в его время залы княгини З. А. Волконской[35] исключительно оглашались итальянскою музыкою, а театры С. С. Апраксина и Ф. Ф. Кокошкина предпочтительно принадлежали трагедии и высокой комедии.

Пьесы на барских любительских театрах преимущественно исполнялись на французском языке, несмотря на то, что эту моду к иноземному языку осмеяли наши лучшие тогдашние драматурги — Княжнин и Фонвизин, первый в роли Фирюлина в «Несчастии от кареты», второй — в «Бригадире», в лице глупого бригадирского сынка, которого душа, как говорил последний, принадлежала французской короне.

Позднее И. А. Крылов еще злее вывел тогдашнюю столичную и провинциальную галломанию в своих двух комедиях — «Урок дочкам» и «Модная лавка». Вслед за ним пробовал также смеяться в своей комедии и граф Ростопчин над французским языком и полурусским воспитанием значительной части дворянского сословия. Что же касается до барских театров, то их предал полному осмеянию князь Шаховской в своей комедии «Полубарские затеи». После этой пьесы столичные и деревенские меломаны как-то совсем поприутихли и новых домашних оркестров, трупп и балетов уже не учреждали.

ГЛАВА XV

Девичье поле. — Дома вельмож. — Древлехранилище Погодина. — Лубочные картины. — Гулянье на Девичьем поле в екатерининское время. — Случай с полковником Брандтом. — Народный театр. — Дом Макарова, птенца Петра Великого. — Внук Макарова. — «Журнал для милых». — Сотрудницы его. — Позднейшая журнальная деятельность Макарова. — Его рассказы о прежнем быте помещиков. — Пути сообщения в старое время, заставы и проч. — Дом князя Никиты Трубецкого. — Характеристика этого вельможи. — Дом Н. П. Архарова. — Московский Сартин. — Сенатор Иван Архаров, брат обер-полицийместера. — Архаровский полк. — Розыски. — Анекдоты и рассказы про Архарова

В екатерининское время у многих наших бар были загородные дома в отдаленных частях Москвы, вошедших впоследствии в состав города. Поблизости от Кремля в старину наши вельможи избирали себе места большею частью на Девичьем поле [1], около Хамовников, у Крымского брода.

Девичье поле исстари славилось своими народными гуляньями. Цари Михаил Феодорович, Алексей Михайлович, Федор Алексеевич, отправляясь сюда на богомолье 28-го июля, имели обыкновение отсюда встречать крестный ход и для того приезжали сюда иногда еще накануне праздника, останавливаясь в шатрах, раскинутых на поле, бывали в монастыре у малой вечерни, у всенощной [2], а в самый праздник и у ранней и у поздней обедни и, наконец, кушали в шатрах.

Можно вообразить, сколько тогда бывало шатров на поле и сколько народа, если уже сами цари имели обыкновение здесь проводить праздник. Девичье поле, по преданию, получило свое название оттого, что сюда на поле девицы гоняли коров. Более древнее предание гласит, что название это восходит ко временам татарского ига, когда москвичи сюда приводили девиц в дань монголам и при отдаче их подносили еще на головах послам молоко и мед в серебряных чашах.

На Девичьем поле стоит огромное здание Новодевичьего монастыря, строителем которого называют фрязина Алевиза [3], который в начале XVI столетия кроме этого монастыря построил многие каменные церкви.

В этом монастыре проживал у своей сестры отрекавшийся от престола Борис Годунов [4]. Здесь умоляло его духовенство и бояре принять державу. Этот монастырь, как и Вознесенский, долгое время служил царскою усыпальницею. В нем погребены царевны, дочери царя Алексея Михайловича — Софья [5] и Екатерина; дочь царя Иоанна IV — Анна, затем первая супруга Петра Великого Евдокия Феодоровна, урожденная Лопухина. В «Древней Вифлиофике» сказано, что тело царевны было сперва погребено в Софиевской церкви и уже впоследствии было перенесено в собор. Каменные гробы почивших цариц стоят на помосте храма, над ними устроены из кирпича надгробницы, покрытые суконными и бархатными покровами. В этом монастыре после заговора Щегловитого [6] в 1689 году заключена была сестра императора Петра I царевна и соправительница Софья «за известные подъискательства». Но, невзирая на бдительность стражи, царевна чуть-чуть не бежала из монастыря; через пять лет Софья опять успела раздуть пламя мятежа в стрельцах, посягая на жизнь царя. Но бунт был вовремя усмирен царем, и крамольные стрельцы повешены перед окнами кельи царевны с челобитными в руках, в которых умоляли ее принять престол. В этом монастыре провела царевна последние дни свои, до конца не оставляя властолюбивых своих замыслов.

В 1808 году умерла в Новодевичьем монастыре столетняя старица, которая помнила царевну и указывала ее келью. В монастыре была игуменья Елпидифо-

рия из фамилии Кропотовых, у которой сохранялся портрет царевны Софьи. Император Павел навещал эту игуменью и жаловал наградами. По рассказам, она также была последней самовидицей жизни царевны в монастыре.

Близ Троицкой дороги, не доезжая села Рахманова, было село Сафрино, некогда принадлежавшее графине Ягужинской. Прежде это была собственность царевны Софьи, точно так же, как и село Сафрино при берегах Москвы-реки по зимней Рязанской дороге. Тут были богатые плодовые сады, разведенные самою Софьею, а дом Ягужинских был некогда дворцом ее. Впоследствии он был перестроен.

Лет шестьдесят тому назад помнили еще его: он был с чистыми сенями, расположенными посредине двух больших связей, из коих каждая разделялась на две светлицы.

В Сафрине светлел чистыми водами пруд опальной царевны, богатый рыбою и обсаженный вербами, на которых долго виднелись литеры, означавшие имена царевны и друзей ее. В литерах этих угадывали имена князя Василия Голицына, Семена Кропотова, Ждана Кондырева, Алмаза Иванова, Соковнина и других.

Народная молва передавала, что Сафрино прежде называлось Софьиным же, но что при пожаловании его в поместье имя Софьино изменено для каких-то причин.

Известный знаток московской старины А. А. Мартынов отвергает все эти предания, а предполагает, что село Сафрино принадлежало некогда роду дворян Сафариных.

Лет сто тому назад ходила молва *, что под мостом при деревне Голыгиной (на Троицкой же дороге) в каждую полночь жаловались и плакались души Хованских, казненных по домогательству будто бы царевны Софьи в селе Воздвиженском и потом затоптанных в гати под Голыгиной; что долго тени несчастных сына и отца Хованских выходили на Голыгинскую гать, останавливали проезжих и прохожих и требовали свидетельств по суду божию на князя Василия Голицына и Хитрова. Говаривали, что один из Хованских, кланяясь прохожим, снимал свою отрубленную голову, как шапку. Через несколько лет после того тени Хованских были заменены под Голыгинскою гатью стоном лешего, но теперь нет, кажется, уже и лешего.

На Девичьем поле некогда стоял деревянный дом, знакомый каждому из москвичей; здесь проживал со своими рукописями, автографами и вековыми хартиями профессор Погодин. Им занесено на страницы издававшегося им «Москвитянина» следующее предание о Девичьем поле в день 1-го декабря, чтимое посейчас в обители ежегодным торжественным всенощным бдением с акафистом [7] в свидетельство истины этого происшествия.

В морозную декабрьскую ночь очередной дьячок спал глубоким сном в сторожке у передних ворот монастыря. Вдруг чудится ему, что кто-то стучит в окно и велит идти благовестить к заутрени.

Он просыпается, выходит на двор, посмотрел на небо: нет, еще слишком рано; идет старик досыпать в сторожку. Лишь только закрыл глаза, опять будто кто-то толкает его в бок: пора к заутрени. Очнулся — вышел в другой раз; смотрит опять на небо — нет, все еще рано. Ворча, опять уходит старик спать. «Ступай благовестить», — в третий раз раздается у него в ушах, когда он едва уснул.

Дьячок вскочил испуганный; досада его взяла. «Ударю в колокол, — подумал он, — не стану смотреть на звезды; нужды нет, что рано: пускай посердится батько».

Вышел из сторожки, идет он стеною и видит чрез зубцы, что по монастырю ходят взад и вперед какие-то люди с фонарями и свечами, что к паперти подъехало много пошевней тройками. Видит, что-то недоброе. Бежит на колокольню и звонит во все колокола что ни есть мочи. Раздается гром на все поле. Все в монастыре просыпаются и бегут со всех сторон к церкви узнать, что за тревога, и видят — в задние ворота скачет вон из монастыря что есть духу троек двадцать к Москве-реке. Слышит звон и царь Петр Алексеевич, пировавший в то время на Пречистенке. «Скорее сани, — кричит Петр, — пошлите за солдатами». Думает царь: «В Девичьем монастыре живет заключенная его сестра,

* См. «Русские предания» Макарова.

опять нет ли какого стрелецкого заговора».

Прискакал царь со свитой к монастырю, стучится в ворота, не отпирают. «Ломай ворота», — командует Петр. Приносят ломы, заступы, топоры, бьют, ломают, кто-то успел перелезть через стену и растолковать испугавшемуся причту, что приехал царь. Ворота отперли. «Что у вас тут деется?» — спрашивает государь. И все в один голос начинают рассказывать, что к ним приезжали воры, все замки церковные сбиты, двери выломаны, образа, ризы, дорогие вещи собраны были уже в вороха и вынесены на паперть, но дьячок зазвонил тревогу, и воры, не успев покласть добра на воза, испуганные, ускакали.

Петр обошел, все осмотрел и, обходя, заметил, что везде на полу, по снегу накапано было множество воску. «Перехватать завтра всех, — говорит он, — кто попадется в кафтане, залитом воском, на рынках, площадях, по улицам, и привесть ко мне». Приказ исполнен, и на другой день собрано было к нему со всей Москвы множество народа, закапанного воском, в котором по лицам легко уже было зоркому взгляду царя отличить виноватых от невинных. Таким образом грабители были пойманы.

Рассказ этот Погодин слышал от старика монастырского священника.

В доме профессора М. П. Погодина было собрание русских древностей в полном объеме: здесь были древнейшие иконы — живописные, литые, резные, из кости, из камня, дерева, шитые; кресты, редчайшие старопечатные славяно-церковные книги, рукописи, монеты, различная утварь, оружие, грамоты и судебные дела древности, автографы, эстампы, лубочные картины, курганные вещи, первые издания и проч.

Много десятков лет тому назад Москва была богата такими музеями и имела многие частные собрания. Так, П. Ф. Карабанов собрал превосходную коллекцию, как бы служившую дополнением к древностям и редкостям Оружейной палаты, — в нее вошли собрания А. В. Олсуфьева, П. П. Бекетова [8] и Ф. В. Коржавина [9]. В числе его редкостей у него было единственное собрание русских портретов и монет царского периода; последних также было весьма значительно и у А. Д. Черткова [10], гг. Раковых и С. Г. Строганова [11], профессора Буазе, графа Мусина-Пушкина [12], Бекетова, князя В. Д. Голицына, грека Зосимы, Шестынина, Нечаева, Головина, Макарова, Писарева, Шпревица (преимущественно восточная монета, описанная Френом). Собиратели монет для продажи были: гг. Лухманов, Шухов, Шульгин, Бардин, Волков.

Бoльшая часть таких нумизматических сокровищ уничтожена и вовсе теперь не существует. Так, собрания профессора Буазе и Мусина-Пушкина сгорели в 1812 году в Москве, из последней коллекции целы посейчас только две монеты — тогда единственный Ярославлев рубль в слитке, поднесенный владельцем Академии наук, да гривна золотая, поднесенная им Александру I, хранящиеся, кажется, теперь в императорском Эрмитаже.

Из торговцев монетами был знаменит торговавший прежде в Москве, а потом в двадцатых годах в Петербурге по Перинной линии Е. С. Петров.

Для примера, как ценились тогда русские монеты, приведем цены из имеющейся у нас рукописной тетрадки нумизмата 1830 года. Так, например, серебряная полуполтина [13] царя Алексея Михайловича была куплена за 125 рублей. Золотой, с надписью «Российский рублевик», 1710 года за 400 рублей; медные платы, привезенные П. П. Свиньиным из Екатеринбурга, были проданы графу Ф. А. Толстому по 150 рублей за штуку. Маленькая серебряная монета Владимира была куплена у нумизмата Келлера за 400 рублей собирателем С. Еремеевым; монета эта была найдена в 1823 году в Ростовском уезде. Последний также купил пятикопеечник 1723 года с изображением всадника за 500 рублей.

С этим пятикопеечником случилась неожиданная история: желая сделать его доступным всем собирателям, Еремеев отдал его граверу снять с него снимок на меди. В то самое время, когда гравер нес к владельцу доску, пятикопеечник был им потерян. Тщетны были все поиски: доска Еремеевым была пожертвована в Московское историческое общество, где к трудам его и был приложен снимок с его пятикопеечника. Также весьма дорого ценился в тридцатых годах четвертак Иоанна Антоновича, считавшийся величайшею редкостью; за него было заплачено в то время 800 рублей ассигнациями.

Собрания по части древней русской

иконописи были: Г. Т. Молошникова, И. В. Стрелкова, графа С. Г. Строганова (к нему поступило впоследствии бывшее папуринское), А. А. Рахманова, С. Н. Тихомирова. Из древних рукописей богатейшая была у И. Н. Царского, князя М. А. Оболенского, И. А. Гусева (впоследствии перешедшая к К. Т. Солдатенкову) [14], А. И. Лобанова, Г. И. Романова. Старопечатных книг много было у И. Н. Царского, А. А. Рахманова, В. М. Ундольского. Огромное и единственное в Европе прежде голицынское собрание рисунков и эстампов первейших мастеров было у князя И. А. Долгорукова; собрание драгоценных эстампов у Н. Д. Иванчино-Писарева (последний купил также значительную часть коллекций Власова), затем Д. А. Ровинского [15], Маковского, Новосильцева. Последние собиратели не брезговали и лубочными московскими картинами.

По московским преданиям, резчики лубочных картин жили прежде у Успения в Печатниках [16]. Знаменитая московская лубочная печатня Ахметьева, основанная в половине XVIII века, существовала около ста лет у Спаса в Спасской, за Сухаревой башней, переходя от одного хозяина к другому. Говорят, что Ахметьев получил свое заведение в приданое за своею невестою. У него работали в печатне на двадцати станах. При старике доски вырезались в заведении. Подлинники, или «истинники», буквально переносились резчиками с одной доски на другую и отличались верностию копировки. Когда же вступила в управление ахметьевскою печатнею Татьяна Афанасьевна, то истинники раздавались по деревням и там уже правильная резьба на дереве обратилась в кустарное грубое ремесло. Резчики начали своевольно отступать от истинников, и вместо русского народного платья появились на «персонах» наряды немецкие.

Вместе с изуродованием персон начали портить и тексты народных сказок. Все отпечатанные листы из ахметьевской печатни отдавались по деревням. Раскраска преимущественно производилась четырьмя главными цветами: красным, желтым, синим и голубым.

Но никто в Москве лучше не умел раскрашивать картин, как известная старушка Федосья Семеновна с сыном. Старые лубочные картины теперь очень редки. Средоточием продажи лубочных изданий всегда была Москва; продавались они в старину у Спасского моста [17], близ старого бастиона; около них всегда толпилась масса народа. Здесь сидели наши народные слепцы, распевавшие Лазаря и Алексея божьего человека. От Спасского моста они перешли к ограде Казанского собора. Здесь застал их 1812 год. После этого их согнали к холщовому ряду и после вытеснили в квасной ряд. Временные выставки лубочных произведений бывали на Смоленском рынке и у Сухаревой башни по воскресеньям.

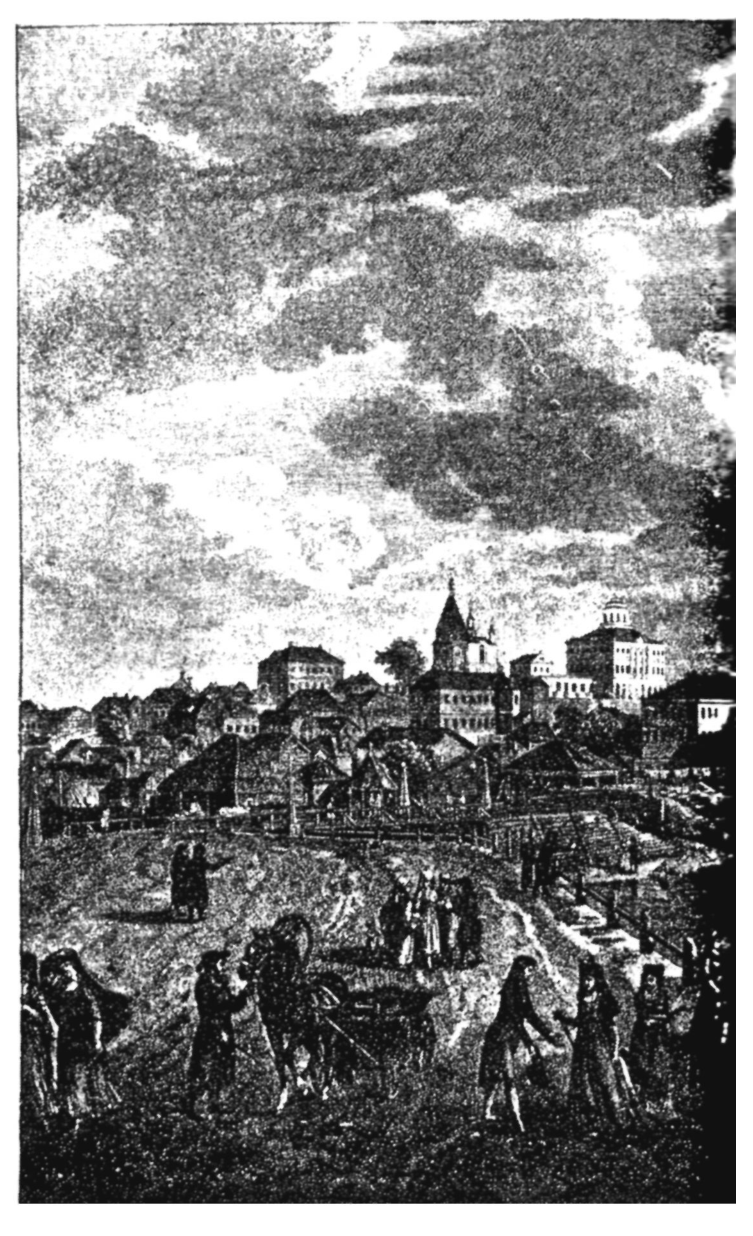

**И. П. Архаров.
С портрета,
принадлежавшего
А. А. Васильчикову**

Во время пожара 1812 года погибло много народных источников, драгоценных по изобретению и по тексту. И теперь уже не встретишься ни с Ершом, ни с Бовою, ни с Аникою, ни с «Мышами, погребающими кота» или с «Веселою масленицею».

В царствование Екатерины II летом в каждый праздник и каждое воскресенье на Девичьем поле было общественное многолюдное гулянье людей высшего круга. Особенно здесь торжественно праздновался день 13-го мая. На поле щеголи екатерининских времен имели обычай ездить верхом для прогулок.

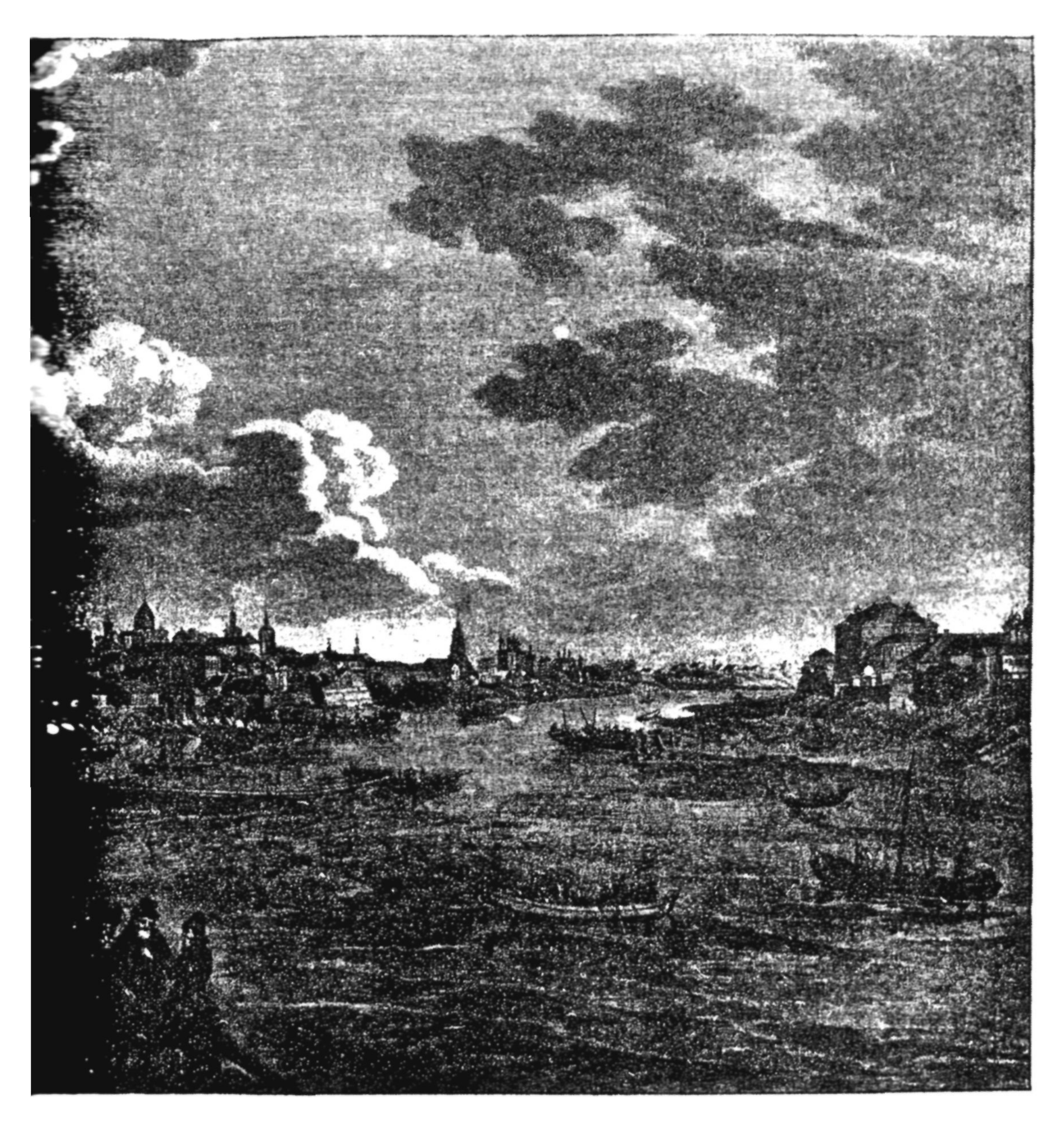
Вид Яузского моста в Москве в конце XVIII столетия. С гравюры Делабарга 1797 г.

«Под Девичье» считалось за самое лучшее и блистательнейшее гулянье.

Жихарев рассказывает, что в его время в 1803 году на таких гуляньях в Москве обращала внимание карета какого-то Павлова, голубая, с позолоченными колесами и рессорами, соловые [18] лошади с широкими проточинами [19] и с гривами по колена, в бархатной, пунцовой, с золотым набором сбруе. Коренные [20], как львы, развязаны на позолоченных цепях, а подручная беспрестанно на курбетах [21]. Из кавалькад лучшие были графа Орлова-Чесменского, графа П. И. Салтыкова, Поливанова и других. Гулянье под Девичьим особенно многолюдно было о пасхе. Тогда карет и кавалькад счета не было. По случаю гулянья под Девичьим во всех барских домах, находящихся на Пречистенке, назначаемы были большие вечера и балы. На Девичьем назначались в то время тоже парады для войск.

На одном из таких плац-парадов еще в павловское время вскоре после приезда императора в Москву для коронации произошел следующий случай. В последний год царствования императрицы был выпущен из конной гвардии поручик Брандт премьер-майором в Астраханский гренадерский, впоследствии Архаровский, полк. Брандт был молодой чело-

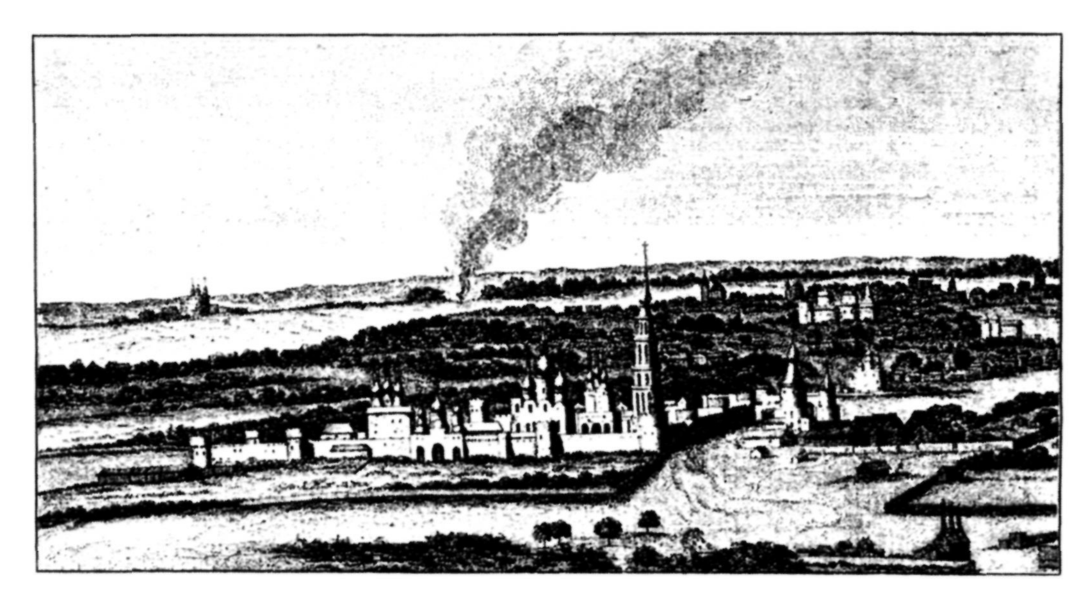

век вспыльчивого характера. Вечером он получил записку, содержавшую приказ от экзерцирмейстера полковника Н., чтобы на другой день в 8 часов представить полк на Девичьем поле. Брандт дошел до Зубова [23], остановился и ожидал, чтобы на Спасской башне ударило 8 часов.

Едва пробило, как Брандт вступил на плац-парад, где уже экзерцирмейстер прохаживался. Брандт подошел к нему с рапортом. «Ты опоздал», — сказал полковник. «По записке вашей, — отвечал Брандт, — я привел полк в 8 часов». — «Неправда, я приказал быть в 7 часов». — «Записка ваша при мне». — «Покажи». Брандт подал. Прочитав записку, экзерцирмейстер разорвал ее в куски. Это взорвало Брандта. «Зачем ты ее изорвал, — сказал он, — грамоте не знаешь, вместо 7 написал 8 и теперь меня обвинить хочешь!» — «Тише, молодец!» — и в запальчивости своей экзерцирмейстер произнес неприличное слово насчет прежнего при Екатерине порядка вещей. Но он не успел еще договорить, как пощечина была уже на щеке его. По команде дошло это происшествие до государя. Брандт был разжалован в солдаты и во все время коронации оставался рядовым в Архаровском полку.

За две недели до отъезда императора в Петербург приезжает в полк фельдъегерь [24] с повелением представить императору рядового Брандта. Брандт введен был в кабинет императора, стал у дверей во фронт и твердым голосом произнес: «Здравия желаю вашему императорскому величеству!» Государь подошел к нему и сказал: «У царя небесного нет правосудия без милосердия и у царя земного быть не должно. Вы поступили против субординации, я вынужден был вас наказать, но вы, как благородный человек, защищали вашу им-

святой и до осени, до покрова дня [25]. Представления были: «комедиянские увеселительные» интермедии и курьезные шпрынг-мейстерские действия. Представления начинались в 3 часа и оканчивались в 6 часов, «позывку» же для собирания народа музыкантам на трубах или валторнах было приказано начинать в начале первого часа. С появлением в Москве моровой язвы спектакли на Девичьем поле прекратились и, как видно из дела Московской управы благочиния 1769 года за № 4, 115, более уже не возобновлялись.

Новодевичий монастырь и Девичье поле в начале XVIII столетия. Со старинной гравюры

ператрицу. Поцелуемтесь, г. полковник».

На Девичьем поле в 1769, 1770 и 1771 годах был открыт первый казенный народный театр; в нем давались представления бесплатно по воскресным, праздничным и викториальным дням. На содержание театра, на наем комедиантов и музыкантов определено было отпускать на каждый год по 300 рублей из подлежащих до московской полиции доходов.

Содержать этот театр и давать представления обязался уволенный от дел бывшей московской гоф-интендантской конторы канцелярист Илья Скорняков, и это обязательство исполнял три года в летнее время, начиная с недели после

В екатерининское время Девичье поле от слободы до монастыря не было так широко, как нынче; в его поймах стояли не фабрики, не сады господские, но огороды монастырские и рощи.

Гул колоколов с церквей московских сладко пел по этим рощам; но сладок ли он был для заключенных вместе с царевной Софьей в ограде монастырской? На Остоженке, подле церкви Успения, почти на Буйвище (кладбище), жил Козьма Макаров, старший письмоводитель канцелярии Петра. Светлый домик Макарова прямо смотрел на Девичий монастырь, и говорили в то время, что сам хозяин должен был смотреть только на поле к монастырю. Император нередко бывал в этом домике, он грустил

здесь и говорил о строптивой сестре своей Софье. Хозяин этого домика погребен в церкви Успения; над ним долго стоял его родовой образ св. Харлампия. Эта икона и посейчас находится в названном храме.

Брат этого Макарова по отцу Алексей Васильевич был любимым кабинет-секретарем [26] Петра I; Гельбиг говорит, что царь будто взял его к себе и составил его счастье за то, что он был очень толковый мальчик и занимался у него списыванием секретных бумаг. Макаров был неграмотен и копировал механически. Известие это неправдоподобно: как же в таком случае Макаров мог прочесть несчастному Шафирову смертный приговор и потом объявить ему помилование? Макаров был женат на дочери дьяка московского военного приказа Ив. Петр. Топильского — он сговорен был в Москве, но свадьба его состоялась в Петербурге.

Из имеющейся у нас рукописи видно, что по указу Топильский со всею своею свитою прибыл в Петербург, и 6-го февраля 1715 года происходил в Исаакиевской церкви по церковному обычаю обряд бракосочетания, который совершал иерей Алексей, прозванием Грач, в присутствии царя и многих знатных особ, и потом все пошли в дом его величества, где новобрачные были посажены под устроенными двумя балдахинами. После публичного стола новобрачных все гости проводили до дома Макарова. На другой день «в дом новобрачных приезжал государь, потчевал венгерским и сам, своей высокой милости, про их здоровье изволил выпить рюмку. После кушаньев забавлялись музыкою и танцеванием разных персон переменяемых, в удовольствовании всяких конфектов и деликатных закусок и напитков». На бракосочетании были: отцом — сам государь с матерью — царица и свет. кн. Меншикова, братья Ад. Ад. Вейде и князь Василий Володимирович (?), сестры: княгини Настасья Петровна и Марфа Андреевна (?), маршал князь Ягужинский [27], форшнейдер Мешукоб (?), ближняя девица вдова да Балкова (де Балк), шафера: Игнатий Муханов, Прокопий Мурзин, Иван Кочетов, Семен Алабердеев, Ермолай Скворцов, Никита Витгоф, Иван Синявин».

Голиков говорит, что Макарова Петр, как уже упомянуто выше, заметил еще мальчиком в бытность свою в Вологде, определил сперва к себе писцом и затем уже произвел в кабинет-секретари, и с тех пор он неотлучно состоял при царе и сопутствовал Петру даже во всех заграничных его путешествиях; Макаров пользовался большою доверенностью царя и хранил у себя значительные казенные суммы; он приводил в исполнение тайные приказы государя, неизвестные даже правительствующему Сенату, и напоминал последнему о его обязанностях, для чего и был оставлен в Москве в 1723 году.

Макаров пользовался большою доверенностью и императрицы Екатерины I и даже, по словам Бантыш-Каменского, вспомоществовал ей в получении престола. На сделанный ему вопрос почетнейшим духовенством и всем генералитетом, оставил ли покойный император духовное завещание или нет, отвечал, что незадолго до последней своей поездки в Москву государь уничтожил духовную, прежде им написанную, и намеревался составить другую с этой мыслью, не раз выраженною вслух, «что если народ, возведенный им на высочайшую степень славы и могущества, в состоянии забыть его благодеяния, то не желает он посрамить последней воли своей; буде же россияне умеют ценить подъятые им труды для благоденствия их, ему не нужно излагать на бумаге намерений, торжественно уже объявленных». Феофан Прокопович [28] и Меншиков подтвердили слова Макарова, несмотря на голоса некоторых противников этой речи. Макаров был произведен императрицей Екатериной в генерал-майоры и на другой год сделан тайным советником.

Сверх того он получил несколько деревень. В конце царствования Екатерины Макаров покинул свою придворную службу. При вступлении на престол Петра II он был назначен президентом камер-коллегии. При императрице Анне Иоанновне он все еще состоял в этой должности. Он умер в 1750 году в кругу своего семейства. Дочь его от второго брака была замужем за генерал-аншефом князем Мих. Ник. Волконским.

Внук этого Макарова, Михаил Николаевич Макаров, известен своими многочисленными литературными трудами. Он принадлежал, как и его однофамилец, издатель «Московского Меркурия», к числу ревностных карамзинистов; свою литературную деятельность он начал семнадцати лет изданием «Журнала

Новодевичий монастырь в XVIII столетии. Со старинной гравюры

для милых» (1804). Макаров, как сам позднее сознавался, в первый раз встретил Карамзина в типографии и тотчас же поднес ему билет на «Журнал для милых». Карамзин поблагодарил его и сказал: «В первый раз еще вижу детей журналистами». Он знал уже журнал Макарова: содержание журнала была пустота с сентиментальностью и какое-то жалкое и бессильное поползновение к непристойности.

«Северный вестник» Мартынова по выходе первой книги дал совет, чтоб «милые и в руки не брали этого журнала». Юный Макаров начал издавать его с помощью одного студента Славяно-греко-латинской академии, И. В. Смирнова; целью его было не одно угождение милым, но опровержение обвинений Шишкова, направленных против Карамзина, однако во всем журнале и подозревать нельзя такого героического предприятия! Полемика была поручена сотрудницам, известным только одним издателям.

По словам М. А. Дмитриева, сотрудницами его были две красотки, по обстоятельствам приехавшие в Москву, — очень юные девицы: княгиня Елизавета Трубеска и сестра ее А. Безнино. Они учились по-русски у того же студента Смирнова. Им-то вверена была критика. Журнал не мог, однако, продолжаться. Тогда издатели уговорили одну из сотрудниц издавать другой, от своего имени. Она не задумалась и немедленно объявила в газетах о новом журнале «Амур» и перевела свою фамилию по-русски, т. е. вместо кн. Трубеска подписывалась под программой княжна Елизавета Трубецкая. Княжна такого имени и фамилии была известна в Москве в большом свете; можно себе представить, сколько хлопот стоило это бедному Макарову. Журнал не состоялся, и обе отъехали ни с чем за границу. В 1811 году Макаров издавал в Москве «Журнал драматический», ежемесячно небольшими книжками: вышло всего 11 книжек. В журнале помещались пьесы драматические, театральные разборы, стихотворения и проч.; в нем борьба с последователями Шишкова[29] была в полном разгаре. Позднее Макаров писал небольшие статьи о преданиях старины рязанской и московской, а также и библиографические известия о старых книгах: в «Наблюдателе», «Дамском журнале», «Молве», «Репертуаре», «Отечественных записках» и «Москвитянине».

Особенно интересны его рассказы о жизни недостаточных помещиков, осуждавших себя на вечное житье в подмосковных и других имениях. По словам его, жилые постройки их большею частию состояли из двух деревянных связей, разделенных сенями, которые, однако ж, впоследствии обращались иногда в приемную комнату, сени же прирубались с боков; все это было крыто соломенными снопиками, иногда тростником.

У некоторых господ бывали небольшие домики, выстроенные хотя и прочно, но без законов симметрии — кое-как; на этих домиках, вчастую на переднем фасе, между ужасными простенками, бывало только четыре окна, а над крышею торчала одна безобразно широкая и кривая труба, размалевываемая только для приезда гостей или для праздника известью. Печи в этих зданиях, худо складенные и после их топки неумело закрываемые, очень часто производили угар, и потому нередко случалось видеть хозяев с обвязанными головами. С этой стороны зимняя жизнь наших помещиков бывала для них не радостна. Некоторые из таких

печей собраны были еще из самых старинных изразцов, на иных из них изображались и такие эмблемы, как, например: «Купидо обуздывает льва, или его же, льва, он же, Купидо, сочиняет агнцем» и проч. На других кафлях рисовались голландские рыбаки на ловле сельдей. Такие, например, в деревенском доме Макаровых сберегались от прадеда, который, как мы выше говорили, служил при Петре и имел случай доставать их прямо из Голландии. От такой выписки кафлей из Голландии и все наши печи приняли на Руси название голландских.

Печи делались на один фасон, колонками, которыми обыкновенно убирались самые богатейшие наши печи во впадинах и лежанках. Заслонки на этих печах навешивались обыкновенно латунные, со многими отверстиями, но теплых душников проводить не умели, и при затопке печи дым из душника для помещика был делом обыкновенным. Тут суетились за глиной, за мякинным хлебом, мазали печь и портили все донельзя.

Стены помещичьих домов украшались картинками немецкой гравировки, всего чаще мифологическими, в числе которых бывало всегда несколько одинаковых, например амуры. Вместо офортов белели ящики с чучелами белок, хорьков, щеглят, снегирей и проч.

Перед домами густо росли березки, ивняк; старики уверяли, что густо насаженные деревья служат лучшею защитою строения от бурь и зимних метелей. В больших комнатах, как, например, залы и гостиные, у богатых помещиков печей совсем не было: по зимам в них не жили.

Путешествие по дорогам какого-нибудь помещика тянулось большой вереницей и экипажей десять считалось очень малой свитой.

На заставах всюду были караулы полицейских чиновников — этот обычай был повсеместный в Европе. Каждый должен был при проезде записываться, но никто в то время не записывался своим именем, а говорил имя, какое ему взбредет на ум. Эта свобода на заставах перешла к нам с застав заграничных; там, по словам Карамзина, чего-чего не говаривал проезжающий. Шлагбаумов не было, вместо них стояли на полуизломанных колесах рогатки [30], охранявшиеся наемными полицейскими нижними чинами, десятниками.

В караульне сидел в худом колпаке и в позатасканном халате, некогда белом, какой-нибудь отставной прапорщик.

Богатые и знатные помещики ехали целым караваном; при том состоянии дорог, в каком они были в то время, при езде по ухабам, пескам и бревенчатой мостовой, поездка, например, из Петербурга в Москву выходила настоящим путешествием, затруднительным и тяжелым.

Знатный барин, трогаясь в путь, вперед отправлял поваров с целой походной кухней и провизией. С ним отправлялся дворецкий с винами, столовым бельем и серебром. Еще раньше отправлялся обойщик с коврами, занавесками, постелями и бельем. В городах доставали квартиру для ночлега или у знакомых, или у зажиточных купцов.

В деревнях выбирали почище избу и отделывали коврами и занавесками. Потом уже отправлялись господа с шутами и кормилицами, с детьми и няньками, гувернерами и гувернантками и ехали так дней 7 или 8 до Москвы. Как в екатерининское время, так и в павловское путешествовать без конвойных было небезопасно — тогда еще слухи не умолкали о разных Верещагиных, Рощиных, Дубровиных и других дорожных удальцах, которые шутить не любили.

В числе барской свиты в те времена непременно находились казаки и гусары из собственных дворовых людей, а также и из настоящих солдат, выпрошенных на слово в отпуск у разных начальников московских сводных батальонов. Вся такая стража прицепляла к себе разного рода оружие — сабли, шпаги, пищали, кинжалы.

Дорога была всюду несносная, то по выбитым деревянным бревенчатым мостовым, то по камням, ямам и пескам. Первое порядочное сообщение между Москвою и Петербургом основалось только в 1820 году.

В этом году князь Михаил Семенович Воронцов [31], долго живший за границей, составил компанию со своими друзьями на акциях в 75 000 рублей ассигнациями и завел дилижансы, которые тогда назывались почтовыми колясками. В это же время казна стала прокладывать и шоссейную дорогу. Предприятие Воронцова встретило полное сочувствие публики, и 1-го сентября 1820 года из Большой Морской, из отделения конторы

дилижансов, отправился первый такой поезд в Москву, состоявший из семи пассажиров разного звания, мужчин и женщин.

При этом отправлении присутствовали: министр почт князь А. Н. Голицын, К. Я. Булгаков и множество любопытных, которые смотрели на дилижансы, как на чудо. Немедленно после первого отправления подписались на второе восемь пассажиров, и число их беспрестанно умножалось. Даже знатные особы брали дилижансы. Ездить в них было в моде.

В первые десять лет между Москвою и Петербургом проехало в дилижансах 33 603 человека; во второе десятилетие, несмотря на соперничество многих возникших частных заведений, — до 50 000 человек. В третье десятилетие, когда уже открыты были отправления казенных почтовых карет и бричек, число пассажиров стало уменьшаться.

В течение тридцати лет, с 1-го сентября 1820 года по 1-го сентября 1850 года, первоначальное в России заведение дилижансов собрало за места 3 810 534 рубля 22 копейки серебром. После этого общество передало акции, стоившие сначала каждая 1 000 рублей ассигнациями, а за 600 рублей серебром за штуку своему управляющему Ф. Д. Серапину.

Возвращаясь к загородным домам наших вельмож, стоявшим в XVIII столетии вблизи Девичьего поля, мы находим на углу нынешней Мало-Царицынской улицы дом князя Никиты Юрьевича Трубецкого [32], известного генерал-прокурора в царствование императрицы Елисаветы и не менее известного сановника, ненавидимого петербургскою чернью. Трубецкой был, по рассказам современников, человек непостоянный, подобострастный, коварный, жестоко обращавшийся с подсудимыми и собственноручно бивавший их. Жестокосердие его доходило до того, что он, в комиссии для суда над Остерманом и Минихом [33], подал голос о колесовании и четвертовании их живыми. Он без вины гнал зятя своего графа Головкина и засудил его, в чем на смертном одре каялся вдове изгнанника. Трубецкой был судьей тоже канцлера графа Бестужева [34].

Когда он допрашивал лично фельдмаршала Миниха и однажды, укоряя его в большой трате людей при осаде Данцига, спросил: чем можешь ты в том оправдаться? — «Продолжайте, — отвечал Миних, — читайте мне и другие вопросные пункты, я на все вдруг отвечу». По прочтении их он произнес свое оправдание с убедительным и сильным красноречием, ссылаясь на донесения, хранящиеся в Военной коллегии. «Во всем этом, — говорил покоритель Данцига, — буду отвечать перед судом всевышнего. Там, конечно, оправдание мое будет лучше принято». В одном только, по словам фельдмаршала, он должен был упрекать себя, что не подверг заслуженному наказанию Трубецкого, когда последний, состоя в должности генерал-кригс-комиссара во время турецкой войны, был обвинен в растрате казенных денег. «Этого, — заключил свои объяснения с Трубецким Миних, — я себе не прощу и это моя единственная вина». Миних, видя явные натяжки и недоброжелательство к нему Трубецкого, наконец объявил ему, чтобы он сам составил к его подписи ответные пункты, какие пожелает. Трубецкой также пристрастно допрашивал и Гросса, воспитателя детей графа Остермана, родного брата Генриха Гросса, бывшего потом министром во Франции, в Пруссии, Польше и Англии. Несчастный Гросс, не чувствовавший за собою никакой вины, со страха лишил себя жизни насильственным образом. При Трубецком правительствующий Сенат, которого власть была уменьшена в предшествовавшие царствования Верховным тайным советом и Высоким кабинетом, снова был возведен на прежнюю степень, как был при Петре: сенаторам предоставлено право доносить без всякого пристрастия о происходящем вреде в государстве и о беззаконниках, им известных.

Трубецким был составлен высочайше утвержденный доклад: «О запрещении отсекать правую руку преступникам, осужденным на вечную работу, чтобы они могли быть способны к оной и не получали напрасно пропитания». Князь Н. Ю. Трубецкой был сын боярина Юр. Юр., родного брата фельдмаршала Петра II, Ив. Юр.; родился он в 1700 году, вступил на службу в Преображенский полк в 1722 году. В 1730 году был генерал-майором и кавалергардским поручиком и в 1731 году был сделан премьер-майором Преображенского полка. В ужасный век Бирона он был кригскомиссаром и к делу несчастного Волын-

ского [35] хотя и был прикосновенен, но вышел сух. В 1740 году он был назначен сибирским губернатором, но сумел кстати отказаться от дальней поездки.

В царствование императрицы Елисаветы Трубецкой был награжден орденом св. Андрея Первозванного и получил богатые деревни в Лифляндии и почти все время царствования этой царицы исправлял многотрудную должность обер-прокурора. Император Петр III очень любил Трубецкого и пожаловал его полковником Преображенского полка. Он был одним из членов Совета, собиравшегося ежедневно в комнатах государя под собственным его председательством, о делах государственных. Болотов и княгиня Дашкова рассказывают, что, когда Петр III при вступлении на престол успел уже вместо прежних темно-зеленых мундиров одеть гвардию в новую форму, узкую и неудобную, но отличавшуюся щегольством и пестротою, и когда все придворные лица в угоду императору успели преобразиться в военных людей, некоторые из них представляли очень забавные фигуры; в числе таких явился и князь Трубецкой, до этого времени известный за дряхлого, умирающего подагрика с опухшими ногами. Трубецкой был низенький, толстый старик.

При вступлении императрицы Екатерины II на престол он был лишен звания полковника Преображенского полка. Это звание до Петра III принадлежало одним царственным особам. Екатерина, по вступлении на престол, объявила при этом ему, что желает служить с ним в одном полку и уверена, что он уступит ей начальство. Трубецкой был 9-го июня 1763 года уволен от всех должностей с полным пенсионом и единовременным награждением в 50 000 рублей и с повелением давать ему, не в пример другим, пристойный караул, когда будет находиться в столицах. Трубецкой был очень дружен с князем Антиохом Кантемиром. Российский Ювенал [36] посвятил ему свою седьмую сатиру. Мнение Кантемира о Трубецком, как друга, крайне пристрастно.

Последние годы своей жизни князь Трубецкой жил в Москве, умер в 1768 году и похоронен в Чудовом монастыре. Князь Трубецкой был женат два раза — первая его жена была графиня Анастасия Гаврил. Головкина, а вторая Анна Даниловна Хераскова, урожденная княгиня Друцкая; известный писатель Мих. Матв. Херасков приходился ему пасынком.

А. В. Макаров. С портрета неизвестного художника

От обоих браков он имел семь сыновей и трех дочерей. Одна из его дочерей, княгиня Елена, была за князем Ал. Ал. Вяземским [37], знаменитым генерал-прокурором в царствование императрицы Екатерины II. Князь Ник. Трубецкой был один из богатейших людей своего времени как сам по себе, так и по женитьбе на графине Головкиной.

Впоследствии к этой фамилии присоединились еще богатства графов Румянцевых вследствие женитьбы князя Юр. Ник. на графине Дарье Алексеевне Румянцевой. Эти богатства в конце концов разделились между многочисленными представителями фамилии князей Трубецких.

В приходе Иоанна Предтечи, что у Девичьего поля, на Большой улице стоял большой дом генерал-поручика Николая Петровича Архарова [38]. Имя этого генерала некогда гремело славой хорошего сыщика в делах полицейских и следственных.

П. Бартенев говорит, что сохранилось предание, будто начальник парижской полиции при Людовике XV Сартин написал к Архарову письмо, в котором выражал удивление его талантливости в открытии преступлений и в быстроте следствий. Архаров с 15-летнего возраста

Домашний спектакль в барском доме в начале XIX в.

начал службу рядовым в Преображенском полку. В 1761 году он получил первый офицерский чин и вскоре по восшествии на престол Екатерины II вступил в полицию.

Простое обращение с народом, и особенно умение красно и в то же время понятливо говорить с ним, облегчало Архарову его трудную должность. Служебным своим возвышением Архаров обязан Орловым, с которыми был близко знаком. По словам Хмырова, он в 1772 году переведен из Преображенских капитан-поручиков в полицию с чином армии полковника. Когда в Москве открылась чума и вспыхнул мятеж в 1771 году, Архаров способствовал вместе с Гр. Гр. Орловым успокоению столицы и был оставлен в ней обер-полициймейстером (первый московский обер-полициймейстер был Греков) ; вскоре Архаров был переименован в московские губернаторы. Особенную деятельность в Москве он обнаружил в 1774 и 1775 годах, когда там производилось следствие над пугачевским бунтом и потом торжествовалось общее замирение государства. Фамилия Архарова сделалась известною по всей Российской империи, и его дар проницательности до сих пор еще живет в московских преданиях. Архаров знал до малейших подробностей все, что делалось в городе; с изумительною быстротою отыскивал всевозможные пропажи, умел читать в чертах и выражениях лица приводимых к нему людей, нередко по одному этому безошибочно решал, прав или виноват подозреваемый, и с помощью самых оригинальных средств обнаруживал самые сокровенные пре-

ступления. Архаров имел помощником Шварца, одно имя которого держало в страхе всю Москву. Место действий Архарова было в Москве Рязанское подворье, помещавшееся на Мясницкой улице, в начале ее от Лубянской площади; в доме этом теперь находится духовная консистория. Там в большом доме содержали людей, состоявших под следствием, секли, пытали и проч.

В нем же в 1792 году держали и, как говорят, тоже пытали знаменитого Новикова. Екатерина II впоследствии вызвала Архарова из Москвы и поручила ему сначала так называемые водяные коммуникации, в управлении коими надлежало иметь часто дело с простым народом, со всеми барочниками и перевозчиками; потом назначила его наместником новгородским и тверским.

Особенно он отличился в шведскую войну (1778—1780) быстрою доставкою ополчений из мелкопоместных дворян и причетников [39].

В важнейших полицейских случаях Екатерина нередко призывала его во дворец, например, когда пропал из придворной церкви образ Толгской богоматери в богатом серебряном окладе с драгоценными камнями, ценимый около 8 000 рублей, которым императрица Анна Иоанновна благословляла Елисавету Петровну, а последняя Екатерину II при бракосочетании. Образ находился в Зимнем дворце с 1764 года, и в покраже его подозревали одного из церковных истопников. Он был найден Архаровым на второй день после покражи без оклада у вала близ Семеновского полка; впоследствии в воровстве его подозревали гвардейских солдат.

В другой раз, когда он занимал еще должность московского обер-полицеймейстера, в Петербурге приключилась значительная покража серебряной утвари.

По розысканиям возникло подозрение, что похищенные вещи направлены в Москву, о чем немедленно и был уведомлен Архаров. Но он отвечал, что серебро не было вовсе привезено в Москву и находится в Петербурге в подвале подле дома обер-полицеймейстера, там оно и найдено.

В записках Храповицкого находим следующие отметки об Архарове, сказанные государыней; так, в одном месте читаем: «Похвалена расторопность Архарова, и что он хорош в губернии, но негоден при дворе». В другом месте: «Увидя приехавшего Архарова: «Cet un intriguant de plus». Он год и 8 месяцев здесь не был. «Il est mieux la qu'ici» [40].

В рассказах московских старожилов некогда пользовался недоброй славой так называемый суровый архаровский полк, и в строю его считалось восемь батальонов. Имя архаровца служит в народе как синоним плута.

При восшествии на престол император Павел дал Архарову, вместе с званием московского военного губернатора, этот полк, назначив его шефом; поместили полк в Екатерининском дворце, и он составлял тогда московскую полицейскую стражу.

Но еще ранее этого в Москве были полицейские драгуны [41], сформированные в 1750 году, когда на дороге из Москвы в Петербург появилось много разбойников. Обе полные роты этих драгун состояли при полиции в самой черте города, остальные роты были распределены по окрестностям.

Также и во время бывшего пугачевского бунта, когда личная безопасность составляла один из труднейших вопросов для городского управления, был призван еще в Москву полк егерей [42]; последние были одеты в светло-зеленые мундиры, на голове род картуза с круглой тульей, с левой стороны к правой огибало тулью перо или султан, придержанный кокардой, а длинный круглый козырек был у них обложен медью.

На третий день при вступлении на престол императора Павла Архаров был назначен вторым петербургским губернатором. Архаров в первый день царствования Павла вместе с гр. Ростопчиным явился в дом гр. Орлова-Чесменского, которого немедленно привел к присяге, и за это получил Андреевскую ленту, снятую государем с собственного плеча.

В день коронования Павла Архарову дано две тысячи душ, но вслед за тем он лишился губернаторства и был выслан в свое тамбовское имение, где прожил три года вместе со своим братом.

По рассказам Н. Греча, Архаров пал вместе с полицеймейстером Чулковым вот по какому случаю. Вследствие его распоряжений в Петербурге непомерно вздорожало сено. На общее их падение была сделана карикатура: Архаров был представлен лежащим в гробу, выкрашенном новою краскою полицейских

будок, черною с белою полосою, вокруг него стояли свечи в новомодных уличных фонарях, у ног стоял Чулков и утирал глаза сеном.

В 1800 году Архаров получил позволение жить в Москве. Дом его отличался радушием и гостеприимством. Помимо бывших его сослуживцев, полицейских чиновников, его посещали многие и из тогдашнего высшего общества.

Князь Вяземский в своих воспоминаниях приводит случай с Сумароковым, бывший будто еще во время его службы в Москве. В какой-то годовой праздник приехал к Архарову с поздравлением Сумароков и привез новые стихи свои, напечатанные на особых листках. Раздав по экземпляру хозяину и гостям-знакомым, спросил он об имени одного из посетителей, ему неизвестного. Узнав, что он чиновник полицейский и доверенный человек у хозяина дома, он и ему подарил экземпляр. Общий разговор коснулся драматической литературы, каждый высказывал свое мнение, новый знакомец Сумарокова изложил и свое, которое, по несчастию, не сходилось с его мнением. С живостью встав с места, подходит он к нему и говорит: «Прошу покорнейше отдать мне мои стихи, этот подарок не по вас, а завтра для праздника пришлю вам воз сена или куль муки». Жихарев говорит *, что Архаров, живя на покое, читал иностранные газеты и постоянно следил за всеми политическими происшествиями в Европе; он еще в 1805 году предсказывал неизбежную войну нашу с французами.

Н. П. Архаров имел внешность крайне антипатичную, какую-то отталкивающую от него каждого. Женат он не был; умер он в 1814 году в тамбовском своем имении в богатом селе Рассказове и похоронен в Трегуляевом монастыре под Тамбовом. Архаров имел побочную дочку от француженки, которой и передал часть своего наследства.

Один из воспитанников Архарова был известен как литератор и издатель; у Архарова был брат, Иван Петрович, участвовавший в морейской экспедиции и помогавший графу А. Г. Орлову в увозе из Ливорно известной самозванки Таракановой [43]. Иван Петрович Архаров был совершенная противоположность своему брату, был всеми любим и уважаем за свою честность и открытый характер; у него было две дочери, старшая была замужем за графом Соллогубом, отцом известного писателя; вторая, Александра Ивановна, была замужем за А. В. Васильчиковым. Последняя передавала Бартеневу живо сохранившийся в ее памяти их быстрый отъезд из Москвы во время немилости Павла, и когда в числе выражавших к ним участие особ приехал и Карамзин с большою пачкою книг, чтобы изгнанникам было чем разгонять скуку в их ссылке. У Ивана Петровича было прекрасное подмосковное село Иславское, в котором он давал большие праздники, куда съезжались погостить все соседи и москвичи.

Граф Соллогуб в своих воспоминаниях говорит: «Я видел впоследствии пространные сады села Иславского, развалины деревни, флигеля для приезжавших и самый помещичий дом, сохранивший легендарное значение». Иславское впоследствии перешло в род Васильчиковых. Как уже мы говорили, Иван Петрович был человек строгой честности, добрый, простой, откровенный.

О нем сохранились следующие два анекдота. Встретив на старости товарища юности, много десятков лет им не виданного, он, всплеснув руками, покачал головой и воскликнул невольно: «Скажи мне, друг любезный, так ли я тебе гадок, как ты мне?» Он имел слабость притворяться, что хорошо знает французский язык, хотя не знал его вовсе. Приезжает к нему однажды старый приятель с двумя рослыми сыновьями, для образования коих денег не щадили. «Я, — говорит он, — Иван Петрович, к тебе с просьбою: проэкзаменуй-ка моих парней во французском языке. Ты ведь дока...» Иван Петрович подумал, что молодых людей кстати спросить об их удовольствиях, и сообразил фразу: «Messieurs, comment vous divertissez — vous?» но брякнул: «Messieurs, quoique vous averti» **. Юноши остолбенели. Отец стал бранить их за то, что они ничего не знают, даже такой безделицы, что он обманут и деньги его пропали, но Иван Петрович утешил его заявлением, что сам виноват, обратившись к молодым людям с вопросом, еще слишком мудреным для их лет.

---

* См. С. П. Жихарева: «Дневник студента».

** М. Г. Как вы развлекались? — М. Г. Хотя вы предупреждены.

ГЛАВА XVI

Дом графа Кирилла Разумовского. — Блеск русского двора в XVIII веке. — Франты и модистка старого времени. — Академия наук при Разумовском. — Жизнь старого вельможи. — Отставка гетмана. — Рассказы про его жену. — Показание Мировича. — Служба в Сенате и житье в столице. — Пропажа 20 тысяч душ. — Несколько анекдотов. — Карета Разумовского. — Дом графа на Воздвиженке. — А. К. Разумовский. — Роскошь разумовского дома, сады, пруды, оранжереи и другие ботанические диковинки. — Характер Алексея Разумовского. — Разумовский как министр народного просвещения. — Дети графа. — Их странности. — Иллюминат Перрен. — Несчастная судьба графа Кирилла

На Девичьем поле в приходе Знамения Богородицы стоял загородный двор графа Кирилла Григорьевича Разумовского, этот двор, как и Гороховский двор родного брата его, стоявший на наемной земле Спасо-Андрониева монастыря, был пожалован императрицей Елисаветой Петровной во время ее пребывания в Москве в 1744 году. Кирилл Разумовский при пышном дворе Елисаветы был настоящий вельможа, не столько по почестям и знакам отличия, сколько по собственному достоинству и тонкому врожденному умению держать себя. Отсутствие гениальных способностей в нем вознаграждалось, как говорит Гельбиг, страстною любовью к отчизне, правдивостью и благотворительностью, качествами, которыми он обладал в высшей степени и благодаря которым он заслуживал всеобщее уважение.

Императрица Екатерина II про него говорит: «Он был хорош собою, оригинального ума, очень приятен в обращении и умом несравненно превосходил брата своего, который также был красавец, но был гораздо великодушнее и благотворительнее его». «Я не знаю другой семьи, — продолжает Екатерина, — которая, будучи в такой отменной милости при дворе, была бы так всеми любима, как эти два брата». Кирилл Разумовский был хорошо образован для своего времени, он отлично говорил по-французски и по-немецки. Обучался он в Страсбурге и в Берлине у известного Леонарда Эйлера [1], бывшего профессором 14 лет при Петербургской академии.

Кирилл Разумовский с молодых лет пустился в вихрь света, он ежедневно находился в обществе государыни, то при дворе, то у брата своего. Имя его, по словам Васильчикова, беспрестанно встречается в камер-фурьерских журналах: то он дежурным, то форшнейдером, то он принимает участие в «кадрильи великой княгини», состоящей из 34-х персон, и т. д.

Блеск двора Елисаветы был изумительный, щегольство и кокетство дам тогда было в большом ходу при дворе, и все дамы только и думали о том, как бы перещеголять одна другую. Елисавета сама подавала пример щегольства; так, во время пожара в Москве в 1753 году у нее сгорело четыре тысячи платьев, а после смерти ее Петр III нашел в гардеробе ее с лишком 15 000 платьев, частью один раз надеванных, частью совершенно неношеных; два сундука шелковых чулок; лент, башмаков и туфель до нескольких тысяч, более сотни неразрезанных французских материй и проч.

Даже французы, привыкшие к блеску своего версальского двора, не могли надивиться роскоши нашего двора. Но не одна Елисавета любила, чтобы вокруг нее все сверкало и блистало, чрезвычайная пышность двора была и в предшествовавшее царствование.

Известна любовь Анны Иоанновны к роскоши и блеску, требовавшей от вельмож и придворных громадных расходов, и для того, чтобы быть на хорошем счету у императрицы, чтоб не затеряться в раззолоченной толпе, наполнявшей дворцовые апартаменты, человек, не обладавший миллионами, неминуемо должен был продавать ежегодно не одну

Кирилл Григорьевич Разумовский.
С гравюры Шмидта, сделанной с портрета, написанного в 1758 г. Токе

сотню «душек», по нежному выражению известного майора Данилова.

Придворные чины, по словам Миниха-сына [2], не могли лучшего сделать императрице уважения, как если в дни ее рождения, тезоименитства и коронации приедут в новых платьях во дворец. Манштейн в своих записках пишет: «Придворный, тративший на свой туалет в год не более 2 000 или 3 000 рублей, был почти незаметен». К русским можно было очень хорошо применить сказанное одним саксонским офицером польскому королю о его вельможах: «Государь, надобно расширить и возвысить городские ворота для того, чтобы могли проходить в них дворяне, несущие на спинах своих целые деревни». Словом, все, имевшие честь служить при дворе, разорялись окончательно, чтоб только быть замеченными. Портным же и молодым торговцам достаточно было прожить два года в столице, чтоб составить себе большое состояние.

В екатерининские времена покупки модных вещей совершались по большей части в Гостином дворе, а не в магазинах на Кузнецком мосту, как теперь. На Ильинке около лавок в зимнее время бывали самые модные гулянья всей московской аристократии, и тогдашние волокиты назначали там свидания. На это купцы неоднократно жаловались царице, говоря, что «петиметры и амурщики только галантонят» и мешают им продавать.

Приезды в магазины наших бар в те времена отличались необыкновенною торжественностью. Большие, высокие кареты с гранеными стеклами, запряженные цугом крупных породистых голландских лошадей всех мастей, с кокардами

на головах, кучера в пудре, гусары, егеря сзади и на запятках, с скороходами, бежавшими впереди экипажа; берлины [3] с боковыми крыльцами, широкие сани с полостями из тигровых шкур, возницы, форейторы в треуголках с косами, вооруженные длинными бичами; чинные и важные поклоны, приветы рукой, реверансы и всякие другие учтивости по этикету того времени — все это представляло довольно театральную картину на улицах Москвы.

Но помимо Гостиного двора существовали и лавки, куда ездили наши аристократки. Так, в екатерининские времена была модистка Виль; здесь продавались тогда модные «шельмовки» (шубки без рукавов), маньки (муфточки), чепцы рожки, сороки, чепцы «королевино вставанье», á la грек (на греческий манер — *фр.*) женский кафтан, распашные «кур-форме» и «фурро-форме», башмачки «стерлядки», «улиточка» и проч. Разные бантики, кружева, в екатерининское время, цветы, гирлянды для наколок и на дамские платья модницы покупали у m-me Кампиони; «уборщик и волосочес» Бергуан рекомендовал всем плешивым помаду для отращивания волос из духов «Вздохи Амура», он же делал изобретенную им новую накладку для дамских головок, в виде башен с висячими садами á la Семирамид (как у Семирамиды — *фр.*) Другой парикмахер из Парижа, Мюльет, рекомендовал для мужчин парики из тонких белых ниток, которые так легки и покойны, что весят только девять лотов; одевая, их не надо помадить толстым слоем сала и обсыпать мукою; голландец Шумахер в Китае-городе на Фомовском подворье продавал полотна и кисеи; портной Жуков публиковал в «Московских ведомостях» 1777 года, что он имеет плисовые кафтаны, на разных мехах винчуры и нового фасона чинчиры.

Возвращаемся к молодому франту и моднику Кириллу Разумовскому. Через год по возвращении из-за границы он был назначен президентом Академии наук. Назначение двадцатидвухлетнего молодого человека было мотивировано следующим аргументом: «В рассуждении усмотренной в нем особливой способности и приобретенного в науках искусства». Дела в те времена шли не особенно блистательно, назначенный для поправления их Разумовский тоже их не поправил. В университете и гимназии при академии учеников совсем почти не было. Для набора лучших учеников в Москву посылали известного В. К. Тредиаковского [4]. Такие набранные студенты из семинарий кутили, дрались между собою и грубили начальнику. Но вскоре дела поправились, и в числе студентов явились известные Барсов [5], Румовский [6] и Поповский. Кирилл Разумовский, вследствие именного изустного указа императрицы, предписал, дабы «при академии переводили и печатали книги гражданские различного содержания, в которых польза и забота соединены были бы с пристойным к светскому житию нравоучением». В год назначения президентом Разумовского состоялась и свадьба его с Нарышкиной. Описание этой пышной свадьбы мы привели уже выше, говоря о роде Нарышкиных. Спустя четыре года граф был назначен гетманом Малороссии, но, как он сам сознавался, последним фактически он никогда не был — последний гетман Малороссии, по словам его, был Иван Мазепа. Но граф гетман в своем Глухове жил царьком. В универсалах своих употреблял старинную формулу «мы», «нашим», «нам», «того ради приказуем», «дан в Глухове и т. д.». При нем находились телохранители, большая конная команда. Эта команда была одета в зеленые гусарские мундиры и занимала караулы при дворце. Глуховский двор был копией петербургского двора в миниатюре: во дворце был полный придворный штат: капеллан, капельмейстер, сотник, конюший и проч. При дворе находились казаки-«бобровники», стрельцы и пташники, обязанность которых была ловить на гетмана бобров и стрелять всякую дичину к столу.

В торжественные дни бывали выходы в церковь и молебны с пушечною пальбою. Во дворце давались банкеты с музыкою и бывала даже французская комедия.

Особенно пышен был стол у Разумовского; самые утонченные блюда приготовляли у него французские повара, выписанные им из Парижа. Граф очень любил полакомиться, но не забывал бедных и делился со всяким своим пожитком. Существует множество анекдотов про его лукулловские обеды, где за пышной трапезой сидели званые и незваные и не только ели за столом, но и уносили кушанья в карманах.

Существует предание, что пристра-

Алексей Кириллович Разумовский. С портрета, приложенного к соч. Васильчикова «Семейство Разумовских»

стием ко всему французскому и введением французского языка во всеобщее употребление Россия обязана Кириллу Григорьевичу Разумовскому и другу его Ив. Ив. Шувалову [7]. В их время весь двор бредил французами и подражал и преклонялся всему, что к нам приходило из Парижа. Этим подражанием, кажется, посейчас страдает русское общество. По смерти императрицы Елисаветы галломану-гетману пришлось учиться прусской экзерциции. Император Петр III, вступив на престол, стал заставлять всех изнеженных царедворцев Елисаветы ежедневно выделывать перед дворцом новое прусское учение, введенное им в войска. Новому правилу вынужден был подчиняться и Разумовский; чтоб не быть предметом насмешек государя, Разумовский взял к себе молодого офицера и каждый день брал у него уроки военного артикула с эспадроном в руках.

Как гетман ни трудился, а все-таки ему приходилось глотать насмешки и выговоры. Император поклонялся всему прусскому и хвастался пред гетманом тем, что Фридрих произвел его в генерал-майоры прусской службы.

— Вы можете с лихвой отомстить ему, — отвечал Разумовский, — произведите его в русские фельдмаршалы.

Кирилл Разумовский управлял полномочно Малороссией, желал преемственности гетманства и отправил к Екатерине просьбу об этом. Государыня, недовольная гетманом, была возмущена таким прошением и отозвала его в Петербург.

По приезде в столицу Разумовский явился тотчас же во дворец. Прием гетману был сделан самый холодный и глубоко оскорбил его. Один лишь Теплов, его бывший приближенный, долго интриговавший против него, встретил его с распростертыми объятиями. Граф Гр. Орлов, видевший эту встречу, сказал: «И лобза, его же предаде». Государыня, ревнивая к своей власти, запретила Разумовскому являться ко двору. В городе, как говорит А. Васильчиков *, приписывали эту немилость интригам Гр. Орлова и говорили, что гетманом будет назначен последний. Государыня справедливо сильно гневалась на Разумовского.

Ходили невероятные слухи про его жену, говорили, что когда она ехала в Петербург, то брала на станциях по сто лошадей и не платила прогонов. Сопутствовали ей два гренадера и сержант и будто бы били ямщиков до смерти и так озорничали во все время пути. Разумовский в ноябре 1764 года подал прошение об увольнении его от должности гетмана. Отставку его давно ждали, а вместе с ней возвратились и милости к нему царицы. Он был пожалован в генерал-фельдмаршалы и ему пожизненно было даровано гетманское содержание и дан город Гадяч с селами и дом в Батурине. Гетман опять стал желанный гость императрицы во дворце и во всех ее путешествиях.

Но вскоре, как говорит предание, ожидала его немилость. По делу известного Мировича [9], когда судьи, в числе которых был и Разумовский, спросили его, кто подал ему мысль предпринять такое ужасное дело, последний ответил: «Господин гетман, граф Разумовский!» Все судьи, а также и Разумовский, были

* См. А. А. Васильчикова: «Семейство Разумовских», с. 213.

крайне изумлены. Оказалось, что Мирович хлопотал об имении, несправедливо от него отнятом, и не раз просил об этом гетмана. Разумовский же отвечал ему, что мертвого с погоста не возят, и добавил: «Ты молодой человек, сам прокладывай себе дорогу, старайся подражать другим, старайся схватить фортуну за чуб и будешь таким же паном, как и другие». Эти слова гетмана и дали Мировичу преступную мысль на возведение принца Иоанна на престол. Хотя бездоказательно, все-таки имя Разумовского было замешано в деле Мировича, и он счел нужным удалиться на время от двора и отправился за границу.

Вернувшись из-за границы, граф поселился в Петербурге. Живя в столице, граф заседал в Сенате и был членом совета при дворе в числе семи. Его меткие остроты и колкие речи тогда ходили по городу. «Что у вас нового в совете?» — спрашивали его. «Все по-старому, — отвечал Разумовский, — один Панин (Ник. Ив.) думает, другой (Петр Ив.) кричит, один Чернышев (граф Зах. Григ.) предлагает, другой (граф Ив. Гр.) трусит; а прочие хоть и приговорят, да того хуже».

По смерти своей жены и брата Разумовский стал часто посещать Москву. Здесь граф уже не жил в своих палатах на Девичьем поле, а поселился на Воздвиженке в великолепном доме, который выстроил он в три года на месте прежде бывших жениных хором по плану графа З. Г. Чернышева; дом этот и посейчас не изменил своего вида, принадлежит он теперь графу Шереметеву, в род которого он перешел в 1800 году. Из описи церквей московских 1789 года видно, что при доме графа Разумовского находилась церковь Знамения Богородицы и в ней приделы Сергия Чудотворца и Варлама Хутынского с главами и звоном. Дом графа был один из великолепных в Москве; он кишел слугами в золотых нарядных ливреях; в нем ежедневно давались праздники, стол графа был накрыт для всех, а сердечное и благородное обхождение графа привлекало и привязывало к нему всех. Под старость он являлся на свои обеды и балы в ночном колпаке и шлафроке с нашитою на нем Андреевскою звездою. В последний проезд Потемкина через Москву (1791 г.), как говорит Васильчиков, он заехал к Разумовскому.

На другой день гетман отдал ему визит. Великолепный князь Тавриды принял его, по обыкновению, неодетый и неумытый, в шлафроке. В разговоре, между прочим, князь попросил у гостя дать в честь его бал. Разумовский согласился и на другой день созвал всю Москву и принял Потемкина, к крайней досаде последнего, в ночном колпаке и шлафроке.

Про жизнь фельдмаршала в то время ходило немало странных толков, и в Москве говорили, что он самый худой хозяин «да и разума уже стал не очень пылкого», управляющие обкрадывали его самым немилосердным образом.

Так, в числе странных московских происшествий в 1795 году случился следующий, почти невозможный казус: у Разумовского между четвертою и пятою ревизиею пропало ровно двадцать тысяч душ крестьян. Похищение было сделано так искусно, что найти концов не было возможности, крестьяне пропали не в одном месте, а понемногу в разных местах.

Тогда обвиняли в этой хитрой пропаже главного управителя и одну графиню, к прелестям которой граф был неравнодушен. Под конец своей жизни граф не ездил уже в Москву, а проживал в Батурине; там он заметно стал прихварывать, страдал одышкой и имел раны на ноге. Граф было собрался ехать за границу, сын его Андрей [10] выслал ему для заграничного вояжа карету из Лондона, которая обошлась ему в 18 000 рублей, — карета оказалась слишком грузною, и граф не решился в ней путешествовать. За четыре месяца до смерти он ездил в ней осматривать строящуюся церковь — это была его последняя прогулка. Кирилл Разумовский скончался 9-го января 1803 года. Почти два года гетман никуда не выходил, бóльшую часть дня дремал в креслах, спрашивал какова погода, ругал доктора и в пику ему обращался за советами к разным знахаркам.

Особенным его расположением пользовалась одна старая баба, которая натирала ему ноги чесноком и коровьим пометом. Она также по утрам хватала его зубами за колени и нашептывала какие-то слова. Старый его приятель граф И. В. Завадовский, видевши его в это время, вот что писал о нем к графу А. Г. Воронцову: «Я расстался с ним, как с ночным картежником и с дневным биллиардщиком. Вид его поразил меня

до слез: водят под руки, голова преклонилась долу, иссох, как сухарь, дух только не утратил приятной веселости».

Несмотря на удручающие недуги, старик с увлечением предавался своей страсти к постройкам. Так, в селе Яготине он выстроил церковь и перенес из Киева свой дом, выстроенный из дубовых брусьев.

А. Васильчиков говорит, что семейное предание гласит, что с графа стали требовать за тот дом какую-то постойную повинность. Разгневанный Разумовский, живо помнивший прежнее свое положение в Малороссии, велел в 24 часа разобрать дом и перенести из Киева в Яготин. Дом этот состоял из главного корпуса и шести павильонов, из которых каждый равнялся большому дому. С каждой стороны дома были еще большие каменные службы. В другом своем имении — Баклаш он выстроил дом в подражание сельских домов в окрестностях Рима. В Почепе — еще другой великолепный, каменный и церковь.

Дом был построен по плану де-ла-Мота, с огромными залами для балов и концертов и библиотекою в 5 000 томов. Вокруг него по красивым берегам Судогости был разведен сад в голландском вкусе. Граф жил в Батурине, в огромном деревянном доме. Последний находился на месте, которое теперь называется Городком. Предание говорит, что многие постройки в Батурине, как и церковь, ему не пришлось достроить, и после его смерти все это начало разрушаться. Дом свой на Воздвиженке, как мы выше говорили, Кирилл Разумовский продал шурину своего сына Алексея [11] графу Шереметеву за 400 000 рублей; дом этот ранее торговал Безбородко, но с него требовали 450 000 рублей без мебели, и дело разошлось.

К продаже этого дома склонил отца старший сын Алексей Кириллович; дом приходился ему на часть, и для него он казался слишком велик. Шереметев купил его с частью мебели. В нем, по словам А. Васильчикова, парадная гостиная осталась в полном убранстве, из комнат же графа Кирилла Григорьевича вынесена была только подвижная мебель. Люстры, зеркала и даже в церкви утварь, ризы и прочее остались за Шереметевым.

Немало времени потребовалось для вывоза серебра, библиотек, картин, оружейных и проч., так как рядом со скарбом отца тут же хранилось все имущество сына.

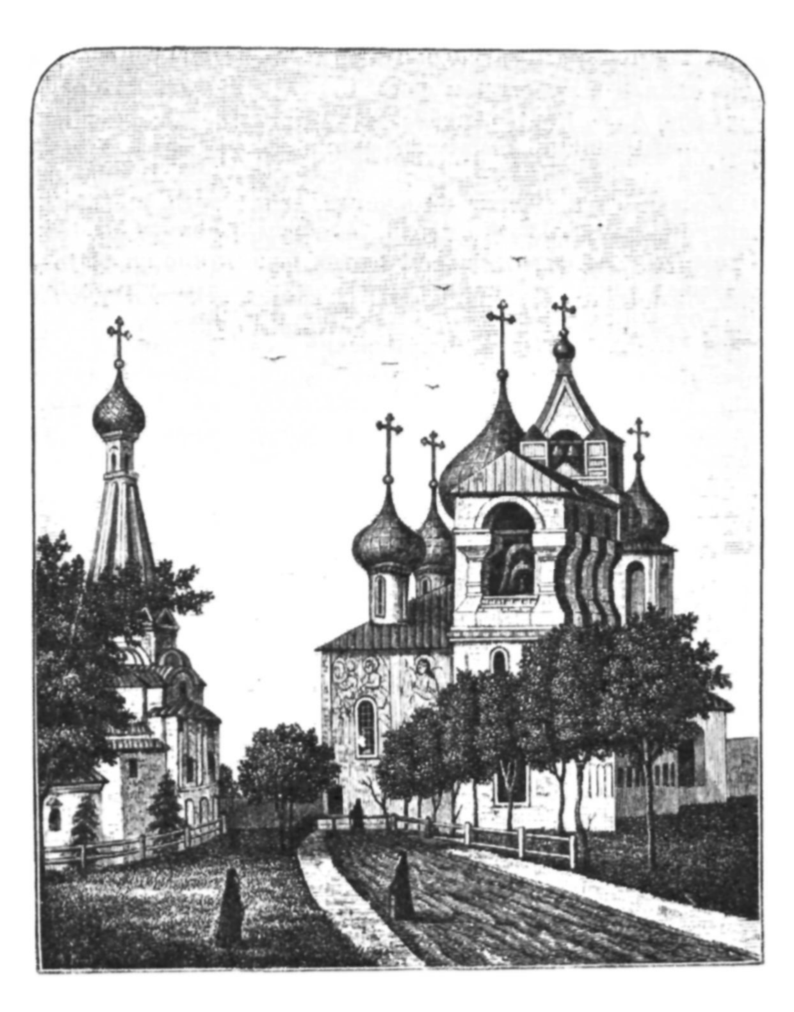
Продав старинные палаты отца, сын Разумовского Алексей Кириллыч стал себе строить богатые деревянные палаты из дубовых брусьев [12], считая каменные нездоровыми, на месте пожалованного императрицею Елисаветою дяде его, графу Алексею Григорьевичу, «горохового двора», в тогдашней шестнадцатой части города, нынешней Басманной.

Дом этот занимал целый квартал, один сад этого большого дома имел в окружности более трех с половиной верст и занимал 43 десятины земли; теперь часть его принадлежит училищу семинарии, а в доме помещается малолетнее отделение Воспитательного дома; на всем пространстве его были устроены боскеты, цветники, всевозможные прихотливые аллеи из искусственно подстриженных дерев; широкие дорожки в нем начинались от дома, высоко насыпанные и утрамбованные, и мало-помалу все делались уже и уже и наконец превращались в тропинку, которая приводила к природному озеру, или на лужайку, усеянную дикими цветами, или к холмику, покрытому непроницаемым кустарником, или вела к крутому берегу реки Яузы.

Берега этой реки не были обделаны, без всяких сходов или лестниц, овраги в саду тоже оставались дикими оврагами и только в трудных местах кое-где были проложены мостики и сделаны тропинки. Другой берег тоже входил в состав сада и представлял такой же дикий вид с вековыми деревьями, растущими кущами.

Граф Разумовский устроил такой сад, чтобы среди шумной Белокаменной иметь такое место, которое прелестью неискусственной природы заставляло бы его забывать, что он находится в городе. В саду было четыре пруда, в которых много водилось хорошей рыбы.

Граф был большой любитель растений, и лучшие тогдашние европейские садовники были им выписаны для этого сада и для его имения села Горенки, в оранжереях которого были собраны редчайшие ботанические коллекции. Известные ботаники Таушер, Лондес, Гельм изъездили Сибирь, Урал и Кавказ для пополнения этих богатейших собраний. Садовник графа, известный Шпренгель, развел петербургский ботанический сад.

Спасо-Евфимиев монастырь в Суздале. С рисунка, приложенного к «Русской старине», изд. Мартыновым

В оранжереях графа было более 500 огромных померанцев; оранжереи эти тянулись на версту, а сад был расположен на двух верстах. В теплицах графа были выращены до тех пор неизвестные растения из породы вискустов, названные в честь графа Rasoumovia, и другой новый вид — Personaterhi, названный Rasoumovia [13]. Дом графа был деревянный, двухэтажный, на каменном фундаменте, выстроен был полуовалом и украшен всем, что только может придумать зодчество, соединяя пышность с простотою. На этот дом, как граф признавался, он истратил более миллиона рублей.

Внутреннее его убранство отличалось пышностью, красотой и большим вкусом. Залы блистали бронзою и зеркалами, многие комнаты были обиты богатейшими гобеленами.

Картины лучших мастеров, как старых, так и новых, вместе с весьма интересными портретами, между прочими нарышкинскими, украшали стены. Подоконники в гостиных сделаны из ляпис-лазури. Сервизы столовые и чайные были севрские [14] и саксонские; особенно был замечателен один столовый, заказанный императрицей Екатериной в Дрездене, обвитый георгиевскими лентами.

Дом со всем убранством, по словам иностранцев, стоил около 4-х миллионов рублей. Как говорит де Местр [15], каталог библиотеки одних изданий XV века составлял довольно большой толстый том. Известны два каталога библиотеки этой, составленные профессором Геймом.

На земле Разумовского стояла около дома церковь Вознесения [16], что на Гороховом поле, считавшаяся в то время домовою. В этой церкви снаружи под карнизом были изображены св. апостолы; храм внутри украшен был богато. Построен он был в 1793 году Разумовским. Церковь эта, по преданиям, была только возобновлена, создана же еще во времена Михаила Федоровича. В день вознесения здесь бывало народное гу-

лянье, более же богатая публика в этот день гуляла в дворцовом саду.

Граф А. К. Разумовский, как говорят его современники, был «гордыни непомерной». Высокомерие его породило в Москве слух, будто он считал себя царской крови. Этого слуха, впрочем, и сам граф не отвергал, а вдобавок рассказывал какую-то невероятную нелепицу. Гордый со всеми, граф был суров и в кругу своего семейства. Разумовский был масоном и принадлежал к ложе Capitulum Petropolitanum (*лат.*), занимаясь масонством и ботаникой, он жил очень уединенно в Москве, прячась от общества в своем глухом саду или, как говорит Вигель, «среди царской роскоши со своими растениями».

Граф был женат на графине Варваре Петровне Шереметевой; он служил при дворе, сперва камер-юнкером, потом камергером, затем в 1778 году вышел в отставку, жил в Москве и занимался отделкою дома в выделенном ему отцом селе Горенках. В 1784 году он разошелся с женою; простая, бесхарактерная и кое-как воспитанная графиня Варвара Петровна давно уже надоела вспыльчивому вольтерьянцу-мужу своею набожностью, суеверием и совершенною беспомощностью.

После рождения младшего сына своего, Кирилла, графиня должна была покинуть детей и выехать из дома Разумовского. Графиня очень боялась мужа и с разбитым сердцем оставила нежно любимых детей.

По словам А. Васильчикова, графиня купила себе в Москве на углу Маросейки и Лубянской площади место и выстроила там дом по образцу флигеля, существовавшего при доме ее свекра. После изгнания жены граф удалился от света и стал редко видеться не только с знакомыми, но даже самыми близкими родственниками.

В 1807 году Разумовский был назначен попечителем Московского университета и его округа. По получению места одной из главных забот его было переведение университета в более просторное и удобное помещение.

Старым университетским строением, купленным Екатериною в 1785 году у князя Барятинского, он был недоволен и хотел перевести университет в Екатерининский, или Головинский, дворец в Лефортове. Отдача дворца под университет не состоялась.

В 1809 году Александр I посетил Москву и подробно осмотрел университет. Посещение императором университета и выгодное впечатление, произведенное на государя Разумовским, обратило на него высочайшее внимание. Гордый, угрюмый, желчный и раздражительный у себя в кабинете, Разумовский при случае умел блеснуть в обществе. Его несомненные познания, утонченная светскость показались императору достаточными для того, чтобы сделать его достойным преемником старого Завадовского. Вигель говорит: «Может быть, Линней [17] и был бы хорошим министром просвещения, но между ученым и только что любителем науки — великая разница».

Воспитанный за границей и начиненный французской литературой, он считал себя русским Монморанси [18]. Он никакой памяти по себе не оставил в министерстве. Заслугой на министерском поприще Разумовского было основание Царскосельского лицея, на экзамене которого впервые раздались публично стихи Пушкина. Существует известие, что после этого экзамена у Разумовского был торжественный обед, на который был приглашен и отец поэта. Обращаясь к отцу Пушкина, Разумовский сказал ему:

— Я бы желал, однако ж, образовать сына вашего в прозе.

— Оставьте его п о э т о м, — пророчески и с необыкновенным жаром возразил Державин *.

При Разумовском надзор за типографиями, книгопродавцами, журналами, книгами и газетами был крайне строг, и ему между тогдашних невинных литературных произведений стали представляться мысли, никогда не приходившие на ум писателям. Строгости эти дошли до того, что он вместе с министром полиции Вязмитиновым нашел неприличными суждения журналов о театрах и актерах, так как первые императорские, а вторые находятся на царской службе, и безусловно запретил критические статьи об игре актеров и рецензии о самих пьесах...

В 1816 году Разумовский вышел в отставку и переехал в Москву.

Н. И. Греч [19] в своих записках гово-

* Анненков. «А. С. Пушкин, материалы для его биографии», с. 22.

рит: «Разумовского подсидел директор лицея Е. А. Энгельгардт. Он будто невзначай попался навстречу Александру I в Царском Селе и на вопрос государя, что делает, отвечал, что огорчен выговором министра. Государь полюбопытствовал узнать за что, Энгельгардт отвечал. В декабре прошлого года представлял я министру о необходимости сделать торги на постройку летних панталон воспитанникам и не получил никакого ответа. В январе повторил представление, и тут ответа не было. В марте третье представление и новый отказ. Вот наступил май, и я сшил панталоны без торгов. В октябре, наконец, получил я разрешение на торги, но тогда донес, что панталоны уже сшиты и изношены. Министр сделал мне строжайший выговор за ослушание пред начальством и за неисполнение приказаний». Через неделю Разумовский был отставлен.

В 1818 году весь двор посетил графа в роскошных его хоромах на Гороховом поле и осматривал его ботанические сокровища. В Отечественную войну в бытность французов в Москве его дом нисколько не пострадал; в нем жил Мюрат, и строгий караул охранял все диковинки этого барского жилья.

Граф тяготился своими пышными палатами, требующими большого ремонта, и он два раза просил императора купить его в казну. Цену он за него назначал 850 000 рублей, из которых только 50 000 рублей желал получить наличными деньгами, остальные же 800 000 рублей просил засчитать за долги, состоящие за ним в разных казенных местах. Хотя дом лично был известен императору, но покупка его в казну тогда не состоялась. Граф в марте 1822 года внезапно и серьезно заболел в своем имении Почепе и 5-го апреля скончался; старый вольтерьянец перед смертью покаялся и прильнул устами к поданному ему дочерью распятию.

Характер графа в последние годы был невыносимым. Все его боялись, весь дом дрожал при вспышках его гнева. С крестьянами своими он был суров; каждую его прихоть приходилось исполнять немедленно и во что бы то ни стало. Так, весною граф из Почепа вдруг всем домом поднялся в Баклан, чтобы там слушать соловьев. Это было во время разлития рек, и несколько тысяч крестьян строили дамбы и насыпи для его проезда. С детьми своими граф не ладил; младший, Кирилл, сумасшедший, томился в каземате; со старшим сыном, Петром, он несколько лет как прервал всякие сношения. Он воспитывался за границей и по образованию был совсем француз; начал он службу в Измайловском полку и дослужился до чина генерал-майора. Петр Алексеевич отличался самою широкою расточительностью; несмотря на хорошее содержание, получаемое от отца, матери и богача дяди, графа Шереметева, он не выходил из неоплатных долгов. Это обстоятельство и подвинуло Шереметева на неравный брак, наделавший столько шуму в обеих столицах.

Разумовский своих родных никогда не посещал, а окружил себя самым неподходящим обществом. Чтобы отвлечь его от разных знакомств, отец перевел его на службу в Одессу, где тогда губернатором был герцог Ришелье [20]. Здесь он повел жизнь еще безнадежнее, окружив себя разными проходимцами и темными лицами, и делал долги направо и налево. На Молдаванке под Одессой он выстроил себе с безвкусными затеями дачу и под всем строением, под домом, устроил лабиринт, многочисленные извилины которого были ему одному лишь известны. Здесь он скрывался от докучных кредиторов и незваных гостей.

Он продал после отца свой роскошный дом в Москве своим заимодавцам за очень скромную сумму. Все еще дорогие вещи и ценные картины, гобелены, бронза, фарфор также за бесценок попались в руки московских продавцов — Лухманова, Волкова, Бардина, Родионова и др.

Долго эти многотысячные предметы роскоши былого великолепия рода Разумовских продавались иностранцам нашими купцами-антиквариями. Граф Петр умер в 1835 году в Одессе не в блестящем положении. С ним окончился род Разумовских в России.

Другой его брат, граф Кирилл Алексеевич, по словам А. А. Васильчикова, из книги которого «Семейство Разумовских» нам не раз приходится брать сведения о Разумовских, был несравненно даровитее своего брата; умный и живой, он уже в детстве удивлял всех своими необыкновенными способностями. К несчастию, он попал в руки гувернера, который чрезвычайно возбудил его пылкое воображение. По словам современников, в то время трудно было

устоять молодому человеку; тогда между молодыми и зажиточными людьми был в большой моде разврат, и молодой человек, который не мог представить очевидного доказательства своей развращенности, был принимаем дурно или вовсе не принимаем в обществе своих сотоварищей и должен был ограничиться знакомством с одними пожилыми лицами, которые также, впрочем, в те времена тянулись за молодыми людьми.

Кто не развратен был на деле, хвастал развратом и наклепывал на себя такие грехи, каким никогда и причастен быть не мог; всему этому виною были французские наставники. Разумовский пятнадцати лет верил в духов, в привидения и т. п. странности.

Почти отроком он был сделан камергером и очутился в Петербурге на полной свободе, среди искушений роскошной столицы. Вокруг него образовалась толпа льстецов и нахлебников. Про его роскошную и беспутную жизнь скоро узнал отец, и между ними произошло крупное столкновение, после которого у молодого графа явились первые признаки умопомешательства. Разумовский был отправлен за границу; там он сошелся с иллюминатами.

Про иллюминатов-алхимиков в то время в обществе существовало следующее мнение: они под предлогом обогащения других наживали сами, разоряя вконец своих адептов.

Иллюминаты для своих целей употребляли многие непозволительные способы: они прибегали к разным одуряющим курениям, напиткам и заклинаниям духов для того, чтобы успешнее действовать на слабоумие вверившихся им людей; они умели привлекать к себе молодых людей обольщением разврата, а стариков — возбуждением страстей и средствами к тайному их удовлетворению.

В Москве в первых годах нынешнего столетия главой иллюминатов был француз Перрен, мужчина лет сорока, ловкий, вкрадчивый, мастер говорить и выдававший себя за великодушного героя, щедрого и сострадательного, готового на всякое добро, на деле же это был лицемер первого сорта, развративший не одно доброе семейство и погубивший многих молодых людей из лучших фамилий. Он жил на Мясницкой в доме Левашова, но только для вида, настоящая же его квартира была за Москвою-рекою, в Кожевниках [21], в доме Мартынова, куда собирались к нему адепты обоего пола; что тут происходило, было покрыто завесой. Перрен, впрочем, не более двух или трех лет мог продолжать свои операции в Москве; его обличил один богатый ревнивец-муж, следивший за своею женой. Все его штуки были открыты, и Перрен был обвинен в покровительстве разврата и шулерстве и был выслан со своими юными помощниками и помощницами за границу.

Возвращаясь опять к молодому Разумовскому, мы видим, что он за границей коротко сошелся с такими иллюминатами и вдобавок приобрел страсть к вину и стал пить запоем. Пьянство окончательно расшатало его умственные способности.

По возвращении в Россию граф стал производить разные бесчинства на пути, где проезжал, делал станционным смотрителям угрозы, одного чуть не заколол кинжалом, другого ранил в грудь, камердинера своего ранил тоже ножом, выстрелил в коляске из пистолета в ямщика, сидевшего на козлах.

В некоторых местах проезжал с песнями и криком; в городе Зарайске разогнал всех из дома, где остановился; одного полицейского офицера едва не заколол, а другого чуть не застрелил. Такие странные поступки дошли до государя, и император приказал заключить его в Шлиссельбургскую крепость. Пензенскому губернатору Вигелю приказано было арестовать его; арестовать его оказалось нелегко, ходили слухи, что по возвращении из-за границы он привез какие-то бумаги, которые скрывает в своей постели, спит всегда под крепким замком с заряженными пистолетами и имеет при себе яд.

В сентябре 1806 года граф был взят в своем имении Ершове и отвезен в Шлиссельбургскую крепость; книги, бумаги и его аптечка были доставлены в министерство внутренних дел. В бумагах и книгах ничего не было найдено особенного, только в аптеке нашли доктора «более ядов, чем нужно для отравления целого полка, и недовольно лекарств, чтобы вылечить одного человека от лихорадки».

Граф имел большое пристрастие к лекарствам и принимал их ежечасно здоровый и больной. Позднее из Шлиссель-

бурга граф был отправлен в суздальский Спасо-Евфимиев монастырь, который издавна был русскою Бастилиею [22], в которую административными мерами ссылали преступников или провинившихся особого разряда.

Здесь его видел поэт князь П. А. Вяземский; по словам его, это был молодой человек, прекрасный, но несколько суровой наружности: лицо смуглое, глаза очень выразительные, но выражение их имело что-то странное и тревожное, волосы черные и густые. Одет он был в какой-то халат, обитый мерлушкою [23]; на руке пальцы были обвиты толстою проволокою вместо колец.

Когда приступили к завтраку, граф с приметным удовольствием и с жадностью бросился на рюмку водки. По рассказам монахов, граф был тих и молчалив, но по временам на него находило бешенство; тогда он кричал: «Вот я тебе задам». Он с большим трудом переменял белье, иногда игрывал на гитаре. 16 лет провел он в монастыре; после смерти отца он был своими родными опекунами переведен в Харьков, где уже его сумасшествие перешло в тихий идиотизм: он рассуждал как ребенок и писал огромным почерком между двумя строками.

Он умер в Харькове в 1829 году и, где похоронен, неизвестно. Таким несчастным безумцем кончил свою жизнь блестящий аристократ и наследник несметного богатства.

ГЛАВА XVII

Слободской дворец. — Лефортовское пепелище. — Граф А. П. Бестужев-Рюмин. — Дом Безбородко. — А. Л. Кологривов. — Исторические сведения о московской полиции. — Обер-полицеймейстер А. С. Шульгин 1-й. — Дом фельдмаршала графа Каменского. — Рассказ графини Блудовой. — Графиня Каменская. — Фельдмаршал М. Ф. Каменский. — Эксцентричность графа. — Убийство фельдмаршала. — Дети графа Каменского. — Блистательная военная карьера сына фельдмаршала. — Всеобщая страсть к нюханию табаку. — Первые московские табачные и другие лавки. — Романическая страсть Каменского. — Графиня А. А. Орлова-Чесменская. — Таинственное предсказание юродивого. — Граф Закревский. — Сергий Каменский, страсть его к театру. — Крепостные артисты и спектакли. — Дом прапорщицы Блудовой. — Молодой Блудов и его друзья. — Арзамасское общество. — Члены общества и их прозвища. — «Шубное прение». — Таинственное избрание в члены дяди поэта Пушкина. — Дети графа Блудова

Говоря о пышном доме Разумовского, нельзя пройти молчанием и другого такого же исторического дома, считавшегося по богатству и внутреннему украшению первым в Москве.

Дом этот известен был под именем Слободского дворца. Название это он получил от Немецкой слободы, в которой он находился. История этого здания восходит ко временам императора Петра, несомненно, что вблизи была усадьба сподвижника царя, Франца Яковлевича Лефорта. Затем в этой местности были еще небольшие загородные дворцы Анны Ивановны, так называемый Желтый, и императрицы Елисавета Петровны — Марлинский.

В елисаветинское время эта местность принадлежала государственному канцлеру графу Алексею Петровичу Бестужеву-Рюмину, одному из богатейших вельмож своего времени.

Дом канцлера был построен в 1753 году по самому точному образцу существующего его дома в Петербурге: все комнаты были здесь расположены точно так, как в петербургском доме. Это было сделано для того, чтобы не отставать от своих привычек.

По словам современников, у канцлера роскошь в палатах была изумительная; так, в загородном его доме даже веревки, которыми придерживались роскошные ткани его палаток, были шелковые, а находившийся при доме погреб был так значителен, что от продажи его после смерти канцлера графам Орловым составился, как говорит князь Щербатов, «знатный капитал».

У Бестужева одной серебряной посуды было более двадцати пудов. Несмотря на такое богатство, канцлер то и дело жаловался на свои недостатки и просил у императрицы, «дабы ее императорское величество ему, бедному, милостыню подать изволила», или писал царице, что у него нет ни ножей, ни вилок и просит себе придворного сервиза, присовокупляя, что он заложил за 10 000 рублей табакерку, подаренную ему королем шведским, так как ему не с чем было дотащиться до Петербурга.

В Москве у Бестужева был не один дом; один из его домов находился еще в приходе Бориса и Глеба, что у Арбатских ворот. В этой церкви был поставлен его портрет как возобновителя древнего храма; он выстроил этот храм в 1764 году.

Бестужев впал в немилость императрицы в 1758 году. Преданный интересам австрийского двора, он поселил в императрице неприязнь к Фридриху Великому и вовлек Россию в разорительную войну, стоившую государству более трехсот тысяч народа и 30 миллионов рублей. Во время опасной болезни Елисаветы он написал к своему другу Апраксину, успешно тогда воевавшему в Пруссии, чтобы тот со всем войском немедленно возвратился в Россию. Победитель Фридриха Апраксин, к удивлению всей Европы, немедленно двинулся в отечество. Императрица выздоровела и, справедливо негодуя на Бестужева, лишила его чинов и предала суду, который приговорил его к смертной казни. Елисавета помиловала Бестужева и, назвав его в манифесте «бездельником», состарившимся в злодеяниях, сослала Бе-

стужева в его подмосковную Геротово, где он жил в курной избе, носил крестьянское платье, читал божественные книги и сочинял разные назидательные трактаты. Петр III вызвал из ссылки своего личного врага, Екатерина II возвратила ему все, чего он был лишен, и за старостью лет уволила его в отставку с пенсиею в двадцать тысяч рублей в год, сверх жалованья по чину.

В отставке Бестужев не был праздным: он переводил книги, выбивал золотые и серебряные медали с разными эмблематическими воспоминаниями и предвещаниями, составлял медикаменты и проч. Бестужев был образованнейший человек своего времени, отличался трудолюбием, но имел капитальные недостатки: был горд, мстителен, неблагодарен, вел жизнь невоздержную, хотя вместе с тем и отличался набожностью.

Он умер в 1766 году, оставив одного сына, графа Андрея, не одаренного талантами отца; последний вел жизнь беспутную, праздную и умер спустя два года после отца, не оставив потомства.

Московский дом Бестужева, тот, который находился на реке Яузе против Екатерининского дворца и возле дворца, именуемого Лефортовским, Екатерина II купила у его наследников и 3-го июля 1787 года, накануне своего выезда из Москвы, подарила графу Безбородко.

Безбородко в письме к своей матери в день получения дома описывал этот случай так: «Подарив дом, государыня повелела оный починкою исправить, надстроить и перестроить по данному от меня плану на счет казенный, от Екатерининского нового здесь дворца. Таким образом, по милости ее величества, буду я иметь в Москве один из лучших домов и в самой здоровой части города».

По всем данным, императрица наградила этим подарком Безбородко за то, что он сопутствовал ей в Крым.

По словам польского короля Станислава Понятовского, осматривавшего дом Безбородко, «во всей Европе не найдется другого подобного ему по пышности и убранству. Особенно прекрасны бронза, ковры и стулья; последние и покойны, и чрезвычайно богаты. Это здание ценят в 700 000 рублей. Граф Безбородко, который сам показывал королю все комнаты, сказал, что он построил этот замок в девять лет (?). Петербургский его дом, который богаче драгоценными картинами, не может равняться с московским в великолепии убранства. Многие путешественники, имевшие случай видеть Сен-Клу [1] в то время, когда он вполне отделан был для французской короны, утверждают, что в украшении безбородкинского дома более пышности и вкуса. Золотая резьба на стульях работана в Вене, а лучшая бронза куплена у французских эмигрантов. В обеденном зале находится парадный буфет, которого уступы установлены множеством прекрасных сосудов, золотых, серебряных, коралловых и т. д. Обои чрезвычайно богаты; некоторые из них выписаны, другие деланы в России. Китайская мебель прекрасна».

Гельбиг рассказывает, что в бытность императора Павла в доме Безбородко однажды он стоял с канцлером у окна комнаты, из которой можно было обозревать прелестный сад.

Государь, который на все смотрел с военной точки зрения, выразил мысль, что это мог бы быть превосходный плац для учения. Это было сказано без намерения и желания. Но когда государь, проснувшись рано, подошел к окну, то нашел сад обращенным в плац-парад.

Безбородко во время ночи приказал гладко вырубить деревья и кусты. Императору так понравилось это, что он за дорогую цену купил его дом.

По покупке дома император приказал быстро произвести в нем разные постройки. Последними занимались денно и нощно со свечами 1600 человек. Павел I велел два длинных деревянных дворца, Желтый и Марлинский, обратить в дворцовые службы *. Так как поблизости его не было церкви, то император приказал архитектору Миллеру пристроить к нему деревянную во имя Михаила Архангела и всех бесплотных сил. Также приказано было гофмейстеру князю С. С. Гагарину «сделать в Лефортовском дворце конюшни и кухню, и соединить с дворцом крытым коридором, и плацдарм пред домом исправить во всем по плану. Деньги для постройки

* В одном из этих старинных дворцов, Марлинском, жил князь Тюфякин, известный впоследствии директор театров.

брать из почтовых доходов, пропадавших до того без всякой пользы».

Прежний дом князя Безбородко таким образом с окружающими его зданиями был наименован Слободским дворцом.

С именем этого дворца связаны многие исторические предания. Два императора, Павел и Александр I, посещая Москву, имели в нем пребывание. В достопамятный год Отечественной войны император Александр I, прибыв в Москву, объявил здесь известное воззвание к столице. В этом дворце московское купечество в присутствии самого государя, одушевляемое чувством патриотизма, не выходя из залы, открыло добровольную подписку. Всеобщее усердие превзошло ожидания монарха; всякий наперерыв вырывал друг у друга перо и в несколько минут собрано было до миллиона рублей.

Государь видел неподдельные чувства, видел в каждом нового Минина [2] и не мог более быть в зале — слезы блеснули в его глазах, он закрылся платком и вышел в другую комнату.

В том же году, спустя какой-нибудь месяц, этого дворца уже не существовало: он сгорел вместе с Москвою. Теперь на его месте стоит техническое училище Воспитательного дома.

Дворцовый, или Государев, сад при Слободском дворце разведен в царствование императрицы Елисаветы Петровны; этот сад был когда-то моднейшим гуляньем москвичей в день вознесения и в троицын день. В этом саду есть несколько деревьев, посаженных рукою Петра Великого. Здесь государь любил отдыхать на простой дерновой скамейке. Чтобы это место сохранить на вечные времена, императрица Елисавета и приказала здесь устроить сад.

Из барских домов, поступивших в казну, известен на Тверском бульваре дом московского обер-полицеймейстера; дом этот некогда принадлежал Кологривовым.

Из семьи богатых помещиков Кологривовых проживало в Москве несколько. Так, в двадцатых годах был известен очень состоятельный помещик, чудак, театрал и собачей, А. А. Кологривов, сын екатерининского бригадира; по рассказам, он наезжал по зимам в Москву и Петербург со всем своим деревенским штатом, состоящим из доморощенных актеров, музыкантов, певчих и собак. Все эти артисты были подстрижены на один лад и окрашены черной краской. Когда Кологривова спрашивали, зачем он возит за собою всю эту ораву, то он отвечал:

— У меня на сцене, как я приду посмотреть, все актеры и певчие раскланиваются и я им раскланиваюсь; к вам же придешь в театр, никто меня и не заметит и не раскланяется.

Когда его же спрашивали, зачем у него на псарне до 500 штук собак, он отвечал:

— Вы этого не поймете: как, тявкнувши, мои псы разбредутся по кустам, да поднимут лай, так что твои певчие.

О другом Кологривове, таком же чудаке и эксцентрике, упоминает в своих воспоминаниях граф Соллогуб. Кологривов был родной брат по матери известному министру духовных дел императора Александра I князю Александру Николаевичу Голицыну. Кологривов хотя и дослужился до звания обер-церемониймейстера, но дурачился как школьник.

У него была особенная страсть к уличным маскарадам; последняя доходила до того, что он наряжался нищенкой-чухонкой и мел тротуары.

Завидев знакомого, он тотчас кидался к нему, требовал милостыни и в случае отказа бранился по-чухонски и даже грозил метлою.

Тогда только его узнавали и начинали хохотать. Он доходил до того, что вместе с нищими становился на паперти церкви и заводил из-за гроша с ними ссоры.

Сварливую чухонку даже раз отвели на съезжую, где она сбросила свой наряд и перед ней извинились.

Однажды к известной набожностью и благотворительностью Татьяне Борисовне Потемкиной приходят две монахини, прося слезно подаяния на монастырь. Растроганная Потемкина идет за деньгами, но вернувшись — остолбенела от ужаса. Монашенки неистово плясали вприсядку. То были Кологривов и другой с ним еще проказник.

Существует еще рассказ. Как-то на одном кавалерийском параде вдруг перед развернутым фронтом пронеслась марш-маршем неожиданная кавалькада. Впереди скакала во весь опор необыкновенно толстая дама в зеленой амазонке и шляпе с перьями. Рядом с ней на рысях рассыпался в любезностях отча-

янный щеголь. За ними еще следовала небольшая свита. Неуместный маскарад был тотчас же остановлен. Дамою нарядился тучный князь Ф. С. Голицын; любезным кавалером был Кологривов. Шалунам был объявлен выговор, но карьера их не пострадала.

Но часто шутки Кологривова не обходились и без последствий. Так, раз, сидя во французском театре, он заметил какого-то зрителя, который, как ему показалось, ничего в представлении не понимал. Кологривов вошел с ним в разговор и спросил, понимает ли он по-французски. Незнакомец отвечал «нет».

— Так не угодно ли, чтоб я объяснил вам, что происходит на сцене?

— Сделайте одолжение.

Кологривов стал объяснять и понес страшную чушь. Соседи даже в ложах фыркали от смеха.

Вдруг не знающий французского языка спросил по-французски:

— А теперь объясните мне, зачем вы говорите такой вздор?

Кологривов сконфузился:

— Я не думал, я не знал!

— Вы не знали, что я одной рукой могу вас поднять за шиворот и бросить в ложу к этим дамам, с которыми вы перемигивались?

— Извините!

— Знаете вы, кто я? Я Лукин.

Кологривов обмер.

Лукин был силач легендарный. Подвиги его богатырства невероятны, и посейчас рассказы о нем живы в морском ведомстве, к которому он принадлежал. Вот на кого наткнулся Кологривов. Лукин встал.

— Встаньте, — сказал он, — идите за мной!

Они пошли к буфету. Лукин заказал два стакана пунша; пунш подали, Лукин подал стакан Кологривову.

— Пейте!

— Не могу, не пью.

— Это не мое дело. Пейте!

Кологривов, захлебываясь, выпил стакан; Лукин залпом опорожнил свой и снова скомандовал два стакана пунша. Кологривов отнекивался и просил пощады; оба стакана были выпиты, а потом еще и еще; на каждого пришлось по восьми; только Лукин как ни в чем не бывало возвратился на свое кресло, а Кологривова мертвецки пьяного отвезли домой.

Граф Соллогуб рассказывает, что один случай положил конец мистификациям и шуткам Кологривова. На одном большом обеде, в то время, когда садились за стол, из-под одного дипломата выдернули стул. Дипломат растянулся, но тотчас же вскочил на ноги и громко сказал: «Я надеюсь, что негодяй, позволивший со мной дерзость, объявит свое имя». На эти слова ответа не воспоследовало. Впрочем, ответ был немыслим и по званию обиженного, и по непростительному свойству поступка.

Кологривова любили не только как забавника, но и как человека. Ума он был блестящего, и, если бы не страсть к шутовству, он мог бы сделать завидную карьеру.

Как мы выше сказали, дом Кологривовых был куплен для обер-полицийместера [3].

Начальное учреждение московской полиции Карамзин относит к 1505 году. В то время, когда установлены были решетки по улицам, которые видел Герберштейн [4], в Москве не было полиции, а в каждой части, на которые делился город, было свое особое управление.

Оно состояло из объезжих голов, бояр с подьячими, из решеточных приказчиков и из сторожей. Решеточные приказчики были начальники сторожей; сторожа были сами обыватели, отправлявшие общественную земскую повинность натурою. Наказ того времени говорит, что боярин с подьячими и с решеточными приказчиками должны ездить по городу непрестанно день и ночь, а сторожа, расставленные в определенных местах, должны день и ночь непрестанно ходить каждый по своей улице и по своему переулку, подчиняясь непосредственно особым десятским, выбранным из среды их, и решеточным приказчикам.

Сторожа смотрели, чтобы «бою, грабежу, корчмы и табаку и никакого воровства и разврата не было и чтобы воры нигде не зажгли, не подложили бы огню, не накинули ни со двора, ни с улицы». Меры осторожного обращения с огнем были самые строгие; так, запрещалось сидеть поздно с огнем, печи и мыльни запечатывались до нового указа; что же касается до печения хлеба, варения пищи, то дозволено то и другое только в поварнях или, у кого их нет, — в печах, построенных в земле,

в огородах за двором, защищая их крепко от ветру.

Исключение делалось в пользу черных сотен людей, больных и родильниц. Людям черной сотни дозволено топить свои печи в ненастные дни дважды в неделю, по воскресеньям и четвергам. Стрельцы и Стрелецкий приказ в 1686 году служили исполнительною полицейскою властью.

Любопытны известия, как при набожном царе Михаиле Феодоровиче в ночное время караулили в Кремле сторожа.

Когда наступал девятый час вечера, или, по-тогдашнему, восьмой час ночи, тогда начинает стрелецкая сотня перекликаться. Ворота Кремля затворялись зимою в 8 часов вечера и отпирались всегда после заутрени. Близ собора Успенского часовой страж начинал первый протяжно и громко нараспев возглашать: «Пресвятая Богородица, спаси нас!» За ним второй возглашает: «Святые московские чудотворцы, молите бога о нас!» Потом третий: «Святый Николай Чудотворец, моли бога о нас!» Четвертый: «Вси святые, молите бога о нас!» Пятый: «Славен город Москва». Шестой: «Славен город Киев». Седьмой: «Славен город Суздаль»... И так поименуют Ростов, Ярославль, Смоленск и проч. Первый снова восклицает: «Пресвятая Богородица, спаси нас!» После этого как этот страж, так и другие, чтобы не спать и не дремать, до благовеста к заутрене поют вполголоса разные духовные молитвы.

Самый памятный в числе полицейских чиновников был еще в старину на Москве земский ярыжка. Одет он был в красный и зеленый кафтан, на груди у него нашивались две буквы — З и Я, т. е. «земский ярыжка». Когда государь выезжал из города или шествовал в крестном ходе, тогда из них несколько человек с метлами и лопатами шли впереди всех, очищая дорогу. Кроме того, где происходили шум или драка, они всякого могли брать и отводить к суду беспрекословно.

Первый обер-полицеймейстер в Москве при императоре Петре был Греков, как мы выше уже говорили.

В 1729 году в Москве учреждается полицейский драгунский эскадрон и Москва делится на 12 команд, центральным пунктом которых назначается съезжий двор. Таких съезжих дворов было двенадцать, и в каждом было два офицера, два урядника и шесть солдат с барабанщиком. Рогаточные караулы из жителей в то время оставались попрежнему.

При Петре III получил звание генерал-полицеймейстера Дивов, но скоро это звание уничтожено и в Москве с восшествием Екатерины II восстановлен опять обер-полицеймейстер и введен следующий штат полиции: 1 обер-полицеймейстер, 1 надворный советник, 1 асессор и 1 секретарь с канцелярскими чинами. Для посылок при московской полиции находилось двадцать человек конных драгун.

Из числа начальников полиции в век Екатерины был Архаров, о котором выше мы говорили, и затем таким же деятельным и энергичным был в царствование Александра I А. С. Шульгин 1-й. Он занимал место обер-полицеймейстера десять лет. Он оставил после себя хорошую память очень во многом и сделал по своему ведомству множество полезных преобразований и учредил такие порядки по управлению, из которых многие остаются без изменения до сего времени. Главнейшее же преобразование в Москве он сделал в пожарной команде.

Пожарных сигналов на каланчах при нем тогда еще не было, а при пожарных командах всегда было по несколько казаков с оседланными лошадьми, которые в случае пожара давали знать о том в соседние части. Но, несмотря на это, пожарные являлись на пожары с изумительною скоростью. Лошади под обозом были превосходные, самый обоз и сбруя в блестящем, щегольском виде. Команда в соответственной времени одежде, без металлических шлемов.

Набор пожарных лошадей тогда подкреплял не то закон, не то обычай отбирать у всех лошадей за неосторожную езду по улицам и отдавать в пожарную команду без судебного на то определения. Это правило при некоторых случаях влекло за собою вопиющую и притеснительную несправедливость.

Шульгин на пожарах отличался молодецкою неустрашимостью и мастерскими распоряжениями. Из толпы то и дело слышались восклицания: «Вот отец, вот так молодец» и проч. Шульгин пользовался почти всеобщею любовью, и особенно купечества, несмотря на то, что все его боялись, потому что могучая

рука его, сжатая в кулак и распростертая, была для многих грозна и тяжела.

Шульгин жил самым широким барином, очень роскошно. Кухня его была образцом порядка и опрятности. Он по утрам сам ходил на кухню и осматривал припасы, приготовленные для того дня и разложенные на столах под хрустальными колпаками. Посуда, столы, стены, полы, одежда поваров, они сами и все прочее отличалось безукоризненною, щегольскою чистотою и блеском; малейшая пылинка не могла укрыться от зоркого его взгляда.

Эта чистота и блеск проявлялись во всем житейском быту Шульгина и на всем, что хоть несколько подлежало непосредственному его влиянию. Он очень любил хорошо покушать и угостить своих приятелей хорошим обедом.

Злые языки в то время рассказывали, что фельдъегерь, который схватил Коцебу, известного драматического писателя, на границе и отвез его в Сибирь, и был этот Шульгин. Коцебу называет его по фамилии только Ш. и говорит, что он отличался курьезною способностью пить и есть на каждой станции при перемене лошадей — без разбору и порядка, все, что можно было отыскать, — мед и паюсную икру в одно и то же время.

Шульгин не имел своего состояния, но за женою получил в приданое значительный капитал. Должность обер-полицеймейстера в то время не имела высокого оклада. Шульгин был отличный хозяин и примерный во всем распорядитель; средства, которые доставляла ему должность, были очень достаточны, и даже с избытком для роскошной его жизни, но, к несчастью, он перешел в этом границы умеренности и расчета и забыл, что всему бывает конец, следовательно, и доходам, приносимым какою-либо должностью, и самой службе.

Для удовлетворения своих роскошных затей и предприятий он пользовался значительным кредитом и выстроил на Тверской улице дом, принадлежащий теперь Шевалдышеву[6], в котором помещается его гостиница. Дом строился под личным его надзором, причем употреблялись самые лучшие и дорогие материалы, построен он был самым великолепным образом, а обмеблирован так, что в то время в Москве трудно было отыскать другой подобный дом.

Во время службы Шульгина в Москве про него ходило множество рассказов. Так, при переводе К. Я. Булгакова из московских почт-директоров в петербургские он говорил брату его Александру: «Вот мы и братца вашего лишились. Все это комплот против Москвы. Того гляди и меня вызовут. Ну уж если не нравится Москва, так скажи прямо: «Я берусь выжечь ее не по-французски и не по-ростопчински, а по-своему, так что после меня не отстроят ее во сто лет». Он же говорил: «Французы ужасные болтуны и очень многословны. Например, говорят они: коман ву порте ву? К чему это два ву? Не простее ли сказать: коман порте? И так каждый поймет». Когда он был в Москве обер-полицеймейстером, то военным губернатором был в ней князь Дмитрий Владимирович Голицын. Шульгин не ладил с губернатором и не скрывал этого ни от кого.

Голицын, ценя его «неутомимую деятельность и труды», не обращал на эти личности внимания и каждый раз ходатайствовал о наградах ему.

В 1824 году Шульгин был переведен из Москвы в Петербург. По отъезде своем в Петербург он отправил все свое имущество с особым обозом. Неподалеку от Новгорода встретил этот обоз граф Аракчеев и обратил внимание на длинный ряд разных блестящих экипажей и походных фур, множество превосходных и ценных верховых и упряжных лошадей и щегольски одетую в форменное платье прислугу.

Остановясь и подозвав к себе одного служителя, он спросил: «Кому все это принадлежит?» На ответ же его, что с.-петербургскому обер-полицеймейстеру Шульгину, он сказал: «Скажи ему, что всего этого никогда не было и нет у самого Аракчеева».

Вслед за событием 14-го декабря 1825 года Шульгин был уволен от своей должности и переехал в Москву. Он сперва поселился в своем доме; средства его к жизни ограничились одним пенсионом, явились долги, и в конце концов все его вещи были проданы, как и дом, с аукциона.

Купцы в первое время, по старой памяти, его несколько раз выручали из беды, но под конец от него отка-

Городские сторожа в Москве в XVII столетии. С рисунка Панова

зались. Шульгин с горя стал придерживаться чарочки.

Из бывшего своего великолепного палаццо он переехал в убогий домишко в три окна на Арбате, и здесь прохожие нередко видели, как на дворе в ветхом замасленном халате он колол дрова или сам рубил капусту.

Под конец его жизни в его безвыходное положение вошел князь Д. В. Голицын и, припомня о нем одно хорошее, забыв обо всем дурном, сделался его благодетелем, платил за квартиру и снабжал его пищею. В таком положении Шульгина и застала смерть около 1832 года.

В конце царствования Екатерины, императора Павла и в первые годы Александра I славился, по рассказам современников, дом графа Каменского на Зубовском бульваре *. Дом этого любимца Павла был типом московского барского дома прошлого века. По словам Евг. Ковалевского ** и графини А. Д. Блудовой ***, в этом доме со всеми утонченностями западной роскоши и светскости сливались и все русские и татарские древние обычаи.

Дом Каменского наполняли мамы, няни, калмычки, карлицы, турчанки, т. е. взятые в плен турецкие девушки, подаренные по возвращении из армии наших

* Там, где прежде стоял дом графа Каменского, ныне помещается земледельческое училище.
** Евг. Ковалевский — автор книги «Граф Блудов».
*** См. воспоминания графини А. Д. Блудовой — журнал «Заря».

военных знакомым дамам, крещенные ими в православную веру и кое-как воспитанные.

В этом доме сохранилась вся русская уродливая жизнь со строгостью нравов и суеверием.

На домашнем театре играли комедии Вольтера и Мариво [7], и в важных семейных торжествах, как, например, при свадьбах, сенные девушки пели русские обрядовые песни, как в допетровской Руси. Блудова рассказывает, что, когда дочь фельдмаршала выходила замуж, горничные девушки и приживалки пели свадебные песни ежедневно во все время между помолвкой и свадьбой, так что наконец графинин попугай выучился напеву и некоторым словам так твердо, что продолжал петь их, когда невеста давно была замужем уже за вторым мужем.

Хозяйка дома, графиня Анна Павловна Каменская, урожденная княгиня Щербатова, была одна из первых красавиц своего времени, благородная душой, добрая сердцем, мягкая нравом; об ней вся Москва говорила, как об ангеле во плоти.

В замужестве она не была счастлива: муж ее много заставил ее страдать; у него была известная всем, нагло выставленная связь с простою злою женщиной, к которой он уезжал беспрестанно в деревню на целые месяцы, когда не был в Петербурге или в армии, оставляя жену одну в Москве; но она никогда не заслужила ни малейшего упрека, никогда злословье не касалось ее.

Граф Мих. Федот. Каменский был сын мундшенка, служившего при дворе Петра Великого; он родился в 1738 году, обучался в сухопутном кадетском корпусе и четырнадцати лет начал военную службу капралом, а на двадцать девятом году уже имел чин бригадира.

Характера Каменский был очень крутого. Существует предание, что он подвергал телесному наказанию своих сыновей, когда те были уже в генеральских чинах. Каменский был небольшого роста, сухощавый, широкий в плечах: лицо у него было круглое, приятное, брови густые, в разговоре нетерпелив и странен, иногда очень ласков.

Самым выдающимся его достоинством была храбрость. Порошин рассказывает, что Фридрих Великий, говоря об нем в 1765 году со своим генералом Таденциным, называл его «молодым канадцем, довольно образованным».

Суворов, отзываясь о Каменском, говорил, что «он знал тактику». Сегюр в своих записках называет его вспыльчивым и жестоким, но отдает полную справедливость ему как полководцу, который никогда не боялся смерти. Державин приветствовал его победы в 1806 году во время войны с Францией и называл его «булатом, обдержанным в боях, оставшимся мечом Екатерины, камнем и именем, и духом». Каменский в своей молодости два года служил во Франции для приобретения опытности в военном искусстве. Он прославился при Екатерине в обеих войнах с турками, но никогда не был любим за свой крутой и вместе вспыльчивый нрав и за жестокость.

В 1783 году он назначен был генерал-губернатором рязанским и тамбовским. Рассказывают, что когда он был губернатором, то частенько прибегал к крутым мерам с виновными без разбору. Так, однажды впустили к нему с просьбою какую-то барыню в ту минуту, как он хлопотал около любимой суки и щенков ее клал в полу своего сюртука; взбешенный за нарушение такого занятия он стал кидать в бедную просительницу щенят.

Державин упоминает про него, что в бытность его тамбовским наместником он заботился о народном образовании и заводил первоначальные школы, которых тогда еще не было в том крае. Он покровительствовал также поэту Богдановичу [8] и издал в Москве в 1778 году первую книгу поэмы его «Душенька».

Его упрекали современники за то, что он, подражая Суворову, часто оригинальничал и юродствовал. Так, живя в своем орловском имении селе Сабурове, он носил всегда куртку на заячьем меху, покрытую голубою тафтою, с завязками, желтые мундирные штаны из сукна, ботфорты [9], а иногда коты [10] и кожаный картуз; волосы сзади связывал веревочкою в виде пучка, ездил в длинных дрожках цугом с двумя форейторами; лакей сидел на козлах; он имел приказание не оборачиваться назад, но смотреть на дорогу.

Последнее обстоятельство, как увидим ниже, и было гибельно для графа. Каменский, как и многие богачи вельмо-

жи того времени, был тоже неразборчив в своей связи и подпал под влияние грубой, необразованной и некрасивой женщины; с нею проводил он все время в деревне.

Фельдмаршал жил в своих комнатах совершенно один; в кабинет его никто не впускался, кроме камердинера; у дверей этой комнаты были привязаны на цепи огромные две меделянские собаки [11], знавшие только графа и камердинера.

В Москву же, в семейство он приезжал на короткое время и являлся в нем безграничным деспотом, грозою всех домашних. Любовная связь с упомянутой женщиной погубила Каменского.

Богатство и власть, которыми наделял ее фельдмаршал в своем имении, не удовлетворяли его любовницу. Ей захотелось выйти замуж, и предметом своей любви она избрала полицейского чиновника, а средством к достижению цели убийство. Обещанием наград и надеждой на безнаказанность она уговорила одного молодого парня из дворовых, не любивших вообще своего крутого помещика, разрубить ему череп топором в лесу, через который он езжал часто; кучер был соучастником или, по крайней мере, не защитил барина, и оба приговорены были к наказанию, но сама виновница кровавого преступления осталась в стороне благодаря протекции полицейского, за которого она вышла замуж. Убийца одним ударом топора рассек фельдмаршалу череп и половину языка.

Преступление совершилось 12-го августа 1809 года; смерть вождя трогательно описал поэт Жуковский. По делу об убийстве Каменского пошло в Сибирь и отдано в солдаты около 300 человек. По рассказу же графа Делагарда *, подробности смерти графа совсем другие: убийцами Каменского были два молодых крепостных человека, которым он дал музыкальное образование в Лейпциге. По возвращении их к помещику он с ними обращался жестоко, и одного из них за маловажный проступок высек. Это и вызвало жажду мести. Ночью они проникли в спальню графа и убили его топором, упрекая его за то, что он вздумал извлечь их из той среды, в которой они родились. Убив своего барина, они явились в город и повинились в преступлении.

В бывшем имении графа Каменского, селе Сабурове в Орловской губернии, сохранился другой рассказ о смерти графа Каменского — он нам любезно доставлен теперешним владельцем этого имения Г. А. Спечинским. «По покупке имения в 1871 году, — как передает нам последний, — я еще застал в живых старика сторожа, который рассказал мне, как убили фельдмаршала. Вот его слова: «Каменский был очень строгий помещик, вместе с тем крайне недоверчивый, и его бурмистры и приказчики у него держались недолго. Года два до смерти он доверился молодому малому, конторщику, который пользовался его большим доверием. Дошло дело до того, что Каменский наконец убедился, что этот конторщик даже отпускает людей на волю и выдает им фальшивые вольные за его подписью, а ему показывает, что последние находятся в бегах. Узнав об этом, Каменский не уволил конторщика от дел, а стал его преследовать наказаниями, обещая еще сослать в Сибирь. Конторщик этого не выдержал, бежал и скрылся в Сабуровском лесу, которого тогда было до 800 десятин в одном месте.

Однажды летом Каменский поехал в этот лес, чтобы назначить место для вырубки, парою, в дрогах; одет он был в форме, в треугольной шляпе. Чтобы выехать в лес, надо было подняться на очень крутую гору, по узкой дороге; налево от дороги лежал обрыв, поросший кустарником, а еще ниже — река Цон. В этих-то кустах и подкараулил его конторщик и, подойдя сзади, ударил его топором так сильно, что рассек шляпу и голову пополам. Каменского похоронили 15-го августа в церкви села Сабурова и послали курьера с известием к императору Александру I. Власти стали искать преступника, кучер не был в заговоре и прямо указал на убийцу. Государь приказал найти во что бы то ни стало убийцу. Была приведена целая дивизия, которая оцепила лес и простояла бивуаком до половины октября, но убийца не находился; его искали в лесу, а он жил в заливе Цона, ниже леса, в тростнике; но когда пошли морозы, то он долее там сидеть

---

* См. «Voyage de Moscou à Wienne par le comte Delagard en 1811» (*фр.*) («Путешествие из Москвы в Вену графа Делагарда в 1811 г.»).

не мог и больной вышел и отдался властям уже полумертвый; его приказано было наказать кнутом на месте преступления, что и было исполнено. Наказания он не вынес и умер. На месте, где был убит Каменский, был положен большой камень, более 300 пудов; этот камень лежал покойно до зимы 1889 года, но этою зимою крестьяне ухитрились расколоть его на четыре части и продать в город Орел».

Настоящей любовницы, по словам того же старожила, у Каменского не было, а была крепостная его труппа актрис, которая и составляла его гарем; помещался последний в третьем этаже каменного здания и носил название «гульбицы».

Помимо трех детей, дочери и двух сыновей, у фельдмаршала Каменского от любовницы остался незаконный сын, носивший, впрочем, фамилию тоже Каменского; он в молодости выказал замечательные военные способности; он служил у своего брата и позднее отличился в 1812 году, но за какой-то проступок был сослан в одну из крепостей, где случайно и утонул, купаясь.

Самый даровитый и блистательный член семьи Каменских, молодой главнокомандующий граф Николай Михайлович, тоже погиб в молодых годах насильственною смертью. Николай Каменский отличался блистательными военными способностями, так сказать наследственными, хотя не наследовал от отца ни его крутого нрава, ни его привычек.

Он был красавец собою, с добрым сердцем, немного вспыльчивый, очень ласковый с нижними чинами и особенно строг и горд с равными генералами; в сражениях отличался личною храбростью, легко терпел нужду с солдатами, довольствуясь очень немногим, но единственно что любил — это покойную и широкую одежду.

Когда молодой Каменский явился к Суворову в армию, на поля Италии, то Суворов, зная нелюбовь его отца к нему, был крайне удивлен. Свидание фельдмаршала с Каменским было очень трогательно. «Как! — воскликнул великодушный Суворов, бросившись обнимать его. — Сын друга моего будет со мною пожинать лавры, как я некогда с отцом его!» Прочитав письмо бывшего сослуживца, фельдмаршал не мог удержаться от слез и произнес: «Когда ты к батюшке

М. Ф. Каменский.
С гравированного портрета Осипова

будешь писать, то принеси ко мне письмо, я припишу».

В тот день была обедня; Суворов, по обыкновению, пел на клиросе; вдруг, от земных поклонов, подбежал к Каменскому с вопросом:

— Поет ли твой батюшка?

— Поет, — отвечал Каменский.

— Знаю, — возразил Суворов, — но он поет без нот, а я по нотам.

И с этими словами побежал к певчим.

Под командой Суворова Каменский отличался своею неустрашимостью: особенно он выказал свою храбрость при атаке неприятеля во время перехода через Чертов мост[12]. «Юный сын ваш, — писал Суворов к отцу Каменского, — старый генерал». Командуя Мушкатерским полком, Каменский жил роскошно; от отца он не получал никакого дохода.

Открытая жизнь заставила его растратить казенные суммы. На него был сделан донос императору Павлу и назначено строгое следствие. Каменский от горя занемог; преданные ему офицеры его полка собрали часть затраченных денег и, как полк был расположен в

разных местах, то искусно и передали суммы по батальонам. Солдаты не принесли жалобы на своего любимого командира; нашелся только один из них, и то в нетрезвом виде, который нажаловался инспектору на Каменского.

Следствие шло как раз во время вступления императора Александра I на престол. Каменский, не смея обратиться за помощью к суровому своему отцу, чистосердечно принес свою виновность молодому императору и получил прощение от монарха.

Отец Каменского держал в таком страхе своих сыновей, что последние, бывшие уже в генеральских чинах, не смели при нем ни курить, ни нюхать табак, и трубки, и табакерки прятали от отца.

Кстати сказать о моде, вышедшей тогда в высшем обществе, к нюханию табаку. В екатерининские времена почти все нюхали табак, даже молодые девицы; почтенные люди любили тогда щеголять своими богатыми табакерками, а у знатных бар были целые коллекции прекрасных, золотых, с эмалью и бриллиантами, табакерок, которые раскладывались в гостиных по столам.

Благово в своих воспоминаниях рассказывает по свою бабушку, Татищеву, которая имела следующую странность: позвонит, бывало, человека, даст ему грош и скажет: «Пошли взять у будочника мне табаку». Немного погодя и несут ей на серебряном подносе табак от будочника в прегрязнейшей бумаге, и она, не брезгуя, сама развернет и насыпает этот зеленый и противный табак в свои дорогие золотые табакерки. Такие покупки у тогдашних бар не считались странными. Курить же табак в то время было предосудительно; мужчины курили его в своих кабинетах, при запертых дверях, и ежели это случалось при дамах, то испрашивалось дозволение.

Курение заметным образом стало входить в моду после 1812 года, и в особенности в 1820 году, когда стали привозить из-за границы сигарки; на первые такие, гамбургские, смотрели как на диковинку. Русские сигары, как и табак курительный и нюхательный, стали первые фабриковать саратовские колонисты-немцы.

Первый сарептский [13] магазин немецких колонистов был открыт где-то за Покровкой. Известность он приобрел также своими медовыми коврижками и пряниками. На первой неделе великого поста считалось обязательным для каждого барского семейства ездить в этот магазин, и целая нить карет, бывало, тянулась по Покровке в эти дни.

Иностранный же табак, как и шерсть, и полотна (ручные), чулки, батист, носовые платки и голландский сыр, московские баре покупали на Ильинке, за Гостиным двором, в нюренбергских лавках.

Возвращаемся опять к сыну фельдмаршала Каменского. Военную славу он стяжал главным образом во время финляндской войны, когда был главнокомандующим армиею.

Последние победы Каменского были уже за Балканами, во время наших войн с турками. Безнадежная любовь к дочери ключницы-немки свела героя в преждевременную могилу. Познакомился он с нею в доме князей Щербатовых — здесь он ежедневно виделся с красавицей; это заметили родные и выдали ее замуж за другого жениха, молодого офицера Кисленского. Горе и отчаяние Каменского было велико. Мать, чтобы заставить его забыть ее, выбрала ему в Москве знатную и богатую невесту, добрую, с нежным сердцем, с пламенным воображением, но не очень красивую собою, графиню Анну Алексеевну Орлову-Чесменскую.

Графиня страстно полюбила ловкого, статного молодого генерала, военная слава которого уже гремела; но сознание своей непривлекательности и неотступная мысль о корыстолюбивых планах своих женихов, которую, как говорят, в ней поселял ее домашний советник, незаконный сын ее отца, заставили преодолеть ее романическую любовь к Каменскому: Орлова отказала ему.

Отказ был неожидан. Граф уехал в армию. Графиня А. Д. Блудова в своих воспоминаниях говорит: «Орлова отказала Каменскому, но по смерти его не могла утешиться и, отказавшись навсегда от замужества, посвятила всю жизнь свою на дела богоугодные и на украшение обителей иноческих и церквей».

Пожертвования графини Орловой на церкви равнялись 7 с половиной миллионам рублей; только из одного отчета 1848 года о действиях вологодского попечительства о бедных духовного звания мы узнаем, что графиня в своей

духовной назначила следующие капиталы: 340 монастырям с пустынями по 5000 рублей серебром каждому; 48 кафедральным соборам по 3000 рублей серебром; 49 попечительствам духовного звания по 6000 рублей серебром; всего 2 308 000 рублей серебром.

Графиня Блудова вот что рассказывает о Каменском. Когда он, расстроенный, прощаясь с матерью, садился в коляску, чтобы ехать в армию, к экипажу подошел юродивый и протянул к нему руку с платком, говоря: «На, возьми на счастие! Добрый путь!» Каменский знал юродивого, бывавшего часто в их доме, улыбнулся ему приветливо и взял платок. Но ему не верилось в счастье: он взял платок, чтобы не обидеть юродивого, но тут же машинально передал его своему адъютанту, а этот адъютант был Закревский. Домашние Каменских, рассказывая про этот случай, замечали, что их любимый граф передал свое счастье Закревскому и уже не возвратился живым в отчий дом.

Граф Каменский был назначен императором Александром на Волынь, но по совету врачей его повезли в Одессу; дорогою он совсем лишился слуха и памяти, бредил, кашлял и почти потерял рассудок. Он скончался 4-го мая 1811 года на 34 году. Когда вскрыли его тело, то открыли следы отравы. Его привезли в Орловскую губернию в родовое их село Сабурово и похоронили подле отца; но мать просила, чтобы сердце было отдано ей: оно хранилось в приходской церкви ее дома в Москве, в Троице Зубове, пока она была в живых, а после ее смерти, по ее просьбе, похоронено с нею на кладбище в Девичьем монастыре, где она указала себе могилу, возле друга своего Катерины Блудовой.

Графиня А. А. Орлова умерла более 30 лет спустя после смерти Каменского, но еще в последние годы своей жизни передавала своей старой подруге г-же Герард об отвергнутом ею женихе со всею горячностью, со всем увлечением любви двадцатилетней девушки.

Тело Каменского, как мы говорили, было предано земле подле праха отца, умершего за два года перед тем от руки убийцы; церковь, в которой над двумя героями поставлены простые белые камни без надписей, уже в сороковых годах нынешнего столетия представляла развалину. Село было уже не в роду Каменских, и теперь, если не ошибаемся, трудно уже найти место, где покоятся останки победителя при Козлуджи и завоевателя Финляндии.

Старший сын фельдмаршала Сергей отличался только всеми недостатками отца, он служил также в армии, дослужился до генеральского чина и был георгиевским кавалером и известен своими неумелыми и бедственными распоряжениями при осаде Рущука; Сергей Каменский, подобно отцу, жил дурно с женой, от которой имел двух дочерей, умерших девицами.

Проживал граф до старости в своем Сабурове в Орловской губернии и славился своими странностями и крепостным театром. Он хотел купить актера Щепкина, и под конец жизни растратил на свой театр все огромное состояние своего отца. После смерти первой жены, урожденной Ефимовой, он женился на своей любовнице, молоденькой красавице вдове Кириловой, от которой имел многих незаконных и законных детей. Один из его сыновей, Андрей, красавец собой, по способностям очень напоминал своего несчастного дядю; он умер в молодых годах в деревне от расстройства ума. Другие его дети, кажется, поселились в Смоленской губернии и затерялись в неизвестности.

Что же касается до отца, то по своим странностям он выходил из ряда обыкновенных людей. Вот несколько интересных рассказов, сохранившихся о нем в Орловской губернии и в записках его современников.

Театр Каменского находился в городе Орле на Соборной площади, здание было одноэтажное, деревянное, с колоннами, внутренность театра была недурная, с двумя ярусами лож, райком [14] и партером с нумерованными креслами; для самого графа была особенная ложа; в этой ложе перед местом графа на столе лежала книга, в которую он собственноручно вписывал замеченные им неисправности или ошибки артистов; на сцене, сзади от этого места, висело несколько плеток, и после каждого акта он ходил за кулисы и там делал свои расчеты с виновными артистами, крики которых иногда долетали до слуха зрителей.

Граф требовал от актеров, чтобы роль была заучена слово в слово, чтобы они говорили без суфлера, и беда тому была, кто запнется или не знает роли.

Н. М. Каменский.
С гравированного
портрета Кинингера

Что же касается до игры актера или актрисы, то на это граф мало обращал внимания.

К ложе графа примыкала галерея, где обыкновенно сидели так называемые пансионерки, дворовые девушки, готовившиеся в актрисы или танцовщицы. Для последних было обязательно посещение театра. Каменский требовал, чтобы на другой день каждая из них продекламировала какой-нибудь монолог из представленной пьесы или протанцевала бы вчерашнее па. Граф иногда садился в первом ряду кресел и смотрел на спектакль; во втором ряду тотчас же за ним сидела его мать и с нею две его дочери, а позади матери в третьем ряду — любовница графа с огромным портретом его на груди, если последняя чем-нибудь навлекала на себя неудовольствие графа, то портрет этот от нее отбирался и на место его давался другой, точно так же отделанный, но на котором лица не было видно, а виднелась одна спина; портрет этот вешался ей тоже на спину, и в таком виде на соблазн всем она должна была показываться всюду.

Кроме этого наказания назначалось и другое, более жестокое: в квартиру к ней ставилась смена дворовых людей под командою урядника, которая каждые четверть часа входила к ней и говорила ей: «Грешно, Акулина Васильевна, рассердили батюшку-графа, молитесь» — и бедная женщина должна была сейчас же класть земные поклоны, так что ей приходилось не спать и по ночам беспрестанно класть поклоны.

В антрактах публике в креслах разносили моченые яблоки и груши, изредка пастилу, но чаще всего вареный превкусный мед.

Публика в театр собиралась во множестве, но не из высшего круга, которая только приезжала изредка ради смеха, и нередко у Каменского во время представления бывали скандалы. Так, в собрании И. А. Вахрамеева, в городе Ярославле, по сообщению А. Титова, имеется стихотворение, в котором описан один из таких крупных скандалов: во время спектакля один полковник кинул на сцену бедным артистам 100 рублей; Каменский вскипел гневом и кинулся с бранью на полковника. Полковник сначала все молчал и притворялся, будто оробел, но когда граф, поощренный его молчанием, накинулся на него еще храбрее, тут полковник уже не выдержал и в свою очередь напал на Каменского, требуя от него тотчас удовлетворения на палашах или стреляться на пистолетах.

Не ожидавший такого исхода Каменский сильно перетрусил и уже при всех, по приказу полковника, стал просить у него извинения, стоя в слезах на коленях.

Билеты для входа граф продавал и раздавал сам лично, сидя у кассы со своим Георгиевским крестом на шее. Шалуны того времени платили графу за места медными деньгами, которые пересчитывать Каменскому иногда приходилось по получасу и дольше.

При театре во время спектаклей назначался караул от полка; в последнем действии пьесы граф требовал в свою ложу караульного офицера и вручал ему пять пятирублевых синеньких ассигнаций, а иногда одну 25-ти рублевую беленькую ассигнацию, всегда истертые и разорванные, и весьма часто между ними были и фальшивые.

Такие проделки графа, как говорит Жиркевич в своих записках, стоили ему за три года около одной тысячи рублей

ассигнациями, так как негодные для размена падали на него, а граф тут же при даче отрекался от них.

Прислуга при театре была в ливрейных фраках с красными, синими и белыми воротниками. О днях спектаклей извещалось печатными афишами. Репертуар пьес, даваемых на театре, был самый разнообразный, пьесы часто менялись и ставились иногда более чем роскошно, так, в «Калифе Багдадском» бархату, шелку, турецких шалей и страусовых перьев было более чем на тридцать тысяч рублей.

Главные артисты труппы были более чем карикатурны, игра их вызывала один смех и была ниже всякой посредственности. В числе чудачеств графа были и ежедневные его вечерние приказы, в которых он повышал и производил своих лакеев из одного ливрейного фрака в другой, обозначавший по цвету разряд и степень должности; также в ежедневном приказе возвещалось по дому, как водится в полках, о беспорядках, замеченных им в течение дня, например: делалось замечание графине за допущение ею того, что при входе ее в лакейскую люди или не встали со своих мест, или не оказали должную ей почтительность.

День Каменского был распределен в следующем порядке: утром в 5 часов он делал визит до 7 часов, потом отправлялся в свою театральную контору, где начинал раздавать и продавать билеты, записывая собственноручно в книгу за билеты деньги и имена тех, кому дарил билеты.

В 9 часов он закрывал контору и отправлялся за кулисы и там до 2-х присутствовал при репетициях. В два часа шел гулять пешком по городу, постоянно по одному и тому же направлению до известного места, не делая ни шагу более, ни шагу менее, и возвращался домой обедать.

За обедом у него бывало мало приглашенных; за столом блюд было нескончаемое количество, прислуги при столе толпилась целая орда, больше ссорившаяся и ругавшаяся громко между собою, чем служившая; сервировка была чрезвычайно грязная: скатерти потертые, грязные, салфетки тоже такие же, в дырьях; стаканы, рюмки разные, часто с отбитыми краями.

За обедом он занимал гостей рассказами о своем театре, но очень не любил, когда ему напоминали его боевую жизнь и его брата. Во всех его комнатах царствовала полная грязь и беспорядок. В передней валялся лакейский хлам и сидели постоянно 17 лакеев и вязали чулки и невода. Каждый из лакеев обязан был подавать графу кто трубку, кто платок, воду и т. п. Зала была огромная: саженей 12 в длину и саженей 7 в ширину, уставленная кругом простыми стульями, выкрашенными сажею и покрытыми черной юфтью [15]. На потолке висели три великолепные хрустальные люстры, в одном углу залы стояли два турецких знамени и восемь бунчуков [16] и при них часовой, одетый испанцем с тромбоном, менявшийся чрез каждые два часа.

За залой шли три больших гостиных, все устланные богатыми персидскими коврами, с большими, в простенках окон, венецианскими зеркалами и с портретами, писанными масляными красками, которыми стены были увешаны от потолка почти до самого пола. В первой гостиной, по словам Жиркевича, висели картины актеров всех наций, во второй — графа и его родни, а в третьей — его крепостных актеров; вся мебель в этих комнатах была из карельской березы, покрытая шелковою материею. Во второй гостиной под портретами отца и брата лежали под стеклянными колпаками все их военные регалии; напротив этих портретов к стене стояли большие часы, купленные им у известного московского антрепренера Медокса за 8000 рублей, игравшие, когда часовая стрелка показывала 11 минут 3-го пополудни, «со святыми упокой» и в 4 часа тоже пополудни известный польский «Славься, славься, храбрый Росс». Первый бой обозначал, что в этот час найдено тело убитого фельдмаршала, а другой бой — момент рождения на свет самого графа.

После обеда граф водил своих гостей в первую гостиную, где был накрыт стол со всевозможными сладостями. Но едва било пять часов, граф покидал всех и отправлялся в свой театр, подготовляя сам все к спектаклю, который начинался в 6 с половиной часов.

Граф был строг только со своими артистами, которых и держал под караулом, как в карантине; с другими же своими крепостными людьми был добр и помогал им всем, как и нищим,

которым два раза в неделю подавал милостыню медными деньгами.

Граф Каменский имел более семи тысяч душ крестьян, но когда он умер, то буквально нечем было похоронить его; от огромного его состояния ничего не осталось, все оно пошло на театр. Все имения графа скупил генерал Красовский. Исторической усадьбой покойного графа теперь владеет Гр. Ал. Спечинский.

Рядом с роскошным домом фельдмаршала Каменского в Москве ютился небольшой дом приятельницы жены фельдмаршала, прапорщицы Катерины Ермолаевны Блудовой. Калитка из сада последней приходилась прямо в сад Каменских, так что хозяйке дома не нужно было делать для этого неизбежных в то время выездов и приятельницы видались каждый день; этикет того времени не дозволил бы жене фельдмаршала показаться пешком на улице, да и суровый фельдмаршал не позволил бы таких ежедневных свиданий.

Несмотря на неважный чин прапорщицы, род Блудовых считался одним из древнейших. По фамильным преданиям, Блудовы ведут род свой от Ивещея, в св. крещении Ионы Блудта, бывшего воеводою в Киеве в 981 году и умертвившего великого князя Ярополка [17]; впоследствии он кровию своею смыл преступление, служа верно великому князю Ярославу [18], и сложил голову в битве с королем польским Болеславом Храбрым [19].

Существует предание, что по дороге в Смоленск лежит известное пространство земли под названием «Ступня Феодора Блудова»; эта богатырская ступня чуть не покрыла всей Вязьмы. Местность эту московские князья за большие службы пожаловали предкам Блудовых. На этой ступне откармливал Блудов стада своих коней и на ней давал отпор полчищам польским и литовским. Долго владел этою землею Федор Блудов, да вдруг замирился князь Иван Васильевич с князем Александром Литовским и отдал ему со многими землями и «Ступню Федора Блудова». Заплакал горько Федор о своей ступне и молвил грозному московскому царю: «Кровь отцов моих залила ступню нашу на Вязьме, так не владеть ступнею моей литвину, не отдам моей крови, умру на ней...» И московский царь не отдал ступни Блудова литовцам. В Вязьме теперь про эту славную ступню уже не помнят и место это теперь — ровное поле! Мы не переходим от преданий к исторической генеалогии этого рода семьи Блудовых, которая принадлежала к коренному русскому дворянству, жила из рода в род в провинции, вдали от двора, близко к народу, знала его, помогала в беде и нуждах не по одному своекорыстному расчету, а по сочувствию к той среде, в которой постоянно находилась.

Блудова была родом Тишина, из новгородских дворян; красоты она была необыкновенной, а также и очень умная; овдовела она в очень молодых годах; муж ее, казанский помещик, умер очень молодым человеком, простудившись в отъезжем поле, — он был страстный псовый охотник, расстроивший свое состояние охотой и частию картежной игрой.

После него осталось двое детей — дочь и сын. Первая вышла замуж за костромского помещика Писемского, а второй впоследствии был государственный деятель граф Дмитрий Николаевич Блудов [20], состоявший на службе более шестидесяти лет. Мать Блудова очень любила своего сына и ничего не щадила для его образования; лучшие учителя, профессора университета давали ему уроки.

Память его поражала учителей, как впоследствии его знакомых; французским языком он владел как русским и, кроме того, знал немецкий, итальянский и отчасти древние языки; по-английски он выучился бывши уже советником посольства в Лондоне, без пособия учителя, при помощи лексиконов и романов Вальтера Скотта [21].

Страсть к театру была господствующею в нем в молодости. Он мог прочесть наизусть целые тирады, почти целые трагедии Озерова и Расина. Счастливая его память сохранила ему эту способность до глубокой старости. По бабке Блудов приходился двоюродным племянником Державину, по матери — двоюродным братом Озерову. Записанный дядей Державиным, подобно другим столбовым дворянам [22], чуть не с пеленок в Измайловский гвардейский полк, он в павловское время был уволен. Шестнадцати лет в 1800 году поступил он юнкером в Московский архив государственной Коллегии иностранных дел и через полгода был бла-

годаря необыкновенным способностям произведен в переводчики, а на другой год в коллежские асессоры.

В архиве Блудов сошелся и сблизился с братьями Андреем и Алекс. Тургеневыми[23], с Даковым, Вигелем; последний в своих записках о Блудове отзывается с каким-то увлечением, вовсе ему не свойственным. По его словам, Блудов своим блестящим умом сделал на него впечатление необыкновенное. Слушая его, он постоянно находился под магическим влиянием его слова. Впоследствии Блудов был в тесной дружбе с Карамзиным и Жуковским. С последним он сошелся с ранних лет; их свел его товарищ по службе Дашков, который с Жуковским воспитывался в благородном пансионе,—любовь к театру и поэзии связала его с Жуковским на всю жизнь.

Едва ли не первое стихотворное произведение Блудова, как говорит Е. Ковалевский, написано им общее с Жуковским; это песня «Объяснение портного в любви», и вот что послужило к ней поводом: между архивными товарищами Блудова был некто Л., сын портного; что этот Л. был влюблен, это вещь весьма обыкновенная, но он был влюбленный дикого свойства и сильно надоедал товарищам, и особенно Блудову, своею любовью. Вся песня состояла в применении разных предметов портняжеского мастерства к объяснению любви; тут были стихи вроде следующих:

Нагрето сердце, как утюг!

или

О ты, которая пришила
Меня к себе любви иглой,
Как самый крепкий шов двойной.

Кончалась песня словами:

Умрет несчастный твой портной.

По какому-то странному случаю песня эта, конечно не предназначенная для печати, попала в старинные песни, но еще страннее, что автором ее назван сам несчастный Л-у, осмеянный в ней.

Блудов имел большое влияние на Жуковского; он убедил его, как уверяет М. Дмитриев в своих «Мелочах», Грееву элегию «Сельское кладбище» перевесть не четырехстопными ямбами, а шестистопными.

Князь Вяземский рассказывает, что у графа Блудова была задорная собачонка, которая кидалась на каждого, кто входил в кабинет его. Когда, бывало, придешь к нему, первые минуты свидания, вместо обмена обычных приветствий, проходили в отступлении гостя на несколько шагов и. в беготне хозяина по комнате, чтобы отогнать и усмирить негостеприимную собачонку.

Поэт Жуковский не любил этих эволюций и уговаривал графа держать собачку на привязи. Как-то долго не видать было его. Блудов пишет ему записочку и пеняет за продолжительное отсутствие. Жуковский отвечает, что заказанное им платье еще не готово и что без этой одежды с принадлежностями он явиться не может. При письме собственноручный рисунок: Жуковский одет рыцарем в шишаке[24] и с забралом[25], весь в латах и с большим копьем в руке. Все это, чтобы защищать себя от нападений кусающегося врага.

Князь Вяземский говорит про Блудова, что он имел авторское дарование, но до сорока лет и долее не мог решиться ничего написать. Он же упоминает о нем: «Как в литературной сфере Блудов рожден не производителем, а критиком, так и в государственной он рожден для оппозиции». Слабая сторона его характера была раздражительность и вспыльчивость, в минуту гнева он никого не щадил, но, когда проходил гнев, он уже все забывал и с ласковою улыбкою спешил заговаривать с обруганным. Блудов считался остряком в свое время, и попасться к нему на язычок многие побаивались. Когда на место государственного секретаря Сперанского[26] был назначен Шишков, человек неглупый и почтенный, но вовсе по ленности не способный ни к каким делам, движимый теплым чувством любви к отечеству, он написал несколько манифестов; лучшим из них было известие о потере Москвы. Блудов сказал, что для возбуждения красноречия должно было сгореть Москве.

Когда вышло первое иллюстрированное издание новых басен Крылова, Блудов говорил, что басни вышли «с свиньею и с виньетками». Строгий и несколько изысканный вкус Блудова не допускал появления хавроньи в поэзии.

Когда граф Хвостов[27] в своих стихах сказал: «Суворов мне родня, и я стихи плету», Блудов заметил: «Полная биография в нескольких словах; тут в одном стихе все, чем он гордиться может и стыдиться должен». Когда Шатобри-

ан[28] про друга Блудова, Александра Тургенева, написал: «Граф Тургенев, бывший министр народного просвещения в России, человек всякого рода познаний», Блудов, прочитав эти строки, сказал: «Угораздился же Шатобриан выразить в нескольких словах три неправды и три нелепости: Тургенев не граф, не бывал никогда министром просвещения и далеко не всеведущ».

В Арзамасском ученом обществе, в этом обществе, посвященном шуткам и пародиям, Блудов носил прозвище «Кассандры»[29]. Блудова и Жуковского можно назвать основателями этого общества; кроме них здесь были все передовые люди того времени. Поводом к основанию общества арзамасцев послужила статья Блудова «Видение в Арзамасе, издание общества ученых людей». Также дал мысль об Арзамасе Блудову еще и следующий случай.

В то время отправлялся в Арзамас воспитанник петербургской академии живописец Ступин, с тем чтобы основать там школу живописи. По поводу этого трунили над Ступиным, говоря, что он хочет грубую арзамасскую живопись возвести в искусство и образовать академию. Это и повело к шуточному названию общества — «Арзамасская академия» и Арзамасское ученое общество. В уставе этого общества, написанном в шуточном тоне Блудовым и Жуковским, между прочим, сказано было: «По примеру всех других обществ каждому нововступившему члену «Арзамаса» надлежало было читать похвальную речь своему покойному предшественнику, но все члены нового «Арзамаса» бессмертны, и так за неимением собственных готовых покойников новоарзамасцы положили брать напрокат покойников между халдеями[30] «Беседы» и «Академии».

Протоколы составлялись Блудовым и большею частью Жуковским; последний имел необыкновенную способность противопоставлять самые разнородные слова, рифмы и целые фразы одни другим таким образом, что речь его, по-видимому правильная и плавная, составляла совершенную бессмыслицу и самую забавную галиматью. Карамзин об арзамасцах писал из Петербурга к своей жене: «Здесь из мужчин всех для меня любезнее арзамасцы: вот истинная русская академия, составленная из людей умных и с талантом! Жаль, что они все в Москве, а не в Арзамасе». В следующем письме: «Сказать правду, здесь не знаю я ничего умнее арзамасцев, с ними бы жить и умереть».

Члены этого общества были молодые интеллигентные люди, богатые надеждами, но не карманом. За исключением двух, трех это все были бедняки. Блудов и Жуковский, как говорит графиня А. Д. Блудова в своих воспоминаниях, часто под конец месяца, когда их финансы приходили к концу, хлебали одни щи, которые варил себе Гаврила, слуга и дядька Блудова.

Собрания арзамасцев бывали большею частью у Блудова и Уварова[31]; в начале вечера читалось какое-нибудь серьезное сочинение; разбиралось, критиковалось и затем предлагался веселый ужин, на котором арзамасский гусь и веселые куплеты, эпиграммы, а за неимением их обычная кантата Дашкова, петая всеми вместе, составляли обычную неизбежную принадлежность ужина.

Из нескольких эпиграмм, написанных Блудовым, вот одна:

Хотите ль, господа, между певцами
Узнать Карамзина отъявленных врагов!
Вот комик Шаховской с плачевными стихами
И вот бледнеющий над рифмами Шишков:
Они умом равны: обоих зависть мучит;
Но одного сушит она, другого пучит.

Шишков был худ; Шаховской толст и неповоротлив.

Воейков, описывая многих арзамасцев в своем «Парнасском адрес-календаре», про Блудова говорит: «Д. Н. Блудов, государственный секретарь, бог Вкуса, при отделении хороших сочинений от бессмысленных и клеймении сих последних печатью отвержения, находится на теплых водах для излечения от простудной лихорадки, которую получил он на Липецких водах» (намек на комедию Шаховского).

«Липецкие воды» Шаховского в свое время наделали много толков в литературных кружках. Князь в этой комедии осмеял Жуковского, хотя и невпопад; этим он раздражил всех почитателей Жуковского и Карамзина и лучших литераторов того времени. В печати явилось много эпиграмм и пародий на Шаховского и помещено было письмо с Липецких вод, в котором под видом посетителей вод были выведены все действующие лица из комедии князя Шаховского.

Даже приемы в члены Арзамасского общества одно время не обходились без намеков на литературные труды князя Шаховского. Так, во время приема Вас. Льв. Пушкина в члены общества его в одной из приемных комнат С. С. Уварова положили на диван и навалили на него шубы всех прочих членов.

Это намекало на шутливую поэму князя Шаховского «Восхищенные шубы» и значило, что новопринимаемый должен вытерпеть, как первое испытание, «шубное прение», т. е. «преть» под этими «шубами». Второе испытание состояло в том, что, лежа под ними, он должен был выслушать чтение целой французской трагедии какого-то француза, петербургского автора, которую и читал сам автор.

Потом с завязанными глазами водили его с лестницы на лестницу и приводили в комнату, которая была перед самым кабинетом. Кабинет, в котором было заседание и где были собраны члены, был ярко освещен, а эта комната оставалась темною и отделялась от него аркою с оранжевою огневою занавескою. Здесь развязывали ему глаза — и ему представлялось посредине чучело, огромное, безобразное, висевшее на вешалке для платья, покрытое простынею.

В. Л. Пушкину объяснили, что это чудовище означает дурной вкус; подали ему лук и стрелы и велели поразить чудовище. Пушкин, как мы выше говорили, был человек очень тучный, с большим подбородком, подагрик и вечно страдающий одышкой; он натянул лук, пустил стрелу и упал, потому что за простыней был скрыт мальчик, который в ту же минуту выстрелил из пистолета холостым зарядом и повалил чучело! Потом Пушкина ввели за занавеску и дали ему в руку эмблему «Арзамаса», мерзлого арзамасского гуся, которого он должен был держать в руках во все время, пока ему говорили длинную приветственную речь.

Наконец, ему поднесли серебряную лохань и рукомойник умыть руки и лицо, объясняя, что это прообразует «Липецкие воды, комедию князя Шаховского». Общий титул членов Арзамасского общества был «их превосходительства гении Арзамаса». Этот Пушкин носил в обществе кличку «Вот». Случилось однажды, что он, отправляясь из Москвы, написал эпиграмму на станционного смотрителя, а его жене мадригал [32]. И то, и другое он прислал в общество, общество нашло стихи плохими, и Пушкин был разжалован из имени «Вот» в «Вотрушку»! Пушкин очень этим огорчился и прислал другое стихотворение, начинавшееся так:

Что делать! Видно, мне кибитка не Парнас!
Но строг, несправедлив ученый Арзамас!
Я оскорбил ваш слух; вы оскорбили друга! и проч.

Общество по рассмотрении послание нашло хорошим, и Пушкину было возвращено прежнее «Вот» и с прибавлением «я вас», т. е. «Вот я вас» — Виргилиево «Quos ego» (*лат.*). В. Л. Пушкин был от этого в восхищении.

Так забавлялись в старые годы люди в больших чинах, в важных должностях и не молодые. Никто в то время не считал предосудительным быть веселым и шутливым.

С отъездом графа Блудова в 1818 году советником посольства в Лондон общество совсем перестало собираться, и только изредка члены его подписывались своими шутливыми именами в письмах друг к другу или под своими литературными статьями.

Мы здесь не касаемся государственной деятельности графа Блудова и не перечисляем всех важных должностей, которые он занимал в течение своей многолетней службы.

У графа Блудова было трое детей: старшая дочь, камер-фрейлина графиня Антуанетта Дмитриевна, известная всему Петербургу своею набожностью, благотворительностью и ярым славянофильством (графиня написала воспоминания, частию уже напечатанные); граф Вадим и граф Андрей, долго бывший посланником. Граф Блудов-отец скончался 19-го февраля 1864 года.

ГЛАВА XVIII

Кузнецкий мост. — Прежний «Неглинный верх». — Церковь Флора и Лавра. — Граф Ив. Лар. Воронцов. — Первые лавочки на Кузнецком мосту. — История моста. — Штаты шутов, карликов и проч. — Род Воронцовых-Дашковых. — Помещица Бекетова. — Платон Петрович Бекетов. — Его книжная лавка, типография и издательская деятельность. — Дача Бекетова. — Дом ближнего боярина Мусина-Пушкина. — Граф Платон, ссылка его в Соловецкий монастырь. — Его страшная тюрьма. — Граф Валентин Мусин-Пушкин. — Сын графа, один из первых богачей своего времени. — Графы Брюсы. — Арбат. — Многочисленные ремесленники двора тишайшего царя. — Цена хлеба в XVII веке. — Курьи ножки. — Арбатские ворота. — Церковь Бориса и Глеба. — Церковь Николы Явленного

Самый излюбленный и модный пункт Москвы, Кузнецкий мост, древний народ московский звал Неглинным верхом. С него, прощаясь с Москвою и ее златоглавым Кремлем, в последний раз сматривал путник, отправляясь в дальние лесные пути, в Кострому, в Вологду.

Позднее Неглинный верх стал у москвичей прозываться Кузнецкой горой; здесь, по преданию, ютился длинный ряд кузниц и убогих изб кузнецов, с их задворками, огородами и т. д.

Гора красою не обладала, вся краса этой горы заключалась только в монастырях: Рождественском, Девичьем и в убогом Варсанофьевском [1], памятном многими минувшими делами, и в том числе вторичным погребением «страдальцев» Годуновых.

Там было опальное кладбище. Здесь некоторое время покоился прах Бориса Годунова. Тело Годунова, которое сперва было погребено с почестью в Архангельском соборе, где стоят теперь в южном приделе три гробницы: царя Иоанна Грозного, сыновей его: царя Феодора и царевича Иоанна [2], умершего от руки отца в 1562 году.

Борис Годунов был положен близ друга и благодетеля своего Феодора Иоанновича; его тело Лжедмитрием было вырыто в 1606 году из собора и выброшено сквозь нарочно сделанное отверстие, которого следы видны и теперь в Предтеченской церкви, пристроенной к юго-востоку собора.

По сказанию современников самозванца, мощи св. царевича Дмитрия, тотчас по перенесении их из Углича, хотели положить на том самом месте, где была могила Годунова, для чего даже была выкопана яма и выложена камнем; но после происшедших чудес они оставлены снаружи и яма заложена.

По словам тех же современников, тело Бориса Годунова, а также и тела жены и сына его Феодора отвезены были без всяких почестей в один из убогих Варсанофьевских монастырей и без молитвы и последних напутствий зарыты в землю.

Труп и самого преемника Годуновых, Лжедмитрия, впоследствии обнаженный, обруганный, отвезен был тоже в Убогий дом, где теперь Покровский монастырь [3], в Москве. По преданию, обезображенный труп московского лжецаря везли в навозной телеге, конные стрельцы и толпа народа провожали его с проклятиями и ругательствами.

Телега с трупом не прошла в ворота Убогого дома; мертвеца стащили с телеги и бросили в яму, где хоронили воров, разбойников, казненных, замученных в застенках и умерших в опале.

В то время, когда везли самозванца, стояла ужасная буря, несмотря на то, что это было в мае месяце (1606 г.). Такая же буря была и в день встречи самозванца в Кремле.

В течение семи дней, пока труп самозванца лежал в Убогом доме, стояли такие морозы, что поля покрылись

снегом и сады все вымерзли. Народное суеверие приписало все это волшебству самозванца, ропот в народе был страшный, и власти присудили труп Лжедмитрия отвезти в подмосковное село Котлы [4], там сжечь его и пеплом выстрелить из пушки в ту сторону, откуда пришел самозванец.

Возвращаемся опять к Кузнецкому мосту. Как бы в противоположность монастырям Девичьему, Варсанофьевскому и Рождественскому стояла в Кузнечном приходе несуществующая теперь церковь Флора и Лавра *, близ нее грозно высился с своими башнями двор Пушечный; на этот двор езжали смотреть цари, как лились их пушки.

Таков был Кузнецкий мост в древности, при благоверных царях.

Своей красотой и постройками Кузнецкий мост обязан поселившемуся здесь русскому боярину графу Ивану Ларионовичу Воронцову [5]; тогда кузнецы здесь замолкли и вся Кузнецкая слобода поступила в его же власть.

Граф на Кузнецкой горе сразу построил шесть каменных домов, на воротах которых в екатерининское время значились №№ 403, 414, 415, 416, 480 и 481. Воронцов при своих домах разбил английские и французские сады, накопал пруды, поставил оранжереи и прочие усадебные постройки; за графом потянулись и другие бояре, жившие тогда на Москве, и к домам Воронцова быстро выстроились дома: Бибиковых, Боборыкиных, князей Барятинских, графа Бутурлина, Волынского, пять домов князей Голицыных, четыре дома князей Долгоруких и еще многих других.

Незаметно вскоре в боярских домах открылись две немецкие лавочки с разными уборами и туалетными принадлежностями, к которым вскоре примкнул ряд еврейских лавочек, но их вскоре выселили из этой местности.

Впоследствии, уже во время французской революции, здесь открылось и несколько французских модных лавок с разным заграничным товаром. Теперь говорят: «Ехать на Кузнецкий мост покупать товары», а в екатерининские времена говорили: «Ехать во французские лавки».

Кузнецкий мост теперь самый аристократический пункт Москвы; здесь с утра и до вечера снуют пешеходы и экипажи, здесь лучшие иностранные магазины и книжные лавки. Еще в нынешнем столетии на Кузнецком мосту происходили веселые эпизоды карательного полицейского правосудия — и в такие часы сюда стекались толпы народа, чтобы посмотреть, как нарядные барышни в шляпах и шелковых платьях и франты в Циммерманах на головах с метлами в руках мели тротуары — такими полицейскими исправительными мерами в то время наказывали нарушителей и нарушительниц общественного благочиния, а также и поклонников алкоголя.

На Кузнецком мосту в старину действительно существовал мост деревянный, но в царствование Елисаветы Петровны был выстроен каменный, «под смотрением архитектуры гезеля Семена Яковлева»; мост этот, по словам старожилов, был преплохой, его сломали гораздо позже нашествия французов.

В старину в Москве и все мосты были деревянные, из плотов, которые в весеннее и осеннее время при большой воде разметывались и разбирались. Первый в Москве каменный мост на Москве-реке был начат при царе Михаиле Феодоровиче. В его царствование в 1643 году был вызван из Страсбурга палатный мастер Анце Яковсен, по прозванию Яган Кристлер, с дядею своим Иваном Яковлевым Кристлером, для постройки чрез Москву-реку каменного неподвижного моста.

Строение моста продолжалось более сорока лет и окончилось в 1687 году, когда, как мы уже выше говорили, любимец царевны Софьи князь Василий Васильевич Голицын украшал Москву многими памятниками зодчества. Постройку, по преданию, окончил какой-то неизвестный монах [6]. Сооружение моста обошлось правительству чрезвычайно дорого, так что после этого народная мудрость ввела поговорку — «дороже каменного моста».

Что же касается до первых каменных домов или палат в Москве, то первую такую поставил себе в 1449 году митрополит Иона; примеру его последо-

* Другая такая церковь св. Нила Столбенского, разобранная после 1812 г., стояла в том месте, где теперь дом Солодовникова.

вали в 1470 году гость (купец) Таракан и в 1485 боярин Василий Образец и голова Владимиров. В старину в Москве при великих князьях дворы были до того огромные, что делились как уделы и даже два князя владели одним двором.

Велики были и дворы архиерейские и монастырские подворья в столице. Кругом дворы огораживались забором, иногда острым тыном [7], или заметом, иные делали каменные или кирпичные ограды, иногда там, где на дворе вся постройка была деревянная. на десять лет, а тем, которые не имели средств сооружать каменные постройки, приказано делать вокруг дворов, по крайней мере, каменные ограды.

Форма деревянных домов в старину была четвероугольная; особенность русского двора была та, что дома строились рядом с воротами, а посредине от главных ворот пролегала к жилью дорога. Вместо того чтобы строить большой дом или делать к нему пристройки, на дворе сооружали несколько жилых строений, которые носили название хором, постройки были жилые, служебные

Торговая лавка в Москва в XVII столетии. С гравюры того времени (из «Путешествия Олеария»)

Кузнецкий мост в Москве. С литографии, сделанной с рисунка с натуры Деруа

В ограду вело двое и трое, иногда и более ворот, и между ними одни были главные, имевшие у русских некоторого рода символическое значение; они украшались с особенною заботливостью и делались иногда в виде отдельного проездного строения.

У самых ворот строилась караульная избушка, называемая воротнею. При царе Алексее Михайловиче в 1681 году приказано было в Кремле, в Китай-городе и Белом городе строить исключительно одни каменные строения и для этого выдавали из приказа Большого дворца хозяевам на постройку кирпич по полтора рубля за тысячу, с рассрочкою или кладовые, носили наименование: избы, горницы, повалуши, сенника.

Изба было общее название жилого строения. Горница, как показывает самое слово, было строение горное, или верхнее, надстроенное над нижним, обыкновенно парадное, чистое, светлое, служившее для приема гостей; повалуши в старину служили для хранения вещей; сенником называлась комната холодная, часто надстроенная над конюшнями и амбарами; служила она летним покоем, необходимым во время свадебных обрядов.

В зажиточных домах окна делались большие и малые; первые назывались

красными, а в каменных зданиях они были меньше, чем в деревянных. Изнутри окна заслонялись втулками, обитыми красными материями, а с наружной стороны закрывались на ночь железными ставнями, особенно в каменных домах; вместо стекол употребляли чаще слюду; стекла исключительно доставлялись из-за границы и для окон преимущественно употреблялись цветные.

Внутреннее расположение боярского дома старого времени, как и убранство горниц, было крайне неприхотливое; все стены, кроме капитальных, ру-

бились деревянные, мебель самая простая: широкие лавки по стенам, постланные у богатых азиатскими коврами, большой дубовый стол, такие же передвижные скамьи, поставец с посудою, кровать с пологом, наконец, выложенная затейливыми изразцами печь с лежанкою, топившаяся из сеней и развалисто выдвигавшаяся на первый план горницы; ни зеркала, ни картины не украшали горниц до половины XVII века; первые зеркала явились в Москве у боярина Артамона Сергеевича Матвеева в 1665 году; картины гравированные и живописные явились тоже в тех же годах.

Признаком довольства дома почиталось обилие пуховиков и подушек. Богатством дома также была и божница, или киота, с образами, в богатых окладах, с жемчугами и драгоценными каменьями. В старину боярин любил щегольнуть богатством одежд; дорогие одежды означали первостепенных царских вельмож.

Аристократ того времени отличался также множеством челядинцев в доме, также обилием кушаньев и богатством своего погреба, обильными ставлеными крепкими медами. У богатого боярина дом всегда был полон бедных дворян, «знакомцев»; если такой боярин выезжал куда-нибудь в гости, то и знакомцы за ним следовали. Домашний штат имел еще сказочника, шута или дурака и затем непременно карлика, который прислуживал ему. Подобные миниатюрные прислужники были даже и у архиереев; так, на картине в Новом Иерусалиме, писанной по приказу царя и изображающей во весь рост патриарха Никона, окруженного современниками, уцелел для потомства карлакелейник этого иерарха.

К числу домочадцев богатого боярина принадлежал и священник домовой его

церкви или, где ее не было, живший по договору для пения в самом доме всех церковных * служб, кроме обедни. Наконец на дворе, в прихожих и лакейских, всегда ютилось много странников, калек, юродивых и других людей, кормившихся от боярской трапезы.

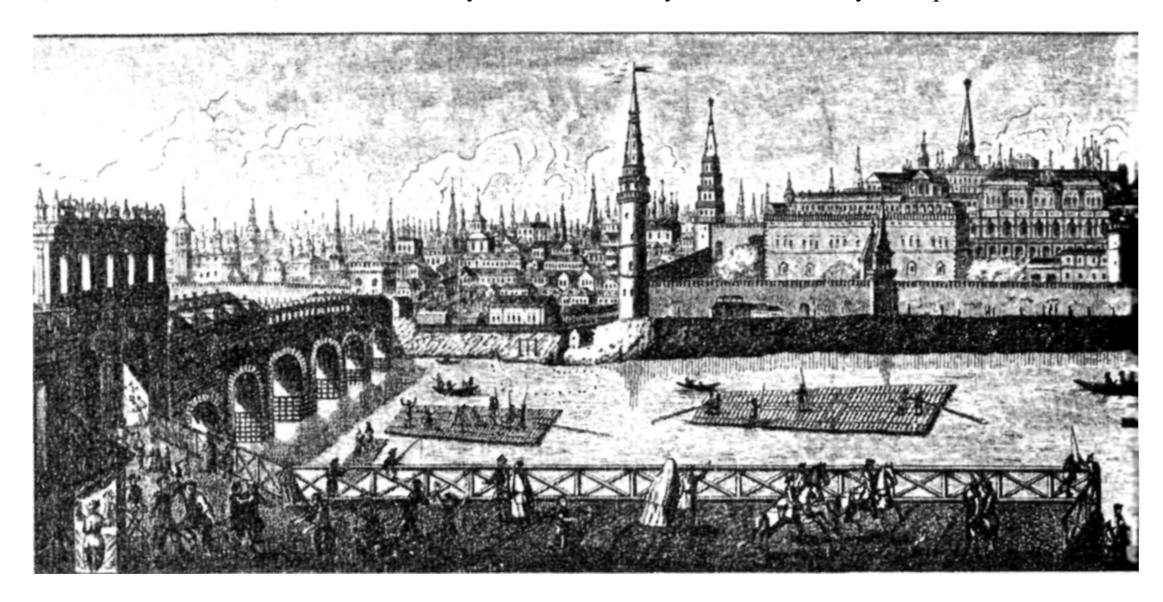
Несмотря на то что такой образ жизни был уничтожен Петром I, но он все-таки, с маленькими изменениями, существовал еще в допожарную эпоху.

Батюшков [8], посетивший Москву в 1812 году, говорит про одного из бар, что, войдя в дом его, можно было увидать в прихожей слуг, оборванных, грубых и пьяных, которые от утра до ночи играли в карты.

Комнаты этого барина были без обоев, стулья без подушек, на одной стене большие портреты, в рост, царей русских, а напротив — Юдифь, держащая окровавленную голову Олоферна над большим серебряным блюдом, и обнаженная Клеопатра [9] с большой ехидной на груди — чудесные произведения кисти домашнего маляра. В час обеда на столе стояли щи, каша в горшках, грибы и бутылки с квасом. Сам хозяин сидел в тулупе, хозяйка в салопе; по правую сторону приходский поп, приходский учитель и шут, а по левую — толпа детей, старуха-нянька, мадам и гувернер из немцев. Большой двор этого барина тоже не отличался чистотой и весь был завален сором и дровами, позади был огород с капустой, редькой и репой, как водилось еще при дедах.

Но не так уже жил в то время бывший царедворец Елисаветы или Екатерины II; в доме такого вельможи было сборное место русского дворянства. Большие залы в большом здании такого барина вмещали по нескольку сот гостей, начиная от вельможи до мелкопоместного дворянина. Праздники и пиршества тянулись по неделям.

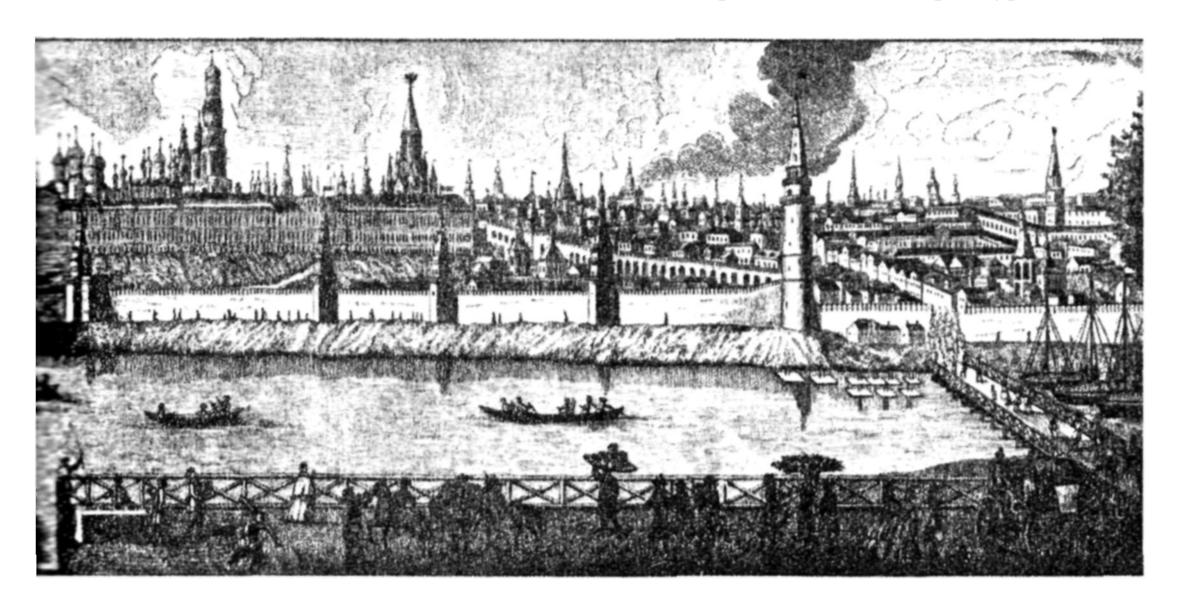
К таким богатым домам в Москве принадлежал и дом младшего из братьев Михаила и Романа Воронцовых, графа Ивана Илларионовича (1709—1789 гг.), бывшего уже к 1760 году генерал-лейте-

Вид Кремля из Замоскворечья между Каменным и Живым мостами к полудню. С гравюры Махаева 1764 г.

нантом, а в царствование Екатерины II находившегося в отставке и жившего то в Москве, то в тамбовском своем имении.

И. Ил. Воронцов был женат на дочери известного по своей несчастной судьбе кабинет-министра Волынского; этот брак не увеличил состояния младшего из Воронцовых, человека строгой честности и чуждого всякой сомнительной наживы. Впоследствии, однако, происшедшая от Ивана Илларионовича младшая отрасль графов Воронцовых приобрела весьма значительное состояние благодаря своему родству с князьями Дашковыми по знаменитой Екатерине Романовне Дашковой, вышедшей замуж за князя Михаила-Кондратия Ивановича Дашкова.

Князья Дашковы *, из Рюриковичей, не были знатны, имя их не встречается в русской истории, и оно получило известность только через княгиню Екатерину Романовну, но, живя скромно, они копили все более и более, причем накопленное ими не дробилось между размножавшимися наследниками.

Напротив, даже к исходу XVIII века все богатство князей Дашковых сосредоточилось в руках одного владельца, бывшего последним в их роде. Перед смертью князь Дашков завещал все свое имение внучатному брату своему графу Ивану Илларионовичу Воронцову, получившему в 1807 году от императора Александра I дозволение именоваться потомственно графом Воронцовым-Дашковым.

По свидетельству современников, сын Ивана Воронцова граф Ларион Иванович отличался не старинным, но новым «дивным хлебосольством». Бывало, спросишь любого московского дворянина:

— К кому ты нынче?

— К его сиятельству графу Лариону Ивановичу — там у него и «ломбер», и «шнип-шнар-шнур» **, и накормят, и напоят досыта; там у него и всякая новость: чего душа хочет!

Простонародье звало его «боярином в боярах».

— Этот боярин не как другие, — говорил московский обыватель, — сплетней не плел, старух не слушал, все видел сам, все изведывал своею особою, а не через дворецких.

Такая шла про него слава. После смерти Воронцова сын его, Иван Ларионович, переехал в приход Ризположения на Большую Калужскую улицу, а дом его купила богатая помещица Бекетова и зажила в нем тихо на половине своего пасынка Платона Петровича Бекетова, известного мецената и литератора того времени.

В одном из флигелей своего большого дома последний завел типографию,

---

* См. Карновича — «Замечательные богатства частных лиц».

** «Ломбер» и «шнип-шнар-шнур» — модные в екатерининское время карточные игры.

лучшую в то время в Москве, а в другом его флигеле, между чепцами и шляпками, открылась его книжная лавка — сборный пункт всех московских писателей того времени.

До Бекетова никто не издавал с таким тщанием книг. В 1811 году он напечатал маленькое прекрасное издание на веленевой бумаге «Душеньки» Богдановича, которое до выпуска в продажу почти все погибло во время нашествия французов, уцелело только всего одиннадцать экземпляров.

Бекетов в 1803 году печатал на свой счет журнал «Друг просвещения», памятный только тем, что в нем архиепископ Евгений начал печатать «Словарь светских писателей».

В типографии же Бекетова была напечатана в весьма небольшом количестве экземпляров книга «Путешествие NN в Париж и Лондон, писанное за три дня до путешествия». К этой книге была приложена виньетка, на которой изображен Вас. Льв. Пушкин, очень похожий. Он представлен слушающим Тальму [10], который дает ему урок в декламации. Шутка эта написана стихами И. И. Дмитриевым еще в начале 1803 года. Вас. Льв. Пушкин, как мы уже говорили, очень любил читать свои стихи, «хоть слушай, хоть не слушай их», как говорит И. И. Дмитриев в этой книге. Пушкин был большой библиофил; у него была роскошная библиотека, сгоревшая в Москве в 1812 году. Потом он собрал другую, но не столь уже замечательную. В числе книг, изданных Бекетовым, замечательно еще «Описание в лицах торжества, происходившего в 1626 году, февраля 5, при бракосочетании государя, царя и великого князя Михаила Феодоровича с государынею царицею Евдокиею Лукьяновною из рода Стрешневых» 1810 года. Особенно известен его «Пантеон российских государей», три тома с гравюрами. Граф Ростопчин у Бекетова напечатал свои «Мысли вслух на Красном крыльце» и т. д. Семья Бекетовых принадлежала к одной из аристократических в Москве — сестра его была замужем за Дмитриевым, сын которой, Ив. Ив. Дмитриев, был министром и поэтом; одна из дочерей Бекетова была

Вид Каменного моста
и его окружностей
в конце XVIII в.
С гравюры Делабарта
1796 г.

замужем за Балашевым, который был долгое время обер-полициймейстером в обеих столицах и министром полиции.

В тридцатых годах нынешнего столетия все диковины домов, бывших Воронцова, не существовали — пруды и фонтаны давно там иссякли.

В одном из главных домов помещалась Медико-хирургическая академия [11], и в помещении, где была типография Бекетова, стояли в анатомическом кабинете, страшно оскалив зубы, человеческие скелеты.

По Старой Калужской, или Серпуховской, дороге, в нескольких верстах от Москвы, была дача этого же Бекетова: это был препоэтический уголок, никому не доступный, обнесенный сплошным тыном, орошаемый с одной стороны небольшою речкою, с другой — защищенный оврагом.

Как заколдованная, стояла дача между распутий, и только по седым ветлам, видным издали, догадывался об ее существовании проезжий. Два крутых холма, расступясь, дали место даче, поднимающейся из долины в гору. С соседнего холма виднелось ровное зеркало пруда в зелени.

Вдоль изгороди шла дорога, которая доходила до деревянных ворот с будкою сторожа. Широкая, прямая дорога вела к подъезду под одно крыло полукруглого дома. Она была огорожена некогда стрижеными шпалерами акаций. Перед задним фасадом дома — луг с добрую версту, опушенный парком из берез, лип, кленов, сосен, кедров, ели, лиственницы, тополей и ясеней, расположенных группами в перспективе, на которой ничто не останавливает взора.

Дом, стоя на холме, разделял дачу пополам: спереди тоже луг, под лугом зеркальный пруд; рощи, понижаясь кругом, давали вид вдаль на реку; еще далее виднелся Симонов монастырь, как на картинке.

«Все местоположение, — по словам современника, — гористое, нет ста шагов ровных; вьются дорожки в чаще леса, по окраине лугов, наводя на живописные виды; там — курган, тут — пруд, долина, чаща, кривое дерево, обрыв к речке и т. д. Гуляя по парку, думаешь быть далеко, а всего три версты за заставою. Дом очень старой архитектуры, комнат немного, но прекрасных. Зала, библиотека и столовая с мраморными каминами и колоннами, расписанными Скотти. Из библиотеки комната, канареечная, усыпанная песком, усаженная деревьями, где были сотни птиц. Из нее вход в оранжерею, бывшую единственною после Горенской. Там не стояло кадок, горшков; все растения сидели в грунту, между ними вились дорожки, и посетитель гулял, как на воздухе, между огромными музами, пальмами; над водоемом стлались водяные растения; стены скрывал плющ, виноград; камелии росли кустами, магнолии — деревьями. Из второго этажа на луг идет сход без ступеней, обложенный дикими каменьями и заросший кругом деревьями».

Такова была дача еще до тридцатых годов; в пятидесятых же, отворив дверь из дома в оранжерею, вы натыкались на кучу мусора. Дача тогда продавалась под кирпичные заводы, и кедры уже были намечены на топливо, в залах с колоннами предполагалось наставить ткацких станков для выделки нанки, в пруде — мочка миткаля, набойки и т. д. Прошли и эти времена, и не осталось уже и ничего от парка, превращенного в трехчетвертные сажени дров. На лугу также уже не растет и картофель.

На Арбате, в приходе Бориса и Глеба, в петровские еще времена стояли богатые каменные палаты ближнего боярина царя Алексея Михайловича Ивана Алексеевича Мусина-Пушкина [12], бывшего при Петре главным начальником Монастырского приказа, управляющим петербургской типографией и сенатором.

Мусин-Пушкин обладал большим умом и находился в большой милости при дворе. Семейное предание в роду Мусиных-Пушкиных объясняет эту милость родственными отношениями тишайшего царя к жене Ивана Алексеевича.

По этому преданию, старший сын Пушкина [13] Платон был сыном царя Алексея. П. Ф. Карабанов по поводу этого рассказывает, что Пушкин добровольно уступил свою супругу царю. И царь, утешась и любя этого Платона, иначе не называл его, как «мой сын Пушкин». Он был замечательно похож на Петра. За это сходство Петр Великий сильно благоволил к нему и любил называть его своим братом.

Род Мусиных-Пушкиных один из древнейших русских боярских родов, известный еще в двенадцатом веке. Им-

ператор Петр произвел Ивана Мусина-Пушкина в действительные тайные советники и пожаловал его первым русским графом.

Старший сын его Платон воспитывался за границей и, возвратясь в 1714 году из Парижа, хотел жениться на дочери князя М. П. Гагарина; но молодая княжна не пошла за него и предпочла идти лучше в монастырь. Вскоре Петр отправил его опять за границу для обучения дипломатической части; сперва он был послан в Голландию к князю Б. И. Куракину [14]. Государь снабдил Мусина-Пушкина рекомендательным письмом следующего содержания: «Господин подполковник! Посылаем мы к вам для обучения политических дел племянника нашего Платона, которого вам яко свойственнику свойственника рекомендую. Петр».

Спустя три года он уже является уполномоченным при датском короле и после посылается в Париж для переговоров. Но недолго продолжалось дипломатическое служение графа Платона: престарелый его отец упросил императора вызвать его в Москву — у старика он был тогда один сын — два другие уже не были в живых; один утонул, купаясь в Москве-реке; другой умер 17-ти лет.

Прибыв в Москву, он был назначен присутствовать в московской конторе правительствующего Сената и произведен в статские советники. При вступлении императрицы Анны на престол граф Платон был назначен смоленским губернатором, вскоре переведен в Казань и оттуда в Эстляндию, и затем ему велено быть президентом коммерц-коллегии и сенатором.

Возвышением своим в это царствование он был обязан своему другу Артемию Волынскому, тогда сильному кабинет-министру императрицы. Но эта дружба и приязнь впоследствии навлекли на графа большое несчастие. 14-го февраля 1740 года он был пожалован орденом св. Александра Невского, а 27-го июня по доносу герцога Бирона лишен чинов, орденов и с отрезанием языка сослан в Соловецкий монастырь за дерзкие будто бы слова против государыни. А его богатые вотчины и многие тысячи душ крестьян отписаны в казну; из одного богатого его московского дома на Арбате взято множество драгоценных каменьев и золотых вещей и одного серебра несколько десятков пудов. Самый же дом отдан жене его с детьми. Помимо этого дома у графа было несколько домов и в Петербурге: так, один его дом на Мойке отличался богатою мебелью, фарфоровыми вещами, попугаями и другими предметами роскоши; дом этот достался князю Н. Ю. Трубецкому, с частью близ лежащего места. Другой его дом, тоже каменный, между набережной и Немецкою линиею, приписан к дворцу для помещения дворцовых служителей. Третий его дом, на Васильевском острове, тоже взят в казну; дача между Петергофом и Стрельною отдана в вечное владение фельдмаршалу Миниху, а Клопицкая мыза в Копорском уезде — генералу Густаву Бирону, брату временщика.

Публичная казнь над Мусиным-Пушкиным происходила на Сытном рынке 27-го июля, в восьмом часу утра; он был выведен вместе с Волынским и другими на площадь, где было прочитано объявление о смертной казни и помилование; язык ему был урезан еще в казарме. Граф Платон был сослан в Соловецкий монастырь и посажен в так называемой Головленковой тюрьме, которая устроена внутри стены, сделанной из дикого камня за линиею монастырских келий, в четырех саженях от озера.

Вход в нее был со стороны монастырской через деревянный, в виде полукружия, острог; двое дверей, каждая на замке, вели во внутренность казармы, где стоял часовой при свете ночника с тюленьим жиром и мог согревать себя возле печи; далее с обеих сторон казармы находилось по одной колодничьей тюрьме в шесть аршин длиною, без печей и без свету, запираемых двумя дверьми с железными засовами. В одной из них сидел лет четырнадцать какой-то писарь Патока, а потом около года князь Мещерский, который зимою согревал себя единственно шубами и которого вывели в другое место, чтобы дать место Мусину-Пушкину.

В сентябре месяце посылали к нему гвардии подпоручика Вындомского допросить его о некоторых пожитках, векселях и т. п. Вындомский нашел его в твердой памяти, однако ж больного, страждущего кровохарканьем. 28-го октября Бирон смягчил его участь, дав именем императора указ освободить его и отправить на житье в дальнюю деревню его жены. Он поехал в Симбирский уезд.

Императрица Елисавета Петровна повелела вину ему отпустить, прикрыв его знаменем и отдав ему шпагу, но быть ему в отставке, а к делам его не определять.

Карабанов рассказывает, что когда по смерти графа жена его просила канцлера Бестужева-Рюмина исходатайствовать возвращение отписанного в казну большого имения, по сиротству детей, на воспитание, то канцлер сказал, что он сомневается, чтобы императрица Елисавета Петровна на все без изъятия согласилась, прибавя: «Вы сделайте-де записку лучшим деревням». В поданной записке означены были лучшие волости и более трех тысяч душ. Что ж последовало? Вместо покровительства несчастным канцлер убедил императрицу все сие пожаловать ему в собственность. Екатерине II по восшествии на престол пришлось подписать указ, чтобы оставшееся в казне Пушкиных описанное имение возвратить им сполна.

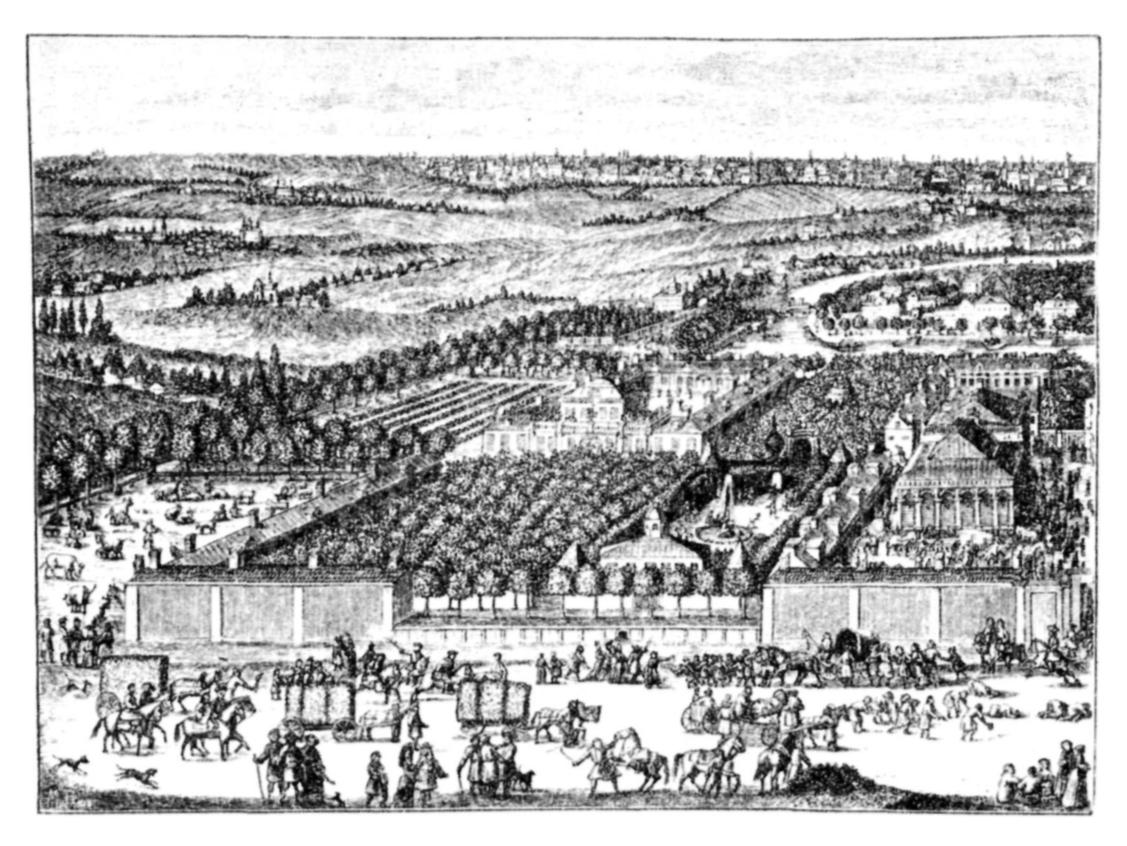

Арестанты при полиции, метущие улицу. С литографии начала XIX столетия

Хотя государыня и подписала указ о возвращении детям графа Платона Ивановича его имений, остававшихся еще в казне, но едва ли много оставалось их в ту пору, когда производилась такая щедрая раздача деревень.

Сын графа Платона Валентин Платонович в день коронования Екатерины II произведен в камер-юнкеры, до этого времени он служил секунд-ротмистром конной гвардии. По рассказам современников, этот вельможа отличался необыкновенно добрым сердцем, был очень ласков и обходителен со всеми, правил был самых честнейших, собой красавец, высокого роста и, как говорит Бантыш-Каменский, в молодых летах очень счастлив и любим прекрасным полом.

Под старость он очень пополнел, сделался сутуловат и имел лицо красноватое, покрытое угрями. На военном поприще он дослужился уже при императоре Павле до звания генерал-фельдмаршала и шефа кавалергардского полка. Император Павел ему пожаловал четыре тысячи крестьян в день своего коронования. Он умер в Москве 8-го июля 1801 года и погребен в Симоновом монастыре, где жена его графиня Прасковья Васильевна соорудила придел во имя св. мученика Валентина, впрочив вечное поминование взносом двадцати тысяч рублей.

Немецкая слобода в Москве в начале XVIII столетия. С гравюры того времени де Витта

Сын его Василий Валентинович, по словам Карновича *, был по жене своей одним из первых русских богачей. Он женился на графине Е. Я. Брюс, прапрадед которой Вилим Брюс, прямой потомок королей шотландских, служил в русских регулярных войсках и умер в Пскове в 1680 году. Младший из его сыновей генерал-фельдцейхмейстер, а потом генерал-фельдмаршал Яков Вилимович умер в 1735 году холостым, а старший, Роман Вилимович, умер еще в 1717 году, имел сына и внука графа Якова Александровича, бывшего московским главнокомандующим и имевшего одну только дочь графиню Екатерину Яковлевну.

Неизвестно, как составилось богатство графов Брюсов, но оно было значительно, так как за наследницею их, вышедшею замуж за графа Мусина-Пушкина, было 14 000 душ.

У нее не было детей, а у графов Брюсов — и родственников, так что имение этих последних должно было считаться выморочным. Женившись на графине Брюс, Мусин-Пушкин выхлопотал в

* См. Карновича — «Замечательные богатства частных лиц».

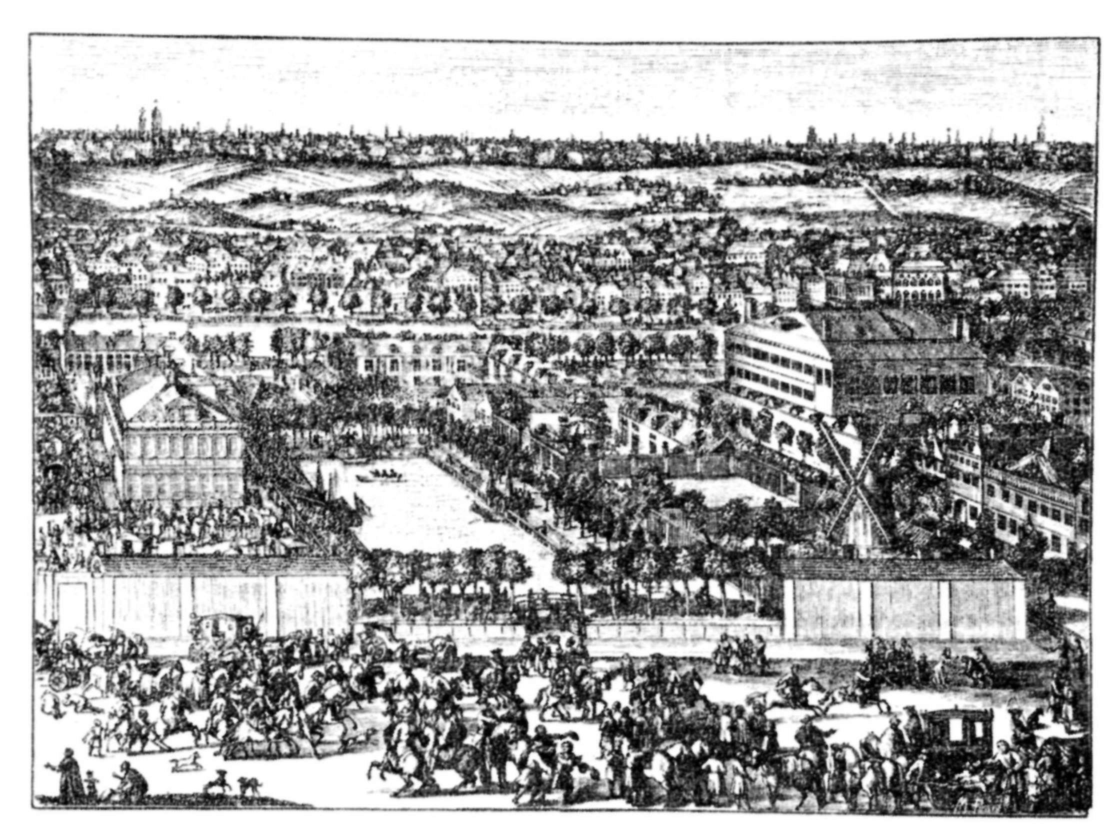
1796 году к своей фамилии прибавку — Брюс.

Несмотря на колоссальное богатство графов Мусиных-Пушкиных-Брюс, дела их одно время были сильно запутаны и Державину вверена была тогда опека над имениями жены его. Из письма графини видим, что Державин во время своего попечительства над имениями заплатил долгов на 165 000 рублей и привел ее состояние в столь хорошее положение, что графиня «даже терялась в способах изъявить Державину благодарность».

Ранее этого всеми имениями графини управлял муж ее, и, как видно из записки, поданной им императору Александру в 1801 году, поправляя имение жены, он пробовал закладывать свои, чтоб поддерживать дома, заводы и фабрики, принадлежавшие ей. На поддержку всего этого он издержал более полумиллиона, продав свой дом за 370 000 рублей и более 2000 своих крестьян.

Граф был богат и сам, он имел более 20 тысяч душ крестьян и за женой взял еще 14 тысяч. Он жил очень расточительно. Болотов говорит, что «он был во всех щегольствах и во всем луксусе первый во всей Москве».

Никто не равнялся с ним ни в экипажах, ни в нарядах, ни в образе жизни. Одному управителю давал он в каждый месяц по тысяче, а сыну управительскому дал на одни лакомства и увеселения три тысячи! Нынешние графы Мусины-Пушкины происходят по другой линии — от Алексея Ивановича Мусина-Пушкина, получившего графское достоинство в 1797 году. Этот граф владел замечательной библиотекой, погибшей

во время московского пожара 1812 года. Он также собирал и биографические сведения о русских писателях; заготовленные им материалы, вероятно, тоже сгорели вместе с библиотекой его.

В местности, где стоял дом Мусиных-Пушкиных, в старину ютилась слобода мастеровых Колымажного двора [15]. П. М. Строев в своем указателе к «Выходам» производит название последней — Арбат от татарского слова «арба», т. е. телега. По другим, слово «арбат» по-татарски значит «жертвоприноше-

ние» и здесь некогда приносились жертвы татарами [16].

Несомненно только то, что в царствование Алексея Михайловича здесь жили ремесленники и придворные поставщики. Московский двор никогда не был так пышен, как в век тишайшего царя. Царь окружен был величайшим блеском во всех своих придворных выходах и торжественных появлениях перед народом. За этими местами, где были поселены многочисленные ремесленники царского двора, удержались посейчас названия улиц, соответствующие старым урочищам, как, например, Поварская, Хлебная, Скатертная, Трубная, Курьи ножки, Калачная и проч.

Кто бы подумал, что у нас за триста лет с большою тонкостью обращалось внимание на розничную торговлю хлебом и мукою, что мука ржаная разделялась на 25 сортов, а пшеничная на 30? В «Временнике московского Общества истории и древностей российских» мы находим замечательный памятник древней администрации, это «Указ о хлебном и калачном весе». Из последнего видим, как заботливо тогда правительство смотрело за правильностью розничной хлебной торговли и с какою точностью определяло цены хлебу; точность эта даже изумительна по разнообразию цен, которые в ржаной муке простирались до 26 сортов, а в пшеничной до 30 сортов.

Эта заботливость правительства и точность не только важны как исторический факт, указывающий на степень развития гражданственности в Московском государстве в начале XVII века, но даже некоторым образом поучительны как образцовая полицейская мера, необходимая в благоустроенном государстве. Правительство, как видно из самого устава, поступало в этом деле с большою осторожностью и знанием дела. Кроме лиц, назначенных разрядом [17], тут же участвовали выборные люди от торговых сотен; мука покупалась на торгу по торговым ценам, потом просеивалась в дело, ржаная на хлебы, ситные и решетные, а пшеничная на калачи, тертые и коврищатые. Причем накладывалась цена по четвертям: на провоз с торгу в пекарню и обратно из пекарни на торг, на подквасье, на соль, на дрова, на помело, на сеянье, на свечи, за работу мастеровым, на промысел и на пошлины и подати за право торговли; и все это разлагалось на хлебы и калачи по весу и по числу хлебов и калачей алтынных, грошовых, двуденежных и денежных на четверть; и для всего этого составлялась особая роспись, или такса, по которой торговцы хлебом и калачами должны были продавать свой товар, не отступая от таксы ни в цене, ни в весе хлебов и калачей.

Далее определенные правительством надсмотрщики обязывались ходить вместе с целовальниками [18] по торгам и торжкам для наблюдения за точным соблюдением цен и веса против определенной таксы, и на их же ответственности лежало смотрение, чтобы хлебы и калачи были надлежащим образом выпечены и не заключали в себе какой-либо подмеси; причем на торговцев, отступающих от таксы или делающих какую-либо подмесь к своему товару, налагались пени от полуполтины до двух рублей с четырьмя алтынами и полуторы денежками, каковые деньги, равно как и имена подвергавшихся пене, вносились в особо заведенные книги, которые хранились у надсмотрщиков и по истечении известных сроков представлялись в разряд.

В том же указе находим, что в первой половине XVII века в Москве на рынках ржаная мука продавалась от шести алтын четырех денежек до 31 алтына за четверть, или, на теперешние деньги, от рубля тридцати копеек серебром до шести рублей двадцати копеек серебром, а пшеничная мука от десяти алтын до сорока алтын, или, на нынешние деньги, от двух рублей серебром соответственно сортам муки, а может быть, и по разности рыночных цен, смотря по времени года и привоза хлеба.

Цена московским деньгам первой половины XVII столетия определялась по сравнительному весу металла: три деньги царя Михаила Федоровича по весу металла равняются нынешнему серебряному десятикопеечнику 84-й пробы; следовательно, шесть тогдашних денег или алтын равняются по весу нынешнему серебряному двадцатипятикопеечнику. В рубле же тогдашнем было 33 алтына две деньги, следовательно, тот рубль по весу равнялся нынешним шести рублям семидесяти копейкам серебром; качество же, или проба, металла в тех и других деньгах одинаковы.

Калачи в древнем русском быту игра-

ли немаловажную роль. Калачи подавались на пышных пиршествах, посылались от царя патриархам и другим духовным особам, нищим, тюремным заключенцам, раненым стрельцам; в день рождения Петра I отпущено было гостям гостиной сотни и чернослободцам между прочими яствами 240 калачей толченых. Затем еще и посейчас в провинции, отпуская слугу, дают ему мелкую монету «на калач». Про московские калачи живет пословица: «В Москве калачи, как огонь, горячи», или: «Куда лезешь с суконным рылом в калашный ряд» и т. д.

Считаем также не лишним рассказать, откуда явилось упоминавшееся выше название Курьи ножки. Еще в царствование Алексея Михайловича была отведена для жилья поварам слобода, названная впоследствии Поварскою, и заведен при ней тут большой куриный двор, а стоял этот двор у часовни Никольской, огорожен он был тыном узорочно, и важивались в нем куры голландки, не редкостью там были и петухи гилянские.

Но не было у поваров погоста, или буйвища, и жаловались они царю и говорили их старики: «Государь! Ты наш царь отец милосердный, смилуйся! А чем-де лучше нас кречетники да конюшие, но ведь богаты они раздольем в буйвище? У нас только, грешных, теснота родителям». И пожаловал царь поварам грамоту на Николину часовню при курином дворе, «где от того двора ножки». С той поры и прослыло то урочище Никола на Курьих ножках. В старину у нас всякий земляной размер, особенно в лесных порослях, назывался «ножкой», т. е. полоской или долей.

И Снегирев весьма верно замечает, что с изменением вида и назначения урочищ заменяются время от времени прежние их названия другими и даже иногда прежние названия совершенно выходят из употребления. Другие, напротив, удерживаются в памяти народной и тогда, когда уже не существуют на них те памятники, которые дали повод к названиям, так что нередко одним только названием ограничивается вся память и вся история этих памятников.

Давно уже нет в Москве ни Арбатских, ни Покровских, ни Тверских, ни Семеновских, ни Яузских, ни Пречистенских, ни Серпуховских, ни Калужских, ни Петровских, ни Таганских ворот; давно уже нет и Кречетного двора и т. п., но названия их доныне еще живут в памяти народной.

Так, например, последний остаток Белого города — башня у Арбатских ворот была сломана в 1792 году.

Арбатские ворота богаты многими историческими преданиями. Когда в 1440 году царь казанский Мегмет [19] явился в Москву и стал жечь и грабить Первопрестольную, а князь Василий Темный [20] со страху заперся в Кремле, тогда проживавший в Крестовоздвиженском монастыре [21] (теперь приходская церковь) схимник Владимир, в миру воин и царедворец великого князя Василия Темного, по фамилии Ховрин, вооружив свою монастырскую братию, присоединился с нею к начальнику московских войск князю Юрию Патрикеевичу Литовскому, кинулся на врагов, которые заняты были грабежом в городе. Не ожидавшие такого отпора казанцы дрогнули и побежали. Ховрин с монахами и воинами полетел вдогонку за неприятелем, отбил у него заполоненных жен, дочерей и детей, а также бояр и граждан московских и, не вводя их в город, всех окропил святою водою на самом месте ворот Арбатских. Кости Ховрина покоятся в Крестовоздвиженском монастыре.

Другой подобный случай у Арбатских ворот был ео время междуцарствия, когда польские войска брали приступом Москву. У Арбатских ворот командовал отрядом мальтийский кавалер Новодворский. Отважный воин с молодцами с топорами в руках вырубал тын палисада; работа шла быстро. С нашей стороны, от Кремля, защищал Арбатские ворота храбрый окольничий Никита Васильевич Годунов. Раздосадованный враг начал действовать отчаянно; наконец, сделав пролом в предвратном городке, достиг было до самых ворот, но здесь Новодворский, прикрепляя петарду, был тяжело ранен из мушкета. Наши видели, как его положили в носилки, как его богатая золотая одежда обагрилась вся кровью, как его шишак со снопом перьев спал с головы и открыл его мертвое лицо. Вслед за ним Годунов кинулся с молодцами на врагов, и поляки хотя держались в этом пункте до света, но, не получая подмоги, поскакали наутек. На колокольне церкви Бориса и Глеба [22] ударил колокол, и Годунов пел с духовенством благодарственный молебен.

В 1619 году к Арбатским воротам подступал и гетман Сагайдачный [23], но был отбит с уроном.

В память этой победы сооружен был придел в церкви Николы Явленного во имя Покрова Пресвятой Богородицы. Начало этой церкви, как полагает Ив. Снегирев, относится к XVI столетию, когда еще эта часть Москвы была мало населена и называлась Полем.

Профессор Петр Ив. Страхов (1757—1813) рассказывал, что помнил эту церковь, когда она имела каменную ограду с башенками. Видом тогда она походила на монастырь. Близость этой церкви к Иоанновой слободе дала повод к догадкам, что она была свидетельницей иноческой набожности грозного царя.

При работах у этой церкви в 1846 году было открыто множество костей человеческих; в числе здесь погребенных было немало могил и именитых людей.

В этот храм часто ездила молиться императрица Елисавета Петровна; она приезжала сюда служить панихиды над гробницею Василия Болящего, скончавшегося 7-го ноября 1727 года и погребенного в трапезе. Из вкладов этой государыни известен в приделе образ во имя Ахтырской Богоматери.

У Арбатских ворот некогда стоял театр очень величественной постройки, напоминающий видом здание петербургской биржи, театр этот сгорел во время пожара 1812 года. Здесь же вблизи был и дом известного театрала и директора московских театров Ф. Ф. Кокошкина; в его доме помещалась и театральная типография.

По рассказам старожилов, Арбатская площадь еще лет пятьдесят тому назад была почти непроходима от грязи и топей, и нередко можно было видеть, как бились лошади, вывозя из невылазной грязи тяжелую карету или колымагу.

ГЛАВА XIX

Спасские ворота. — Откуда идет обычай снимать шапки перед ними? — Зодчий Петр Медиоланский. — Большие часы с курантами. — Попытка французов взорвать Спасскую башню в 1812 году. — Лобное место. — Его историческое прошлое. — Легенда. — Рассказы иностранцев о Лобном месте. — Празднество входа в Иерусалим. — Раздача вербы и вай. — Всенародные молебствия в эпоху тяжких годин. — Иверская часовня. — История образа. — Драгоценная риза. — Храм св. Василия Блаженного. — Легенда о постройке. — Сборные места нищих. — Первые благотворительные дома. — Китай-город. — Исполинские боевые часы. — Большой рынок на Красной площади. — «Великий Голицын». — Богатство и роскошь дома Голицына. — Государственная деятельность этого вельможи. — Опала и ссылка Голицына. — Конфискованные богатства. — Внук его Квасник-Голицын. — Мытный двор. — Мытники и целовальники

Мы ранее говорили о некоторых московских воротах, уже не существующих в настоящее время. Теперь мы скажем о Спасских воротах в Кремле, особенно чтимых в древней столице. Народ глубоко благоговеет пред этим памятником Кремля и не проходит в ворота, не снявши шапок.

Обычай этот снимать шапки, проходя Спасскими воротами, теряется в глубокой древности; официальную же силу закона этот благочестивый обычай получил только, по словам И. Н. Николаева, в царствование Алексея Михайловича, который переименовал в 1658 году Фроловские ворота в Спасские (именование Фроловских они получили от бывшей когда-то подле них церкви во имя св. Фрола и Лавра) в память торжественной встречи в них перенесенной из Вятки иконы Спаса Нерукотворенного и тогда же указом постановил навсегда, чтобы в эти ворота никто не проходил, не сняв шапки.

Спустя двенадцать лет тишайший царь подтвердил еще раз этот указ, запретив даже стольникам [1], стряпчим [2], дворянам и всех чинов людям приезжать на лошадях в Кремль.

В начале нынешнего столетия лицо, дерзнувшее проезжать или пройти с покрытою головою в Спасские ворота, останавливал часовой-солдат и, невзирая на чин и звание, заставлял положить перед воротами до 50 земных поклонов.

Над воротами с наружной стороны находится большой образ Спасителя, под ним видна надпись на латинском языке, сделанная при царе Иоанне III; вот ее содержание в переводе: «Иоанн Васильевич божиею милостию великий князь владимирский, московский, новгородский, тверской, псковский, вятский, угорский, пермский, болгарский и иных и всея России государь в лето тридцатое государствования велел построить сию башню, а строил ее Петр Антоний, Селарий [3] Медиоланский в лето воплощения господня 1491 года».

Этот зодчий был прислан в Москву из Рима с прочими художниками. В Степенной книге [4] находим о нем: «И град Москва камень поставлен бысть нов округ древнего града. Старейшина же мастером бяше фрязянин Петр Архитектон...»

В нынешнем своем виде Спасские ворота остаются со времени Петра Великого; этот государь для них выписал из Голландии боевые часы и велел поставить их в башне над воротами.

Всех колоколов в башне тридцать шесть, из них девять бьют четверти, а десятый — часы; по надписи на последнем, в нем весу 135 пудов 32 фунта, остальные 26 колоколов без действия; они били некогда куранты. На больших колоколах имеются надписи и на некоторых изображения св. богоматери и св. Троицы.

Икона над воротами изображает Спасителя в стоящем виде; правая его рука благословляет, а в левой — раскрытое Евангелие; св. Сергий под правою рукою Спасителя, а св. Варлаам — под левою изображены в коленопреклоненном виде; с правой и левой стороны главы Спасителя изображено по одному Серафиму [5], и они занимают собою углы иконы.

Точная копия этого образа в часовне

у Спасских ворот. В Спасские ворота с древнейших времен следовали все торжественные и церковные ходы; в XVII столетии из этих ворот в день вербного воскресения пред обеднею из Успенского собора бывал крестный ход, изображающий вход Христов в Иерусалим; в этом крестном ходу патриарх ехал на осляти к Покрову на ров и на Лобное место.

Ров с восточной стороны кремлевской стены существовал до 1813 года; он повелением великого князя Василия Иоанновича IV был обделан кирпичом, и самые стены Кремля построены [6] в 1508 году. Бока этого рва были укреплены бастионами с двумя кирпичными на арках мостами для проезда в Кремль как в Спасские ворота, так и в Никольские, впоследствии же на одном из мостов, на Спасском, по обеим сторонам сделаны были небольшие лавочки, в которых производилась книжная торговля, а у самого въезда в ворота по сторонам стояли две часовни.

Это все существовало до 1812 года, после изгнания французов ров был засыпан и бастионные башни сломаны, а арки моста засыпаны; их не ломали, а просто завалили, как и боковую отделку; рва тоже не разбирали, а просто засыпали.

В прошедшем столетии из одиннадцати крестных ходов в году девять проходили Спасскими воротами, а в нынешнем столетии из тринадцати крестных ходов восемь проходят этими воротами.

Внутренность свода ворот заставляет предполагать, что в четырех сделанных в стенах его углублениях, или выемках, некогда были поставлены иконы, потому что в других кремлевских проездных воротах этих углублений в стенах нет. С западной стороны вовнутрь Кремля изображена Печерская икона богоматери, на верху главы изображен нерукотворный образ спасителя; по сторонам богоматери предстоят великие святители московские св. Петр и Алексей.

В 1813 году киота этого образа была возобновлена и колонны у ней обиты медными латунными золочеными листами.

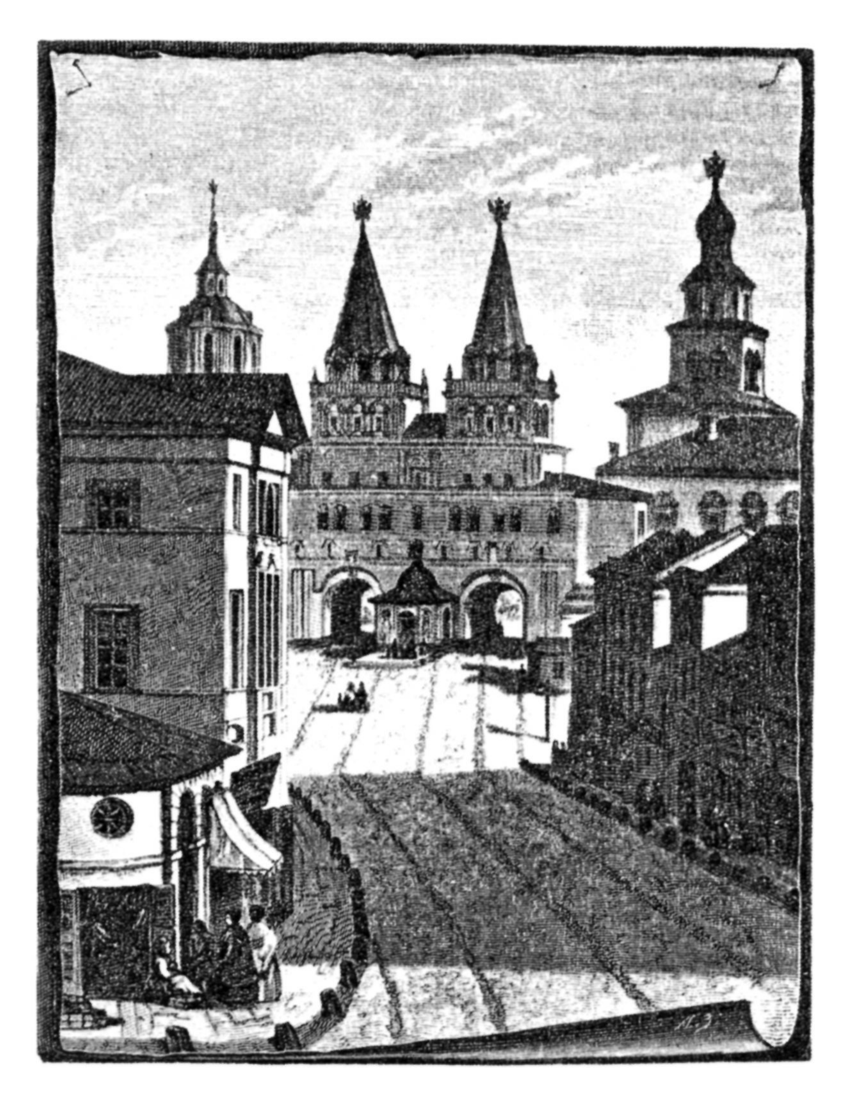
Здание башни трехэтажное, вся постройка четырехугольная, окончательная часть здания в восьмигранном виде, наверху которой сделана восьмиарочная часовая колокольня и над ней восьмигранный шпиль, на верху этого шпиля поставлен медный вызолоченный шар, а на нем вызолоченный двуглавый орел, или герб, сделанный из листовой меди. Но в половине XVII столетия, по словам Л. Белянкина *, на этой башне был устроен герб деревянный. Он основывается на следующем повествовании, что «когда, в 1633 году, в августе месяце, горел в Кремле двор князя Ал. Ник. Трубецкого, и Спасское подворье, и переходы, и Чудов монастырь, и Вознесенский, и подворье монастырское, князя Ивана Борисовича двор из огня отняли, и Кирилловское подворье, и на Флоровской башне орел сгорел...».

Часы же на этой башне едва ли не первые по величине своей в России. Куранты на них без действия. При Петре I была измерена Спасская башня; в ней оказалось вышины 29 и ½ сажени, длины 6 и ⅔ сажени, ширины также 6 и ⅔ сажени.

В 1812 году, когда французы были в Кремле, несколько хищников покушались снять с образа башни ризу, но попытки остались безуспешными; также и взорвать Спасскую башню на воздух французам не удалось; под нее был сделан подкоп, и уже тлел пороховой фитиль, но отряд казаков под предводительством генерала Иловайского успел не допустить оставленному зажженному фитилю добраться до пороха.

О первых постройках двух часовен у ворот нет никаких преданий или известий. Существующие же построены по повелению императора Александра I в 1802 году, когда и Спасская башня была возобновлена. До возобновления над образом Спаса в прежде бывшей жестяной киоте была следующая надпись: «1737 года, обновлен сей святый образ всея твари создателя Христа Бога, по бывшем великом пожаре, который, в 1737 году мая 29-го, в самый день праздника сошествия Святого Духа, во время коленопреклоненных молитв начался и продолжался даже до утра, в таковом том огненном горении и сей святый образ опалился; ныне Его Всемогущего Творца поспешением, в 1738 году, изрядно обновлен пожеланием и иждивением некоего человека Иоанна». В 1785 году киота была вновь возобновлена,

* См. Л. Белянкина «Исторические записки о Фроловских воротах».

Воскресенские ворота в Москве. С рисунка, приложенного к «Русской старине», изд. Мартыновым

и в образе звезды и резная рамка червонным весовым золотом вызолочены были иждивением доброхотных дателей.

Ближайшие к этой башне древние здания с восточной стороны против самых ворот — это не менее историческое Лобное место, единственный в России памятник, существующий около четырех веков. Он давно утратил свое первоначальное значение в жизни государственной и народной, но удержал одно религиозное; здесь еще посейчас во время крестного хода архиерей с духовенством и св. иконами восходит на Лобное место, обставляемое хоругвями, и после молитвословия осеняет народ благословением на все четыре стороны. Карамзин предполагает, что на месте, где стоит теперь амвон, собирался народ на вече в XIV веке, во время нашествия Тохтамыша, когда великий князь оставил с двором своим Москву, а народ, выпустив из города митрополита с боярами, позвонил во все колокола к вечу, чтобы на нем по древнему праву решить свою судьбу большинством голосов.

О Лобном месте существует еще легендарное предание. В начале XVI века Москве угрожало гибельное нашествие Магмета-Гирея «за беззакония, в ней умножавшиеся».

В это время одна благочестивая монахиня Вознесенского монастыря, что в Кремле у Спасских ворот, чудесно получившая прозрение после долговременной слепоты, ночью, когда усердно молилась богу об избавлении от бедствия города, внезапно услышала звон колоколов и узрела видение: ей привиделось, будто из Кремля во Фроловские ворота выходит целый собор святителей московских со священниками и диаконами, в сонме

видны были многие митрополиты и епископы, в числе которых можно было распознать и великих чудотворцев московских Петра [7], Алексея [8] и Иону [9] и ростовского Леонтия, некоторые из них несли чудотворную икону Божией Матери; навстречу им явились преподобные Варлаам Хутынский и Сергий Радонежский [10] у того места, где теперь Лобное место, и молили их не оставлять отечественного города на жертву врагам. Святители вняли молитве чудотворцев, совершили с ними молебствие пред подворотною иконой спасителя и потом возвратились в Кремль, а татары вскоре побежали из пределов Московского царства.

В память этого, вероятно, изображены на иконе Спасителя, осеняющей Спасские ворота, св. Варлаам и Сергий, а на другой иконе, на внутренней стороне, изображены московские святители Петр и Алексей.

На Лобном месте, по свидетельству иностранцев, совершались торжественные священные обряды, обнародовались царские указы и сам царь или боярин обращал свое слово к народу. Олеарий [11] называл Лобное место «Theatrum proclamationum» [12]. Польские послы в донесениях своих к королю в 1671 году при описании этого места говорят, что, между прочим, здесь государь однажды в год являлся пред народом и, когда минет наследнику его шестнадцать лет, объявлял его подданным своим. Это подтверждает и Колинс, английский доктор царя Алексея Михайловича. «Царевича, — пишет он в книге своей о России, — ни народ, ни дворянство не видят до пятнадцати лет его возраста, но, когда ему исполнится пятнадцать лет, он является пред народом; его несут на плечах и ставят на Лобное место на площади, чтобы предохранить государство от самозванцев, которые часто возмущали Россию».

Лобное место носило название также Царево, и никто из иностранцев не говорит, что на нем совершались казни, да и можно ли было допустить, что при благоговении царя и народа к этому месту его попирали палач и преступник.

Многие из наших писателей смешивают Лобное место с Лобною площадью и Лобным рынком, каким в начале XVII века называлась Красная, или Старая, площадь в Китай-городе.

Карамзин, живописуя нам ужасную эпоху казней при Иоанне Грозном, говорит: «В смирении великодушном страдальцы умирали на Лобном месте».

Лобное место наружным видом есть не что иное, как круглый каменный помост с таким же вокруг обводом и лестницею. На годуновском чертеже Москвы [13] так объясняется этот амвон городской: «Налобное место, или возвышенный помост, конклав [14], построенный из кирпича; там во дни молебствий патриарх возглашает некоторые молитвы, также объявляются царские указы».

По словам г. Снегирева, в московском Лобном месте соединено значение иерусалимского Краниева места и Лифостротона, ибо оно, как подобие крестного жертвенника, освящалось молебствиями и благословениями святителей и вместе было судейским трибуналом и царским троном и кафедрою.

В святом граде оно заимствовало свое имя, как полагают, или от сходства холма с лбом, т. е. Кранием (черепом человеческим), или от поверженных там черепов, или, по преданию всего Востока, от Адамовой головы, там погребенной. В Москве оно сооружено на взлобье горы в Китай-городе у позорища казней на Лобной площади, где также валялись лбы (головы) преступников.

Как в Иерусалиме Лобное место возвышалось пред одними из шести ворот городских, за коими, по исконному обычаю на Востоке, исполнялись приговоры суда, так и в Москве оно сооружено пред одними из шести главных ворот Кремля, именовавшихся прежде Иерусалимскими, от смежной с ними церкви Иерусалим, т. е. Вход Иисуса Христа в Иерусалим. Как в этом священном памятнике, так и в некоторых других очевидно подражание святым местам Иерусалима. Московские великие князья и цари, получая сведение о них от святителей, паломников и зодчих, хотели видеть в своей столице подобие и название таких памятников.

На Лобном месте Иоанн Грозный после всех ужасов и жестокостей своего царствования в 1550 году собрал со всего государства избранных людей. Со страхом явились народные представители на Красную площадь перед Лобным местом, но не гневного, а кроткого нашли избранные люди царя, они увидели Иоанна со смирением восходящим на Лобное место и со слезами на глазах обращающимся к патриарху, который следовал за ним в недоумении, колеблясь между

Церковь Василия Блаженного и Лобное место в XVII столетии. Со старинной голландской гравюры

страхом и надеждою, с просьбою, чтобы он был ходатаем у престола всевышнего за все зло, доселе им соделанное, представляя в оправдание свое нерадивое попечение о его воспитании, коварство и смуты боярские. Грозный просил архипастыря быть свидетелем пред лицом бога и представителями народа его обета — загладить прежние проступки любовью и попечением о своих подданных, быть обороною слабого перед сильным, защитою угнетенных, утешителем сирых и убогих.

В Степенной книге приведена речь царя. После речи народ рыдал вместе с царем, забыл жестокости и славил одни его милости. Грозный требовал всеобщего примирения, и враги кинулись в объятия друг друга.

С Лобного места читали грамоту Са-

мозванца Лжедмитрия, и москвичи, забыв присягу, данную незадолго юному сыну Годунова, провозгласили Отрепьева царем русским, а через несколько месяцев обезображенный и окровавленный труп Дмитрия Самозванца лежал уже на Лобном месте с маскою, дудкою и волынкою в руке, а труп его клеврета Басманова [15] валялся тут же у ног его.

В 1610 году с Лобного места мятежным Ляпуновым [16] было изречено свержение с престола Шуйского. С Лобного же места окроплял святою водою патриарх Никон царя Алексея Михайловича и рать его, готовую выступить в славный поход против поляков, исходом которого было возвращение древних городов русских Вязьмы, Дорогобужа, Смоленска и Киева. Здесь же на Лобном месте патриарх Иоаким [17] благословлял, окропляя святою водою, грозное ополчение, собранное на защиту Киева и Украины от турок, и возложил на князя Черкасского крест Константина, а на Долгорукова — икону Сергия Радонежского. На этом же Лобном месте честный слуга — раб боярина Матвеева во время стрелецкого бунта, когда никто не смел приблизиться к Лобному месту, собрал из грязи останки своего боярина и перенес в церковь божию.

Здесь же, как мы выше упоминали, совершалось празднество «входа Иисуса Христа в Иерусалим». В Вербное воскресенье с этого места совершал патриарх ход в Покровский собор, причем царь или близкий к царю родственник вел патриархова осла. В книге Московского стола, за № 19 *, описана церемония, происходившая в Вербное воскресенье. «13-го апреля 1679 года строили и отпускали окольничий [18] Алексей Головин да разрядный думный дьяк [19] Василий Семенов с товарищами, а за золотчиками везли вербу, а на вербе стояли и пели стихари цветоносию патриаршии поддьяки меньших статей, а за вербою шли протопопы и священники немногие. А как великий господин святейший Иоаким, патриарх московский и всея России, у Лобного места всел на осля и пошел к собору в Кремль к соборной церкви и великий государь Феодор Алексеевич изволил в то время у осля узду принять по конец повода и везть в город к соборной церкви, а посреди повода держал и осля за ним, великим государем, вел боярин князь Юрий Алексеевич Долгоруков, а перед великим государем и по обе стороны его, государя, шли бояре, и окольничие, и думные, и ближние люди, а за святейшим патриархом шли преосвященные митрополиты и иные власти, а за ними гости; а по сторонам осляти шли и святейшего патриарха оберегали его патриаршие боярин и дьяки. А во время государского шествия по пути стлали сукна и портища суконные разных приказов стрельцы по наряду из Стрелецкого приказа. И изволил великий государь идти, а святейший патриарх на осляти ехал до соборной церкви до западных дверей, и, пришед к дверям, государь изволил идтить и святейший патриарх со властьми пошел в соборную церковь, а за великим государем были бояре, и окольничие, и думные, и ближние люди. А золотчики, пришед к соборной церкви, стояли от западных дверей с головы по обе стороны пути до северных дверей и рундуков [20] к церкви Архангела Михаила. И был великий государь в соборной церкви идтить в свои государевы хоромы; а святейший патриарх божественную литургию совершал в церкви Успения Пресвятые Богородицы. А во время всего действа в Кремле и в Китае по обе стороны по площади и около Лобного места стояли полуполковники и полуголовы [21] и сотники стрелецкие, а с ними стрельцы и солдаты в цветном платье ратным обычаем, с ружьем и со всяким полковым строем по наряду из Стрелецкого приказа».

С Лобного места патриарх раздавал освященные им вербы и вайи [22] царю, архиереям, боярам, окольничим и думным дьякам. В продолжение чтения Евангелия протодиакон приводил к подножию Лобного места белого коня, снаряженного наподобие осла; патриарх садился на него боком и ехал с Евангелием в одной руке и с напрестольным крестом в другой; на пути сто отроков постилали красные сукна и бросали к стопам патриарха одежды свои. В этом шествии везли белые кони на великолепных санях огромную вербу, обвешанную искусственными цветами и плодами.

В этот день у патриархов бывал парадный стол и на стол патриарху подавали «сельди, паровые сниманы с огурцы, икра осенняя, блюдо икры осетрьи свеже, блюдо икры сиговые, сельди свежие

---

* См. указатель чертежей московским церквам И. Н. Николаева.

под взваром, на пар лещи живые, спина белой рыбицы, спина лососья, язь жареный, труба белужья, сход белужий» и другие бесчисленные рыбные яства.

С кончиною последнего патриарха отправление этого обряда в вербную неделю не исполняется, но как бы в воспоминание о нем сохранилась ежегодно продажа вербы около Лобного места и в Лазареву субботу гулянье в экипажах по Лобной площади. Последнее началось с царствованием Анны Иоанновны. Снегирев говорит, что митрополиты и патриархи по вступлении своем на святительский престол по три дня шествовали на осляти вокруг города и с Лобного места преподавали благословение пастве своей.

1-го декабря 1812 года, когда стояла жестокая зима в Москве, преосвященный Августин к утешению пострадавших от французов москвичей после водосвятия на Лобном месте, окропив св. водою город на все четыре стороны, произнес: «Вседействующая благодать божия кроплением св. воды освящает град сей, богоненавистным в нем пребыванием врага нечестивого, врага бога и человека, оскверненный».

В 1830 году, когда Москву посетила холера, когда город был оцеплен, по улицам тянулись возы с умирающими и умершими, на дворах курился навоз и можжевельник. В это скорбное и тяжелое время митрополит Филарет с одними монашествующими совершил в день преподобного Сергия, 25-го сентября, крестное хождение и на Лобном месте служил молебен с коленопреклонением.

Недалеко от Лобного места существует еще другое место, мимо которого не проходит москвич, не снявши шапки. Это Иверская часовня. Икона богоматери, находящаяся в часовне, в таком почтении, что нет в целом году дня, в который бы она с утра до вечера не переходила из дома в дом. История этого образа следующая: в 1653 году патриарх Никон предположил соорудить на Валдайском озере монастырь во имя чудотворной иконы Иверской Божией Матери, находящейся на Афонской горе. Для этого он послал архимандрита Пахомия на Афон для точного снятия списка с образа.

В 1666 году Пахомий привез требуемый список, но в это время Никон был под гневом царя и жил в Вологодской губернии, царь не приказал ставить ее в Никонов монастырь, а указал для нее поставить у Курятных ворот * часовню. В 1791 году эта Иверская часовня пришла в ветхость, Екатерина II приказала ее перестроить, и она была перестроена при митрополите Платоне.

Золотая риза на иконе Иверской божьей матери сделана при императрице Елисавете Петровне в 1758 году от вклада доброхотных дателей художником Васильем Кункиным. Много драгоценных камней на ризе пожертвованы известным откупщиком Твердышевым. Золотая риза с венцом весит 27 фунтов 59 и ½ золотников. Икона эта в ночь пред вступлением французов в Москву в 1812 году была увезена в Муром викарием Августином и возвращена в Москву в том же году 10-го ноября.

Недалеко от описанных нами Спасских ворот останавливает на себе внимание прохожих оригинальная по неправильности постройки, вычурности, пестроте и затейливости украшений церковь, весьма важная в историческом отношении. Это Покровский собор [23], известный более под именем церкви Василия Блаженного; его еще называли Иерусалимским и на Рву **. Предание говорит, что царь Иоанн, завоевав Казань, дал обет построить храм в память этого события и по окончании храма в 1557 году призвал к себе зодчего этой церкви (имя его неизвестно) и спросил, может ли он построить храм лучше этого. Тот отвечал, что может. Царь велел ослепить его, говоря: «Не хочу, чтоб где-нибудь была святыня лучше этой».

На месте, где поставлен был храм,

---

* Эти ворота, известные теперь под именем Воскресенских и Иверских, прежде назывались Неглинными — от реки Неглинной и Львиными — от львиного зверинца, некогда здесь бывшего. Воскресенскими они наименовались от надворотной иконы Воскресения Христова. Под зубцами воротных стен еще уцелели осадные стоки, через которые осажденные лили на неприятелей кипяток, смолу, свинец и серу. В верхних палатах, над воротами, помещался так называемый «огненный бой», где дежурили пушкари и стрельцы. Теперь там помещается губернский архив.

** Название «на Рву» происходило от того, что он был построен на крутой горе Красной площади, имевшей к стороне реки Москвы очень неровный уступ, а к стене Кремля глубокий ров; до 1811 г. между ним и Кремлем, да и с Москворецкой улицы, это возвышение осыпалось и представляло нечто безобразное. В этом году площадь вся выровнена, безобразный ров обложен тесаным камнем и кругом террасы поставлены железные перила.

стояла деревянная церковь св. Троицы над кремлевским рвом, при которой было погребено тело св. Василия Блаженного[24]. В ту эпоху все церкви были с кладбищами. Так, на Красной площади от Спасских, или Флоровских, до Никольских ворот стояло пятнадцать церквей с кладбищами, которые были огорожены надолбами и решетками. В то время, как в Кремле, так и у других больших церквей, особенно на Варварском крестце[25], в Китае и на других крестцах, были сборные места нищих; там сходились удрученные бедностью, старостью или статку, одевает, кормит и вводит к себе в дом».

Православная церковь искони была попечительницей и кормилицей нищих, убогих и калек, которых она, как видно из церковных судов великого князя Владимира, причисляла к церковным людям; священные притворы и паперти церквей служили для них надежным пристанищем и убежищем; к их оградам примыкали скудные их избушки, клети и кельи.

В XVII веке нищие в Москве делились на соборных, монастырских, патри-

Вид посольского дома в Москве в 1661 г. Со старинной голландской гравюры

удачами певцы богатого и убогого Лазаря и Алексия божия человека, по большей части слепые, и жалобными, заунывными голосами испрашивали себе подаяние у прохожих и проезжих; там же выставлялись гробы и даже тела убогих для сбора на их погребение, а божедомы вывозили из Убогого дома в тележке подкидышей.

При царе Иоанне Грозном между нищими на Флоровском мосту нередко являлся и летом и зимой один блаженный «нагоходец», нищий духом, от нищих охотнее принимавший подаяние, чем от богатых; он был другом и утешителем убогих; этот нищий и был Василий Блаженный, в память которого называется вышеупомянутый храм, оригинальнейший во всем свете по своей архитектуре.

Иностранцы, бывшие в XVI веке в Москве, говорят про русских, что «москвитяне весьма заботятся о нищих, которым всякий подает по своему до-

арших, гуляющих и богаделенных. Последние жили при устроенных при церквах богадельнях; первый устроитель таких общежитий был патриарх Иоаким. Царь Феодор Алексеевич особенно умножил такие благотворительные дома, велел нищих кормить и содержать на иждивении патриаршего дома, и на этот предмет общественного призрения указано было собирать в патриарший дом по три алтына с церквей митрополичьих, архиепископских и епископских. Такие пошлины собирали чиновники святительского двора: десятинники, недельщики и наместники.

Петр Великий в 1701 году учредил тоже до шестидесяти нищенских богаделен при московских церквах, для помещения в них самых старых, дряхлых, больных и увечных, при которых назначено было воспитывать и малолетних до 10-ти лет.

До половины XVIII столетия нищие жили при церквах, большею частью «под

кровом бревенным», т. е. в скудных избушках. Императрица Елисавета в 1748 году указала строить при церквах вместо деревянных богаделен каменные, с крепкими каменными сводами, длиною в жилье 5 сажен, а шириною 3 сажени 3 аршина. Первым примером в делах милосердия были нищелюбивые цари и пастыри. Отправляясь, например, на богомолье или в путь, цари и патриархи во всю дорогу раздавали ручную милостыню нищей братии, которая ожидала их на перекрестках, мостах, у городских ворот, на крыльцах у церквей и монастырей.

В старину не было той улицы, где бы не было сотни нищих, а в церквах и рядах от них не было прохода. Были нищие, которые просили по привычке из ремесла, от подаяния они только богатели.

По старинным рассказам, тогдашние ростовщики все прежде были нищими; они вначале собирали себе с миру по нитке, да шили себе рубашки; но после тот же мир не расплачивался с ними и кафтанами. Эти же нищие держали у себя размен мелкой монеты и получали почти всегда на промене вдвое и втрое сбора денег против вынесенного ими на сутки. Вот откуда берут начало наши меняльные лавки и биржевая звонкая валюта.

Возвращаясь к церкви Василия Блаженного, мы видим, что спустя 126 лет после постройки этого храма царь Федор Алексеевич и патриарх Иоаким приказали в 1680 году разобрать за ветхостью бывшие в то время на Красной площади деревянные придельные церкви, а вместо них построить новые, сколько было старых на монастыре Покровского, или св. Василия Блаженного, собора.

Старых церквей было восемь, такое же число было устроено и новых, и некоторые из них помещались под сводами древнего собора, а некоторые близ собора на монастыре. Всего при Покровском соборе в 1680 году было двадцать церквей, которые были устроены и сверху и снизу этого собора и существовали до 1783 года.

При этих церквах до 1771 года, при каждой, были особые священники, но во время бывшей в Москве моровой язвы при этом соборе умерли один протоиерей и 14 священников; оставшиеся придельные священники были распределены по приходским церквам, и с этого времени на место умерших ко всем приделам никто не был произведен. Во время чумы оставались один священник и диакон.

В старину на Покровском соборе вокруг на черепице была древняя надпись, изображенная желтыми литерами. В ней говорилось о годе (1554), когда начата церковь и по какому случаю, затем о времени возобновления храма царем Федором Иоанновичем и о покрытии его железом.

Позднее императрица Екатерина II на прибитой к стене медной доске добавила, что церковь ею «с приделами возобновлена в 1784 году, при главном начальстве и дирекции Святейшего Правительствующего Синода члена Платона, архиепископа московского» и проч.

Возобновление производилось на выданную казенную в десять тысяч рублей сумму, «под смотрением онаго собора протоиерея Иоанна Герасимовича».

В этом храме замечательны два древних иконостаса в соборной Покровской церкви и в придельной церкви Входа в Иерусалим. Первый в два яруса убран сплошь оловянными позолоченными узорчато-сквозными штуками с подложенною под них разноцветною слюдою и по сторонам икон с винтообразными позолоченными колоннами и карнизами. Второй иконостас — одноярусный, весь высеребрен, по сторонам икон с винтообразными золочеными колоннами и местами украшен оловянными штуками, золоченными над разноцветною слюдою. Из исторических достопримечательных вещей в соборе замечателен покров для накрытия надгробия св. Василия Блаженного: он шелковый, с изображением св. Василия — над головою его изображена св. Троица; все это вышито шелком и обведено ниткою крупного жемчуга; венец тоже жемчужный, с пятью драгоценными каменьями. На краях покрова вышито: «Представися преблажене Василе, стекашася царие и князи вси собори, русстии юноши и девы, старцы твоим телесным мощам поклонитися и воскликнуша купно вси память успения твоего Христа величающе». Под самым изображением выткано, что покров сделан повелением царя Федора Иоанновича и царицы Ирины в лето 1589. Лампада серебряная перед иконою Покрова Богородицы принесена в дар царем Михаилом Феодоровичем в 1638 году. В соборе имеется также замечательный по древ-

нему иконописному письму образ; этот образ написан на стене вне церкви; изображено на нем Знамение Пресвятые Богородицы; образ этот почитается чудотворным.

В 1812 году, во время пребывания французов в Москве, собор был разорен неприятелем и, исключая внешности, во всех приделах все было разбросано, с престолов сняты одежды и все остальное поломано. В церкви стояли лошади. 1-го декабря 1812 года, после разорения, собор был освящен преосвященным Августином. Возобновлен храм был в 1813 году на сумму 13 тысяч рублей, выданную из Святейшего синода. Окончательно же этот собор возобновлен был, как снаружи, так и внутри, только начиная с 1839 по 1845 год.

В это время все стены во всех придельных церквах были расписаны иконным изображением; до этого времени стены были только выбелены.

Местность от церкви Василия Блаженного в старину считалась богатою хорошим строением, притом здесь производилась главнейшая московская торговля и были ряды и лавки, в которых продавались всевозможные необходимые товары, — лавки купцов кишели как иногородным, так и местным купечеством; в числе заезжих торговцев наибольший процент составляли азиатцы.

Этот округ города назывался исстари Китаем; с этим словом в простонародье связывался всемирный рынок, и всякая иноземная ткань называлась «китайкою». Имя Китай в Москве до сих пор еще необъяснимо[26], но, вероятно, оно произошло у нас от торговли с этою страною. В Рязанской губернии в простом народе слово «китай» составляет насмешливое прозвище всякому барышнику и торгашу.

С распространением Большого посада, или Китай-города, где сосредоточивалась всякая торговля и всякого рода промышленность и где, следовательно, нужно было знать всякому время, на Спасской башне, как мы уже упомянули, были поставлены большие боевые часы — последние в то время являлись также необходимостью и для должностных лиц крупного и мелкого чина, обязанного являться в Кремль ко двору государя к назначенному часу, в думу, на выход, на потеху и т. д. Карманных, или «зипных», часов в то время в Москве едва ли было с десяток, да и те по своему разделению времени не соответствовали русским часам и, следовательно, были неудобны для употребления. Тогдашние часы делили сутки на часы денные и на часы ночные, следуя за восхождением и течением солнца *, так что в минуту восхождения на русских часах был первый час дня, а при закате — первый час ночи; поэтому почти каждые две недели количество часов денных, а также и ночных постепенно изменялось. В 1625 году старые боевые часы на Спасских воротах были проданы на вес ярославскому Спасскому монастырю, а вместо них построены новые англичанином Христофором Галовеем; последний для них и выстроил над воротами на месте деревянного шатра существующий посейчас каменный, в готическом стиле; при этом русский колокольный литец Кирилло Самойлов слил к часам тринадцать колоколов.

Часы были сделаны с «перечасьем», или с музыкою. Хотя в следующем году их значительно попортил пожар, но они снова были устроены тем же мастером. На Спасской башне часы были длиною в 3 аршина, вышиною 2 и ½ аршина, поперек 1 и ½ аршина; колеса, на которых были указные слова, в диаметре имели 7 и ¼ аршина. Указные, или узнатные, колеса, т. е. циферблаты, были с двух сторон, одно — в Кремль, другое — в город, и состояли из дубовых связей, разборных на чеках, укрепленных железными обручами.

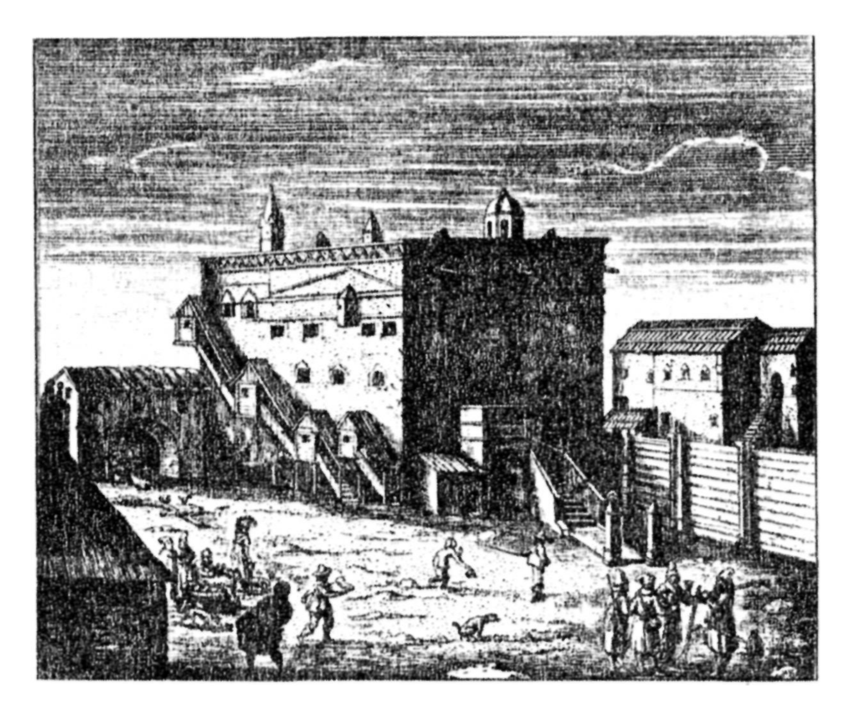
Каждое колесо весило около 25-ти пудов. Средина колеса покрывалась голубою краскою, лазурью, а по ней раскидывались золотые и серебряные звезды с двумя изображениями — солнца и луны. Очевидно, что это изображало небо. Вокруг в кайме располагались указные слова, т. е. славянские цифры, медные, густо вызолоченные, а между ними помещались получасовые звезды, посеребренные. Указные слова на Спасской башне мерою были в аршин.

Так как в этих часах вместо стрелки оборачивался самый циферблат, или указное колесо, то вверху утверждался неподвижный луч или звезда с лучом, вроде стрелки, и притом с изображением солнца.

При Петре Великом в 1705 году ста-

---

* См. «Быт русских царей», соч. И. Е. Забелина.

Посольский двор в Москве в XVII столетии. С гравюры того времени

ринные русские часы вышли из употребления, и по указу царя спасские часы были переделаны и против немецкого обыкновения на 12 часов, для чего государь выписал из Голландии боевые часы с курантами за 42 474 рубля. Часы эти были «с танцами против манира, каковы в Амстердаме». Ставил их в 1705—1709 годах часовой мастер Еким Гарнов. При тех же башенных часах находились особые колокола-набаты, выбивавшие тревожные повестки на случай пожара.

Мейерберг [27] в своем описании Москвы говорит, что в Китай-городе близ Лобного места стояла еще церковь св. Меркурия Смоленского, а с другой стороны находился Земский приказ [28], здание, покрытое землею, с двумя огромными орудиями наверху и с другими двумя внизу, на земле.

На Красной площади, по словам Олеария, пред лицом Кремля был большой рынок, где постоянно толпились и продавцы, и покупатели, и празднолюбцы, а вблизи Лобного места сидели женщины, продававшие свои изделия.

На восток от рынка простирались торговые ряды; их было множество, потому что для каждого товара был свой торговый ряд. В Китай-городе была типография, многие приказы, дома знатных бояр, дворян и гостей, Английский двор, по упразднении привилегии англичан обращенный в тюрьму, три гостиных двора; от последнего из них, персидского, на юг шла Овощная улица, состоявшая из лавок с овощными товарами, она упиралась в рыбный рынок, по рассказам иностранцев сделавшийся известным своей нестерпимой вонью и непроходимой грязью.

В XVII еще столетии в Москве улицы не имели порядочной мостовой; на улицах лежали круглые деревяшки, сложенные плотно сплошь одна с другою. Где же не было такой настилки и где особенно было грязно, там через улицы просто перекидывали доски. В Москве собирали с жителей побор под именем «мостовщины», и Земский приказ занимался мощением улиц, но мостили больше там, где было близко к царю.

Такая мостовая не препятствовала, впрочем, женщинам ходить не иначе, как в огромных сапогах, чтоб не увязнуть в грязи. В Москве еще существовал особый класс рабочих, называемых «метельщиками», обязанных мести и чистить улицы, и хотя их было человек пятьдесят, однако в переулках столицы валялось немало дохлой скотины и другой падали.

Кому обязана старая допетровская Москва украшением улиц, постройками и первыми мостовыми, это князю Василию Васильевичу Голицыну, боярину, прозванному иностранцами великим Голицыным. По образованию Голицын в свое время был первый в России; он го-

ворил по-латыни, как на родном языке; носил он сан «царственные большие печати, государственных великих и посольских дел оберегателя».

В молодые годы он уже служил при дворе стольником и чашником; красотою, умом, учтивостью и великолепием своего наряда он превосходил всех придворных. По рассказам иностранцев, он не терпел крепких напитков и свободное время проводил за беседой. Дом его отличался великолепием; он был покрыт снаружи медью, а внутри убранство комнат ничем не отличалось от лучших европейских дворцов; здесь были богатые восточные ткани, венецианские зеркала и картины известных иностранных художников. Невиль, посланник польского короля, пишет: «Я был поражен богатством его дворца и думал, что нахожусь в чертогах какого-нибудь итальянского государя». Голицын построил в Кремле здание для Посольского приказа по образцу своего дома и затем великолепные каменные палаты для присутственных мест; потом каменный мост на Москве-реке о двенадцати арках и поделал деревянные мостовые на всех улицах в Москве.

В. В. Голицын.
С редкого гравированного портрета Тарасевича

Подражая ему, жители Москвы украсили в его время эту столицу каменными домами. Голицын выписал из-за границы двадцать докторов и множество редких книг; он убеждал бояр, чтобы они обучали детей своих, отправляя их за границу и приглашая к себе иностранных наставников. Голицын любил беседовать с иезуитами, которых изгнали из Москвы на другой день после его падения. Во время его управления иностранными делами голландцы получили позволение присылать в Астрахань своих лоцманов и плотников, которые построили там два фрегата; они содействовали плаванию по Каспийскому морю до Шемахи, но татары сожгли их, и после голландцам не дозволено уже строить новых фрегатов. Голицын велел отыскать кратчайшую дорогу в Сибирь, и при нем были построены от Москвы до Тобольска избы для крестьян, род первых станционных почтовых дворов, на каждых пятидесяти верстах, с предоставлением крестьянам смежных земель; при этом каждый хозяин получил по три лошади с условием, чтобы их содержал всегда в том же комплекте, взимая с проезжающих, исключая отправляемых по казенной надобности, за десять верст по три копейки на лошадь. Голицын велел расставить длинные шесты по всей России вместо верст, а в тех местах Сибири, где лошади не могли ходить по причине глубоких снегов, водворил ссыльных, снабдив их деньгами, провиантом и большими собаками.

Но Голицын при всем своем просвещенном уме не мог освободиться от предрассудков и суеверия своего века. Так, например, дворянин Бунаков, шедший за ним по улице, внезапно упал вследствие припадка падучей болезни и по суеверию взял с того места горсть земли, которую завязал себе в платок. Голицын, сочтя Бунакова чародеем, велел пытать его за то, что «он вынимал будто бы след его для порчи».

По его же приказанию сожжен в Москве мечтатель Квирин-Кульман, будто бы за ересь.

Также бесславными подвигами этого сановника были и его крымские походы с двухсоттысячною армиею; он мечтал о завоевании полуострова, полагаясь на свое счастие и силы, но крымский хан велел сжечь за Самарою на 200 верст степь, через которую надлежало им проходить. Голицын принужден был возвратиться, поход его оказался вполне неудачным, но правительница Софья

своего любимца наградила жалованной грамотой, золотой медалью в 300 червонцев, украшенною алмазами, на золотой цепи, с изображением на одной стороне двух царей, на другой царевны (на наши деньги эта медаль теперь стоила бы более 30 000 рублей), кафтаном на черных соболях и кубком золоченым и увеличением получаемого им жалованья.

Ранее этого Голицын за подписание в Москве выгодного договора о действиях против турок и татар с полномочными польского двора награжден был золотою чашею весом в два фунта с половиною и атласным кафтаном на соболях; подобного рода подарки в то время ценились весьма дорого, не только как знаки особой царской милости, но и как вещи чрезвычайной стоимости.

Голицын получил еще на придачу волости, в которых считалось более трех тысяч дворов крестьянских. По приезде в Москву из крымского похода, Голицын не был допущен юным Петром к себе на аудиенцию и в это же время, когда открылись властолюбивые замыслы царевны Софьи против Петра, Голицын, по повелению Петра, был взят под стражу, потом перед царским крыльцом ему и сыну его был прочтен приговор думным дьяком Деревкиным.

Главные вины Голицына состояли в том, что он и его приверженцы о всех делах докладывали ранее царевне, а не государям, писали от нее грамоты и печатали имя Софьи в книгах без соизволения царского и что вследствие неудачных походов его в Крым казна понесла великие убытки. За все это Голицын был лишен боярства, всего имения и выслан в город Яренск. Голицын с твердостью выслушал приговор и произнес вслух: «Мне трудно оправдаться перед царем!»

В тайниках его палат были найдены скрытыми в погребе 100 000 червонцев и 400 пудов серебряной посуды; кроме других сокровищ ему принадлежало богатое подмосковное село Медведково [29], принадлежавшее прежде князю Д. Пожарскому.

При этом еще обнаружилось, что знаменитый боярин, не довольствуясь милостью царевны, приобретал богатство и другими еще нечестными способами. Так, в числе разных описанных у него драгоценностей найдена была осыпанная алмазами булава, отнятая им у малороссийского гетмана Дорошенки [30], получившего ее в подарок от турецкого султана Селима IV. Другая такая же булава была пожалована ему царями при отправлении его в крымский поход. Желябужский пишет, что в 1686 году при заключении мира с Польшею из 200 000 рублей, следовавших к уплате Польше, Голицын выговорил себе тайно половину этой суммы. Он же говорит, что князь, остановившийся у Перекопа, взял от крымских татар две бочки с золотой монетой, почему и донес в Москву, что дальше идти нельзя, так как нет ни хлеба, ни воды. Татары, однако, надули Голицына; когда взятые им у них золотые монеты явились в продаже в Москве, то они оказались медными с тонкою лишь позолотою. Впоследствии Голицын был переведен в Пинегу, где ему на каждый день выдавалось на содержание по 30 алтын и 2 деньги.

Князь Голицын там и умер в 1713 году 80 лет; тело его погребено в Красногорском монастыре, в 16-ти верстах от Холмогор.

У князя Василия было двое сыновей: князь Михаил, умерший бездетным, и князь Алексей, женатый на М. И. Квашниной, от которой и имел двух сыновей; один из них, князь Михаил, состоял шутом при дворе императрицы Анны Иоанновны, он известен под именем Квасника; название это он получил за обязанность свою подавать императрице квас, а также присматривать за любимой собачкой; за охранение последней он при заключении белградского мира [31] получил 3000 рублей. Внук знаменитого боярина был от природы слабоумным; он служил при Петре I в полевых полках, где дослужился до майорского чина. Потеряв первую свою жену, он испросил себе позволение отправиться за границу, где во время пребывания во Флоренции влюбился в простую итальянку, женился на ней и перешел в католичество. По приезде в Москву он тщательно скрывал от всех свое ренегатство и жену, но это обнаружилось и дошло до государыни. Поступок его был объяснен крайним слабоумием; его велено было представить ко двору. Государыня осталась от него в восхищении * и писала к Салтыкову: «Благодарна за присылку, он здесь

* См. С. Н. Шубинского «Очерки из жизни и быта прошлого времени».

всех дураков победил; ежели еще такой же в его пору сыщется, то немедленно уведомь». Голицын был вскоре обвенчан в историческом Ледяном доме [32] на Неве с калмычкою Авдотьею по прозванию Бужениновой.

Через девять месяцев после этой свадьбы императрица скончалась и должность придворного шута упразднилась. Голицын отправился в Москву, где жена его вскоре умерла, и князь уже около семидесяти лет вступил в четвертый брак с А. А. Хвостовой, с которой прижил трех дочерей. Он умер в 1778 году, в глубокой старости; могила его еще видна в селе Братовщине, по дороге от Москвы в Сергиевскую лавру.

В описываемый нами Китай-город в старину въезжали через Москворецкие ворота, у которых стоял Мытный двор, и здесь, по всей вероятности, был осмотр всех привозимых товаров в Москву. В старину казна взимала пошлины со всего, что покупалось и что продавалось, отчего внутренняя торговля тогда весьма стеснялась.

Старый Мытный двор лежал постройкой к Москве-реке; это было большое, обширное каменное здание в виде параллелограмма со двором внутри, где помещались товары, по большей части привозимые на барках. Название Мытный происходит от слова «мыт», т. е. пошлина, и «мытник», сборщик податей. Оба эти слова — наидревнейшие и известны уже были в 1037 году: они упоминаются в «Русской правде» Ярослава I [33],

На Мытный двор свозились товары и лежали до заплаты пошлины и осмотра их мытными головами и мытными целовальниками. Название последних чиновников происходило от присяги или, вернее, целования креста.

Князь Щербатов [34] говорит, что в древности были некоторые холопы и другого звания люди, которые платили дань определенным для сбора чиновникам; но как эта дань не была приведена в известность, то эти сборщики и должны были присягать, или целовать крест, в том, что все, что они соберут, без утайки доставят своему государю. Но иногда вместо целовальников собирали пошлины служилые люди, например стрелецкие головы, а целовальники были при том только свидетелями.

ГЛАВА XX

Родовой дом бояр Романовых. — Прапрадед царя Михаила Феодоровича. — Жизнь боярина Никиты Романовича. — Патриарх Филарет. — Знаменский монастырь. — Возобновление каменных палат Романовых. — Заиконоспасский монастырь. — Славяно-греко-латинская академия. — Печатный двор. — Монастырь Старого Николы. — Старый дом князя Воротынского. — Древние поединки. — Церковь св. Троицы в Полях. — Боярин Мих. Мих. Салтыков. — Судьба старых могил в Москве. — Храм у Красных колоколов. — Царь-колокол. — История его отливки. — Другие исторические колокола. — Аристократический центр древней Москвы. — Московские дворяне, бояре и ближние люди. — Грабежи и разбои в Москве. — Замечательные разбойники. — Кабаки и повальное пьянство. — Первый табак и чай. — Жизнь при царе Алексее Михайловиче

В Китай-городе уцелел древнейший памятник гражданского зодчества — боярская каменная палата, в которой родился царь Михаил Феодорович.

При восшествии на престол царя Михаила Феодоровича этот родовой дом бояр Романовых отдан был государем под Знаменский монастырь [1]; он стал тогда называться «старый государев двор, что на Варварском крестце, или у Варвары горы». Вопрос о времени основания дома бояр Романовых на Варварской улице связан с вопросом о доме предков их близ Георгиевской церкви на Дмитровке [2]. Несомненно, что дом прапрадеда царя Михаила Феодоровича, Юрия Захарьевича, умершего в 1505 году, был при каменной церкви св. Георгия на Дмитровке.

Таким образом, начало старого государева двора на Варварке не может восходить ранее XVI века. Хотя дочерью Юрия Захарьевича, Феодосиею, основан был при Георгиевской церкви монастырь, но самый дом был его, Романа Юрьевича, давшего фамилию ныне царствующему роду; по свидетельству записок Георгиевского монастыря, в доме своего деда и отца при Георгиевском монастыре воспитывалась Анастасия Романовна и отсюда взята в супруги царю Иоанну Васильевичу; близ Георгиевского монастыря бывшая церковь Анастасии-узорешительницы, разобранная в 1793 году, основана Анастасиею Романовною в память воспитания ее около этого места.

В жизнеописании Геннадия Любимоградского сказано, что этот подвижник был в доме вдовы Романа Захарьевича и благословил детей ее, Даниила и Никиту Романовичей, и, благословляя Анастасию, пророчески сказал: «Ты еси розга прекрасная и ветвь плодоносная, будеши нам государыня царица», что исполнилось 3-го февраля 1574 года, когда совершен брак ее с царем Иоанном Васильевичем, и царица впоследствии много благодетельствовала монастырю Геннадия в костромских пределах. Двор на Варварской улице поступил во владение младшему сыну Никите Романовичу.

В 1571 году, во время нашествия крымского хана Девлет-Гирея [3], когда вся Москва, кроме Кремля, была предана пламени, по всей вероятности, пострадал много и двор Никиты Романовича.

Спустя десятилетие после этого и сам хозяин дома подвергся опале грозного царя. После брака своего с Мариею Нагою царь Иоанн Васильевич послал на двор Никиты Романовича 200 стрельцов: они расхитили оружие, посуду, лошадей и все пожитки на 40 000 фунтов стерлингов. Никита Романович, кроме того, лишился всех своих поместьев, остался в такой бедности, что на другой день после разграбления послал в соседнее с ним английское подворье, близ церкви Максима-Исповедника [4], просить бумажной ткани на одежду себе и детям.

Англичанин Иероним Горсей [5], бывший в то время в России, рассказывает, что Никита Романович не чуждался сближения с англичанами, и один из них, приказчик торгового дома, давал его сыну Федору Никитичу уроки латинского языка; впоследствии этот Феодор был патриархом российским. Умирая, грозный царь возвратил милость свою своему шурину по первой своей жене и назначил

Никиту Романовича в числе четырех ближайших советников сыну своему царю Феодору Иоанновичу.

Со времени заключения Феодора Никитича царем Борисом в темницу в 1599 году и пострижения его с именем Филарета [6] в Сийском монастыре Архангельской области дом Романовых, надо полагать, долго оставался без хозяина, и хотя потом Филарет Никитич был в Москве при самозванцах, но не на долгое время и, как монах, не жил в своем доме. По избрании Михаила Феодоровича на престол родовой дом был исправлен, и при нем уже тогда, как показывают росписи того времени, был там в Знаменской церкви протопоп Иаков с двумя священниками и другими лицами клира. В те времена степень протоиерейства [7], предполагавшая большой клир, была редка и показывает особенное внимание царя к старому своему дому.

В 1626 году мая 3-го пожар, опустошивший Москву, не пощадил и государева двора; следствием его было расширение Варварской линии; но каменная палата на углу этой улицы и Псковского переулка оставлена на старом месте. Знаменский монастырь из домовой церкви бояр Романовых был основан в 1631 году, в год кончины матери царя Михаила, инокини Марфы Иоанновны.

В этот же год грамотою царя Знаменский монастырь был наделен родовыми царскими населенными имениями и угодьями, бывшими за инокинею Марфою Иоанновною.

В 1668 году во время большого пожара пострадал и Знаменский монастырь; по этому случаю игумен Арсений доносил царю Алексею Михайловичу: «Бьют челом богомольцы твои Знаменского монастыря, что на вашем государеве старом дворе твое царское богомолие — монастырь выгорел со всеми монастырскими службами и с запасьем, на церквах кровли обгорели и ваше государское старинное строение — палаты — от ветхости и от огня развалились, а нам, богомольцам твоим убогим, ныне построить нечем; место скудное; погибаем вконец».

Но скоро нашлись богатые царские родственники Милославские, и их иждивением восстановлены старинные палаты и другие многие здания монастырские и вместо бывшей деревянной ограды возведена новая, каменная. Монастырь обновился, но по слабости грунта все от ограды до собора было выстроено на дубовых сваях, и притом на косогоре, и потому долговечности не обещало.

В выходах государей находим, что в XVII веке Знаменская обитель часто принимала величественный вид; государь с боярами и патриарх со властьми бывали в монастыре на празднике у малой вечерни, всенощной и у обедни. Перед праздником на Сытном дворе наливалась в монастырь лампада воску. От монастыря в этот день подносились иконы Знамения Богородицы, со святою водой в вощанках [8], всем членам царской фамилии, патриарху и именитым боярам.

В царствование императора Петра Знаменский монастырь претерпел многие невзгоды; в это время слабость грунта и косогор оказали свое действие на каменные здания и ограду монастырские. Крыши тоже разрушились. Вдобавок в 1704 году сюда поместили колодников и арестантов с солдатами в кельях у задних ворот. Последние криком и прошением милостыни отгоняли богомольцев от монастыря; к довершению бед последовавший в 1720 году указ о каменных мостовых вконец разорил этот монастырь, окруженный со всех четырех сторон улицами; имея еще в городе за Москвою-рекою землю, он должен был вымостить более 500 квадратных сажен. Троицкий пожар 1737 года, испепеливший большую и лучшую часть Москвы, нанес также немалый вред монастырю.

Императрица Елисавета в 1743 году повелела исправить ветхости в монастыре и возобновить старинное жилище Романовых. В 1776 году профессор Чеботарев еще видел остатки «родительского дома фамилии Романовых». Позднее для поддержания монастыря романовская палата отдавалась внаем разным лицам; здесь жили московский купец Иван Болховитинов, грек купец Метакса и затем другой, нежинский грек Георгий Горголи. Последний кое-как починил палаты.

В год отечественной войны в монастыре помещался французский провиантмейстер, бывший прежде в русской службе, и монастырь уцелел от огня и разрушения; по выходе французов здесь на время жил архиепископ Августин. Архив монастырских дел от основания монастыря до конца XVIII века во время 1812 года был заставлен в ризнице в углублении каменной стены неподвиж-

Палата бояр Романовых

ными шкафами и сохранился тоже в целости.

После 1812 года монастырь кое-как поправили, но делать дальнейшие поправки в нем комиссия не допустила, потому что здание выступало за проектированную линию по Варваринской улице. В 1821 году архимандрит Аристарх входил с прошением к митрополиту Филарету, предполагая сломать палату Романовых и вместо нее построить новую, но разрешения на это не получил.

В 1858 году по повелению императора Александра Николаевича августа 31-го начали возобновлять прародительскую палату бояр Романовых, находящуюся на углу монастыря по Варваринской улице и Псковской горе. На закладке при входе на паперть государя встретил митрополит Филарет с напрестольным крестом в руке — вкладом матери царя Михаила великой инокини Марфы. При митрополите стоял придворный протодиакон с кадилом патриарха Филарета Никитича. Под сению хоругвей[9] оба иеромонаха держали в руках храмовой образ Знамения Богородицы, родовой бояр Романовых, царское моленье Михаила Феодоровича.

В приготовленное место для закладки государем и августейшей фамилией были положены новые и древние монеты, поднесенные членами комиссии по постройке. Так, И. Снегиревым[10] были поданы на блюде серебряные и золотые монеты чекана 1856 года, в память коронования государя, — год, в который повелено возобновить романовскую палату; А. Вельтманом[11] — золотые и серебряные монеты 1858 года, в свидетельство действительного начала работ для обновления этого древнего памятника; г. Кене — золотые и серебряные монеты

времен царя Михаила Феодоровича в память того, что в означенном доме родился и возрос этот государь, первый из поколения Романовых; известным нашим археологом архитектором А. А. Мартыновым — серебряные монеты царствования Иоанна Грозного как свидетельство, что здание было построено при этом государе.

Возобновление палаты было окончено 22-го августа 1859 года, и она освящена в этот же день в присутствии государя императора. Древняя боярская палата была построена в четыре этажа: первый, подвальный этаж, или так называемое в древности погребье с ледником и медушею; второй, нижний этаж, или подклетье с людскою, кладовою, приспешнею, или поварнею; третий, средний этаж, или житье с сенями, девичьею, детскою, крестовою, молельною и боярскою комнатою; четвертый, где находятся вышка, опочивальня и светлица.

Все комнаты внутри были убраны старинными предметами или сделанными по старинным образцам. На восточной стороне палаты в среднем жилье выступает висячее крыльцо, или балкон, глядельня. Над ним в клейме — герб Романовых; под ним в нише — надпись на камне, начертанная уставною [12] вязью, гласящая, при ком и когда начата и окончена постройка.

До 1771 года в Знаменском монастыре существовало кладбище, на котором было погребено значительное число разных лиц, что доказывают часто находимые в земле надгробные памятники при новых постройках.

Ив. Снегирев говорит, что в 1748 году по высочайшему повелению были деланы запросы, где находится палатка в Знаменском монастыре, где погребен был Карп, юродивый, и не было ли от него чудес, не поют ли над ним панихиды и проч.?

В числе исторических зданий в Китае-городе находится Заиконоспасский монастырь. Название свое он получил оттого, что стоит за Иконным рядом и главная церковь в нем во имя Нерукотворенного образа всемилостивого спаса. Построен монастырь по повелению царя Алексея Михайловича и по обещанию боярина Федора Волконского в 1660 году. Монастырь этот особенных достопамятностей не имеет, он замечателен тем, что в нем существовала сто тридцать лет Славяно-греко-латинская академия, давшая многих замечательных лиц, приобретших в науке и государственной деятельности известность.

Дом, где помещалась академия, был каменный, трехэтажный, с хорами, над воротами была надпись: «Славяно-греко-латинская Академия», поверх надписи висела картина с изображением горящей свечи, с надписью: «Non mihi sed aliis» [13]. Эта вывеска существовала до 1812 года. История возникновения этой академии следующая. Иерусалимский иеромонах Тимофей первый представил царю Федору Алексеевичу о необходимости учебного заведения в Москве. «Царь *, услыша сие, умилился и, взяв совет от патриарха Иоакима, дозволил Тимофею насадити и умножити учение».

Известно, что еще царь Борис Годунов думал о заведении в Москве училищ и приглашал немецких ученых в столицу, но в исполнении своего желания встретил сильное противодействие со стороны духовенства. Благодушная старина боялась западной новизны, наше образование тогда ограничивалось немногим более знания букваря.

В академию в первое время было принято тридцать человек; в помощь Тимофею были даны еще два учителя, из греков же. Для чтения, письма и языка «греческого мира» — Мануил и на тот же предмет и для свободных наук — греческий иеромонах Иоаким. Царь и патриарх ежедневно посещали не только училище, но и заведенную при нем типографию. Вскоре потребованы были царем от вселенских патриархов и другие учителя, но их уже государь не дождался; они прибыли после его кончины. Это были братья Лихуды, иеромонахи Иоанникий и Сафроний [14]. Первыми учениками типографскому искусству поступило шесть человек: Алексей Кириллов, Николай Семенов, Федор Поликарпов, Федор Агеев, Иосиф Афанасьев и монах Чудовского монастыря Иов. В то же время указано синклитским и боярским детям учиться в той же новозаведенской школе. Из наук на двух языках — греческом и славянском преподавались: риторика, диалектика, логика и физика; грамматика же и пиитика только на гре-

---

* См. «Описание о начатии греко-латинской академии в Москве», сочинено в 1726 г. справщиком Федором Поликарповым.

ческом. Переводчиками необходимых книг были ученики, и ученое дело шло весьма хорошо; но тут явились Сильвестр Медведев [15] и друг его Федор Шекловитов (в старой транскрипции. — *Сост.*), и училище едва не было закрыто. Медведев * и Шекловитов были казнены, но друзья и родственники казненных продолжали питать начатую злобу.

Патриарх Адриан поверил клевете и разослал учителей по монастырям. Место их заняли ученики их, Николай Семенов и Федор Поликарпов; но они учили только на одном «еллино-греческом языке». Дальнейших исторических сведений об академии мы не приводим.

В истории академии различают три периода. Первый — от Лихудов до Палладия Роговского **, 1685—1700 годы; в это время преобладает образование греческое и академия называется эллино-греческою. Второй — от Палладия Роговского до времен митрополита Платона, 1700—1775 годы; характер образования в эту эпоху чисто латинский и академию зовут латинскою, или славяно-латинскою. Третий период — от времен Платона до преобразования академии и перемещения ее в Троицкую лавру, 1775—1814 годы; в это время называется она — академия славяно-греко-латинская; с последнего года сюда переводится из монастыря св. Николая на Перерве московская семинария, а там остается низшее духовное училище. Академия управлялась ректором и префектом, или инспектором; по уставу академии последние должны быть такими, «которых учение и труды уже известны», а префект должен быть «не вельми свирепый и не меланхолик», и оба должны быть «тщательны в своем деле».

Начальникам академии давались многие ученые поручения. Так, ректору в 1722 году были даны взятые в лавках на Спасском мосту писанные подозрительные тетради и так называемые волшебные тетради; пойманных с такими тетрадями наказывали плетьми и потом отсылали к ректору на увещание. Полиция, находя волшебные записи, гадательные книги у простодушных людей, зараженных суеверием и обольщавшихся колдовством, отсылала их к ректору академии.

Так, в 1726 году были найдены такого рода письма у одного иеродиакона Прилуцкого монастыря, Аверкия, который для вразумления был представлен ректору Гедеону. Любопытный также случай рассказывается в бумагах этого же года. К ректору Гедеону из полицийместерской канцелярии был прислан дворовый человек князя Долгорукова Василий Данилов, который, вступив в сношение с дьяволом, украл по его наущению золотую ризу с иконы богоматери и попался в руки правосудия, от которых, несмотря на просьбы, не был избавлен дьяволом. Ректор должен был выслушать историю его видений и по двухдневному увещанию возвратил его в полицию. Присылали для увещевания «записного бородача и раскольника» и иконоборца, который в воскресную литургию зажег смоляными щепами образ спасителя.

К лицам, требовавшим увещания, относили и таких, которые впадали в задумчивость и в душевное расстройство. В этих случаях предписывалось психическое врачевание больного. В 1744 году к ректору Порфирию был прислан студент Академии наук Яков Несмеянов, впавший в «меленхолию». В бумаге предписано: «Определя его к кому из учителей, велеть разговаривать и увещевать, и притом усматривать, не имеет ли он в законе божии какого сумнения». Ученики в академии были всякого звания. В 1736 году сюда поступило 158 детей дворянских, между которыми были князья Оболенские, Прозоровские, Хилковы, Тюфякины, Хованские, Голицыны, Долгорукие, Мещерские и другие. Среди этого общества находились подьяческие, канцелярские, дьяческие, солдатские и конюховы дети. А также во главе общества учеников почти во время каждого курса находились лица, имевшие уже иерархические степени, священники, дьяконы и монашествующие.

Часто студента богословия, не окончившего курса, определяли в одну из церквей священником, но он обязан был ходить в академию до окончания курса.

* Сильвестр Медведев родом из Курска, служил прежде подьячим, потом принял монашество; он имел главный спор с Лихудами «о времени пресуществления евхаристии», был предан анафеме, бежал в Польшу, но был пойман, судим и отрекся от своего учения. Обличенный в соумышленничестве с Милославским и Шекловитым, казнен отсечением головы.

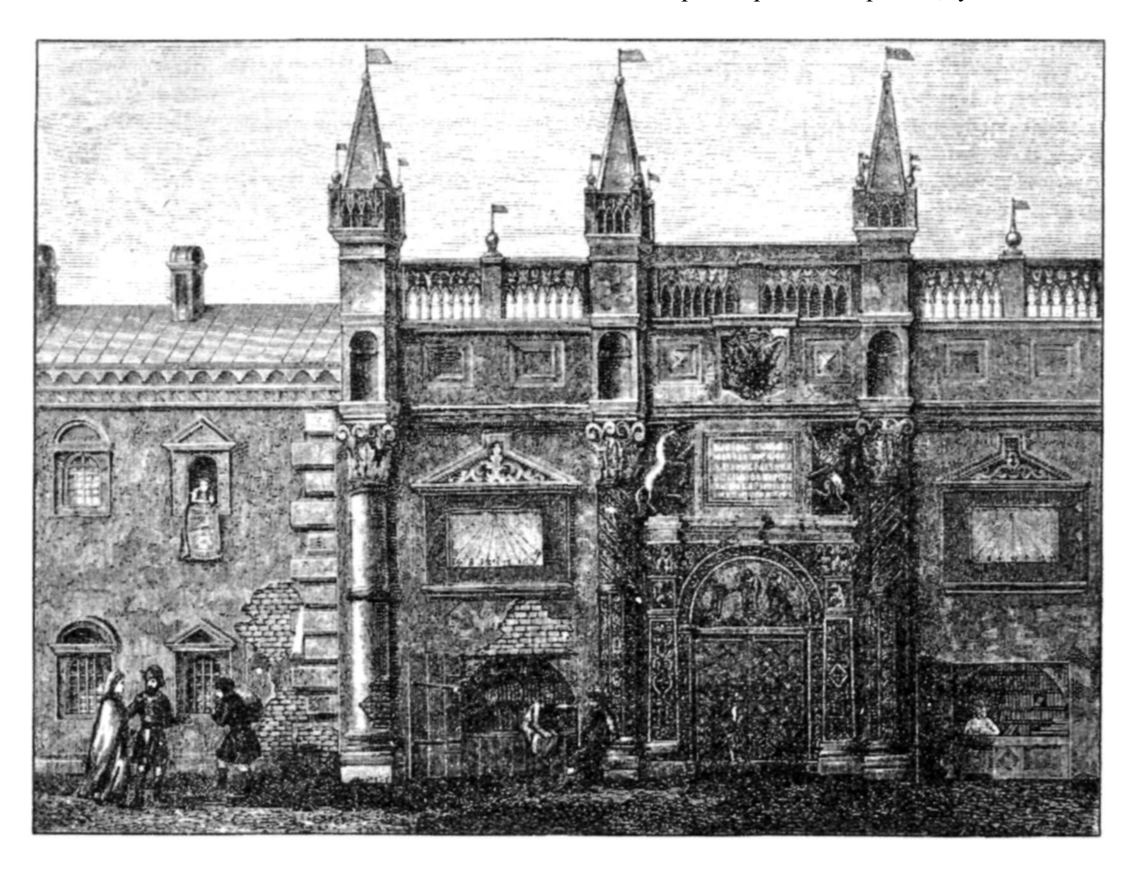
** Палладий Роговский был первый русский доктор.

Число учеников простиралось от 200 до 600, годы учения иногда тянулись до двадцати лет, и нередко случалось, что студенты богословия кончали 35-ти лет. Не имевших способности к учению, но отличавшихся добрым поведением держали в академии, ожидая, не откроется ли у них со временем дарования, и если ожидания были тщетны и ученик приходил в зрелые лета, его исключали. В 1736 году таких «непонятливых и злонравных» было исключено сто человек, двух новокрещенных калмыков держали в одном классе девять лет и наконец исключили по неспособности к учению.

Вообще начальство не любило карать учеников исключением и выгоняло только тогда, когда «буде покажется детина непобедимой злобы, свирепый, до драки скорый, клеветник, непокорив и, буде чрез годовое время ни увещании, ни жестокими наказании одолеть ему невозможно, хотя бы и остроумен был, выслать из академии, чтобы бешеному меча не дать».

Экзамены в академии были торжественные и продолжались три дня в собрании многочисленных посетителей. Диспуты открывались пением учеников, иногда с присоединением оркестра. Диспуты риторические и пиитические состояли в разговорах нескольких учеников о каком-нибудь предмете из области природы, науки или искусства, в чтении стихотворений, в произнесении речей и т. д.

К торжественным действиям, в которых принимали участие ученики, принадлежали встречи царственных особ; так, после полтавской победы учениками на Никольской улице, около академии, были говорены разные орации, у академии

Печатный двор в Москве в XVII столетии. С рисунка, находящегося в «Древностях Российского государства»

были устроены триумфальные ворота, украшенные эмблематическими картинами с латинскими и греческими надписями. Когда процессия приблизилась, ученики в белых одеждах, с венками на головах и ветвями в руках вышли навстречу государю, полагали пред ним венки и ветви и пели канты.

Из академии вышло много замечательных лиц прошедшего столетия; здесь получил образование известный сатирик князь Антиох Кантемир; он, еще будучи 11 лет, сочинил на греческом языке похвальное слово Дмитрию Солунскому, которое и говорил с дозволения Петра Великого, в его присутствии в церкви Заиконоспасского монастыря. В этой же академии был первый по успехам Ломоносов [16] и, вступив в класс пиитики, написал свой чуть не первый опыт стихами:

Услыхали мухи
Медовые духи,
Прилетевши, сели,
В радости запели;
Едва стали ясти,
Попали в напасти,
Увязли бо ноги.
Ах! плачут убоги,
Меду полизали
А сами пропали.

За этот поэтический опыт учитель его Федор Кветницкий (впоследствии архиепископ Феофилакт) подписал ему: «pulchre» [17].

Здесь же получил свое образование сын купца из Гороховца Михаил Ширяев, бывший впоследствии любимцем Петра Великого; он писал стихотворения и жил у царя при дворе, государь называл его князем, великим оратором; Петр любил его за острый ум. В этом же заведении воспитывался известный своими лирическими произведениями Василий Петров, любимец светлейшего князя Тавриды и придворный библиотекарь императрицы Екатерины II.

Также значится учеником академии Иван Магницкий [18], сочинитель первой арифметики, напечатанной в 1703 году. Первый профессор философии Московского университета Николай Поповский тоже был один из учеников академии. Поповский считается также первым издателем «Московских ведомостей». Известный своим описанием Камчатки С. П. Крашениников тоже получил свое образование в этой академии.

Первый переводчик Гомеровой «Илиады», не менее популярный пиит своего времени Ермил Иванович Костров тоже обучался сперва в этой академии и затем уже окончил курс в университете со степенью бакалавра.

Здесь же окончил курс богословских наук другой пиит, Петр Буслаев, служивший дьяконом в Успенском соборе. Он напечатал в 1734 году поэму на смерть Строгановой, про которую Тредиаковский сказал: «Если бы в стихах Буслаева было падение стоп, возвышающихся и понижающихся, что могло б быть и глаже и плавнее Буслаева стихов?»

Из числа учеников академии можно назвать еще В. Г. Рубана [19], издававшего три журнала, написавшего историю Малороссии, описание городов Петербурга и Москвы, затем нескольких любопытных календарей и переводившего много книг с греческого и латинского языка, затем Н. Н. Бантыш-Каменского, Антона Барсова — соредактора первого редактора «Московских ведомостей» и знаменитого архитектора В. И. Баженова, украсившего Москву и Петербург многими капитальными зданиями. В аудитории академии стекались слушатели всех сословий.

Из всегдашних посетителей здесь встречались обер-камергер князь А. М. Голицын, граф Ив. А. Остерман. Из посетителей были и такие, что приводили к кафедре своих детей, повторяя им, чтобы они слушали и помнили здешних проповедников.

Из замечательных зданий Китая-города по Никольской улице находим дом Синодальной типографии, в древности известный под именем Печатного двора, построенного в 1553 году по повелению царя Иоанна Васильевича. В первое время это большое каменное здание было о двух житьях, или этажах, с подклетами, или погребами; оконницы в нем были слюдяные, кровли и другие пристройки деревянные.

Самый типографский двор был огорожен острым деревянным тыном, а на Никольскую улицу выходили большие деревянные ворота с кровлею. В 1643 году по повелению царя Михаила Феодоровича на Печатном дворе на пространстве в длину 39 сажен по Никольской улице были сооружены двухэтажные каменные палаты, а два года спустя была окончена постройка каменных ворот с башнею. Надворная башня имела в вышину 13 сажен.

Здание этого двора красивой готической архитектуры, смешанной с арабским и итальянским вкусом; в средине ворот над створами в большом овале лепное изображение всевидящего ока в лучах. В бельэтаже над воротами находятся вернейшие солнечные часы; последних двое и помещены они по сторонам в симметрии.

На средине над бельэтажем английский герб. Последний повел к предположению, что будто дом этот некогда принадлежал английским послам и что царь Алексей Михайлович, разгневанный на них за то, что они умертвили своего законного короля Карла I [20], отнял его от них.

Но это предположение вполне опровергается следующею надписью на доме: «Божиею милостию и повелением благоверного и христолюбивого царя и великого князя Михаила и сына его государева царевича великого князя Алексея Михайловича всея Руссии сделана бысть сия палата на дворе над воротами книгопечатного тиснения в лето 7155 (1645) месяца иуния в 30 день».

Эта надпись, как видим, относится только к наружному на улицу строению, а не к тому, что находится внутри двора. Последнее, как известно, построено Иоанном Грозным, который первый завел в Москве Печатный двор; думать надо, что фигуры коня и единорога, почитаемые за герб Англии, есть не что иное, как герб самого Грозного царя московского, который употреблял фигуры этих животных на своей печати.

В царствование Федора Алексеевича на Печатном дворе была совершена следующая еще пристройка в сентябре 1681 года; по царскому указу велено весь иконный ряд, который находился на Никольской улице, идя от Кремля, налево вперед Заиконоспасского монастыря, переместить на Печатный двор, где и выстроено было для иконных торговцев по обеим сторонам двора десять деревянных лавок.

Одежда бояр и боярынь в XVII столетни. С рисунка, находящегося в «Древностях Российского государства»

Торговля иконами на большой проезжей улице найдена была в это время неприличною — царь указал по своему именному указу, что в Китае-городе, на Никольском крестце, чтоб промен св. икон [21] и иконный ряд были в сокровенном месте, а не на большой проезжей улице...

В царствование Михаила Феодоровича в Москве уже получались многие печатные немецкие ведомости; при царе Алексее Михайловиче Москва уже получала до двадцати иностранных газет и журналов.

В посольском приказе тогда было 50

переводчиков и 70 толмачей для греческого, латинского, шведского, немецкого, польского и татарского языков. Для государя и двора они переводили из газет статьи о замечательных явлениях в мире физическом и политическом, о достопамятностях исторических и географических в чужих краях и т. д.

Такие их выписки, известные под именем «Курантов» [22], хранятся в Москве, в архиве министерства иностранных дел. «Куранты» в форме свитков, столбцами и переписаны на нескольких листах склеенной бумаги; переписываемые высказано много библиографических противоречий и неточностей. Академик Георги говорит, что они восприяли начало в 1708 году, Сопиков высказывает, что они появились в 1728 году, очевидно смешивая их с петербургскими академическими, которые действительно явились на свет в это время. Теперь доказано, что «Ведомости» появились в начале 1703 года, и с этого времени издание беспрерывно продолжалось до 1728 года. Печатали их в восьмую долю листа, церковными буквами, но уже с 1704 года царь стал заботиться о пере-

Одежда бояр и боярынь в XVII столетии. С рисунка, находящегося в «Древностях Российского государства»

досужными грамотеями, газетные статьи нередко входили в состав сборников-альманахов того времени: письменные «Куранты» послужили предуготовлением к печатным русским газетам.

Первое путешествие Петра за границу показало ему, какое имеют значение, ход и нравственную силу в народе газеты; это внушило ему мысль заменить письменные «Куранты» печатными русскими газетами, которые бы сообщали народу известия о военных и гражданских делах; 16-го декабря 1702 года последовало именное повеление Петра о печатании газет. Первый нумер «Ведомостей» появился в Москве 2-го января 1703 года. Относительно появления первых «Ведомостей» в печати было мене шрифта, придавая ему округленность латинских букв. В следующем году он заказал такой шрифт в Амстердаме. «Ведомости» печатались в количестве тысячи экземпляров; предполагают, что редактором их был граф Ф. А. Головин. Тип нынешней нашей гражданской печати «Ведомости» имеют только с 1717 года; по преданию, Петр сам держал иногда корректуру. Но как в Москве немного было «охочих грамотеев», то и газеты не имели большого распространения и действия, хотя царь и завел для этого по образцу иностранному австерии, т. е. ресторации, куда заманивал читать даровым угощением. «Наш н а р о д, — говорил Петр I, — яко дети, не учения ради, но которые никогда

за азбуку не примутся, когда от мастера не приневолены будут, которым сперва досадно кажется, но когда выучатся, потом благодарят».

Первыми же заводчиками и художниками типографского дела в Москве были при царе Иоанне Васильевиче диакон кремлевской церкви Николая Гостунского [23] Иоанн Федоров [24] и Петр Тимофеев, по прозванию Мстиславец. Напечатанная ими книга была «Апостол»; издана книга была «под надзиранием датчанина Ганса, или Ивана Бодбиндера, копенгагенского уроженца», как гласит предисловие или, вернее, «послесловие», потому что в старых книгах до Никона титул и предисловие печатались не в начале, а в конце.

Где стоит нынешний Николаевский греческий монастырь [25], в старину там находился монастырь, основанный в XIV веке, известный под именем Николы Старого и Большая глава и «что у крестного целования», как говорит Н. Соловьев *; последнее название обитель носила потому, что в ее церкви были приводимы к присяге подсудимые в сомнительных случаях. Видевший эту обитель в XVII веке Рейтенфельс [26] рассказывает, что она «малым чем уступала греческому кварталу в Риме».

Набожные обитатели этой местности, проходя по вечерам мимо часовни, заходили помолиться и брали из нее огонь в сумерки, которым зажигали свечи и ночники в своих домах. Этот обычай существовал до царствования Екатерины II. Иоанн Грозный дал монастырь афонским монахам для временного пребывания; позднее, при царях Михаиле Феодоровиче и Алексее Михайловиче, это подворье называлось Афонским и здесь в первое время помещалась Иверская икона Богородицы. В этой церкви погребены молдавский господарь князь Дмитрий Кантемир и несколько грузинских князей.

На месте, на котором помещается теперь гостиница «Славянский базар» [27], при царе Алексее Михайловиче стоял дом ближнего его боярина и стольника (чашника) князя Ивана Алексеевича Воротынского [28], последнего из рода этих князей; женатый на одной из дочерей Спешнева, он приходился свояком царю.

Князь был любимцем царя: в путе-

А. С. Матвеев.
С гравированного портрета,
приложенного к его
жизнеописанию,
изданному в 1776 г.

шествиях он сидел с ним в одной карете по правую руку; ему в отсутствии государя поручаем был город; он был в числе первых советников царя в государственных делах и при торжественных заседаниях и церковных обрядах, как старший сановник, нередко заменял самого царя. Воротынскому поручался также прием иностранных послов, которым царь хотел оказать особую почесть. Князь умер в 1680 году и погребен в Кирилло-Белозерском монастыре.

В числе замечательных церквей в Китай-городе находится древний храм во имя Живоначальной Троицы, в полях; слово «в полях» понимается не в прямом его значении, а в смысле «поединка». Татищев говорит в примечании своего «Судебника»: «Поле разумеем поединок — пред судьями биться палками во делах, неимущих достаточного доказательства; ибо ротою, т. е. клятвою или присягою, утверждать или оправдаться опасались душевредства». Судебным делом решались самые важные, запутанные тяжбы — такой суд звали «судом божеским». Приступающие к поединку облекались всегда в полные доспехи и вооружались ослопами, т. е. дуби-

* См. Н. Соловьева: «Летопись Московской Троицкой, что в полях, церкви», с. 266.

нами, но уже с XVI столетия употребляли и другие оружия. Бой происходил на назначенном месте на обширной поляне, со всех сторон огороженной, в присутствии судей.

Кто одолел, тот был прав, а уступивший силе своего противника признавался виновным и платил пошлину чиновнику и служителям, которые должны были присутствовать при бое и наблюдать за порядком. Алексеев, составитель церковного словаря, говорит, что такое поле — «у Троицы в полях» *, за городскою стеною на берегу речки Неглинной, где были три полянки с нарочною канавой; здесь тягавшиеся дрались до крови, а иногда и друг друга до смерти убивали. Он же описывает и более легкие поединки; например, спорящие становились там один по ту, другой по другую сторону канавки и, наклонив головы, хватали один другого за волосы, и кто кого перетягивал, тот и прав бывал. Побежденный должен был перенести победителя на своих плечах чрез Неглинную. Пред таким поединком иногда предлагали соперникам и мировую, о чем напоминает нам старая пословица «подавайся по рукам, легче будет волосам». В противном случае они хватались за волосы.

Церковь Троицы в полях была построена в 1657 году боярином Мих. Мих. Салтыковым[29], родным племянником матери царя Михаила Феодоровича, впоследствии принявшим схиму под именем Мисаила. Про этого Салтыкова рассказывает Яблочков **, что он со своим братом Борисом до приезда государева отца патриарха Филарета из Польши пользовались мягкосердием и малоопытностью молодого царя, только и делали, что себя и родню свою богатили, земли крали и во всяких делах делали неправду, промышляли тем, чтобы при государевой милости, кроме себя, никого не видеть.

Они из личных выгод расстроили брак государя с девицей Хлоповой, оговорив ее в неизлечимой болезни. По приезде Филарета из Польши патриарх обнаружил преступления Салтыковых, сослав их в ссылку, мать их заключили в монастырь, поместья и вотчины отобрали в казну за то, что они государской радости и женитьбе учинили помешку. Но по смерти Филарета Никитича царь немедленно возвратил Салтыковых с прежними чинами.

До постройки церкви во имя Живоначальные Троицы Салтыковым здесь была прежде церковь во имя св. Георгия Победоносца, построенная, как полагают, каким-нибудь оправданным судом божиим в знак благодарения.

При земляных работах в близлежащих к этой церкви домах найдена в разное время большая масса костей человеческих, хорошо сохранившихся парчовых лоскутков, башмаков и т. п. вещей, свидетельствующих, что здесь когда-то было большое кладбище.

Так, в 1825 году при рытии рвов на глубине семи аршин были найдены две каменные растреснувшие гробницы из цельных камней с крышами из белой плиты без надписей. Обе гробницы были сделаны в меру человека; в таких в древности погребали богатых и знаменитых умерших вместо нынешних склепов или могильных сводов. В одной из них видны были остатки длинных волос и подошвы от башмаков, а костей мало.

Много намогильных плит, камней и монументов было уничтожено повсеместно при церквах в 1722 году. Когда в этом году последовал указ, по которому предписывалось «обретающиеся в Москве у приходских церквей, также и у монастырей положенные над гробами погребенных тамо человеческих телес камни, которые лежат неуравнено с землею, окопав, опустить в землю такою умеренностию, дабы оные с положением места лежали ровно, а ежели множество тех камней надлежащему уравнению будет неудобовместно, то излишние камни употребить в церковное строение». С этого времени, полагать надо, многие исторические могилы навсегда уничтожены.

В Китае-городе, в Юшковом переулке (ныне пр. Владимирова. — *Сост.*), имеется церковь св. Николая, названная — у красных колоколов. Храм этот построен в 1626 году, но стиль строения, как говорит Ив. Снегирев, гораздо древнее XVII столетия. Храм замечателен тем, что здесь похоронена голова мятежного Соковнина[30], посягавшего на жизнь

---

* Таких «полей» в Москве было несколько: в Белом городе, у церкви Параскевы Пятницы, в Охотном ряду; церковь св. Георгия на Всполье, в Кудрине, где храм Покрова и проч.

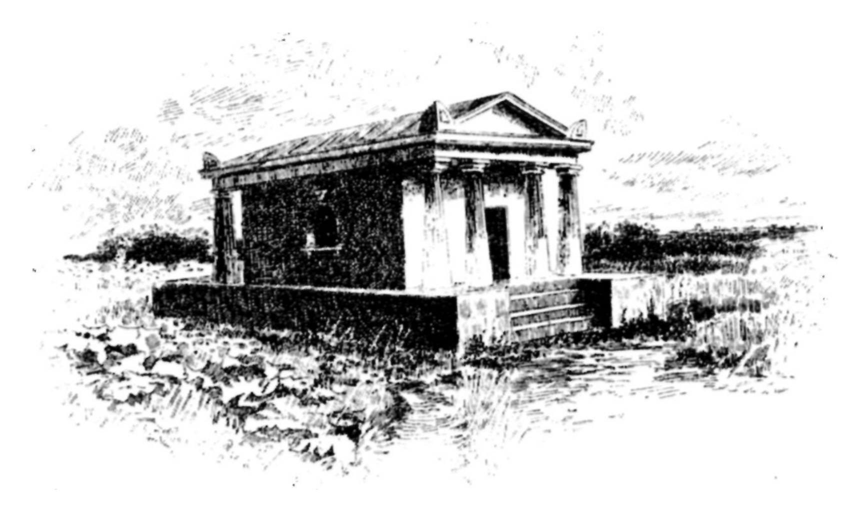
** См. Яблочкова «Историю дворянского сословия».

Петра Великого; труп его был отвезен в Убогий дом, но голову с честью похоронили его родственники при этой церкви. Название церкви у красных колоколов, потом у красного звона и даже у хороших колоколов показывает, что она славилась еще за два века своими колоколами, или звоном. Предание, будто она так названа от колоколов, покрытых красною краской, не имеет основания; звон красный — значит веселый, благозвучный, усладительный.

В церковном уставе звон на святой неделе именуется красным. Из древнейших колоколов на этой церкви уцелел только один замечательный полиелей (колокол, в который звонили перед заутреней. — *Сост.*): на стенках его отлиты в клеймах три лилии с буквами «Е. Т.» и сбивчивая надпись: «Expoir en tout... de ce cloche es Chenaem sttas en fraci» [31]. Неизвестно, откуда и когда поступил этот древний колокол. Но известно, что во время счастливой войны царя Алексея Михайловича с Польшею во многие города России и даже в Сибирь были посланы вместе с поляками и литовцами и пленные колокола. Колокола на Руси делятся на царские, пленные, ссыльные, золоченые и лыковые.

Первые колокола при церквах на Западе введены в употребление в конце VI века. Изобретение колоколов приписывают Павлину, епископу нольскому, что в Кампаньи; думают, что от этого и произошло латинское их название Campena u Nola [32]; во Франции они введены с 550 года. В XI веке построены в Аугсбурге при главном соборе обе колокольни, и на них повешены два больших колокола. В Париже при церкви Богоматери повешен большой колокол в 1680 году; он имел в окружности 25 футов и весил 310 центнеров. Но вылитый в Вене в 1711 году весил 334 центнера; один язык его в 8 центнеров и в длину 9 футов. Величайшим колоколом в Австрии считается ольмюцкий; вес его 358 центнеров.

Но все эти колокола перед колоколами на Иване Великом, на храме Спасителя и в Троицкой лавре кажутся пигмеями, не говоря уже о том, который лежит в Кремле и носит название Царь-колокол [33]. Последнее название имел у нас в старину еще другой колокол, висевший в брусяном срубе между Ивановской колокольней и соборами Успенским и Архангельским. Он был весом в тысячу пудов и отлит около половины XVI века. В него ударяли три раза, с большою расстановкою, в редких случаях: как, например, при смерти царя или патриарха. Впоследствии он был перелит с добавлением меди, назван Праздничным и повешен на пристройке к Ивану Великому.

Памятник боярину А. С. Матвееву при церкви Св. Николая на Столпах, поставленный в 1821 г.

Прежний, старый памятник, стоявший на могиле А. С. Матвеева и разобранный в 1820 г.

Сведения о большом колоколе, лежащем в земле близ Ивановской колокольни, крайне сбивчивы. Одни полагают, что отломок края у него произошел от неискусного литья, другие, напротив, уверяют, что он был отлит, поднят и висел под шатром на столбах, но от действия огня в случившийся пожар в 1737 году упал в яму, причем вышибен

ему край ударившимся в него брусом. В записках графа Миниха находим о нем следующее: «Вскоре потом, когда императрица вознамерилась вместо прежнего разбитого преогромного московского колокола, висевшего на Иване Великом, заказать вылить другой — в девять тысяч пуд, то и препоручено мне отыскать в Париже искусного человека, дабы сделать план колоколу купно со всеми размерениями. По сей причине обратился я к королевскому золотых дел мастеру и члену академии наук Жерменю, который по сей части преискуснейшим считается механиком. Сей художник удивился, когда я объявил ему о весе колокола, и сначала думал, что я шутил; но как после его уверил, что имею про то высочайшее повеление, то он взялся сие исправить. Принесши ко мне план, вручил я его графу Головкину для отсылки; но колокол после отлит не по назначенному плану, а по другому, еще в две тысячи пудов тяжелее вышепоказанного веса. Он вылился весьма красиво и удачно и стоял уже в готовности, чтобы поднять на колокольню, как, по несчастию, в бывший в 1737 году в Москве большой пожар от упавшего на него разгоревшегося бревна расшибся».

Отливка колокола происходила в 1735 году по чертежам и моделям артиллерии колокольных дел мастера Ивана Федоровича Маторина[34] и вышла очень удачна. Колокол пострадал от пожара, жертвою которого сделалась большая часть Кремля. Пожар произошел во время обедни в день св. Пятидесятницы от зажженной перед образом копеечной свечки женкою Марьею Михайловою в доме отставного прапорщика Александра Милославского (с этого времени стала известна на Руси пословица: «Москва от копеечной свечи сгорела»). Предположения о перелитии расшибленного уже колокола начались с 1747 года, брался его перелить мастер

Царь-колокол

Слизов, который переливал другие колокола, находящиеся на Ивановской колокольне.

Потом еще в 1770 году архитектор Форстенберг придумал еще впаять вышибленный край в колокол, уверяя, что от этого нимало не пострадает звук колокола. В настоящее время такая починка возможна при электрической спайке, изобретенной г. Бернадосом.

Царь-колокол превосходит своею величиною все известные колокола на земном шаре. Он первоначально отлит был с прибавкою меди от разбившегося годуновского колокола и содержит в себе весу 12 327 пудов и 19 фунтов, вышиною в 19 футов и 3 дюйма, а окружностью в 60 футов и 9 дюймов; стены его толщиною равняются двум футам. С наружной стороны, вверху, отлиты грудные изображения царской фамилии, а в средине лики московских патриархов. Надпись на нем следующая: «Блаженные и вечно достойные памяти вел. гос. царя и вел. кн. Алексея Мих., всея Вел. и Мал. и Бел. Руси самодержца повелением к первособорной церкви Пресвятые Успения Богородицы, слит был великий колокол осмь тысяч пуд меди в лето 1654 г.; из меди сего благовестить начал в лето 1668 г.».

Имеются также еще колокола, как мы выше говорили, золоченые. Таких небольших в городе Таре штук шесть; вызолочены они одним любителем церковного благолепия. Существуют еще колокола и лыковые: это тоже опальные, сначала разбитые, а потом перевязанные лыком[35], — такой есть в одном из монастырей Костромской губернии.

На колокольне Ивана Великого некогда имелось несколько колоколов с историческим прошлым, но впоследствии они были перелиты; из таких переделанных в екатерининское время известен так называемый Лебедь, он вылит был в 1532 году, на нем была надпись: «Hikiwas obraker 537» и напротив этих слов — по-русски: «Делал Никола». Весу в нем 445 пуд. Другой такой колокол был перелит во времена царицы Анны, ранее он был вылит при царе Иоанне Васильевиче в 1556 году и назывался Новго-

родским. Затем целы еще там посейчас колокола: Широкий, отлитый в 1679 году, затем Слободский, вылитый в 1641 году, еще Ростовский, вылитый в домовый Белогостиный монастырь при царях Петре и Иоанне Алексеевичах; из замечательных там же имеется колокол Медведь, вылитый в Новом городе в 1501 году, затем два иностранной работы — один без имени, другой прозванный Немчин; после этих колокола: Глухой, Даниловской, Марьинский, Кореунский, Новый и многие другие.

Китай-город, как ближайший к жилищу царя, исстари был самым аристократическим местом; здесь стояли дома многих знатных сановников, бояр, дворян и именитых людей.

По тогдашним правилам московские дворяне все были люди служилые, должны были постоянно жить в столице и не могли отлучаться из Москвы без царского отпуска под страхом жестокого наказания без всякой пощады *. Но чтобы облегчить им службу, царь приказал в 1653 году стольников, стряпчих, московских дворян и жильцов расписать в четыре перемены и до службы указал им быть в Москве, переменяясь по три месяца. Московские дворяне различались по чинам и должностям.

При родовом составе дворянского сословия лица из одного рода были постоянно в одних и тех же чинах. Так, например, самый первый чин, боярина, при Алексее Михайловиче получали только немногие представители знатнейших фамилий, члены этих фамилий поступали прямо в бояре, минуя чин окольничего.

Даже любимцев своих, большею частью из худородных, царь с трудом проводил до боярства. Второй чин, окольничего, возводил из родов менее знатных, окольничии были придворными, распоряжались при придворных церемониях. Третий чин были думные дворяне, они назначались из добрых и высоких родов, которые «еще в честь не пришли, за причиною и недостижением»; последующие чины были: думные дьяки, спальники, стольники, стряпчие, московские дворяне, дьяки и затем жильцы [36].

Последний чин был самый многочисленный, их было до 2000 человек; это были дети дворянские, дьячьи и подьяческие, они сидели на царском дворе для всяких посылок. Из них выслуживались в стряпчие, стольники и думные люди — они назначались начальниками к коннице, пехоте, к рейтарам [37] и солдатам; все чины исполняли должности как придворные, так и другие. Котошихин говорит: «Что всем боярских, и окольничих, и думных людей детям первая служба бывает при царском дворе такова же, только по породе своей одни с другими не ровны».

При царском дворе были царевичи касимовские и сибирские, крещенные в христианскую веру. Честью они были выше бояр, но в думе не сидели, служба их была: когда в праздники царь идет в церковь, они ведут его под руки, и каждый день последние обязаны были быть у царя на поклонении; получали они от царя ежемесячно денежный корм; дети и внуки этих царевичей назывались тоже царевичами.

По взятии в плен семейства сибирского царя Кучума [38] все семейство последнего содержалось в Посольском подворье в Китай-городе. Только одни потомки удельных князей назывались князьями. Котошихин говорит: «Царь московский не может никого пожаловать вновь князем, потому что не обычай тому есть и не повелось. Также не бывает и графов, и вольных господ».

При пожаловании в дворяне не давали ни грамот на дворянство, ни гербов. Давались только грамоты на поместья и вотчины. Все чины обязаны были ежедневно съезжаться к царскому дворцу. Бояре, окольничьи думные и ближние люди приезжали каждый день рано утром к царю ударить челом. Государь с ними разговаривал, слушал дела, они стояли перед царем, а уставши, выходили сидеть на двор. Приезжали они к царю и после обеда, к вечерне. Они собирались все наверху, в передней палате, и ждали царского выхода из покоя.

Ближние же бояре входили прямо к царю в палату. Стольники, стряпчие, жильцы, московские дворяне, полковники, головы не входили в палату, оставались на крыльце пред палатами непокоевыми, другие же чины не имели права доходить и до этого места, оставались на площади, ожидая приказаний от

* См. Яблочкова «Историю дворянского сословия».

царя. Так ежедневно толпились перед дворцом все чиновники.

Ко дворцу старики ехали в каретах, зимою в санях, молодые — верхом; не доезжая до царского дворца, вдалеке от крыльца, выходили из карет, слезали с лошадей и уже пешком шли к крыльцу. На царский двор не пускали лошадей, также не смели ходить по нему с оружием, и, кто шел с оружием, того пытали и казнили.

Как мы уже сказали, дома бояр и ближних людей находились по большей части в Китай-городе. Котошихин говорит: «Бояре и ближние люди живут в домах своих каменных и в деревянных без всякого устроения и призрения. И живут с женами и с детьми своими покоями и держат в своих домах мужского и женского полу человек по 100 и по 200, 300, 500 и 1000, сколько можно, смотря по своей чести и животам. Таким же образом и иных чинов люди держат в домах своих кому сколько можно прикормити, вечных и кабальных, а не кабальных людей в домах своих держати не велено никому».

О числе людей на боярских дворах можно судить по следующему. В 1653 году в Москве была моровая язва. На боярских дворах у Бор. Морозова умерло 343 человека, осталось 19, у князя Ал. Ив. Трубецкого умерло 270, осталось 8, у Ник. Ив. Романова умерло 352 человека, осталось 134 человека и т. д.

Содержание значительного количества слуг при боярских домах в Москве, с одной стороны, вызываемо было необходимостью, так как бояре со своими людьми хаживали на войну и по наряду царскому обязаны были высылать более или менее значительное количество даточных конных людей навстречу иностранным послам, часто приезжавшим в Москву, а с другой стороны — основывалось на честолюбии, потому что бояре за честь себе считали при езде по городу иметь человек пятьдесят слуг, предшествующих им пешком.

Жены бояр стыдились даже показываться на улице без свиты в 20 или 30 слуг, они даже иначе не ходили к обедне в свою приходскую церковь. Историк Соловьев отмечает, что в Москве в XVII веке чем выше и обширнее был дом, тем опаснее он был для прохожего, не потому, чтобы сам владелец дома, боярин или окольничий, напал на прохожего и ограбил его, но у этого знатного боярина или окольничего несколько сот дворни, праздной и дурно содержимой, привыкшей кормиться на счет каждого встречного, будь это проситель к боярину или просто прохожий. Разбои особенно усилились в XVII и в начале XVIII века. Как в глубине лесов, среди непроходимых болот, в ущельях, оврагах, так и в городах и в столице были шайки и станы разбойников. Шайки не были многочисленны, но всегда отчаянно дерзки в своих нападениях. Разбойники были из беглых холопов, бездомных горожан и обнищавших крестьян, но случалось, что в их страшное общество вступали люди и других сословий, потомки некогда славных родов. Так, известен был разбойник и смертный убийца князь Иван Лихутьев и товарищ его из города Зарайска дьячков сын Михаил Афанасьев. Действия их были ужасны, многих подробностей, сохранившихся в преданиях, и передать невозможно, до того они отвратительны и ужасны. Теперь проехать всю Россию из конца в конец — значит сделать прогулку, а было время, когда отправившегося за двадцать верст оплакивали как обреченного на верную гибель.

Путешественника в то время никакие предосторожности не спасали если не от убийства, то, по крайней мере, от грабежа. С трепетом путник выезжал в пригородный лес, приближался к оврагу; из глубины леса или из оврага раздавался свист или крик, и не было спасения несчастному путнику. Название многих оврагов — Греховый, Страшный, Бедовый посейчас сохраняют ужасную славу их. Небезопасны были в то время для путешественника и некоторые постоялые дворы. Случалось, что нередко, остановившись в каком-нибудь доме на ночной покой, он успокаиваем был навек.

По Владимирской и Рязанской дорогам еще известны в устных рассказах похождения знаменитых воров и удальцов, как, например, Федотыча, Козьмы Рощина, Перфильича, Краснощекова и Веревкина; кто не слыхал, как Федотыч ходил один на сотню подвод обозных.

Про Веревкина, например, расскажут и покажут место, где он остановил много-

людную свиту богатого рязанского помещика Волынского и взял у него все, оставив ему только по расчету, сколько было нужно на проезд, на молебен и на свечу к чудотворной иконе. На этой дороге укажут место на крутой горе, где он спускал богатых купцов кубарями и для примера двоих лихоимцев отправил за рыбными процентами на дно Оки.

Про этого Веревкина много рассказывали небылиц, так его, например, неоднократно окружала военная команда; но Веревкин выпивал заветный ковш вина и сам исчезал в том же ковше, в другой раз его совсем было схватили и связали, но вдруг вся изба обнялась дымом и пламенем. Долго и никогда, может быть, Веревкин не попался бы, если бы не изменила ему женщина: одна прелестница, выведав тайные чары Веревкина, выдала его. Это случилось во время Екатерины II. Удалец не стал, однако ж, ждать конца своей судьбы: он отравился. М. Н. Загоскин многие из чудес этого разбойника приписал разбойнику Рощину.

Шайку воров и убийц в Москве в XVII и XVIII веках еще составляли так называемые «кабацкие ярыги»; этот класс пьяниц был из людей хорошего происхождения — дворян и детей боярских, допившихся донага. Они жили во всеобщем презрении, толпились у кабаков, где просили милостыню.

Со введением Борисом Годуновым казенных кабаков, или царевых, пьянство у русского народа сделалось поголовное. Чтобы положить границы такому неистовому пьянству в кабаках, правительство вместо их завело кружечные дворы, где продавали вино мерою не более кружек, но и это не помогало, пьяницы сходились толпами и пили там по целым дням или ходили в тайные корчмы, или ропаты.

В этих притонах разврата вместе с вином были игры, продажные женщины и табак; последний в XVII веке был всенародно распространен на Руси. Русские получали его с Востока и отчасти от малороссиян.

Табак в России был строго запрещен, им торговали удалые головы, готовые из-за копейки рисковать всем. При продаже табаку его не называли настоящим именем, а условным названием, например свекольным листом, яблочным и др. Табак курили не из чубука [40], а из коровьего рога, посредине которого вливалась вода и вставлялась трубка с табаком большой величины. Дым проходил через воду; курильщики затягивались до того, что в два-три приема оканчивали большую трубку и падали без чувств.

Несколько таких молодцов сходились «попить заповедного зелья — табаку» и передавали друг другу трубку до одуряющего действия.

Что же касается до чая, то последний только при царе Михаиле Феодоровиче появился в первый раз в России как редкость и новость. Он был прислан в дар царю от монгольского государя, и во второй половине XVII столетия знатные лица употребляли его как лекарство, приписывая ему целительную силу.

Иностранные вина, вроде мальвазии, бастра, алкана, венгерского, ренского, романеи, явились в Москве при дворе еще в XVI веке, но в следующем столетии в Москве завелись винные погреба, где не только продавали этих сортов вина, но туда уже сходились пить веселые компании.

В царствование Алексея Михайловича жили в Москве гораздо свободнее, чем прежде; тишайший царь имел прекрасные качества души и покорял сердца своих подданных добротою и снисходительностью. Он удивлял своею милостью, но не пользовался правом сильного.

Иностранные писатели увековечили его имя хвалами. Рейтенфельс, бывший в Москве в 1670 году, когда царю было тридцать лет, описывает его наружность так: «Росту он среднего, имеет лицо полное, несколько красноватое, тело довольно тучное, волосы цвета среднего между черным и рыжим, глаза голубые, поступь величавая, на лице его выражается строгость вместе с милостью, взглядом внушает каждому надежду и никогда не возбуждает страха.

Нрав его истинно царский: он всегда важен, великодушен, милостив, благочестив, в делах государственных сведущ и весьма точно понимает выгоды и желания иностранцев.

Большую часть дня употребляет он на дела государственные, немало также занимается благочестивыми размышлениями и даже ночью встает славословит господа песнопениями; на охоте и в лагере бывает редко, посты, установ-

ленные церковью, наблюдает строго.

В напитках очень воздержан и имеет такое острое обоняние, что даже не может подойти к тому, кто пил водку. Благотворительность царя простирается до того, что бедные почти каждый день собираются ко дворцу и получают деньги целыми горстями, а в большие праздники преступники освобождаются из темниц и, сверх того, еще получают деньги».

Мейерберг точно так же восхваляет человечный нрав царя. Он присовокупляет: «Истинно достойно удивления то, что, облеченный высшею неограниченною властью над народом, преобыкшим безмолвно повиноваться воле своего владетеля и всяким действиям оной, царь сей никогда не позволял себе оскорблять кого-либо из своих подданных как лично, так и в имуществе или чести их. Хотя, подобно всем великим людям с живыми чувствами, он подвержен иногда порывам гнева, но и тогда изъявление оного ограничивается несколькими ударами или толчками».

ГЛАВА XXI

Старые боярские дома на Никольской улице. — Наталья Борисовна Долгорукова. — Князь Ив. Мих. Долгоруков. — Характеристика его. — Родовой дом князя Долгорукова в Москве. — Рассказы Лаврентия о французах. — Портретная галерея. — Сыновья князя. — Старый русский обычай давать разные имена детям. — Царская невеста Мария Хлопова. — Доброта князя Долгорукова. — Судьба невесты Петра II. — Князь Василий Долгоруков. — Упадок построек в Китай-городе. — Сломка части стены Китая-города

В настоящее время почти все дома на Никольской улице принадлежат торговым людям, за исключением одного дома Шереметевых, но было время, когда там, как мы упоминали выше, возвышались одни дворы бояр.

Руководствуясь описью Китая-города 1626 года, мы видим, что в шести саженях от Спасского монастыря стояли каменные палаты князей Юрия Хворостинина и Феодора Волхонского, а подле Никольского монастыря был двор князя Юрия Буйносова и потом князя Кантемира. Между Мироносицким монастырем и двором немчина Юрия Клинкина находился двор князя Феодора Телятевского.

Далее были дворы бояр: князя Воротынского, Ивана Шереметева, Марии Воронцовой, у старых полей к пушечным воротам дворы Алексея Левашева, князей Дм. Трубецкого, Ив. Хованского, Мих. Долгорукова; в 1644 году, по словам И. Снегирева, на Никольской улице упоминается двор князя Ал. Юр. Сицкого, против церкви Успения Богородицы.

В 1793 году в приходе Жен Мироносиц имел дом генерал кригс-комиссар Мих. Серг. Потемкин. Изо всех боярских домов, как мы уже заметили, уцелел на этой улице один только дом Шереметева, прежде бывший князя Черкасского; строение его занимало обе стороны улицы; на одной были его палаты, а на другой, где дом Глазунова, стоял потешный двор.

На главном дворе возвышались обширные палаты фельдмаршала графа Бориса Петровича Шереметева. В январе 1730 года в хоромах его выставлено было несколько оконниц на улицу; под одним из окон стояла в слезах убитая горем молодая дочь его Наталья Борисовна и с ужасом глядела на печальную процессию, которая проходила по улице.

На колеснице, увенчанной императорской короной, везен был гроб юного монарха, покрытый державной мантией; шнуры от балдахина с золотыми кистями держали полковники.

Пред ними шли архиерей и архимандриты с знатным духовенством; генерал и полковники несли на бархатных подушках короны и государственные регалии; орден св. Андрея Первозванного нес жених Шереметевой князь Иван Алексеевич Долгорукий, в гвардейском майорском мундире, сверх его в длинной черной епанче [1], с флером на шляпе до земли; волосы у него были распущены, сам бледен как смерть.

«Поравнявшись с о к н о м, — как пишет княгиня Наталья Борисовна, — Долгорукий взглянул плачущими глазами с такою миною: кого погребаем? кого в последний раз провожаю? Я так обеспамятела, что упала на окошко, не могла усидеть от слабости. Потом и гроб везут — отступили от меня уже все чувства на несколько минут, а как опомнилась, оставя все церемонии, плакала, сколько мое сердце дозволяло, рассуждая мыслию своей: какое это сокровище земля принимает!..»

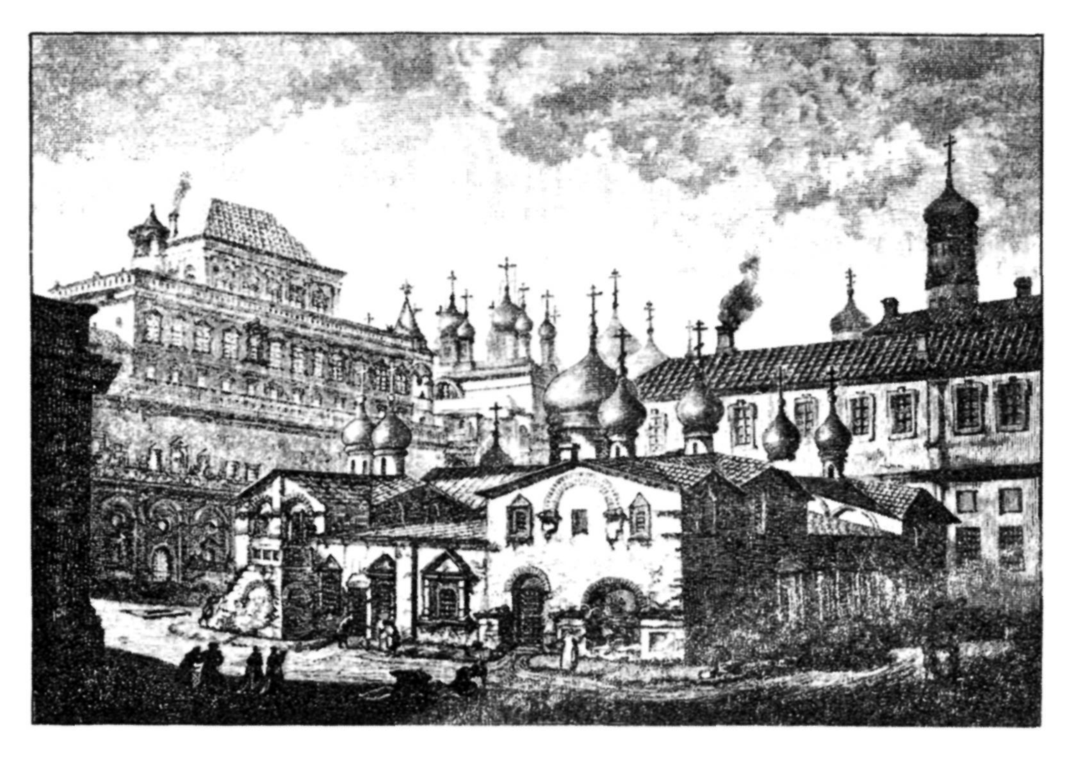
Дочь Шереметева оплакивала благодетеля своего жениха императора Пет-

ра II, скончавшегося от оспы в Головинском дворце, на 15-м году своего возраста. Она хорошо знала, что теряют они с кончиною императора! Ждала опалы, но никак не думала, что ей предстоит ссылка в Сибирь, а мужу ее — четвертование в Новгороде.

Князь Иван Алексеевич был старший из внуков знаменитого князя Григория Федоровича. Родился он в 1708 году и воспитывался в Польше под надзором деда своего. В 1725 году он был назначен гоф-юнкером ко двору царевича Петра Алексеевича, вскоре сделался его любимцем и неразлучным собеседником с утра до ночи и сопутником всех его поездок и забав.

По вступлении на престол Петра II был Призван, к собственному несчастию, принять деятельное участие в событиях той бурной и жестокой эпохи. В то время при дворе враждовали две партии; самую многочисленную составляли приверженцы старинных обычаев: князья Долгоруковы, Трубецкие, Голицыны, Репины, Ромодановский, Нарышкины, сильные огромным богатством и родством с царским домом; не менее богатые Апраксины и такие же состоятельные Лопухины, изгнанные от двора и близкие родством с юным императором, родная бабка которого, первая супруга Петра Великого, разведенная и постриженная царица Евдокия Федоровна, была из роду Лопухиных.

К этой партии примыкало почти все духовенство и большая часть родовитого дворянства. Вожаком этой партии был при воцарении Петра II князь Дмитрий Михайлович Голицын, старший брат фельдмаршала, человек очень умный и, по словам современников, «муж надменности великой, ненавидевший чужеземцев и беспрестанно повторявший: «Какая нужда нам в обычаях заморских,

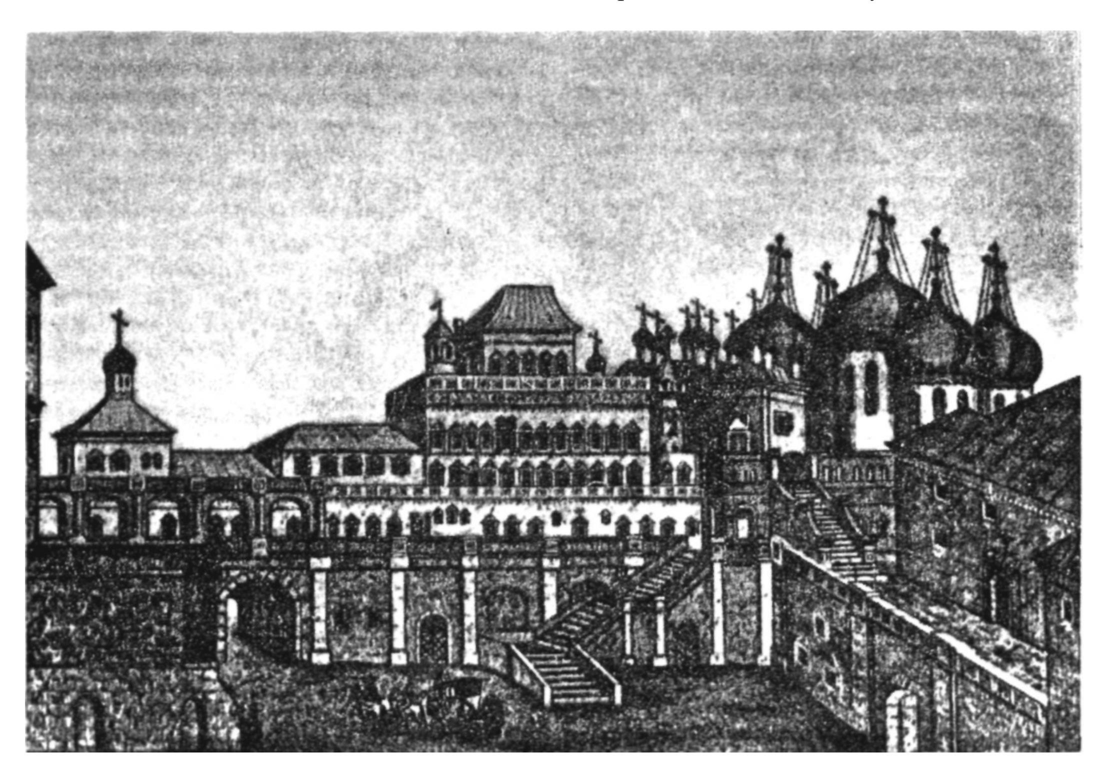
Терема в Москве.
Со старинной гравюры
Казакова

Дворец в Кремле
в XVIII столетии.
Со старинной гравюры
Дюрфельда

деды наши обходились и без них, а мы разве глупее своих дедов?» Ненавидела эта партия особенно князя Меншикова, графа Петра Андреевича Толстого и барона Остермана. Вторую партию составляли все иностранцы, служившие в России, и несколько русских, веровавших в предначертание Петра Великого.

Из числа немцев были: вице-канцлер барон Остерман, воспитатель юного Петра II, затем генерал Миних, полководец блистательный, недавно поступивший на русскую службу, но уже приобретший большое влияние на войско, затем граф Левенвольде, тайный агент герцогини курляндской, граф Девьер, князь Меншиков, отец обрученной невесты императора, Толстой, П. И. Ягужинский и затем родня Анны Иоанновны — Салтыковы и Спешневы. Возрастающее могущество главного лица этой партии, Меншикова, внушало общее опасение, и молодой князь Иван Алексеевич Долгорукий, снабжаемый наставлениями врагов Меншикова, сумел в разговорах колебать во мнении юного Петра честолюбивого Меншикова.

Наговоры подействовали, и всемогущий баловень судьбы, в течение целой четверти века сокрушавший все козни придворные, пал пред происками девятнадцатилетнего юноши. По словам испанского посла Дюка де Лириа, Петр II одарен был умом от природы необыкновенно беглым, соображением быстрым, душою доброю и благородною, но был молод! Неограниченный властелин своей особы и желаний на тринадцатом году от роду, уже юноша в отношении крепости телесной, юный монарх жил без руководителей на свободе.

Царица Евдокия Феодоровна, освобожденная юным внуком, хотя и думала управлять им, но ей это не удавалось. Петр ежедневно бывал у ней в монастыре, ласкал ее, но избегал даже оставаться с нею наедине. В чаду забав Петр не слышал наставления поседевшего в делах своего министра Остермана, и когда тот решался говорить ему истину, то Петр обнимал его, целовал, называл своим другом, но через полчаса отправлялся на охоту или к забавам другого рода. Царевна Елисавета Петровна тоже не любила говорить о делах, и хотя сперва к ней племянник и питал нежную привязанность, но вскоре охладел и перестал с нею видеться.

В январе 1728 года Петр II со всем двором отправился в Москву для коронования. Пребывание в Москве понравилось царю; обширные леса, в то время

окружавшие Москву, представляли много удобств и приволья для охоты, так любимой Петром, а его придворным приверженцам старинных обычаев нетрудно было убедить его навсегда основать пребывание в Москве, оставив Петербург провинциальным городом.

Юный монарх в частые поездки свои на охоту в окрестностях Москвы посещал подмосковное село Горенки отца князя Ивана Долгорукого; здесь он увидел сестру его Екатерину, красавицу, пленявшую стройностью своего стана, белизною лица, глазами томными, очаровательными, полюбил ее и решился на ней жениться. Княжна уже любила молодого секретаря австрийского посольства графа Милезино, но по просьбе родных отказала ему и согласилась на брак с Петром. Петр II, прожив в Горенках девять недель, возвратился в Москву и, собрав весь двор, велел Остерману объявить о предстоящем своем браке, и все шли целовать руку княжны, которую в то же время велено было поминать на эктении [2], и дан ей титул «ее высочества государыни-невесты». 30-го ноября, в день св. Андрея, совершилось обручение.

В этот день весь двор и дипломатический корпус собрались в большой зале. По словам князя Щербатова, во время обручения «государь и его невеста были окружены Преображенского полка гренадерами, которые круг их под начальством своего капитана князя Ив. Ал. Долгорукова, батальон каре составляли»: князь Иван ранее обряда сам отправился за своею сестрою в Головинский дворец, где она пребывала со своею фамилиею. Из Головинского дворца торжественное шествие отправилось в золотых каретах.

По приближении невесты ко дворцу вдовствующая царица с царевнами вошла в залу, посреди которой был постлан большой персидский ковер; на верхнем конце поставлен был стол, покрытый золотою парчою, на столе золотое блюдо с крестом и двумя золотыми тарелками, а на тарелках лежали обручальные кольца. При входе княжны ее встретил гофмаршал Д. А. Шепелев и обер-церемониймейстер барон Абисбах.

Прибыв в залу, она села в кресла подле аналоя [3], имея около себя вдовствующую царицу, царевен и свою мать с родными. Кресла для императора были приготовлены напротив. По правую сторону было назначено стоять иностранным министрам, а по левую князьям Долгоруким. Обер-камергер подвел невесту под балдахином, который держали шесть генералов.

Архиепископ новгородский Феофан Прокопович совершил обручение. Все, за исключением вдовствующей царицы, целовали руки у обрученных. Существует рассказ: когда подходили к руке невесты, то эту руку, лежавшую на подушке, поддерживал сам император; вдруг невеста встает со своего кресла и сама подает свою руку одному из подошедших; этот один был граф Милезино. Друзья подхватили его тотчас под руки и увезли домой. Потом отправились смотреть фейерверк, а с фейерверка — на бал, недолго продолжавшийся по случаю усталости невесты, которая возвратилась домой в семь часов пополудни в карете, запряженной восемью лошадьми, в сопровождении кавалергардов, пажей и гайдуков.

Свадьбе назначено было совершиться 19-го января. Император пожаловал отцу невесты 12 000 дворов крестьянских. За обручением следовали беспрерывные празднества. Так, 6-го января, в день крещения, при совершении водосвятия полки Преображенский и Семеновский выстроены были на льду Москвы-реки под начальством князя Ивана. Невеста прибыла на эту церемонию в санях, на запятках которых стоял сам государь. Их сопровождала большая свита и кавалергарды. Они пробыли на льду четыре часа.

В тот же вечер Петр жаловался на головную боль, а на другой день у него открылась оспа. Во время болезни император по неосторожности подошел к раскрытой форточке и простудился еще сильнее, и 17-го января всякая надежда на выздоровление была потеряна. Петр II скончался в половине второго часа с 18-го на 19-е января, в тот самый день, когда назначено было бракосочетание.

Опасность болезни императора была известна всему двору, и потому в ночь его смерти было большое собрание как сановников государства, так и духовных лиц.

После кончины императора князь Иван Долгоруков вышел из его опочивальни и, сказав всему собранию, что умерший император объявил своею преемницею на престол свою обрученную

невесту: «Да здравствует императрица Екатерина!» — закончил он, обнажая свою шпагу; но ни один голос не раздался в ответ ему.

Такое недоверие сильно смутило брата провозглашенной императрицы; он, вложив шпагу в ножны, вышел из дворца и уехал домой. Политическая его роль была сыграна, но права невесты скончавшегося императора были еще раз предъявлены в верховном совете его отцом.

Князь Алексей Долгорукий представил верховному собранию духовную, подписанную будто бы императором Петром II, о назначении его невесты наследницей русского престола, но, потеряв вскоре всякую надежду защитить это завещание, он должен был взять его назад.

Вскоре члены совета решили избрать курляндскую герцогиню Анну Иоанновну, но просили, однако ж, до получения ее ответа не объявлять народу ни о кончине Петра II, ни об избрании новой государыни, ни для того, чтоб не поминали ее на эктении самодержицею, ибо объявить об условиях, ограничивающих власть ее, члены совета не решались до получения ее собственного согласия на эти условия.

Между тем необходимо было поминать на эктении или императора, или императрицу, и потому хотя вся Москва знала о кончине Петра II, но все-таки в церквах после его смерти долго молились о его здравии и долгоденствии. Впрочем, это подлежит еще большему сомнению. Но прежде еще вступления на престол Анны Иоанновны все уже предвидели падение семьи Долгоруковых.

В то утро, когда скончался Петр II, родные графини Натальи Борисовны Шереметевой съехались к ней в дом так рано, что она еще спала; когда она проснулась, ей объявили о смерти императора. Это известие поразило ее ужасом. «Ах, пропала, пропала! — твердила она. — Я довольно знала обыкновение, что все фавориты после своих государей пропадают: чего было и мне ожидать?» Вечером того же дня приехал ее жених, и они возобновили друг другу клятву, что их ничто не разлучит, кроме смерти.

Долгоруким между тем становилось все опаснее и опаснее. Бирон о них публично отозвался, что не оставит дома этой фамилии. Каково было тогда княжне Наталье Борисовне!

Родные не переставали убеждать ее, чтобы она кинула Долгорукова, но она была непреклонна и не хотела оставить человека, которому дала слово любить его неизменно и навсегда. Попробовали было отложить свадьбу, но и это не помогло; тогда все отступились от непоколебимой девушки: она может выйти замуж, но никто из родных не повезет ее к венцу. «Сам бог отдавал меня замуж, а больше никто», — говорит она в своих записках.

Старший брат ее был болен оспою, младший, боясь заразиться этою болезнию, жил в другом доме; все родные оставили ее, и только две старушки, дальние ее родственницы, решились проводить ее из Москвы в село, в котором жили Долгоруковы и где назначена была в апреле свадьба.

Свадьба была самая скромная и ничем не походила на пышное обручение, на котором была вся императорская фамилия, все чужестранные министры и весь генералитет.

Обручение было в доме Шереметева, накануне рождества христова; совершал его архиерей с двумя архимандритами. Кольца жениха и невесты стоили 18 000 рублей. Родственники жениха одарили невесту богатыми дарами: часами, бриллиантовыми серьгами и прочими галантереями, а брат невесты подарил жениху шесть пудов серебра, старинные великие кубки и фляги золоченые. На третий день, когда княгиня Наталья Борисовна с мужем собралась ехать с визитами к родным молодого, приехал из Сената секретарь и объявил отцу князя, чтоб он со всем своим семейством немедленно ехал из Москвы в дальние деревни, из которых без указа никуда бы не выезжал.

Отправились они в дорогу в самую распутицу, на тяжелых городских лошадях с неопытными кучерами; ночевать им приходилось иногда прямо в поле, даже на болоте, и не раз несчастной женщине приходилось испытывать смертельный страх; однажды им пришлось ночевать в деревне, которая ожидала нападения разбойников.

Скоро их нагнал капитан гвардии и объявил им высочайший манифест, что они, князья Алексей и Иван Долгоруковы, состоя при Петре II, не хранили его здравия, не допускали его жить в Москве, но под видом забав и увеселений увозили его в дальние места; не-

смотря на его младые лета, которые еще к супружеству не приспели, довели его до сговора с дочерью князя Екатериной, расстроили его здоровье, разграбили императорские дорогие вещи на несколько сот тысяч рублей, которые у них отобраны, и потому за все эти продерзости и преступления лишаются они чинов и кавалерий.

Объявленные преступники по приезде в деревню поместились в крестьянской избе. Здесь думали они прожить в забвении, но забыты Бироном они были только три недели. После этих

Коляска конца XVIII столетия. С гравюры Делабарта

Барский экипаж начала XIX столетия. С гравюры Делабарта

дней приехал сюда гвардейский офицер с солдатами, расставил караульных у всех дверей и объявил князю указ, которым повелено сослать его с женою и детьми в Березов и держать их там безвыездно за крепким караулом.

По приезде на место ссылки у нее родился сын Михаил. Более девяти лет прожили в Березове несчастные князья Долгоруковы. Князь отец и жена его там скончались.

В 1739 году муж Натальи Борисовны был схвачен ночью и увезен из своего семейства под строгим караулом. Это новое гонение Бирона было уже окончательное.

Всех Долгоруких свезли в Новгород, там их судили, пытали в разных преступлениях и, наконец, осудили и казнили 8-го ноября. Князьям Василию Лукичу, Сергею и Ивану Григорьевичам отрубили головы, а князя Ивана Алексеевича колесовали.

Все они умерли героями, с твердостью. Князь Иван Алексеевич во все время страшной казни молился богу.

О несчастной судьбе своего мужа Наталья Борисовна не знала до восшествия на престол императрицы Елисаветы Петровны; в ее царствование последняя была возвращена в Петербург. Здесь она не могла привыкнуть к светской жизни и удалилась в Киев в монастырь, где и окончила свою трудную и скорбную жизнь схимницею 3-го июля 1771 года.

Несчастия и житейские напасти не щадили княгиню Наталью Борисовну даже и тогда, когда она была под схимой. Один из ее сыновей, князь Димитрий Иванович, воспитанный в Москве, статный, красавец, одаренный прекрасным сердцем, влюбился в одну бедную и незнатную девушку. Родственники вооружились против этого брака. Он долго боролся с чувством сильной любви, но сердце превозмогло рассудок, и он сошел с ума — ему было только двадцать лет; под присмотром матери он жил в Киеве и в Никольском монастыре проходил монашеский искус. Жизнь пустынная успокаивала его, но не исправляла рассудка; мать его, ни о чем уже не помышлявшая, как о душе и спасении ее, захотела постричь его — она просила на то дозволения у Екатерины, но царица не согласилась на это, и князь остался только послушником, ходил в церковь, постился, надел власяницу и вскоре умер.

Родной внук этой Наталии Борисовны был известный поэт своего времени князь Иван Михайлович Долгоруков,

прозванный современниками «Губаном» и «Балконом» за непомерно широкую нижнюю челюсть и толстую губу. Он десяти лет был полковником — этот чин выпросил ему у короля польского Станислава Понятовского дядя, барон Ал. Ник. Строганов, командовавший тогда кирасирским полком где-то на границе с Польшею. Четырнадцати лет князь поступил в Московский университет; он так отлично говорил по-латыни, что на этом языке объяснил римскому императору Иосифу II устройство одной машины, которую ему там показывали.

Двадцати лет он поступил в военную службу, сперва в московский гарнизон и затем в гвардию. Служба гвардейская сделала его известным великому князю Павлу Петровичу, наследнику престола. Князь очень понравился ему за свое остроумие. Долгоруков часто играл на тогдашних благородных спектаклях; актер он был очень талантливый и раз, играя у принцессы Гольштейн-Бек, был принят даже за известного актера Офрена, до того игра этого любителя была превосходна. Слава первоклассного актера довела его до двора цесаревича в Гатчине; здесь в спектакле, который давала великая княгиня Мария Феодоровна для сюрприза своему супругу ему привелось играть роль отца в драме «L'honnête criminel» [4]. Долгоруков, чтобы не попасться на глаза великому князю, проживал в какой-то нежилой комнате дворца, выходил гулять только по ночам и питался чуть ли не одним печеным картофелем. Этот спектакль утвердил вполне славу хорошего актера за Долгоруким. В награду за спектакль ему хотели подарить золотые часы, но ему выпала еще лучшая награда: он жил в Гатчине еще три дня, обедая и ужиная за столом великого князя; с этого времени начинается его личное знакомство с великим князем и в это же время он познакомился со своею будущей женой Смирновой, играя с нею в придворных спектаклях.

Жена его многим была обязана своему несчастью; отец ее был казнен Пугачевым. Мать с четырьмя сыновьями и двумя дочерьми осталась в самом бедственном положении. В одно из путешествий Екатерины она нашла случай подать ей просьбу об определении детей в учебные заведения. Первая супруга Павла княгиня Наталья Алексеевна взяла четырехлетнюю дочь ее под свое покровительство, поместила в Смольный монастырь и затем по окончании взяла себе во фрейлины. Смирнова и жила во дворце. Свадьба ее с Долгоруковым была отпразднована великолепно при дворце.

Как о самой свадьбе, так и об этом времени Долгоруков воспел в стихах под заглавием «Везет».

Везло, и мне...
Везло, когда в дворянскую шайку
Попал театрить во дворце!..
. . . .
Ходил за стол к его обеду;
И на вечернюю беседу
Дверей никто не затворял!
А как женился я, то, право,
Такой был бал, огонь, забава,
Каких я вечно не давал!

Князь Долгоруков был женат два раза, второй раз на вдове Пожарской, урожденной Безобразовой; обе его жены были красавицы и очень его любили, несмотря на то, что он был очень некрасив или, вернее, даже безобразен. Долгору-

ков это знал и чувствовал и очень мило над собою подшучивал, говоря: «Мать натура для меня была злою мачехой, оттого у меня и была такая скверная фигура, а на нижнюю губу материала она не пожалела и уж такую мне благодатную губу скроила, что из нее и две могли бы выйти, и те не маленькие, а очень изрядные».

Князь также очень мало обращал внимания на свой туалет и был очень неряшлив в домашнем быту и с короткими своими. Его современница Е. П. Янькова[5] рассказывает: несмотря на свою неприглядность, князь заставлял забывать в разговоре, что некрасив собой; бывало, слушаешь его умные речи и замысловатые шутки, а каков он из себя — об этом и позабудешь.

Преосвященный Августин отзывался о нем как о человеке большого ума. «Князь, — говорил он, — вельми умен, но не вельми благоразумен». А. Т. Болотов говорит о нем, что он на проказы был большой ходок и в бытность пензенским вице-губернатором в провиантских делах и подрядах так напакостил, что на все государство был разруган от Сената. Та же Янькова говорит про него, что он человек честный и хороший, в дружбе очень преданный, он все имел, чтоб сделать себе карьеру, и при этом, как сам говаривал, «никогда не мог выбиться из давки».

Он всю жизнь свою провел под тяжелым гнетом долгов и врагов. Это потому, быть может, что он был великий мастер на всякие приятные, но ненужные дела, а как только представлялось какое-нибудь дело важное и нужное, точно у него делалось какое затмение ума: он принимался хлопотать и усердно хлопотал и все портил, и много раз совершенно бы погиб, если бы влиятельные друзья и сильные помощники не выручали его из беды!

Долгоруков место вице-губернатора получил довольно отважно; он адресовал на имя императрицы письмо в собственные руки, в котором говорил, что желал бы трудиться и быть полезным. Ответом было назначение его вице-губернатором.

О своей службе в Пензе он говорит, что тогда он еще любил службу страстно, «в восхищении юного человека, который на все смотрит с желанием — образовать свет и сделать лучшим, я писал не приказным слогом и не авторским, а вдохновенным самой природою, т. е. так, как я думал и чувствовал».

Возвращаясь к характеристике князя И. М. Долгорукова, мы видим, что в Пензе он прослужил до самой кончины Екатерины II. Довольный своей судьбою здесь он написал «Камин в Пензе». Это произведение имело большой успех, было переведено на французский язык, и даже Делиль[6] просил прислать ему в Париж этот перевод. В Пензе князь испытал много неприятностей. Так, его даже «в клоб с подпиской не пускали».

Живя в этом городе, князь любил по вечерам поиграть в карты без чинов, со всяким даже разночинцем, по этому случаю он говорит: «Везде выказывать свой чин, по-моему, есть самое низкое свойство; я любил в своем месте быть настоящим председателем, а дома или в гостях человеком лет в тридцать, резвым и веселым. Что за польза государю и отечеству в принужденной измене наших нравов, когда они в настоящем виде не ведут к развращению нравов».

На этот случай князь написал комедию в стихах: «Дурылом, или Выбор в старшины». Главное лицо в ней был владимирский оригинал Дуров, кроме его еще три лица списаны с натуры; прочие характеры вымышлены. При восшествии на престол императора Павла он был отставлен от дел, но вскоре опять получил место в Москве; здесь он продолжал службу до восшествия на престол императора Александра I.

В 1802 году князь получил место владимирского губернатора; здесь Долгоруков выстроил здание для сохранения ботика[7] и остатков дома Петра I и богадельню для матросов-инвалидов и открыл в 1805 году Владимирскую губернскую гимназию.

После этого он был избран в почетные члены Московского университета; он надел университетский мундир с чувством благородной гордости. «Этот кафтан, — пишет он в своих записках, — который я поистине могу назвать благоприобретенным, будет во всю жизнь мою лучшим моим нарядом. Ни клевета, ни зависть — его с меня не снимут!»

Про эксцентричный характер Долгорукова много рассказывал М. Дмитриев, последний говорит, что он дурачился до безумия. Бывало, придешь к нему — и скачет по стульям, по столам, так и уйдешь от него, не добившись слова благоразумного. Любил хорошо есть и кормить; как скоро заведутся деньги, то

задавал обеды и банкеты. Долгоруков, как добавляет Дмитриев, весьма странно одевался и ходил по улицам в одежде полуполковой и полуактерской, из платья игранных им ролей.

В 1812 году он получил отставку от службы, этот тяжелый год был во всех отношениях черным годом для Долгорукова; он выехал из Москвы 31-го августа, за два дня до вступления неприятеля; родовой дом уцелел от пожара — спас его лакей Лаврентий, «препьяный человек», как его характеризует князь. Он остался в доме самовольно.

Во время нашествия французов в дом Долгорукова были поставлены два генерала. Лаврентий у них сделался и шутом и слугой; он с солдатами вместе пил и гулял, а начальникам прислуживал и так им понравился, что был у них дворецким и распорядителем по части увеселений.

Этого слугу сперва били и даже раз ранили, но потом уже он сам бил и покровительствовал другим. Он служил при столе генералов, прибирал трупы солдат, которых они расстреливали, таскал к ним вместе с их денщиками всякую добычу, причем, вероятно, не забывал и себя, но при всем этом, когда загорелся дом, он упросил генералов, чтобы они помогли его отстоять, и генералы приказали солдатам работать. Дом, таким образом, спасся от всеобщего пожара, и стены его остались целы. Важнее всех услуг в глазах Долгорукова была еще услуга Лаврентия та, что он успел из домовой церкви вытащить антиминс, найденный им на полу, с сохранением последнего Долгоруков не лишался права возобновить свою домашнюю церковь. После московского разгрома Долгоруков поселился в этом уцелевшем доме.

Дом князя был в приходе Воздвижения на Вражке *: большие старинные тесовые хоромы в один этаж стояли среди обширного двора. Позади дома к Москве-реке был большой заброшенный тенистый сад.

Вдали, за Москвой-рекой, виднелись сады, леса, деревня Фили и кладбище, на которое постоянно, мечтая, сматривал хозяин дома. Внутренность дома была не только некрасива, но даже неопрятна, особенно передняя, где даже старые обои висели лоскутьями. Под конец жизни князь хотя и переделал две-три комнаты, но непорядок все так же царил в хоромах.

В доме также не было никаких украшений, но на стенах и в доме и во флигеле были развешаны фамильные портреты князей Долгоруковых. Тут были портреты Якова Федоровича Долгорукова [8] и несчастного фаворита Петра II князя Ивана, портрет жены его, Наталии Борисовны, висел в домовой церкви. Был здесь и портрет императора Петра II и княжны Екатерины Долгоруковой, с которой он был помолвлен, над портретом была надпись: «Добрая надежа».

В одной из зал был построен домашний театр. Дом князя всегда был полон родных и гостей; здесь жили его сестра с мужем и воспитанницей, какая-то еще дальняя родственница-старушка с племянницей и простодушный старичок И. Н. Классон; большой почитатель Наполеона и доктора Гала, он служил когда-то в военной службе и потом жил тридцать лет в доме князя. Некогда он с князем подвизался в приготовлении французских кушаний.

В доме же Долгорукова жили и все его дети, которые по странностям отца имели по два имени: одно, данное им при крещении, а другое, данное им самим отцом, которым они и назывались. Так, Рафаил назывался Михайлой, Антонина — Варварой, Евгения — Наталией. Обычай такой давать два-три имени у нас на Руси употреблялся издавна и водился еще в удельные времена. У русских, по словам Н. Костомарова [9], долго было в обычае кроме христианского имени иметь еще другое прозвище или некрестное имя.

В XVI и XVII веках мы встречаем множество имен или прозвищ, которые употреблялись чаще крещеных имен, например: Смирный, Козел, Паук, Злоба, Шестак, Неупокой, Беляница, Нехорошко, Поспелко, Роспута, Мясоед, Кобяк, Китай **; даже священники носили такие имена. Прозвища классические, столь обыкновенные впоследствии в семинариях, были в употреблении еще в XVII веке; так, еще в 1635 году встречается фамилия Нероновых.

* Дом князя И. М. Долгорукова в приходе Воздвиженья на Вражке существовал в своем первоначальном виде до 1851 г. — в этом году он был сломан и на месте его построена какая-то фабрика.

** Имя Китай имел князь Андрей Боголюбский, мощи которого почивают во Владимире под спудом.

Торговец на ларе.
С гравюры Гейслера

Иногда у некоторых было три имени: прозвище и два крещеных, одно явное, другое тайное, известное только тому, кто его носит, духовнику да самым близким.

Это делалось по верованию, что лихие люди, зная имя человека, могут делать ему вред чародейственными способами и вообще иногда легко сглазить человека.

Случалось, что человека, которого все знакомые знали под именем Дмитрия, после кончины на погребении духовник поминал Федотом, и только тогда открывалось, что он был Федот, а не Дмитрий.

Иногда крещеное имя переменялось на другое по воле царя; например, девицу Марию Хлопову, взятую в царский двор с намерением быть ей невестою государя, переименовали в Анастасию, но когда государь раздумал и не захотел взять ее себе женою, тогда она опять стала Мария.

Судьба этой несчастной красавицы, жертвы интриг придворных страстей, очень романтична. Считаем не лишним привести вкратце ее скорбную повесть: Мария Хлопова была подруга детства царя Михаила Феодоровича, по вступлении на престол царя была выбрана им себе в невесты и жила уже в «верху». Но вследствие неприятных отношений родственников Хлоповой к Салтыковым последние решились погубить ее во что бы то ни стало. Будущую царицу окружили всякими предосторожностями, но ее враги достигли своей цели.

Предание говорит, что в селе Покровском, куда ездил царь с невестой на гулянье, он вручил Марии на прощанье ларец с сахарными леденцами и заедками, зная, что она их любит, но одна из подкупленных женщин подменила некоторые из них отравленными; Мария, не подозревая последнего, поела, у нее ночью явилась ужасная боль в желудке, а затем рвота и упадок сил.

Недоброжелатели ее встревожили двор словами «черная немочь, черная немочь!», и этого было достаточно для пагубы Хлоповой. Слухи эти были приговором для Марии, следствием которого

вышло распоряжение сослать нареченную Анастасию с «верху», а затем последовал и указ о сослании несчастной Марии с родственниками в Сибирь, в Тобольск.

В ссылке Мария провела в Тобольске четыре года, после чего она была перемещена по указу царя в Верхотурье; здесь ей дано хорошее помещение в половине воеводского дома. Затем Хлопову переместили по указу опять же царя из Верхотурья в Нижний Новгород.

Посылая последний указ, государь тайно вручил посланцу письмо к Настасье и несколько подарков. Царь Михаил опять объявил царице-матери, что он хочет вступить в брак с Хлоповой, но последняя на то ему согласия не дала; назначенный осмотр невесты подтвердил, что Анастасия во всем здорова. Салтыковы же, признанные в этом деле виновными, были удалены в ссылку и подверглись опале патриарха Филарета Никитича. После этого уже был послан в Нижний боярин Шереметев, который и объявил отцу Хлоповой, что царь взять ее себе в супруги не изволил. И повелено Хлоповой со всем семейством жить в Нижнем и велено давать им корм против прежнего более и ежегодно отпускать значительную сумму денег. Мария вскоре умерла, боготворимая всеми за свою кротость и любовь к ближним.

Но, возвращаясь к Долгорукову, мы видим, что он, несмотря на недостаточность состояния, умел делиться и с другими.

Сам князь не нажил ничего, отец его не оставил ему тоже наследственного богатства. Главною причиною упадка их состояния было падение фамилии князей Долгоруких при Бироне.

Как мы уже выше говорили, неожиданная кончина Петра II уничтожила могущество этой фамилии и конфискация развеяла все их богатство.

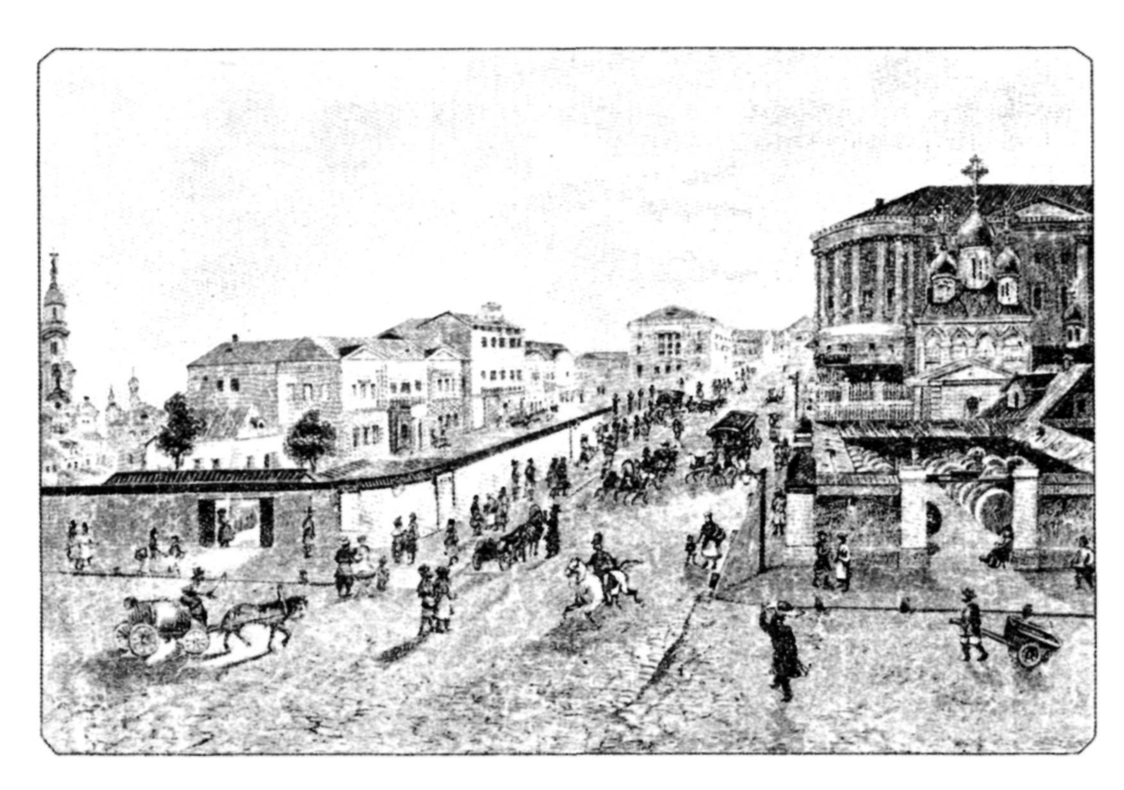
Таким образом, несмотря на свое более чем скромное житье, князь И. М. Долгоруков иногда давал званые вечера или домашние благородные спектакли, на которые к нему приезжала вся московская знать.

Театр был его страстью, спектакли у князя были лучшие в Москве; на его театре играли Ф. Ф. Кокошкин, Ал. Мих. Пушкин, лучшие тогдашние актеры-любители. Сам князь являлся всегда в ролях комических, его игра была превосходна, непринужденно-естественна и свободна и ничем не напоминала декламаторскую игру его учителя Офрена [10]. Глядя на него, все помирали от хохота.

Торговка полотном. С рисунка Барбье 1806 г.

Многие из тогдашних москвичей осуждали страсть Долгорукова играть на театре. Это дошло до князя, и он в записках своих на это обвинение отвечает так: «Говорили, что мне не под лета и несогласно с моим чином выходить на сцену. Об этом да позволят мне поспорить. Я сделаю только один вопрос: позволительно ли было мне в мои года и моем чине играть по целым дням в карты и разоряться в больших партиях и с большими господами из одного подлого им угождения, или, спрятавшись дома, кое с кем осушивать за жирным столом дюжину бутылок шампанского? или, наконец, держать в тайне сераль наложниц и наполнять воспитательный дом несчастными жертвами? Спрашиваю: простительнее ли это театра? О! если бы я все делал по примеру других, я уверен, что меня менее бы злословили! Мне было пятьдесят лет, это правда; но я был здоров и жив! Я был тайный советник, но в отставке; следовательно, не занимая никакой должности в государстве, обращался в массу граждан, свободных распоряжаться своими забавами!»

Московский почтамт на Мясницкой улице. С литографии начала XIX столетия

В великом посту у князя собиралось литературное общество, членами которого были С. Т. Аксаков, М. Н. Загоскин, А. А. Волков, А. Д. Курбатов и М. П. Телегин. Умер князь Долгоруков в Москве 4-го декабря 1823 года и похоронен в Донском монастыре.

Князь при жизни много писал стихотворений; он, как сам выражается, сделался поэтом потому только, что ему некуда было девать излишество мыслей и чувствований, переполнявших его душу. К собранию своих стихотворений он поставил эпиграф:

Угоден — пусть меня читают,
Противен — пусть в огонь бросают!
Трубы похвальной не ищу!

Трудно определить общий характер стихотворений князя Долгорукова: по внешней форме они принадлежат к лирическим, а по содержанию — к сатире. Песни князя Долгорукова в свое время многие были положены на музыку и пелись.

Из других Долгоруких, занимавших также видную роль при Петре II, был еще князь Василий Владимирович Долгоруков [11] (1667—1746), крестный отец императрицы Елисаветы Петровны. Молодость свою он провел в Малороссии, где отец его был городовым воеводою, сам же он служил в корпусе Мазепы и затем состоял при Скоропадском.

Князь считается одним из лучших представителей боярства XVII века; он был строгой честности и говорил всегда одну только правду. Скупой на похвалы, испанский посол Дюк де Лириа про него говорит следующее: «Фельдмаршал Долгоруков был человек с умом и значением, честный и достаточно сведущий в военном искусстве. Он не умел притворяться, и его недостаток заключался в излишней откровенности и искренности. Он был отважен и очень тщеславен — друг ревностный, враг непримиримый. Он не был открытым противником иностранцев, хотя не очень их жаловал. Вел он себя всегда благородно, и я могу сказать по всей справедливости, что это был русский вельможа, более всех приносивший чести своей родине».

Князь Долгоруков отличался храбростью во время шведской войны и прут-

ского похода; Петр, зная его безупречную честность, выбрал его в председатели комиссии для рассмотрения злоупотреблений князя Меншикова, и последний был жестоко, но справедливо обвинен Долгоруковым.

Долгоруков, будучи генерал-поручиком и андреевским кавалером, лишился в 1718 году по делу царевича Алексея Петровича чинов, ленты и всего имения и был отправлен в ссылку в Казань. По розыску открылось, что он хулил Петра за строгие реформы, и на него пало еще подозрение, что он помог царевичу бежать за границу.

В день коронования Екатерины I он был принят на службу полковником, и через год ему были возвращены прежние ордена и чины и даже часть имения, оставшаяся после раздачи другим лицам.

Но Меншиков не мог терпеть Долгорукого, и он был отправлен на Кавказ главнокомандующим Низовым корпусом, расположенным во вновь завоеванных персидских землях. Князь здесь привел в подданство России девять провинций, лежащих на юг от Каспийского моря, основал новые крепости и улучшил состояние наших войск.

С восшествием на престол Петра II князь был вызван в Москву и возведен в фельдмаршалы, и ему подарены были богатые волости и более тысячи душ крестьян. Но недолго князь Василий Владимирович пользовался своими наградами; с воцарением императрицы Анны Иоанновны он впал, как и все Долгоруковы, в немилость; имение было отобрано, сам он сослан сперва в Ивангород и затем после в Соловецкий монастырь, где и пробыл до восшествия на престол Елисаветы Петровны.

Эта государыня возвратила ему все отнятое у него. Он умер в Москве в 1746 году, бездетным, имение его перешло к родным его братьям, в числе которых был предок недавно скончавшегося князя Владимира Андреевича Долгорукого, бывшего долгое время московским генерал-губернатором.

Возвращаясь опять к описанию Китай-города, мы видим, что во времена Петра Великого, по перенесении столицы в Петербург эта часть Москвы стала заметно падать и приходить в разрушение. Стены Китая в эти годы стали обваливаться, в башнях открыты были лавки мелкими чиновниками.

П. С. Салтыков.
С портрета,
принадлежавшего
графу А. П. Шувалову

К стенам также были пристроены лавчонки, погреба, сараи, конюшни от домов. Нечистота при стенах все больше и больше увеличивалась, заражала воздух. Более всего таких лачужек и плохих построек в этом центре города было на землях, захваченных духовными властями. Церковное духовенство не только в подворьях, но и на церковных землях завело погреба, харчевни и даже под церквами поделало цирюльни *.

Начальник кремлевской канцелярии П. С. Валуев входил к обер-полицеймейстеру А. А. Беклешову в 1806 году с прошением; последний предлагал митрополиту Платону свести такие заведения с церковных земель. Платон не согласился, представив в ответ, что оттого много потерпят как церковные доходы, так и церковнослужители, которых состояние было весьма посредственно и близко к бедному.

Особенно во всем Китае-городе было место самое грязное и неблагообразное,

* Под Казанским собором по 1805 г. была харчевня.

так называемое «певчее», большая и малая, т. е. дома, принадлежавшие владению синодальных певчих, которые сами здесь не жили, а отдавали постройки внаймы. Дома эти были большею частью деревянные, разделенные перегородками на маленькие комнаты, углы и чуланы, в которых в каждом помещалось особое заведение или жила семья.

Здесь с давних пор были «блинни», харчевни, малые съедобные, трактиры, кофейные и разные мастерские, чрезвычайно набитые мастеровыми и жильцами. На случай пожара эта местность представляла большую опасность вследствие близости к торговым рядам и невозможности тут действовать пожарным. В 1804 году здесь все деревянные строения как противозаконные были сломаны и оставлен был один трактир.

При китайской стене были построены 204 деревянные лавки в 1783 году с дозволения графа З. Г. Чернышева, а каменные в 1786 году по воле графа Я. А. Брюса; земля для них дана была без платы, с тем чтобы только застроили пустое место и содержали тут мостовую. Прочие здания при стенах построены по словесному дозволению обер-полицеймейстера Архарова около 1780 года, а большая часть владельцев и сами не знали, как они достались их предкам, и не имели на них никаких документов.

За стеною от Воскресенских до Никольских ворот стояли постройки не менее безобразные. В старину предполагали стену от Никольских до Варварских ворот сломать для площади и для сделания удобной проезжей дороги вместо тогда здесь бывшей тесной и излучистой, проходившей мимо церкви Иоанна Богослова [12], что под Вязом, между Ильинскими и Никольскими воротами.

От Варварских ворот до Москворецкого моста стена была больше других всех по низменности места и потому, что больше других была заложена пристройками от домов, лавками и амбарами, так что одни только ее зубцы были видны. К этой-то стене больше всего стекали нечистоты, застаивались и производили смрад.

Скоплению нечистот много содействовали фортификационные земляные укрепления, бастион и ров, которых в древности никогда не было. Ими были заложены все стоки из города, издавна проведенные и прежде строго оберегавшиеся.

В 1807 году часть стены Китая в поле против Воспитательного дома, мимо которой был запрещен и проезд, обрушилась на 2 с половиной сажени, а смежные растрескались. На починку их нужно было 190 000 рублей серебром. А. А. Беклешов еще в 1805 году представлял стену Китая с башнями от ворот Никольских до Москворецкого моста сломать как ненужную и ветхую, а на месте ее сделать бульвары для гулянья, император Александр I на это не согласился, желая сохранить все древние строения в Москве в их первобытном виде.

Ров подле стены Китай-города был везде завален мусором, особенно против присутственных мест. Он служил свалкою всяких нечистот и ямою для окрестных жителей и прохожих — его расчистили только в 1802 году.

ГЛАВА XXII

Дом гетмана Мазепы. — Любовные похождения этого авантюриста. — Смерть и похороны последнего полновластного гетмана Малороссии. — Лопухины. — Первая супруга Петра Первого. — Абрам Лопухин. — Несчастная судьба Натальи Лопухиной. — Дом бригадира Н. А. Сумарокова. — Родовая усыпальница Сумароковых. — Комнатный стольник И. Б. Сумароков. — Панкратий Сумароков. — Дети Василья Сумарокова. — П. П. Сумароков. — Ссылка в Сибирь. — А. П. Сумароков. — Несколько анекдотов из его жизни. — П. С. Сумароков и служебная его карьера. — Его московский дом с минералогическим кабинетом

В Козьмодемьянском переулке на Покровке, где теперь стоит лютеранская церковь св. Петра и Павла, находился некогда дом малороссийского гетмана Ивана Степановича Мазепы, известного авантюриста петровского времени.

Он родился в селе Мазепинцах в Киевской губернии и происходил родом из малороссийских дворян. Предок его, будучи полковником, сожжен поляками в медном баке вместе с гетманом Наливайкою [1]. Мазепа воспитывался в Польше у иезуитов и в совершенстве знал многие иностранные языки; в молодости он отличался приятною наружностью и нравился польским дамам.

Существует предание, что один польский магнат застал его со своею женою, приказал раздеть его, облить дегтем, обсыпать пухом, привязать веревками к дикой лошади и пустить в степь. Это случилось на границе Малороссии; казаки спасли его от неминуемой смерти. Такое жестокое наказание не вылечило Мазепу от ухаживания за чужими женами и девицами. Впоследствии мы видим в числе многих обольщенных им женщин крестницу его Матрену (названную Пушкиным Мариею), дочь генерального судьи Кочубея [2] и родственницу короля Лещинского [3], княжну Дульскую, для получения руки которой Мазепа хотел привести Малороссию в подданство польское.

Любовные похождения Мазепы в его юности, подробно рассказанные шляхтичем Паском, не раз служили канвою поэтических вымыслов, начиная с Байрона [4], Пушкина и Булгарина. Роман Мазепы с дочерью Кочубея в подробностях мало известен. По-видимому, он стал сватать дочь Кочубея Матрену, свою крестницу. Кочубей, не желая быть законопреступным отцом и маловерным христианином, на брак не согласился. Мазепа, однако, до того приворожил к себе крестницу, что она стала «бегать» к соблазнителю из отцовского дома, стала «плевать» на отца и мать.

Из сохранившихся «рукописных грамоток» Мазепы к Матрене видно, что страсть разгоралась постепенно, что у гетмана достаточно было времени одуматься. В одном письме, вероятно в начале этой любви, Мазепа пишет: «Запечалился я, услыхав о твоем гневе, что отослал тебя домой, а не оставил у себя. Посуди сама, чтоб из этого вышло: во-первых, родные твои не преминули бы разгласить, что, захватив дочь их, ночью держу у себя за наложницу; а другое, оставаясь у меня, ни я, ни ты не смогли бы сохранить благоразумия, стали бы жить, как в браке живут, а засим явилось бы неблагословение от церкви и клятва, чтоб нам вместе не жить. Куда же бы я тогда поделся? Да и тебя было бы жаль, чтоб потом на меня не плакала».

Но благоразумие старого гетмана было недолгое; в следующих письмах встречаем уже такие фразы: «Вспомни только свои слова, вспомни свою присягу, посмотри на свою руку, которую не раз давала мне в залог, что до смерти любить будешь, что будешь женою, хоть не будешь! Целую уста коралевии, ручки беленькие и все члонки тельця твоего

беленького, моя любенько коханая». Благоразумие исчезло; Мазепа стал жить с Матреною «як малженство (брак) кажет». Но этого мало; соблазнив Кочубеевну, Мазепа для поддержания ее страсти заставлял ее смотреть на отца и мать, как на врагов.

Сам Кочубей про страсть Мазепы писал к царю так: «Прельщая своими рукописаными грамотками дщерь мою, непрестанно к своему зломыслию, посылая ей дары различные, яко единой от наложниц, дабы аз от печали живот погубил; но едва не возмог лестию преклонися к обаянию и чародеянию и сотвори действом и обаянием еже дщери моей возбеситеся и бегати, на отца и матерь плевати».

Любовь Мазепы не была продолжительна; отринутая Мазепой и родными, Матрена умерла от горя.

Мазепа был и женат, но о жене его только известно, что она была вдова какого-то заднепровского шляхтича Фридрикевича; по крайней мере, не раз встречаются в архивных бумагах известия о пасынке Мазепы, Криштофе Фридрикевиче.

Мазепа был росту среднего, смугл, худощав, имел небольшие черные, огненные глаза, брови густые, взор гордый и суровый, улыбку язвительную, усы воинственные.

Феофан Прокопович, знавший лично Мазепу, описывает его следующим образом: «Мазепа был скрытен и осторожен в величайшей степени; но, когда надо ему было выведать какую тайну, он прикидывался откровенным и в подобных случаях прибегал обыкновенно к вину, притворялся пьяным, нападал на хитрых людей, выхвалял чистосердечных и неприметным образом доводил разгоряченных вином до откровенности».

Намереваясь присоединить вновь к Польше Малороссию и зная, как жители этого края не любили поляков за вводимую ими унию, он стал оказывать мнимое усердие к православию, созидал каменные церкви, снабжал разные монастыри и храмы богатыми утварями; любочестие Мазепы доходило до того, что он на колоколах, иконостасах, окнах церквей и в алтарях ставил изображение своего герба.

На одних царских вратах в Киеве, по словам Бантыш-Каменского *, в начале царствования Елисаветы Петровны еще виднелся портрет Мазепы. Обманывая набожностью малороссиян, он отдалял у них всякое подозрение к отступничеству от русских. Когда нужно было ему бездействие, то он притворялся тяжко больным и дряхлым; доктора не покидали его ни на одну минуту, и он лежал в постели, обложенный пластырями и мазями, и стонал, и говорил языком полумертвого человека.

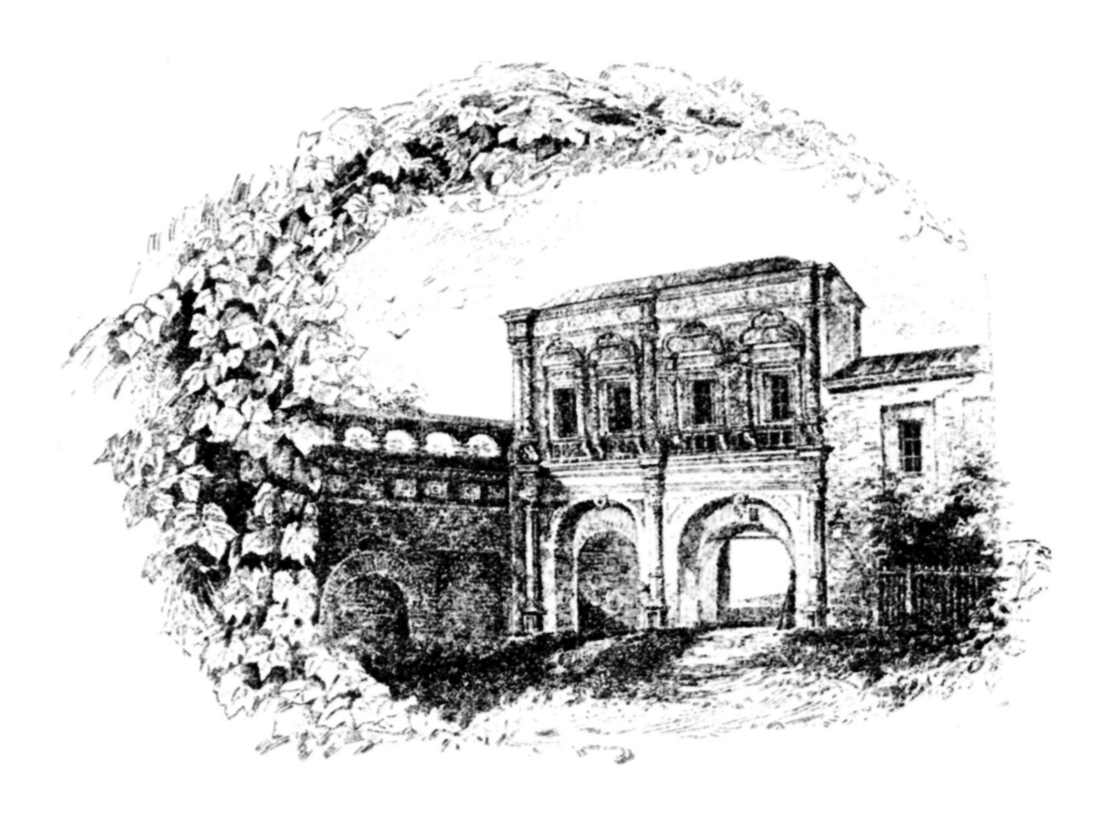
И. С. Мазепа. С портрета, находящегося на современной ему аллегорической гравюре дьякона Мишуры

Ворота Крутицкого архиерейского дома. С рисунка, приложенного к «Русской старине», изд. Мартыновым

Притворные его страдания иногда увеличивались до того, что он прибегал и к кощунству. Так, не желая участвовать в военном совете и идти с войском на подкрепление к Шереметеву, он слег в постель, не поворачивался в ней без помощи слуг и просил киевского митрополита Иосафа payсоборовать его маслом.

Долго Мазепа прикрывался мнимой своей верностью к царю и усердием к престолу русскому, и когда Ян Собеский [5], хан крымский и Станислав Лещинский старались в разное время преклонить его в свою сторону, он оставался непоколебимым и отправлял в Москву привезенные ими бумаги.

* См. «Историю Малороссии» Бантыш-Каменского.

Петр не раз награждал Мазепу по-царски; жаловал его кафтанами на соболях, с алмазными запонками, саблями в драгоценных оправах и многими другими наградами.

Мазепа два раза был в Москве. В первый раз 8-го февраля 1700 года он получил новоучрежденный орден св. Андрея Первозванного — он был вторым кавалером этого ордена, и во второй — в 1702 году для поздравления Петра с победой над шведами при Эрестфере. В 1703 году получил он от царя 1900 душ крестьян, а от польского короля Августа [6] — орден Белого Орла.

Узнав о болезни Мазепы в 1686 году, государь посылал ему в Батурин лекаря Романа Николаева и три года спустя нового доктора Яна Комнина. Мазепа находился в большом уважении у царя.

Во время проездов гетмана на дороге были расставлены для него по триста пятидесяти подвод. Каждый день отпускалось ему в Москве по восьми чарок вина двойного, по полведра меда вареного, по ведру меда белого, по два ведра пива доброго. Свите были выдаваемы напитки особо.

Стряпчему Текутьеву велено смотреть, чтобы «гетман и всех чинов люди, имеющие с ним приехать, были во всяком удовольствии и челобитья о том великому государю не было». Два капитана с двадцатью четырьмя стрельцами провожали Мазепу до границы украинской.

Осыпанный милостями Петра I, честолюбивый Мазепа завел связи с польским королем, которому обещал Украйну, и, наконец, запутавшись в своих собственных политических расчетах и боясь разоблачения своих планов, в 1706 году передался Карлу XII.

Изменническую присягу в верности королю шведскому Мазепа принял в Горках, местечке Могилевской губернии Оршанского уезда на речке Проне.

По словам летописца, у старика Мазепы сверкали еще глаза, когда он вошел к королю. Его провожали генеральный обозный, судья, писарь, два есаула, несколько полковников и около тысячи казаков; перед ним несли знаки его достоинства — бунчук и гетманскую булаву. Мазепа произнес королю речь на латинском языке; он просил его принять казаков под свою защиту, благодарил бога за то, что король решился освободить Украйну и от московского ига. После этого поцеловал руку короля и, как страдавший подагрою, получил позволение сесть.

Петр Великий очень огорчился изме-

ною «нового Иуды», как назвал его царь, и немедленно было приказано избрать нового гетмана. Меншиков, взяв Батурин, обратил в пепел прекрасный дворец Мазепы. 12-го ноября малороссийское духовенство в Глухове в присутствии государя предало вечному проклятию Мазепу и его приверженцев.

В тот же день вынесли на площадь набитую чучелу изменника. Прочитан приговор о преступлении и казни его; разорваны князем Меншиковым и графом Головкиным жалованные ему грамоты на гетманский уряд, чин действительного тайного советника и орден св. апостола Андрея Первозванного и снята с чучелы лента. Потом бросили палачу изображение изменника; все топтали его ногами, и палач тащил чучелу на веревке по улицам и площадям городским до места казни, где и повесил.

Вскоре, к чувствительному огорчению изменника, князь Голицын овладел Белою Церковью и вместе с тем всеми сокровищами Мазепы, простиравшимися до двух миллионов; скрытое в Печерском монастыре богатство Мазепы также досталось русским.

После Полтавской битвы Мазепа бежал с Карлом XII в Бендеры, и, когда потребовал Петр от султана его выдачи, 22-го сентября 1709 года, Мазепа отравился. Приняв яд, Мазепа велел сжечь при себе все бумаги, находившиеся в его ларце. «Пускай один я буду несчастлив, — сказал он, — а не многие, о которых враги мои, может быть, и не думали или думать не смели; но судьба жестокая все разрушила на неизвестный конец!»

На третий день происходили похороны его тела. Впереди шли музыканты, за ними один штаб-офицер нес гетманскую булаву; несколько казаков с обнаженными саблями окружали дроги, запряженные в шесть белых лошадей; за гробом следовали многие казачки-плакальщицы.

Старшины и рядовые с опущенными знаменами и обращенными вниз ружьями оканчивали шествие. Тело Мазепы предано земле в Варнице, близ Бендер; имя Мазепы, проклинаемое церковью, сделалось нарицательным каждого изменника. После дом Мазепы в Москве принадлежал брату царицы Евдокии Феодоровны — Абраму Феодоровичу, известному ненавистнику иностранцев, оскорблявшему Лефорта даже в присутствии царя.

Шведский резидент Кохен рассказывает, что однажды, когда государь обедал у Лефорта, в жару спора Лопухин стал поносить Лефорта самыми непристойными выражениями и, наконец, схватился врукопашную и в драке сильно измял прическу первого адмирала.

Петр сейчас же вступился за своего любимца и наказал дерзкого драчуна несколькими пощечинами. В первое время по женитьбе государя на Лопухиной все ее родственники пользовались расположением и вниманием царя. Свадьба царя на Лопухиной была, по рассказам придворных, предназначена еще царицей Натальей Кирилловной.

Обряд венчания совершался не в Благовещенском соборе, а в небольшой придворной церкви св. Петра и Павла; венчал царя протопоп Меркурий.

По случаю этого брака все родственники царицы были пожалованы царем в почетные звания и наделены дарами. Отец царицы Евдокии Илларион Абрамович после бракосочетания дочери был переименован царем в Феодора. В первое время после женитьбы царь жил с женою в согласии, но спустя восемь лет Петр охладел к своей жене. Чем провинилась царица перед супругом, остается тайною посейчас.

Предполагать надо, что Евдокия Феодоровна охладела царю оттого, что мучила его своею ревностью и упреками за привязанность к иностранцам. Трудно согласиться, чтоб без важных причин Петр решился заточить свою супругу в суздальский Покровский девичий монастырь. Царица Евдокия не признала осуждения царя и через несколько недель после пострижения сняла монашеское платье и надела мирское.

Здесь явился Степан Глебов, красавец собой, сострадавший бедствиям царицы; он начал ухаживать за ней, дарил ее дарами и соболями; приближенные царицы помогали ему. Только когда началось дело царевича Алексея, царь узнал о Глебове и делал Евдокии с ним очную ставку на генеральном дворе и не пощадил царицу, приказав подтвердить сознание собственноручным подписом.

Покровский монастырь считается неблагонадежным местом ссылки, и Евдокия переводится в Новоладожский монастырь, где под страхом смертной казни с ней запрещается говорить. Ссылка ее в Ладожский монастырь была известна только немногим, и в народе даже гово-

рили, что она сожжена в Петербурге во время пожара на Конюшенном дворе в 1721 году.

В это же время и брат ее Абрам Феодорович был привезен в оковах вместе с другими несчастными, прикосновенными к делу царевича, в Петропавловскую крепость, и 9-го декабря 1718 года над ним был исполнен смертный приговор.

Лопухин был казнен последним. Гордый брат царицы принял смерть бесстрашно: смело вошел на эшафот, перекрестился и положил голову на плаху. Он все время был верен своим убеждениям и, негодуя на нововведения царя, упорно воздерживался от дел и отстранялся от службы и отказывался от должностей.

Три года спустя после этих казней Берхгольц еще видел на площади шесты с воткнутыми на них головами.

После смерти Петра Екатерина I приказала перевезти царицу Евдокию Феодоровну в Шлиссельбург и заточила ее в тесную каморку.

Берхгольц пишет, что в 1725 году, обозревая внутреннее расположение Шлиссельбургской крепости, он приблизился к большой деревянной башне, в которой содержалась Лопухина. «Не знаю, — говорит он, — с намерением или нечаянно вышла она в это время прогуливаться по двору. Увидя меня, она поклонилась и громко говорила, но слов за отдаленностью нельзя было расслушать».

Со вступлением на престол юного Петра II царица была возвращена из ссылки. Трогательно было свидание бабки с внуком; царица заливалась слезами и целый час не могла промолвить слова.

Измученная горем царица тяготилась придворной жизнью и вскоре переехала в Москву и поселилась там в Вознесенском девичьем монастыре. При ней был составлен особый двор и назначен гофмейстером Измайлов. Она умерла 62 лет в 1731 году и погребена в этом же монастыре; на гробнице ее следующая надпись: «1731 года, месяца августа, 27-го числа, преставися раба божия государя царя, первого императора Петра Алексеевича, супруга его первая Евдокия Федоровна, родилась 17.., в монахинях Елена» [7].

Такою же несчастною судьбою отличалась в елисаветинское время и Наталья Федоровна Лопухина, бывшая

Царица Евдокия Федоровна. С портрета, принадлежавшего графу И. И. Воронцову-Дашкову

замужем за двоюродным братом Евдокии. Наталья Федоровна дочь генерала Балк-Полева; по словам современников, она затмевала красотою всех придворных дам и даже возбудила зависть самой царевны Елисаветы.

Толпа поклонников окружала ее; с кем танцевала она, с кем говорила, на кого посмотрела, тот считал себя уже счастливейшим из смертных. Из всех поклонников у ней был один только, который обращал внимание Лопухиной, это — граф Левенвольд [8]; счастливец этот состоял камергером высочайшего двора при Екатерине I. Левенвольд был первым вельможею в свое время, отличался щегольскою одеждою и великолепными праздниками и вел большую картежную игру.

В государственные дела он не вмешивался, но при правительнице Анне Леопольдовне против воли принял участие в важнейших делах; когда Елисавета вступила на престол, в тот же день Левенвольд был заключен в крепость и предан суду; его приговорили к смертной казни, но Елисавета смягчила наказание

лишением чинов, орденов, дворянства, имения и ссылкою в Сибирь, куда последовала за ним и его жена. Манштейн говорит, что Левенвольд перенес свое несчастие с удивительною твердостью.

Князь Шаховской, которому поручено было отправить его в место ссылки, отзывается иначе. «Лишь только я вступил в темную и пространную казарму, — говорит он, — вдруг неизвестный мне человек обнял мои колени и весьма в робком виде, в смущенном духе говорил так тихо, что нельзя было вслушаться в слова его; всклоченные волосы, седая борода, бледное лицо, впалые щеки, оборванная неопрятная одежда его внушали мне мысль, что это какой-либо мастеровой, содержащийся под арестом. Отдалите этого несчастного, — сказал я сопровождавшему меня офицеру, — и проводите меня, где находится бывший граф Левенвольд. «Он перед вами», — отвечал офицер.

Тогда живо представились воображению моему долговременная служба его при дворе, отменная к нему милость монаршая, великолепные палаты его, где он, украшенный всеми орденами, блистал одеждою и удивлял всех пышностью».

По словам Дюка де Лирия, Левенвольд возвысился посредством женщин, едва верил бытию бога и жертвовал всем для достижения своей цели. Но вместе с тем он был умен, великодушен, благороден в поступках, обходителен и умел придать блеск празднествам императрицы. Левенвольд умер в ссылке в 1758 году.

Со ссылкою в Сибирь Левенвольда негодование и досада овладели сердцем Наталии Лопухиной, она отказалась от всех удовольствий, посещала только одну графиню Бестужеву, родную сестру графа Головкина, сосланного также в Сибирь, и очень понятно, осуждала тогдашний порядок вещей. Этого было достаточно; двое приближенных Елисаветы, князь Никита Трубецкой и граф Лесток [9], ради своих планов стали искать несуществующий заговор против императрицы в пользу младенца Иоанна. Агенты Лестока — Бергер и Фалькенберг — напоили в одном из гербергов [10] подгулявшего юного сына Лопухиной и вызвали его на откровенность; Лопухин дал волю языку и понес разный вздор.

Из этого вздора Лесток составил донос, или, лучше, мнимое Ботто — лопухинское дело. Лесток и Трубецкой старались замешать в это дело бывшего австрийского посла при нашем дворе маркиза Ботта д'Адорна, который был в хороших отношениях с Лопухиной, и выставить его как главного зачинщика. Концом процесса было присуждение Лопухиных: Степана, Наталию и Ивана бить кнутом, вырезать языки, сослать в Сибирь и все имущество конфисковать.

Казнь Лопухиной описывает аббат Шап-Датрош.

Казнь происходила на Васильевском острове у здания 12-ти коллегий, где теперь университет. Наталия Федоровна Лопухина пострадала очень от наказания, потому что отбивалась из рук палача. Лишившись части языка, она могла объясняться впоследствии только с теми, кто довольно привык к звукам ее голоса. При казни Лопухиной палач, когда вырвал ей часть языка, громко крикнул, обращаясь с насмешкой к народу: «Купите, дешево продам».

В ссылке вместе с мужем и сыном она пробыла восемнадцать лет; возвращена она оттуда в 1762 году императрицею Екатериною II, и снова жила в высшем свете, где уже толпа любопытных, а не поклонников окружала ее. Она умерла в 1763 году, за пять лет до смерти Лопухина, из лютеранства перейдя в православие.

В екатерининское время в Бахметьевском переулке, в приходе Успения на Могильцах [11] стоял дом бригадира Н. А. Сумарокова, приходившегося племянником известному в летописях нашей литературы А. П. Сумарокову.

Дом этого бригадира отличался всеми затеями прошлого барства и с утра до вечера кишел гостями и многочисленной челядью. Владелец богатых имений в Пензенском и Калужском наместничествах и более 3 тысяч душ крестьян, Сумароков жил каким-то владетельным князьком. Так, отличаясь набожностью, он выходил из дому в церковь с особенною торжественностью, окруженный своим семейством и большой свитой гайдуков, гусар, лакеев и женской прислуги, сопровождавшей его жену и дочерей. Такие выходы Сумароков совершал из своего дома к церкви св. Николая в Столпах [12], где погребены многочисленные родственники его фамилии. У Сумарокова был большой хор своих певчих, одетых в богатые парчовые кафтаны; хор этот славился стройностью своего

пения; им одно время управлял славный композитор Галуппи [13].

Род Сумароковых был известен еще в XVI столетии; родоначальником его считается ученый иностранец, «зело искусный в землемерии», происхождением швед.

Из потомков его первый известен комнатный стольник царя Алексея Михайловича Иван Богданович [14], отличавшийся необыкновенною силою и охотничьею удалью: он неоднократно вступал в единоборство с рассвирепелым медведем, и раз, когда на охоте царю Алексею Михайловичу угрожала опасность, он в одно мгновение заслонил царя, принял зверя на рогатину и распорол ему живот ножом.

Этот Сумароков носил прозвище Орла — за свою лихость. Во время правления царевны Софьи мятежники, заговорщики против Петра, посадили Сумарокова в казематы в Девичьем монастыре, истязали там пытками, желая склонить его на свою сторону, и, подстрекая тайно убить брата Петра, царя Иоанна, говорили: «Орел, убей ты нам того орла, который часто летает на Воробьевы горы». У царя Иоанна на Воробьевых горах был любимый летний дворец, который он очень любил и часто живал там.

Измученный пытками, верный присяге, Иван Сумароков не вынес страданий и под истязаниями скончался в одном из застенков Девичьего монастыря.

Меньшой его брат Панкратий был вызван впоследствии Петром из каширского имения и записан в потешные. По преданию, Панкратий был такой же красавец, как и его брат, и не было той красавицы на Москве, которая не сходила бы с ума от любви к нему.

Женитьба последнего отличалась романическою подкладкой: он увез у богатого и гордого боярина Зиновьева единственную его дочь-красавицу. На этот увоз сам царь посмотрел вначале грозно, но, залюбовавшись на красоту новобрачных, простил их и вдобавок еще подарил им богатые пензенские вотчины.

Когда родился сын у Сумарокова, Петр, то он уже не числился в потешных, а был по документам стряпчим с ключом. Петр Панкратьевич Сумароков с самого младенчества был облагодетельствован царем. Петр Великий сам крестил его и пожаловал ему на зубок тысячу душ. Он служил в гражданской службе и умер действительным тайным советником.

Крестник царя Петр Панкратьевич жил в своих богатых имениях по-барски; он был женат на П. И. Приклонской, у него было три сына и четыре дочери. При разделе богатое имение отца распалось на семь частей и потом пошло дробиться до бесконечности. Над потомками его тяготел какой-то несчастный фатум.

Две его дочери были очень несчастливы в замужестве. Муж одной из них был в свое время известный всей Москве скряга, которого родной брат жены его Александр Петрович заклеймил именем Кащея и осмеивал в своих комедиях и сатирических песнях, нанимая фабричных петь эти песни под его окнами. Муж другой был тоже крайне недобросовестный человек. Две другие дочери также были очень несчастливы, и одна из них с горя даже помешалась.

Но особенно преследовала судьба потомков старшего сына Василия. Сам он еще пользовался почетом и хорошим достатком; чин его был генеральский, и занимал он должность президента московской берг-коллегии. По делам службы он жил постоянно в Москве и имениями занимался мало, поручив управлять ими ловкому и хитрому мошеннику, при котором соседями, от которых он брал взятки, и было отрезано имение по частям при генеральном размежевании.

В то время, по рассказам, отрезку земли от прежнего владельца делали очень нехитро, закормив и задарив землемера. Помнившие генеральное размежевание [15], описывали его так: выедет, бывало, богатый помещик в поле вместе с землемерами, в длинной линейке в шесть лошадей, с двумя форейторами, да с вершниками в охотничьих кафтанах, и едет он вокруг своей дачи по смежным землям, которые задумалось ему захватить. Остановится где надо. Народ и смежные владельцы собраны. Землемер и закричит: «Слушайте, господа и народ православный, вот эта вся земля, по которой мы едем, принадлежит этому владельцу», т. е. тому, с кем он сидит. «Помилуйте, батюшка, — плачут крестьяне, — эта земля с исстари наша или такого-то помещика». «Вздор! — закричит землемер. — Это неправильно, я вижу по писцовым книгам, что земля принадлежит ему, и как мне закон велит, так я отрежу». Бедный человек, у которо-

Торговка старыми вещами. С гравюры Гейслера

го отрезали земли, идет домой и кулаком утирает слезы, а богатый на той же меже с землемером и своими приспешниками задает пир горой. Часто случалось, что какой-нибудь сильный вельможа, отрезавший землю у бедняка, дарил землемеру за это только какого-нибудь иноходца или немудреного рысачка своего завода.

У этого Василия Сумарокова был сын Платон, служивший в межевой канцелярии; последний был пристрастен к крепким напиткам и впоследствии сошел с ума; в числе его пяти детей известен по своей печальной судьбе Панкратий Платонович, поэт и издатель многих журналов в свое время. Панкратий Сумароков до двенадцати лет жил в деревне, потом был взят в Москву, в дом своего родственника, генерал-майора И. И. Юшкова [16], проживавшего в приходе Флора и Лавра [17], на Мясницкой улице; здесь он получил блистательное образование с полным знанием нескольких языков. Когда ему исполнилось 18 лет, его отвезли в Петербург и записали в конно-гвардейский полк; через год он был уже корнетом гвардии, что в те времена составляло огромный шаг; через два года после того в Петербурге разнесся слух, что гвардейские офицеры подделывают ассигнации, — слух этот возник вследствие обыска, сделанного в квартирах трех офицеров. Фальшивых ассигнаций при обыске не было найдено, но один из них признался в сбыте фальшивой бумажки.

Наряженная военно-судная комиссия нашла, что это не была подделка ассигнаций, а простой рисунок бумажки, набросанный пером на обыкновенной почтовой бумаге. Началось разбирательство, и вот подробности этого дела. Сумароков сидел больной дома и скуку развлекал рисованием копии с гравюры пером, в это время пришел к нему товарищ по полку Куницкий и долго любовался его мастерской работой, наконец сказал:

— Что за страсть марать бумагу и портить глаза?

Между тем как они разговаривали, вошел человек, просит денег на покупку провизии. Сумароков достал бумажник, в котором было несколько ассигнаций, и дал ему одну из них.

— Вот, — сказал Куницкий, — если бы ты рисовал ассигнации, тогда бы ты точно придавал цену бумаге и я бы согласился, что ты делаешь дело. Впрочем, я готов биться об заклад, что, несмотря на все твое искусство в рисовании, у тебя недостанет искусства нарисовать ассигнацию.

— Похожее на ассигнацию сделать легко, — сказал Сумароков. Взял ассигнацию и принялся ее срисовывать, желая доказать своему товарищу, что это не так мудрено для него, как он думает.

Роковая ассигнация была готова. На дворе стало смеркаться. Куницкий зашел опять к Сумарокову, и тот показал ему нарисованную им ассигнацию.

— Неужели это ты нарисовал? — спросил Куницкий, подойдя к окну и рассматривая подделку.

— Натурально, очень натурально, признаюсь, я от тебя не ожидал этого и теперь согласен, что ты большой мастер рисовать.

— Подай же ее назад, — сказал Сумароков, — я сейчас велю зажечь свечку, и мы сожжем ее.

— Нет, братец, позволь мне ее рассмотреть получше на дворе: там светлее, я здесь хорошо не вижу, — и, не дожидаясь ответа, Куницкий вышел из комнаты.

Проходит десять минут, он не возвращается, Сумарокова начинает брать беспокойство. Он посылает человека на двор поискать Куницкого. Проходит час, Куницкого нет. Сумароков приходит в отчаяние; наконец, часа через два является Куницкий, завернутый в лисий мех. Сумароков спрашивает, где он взял эту обновку.

— Не правду ли я говорил, — говорит Куницкий, — что гораздо выгоднее рисовать ассигнации, чем картинки?

Тут он рассказал, что был в Гостином дворе, где, купив лисий мех, воспользовался темнотою лавки и отдал за него ассигнацию, которая была нарисована совсем не для того употребления. Легко себе представить испуг Сумарокова: он бранил товарища, просил его, чтобы он указал ему лавку, в которой он обманул купца, но товарищ, наскучив его упреками, ушел, сказав, что это все пустяки и об этом не надо думать.

На другой день пришел к Сумарокову другой его товарищ, Ромберг. Сумароков рассказал ему, как было все дело, и пошел вместе с ним к Куницкому, чтоб уговорить его идти выкупить ассигнацию.

Но Куницкий боялся показаться купцу и сказал, что он положительно отказывается его отыскать, так как за ночною темнотою, наверно, не может отыскать лавку.

Несколько дней прошло в нерешимости и беспокойстве; но, наконец, беспечность юности и время уменьшили первый ужас. Тайна осталась между троими, и, казалось, в самом деле нельзя было опасаться, чтобы она когда-либо открылась.

Купец, продавший мех Куницкому, тотчас по выходе его запер лавку, и ассигнация, которую он положил в ящик, осталась наверху прочих денег, полученных им во время торговли того дня.

Темнота не позволила ему хорошенько рассмотреть бумажку, но на другой день он ее узнал. Лицо последнего покупщика у него хорошо врезалось в памяти. Недели через две после этого происшествия Куницкий раз очень спокойно шел по улице; вдруг на повороте, выйдя из-за угла, столкнулся нос с носом с обманутым им купцом. Тот останавливается, всматривается, узнает его, кричит «караул». Куницкий струсил и пускается в бегство; его схватывают, спрашивают, кто он, и ведут к Михельсону, который в то время командовал полком.

Там он во всем признался. Посылают за Ромбергом и Сумароковым, и они подтверждают сказанное им, и их всех троих отправляют на гауптвахту. Судившая их комиссия не взяла в оправдание их молодость и не оправдала их, а приговорила к лишению всех прав состояния и ссылке на жительство в сибирские города: первого — как сбытчика фальшивой ассигнации, другого — как ее рисовальщика, третьего — как укрывателя преступления.

История эта наделала много шума в Петербурге. Местом жительства ссыльных был назначен Тобольск, где в то время был губернатором А. В. Алябьев. Последний взглянул на молодых офицеров не как на преступников, а как на странников, занесенных несчастием в край чужой и далекий; он доставил им полную свободу, а Сумарокову дал возможность заниматься науками и литературой, в которой последний еще в Петербурге делал стихотворные опыты.

При обыске квартиры Сумарокова в числе некоторых его литературных произведений были найдены сатирические стихи на одного из начальствующих лиц — командира полка. Эти-то стихи, как носились тогда слухи, много повредили исходу его дела. Сумароков в Тобольске стал издавать журнал «Иртыш», превратившийся в «Иппокрену» * и потом «Библиотеку ученую, экономическую, нравоучительную, историческую и увеселительную», она состояла из 12 довольно объемистых книг.

В 1799 году он выпустил первый том своих стихотворений. Но, несмотря на все эти занятия, родина все мечталась невинному изгнаннику. В 1801 году он написал Александру I просительное письмо и получил прощение. Возвратившись в Россию, он поселился в деревне своей в Тульской губернии, где не покидал своих литературных трудов и в

* Журнал «Иппокрену» он издавал в сотрудничестве с И. И. Бахтиным, губ. прокурором, и Воскресенским, учителем гимназии. Всего вышло 28 книжек с 1789 по 1791 г. Журнал наполнен мелкими статейками и стихотворениями.

1803 году издавал «Журнал приятного, любопытного и забавного чтения», а в 1804 году начал было издавать с Карамзиным «Вестник Европы», но вскоре занемог и бросил его. Панкратий Сумароков умер в 1814 году на 49-м году от рождения *. Средний сын крестника Петра был известен в летописях нашего театра. Александр Петрович родился в 1718 году в городе Вильманстранде в Финляндии. Драматические произведения Сумарокова теперь преданы забвению, но было время, когда смотрели на них, как на гениальные произведения.

Александр Петрович Сумароков был горд, раздражителен и самолюбив до крайности; самолюбие его происходило не от пустой самоуверенности в своем таланте, но от успехов, какие он имел тогда на театре, от внимания самой императрицы и от похвал Вольтера.

Трудно обвинять в самолюбии и гордости человека, которому рукоплескали образованные люди тогдашней эпохи.

Он жил в Москве на Кудринской площади, и часто его видели, как он отправлялся пешком в кабак через Кудринскую площадь, в белом шлафроке, а по камзолу через плечо — Анненская лента.

Современники видели в нем только человека беспокойного и неуживчивого и смешного. «Невозможно было удержаться от смеха, — говорит один из них, — видя перед собою высокого, стройного мужчину, довольно приятной наружности, щегольски разодетого, беспрестанно суетящегося, готового из-за всякой безделицы рассердиться до невозможности».

В обоих карманах камзола у него лежал нюхательный табак: он то из одного, то из другого вынимал его горстями, поспешно нюхал и обильно посыпал им свой щегольской наряд, и в особенности тонкие кружевные манжеты.

Трудно было также удержаться от смеха, как этот господин из пустяков выходил из себя, топал ногами, кричал и проч. Особенно недолюбливал Сумароков подьячих и полицейских чиновников.

Раз на подмосковной даче Волынского в троицын день простой народ веселился, пел и гулял. Полиция вздумала вмешаться и унимать развеселившихся мужичков и грубо расталкивать их. Сумарокова это сильно раздосадовало; он вскочил на какую-то скамейку и закричал полицейским: «Наша матушка бережет народ, а вы что тут вздумали озорничать!» Приятели еле могли увести его.

Он долго не мог успокоиться и все твердил: «Да разве можно позволять полиции так расталкивать народ! Ведь это такие ж люди, как и мы». Он, например, не мог хладнокровно слышать, если в каком-нибудь доме прислугу называли «хамовым отродьем». Стоило только сказать эти два слова, как он весь краснел и, забывая в досаде проститься с хозяевами, бежал вон из дома.

Сумароков не боялся сильных вельмож тогдашнего времени. Он много перенес от своего бешеного, неукротимого, но при всем том доброго и великодушного характера. Сумароков умер в бедности в Москве; никто из родных его не пришел отдать ему последнего долга, за исключением только одного дальнего родственника Юшкова; похоронили его московские актеры на свой счет; могила его на кладбище Донского монастыря — ее отыскать нельзя, в ней лежит другой покойник.

Женат Сумароков был два раза: в первый раз на бывшей фрейлине Екатерины, когда последняя была еще великой княгиней; второй раз Сумароков был женат чуть ли не на своей кухарке.

В сочинениях Сумарокова есть сторона очень важная и любопытная: это взгляд на любовь и женщину. Женщина русская, только что выпущенная из терема, была в XVIII веке еще странным явлением в обществе, несмотря на стечение многих благоприятных обстоятельств. Каковы были по большей части женщины того времени, мы можем судить по современным запискам, например, хоть по письмам леди Рондо. Преобладающих типов было два: щеголиха и не совсем еще освободившаяся от идей XVII века женщина.

Оба типа выводимы были много раз Сумароковым, например: Деламида (в «Пустой ссоре») и Минодора («Мать — совместница дочери»), щеголиха и Хавронья (в «Рогоносце по воображению») — совершенно старорусская барыня.

Так представлял Сумароков отрицательные женские типы; но у него есть

* Похоронен Панкратий Сумароков в вышеназванной церкви — Николы в Столпах.

стремление представить и положительный тип.

Такой тип он представлял в своих трагедиях и, разумеется, создал тип идеальный, в котором преобладает нежность и вместе с тем верность долгу, так что часто драма происходит от столкновений этих чувств.

Выводя в трагедиях женщину, Сумароков изображает и любовь. Любовь в его представлении отзывается большою сентиментальностью. Причина понятна, и происходило это, разумеется, большею частью вследствие подражания, а подражать в этом случае приходилось потому, что действительность была слишком далека от идеала.

Поэтому неудивительно, что героини трагедии Сумарокова, как и Озерова, отзываются Расином, а пастушки — Фонтенелем [18].

Известен в летописях дворцовых событий XVIII века еще Петр Спиридонович Сумароков (родился в 1705 году, умер в 1786 году). В начале своей карьеры он служил камер-юнкером у гольштинского герцога, после был посылаем в Митаву Ягужинским и врагами Долгоруких — уведомить герцогиню курляндскую Анну Иоанновну, что она может принять условия верховников, а при восшествии на всероссийский престол их уничтожить. Сумароков хотя и успел исполнить поручение, на обратном пути был, однако, задержан князем Василием Лукичом Долгоруким, закован в кандалы и чуть ли не наказан батогами и освобожден был только прибывшею в Москву императрицею Анною Иоанновною. Несмотря на свое усердие, он не был любим императрицею.

Эта нелюбовь объясняется тем обстоятельством, что Сумароков служил при ненавистном ей гольштинском дворе. Сумароков был впоследствии обершталмейстером при Елисавете и Екатерине II и, кроме этого, состоял директором Шляхетного кадетского корпуса.

Сумароков был также в вечной вражде с Орловыми и в силу этого обстоятельства жил всегда, как недовольный двором, в Москве. Дом его в Москве был невдалеке от Лубянской площади и отделан был роскошно; владелец его обладал очень хорошим минералогическим кабинетом, в числе редкостей которого был огромный кусок магнита, державший двухпудовый якорь. Магнит этот был подарен ему Никитой Акинфиевичем Демидовым. По смерти Сумарокова эта диковинка была поднесена императрице Екатерине II.

ГЛАВА XXIII

Бульварная Москва допожарной эпохи

В первых годах нынешнего столетия в Москве появились сатирические стихотворения, написанные на тогдашнее общество; обыкновенно стихи эти, или вернее, вирши, затрагивали излюбленные места прогулок москвичей: вокзал, Тверской бульвар [1] и Пресненские пруды [2]. Тогда в Москве существовал только один бульвар — Тверской, насаженный березками. Позднее березки заменили липами и устроили другие бульвары уже после нашествия французов.

На бульвар и в другие места в то время являлись москвичи каждый день. Гуляли они, держа шляпы под мышкою, потому что высокая прическа, пудра, помада и шпильки, особенно у дворян, следовавших законам моды, так отягчали и парили головы, что невозможно уже было, особенно летом, ходить с накрытой головой.

Купцы и нечиновный люд стояли рядами по бульвару, не сближаясь с аристократиею; у купцов, ходивших в немецком платье, на шляпах были темные кокарды, у дворян с такими же пуговками светлые. Вельможи носили чванливо звезды на плащах, камзолы их были по большей части красные, с позументами, с раззолоченными ключами на спинах. Орденские знаки и ленты в то время не покидали, даже когда езжали в баню.

Встречались тогда на улицах во множестве и бригадиры в своих белоплюмажных шляпах; отставные военные носили панталоны из трико в обтяжку и высокие гусарские сапоги с кистями; на фраках были пуговки золотые, воротники торчали высокие, жабо [3] тоже большое, часовые цепочки две, со множеством огромных печатей; у некоторых были кожаные перевязи, а у большей части франтов виднелись в ушах серьги.

Молодежь ходила обыкновенно в очках, нередко сильно набеленная, нарумяненная и с насурмленными бровями; у некоторых из военных были приделаны искусственные плечи, чтобы казаться молодцеватее.

Чтобы прослыть модником, тогда нужно было иметь своих собственных лошадей с рыдваном, в котором иной повеса и катался целый день:

С кладбища на сговор, с крестин на погребенье,
С бульвара на пруды, с прудов в дворцовый сад
и т. д.

В описываемую нами эпоху прекрасный пол появлялся на улицу одетый в очень короткие платья, почти открытые, на зарукавьях были змейки, пояса находились очень высоко, почти у самой груди; косы в то время были обрезаны, головы завиты барашками. Некоторые модницы попадались с гребенками в курчавых волосах величиною до полуаршина; у пожилых дам волосы были взбиты башней и на лбу виднелось несколько мушек.

В первый раз уличная сатира коснулась москвичей в девяностых годах прошедшего столетия. В это время в Москве вошел в большую моду «английский вокзал». Последний стоял близ Рогожской заставы и Дурного переулка.

Место это теперь застроено домами после пожара 1812 года. Вокзал содер-

жал иностранец Медокс, происхождением грек или англичанин.

В вокзале был устроен красивый летний театр; тут играли небольшие комические оперетки и такие же одноактные комедии. За представлением на театре следовал бал или маскарад, который заканчивался хорошим ужином; за вход в вокзал платили один рубль меди, а с ужином пять рублей.

По обыкновению, сюда стекалось до пяти тысяч человек и более. Вокзальный театр был приготовительным для молодых артистов; здесь они учились и испытывали свои способности перед публикою. Для открытия вокзала В. И. Майков сочинил небольшую оперу «Аркас и Ирика», к ней написал музыку Керцелли. Этот капельмейстер и композитор, как уже говорено было раньше, был глухой, но знал свое дело превосходно.

В этом вокзале часто гулял пленный шведский адмирал граф Вахтмейстер, взятый адмиралом Грейгом [4] 6-го июля 1788 года, близ острова Готланда, вместе с 70-ти пушечным кораблем «Prince Gustav» («Принц Густав». — *фр.*)

Присутствие на гуляньях Вахтмейстера возбуждало самое нескромное любопытство. За ним бегали толпами женщины. На это неизвестным обличителем было написано следующее стихотворение:

Умы дамски возмутились,
У всех головы вскружились,
Как сказали, что в вокзал
Будет шведский адмирал.

Далее зоил [5] пел:

Дочерей и внук толкают,
Танцевать с ним посылают:
«Пошла, дура, не стыдись,
С адмиралом повертись!»

В песне так же говорилось, что шведский адмирал весьма неосторожно сделал какой-то даме глазки. Здесь пиит уже впадал в оплошность. Граф Вахтмейстер был крив и не мог делать глазки.

Впоследствии императрица Екатерина II, рассердившись на шведского короля, приказала пленного адмирала взять из Москвы и отослать в Калугу.

На этот вокзал была сложена еще другая песенка, в которой была воспета какая-то «знатная и многолетняя богатая барыня», которая мастерски переманивала женихов от невест. В песне говорилось, что «она сперва приголубливала их сама, а потом, скучая то тем, то другим, впоследствии выдавала их за таких невест, за каких хотела, со своим приданым» и т. д.

Автором этих стихотворений в то время называли молодого Мамонова, только не графа М. А. Дмитриева-Мамонова, а служившего под его начальством; тогдашний московский главнокомандующий граф И. В. Гудович посадил Мамонова под арест. Это взорвало Дмитр. Мамонова, и он в Сенате после заседания наговорил дерзостей Гудовичу; последний пожаловался на него императору. Впоследствии стихи эти приписывали одному молодому военному красавцу, сатира которого в то время заставляла трепетать многих и отворяла ему двери во все дома со многими привилегиями.

Тогда считали благоразумнее обезоружить автора гостеприимством, чем мстить или бежать от него. Где появлялся этот красавец, там, по словам современника, и настоящий поэт прижимался к углу.

Всякий боялся попасть в стихи к рифмоплету, который, пожалуй, навяжет ему жену дуру «Фетинью» или назовет в своих виршах и самого скотом. Про этого воина-красавца тогда все знали, что он не отличается нравственною чистоплотностью и что победы его самого мирного сорта у какой-то пребогатой графини, предавшейся ему и сердцем и карманом. Тогда не проходило ни одного дня, в который бы этот ловелас [6] не притащил от старухи бриллиантов или денег к зеленому столу и не поставил бы всего этого к ногам карточных дам.

Был у этого молодца и приятель, всегда готовый к его услугам; это был товарищ его по оружию; последний только и знал, что дуэли; вечно зашнурованный рукав сюртука, два больших шрама, один — на щеке, другой — на бороде, свидетельствовали о его подвигах на таком бранном поприще. Кажется, намек о нем находим у графа Л. Н. Толстого в его романе «Война и мир». Затем позднее авторами бульварного острословия были два известных тогда в высшем обществе молодых человека, А. Д. Копьев и С. Н. Марин [7].

Первый из них был сын пензенского вице-губернатора Д. С. Копьева; говорили, что последний был еврейского происхождения, но верно только то,

что он принадлежал к числу благородно мыслящих людей.

Про сына Копьева, которого тогда знала вся Россия, пишет князь Долгоруков *, что он славился необыкновенным пострельством, был умен, остер, хороший писец, «ну, просто сказать, петля». Кто не помнит его бесчисленных проказ? Славиться такими проказами он стал почти в юношескую пору своей жизни.

Про него существует рассказ, что раз в бытность свою в карауле во дворце он побился об заклад с товарищами, что тряхнет косу императора Павла за обедом. И однажды, будучи при нем дежурным за столом, схватил он государеву косу и дернул ее так сильно, что государь почувствовал боль и гневно спросил, кто сделал. Все были в испуге. Один он не смутился и спокойно отвечал:

— Коса вашего величества криво лежала, я позволил себе выпрямить ее.

— Хорошо сделал, — сказал государь, — но все же мог бы ты сделать это осторожнее.

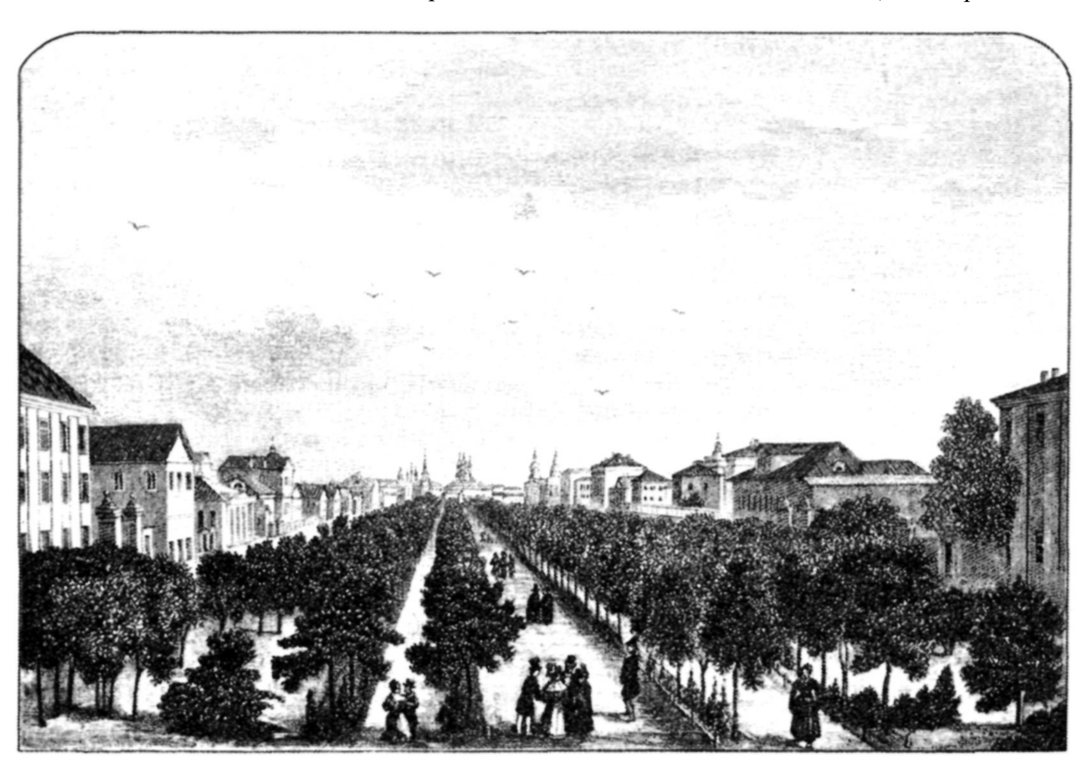
Тем все и кончилось **.

Князь Вяземский рассказывает: в другой раз Копьев бился об заклад, что он понюхает табаку из табакерки, которая была украшена бриллиантами и всегда находилась при государе. Однажды утром подходит он к столу возле кровати императора, почивающего на ней, берет табакерку, с шумом открывает ее и, взяв щепотку табаку, с усиленным фырканием сует в нос.

— Что ты делаешь, пострел? — с гневом говорит проснувшийся государь.

— Нюхаю табак, — отвечает Копьев. — Вот восемь часов уже дежурю; сон начинал меня одолевать. Я надеялся, что это меня освежит, и подумал, лучше провиниться перед этикетом, чем перед служебною обязанностью.

— Ты совершенно прав, — говорит Павел, — но как эта табакерка мала для двух, то возьми ее себе.

Тверской бульвар в начале XIX столетия. С рисунка Кандоля

* См. «Капище моего сердца».

** Выходку с косой императора Павла I приписывают некоторые современники и князю А. Н. Голицыну.

Вигель говорит про Копьева, что он принадлежал к числу тогдашних молодых людей, которые щеголяли безбожием и безнравственностью, но более в речах, чем в поступках, и это давало им вид веселого, но нестерпимого бесстыдства. Копьев же старался и их превзойти. Будучи офицером в Измайловском полку, он прославился насмешками над честным и довольно строгим, но не отличавшимся умом начальником своим Арбеневым. Ему все сходило с рук по доброте этого начальника.

Репутация его как остряка и балагура дошла до князя Зубова, последний, по примеру князя Потемкина, имел свиту огромную, составленную из адъютантов, ординарцев и т. д. Он поместил при себе и Копьева, который в продолжение последних лет царствования Екатерины, пользуясь безнаказанностью, проказил немилосердно; Копьев был еще довольно молод, а молодости многое прощается. Проказничал же он более речами.

По вступлении Павла на престол Копьев остался без опоры со своими пресловутыми фарсами. Все тогда роптали на перемену мундирной формы по старинному прусскому образцу, и Копьев выкинул штуку — заказал себе в преувеличенном виде все: ботфорты, перчатки с раструбами, прицепил уродливые косу и букли и в этом шутовском наряде явился к императору, который, впрочем, удовольствовался тем, что виновного посадил на сутки под арест и велел отправить в драгунский полк, который стоял в Финляндии.

Анекдотов про Копьева была куча, он не унимался, по старой привычке не переставал врать и проказничать. Это ему даром не прошло, и он вскоре был разжалован в рядовые и записан в гарнизонный полк в Финляндии.

В бытность рядовым он влюбился в дочь одного богатого помещика; впоследствии император Павел сжалился над ним и приказал его отставить от службы с его прежним подполковничьим чином, но оставить его на жительстве в Финляндии.

В первые месяцы царствования Александра I он был возвращен из ссылки и сравнен с чинами его сверстников; ему прямо был дан чин генерал-майора.

В пожилых годах он отличался необыкновенною скупостию; как сам он, так и его люди были оборваны, в заплатках и засалены. Он век проходил в зеленом фраке; тогда уверяли, что последний был сшит из остатков с биллиардов и что заметны были даже пятна, напоминающие места, где становились шары.

Рассказывали, что он, чтобы убедить крестьян своих внести ему разом годовой оброк, говорил им, что взнос будет последний, а что с будущего года станут они уплачивать все повинности и отбывать воинскую поставкою одной клюквы.

Копьев был известен не одними только остротами, но не менее также и худобою своей малокормленой четверни лошадей. Князь Вяземский рассказывает:

«Однажды ехал он по Невскому проспекту, а Сергей Львович Пушкин (отец поэта) шел пешком по тому же направлению. Копьев предлагает довезти его.

— Благодарю, — отвечал Пушкин, — но не могу: я спешу».

Копьев был очень смугл, с черными выразительными глазами, которыми поминутно моргал; говоря, он несколько картавил и вместе с тем отчеканивал слова свои с каким-то особенным ударением. Он любил, как говорили тогда, русить иностранные слова; он выдумал слово «апропее»; про лифляндских помещиков говорил он, что у кого из них более поместьев, тот и «фоннее».

Вигель говорит, что он всегда острил над семейными и супружескими добродетелями, и для красного словца не щадил ни отца, ни матери, ни сестер, к которым, впрочем, как и к детям своим, был нежно привязан и жене своей верен и предан.

Особенно много доставалось от Копьева графу Хвостову[8]; последний его иначе не называл, как «с позволения сказать». Копьев умер 5-го июля 1846 года. Помимо множества сатирических стихотворений, которые писал он не для печати, известны его комедии «Обращенный мизантроп, или Лебедянская ярмарка», в 5 действиях, СПб., 1791 г., и «Что наше, таво нам и не нада», комедия в 1 действии, СПб., 1794 г., затем «Княгиня Муха» и другие. Все эти пьесы были играны в свое время на театре с успехом. Брат его, М. Копьев, известен как переводчик многих романов.

Другой такой же светский шутник, веселый товарищ и образованный человек, владевший стихом очень бойко, хотя писал довольно небрежно и мало для печати, был Сергей Никифорович Марин, Преображенский офицер.

В бытность в Преображенском полку портупей-юнкером Марин как-то на вахт-параде на площади Зимнего дворца, проходя мимо императора Павла, сбился с ноги, государь прогневался и разжаловал его в рядовые. Спустя некоторое время стоял он на часах у проезда императора, государь заметил молодца солдата, который отдал ему честь.

— Кто этот молодец?

Тогда ему доложили, что это разжалованный дворянин.

— Марин, — сказал государь, — поздравляю тебя прапорщиком, — и ударил его по плечу.

Марин оставался в роте его величества в Преображенском полку до смерти Павла. Впоследствии он был флигель-адъютантом Александра I и играл блистательную роль в кругу петербургской молодежи.

Еще в конце царствования Екатерины II и при Павле I стали появляться разные шуточные стихотворения его, по большей части пародии на известные тогда оды Ломоносова и Державина. Большая часть его сатирических стихотворений посвящена описанию разных личностей; из числа таких стихотворений в свое время большою известностью пользовалась его ода на учителя истории в кадетском корпусе Гаврила Васильевича Геракова *. Марин был другом Ал. Львовича Нарышкина, в доме которого и жил почти безвыездно. Марин скончался 36 лет от роду и похоронен в Невской лавре на Лазаревском кладбище.

В старые годы в Москве, до появления Грибоедова и Пушкина, жадно переписывались сотнями рук сатирические стихотворения, написанные на Тверской бульвар, Пресненские пруды и т. д. Стихи эти не отличались литературными достоинствами, но злость и ругательства, как говорит князь Вяземский, современник той эпохи, тогда имели соблазнительную прелесть в глазах почтеннейшей публики.

Самыми популярнейшими в то время стихами были — на Тверской бульвар; вот образчики этого бульварного остроумия:

Жаль расстаться мне с бульваром!
Туда не хотя идешь...
Там на милых смотришь даром,
И утехи даром рвешь.
Везде группою прекрасны
Представляются глазам,
А сколь стрелы их опасны
И сколь пагубны сердцам.
Там в зелененьком корсете
Тихо Дурова идет,
Ее в плисовом жилете
Братец под руку ведет.
Оба нежно воздыхают
И бульвар уж им не мил,
От любви они страдают,
Целый свет для них постыл...

Д. П. Дуров, о котором здесь говорится, был владимирский и тамбовский помещик, оба — брат и сестра — отличались глупостью и большим суеверием, притом Дуров был еще большой охотник до всяких церемоний; про него известный поэт того времени князь

---

* Стихотворение это начиналось:
Будешь, будешь сочинитель
И читателя тиран;
Будешь в корпусе учитель,
Будешь вечный капитан.
Будешь — и судьбы гласили —
Ростом двух аршин с вершком;
Лес и горы повторили;
«Будешь век ходить пешком».

Гераков был родом грек, очень небольшого роста, человек вертлявый и слабенький, жил в барских домах Нарышкина и Воронцова в качестве шута; он издал несколько книжек, написанных самым высоким слогом, где на каждом шагу он плачет или впадает в восторг от прекрасного пола, до которого он был большой охотник. Самая забавная его книжка — это «Путевые записки по многим российским губерниям». В этой книге описано его путешествие с графом Ив. Ил. Воронцовым-Дашковым. Затем из изданных им есть одна имеющая серьезное значение: это описание подвига капитана Ильина, который по приказанию графа Алек. Орлова сжег турецкий флот при Чесме. До этого описания предполагали, что этот подвиг совершен английским офицером в русской службе Элфингстоном. Иностранные писатели даже приписывали распоряжение это не Орлову, а англичанину адмиралу Грейгу. Под конец своей жизни Гераков жил у князя М. С. Воронцова в доме на Малой Морской, где и умер.

И. М. Долгорукий написал комедию «Дурылов» *.

Далее бульварный песнопевец рисует большого франта Ив. Андр. Евреинова, богатого московского домовладельца, вышедшего из купечества, имевшего два дома на Тверской улице, где теперь дома Мамонтова и Фирсанова.

К ним Евреинов прекрасный
То ж под пару подстает,
Женщин милых враг опасный,
Склоня голову, идет...

Евреинов служил в главном кригскомиссариате; он был большой Дон-Жуан своего времени, ходил вечно раздушенный и накрашенный. Позднее его изображение находим и у Долгорукова, в его сатире. Вот и пятистишие по его адресу:

. . . . Душистый автомат,
Ходячий косметик, простеган весь на ватке,
Мурашки не стряхнет без лайковой перчатки,
Чинится день и ночь, напудренный скелет,
Поношен, как букварь, и стар, как этикет!

Евреинов был из числа тех «бульварных лиц», по выражению Грибоедова, «которые полвека молодятся».

Следуя далее, в бульварной сатире находим изображения и других известных личностей того времени:

Вот Анюта Трубецкая
Сломя голову бежит,
На все стороны кивая,
Всех улыбками дарит.
За ней дедушка почтенный
По следам ее идет,
Покой внучки драгоценной
Пуще глазу бережет.
Ветерок ли тихо веет —
Он платочком заслонит,
Или солнце жарче греет —
Он от жару защитит.

Трубецкой, князь Сергей Николаевич, отставной генерал-поручик, жил на Покровке; дом князя по странной архитектуре называли «дом-комод» [9], а по дому и все семейство Трубецких Трубецкие «Комод». Князь Вяземский ** говорит, что Москва тогда особенно славилась прозвищами и кличками своими (этот обычай, впрочем, встречался и в Древней Руси). Так, был в Москве князь Долгоруков «Балкон», прозванный так по сложению своих губ. Был князь Долгоруков «Каламбур», потому что он каламбурами так и сыпал. Был еще князь Долгоруков prodigue [10], который в течение немногих лет спустил богатое наследство, полученное от отца. Дочь его была прозвана:

Киргизкайсацкая царевна,
Владычица Златой орды,

потому что в ее красивом и оживленном лице было что-то восточное. Была еще красавица княгиня Масальская (дом которой был на Мясницкой) la belle sauvage (*фр.*) — прекрасная дикарка. Муж ее — «Князь-мощи», потому что он был очень худощав. Затем известен был в Москве Раевский, уже довольно пожилых лет, которого не звали иначе, как «Зефир» Раевский, потому что он вечно порхал из дома в дом. Наезжал еще в Москву помещик Сибилев, краснолицый и очень толстый, который являлся безмолвно на бульварах и имел привычку в театрах ходить по ложам всех знакомых, что тогда не принято было в свете. По красноте лица и круглой его фигуре он был назван «Арбуз», а по охоте его лазить по ложам «Ложелаз»; последняя кличка была смешнее: она напоминала ловеласа, на которого Сибилев был совсем не похож.

Был еще князь Трубецкой по прозванию «Тарара», потому что это слово было его любимая и обыкновенная поговорка. Существовал еще один Василий Петрович, которого все звали Василисой Петровной. Были на Москве баре, которых называли одного неаполитанским королем, а другого польским; первый был генерал Бороздин, имевший много успехов по женской части, второй был Ив. Никол. Корсаков, один из временщиков царствования Екатерины II, прозванный за то королем польским, что всегда по жилету носил ленту Белого Орла.

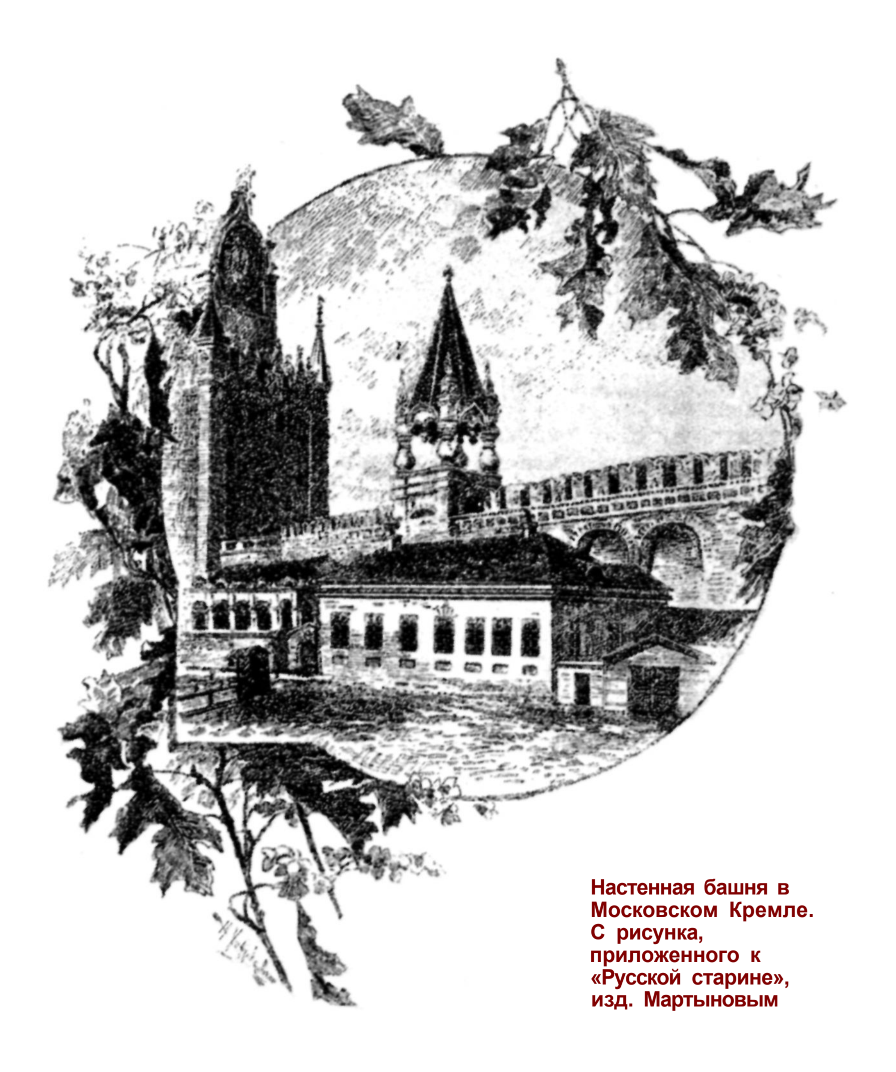
Далее бульварный борзописец пел:

А за ними адъютантом
Князь Голицын там бежит.
С камергерским своим бантом
Всех нас со смеху морит.

Этот князь Голицын в конце минувшего и начале нынешнего века славился своими забавными и удачными карикатурами на тогдашнее общество; в молодую свою пору он был соперником Ка-

* В комедии «Дурылов» выведен провинциальный честолюбец, все честолюбие которого заключается в том, чтобы быть старшиною губернского клуба, угощать на славу, властвовать над кухнею и экономом, распоряжаться пирами и быть первым и необходимым лицом в городе по этой части.

** См. Сочинения П. А. Вяземского, т. VIII, с. 167.

Настенная башня в Московском Кремле. С рисунка, приложенного к «Русской старине», изд. Мартыновым

рамзина по части сердечных похождений.

По рассказам одного из современников *, нашего историографа, последний, проживая в описываемые нами годы в Москве, вел образ жизни, общий всем молодым людям: вставал рано, в 6 часов утра, одевался тотчас если не во фрак, то в бекешу [11], в сюртуке его редко видали, и шел в конюшню, смотрел свою верховую лошадь, заходил в кухню поговорить с поваром, затем возвращался в кабинет и занимался там до 12 часов, завтракал и потом ехал верхом, обыкновенно по бульварам; здесь встречали его друзья, и они ехали вместе.

Ни в какое время года — ни осенью, ни зимою, ни в дождь, ни в ветер — прогулка эта не прерывалась. Зимою костюм Карамзина был следующий: бекеша подпоясывалась красным шелковым кушаком, на голову надевалась шапка с ушами, на руки — рукавицы, на ноги — кеньги [12]; так что ноги с трудом входили в стремена. Прогулка длилась час. В гости он ездил редко, и то к людям самым близким. Говорил Карамзин тихо, складно, в спорах не горячился. Взгляд его на веши был добрый и снисходительный, хотя вместе с тем в нем было глубокое чувство правды и независимости; росту Карамзин был среднего; видом он был худощав, но не бледен; на впалых щеках его играл румянец здоровья, свежие губы и приятная улыбка выражали приветливость, а в светло-карих его глазах виден был ум и проницательность. В сорок лет волосы у него уже редели, но не серебрились еще, и он их тщательно зачесывал. Одевался он просто и всегда опрятно.

* Билевича, записки которого еще не появлялись в печати.

Обыкновенно на нем был белый галстук, белые гофрированные манжеты, жилет с полустоячим воротником, казимировый [13], оранжевого цвета, с узорами панталоны и сапоги с кисточками. У него не было тогда камердинера, а горничная Наташа; гардероб его висел в кабинете в переднем углу; в стену были вбиты гвозди, и на них висели шуба, шинель, или, по-тогдашнему, капот, бекеша, кушак и шапка. Карамзин был необыкновенно любезен со всеми, поклоны отдавал первый, тихо снимал шляпу и т. д.

Допожарная Москва на улицах поражала роскошью и картинностью женских уборов и нарядов; на шеях и на груди и платьях знатных барынь укладывались целые капиталы. Особенно такими богатыми уборами щеголяли купчихи — у них на голове на месте шляпок возвышались кики [14], разукрашенные золотом, жемчугом и драгоценными камнями, из-под кики, ниже ушей, спадали жемчужные шнуры; задняя часть кики делалась из соболиного или бобрового меха. На окраине всей кики шла жемчужная бахрома, называемая поднизью, у небогатых женщин были на головах просто кокошники [15], обложенные бусами. Жемчуг в старину употреблялся при нарядном платье во всех сословиях. Без жемчужного ожерелья, которое называли «перло», считали за стыд показаться в собрание. Дамы высшего общества появлялись на улицах в платьях фуро — этот фасон платьев долго держался в моде, но только с небольшими переменами, иногда обшивали его блондами, накладками из флера или дымкой, бахромой золотой или серебряной, смотря по тому, какая лучше подходила к материи. Лиф у старинных фуро был очень длинный и весь в китовых усах, рукава были до локтя и обшиты блондами, перед распашной; чтоб платье казалось пышнее, надевали фижмы из китовых усов и стеганые юбки.

В конце царствования Екатерины II вошли в большую моду платья «молдаваны»; затем, при Павле, стали носить «сюртучки», лиф у сюртучка был не очень длинный, рукава в обтяжку и длиною до самой кисти; если сюртук был атласный, то юбка к нему была флеровая на тафте, к сюртучку надевали камзольчик глазетовый или другой какой, только из дорогой материи; у сюртучков и фуро были длинные шлейфы [16].

Для прогулок и верховой езды надевали сюртучки почти такие же, как у мужчин, со светлыми пуговицами. Дамы высшего общества на голову накладывали цветы, страусовые перья, ленты, бархат. Был одно время в моде убор вроде берета, с цветами и страусовыми перьями; его называли тюрбан и шарлотка. Перчатки дамы носили длинные, шелковые, до локтя; чулки тоже шелковые, башмаки матерчатые или шитые золотом, серебром, шелком; они делались из глазета, парчи или другой плотной материи, каблучки были высокие, обтянутые лайкой. Французские новые моды перешли к нам в конце прошлого столетия. Первые поклонницы мод производили на московских улицах целую сенсацию. В бульварном стихотворении описаны две такие модницы. Первая из них — это жена известного тамбовского помещика и коннозаводчика Болховская; вот что писал о ней бульварный песнопевец:

Вот летит и Болховская,
Искрививши правый бок,
Криворукая, косая,
Точно рвотный порошок.
    Да и младшая сестрица
    Не уступит ей ни в чем,
    Одинаких перьев птица,
    Побожиться можно в том...

Белокаменная в то время была особенно обильна девицами. Князь Вяземский говорит *, что в Москве на одной улице проживали княжны-девицы, которые всякий день сидели каждая у особенного окна и смотрели на проезжающих и проходящих, выглядывая себе суженого; Копьев сказал о них: «На каждом окошке по лепешке», — и с тех пор другого им имени и не было, как княжны-лепешки. В допожарной Москве жили еще старые девицы, три сестры Левашевы. Их прозвали «тремя парками» [17]. Эти три сестрицы были непременными посетительницами всех балов, всех съездов и собраний. Как все они ни были стары, но все же третья была меньшая из них; на ней сосредоточивалась любовь и заботливость старших сестер, они не спускали с нее глаз, берегли ее с каким-то материнским чувством и не позволяли ей выезжать одной из дома. Приезжали на бал они первые и уезжали по-

* См. Сочинения князя П. А. Вяземского, т. VIII, с. 467.

следние. Кто-то раз заметил старшей:

— Как это вы, в ваши лета, можете выдерживать такую трудную жизнь? Неужели вам весело на бале?

— Чего тут весело, батюшка, — отвечала она. — Но надобно иногда и потешить нашу шалунью. Этой шалунье в то время было 62 года.

Из больших московских модниц в то время была жена Д. Д. Шепелева, известного впоследствии героя Отечественной войны; про эту модницу пел бульварный борзописец следующее:

Описана бульварным стихотворцем урожденная Баташева, последняя отличалась еще наивностью в разговорах. Так, возвратившись из-за границы, она рассказывала, что в Париже выдумали и ввели в большую моду какие-то прозрачные рубашки, о которых она отзывалась с восторгом:

— Вообразите, что это за прелестные сорочки: как наденешь на себя, да осмотришься, ну так-таки все насквозь и виднехонько.

Далее пиит на бульваре видел молодого человека, вышедшего из купечест-

Колокольня Ивана Великого. С литографии начала XIX в.

Варварские ворота. С рисунка, приложенного к «Русской старине», изд. Мартыновым

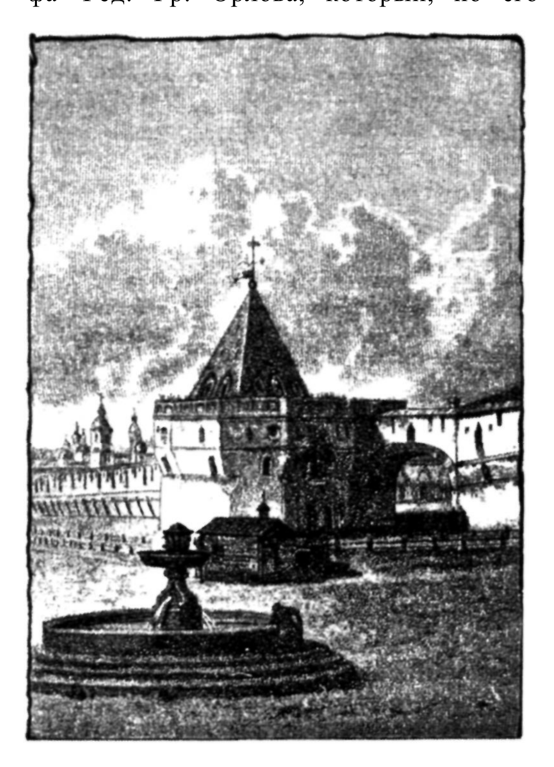
Дольше взоры поражает
Блеск каменьев дорогих...
Шепелева то блистает
В пышных утварях своих.
Муж гусар ее в мундире
Себе в голову забрал,
Что красавца, как он, в мире
Еще редко кто видал...
Усы мерой в пол-аршина
Отрастил всем напоказ,
Пресмешная образина
Шепелев в глазах у нас...

Этот Шепелев отличался большою напыщенностью и говорил со всеми высокопарным слогом. Шепелевы были очень богаты; богатство они получили от жен: один Шепелев был женат на дочери железного заводчика Баташева, а другой — на племяннице князя Потемкина Надежде Васильевне Энгельгардт.

ва в гусарские офицеры, собою очень красивого, любезного, вежливого, принятого в лучшие дома и известного в Белокаменной по долголетней связи с одною из милейших московских барынь. Пиит рисовал его следующими строфами:

А Гусятников, купчишка,
В униформе золотой,
Крадется он исподтишка
В круг блестящий и большой.

Жихарев про этого Н. М. Гусятникова рассказывает, что он был большой англоман и только и говорил, что про графа Фед. Гр. Орлова, который, по его

словам, был человек большого природного ума, сильного характера, прост в обхождении и чрезвычайно оригинален иногда в своих мыслях, суждениях и образе их изъяснения. Например, он никогда не предпринимал ничего, не посоветовавшись с кем-нибудь одним, но терпеть не мог советоваться со многими, говоря: «Ум хорошо, два лучше, но три с ума сведут». Он уважал науки и искусства, но называл их прилагательными; существительною же наукою называл одну «фифиологию», т. е. уменье пользоваться людьми и своевременностью, равно как и важнейшим из искусств — искусством терпеливо сидеть в засаде и ловить случай за шиворот.

После Гусятникова следует описание двух известных в то время в Москве господ — Малиновского и Ватковского:

Вот попович Малиновский
Выступает также тут.
За ним полненький Ватковский,
В коем весу тридцать пуд.
Он жену ведет под ручку
Наравне с ним толщиной.
Как на смех, все жирны в кучку
Собралися меж собой.

Малиновский Алекс. Фед., 1763—1840 гг., сын протоиерея Московского университета, был начальник Московского архива иностранной коллегии, известный литератор своего времени, написавший оперу, пользовавшуюся большим успехом, под названием «Старинные святки». Он издал также театральные пьесы Коцебу, которые заставлял переводить молодых людей, служивших у него в архиве. Эти пьесы тогда носили название «коцебятины». Малиновский не знал ни слова по-немецки, он только исправлял слог, печатал и отдавал за деньги Медоксу, содержателю вокзала; лучшие из этих пьес были «Сын любви» и «Ненависть к людям и раскаяние». Его опера «Старинные святки» так понравилась публике, что ее играли лет тридцать сряду.

Малиновский был очень дружен с Петровым, известным поэтом времен Екатерины; про Петрова он рассказывал, будто тот писал некоторые оды ходя по Кремлю, а за ним носил кто-то бумагу и чернильницу. При виде Кремля он приходил в восторг, останавливался и писал. Петров имел важную наружность. Он познакомился с Потемкиным, когда они оба были студентами, и дружба их продолжалась до конца жизни. Стансы, посвященные им Потемкину, исполнены искреннего чувства; он хвалит в Потемкине не одного полководца, но более вельможу доступного, человека просвещенного, любителя литературы и поэзии.

Ватковский, о котором говорит пиит, состоял камергером при большом дворе, а младший брат его Ив. Федор. служил в Семеновском полку и был замешан в известную шварцовскую историю. Ватковские были сыновья известного Федора Ивановича, который, командуя Семеновским полком, содействовал Екатерине ко вступлению на престол. Ватковский, о котором говорится в стихах, отличался необыкновенною тучностью — он под

конец своей жизни так и не выходил из вольтеровских кресел. Ватковский известен также был в обществе как занимательный рассказчик.

Вот и Майков, муз любитель,
Декламируя, идет.
Как театра управитель,
Он актеров всех ведет.
Мочалов, Зубов, Колпаков
Его с почтеньем провожают,
Лисицын, Злов и Кондаков
Ему дорогу очищают.
За ним все авторы стремятся,
В руках трагедии у них.
Они все давятся, теснятся,
Приносят дар умов своих.
Возьми, возьми, — провозглашают,
О, Майков, ты труды сии!
И с этими словами все швыряют
В него трагедии свои.

Бригадир Аполлон Алекс. Майков, писатель, состоял старшим членом при Ал. Льв. Нарышкине с правом исправлять должность директора театров на случай отсутствия последнего. Полновластно он управлял московскими театрами только впоследствии.

Актер Мочалов, отец известного трагика, играл роли серьезных молодых людей, отличался необыкновенно красивою сценическою наружностью и имел большой успех в опере «Иван-царевич». Позднее он играл в Петербурге.

Зубов, актер и певец, имел превосходный голос, но был невзрачен по фигуре на сцене. Колпаков был актер на роли благородных отцов. Лисицын, по словам С. П. Жихарева *, был любимец райка. Гримаса в разговоре, гримаса в движении — словом, олицетворенная гримаса даже и в ролях дураков, которых он представлял. Злов, умный актер и хороший собеседник, играл в трагедиях, драмах и операх и всюду был хорош; был бесподобен в драме «Сын любви», в роли пастора. Кондаков, резонер, был превосходный Тарас Скотинин.

Затем бульварный пиит восклицает:

Но какое вдруг явленье
Поражает весь народ,
На всех лицах удивленье,
Все глядят, разиня рот,
Уж не чудо ли морское
На беду нашу катит.
Иль страшилище какое
К нам по воздуху летит.
Нет, пустое. Это вздоры.
То Кирилушка бежит,
Всем умильно мечет взоры,
На всех ласково глядит...

Кирилушкой песнопевец называет сына графа Разумовского, который живал в Москве в конце прошлого столетия в великолепном своем доме.

Далее неразборчивый бульварный пиит затрагивает безукоризненно честного и благородного вельможу Юрия Алекс. Нелединского-Мелецкого [18], занимавшего весьма почетное и видное место в московском обществе, которое в то время, вместе с именем Нелединского, могло еще гордиться такими именами, как Ив. Ив. Дмитриев, И. В. Лопухин, Н. М. Карамзин, Ханыков (бывший посланник наш в Дрездене, писавший французские стихи), князь Я. И. Лобанов-Ростовский, П. В. Мятлев [19], князь Белосельский, князь А. И. Вяземский и другие. Дом последнего из этих бар был в Москве средоточием жизни и всех удовольствий тогдашнего просвещенного общества. На Колымажном дворе в это время устраивались «московские карусели». Это была лучшая школа верховой езды тогдашнего барства. Палаты князя стояли у Колымажного двора, окруженные обширным тенистым садом; они не блистали богатством и роскошью — единственное богатство их была большая библиотека. В двух маленьких комнатах теснилось здесь обширное московское общество; тут молодежь танцевала под аккомпанемент флейты-самоучки и доморощенной скрипки. Все путешественники (особенно англичане: князь был женат на шотландке д'Орелли), ученые, художники находили в этом доме русское гостеприимство. «Любезные женщины, красавицы той эпохи, которая была золотым веком светской образованности и утонченности, поочередно, а иногда и совместно, в сей избранной и мирной области царствовали», — как говорит Нелединский-Мелецкий в своей «Хронике» **.

Ю. А. Нелединский-Мелецкий, которого затрагивает пиит, был самым любезным и симпатичным человеком, в высшей степени привлекательным своею безыскусственною простотою и всегда веселым юмором. Острый и наблюдательный ум его никогда не касался личностей. Низенький ростом, довольно плотный, с виду флегма, с добродушной улыбкой при невозмутимом спокойствии, он умел придавать особую прелесть своим

* См. С. П. Жихарева: «Дневник студента».

** См. книгу Нелединского-Мелецкого, вышедшую под названием «Хроника», с. 79.

неожиданным, свободным выходкам остроумия. Но не таким видит его дешевый бульварный острослов.

Вот каким описывает он его:

Вот катится чудный шарик,
С красной лентой, со звездой.
То Нелединской сударик
И пьянчуга дорогой
Иноходцем запускает,
Не жалея ничего;
В галерею поспешает —
Там мадера ждет его.
Банк ли пометать пуститься
Или штос сделать порой,
Он всегда на все годится,
Малый этот золотой.

Юр. Ал. Нелединский служил статс-секретарем у принятия прошений при императоре Павле. В то время обязанности между статс-секретарями были разделены следующим образом: тайный советник Трощинский[20] докладывал государю прошения, присылавшиеся по почте, Нелединский — прошения, подававшиеся лично на высочайшее имя, статский советник Брискорн — как те, так и другие, писанные на немецком языке.

Нелединский был человек самый мягкий, самый добрый и сострадательный, по своим обязанностям мог делать много добра и делал его. Склонять монарха на милость, на всесильное заступничество угнетенных и обиженных было постоянно его заботою, нередко находившею себе награду в успехе.

Из многочисленных рассказов и анекдотов о том времени приведем один случай: однажды был назначен развод на плацу против дворца, к концу доклада Нелединского. Час подходил, а площадь была пуста. Император Павел беспрестанно вскакивал, подбегал к окну и обнаруживал заметные признаки крайнего раздражения. Оно сказывалось и в тех отрывочных резолюциях, которые он давал своему статс-секретарю: все они были не в меру строгого содержания. Видя, что дело плохо, Нелединский незаметно собрал все дела и бумаги, еще не доложенные, раскланялся и вышел. По доложенным и решенным явно несправедливо он не делал никакого исполнения, а отложил их в сторону и, пропустив месяц или более, стал докладывать их вторично как бы вновь поступившие, пропуская по одному или по два в массу других дел. Таким образом, сошло благополучно три или четыре дела, но на пятом император прервал своего докладчика и, уставив в него глаза, сказал ему: «Это дело вы, сударь, мне уже докладывали». Нелединский обомлел.

Ю. А. Нелединский-Мелецкий.
С гравированного портрета Тейхеля

Император несколько секунд смотрел на него в упор, пока в нем, как видно, боролись противоположные побуждения, наконец он проговорил: «Я вас, сударь, понял и не осуждаю, продолжайте». Таким образом, спасено было несколько несчастных.

Биограф Нелединского говорит *, что можно назвать три лица: императрица (Мария Феодоровна), Нелидова (Ек. Ив.) и Нелединский, которые в начале царствования Павла стояли как бы на страже у престола, действуя заодно в духе любви и примирения.

К сожалению, этот союз трех близких к государю лиц продолжался недолго. Нелидова была удалена опять в Смольный монастырь, а потом в замок Лоде близ Ревеля, а затем и Нелединский был уволен в отставку.

Гнев государя на Нелединского навлек его недруг граф Кутайсов[21], воспользовавшись следующим случаем,

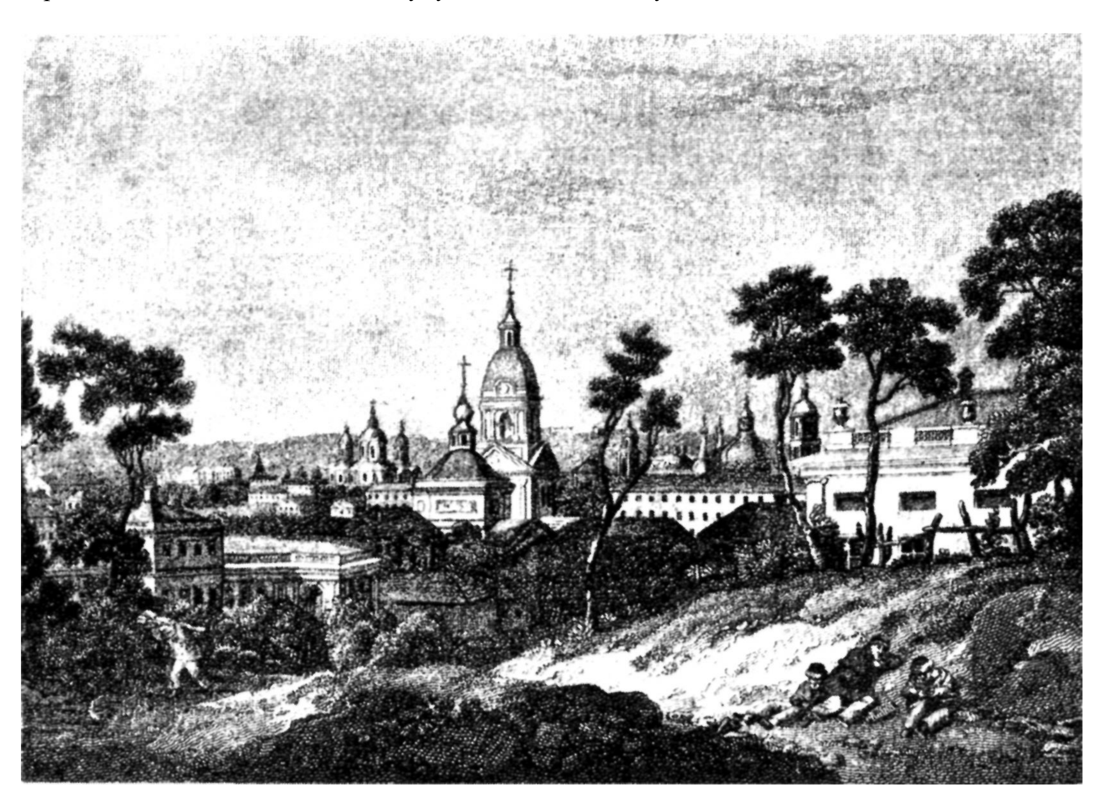
* См. «Хронику недавней старины». СПб., 1876, с. 42.

чтоб возбудить страшно развитую подозрительность Павла Петровича.

Нелединский, проходя раз довольно поздно внутренним коридором Петергофского дворца из комнат императрицы, встретился с императором, шедшим в сопровождении Кутайсова. Увидев Нелединского, Кутайсов сказал государю: «Вот кто следит за вами днем и ночью и все передает императрице». Легко себе представить, какое действие произвели эти слова на вспыльчивого и подозрительного Павла. Немедленно приказано было Нелединскому удалиться от двора, но так как следующий день был высокоторжественный, то исполнить это было невозможно без огласки, а потому Нелединский с женою и детьми должен был провести весь этот день в своей квартире, выходившей окнами на гулянье, с опущенными шторами, взаперти, не смея ни сам выходить, ни выпускать детей из комнаты.

Уволенный от службы, Нелединский переехал с семейством в Москву, где он и нашел прежний кружок друзей и литераторов. Свободный от всякого злобного чувства, он без ропота переносил свою опалу. Нелединский с чувством глубокой скорби проводил ежегодно день кончины императора Павла.

Князь Вяземский в своих записках говорит: «Я видел слезы отца своего и Нелединского, оплакивающих Павла. Слезы таких людей — свидетельства похвальные. В императоре Павле были царские великодушные движения могущества. Они пленяли приближенных к нему и современников, искупая порывы гнева и исступления».

Дом графа Мамонова и его окрестности. С гравюры Гедалля 1820 г.

Домашняя жизнь Нелединского отличалась необыкновенной простотой. Передав все состояние детям, он жил одним жалованьем. Большой охотник покушать, он не был разборчив в выборе утонченных блюд, но ел очень много, и преимущественно простые русские кушанья. При дворе, когда он приезжал летом к императрице в Павловск, государыня приказывала готовить для него особые блюда, в числе которых любимая им была «щучина».

Вот как описывал сам Нелединский свое недельное меню: «Маша-повариха точно по мне! Вот чем она меня кормит, и я всякий день жадно наедаюсь: 1) рубцы [22], 2) голова телячья, 3) язык говяжий, 4) студень из говяжьих ножек, 5) щи с печенью, 6) гусь с груздями — вот на всю неделю, а коли съем слишком, то на другой день только два соусника кашицы на крепком бульоне и два хлебца белых».

Далее он пишет: «Крепко теперь взялся за экономию, сижу за одной сальной свечой. Восковая свеча стоит полтину, а сальная свеча 12 копеек, следовательно, 38 копеек экономии в день составляет в неделю слишком половину расхода моего на разные удовольствия!»

Он был дома образцовым, безукоризненным супругом, проникнутым самою теплою любовью к детям, вне дома же имел всегда кумир, пред которым страстно благоговел и, как Петрарка [23], страстно воспевал его; когда ему было уже 56 лет, его впечатлительное сердце все еще сохраняло первобытную свежесть молодости.

Из литературных трудов Нелединского известно несколько од и песен, из последних самая популярная еще живет поныне, это «Выйду я на реченьку». Нелединский умер в Калуге в 1829 году на 77-м году от рождения.

Следуя далее, мы в стихотворении встречаем фамилии двух Алябьевых; это были дети сенатора А. Алябьева; старший из сыновей был известный в то время спортсмен, младший, А. А. Алябьев, служил в военной службе и был позднее адъютантом у корпусного генерала Н. Бороздина; он был известен как очень талантливый композитор романсов, один из них, «Соловей мой, соловей», посейчас у всех на памяти. Когда в 1824 году был возобновлен в Москве Петровский театр, простоявший двадцать лет в развалинах, он был открыт прологом «Торжество муз», а музыка к этому прологу была написана А. А. Алябьевым и А. Н. Верстовским [25]. А. А. Алябьев кончил жизнь очень печально, чуть ли не в Сибири, за убийство товарища во время азартной карточной игры. Стихи на Алябьевых следующие:

Выпив водки близко бочки,
Вот Алябьевы идут,
То-то, милые дружочки,
Едва голову несут.

Затем бульварный стихотворец описывает известных гуляк того времени: коннозаводчика Меснова и безобразника Измайлова. Последний, по рассказам, бывало, напоит мертвецки пьяными человек пятнадцать небогатых дворян, посадит их еле живых в большую лодку на колесах, привязав к обоим концам лодки по живому медведю, и в таком виде спустит лодку с горы в реку; или проиграет тысячу рублей своему другу Шиловскому, вспылит на него за какое-нибудь без умысла сказанное слово, бросит проигранную сумму мелкими деньгами на пол и заставит подбирать его эти деньги под опасением быть выброшенным за окошко.

После упоминается еще в стихах о князе Волконском, у которого в Самотеке [26] был собственный театр, устроенный в виде большого балагана, в нем помещалось до 300 человек.

Для открытия на этом театре играли «Беглого солдата», пьеса, как и исполнение, была не особенно удачна. Про хозяина этого театра стихотворец пишет следующее:

И Волконский с карусели
В шпорах звонких прикатил,
Весь растрепан, как с постели,
Парень этот, право, мил.

В бульварном острословии находим еще незначительное описание двух известных тогдашних московских жителей, артиллерии генерала Мерлина и великого картежника, ходившего на костыле, Вл. Калин. Благово.

Неизвестный пиит заканчивает свое стихотворение «К бульварам» следующими словами:

Но не всех же ведь до крошки
Нам сюда переписать,
Не пора ли сесть на дрожки
Да домой уж ехать спать.

Тверской бульвар был любимым местом прогулок москвичек лишь до двенадцатого года. С приходом французов в Москву лучшие липы этого бульвара были срублены неприятелем для топлива и на фонарных столбах бульвара, перед домом генерала И. Н. Римского-Корсакова [27], были повешены жители города, заподозренные неприятелем в поджигательстве.

С уходом неприятеля из столицы бульвар был снова обсажен липами, по сторонам дорожек расположены были куртины с цветами; посредине бульвара выстроена арабская кондитерская,

сделаны два фонтана, поставлены скамейки и т. д.

Но жизнь на бульваре уже более не принималась. В то время стал модным гуляньем только что разбитый Кремлевский сад, на месте, где протекала по оврагу болотистая речка Неглинная; до 1820 года сюда сваливалась всякая нечистота, лежали кучи навоза и т. п. Сад был открыт 30-го августа 1821 года. Главный вход в сад был с красивою чугунною решеткою, отлитою на заводе Чесменского А. В. Немчиновым. В саду был сделан павильон, где играла по воскресеньям и средам полковая музыка. Затем насыпана была искусственная земляная гора, внутри которой был устроен грот. Говорят, что на постройку этого грота вместо камней пошли каменные ядра, лежавшие в Кремле во множестве; последние в древности употреблялись вместо чугунных. Самое аристократическое гулянье в Кремлевском саду начиналось во втором часу дня, и в эти часы вся площадь перед Воскресенскими воротами и все протяжение улицы до экзерцирсгауза уставлено было экипажами. В четыре часа из гуляющих в саду уже никого не было, но в шестом часу картина вновь оживлялась, и в этот час видели все высшее отборное общество, щегольски одетую молодежь с очками и лорнетами и целые семейства, разгуливавшие толпами. Зимою здесь гуляли от двенадцати до трех часов дня.

ГЛАВА XXIV

Пресненские пруды

Помимо описанного нами Тверского бульвара, в первых годах царствования императора Александра I самым аристократическим гуляньем в Москве считались и Пресненские пруды. Гулянье на Пресненских прудах, как говорит С. Н. Глинка, москвичам напоминало о той эпохе, когда здесь, на речке Пресне, царь Михаил Феодорович встречал великого страдальца за родину Филарета Никитича, возвращавшегося из литовского плена. Глинка мысленно видел здесь памятник среди зелени со следующей надписью: «Здесь царь Михаил Феодорович встретил своего родителя, великого верою и добродетелью». Место, где лежат Пресненские пруды, было прежде болотистое, топкое; прекрасным своим нынешним положением они обязаны Петру Степановичу Валуеву *, главноуправляющему кремлевской экспедицией и Оружейной палатой — автору известного описания древнего российского музея и исторического исследования о селе Коломенском **. Неизвестный поэт прудов в первых своих строфах говорит:

Я приду к прудам широким,
То к сему, к тому пруду
И с почтением глубоким
Ниц Валуеву паду.

Там мы слушаем каскады,
Здесь лесок к себе манит,
За усталость ног награду
Часто мягкий луг дарит.
Но милей лесков и луга
Женщин-бабочек здесь рой,
Между них любовь-подруга
Поздней тащится порой.

По вечерам, по словам певца прудов, гулянье здесь принимало вид таинственности.

Далее поэт пишет:

Не жемчужная росина
На листке цветов блестит,
То Катюша — Катерина
Вельяминова глядит.
На сестрице не сияют
Штукатурка, алебастр и т. д.

Мать этой Вельяминовой жила с известным тульским наместником М. Н. Кречетниковым; в записках Болотова находим, что муж Вельяминовой, тульский вице-губернатор, «жертвовал женою своею в угодность сему вельможе». Известно, что Кречетников очень любил прекрасный пол; он имел сам очень красивую наружность и отличался щегольским нарядом, даже под старость всегда носил шелковые чулки, башмаки с красными каблуками, белые перчатки и очки новомодные ***.

---

* Было даже предположение назвать Пресненские пруды — Валуевскими.

** Обе эти, теперь редкие, книги — «Описание древнего российского музея» и «Историческое исследование о селе Коломенском», соч. П. С. Валуева, были изданы: первая в 1807 г. и вторая в 1809 г.

*** В конце XVIII столетия и в начале нынешнего носить очки считалось модою; вскоре по выходе этой моды на гулянье появилась лошадь в очках с надписью на лбу «Только трех лет». Позднее Карамзин на эту моду молодых людей сказал:

Взгляните на меня, я в двадцать лет старик —
Смотрю в очки, ношу парик.

Потемкин ему особенно покровительствовал и, зная его слабость к женскому полу, иначе его не называл, как «мадам», любимое слово Кречетникова. Бантыш-Каменский говорит, что он имел еще и другую слабость — высокомерие и еще непомерную хвастливость и по этому случаю приводит следующее:

Когда Екатерина II посетила Калугу, на хлеб был плохой урожай. Ожидая прибытия императрицы, Кречетников распорядился, чтобы по обеим сторонам дороги, по которой ей надлежало ехать, на ближайшие к проезду десятины свезли сжатый, но еще не убранный хлеб и уставили бы копны как можно чаще, при въезде в город были устроены триумфальные ворота и украшены снопами ржаными и овсяными.

Государыня знала об обмане, но обошлась с наместником милостиво. Она спросила его, однако, хорош ли был урожай? Кречетников отвечал: «Прекрасный». Когда после стола наместник доложил ей, что в городе есть театр и хорошая труппа, и не соизволит ли государыня осчастливить театр своим присутствием, она потребовала список играемых пьес и, возвращая его, прибавила:

— Ежели у вас разыгрывается «Хвастун», то хорошо бы им позабавиться, — и пригласила наместника в свою ложу.

Во время комедии государыня часто посматривала на Кречетникова и милостиво ему улыбалась; он сидел как на иголках. В тот же вечер был бал, данный калужским дворянством; после ужина государыня сказала Кречетникову:

— Вот вы меня угощаете и делаете празднества, а самым дорогим угостить пожалели.

— Чем же, государыня? — спросил Кречетников, не понимая, чего могла пожелать императрица.

— Черным хлебом, — отвечала она и тут высказала ему свое неудовольствие, — я желаю знать всю правду, а от меня ее скрывают и думают сделать мне угодное, скрывая от меня дурное!.. Здесь неурожай, народ терпит нужду, а вы еще делаете триумфальные ворота из снопов!

Екатерина была очень милостива к Кречетникову: он был пожалован в графы, но это известие было привезено курьером на другой день его смерти.

Затем в уличной сатире поэт описывает известного драматурга Федора Федоровича Иванова [1]:

Вот Иванов наш в мундире:
То ни Марс, ни Феб [2],
Пусть бренчит себе на лире,
Продает стихи на хлеб.
Водит в рынок Мельпомену,
За бесценок отдает,
Марфу-дворницу на сцену
Пусть заикою ведет.

Иванов служил комиссионером 9-го класса в комиссии московского комиссариатского депо. Он написал трагедию в 5 действиях «Марфа Посадница, или Покорение Новгорода», драму в 3-х действиях «Награжденная добродетель, или Женщина, каких мало». С большим успехом последняя была играна в Петербурге и в Москве в 1805 году. Затем комедии: «Не все то золото, что блестит, или Урок для отцов»; «Женихи, или Век учись»; «Хоть не рад, да будь готов»; «Семейство Старичковых, или За богом молитва, за царем служба не пропадает». Иванов умер в 1816 году; жизнь его описана Мерзляковым в «Трудах Московского Общества любителей российской словесности». По словам последнего, Иванов отличался благородством характера и добротой чисто евангельской.

Далее встречаем описание гг. Эхользиных и П. А. Обрезкова, молодых московских франтов, служивших в коллегии иностранных дел.

Что Эхользины уныли,
Саша, душенька, так худ?
Ах, вспорхнул румянец милый,
След бубновый виден тут.
Точно глист в карикатуре,
В зал судейский входит пить,
В гибкой тоненькой фигуре
Наш Обрезков сибарит.

Ниже в стихотворении находим описание старухи Настасьи Дмитриевны Офросимовой [3], вдовы генерал-майора, очень известной в то время в Москве по почету и уважению, которое ей все оказывали. Офросимова, в сущности, была своенравная и сумасбродная старуха: она требовала, чтобы ей все, как знакомые, так и незнакомые, оказывали особый почет.

Все трепетали перед этой старухой. Как говорит Благово * про нее: «Бывало,

* См. Благово: «Рассказы бабушки», с. 189.

Вид Пресненских прудов. С гравюры начала XIX столетия

сидит она в собрании, и боже избави, если какой-нибудь молодой человек или барышня пройдут мимо нее и ей не поклонятся.

— Молодой человек, пойди-ка сюда, скажи мне, кто ты такой, как твоя фамилия?

— Такой-то.

— Я твоего отца знала и бабушку знала, а ты идешь мимо меня и головой мне не кивнешь; видишь, сидит старуха, ну и поклонись, голова не отвалится; мало тебя драли за уши, а то бы повежливее был.

Тогда говорили, что она и в своей семье была презлая: чуть что не по ней, так и взрослых своих сыновей оттреплет по щекам. В то время, бывало, когда матери со своими дочерьми ехали на бал или в собрание, то непременно твердили им:

— Смотрите же, что, если увидите старуху Офросимову, подойдите к ней да присядьте пониже».

В стихотворении о ней говорится следующее:

Вот и мамушка Ратима
Офросимова бежит,
С ней ухваточка любима,
Кулаками всех дарит.
Урожденна Шаховская
Чемоданчик ей несет,
Слышно: маменька милая,
Дай скорей увидеть свет.

Офросимова любила также заниматься сватовством и множество устроила браков в Москве. Очень подробную характеристику этой старухи находим в романе Л. Н. Толстого «Война и мир». Жихарев * про нее говорит, что она дама презамечательная своим здравомыслием, откровенностью и безусловною преданностью правительству.

Далее в стихотворении находим описание одного из франтов того времени и большого игрока Г. Шиловского; про него говорит поэт, что он дорогу

К модной лавке проложил
Шить чепцы, обуть и ногу,
Шаркать мило научил.

В те года в Москве, как рассказывает С. Н. Глинка, высшее общество стало во

* См. «Дневник студента» С. П. Жихарева, с. 211.

Кремлевский сад в Москве в начале XIX столетия. Со старинной литографии

всем подражать французам и вместе с Доринами, Парни нахлынули волокитство и любезность петиметров. Вечером пошли балы и маскарады и домашние французские спектакли, а по ночам закипел банк — тогда ломбарды все более и более наполнялись закладом крестьянских душ, и в обществе быстры, внезапны были переходы от роскоши к разорению.

В большом свете в то время завелись менялы. Днем разъезжали они в каретах по домам, с корзинками, наполненными разными безделушками, и променивали их на чистое золото и драгоценные каменья, а вечером увивались около тех счастливцев, которые проигрывали свое имение, и выманивали у них почтенное подаяние.

При Павле был запрещен банк и всякие ночные собрания. Вот один случай захвата игроков в павловское время, рассказанный в записках С. Н. Глинки. Однажды московский обер-полицеймейстер Эртель[5], проезжая ночью по Арбату, увидел огонь в одном доме, входит туда и застает игру; на беду здесь случился сибиряк Бессонов, поручик архаровского полка *, казначей этого полка. Не участвуя в игре, он спал в комнате на диване. Эртель разбудил его.

— Оставьте меня, — сказал Бессонов, — вы видите, я спал. Не стыдите меня перед начальником. Для меня честь дороже жизни.

— Ступайте! — прикрикнул обер-полицеймейстер.

— Иду! Но только смотрите, чтобы вы не раскаялись.

В четыре часа ночи привели игроков

* Император Павел из всех сводных московских батальонов составил гарнизонный архаровский полк. В этих сводных пехотных батальонах по большей части служили москвичи-гвардейцы — сержанты, не имевшие средств нести блестящую гвардейскую службу в Петербурге. Первый такой батальон квартировал тогда в Варсанофьевском переулке в приходе Вознесения господня. Командовали этими батальонами полковники Сухотин, Замятин и Волынский. В приходе же Вознесения господня была и школа московского гарнизона. По рассказам Макарова, эту школу в своих прогулках навещали Карамзин, Дмитриев и всего чаще князь Ив. М. Долгоруков (см. прибавление к «Москов. вед.», 1844 г., с. 260, № 22).

и Бессонова в дом начальника полка, где, по-тогдашнему, обыкновенно стояли и полковые знамена. Выходит Архаров в колпаке и халате. Взглянув на Бессонова, он сказал:

— Как, и ты здесь?

Посадили приведенных под знамена. После допроса Архаров узнал, что Бессонов был взят спящий.

— Грешно было тебе будить! — сказал Архаров полицийместеру. — Поди, братец, поправь свой грех.

Полицийместер пошел к Бессонову и объявил ему, что он свободен.

— Поздно! — закричал Бессонов. — Я говорил тебе, не веди меня сюда. Ты привел, вот тебе!

Последовал удар; Бессонов был отдан под суд.

Офицеры полка были судьями; они плакали, но в силу устава Петра I вынесли приговор: лишить руки. И только вследствие просьбы тогдашнего московского градоначальника князя Ю. В. Долгорукова у императора Павла I приговор не был приведен в исполнение.

Следуя далее за пресненским рифмоплетом, мы встречаем описание всех тогдашних московских волокит-петиметров. В ту эпоху такие франты являлись на улицу во фраках с длинными и узкими фалдами, жилеты были из розового атласа, сапоги с кистями, на шее огромные галстуки, закрывающие подбородок; галстуки были длиною в несколько аршин, их надо было обматывать до двадцати раз вокруг шеи. Затем множество ювелирных вещей виднелось на каждом; часов непременно двое, с двумя цепочками и с брелоками, которые длинно висели из жилетных карманов; последними обязательно владелец должен был побрякивать. На пальцах множество колец и перстней, затем большая запонка на груди в рубашке в виде застежки и поверх жилета еще две цепочки, которые висели крестообразно.

Записной франт непременно должен был румяниться, сурмить брови и белить лицо; в руках щеголя того времени должна была быть соболья муфта, называемая «манька».

Про таких щеголей говорит песнопевец следующее:

Вот они, что тянут тоны,
Сильна рвота модных слов,
В точь французски лексиконы
В кожу свернуты ослов.

Затем пиит отмечает одного из таких франтов-волокит — Баташова, про которого он говорит:

Не отвыкнув от привычки
Подбираться, Баташов —
Это сеть для бедной птички,
Это славный птицелов.

Ив. Ив. Баташов — сын Ивана Родионовича, купца, получившего дворянство за образцовое устройство железных заводов на Выксе.

Баташов владел громадным богатством в Нижегородской, Тамбовской и Владимирской губерниях. Там у него имелось до семи заводов, при них 17 тысяч душ крестьян и 200 тысяч десятин строевого леса. Баташов Ив. Род. имел сыновей, которые умерли еще при жизни его; сам он отличался особенным долголетием и умер чуть ли не ста лет от роду. От сына его Ивана, о котором здесь говорится, женатого на Резвой, осталась дочь Дарья, которую дед выдал в 1817 году за Шепелева. Последняя получила все богатство деда в приданое, вместе с ним и роскошнейший в Москве дом [6], под названием шепелевский дворец, на Вшивой горке [7], построенный ее дедом и возобновленный им же после пожара 1812 года. Про эту Шепелеву упомянуто в XXIII главе.

В этом доме стоял Мюрат, когда занял Москву Наполеон. По рассказам, отделка дома после пожара обошлась Баташову в 300 000 рублей. Всем богатством Баташов был обязан брату своему Андрею Родионовичу, человеку необыкновенного ума и непреклонной воли *, для достижения своей цели он не останавливался ни перед чем, все средства казались ему удобными; при всей своей алчности он отличался еще самым необузданным нравом.

Баташов наживался правдой и неправдой, к нему на заводы стекались толпой беглые и каторжники; он принимал всех и заставлял работать за ничтожную плату. Он покровительствовал открыто разбойникам, скрывавшимся в муромских лесах, пограничных с его заводами, и получал от них свою долю грабежа.

Баташов, ободренный безнаказанностью, дошел наконец до неслыханных границ деспотизма и жестокости. До сих пор еще на Выксе о нем говорят с ужасом, и старики рассказывают о безобразии его оргий, о возмутительном его

* См. «Несколько слов о семействе Баташовых» — «Русский архив», 1871 г., с. 2114.

кощунстве над святыней, о несчастных, спущенных в колодцы, где добывалась руда, распятых на кресте или заморенных голодом.

Когда несколько лет тому назад было приступлено к перестройке в обветшалом его доме, то плотники открыли проведенный из комнаты его потайной ход в подвал, в котором нашли множество человеческих костей.

В преданиях рода Баташовых сохранились две страшные драмы. Первая из них — один из его соседей отказался ему продать свое имение; Баташов видимо не рассердился на него, но пригласил его, наоборот, в отъезжее поле. Охота продолжалась несколько дней, после которой помещик возвратился к себе в усадьбу, но, бедный, не отыскал и следа своей усадьбы: в его отсутствие она была снесена до основания, и даже по месту, где она стояла, прошел плуг и было засеяно.

К другому соседу грозный Баташов обратился уже с более бесцеремонным требованием: ему понравилась его жена, и он просил его уступить ее. Муж не повиновался и прекратил свои посещения к Баташову.

Прошел месяц, другой, Баташов зовет его обедать под предлогом помириться. Сосед принял предложение и поехал к Баташову; последний угостил гостя на славу, не сделав и намека о прошлом, и после обеда предложил всем гостям отправиться на завод; как скоро гости подошли к домне *, Баташов подал знак и вмиг рабочие схватили несчастного и бросили в печь.

Все эти поступки Баташова под конец

Московская пожарная команда в начале XIX столетия

Покровский монастырь в Москве. С рисунка, приложенного к «Русской старине», изд. Мартыновым

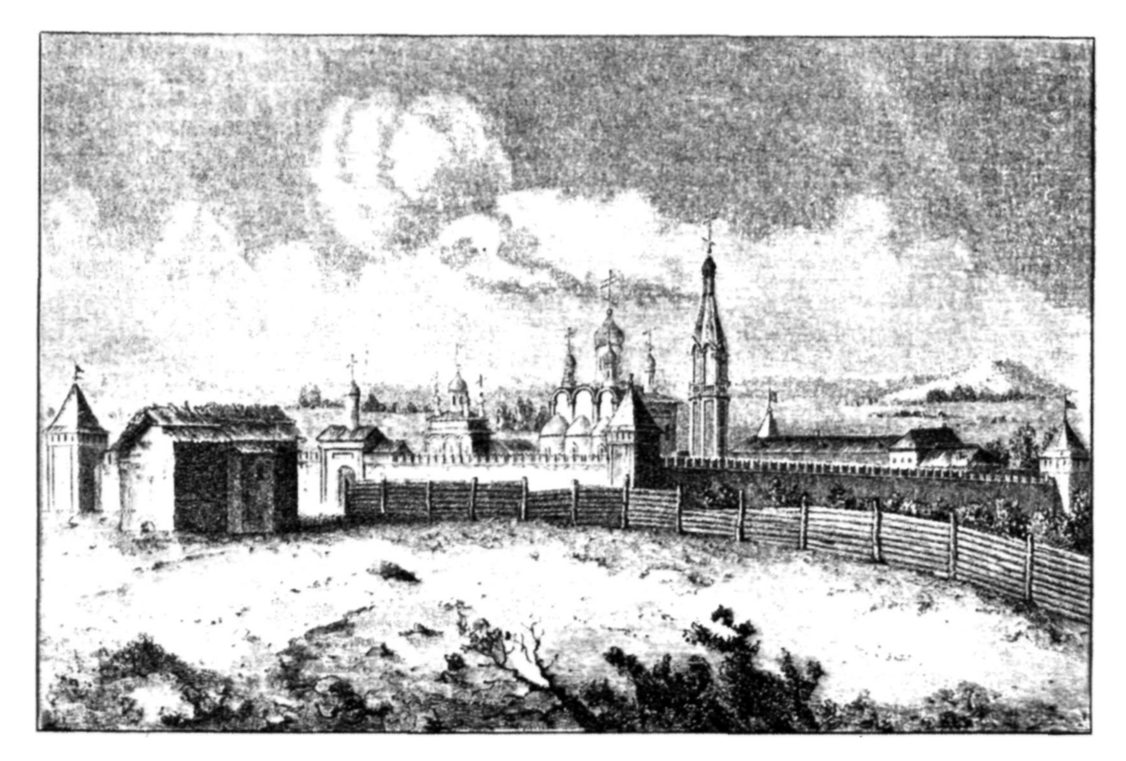
* Домна — большая (доменная) печь в несколько аршин вышины и ширины, где плавится железо.

дошли до Екатерины; и она приказала снарядить следствие. Чиновника, которому поручено было дело Баташова, он не принял к себе, а приказал отвести ему квартиру у мастерового и на другой день послал ему блюдо фруктов, под фруктами лежал пакет с деньгами и записка следующего содержания: «Фрукты съешь, деньги возьми и убирайся, пока жив». Следователь, по преданию, исполнил совет в точности.

Андрей Род. Баташов был высокого роста, брюнет; в смуглых, правильных и красивых чертах его лица виднелась гордость, сила и мощь; прожил он очень долго; год смерти его неизвестен.

Ниже в стихах следует характеристика другой личности, тоже вышедшей из купечества, именно К. В. Злобина, сына знаменитого в екатерининское время откупщика — благотворителя В. А. Злобина [8]. Отец последнего был крестьянин и служил писарем в Малыковской волостной избе; прежняя его фамилия была Половник, но так как он отличался буйным и задорным характером, то от своих односельчан и был прозван Злобою или Злобиным; эта уличная кличка впоследствии и перешла в его фамильное прозвание.

Родоначальник фамилии Злобиных прежде тоже исправлял должность отца своего и был так же беден, как он, ходил в холщовом халате и поярковой шляпе и к тому же еще заикался в разговоре, но нравом он был не таков, как отец, и не только не пил водки, но берег каждую копейку и скоро успел накопить небольшой капиталец. С приездом в Поволжский край генерал-прокурора князя А. А. Вяземского Злобин умел понравиться князю; покровительствуемый им, он сделался городским головою, потом вскоре Вяземский вызвал

его в Петербург и предложил ему взять винные откупа.

Злобин при помощи князя взял откуп; тут счастие повезло ему, и он из бедного мещанина сделался миллионером.

Злобин держал вино на откуп в нескольких восточных губерниях России и в Сибири; он имел также на откуп соль из Эльтонского озера и других понизовых озер. Злобин вместе с надворным советником Чоглоковым был также откупщиком игральных карт во всей России.

Живя в Петербурге, он вошел в связи с государственными людьми; по словам Костомарова *, его приветливость, доб-

* См. «Поездка в город Вольск», «Памятная книжка Саратовской губернии на 1859 год», с. 88—98.

родушие и роскошные обеды привлекали к нему толпы гостей. Памятником его возвышения и его необыкновенной деятельности остается прежнее село Малыковка, теперь город в Саратовской губернии Вольск.

Есть предание, что Екатерина хотела назвать это село Злобинском, но что Злобин отказался от этой чести и предложил вместо этого название Екатериновольска (как учрежденного волею Екатерины), откуда будто бы и произошло настоящее имя этого города *.

Как много Вольск обязан Злобину, видно, между прочим, из того, что когда, после бывшего там пожара правительство готово было назначить жителям пособие, то они отозвались, что благодаря щедрости своего согражданина не нуждаются в помощи от казны. Злобин не любил обязательств на бумаге и говорил, что обоюдное честное слово драгоценнее и крепче всяких бумажных сделок. Вследствие этого его доверенные лица часто обманывали его. Когда ему замечали об этом, он говорил, что у него недостанет духа показать недоверие к тому, кого он прежде облек своим доверием, что это значило оскорблять его и что, если бы подозреваемый оказался невинным, совесть не давала бы ему покоя до смерти. Один из его агентов в Сибири представил дела в самом жалком виде, но одна генеральша приезжает к Злобину и говорит ему, что этот агент торгует у ней медный завод; как ни был удивлен этим известием Злобин, но спокойно сказал: «Ваше превосходительство, можете продать ему». Вслед за тем Злобин отправился в Сибирь, призвал своего агента, обличил в воровстве и прогнал его; этим ограничилось его мщение.

Вся семья Злобина были заклятыми раскольниками и когда ближние обличали его, что он ходил в нашу церковь, то он им отвечал: «Я христианин и принадлежу душою всем церквам, где призывается имя Христово **.

Злобин пережил свое благополучие: неудачные винные откупа в 1812 и 1813 годах, затем недостаток соли в озерах и недобросовестность его агентов подорвали его коммерческое могущество, и он был объявлен банкротом, и все его состояние продано с молотка.

Есть предание, что причиною его падения было одно неуместное и заносчивое слово, сказанное им во время неудач государственному сановнику; по другим рассказам, сановник этот был граф Гурьев и случай этот произошел у тогдашнего министра Кочубея. Злобин незаметно крупно заспорил с Гурьевым и, раздраженный спором, бросил в него булкой. Присутствовавший тут оберполицеймейстер, желая отвлечь спорщика, сказал ему:

— Поезжайте домой, Василий Алексеевич, в вашей квартире пожар, ваши откупные дела горят.

— Вы обер-полицеймейстер, — отвечал Злобин, — ваша обязанность быть на пожаре, а не мне.

Гурьев впоследствии вспомнил про обиду и когда вместо Кочубея сделался министром, то немедленно потребовал от Злобина уплаты всех неустоек по откупам, которые до этого отсрочивал Кочубей; это-то и разорило Злобина. Злобин был последний в России «именитый гражданин» ***, звание это он носил по смерть: император Александр I именным своим указом оставил ему одному это звание.

Сыну Злобина, Константину Васильевичу, пресненский стихотворец посвящает следующее:

Вот и немец милотворный
Злобин рожицу несет.
Королевич Бова вздорный,
С карусели он бредет.

Злобин, к которому относится это послание, был человек многостороннего образования. Державин, у которого он числился на службе, выразился о нем так ****:

Поэт душой, купец породой —
Двояк в себе с твоей свободой
и проч.

Злобин воспитывался в Сарепте, у немецкого пастора, знал древние и новые языки, занимался литературой и оставил в печати несколько стихотворений.

Женат он был на англичанке Ма-

* См. Я. Грота: «Соч. Державина», т. III, с. 445.

** См. «Первое столетие Вольска», статья г. М. М. Владимирова.

*** Указом 3-го января 1810 г. отнималось у всех право носить звание именитых граждан. Причиною этого указа были какие-то именитые граждане, которые весьма недобросовестно поступили в коммерческих расчетах в Англии.

**** См. «Друг просвещения», 1804 г., кн. XI, с. 106.

Петушиный бой.
С литографии начала
XIX столетия

рианне Стивенс, родной сестре жены графа Сперанского. Злобин был масоном, покинул гражданскую службу в 1803 году. За учреждение в родном городе Вольске училища под названием «Пропилеи» он получил от императора Александра I орден св. Владимира 4-й степени; умер он ранее своего отца, в 1813 году. Последний скончался в 1814 году от горя, что потерял нежно любимого сына.

Затем ниже в стихотворении находим имя поэта Карина, про которого стихотворец пишет:

За Барановой унылой
Тихо селезень плывет:
То поэт наш, Карин милый,
По-гвардейски он идет...

Ф. Г. Карин [9], друг поэта Кострова [10], отставной военный, богатый помещик, сибарит, известен был в Москве как ярый последователь Вольтера и друг Дидеро [11], для которого нарочно приезжал в Петербург.

Под старость Карин не покидал колпака и костюма, в котором ходил фернейский философ; на пальце у него был драгоценный перстень и на столе всегда табакерка с портретом Екатерины, усыпанная бриллиантами. Карин жил в Москве между Петровкою и Дмитровкою, близ церкви Рождества в Столпниках. В молодости он служил в гвардии и отличался ловкостью и остротами. С. Н. Глинка говорит, что однажды на пиру у Я. Б. Княжнина Потемкин

за бокалом шампанского сказал Карину:

Ты, Карин,
Милый Карин
И лилеи
Мне милее.

Карин отвечал князю Таврическому, что цветы скоро вянут, а лавры его бессмертны.

Все литераторы того времени были друзьями Карина. «Сам Карин, — как говорит его биограф, — боялся имени сочинителя, и особенно стихотворца, и для того мало вверял произведения своего пера печати. Неприступный страж красот и правил языка, он был ценитель строгий, но справедливый и весьма полезный для друзей своих, с музами знакомства ищущих».

Карин, по словам своего биографа, весь жил в трагедиях Расина и переводил его «Ифигению» несколько раз. У Карина было до семи тысяч крестьян, впоследствии у него осталась только половина, и он был взят в опеку. Опекуном его был известный Нелединский-Мелецкий.

У Карина был целый полк нарядных егерей, псарей и стрелков и большие стаи гончих и борзых собак. За борзых он плачивал по тысяче и более рублей. В отъезжие поля во владимирское поместье за Кариным тянулся обоз с винами и со всеми роскошными причудами былого барича. На охоту к нему стекались со всех сторон приятели. Пиршества его на охоте не уступали пирам древних азиатских сатрапов. Карин был несчастен в женитьбе. Женат он был на княжне А. М. Голицыной — родной внучке князя М. А. Голицына, женатого на калмычке Бужениновой, свадьба которого праздновалась в ледяном доме в 1739 году при Бироне. С. Н. Глинка рассказывает про Карина, что у него сердце было предоброе. Что по данному только имени он усыновил сирот своего однофамильца и даже ему раз подал бумагу, сказав: «Это ваше». То была на мое имя купчая или дарственная на шестьдесят калужских его душ. Я изорвал запись и сказал: «Не возьму: я никогда не буду иметь человека как собственность» и проч. Карин выкупил из крепостной зависимости от Бибикова известного композитора Д. Н. Кашина *.

Карин очень любил театр и много перевел пьес для него. Так, если верить Макарову **, то «Ифигения» [12], напечатанная в Москве, в 1796 году графом Хвостовым, перевод не последнего, а Карина. Помимо этой пьесы известны еще его переводы «Медеи» и «Фанелии, или Заблуждения от любви».

После Карина пресненский стихотворец упоминает о Нелединском-Мелецком, характеристику которого мы уже выше дали. Нелединского здесь стихотворец описывает в следующих строфах:

Тихо, сладко, нежно, плавно
По траве катит кубарь —
То Нелединский наш славный
И «смазливых теней» царь.

«Смазливыми тенями» в то время называли всех девиц легкомысленного и нестрогого поведения; ранее этого времени, в царствование Екатерины, последние известны были под кличкою Мартон и Неонил по имени двух героинь известных тогда романов: «Пригожая повариха» *** и «Неонила» ****. Первая из этих книг в свое время имела большой успех. Известен анекдот про Суворова, рассказанный Ростопчиным *****. Однажды последний, желая узнать мнение Суворова о знаменитых воинах и военных книгах, приводил всех известных полководцев и писателей, но «при каждом названии он крестился. Наконец сказал мне на ухо: «Юлий Кесарь, Аннибал, Бонапарте, «Домашний лечебник», «Пригожая повариха», — и заговорил о химии...»

В двадцатых годах женщин описанной категории называли Аспазиями, Омфалами, Доринами, Клеопатрами и другими именами классической Греции. В тридцатых годах они известны были под кличкою ветреных Лаис; в сороковых годах их звали Агнессами нижних этажей; в пятидесятых годах Камелиями и т. д.

В стихотворении находим и описание ветреных Лаис:

* Д. Н. Кашин, умерший в 1844 г., ученик Сарти, автор многих народных оперетт и аранжировщик русских народных песен. Он был некоторое время капельмейстером московского театра и учителем музыки при университете.

** См. «Маяк», 1846 г., кн. IV.

*** «Пригожая повариха, или Похождения развратной женщины», ч. I. СПб., 1770 г.

**** «Неонила, или Распутная дщерь», справедливая повесть, сочинение А. Л., 2 ч. М., 1794 г.

***** См. М. Лонгинова «Библиографические записки», с. 16.

Вот китайские обои —
То П-ва между нас,
Кирпичу, белил в них слои,
Стену сложишь в добрый час.
Вот Аленушка-соловка
В сад к прудам бежит,
Маслит глазки очень ловко
И кудрями говорит.
С нею разных птиц подборы,
Где Загряжский *, бес косой,
Ей кукует нежны взоры,
А Давыдов ** хоть не пой.

В то старое время ловкий и счастливый волокита считался весьма почтенным в обществе; любовные похождения придавали светскому человеку блеск и известность; нравы регентства были не чужды москвичам.

Князь Вяземский *** рассказывает про некоего господина Хитрово, который на разные проделки в любовном роде был не очень совестлив. Не удавалось ему, например, достигнуть где-нибудь цели в своих любовных поисках, он вымещал неудачу, высылая карету свою, которая часть ночи стоит неподалеку от жительства непокорившейся красавицы. Иные подмечали это, выводили из того заключения свои, а с него было и этого довольно.

Похождения с ветреными Лаисами в то время процветали широко: в Петербурге даже было веселое общество под названием «Галера», специально трудившееся над своего рода женским вопросом. Вот одно из приглашений этого общества в последний день масленицы:

Плыви, Галера, веселися!
К Лиону **** в маскарад пустился,
Один остался вечер нам,
Там ждут нас фрау баронесса
И сумасшедшая повеса,
И Лиза Карловна уж там.

Всего стихотворения на Пресненские пруды мы не выписываем, так как полагаем, что приведенные строфы дают уже полное понятие об этой уличной сатире начала XIX века. Прибавляем только для полноты заключительные строфы этой поэмы:

Но пора к своей постели,
Месяц стал среди воды.
Ах, до будущей недели
Адью, милые пруды!

---

* Загряжский Ник. Алекс, обер-шенк.

** Партизан-поэт Денис Иванович Давыдов.

*** См. «Русский архив», 1877 г., кн. I, с. 512.

**** Маскарады Лиона в прошедшем столетии происходили в залах, где теперь помещается Учетный банк.

ГЛАВА XXV

Историческое прошлое рынка Москвы. — Торговые дни. — Старый и новый Гостиные дворы; разряды торговых и промышленных людей. — Люди гостиной, суконной и черной сотен; обязанности сотен в отношении городского благоустройства. — Приезжие гости. — Гречане и персы. — Гильдии. — Шестигласная дума. — Именитые граждане. — Права всех гильдий. — Московские ряды в 1626 году. — Очистительная присяга у Казанского собора. — Крестное целование. — Поединки. — Ограда Казанского собора. — Триумфальные ворота. — Страшное место «яма». — Несостоятельные должники. — Жертвователи. — Приказные от «Казанской» и Иверских ворот. — Деление рядов. — Общая картина рядов и Гостиного двора. — Зазывальщики и мелкие торговцы

С назапамятных времен рынком Москвы был Китай-город; там с седой древности были ряды, лавки, подворья всех главных торговых русских городов, посольский двор для послов иноземных и Гостиный двор для иноземных гостей — купцов, приезжавших с товарами.

«Площадь перед Кремлем, — писал Олеарий в 1630 году, — есть главный рынок города. В продолжение целого дня тут кишит народ. Вся эта площадь полна лавками, а равно и все примыкающие к ней улицы (ряд) и свой квартал (четь); так что купцы, торгующие шелком, не мешаются с продавцами сукна и полотна, ни золотых дел мастера с седельщиками, сапожниками, портными, меховщиками и другими ремесленниками. Каждое производство и каждое ремесло имеет свою улицу. В средних рядах, в лавках с бельем, сидят торговки. В образном ряду не продаются, но меняются без всякого торга образами. Есть такой пушной ряд, который завален пуховыми матрацами».

Из древних других сказаний видно, что церковь Пречистой Казанской Божией Матери построена близ ряда, где ножовщики имеют свои лавки. Каждому товару в Москве были назначены свой ряд и свое место. Были ряды пряничный, птичий, харчевой, калашный, крашенинный, сапожный, шапочный, коробейный, медовый, восчаный, домерный, где продавались бубны, домры и барабаны.

В Китае-городе был свежий рыбный ряд. На берегу Москвы-реки существовал другой такой же ряд, где лежала соленая и мороженая рыба; летом в этом месте вонь была такая нестерпимая, что иностранец не мог пройти мимо, не зажимая себе носа, но русские, по замечанию иноземцев, не чувствовали этого запаха.

Перед Кремлем, на Красной площади, можно было закупать всякие вещи для домашних потребностей. Этот рынок постоянно кишел народом. Близ полукруга, устроенного для торжественных церемоний, было особое место, где женщины продавали преимущественно свои домашние изделия. Около самого Кремля было расставлено множество шалашей, рундуков, скамей, где мелочные торговцы торговали всякой всячиной. Близ главного рынка был ряд винных погребов; по словам иностранцев, в конце XVII столетия их было до двух сот; в одних продавались иноземные вина, в других меды и проч. На Ивановской площади происходил торг людьми; русские продавали пленников своим и чужим и совершали купчие крепости, которые писались площадными подьячими.

Торговля производилась в известные дни и по указу царя Алексея Михайловича должна была прекращаться в субботу, как начнут в соборе благовестить к вечерне. За три часа до вечера ряды и торговые бани затворялись.

По воскресеньям с пятого часа дня рядов не отпирали и ничем не торговали, а как четыре часа минет, начинали торговать всяким товаром и харчем; скотский же корм, овес и сено продавали во всякие дни и часы. В господние праздники наблюдалось то же самое, что и по воскресеньям; во время крестных ходов запрещено было торговать и отпи-

рать ряды до тех пор, пока из хода со крестами придут в соборную церковь. Кто торговал и работал в воскресные дни, тех брали, привозили в съезжую избу [1], доправляли два рубля «заповеди» и записывали в книги; если кого заставали в другой раз за таким делом, то брали четыре рубля «заповеди» и сажали на неделю в тюрьму.

В старину в Москве и Новгороде были и такие ряды, о которых теперь не имеют никакого понятия. Так, был ряд книжный, где сидели попы и дьяконы, и ряд саадашный, где продавали военные люди все, что нужно для вооружения.

Торговля съестными припасами в старину производилась большею частью на улице. Мелочные рядские торговцы размещались, придерживаясь старинного обычая, и ставили свои товарные избы — пирожни, блинни, квасные кади, шалаши под сусленые кувшины и всякие другие торговые скамьи и лавочки, выдаваясь на улицы. Нынешних повинностей тогда не существовало, а были пошлины вроде: мыти, сотое, тридцатое, десятое, свальное, складки, повороты, статейное, гостиное и другие мелкие, которые уже лет двести как позабыты и отменены. Указом 1679 года сентября 4-го повелено: «Всякими товары торговать в рядех, в которых коими указано и где кому даны места. А которые всяких чинов торговые люди ныне торгуют на Красной площади и на перекрестках и в иных не в указанных местах, поставя шалаши, и скамьи, и рундуки, и на веках всякими разными товары: и те шалаши, и скамьи, и рундуки, и веко с тех мест великий государь указал сломать и впредь на тех местах никому ни с какими товары не торговать, чтобы на Красной площади и на перекрестках и стеснения не было».

Самые ценные товары и оптом продавались в Гостином дворе [2]. Здание Гостиного двора сначала было каменное; строилось оно царскою казною, которая собирала с нее доходы — гости нанимали в нем лавки и палатки от казны; часто доходы с лавок Гостиного двора давались в награду царским дворянам за службу, точно так же, как поместные земли или дачи, на известное время, по жизнь или в отчину, т. е. в наследие.

В Гостином дворе были места и постройки, принадлежащие и многим ведомствам: камер-коллегии, медицинской конторе, сибирскому приказу; кроме того, были там Ростовское подворье с церковью Введения Пресвятые Богородицы, на котором были дома церковного причта, затем и казенные питейные дома; владения здесь были очень перемешаны; были и такие здесь постройки, что низ принадлежал частному лицу, а второй этаж казне.

Первый каменный Гостиный двор был выстроен в 1626 году июля в 17 день по указу царя Михаила Феодоровича: «Устроили разного звания ряды по государеву указу окольничий князь Гр. Кон. Волконский, да дьяк Волков после Китайского пожара». Гостиный двор в первое время разделялся на два двора: Старый и Новый.

Над воротами Старого Гостиного двора против церкви Великомученицы Варвары [3] была надпись: «Божиею милостию, повелением благочестивого и христолюбивого великого государя Михаила Феодоровича и сына его христолюбивого царевича, лета 1641».

Над воротами Нового двора была другая надпись: «Божиею милостию повелением благоверного и христолюбивого великого государя, царя и великого князя Алексея Михайловича, всея Великие и Малые и Белые России самодержца и иных многих государств и земель восточных, и западных, и северных отчича и дедича, и наследника и обладателя, зделали сей Гостиный двор в 25-ое лето благочестивые державы царствия его...»

Все подписи мы не приводим; год постройки поставлен 1664-й, началась же она с 1661 года.

Гостиный двор после уже разделили на четыре двора: Старый, Новый, Соляной и Рыбный. В первых двух были ряды с лавками и амбарами; в последних лавки, шалаши и шалашные места.

Из рядов первыми были: панской, стекловый, астраханский и хрустальный. Когда увеличились торговые обороты, то ряды рыбный и икорный, бывшие в старом Гостином дворе и состоявшие из шалашей и амбаров, переведены на соляной рыбный двор.

Описывая Гостиный двор, не излишним считаем объяснить различие торговли прежних времен с нынешней и разряды торговых и промышленных людей. Первыми из них мы видим гостей и гостиные и суконные сотни [4] торговых людей и затем черные сотни. Эти разряды пополнялись переводом из низ-

шего разряда в высший, также переводом зажиточных посадских людей из городов, и по челобитью гостей и гостиной сотни торговых людей сотни их пополнялись из московских черных сотен, из слобод и из городов лучшими людьми.

Посадскими людьми подразумевались в городах все торговые, ремесленные и промышленные люди, имевшие в городе свои тягловые (обложенные податью) дворы.

Число московских черных сотен[5] при Михаиле Феодоровиче простиралось до десяти; кроме сотен были еще полусотни, как, например, такие: «мясичная», название последней указывает на ее занятие. Также название сотен давалось по местности, где они жили в частях города, например, Дмитровская, Сретенская, Покровская, а некоторые носили название тех городов, откуда они первоначально переведены, например, Новгородская, Устюжская.

Обязанности черных сотен, по словам Костомарова, лежали в поддержании городского благоустройства, как-то: мощение улиц, держание разного рода лиц, которым отводились квартиры; они давали на земский двор целовальников. Последнее слово в старину имело совсем другое значение, чем теперь, — происходило оно от слова «целование», означавшего присягу. Князь Щербатов говорит: «В древности некоторые холопы и другого звания люди, которые платили дань определенным для сбора чиновникам, но как дань не была приведена в известность, то эти первые собиратели ее должны были присягать или целовать крест в том, что они все без утайки доставят своему государю».

Гостями назывались приезжие из других стран, торговые люди и те из посадских людей, которые по знанию какого-либо рода промысла избирались на царскую службу по внешней торговле и посылались с товарами в иностранные земли. Из них, собственно, и составлены были гостиная и суконная сотни.

За доставленную прибыль по царской службе и радению давалось им в награду почетное звание гостя, с правом на вольный промысел и на откуп некоторых статей казенной внутренней и внешней торговли.

Торговец гречневиками. С гравюры Гейслера

Бывали примеры, что гости были возводимы в сан думных дьяков. Гости бывали призываемы царем на совет; они подавали разные финансовые проекты. Так, например, гость Веневитинов подал проект брать с мордвы дань. Случалось, что и иноземцы были возводимы в сан гостей; так, например, в 1660 году братьям Бернардам пожалован титул гостей. Котошихин рассказывает об иноземных гостях, или купчинах, персидских и гречанах, что приезжали со своими товарами ко двору царя и «подносили их в дарех, а после того те товары ценились торговыми людьми и по оценке им давалось соболями и рухлядью[6]; и таких товаров на всякий год покупалось множество, потому что боярам и иных чинов людям купить, окромя царя, никому не вольно...»

«Таких гречан и персиан на год в Москву приходило по 50 и 100 человек, и живут они для продажи многие годы, и дается им корм и питье довольное от царя. Персидские купчины приезжали с шелком-сырцом и вареными и всякими тамошними товарами, а гречане приезжали ежегодно, привозя товары всякие: сосуды столовые и питейные, золотые и серебряные с каменьем, с алмазы, и с яхонты, и с изумрудами, и с лалы[7], и золотны портища[8], и конские наряды, седла, и мундштуки, и узды, и чепраки[9] со всяким каменьем, и царице и царевнам венцы и зарукавники, и серги, и перстни с разными ж каменьями не малое число». При царе Феодоре Иоанновиче в гостиной сотне гостей и гостиной сотне торговых людей лучших, средних и младших было 350 человек, а в суконной сотне 250 человек.

Торговые люди много теряли в смутное время, и число их быстро падало и требовало пополнения зажиточными людьми из других городов.

В Москве торговали и некоторые служилые люди, так, например, «стрельцы, которые набирались из людей гулящих от отцов дети, от братьев братья, от дядей племянники, подсоседники и захребетники[10], нетяглые, непашеные и некрепостные люди, которые были собою бодры, и молоды, и резвы, те имели право торговать и промышлять своим рукодельем и покупали не в скуп, что носящее не от велика», от полтины или от рубля безтаможно и беспошлинно, а которые из них торговали на сумму более рубля или в лавках сидели, те платили в казну тамгу[11], полавочные и всякие пошлины, как и торговые люди.

Суконной сотни купцы торговали сукнами и другими шерстяными материями. Все эти сотни, взяв от правительства проезжую грамоту, ездили в заграничные земли.

Черных сотен и слобод купцы и посадские имели только право торговать мелочным товаром и внутри государства. Из гостиной сотни избираемы были во внутренние таможни в бургомистры и головы; а из черных сотен в целовальники, к продаже казенных питей и соли.

Купечество ведомо было сперва в общих судебных местах, но когда учреждены были приказы, то — в земском приказе, а иногда в казенном дворце, как в 1664 и 1665 годах; иногда же купечеством управляла и большая московская таможня. Государственные подати платили купцы с промыслов и с достатка своего по мере возвышения или упадка своего. Петр Великий в 1720 году учредил купеческий магистрат и городских купцов разделил на три гильдии[12].

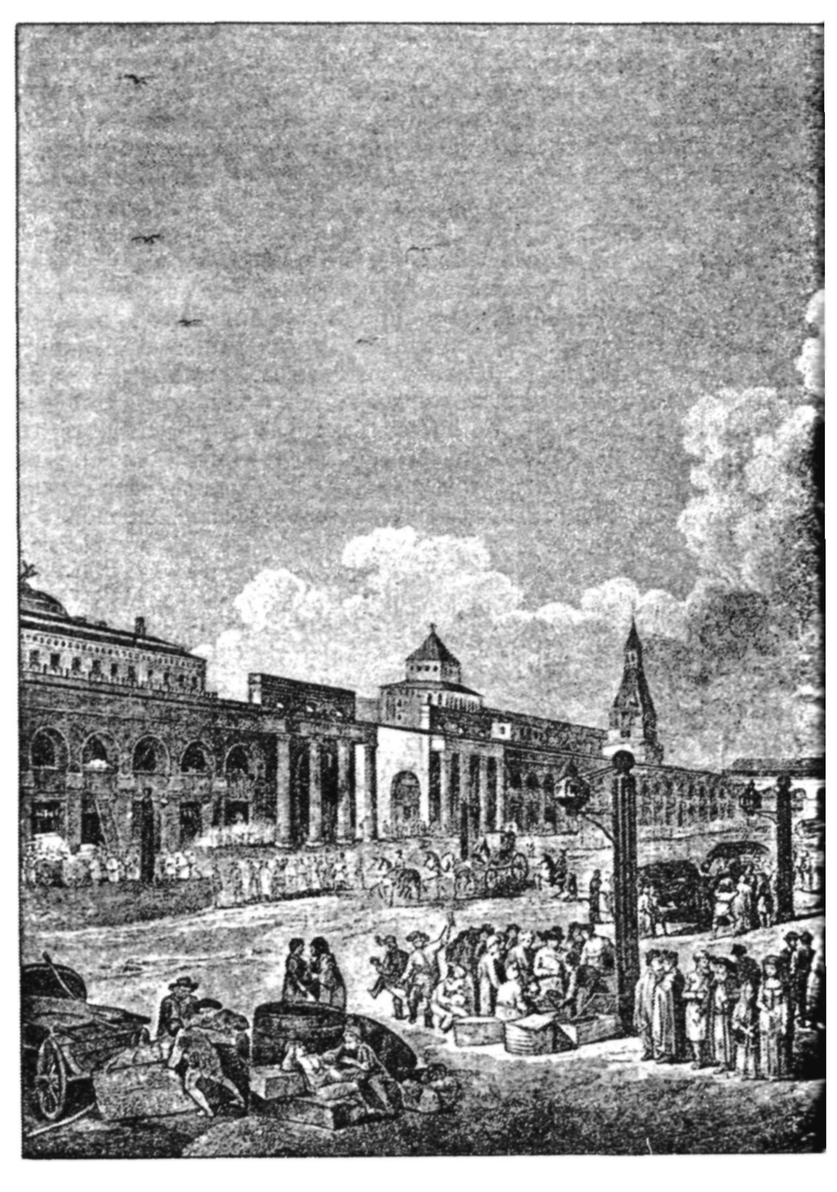
Слово «гильдия», как уверяет Татищев, происходит от слова «гильда», означающего то же, что теперь цех.

В первую он поместил крупных торговцев, во вторую — торгашей или лавочников и хороших ремесленников, а в третью — всяких простых ремесленников и мастеров. Древняя наша внутренняя торговля была ярмарочная. Каждый производитель, земледелец, ремесленник, платя подать своим произведением, вез его в известное время года на ярмарку или в город, торговал на возу, раскидывал палатку или заводил лавку.

Внешняя торговля была, собственно, царская до времен Петра Великого; точно так же учужные рыбные и соляные промыслы оставались за дворцовым обиходом, и только то, что оставалось за царским расходом, продавалось всякого чину людям. Обычай выбирать из купленных или вымененных у иностранцев товаров лучшие сорта для царской казны не только лишал торговца хороших сортов товаров, но и отнимал у него время простоем и ожиданиями.

Царская казна вообще вела торговлю всеми предметами: она покупала чрез своих агентов воск, поташ, пеньку и проч. и променивала на заграничные товары; все, что оставалось на долю купца, было обложено множеством пошлин и стеснено казенными монополиями.

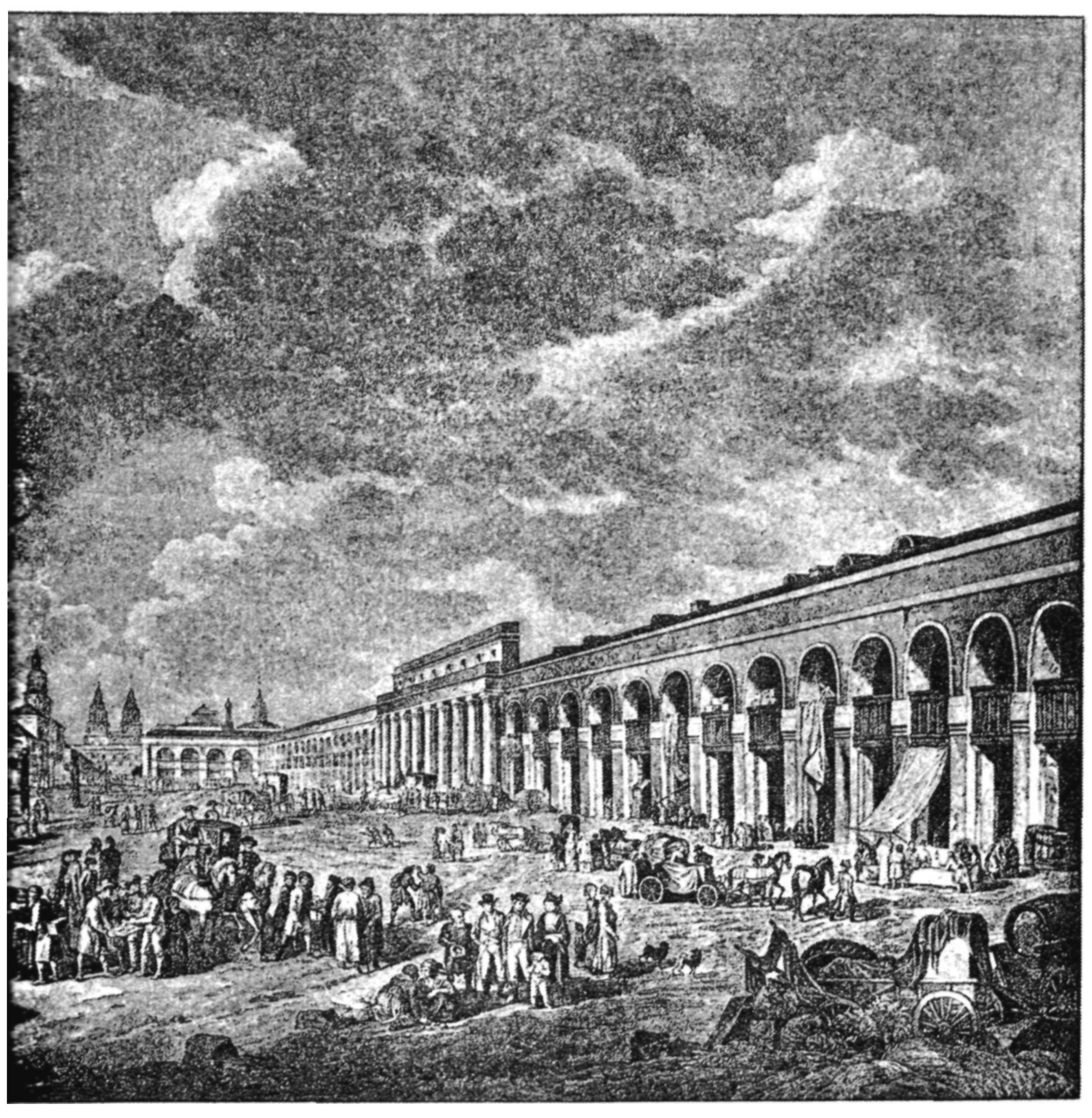
Вид старой площади у Гостиного двора в Москве в конце XVIII в. С гравюры Делабарта 1795 г.

Купец в старое время был всегда под надзором власти; необеспеченный законом, он никогда не выходил из-под произвола воевод, таможенных и приказных людей. Флетчер [13] говорит, что русский купец, раскладывая свои товары, боязливо осматривался на все стороны: не идет ли к нему какой чиновник, чтобы взять у него что получше и притом даром. Собиратель пошлин непременно постарается сорвать с торговца что-нибудь лишнее на заставах, мостах, перевозах и проч. Кроме установленных поборов его не пропустят без взятки.

Правильные повинности купцы стали нести при императрице Екатерине II, по объявленному ими капиталу в шестигласной думе [14], с которого они платили в казну по одному проценту со ста. Объявивший капитал от одной тысячи до пяти принадлежал к третьей гильдии и мог отправлять мелочной торг; объявивший капитал от пяти до десяти тысяч принадлежал ко второй гильдии и торговал чем хотел, исключая торговли на судах, да еще не мог держать фабрик; объявивший от десяти до пятидесяти тысяч и платящий с них по одному проценту принадлежал к первой гильдии и мог сверх промыслов второй и третьей гильдии производить иностранную торговлю и иметь заводы.

Имевшие корабли и дело не менее как на 100 000 рублей или избранные два раза заседателями в судах отличались от купцов первой гильдии тем, что на-

зывались именитыми гражданами[15].

Это звание давало им право ездить в городе в четыре лошади, иметь загородные дачи, сады, также заводы и фабрики; они наравне с дворянами освобождались от телесного наказания.

К именитым гражданам причислялись также ученые, которые могли предъявить академические или университетские дипломы и письменные свидетельства о своем знании или искусстве и которые по испытаниям российских главных училищ такими признаны. Также к именитым гражданам причислялись художники четырех отраслей: архитектуры; живописи, скульптуры и музыкосочинители. Внукам именитых граждан, если дед, отец и сами они беспорочно сохранили именитость, дозволялось старшему по достижении тридцатилетнего возраста просить о возведении в дворянство. Звание именитых граждан было уничтожено при императоре Александре I.

Купечество первой и второй гильдий тоже освобождалось от телесного наказания. Купцам первой гильдии дозволялось ездить в городе в карете парою; второй — в коляске парою; третьей же гильдии купцам запрещалось ездить в таких экипажах и дозволялось в экипаже впрягать зимою и летом только одну лошадь. В екатерининское время иностранное купечество, торговавшее оптом, носило название иностранных гостей, и если они не были записаны в гильдию,

то должны были платить пошлину одну половину голландскими ефимками, стоимость которых была 1 рубль 25 копеек, а другую — российскою монетою.

Возвращаясь к описанию московских рядов, мы видим, что уже в 1626 году, после пожара, по новому чертежу на Никольской улице были ряды: иконный и саадачный, или саадашный. Рыбный, сапожный и красный ряды были отведены на другое место. Как мы выше уже заметили, близ этих рядов гнездилась в шалашах и прилавках мелочная торговля; здесь же на выносных очагах варилось и жарилось кушанье; кадки сусленико [16] и квасников предлагали прохожим вкусное питье, а колодцы у дворов — чистую воду, которую черпали из них бадьями. На Никольском крестце стояли бочки, кади и скамьи. Там с утра до вечера толпились московские купцы, греческие гости, торговые люди, слободчане и стрельцы.

В соборе Казанской Богоматери приводили купцов к очистительной присяге; в такие часы раздавался унылый благовест с колокольни этой церкви.

Близ Никольской находилось особое место у городской стены, в переулке, у церкви Троицы, в Старых полях, где кроме крестного целования тяжущимся предлагались поединки. Здесь было некогда позорище судных поединков, которые, подобно крестному целованию и испытанию железом, составляли судебные доказательства. Это поле, или польце, называлось божьею правдою, божьим судом; там истец с ответчиком бились в присутствии окольничего и дьяка, также боярина, дворецкого, казначея, недельщика, праветчика [17] и подьячего, а со стороны польщиков при стряпчих и поручиках, но посторонние туда не допускались. С каждого дела, решенного полем, польщики взносили пошлину в пользу судей. Приступая к такому доказательству правоты, судьи спрашивали истца: «А ты лезешь ли на поле биться?»

Кулачный бой.
С гравюры Гейслера

Торговка маслом.
С рисунка Барбье
1806 г.

«Лезу», — отвечал тот. Оружием у ответчика и истца были ослопы (дубинки).

По свидетельству Рафаила Барберини[18], в Европе в XVI веке польщики сражались в доспехах; наступательным их оружием было надетое на левую руку железо о двух остриях, а в правой руке вилообразное копье, за поясом топор.

Из актов XVI столетия узнаем, что нередко польщики, став у поля, мирились и даже от поля бегали. Уставы церкви преследовали таких поединщиков, убитых на судебном поединке лишали честного погребения: церковь отвергала

от общения с собою убийц и семь лет не допускала к приобщению св. тайн даже и того, кто, и вышед на поле, сойдет, не бившись.

Если верить старому преданию, по словам Алексеева, автора церковного словаря, то в Китай-городе, близ Никольских ворот, прежде были три полянки с канавою, у которой, по сторонам ставши соперники и наклонивши головы, хватали друг друга за волосы, и, кто кого перетянет, тот и был прав. Побежденный должен был перенести победителя на плечах через речку, которая была за стеною на север у Троицы в Полях.

Последние поединки были в обычае только у простонародья.

До 1812 года ограда собора Казанской Богоматери служила местом выставки лубочных картин, какие продавались и на Спасском мосту.

Пред вступлением наполеоновских войск в Москву здесь вывешивались карикатуры Теребенева[19] и Яковлева на Бонапарта и на французов; они питали и укореняли в народе ненависть к врагам; сюда стекались московские жители глядеть и читать их; они любили слушать толки и рассказы словоохотного торговца этими картинами, которые выходили из фабрики Татьяны Ахметьевой.

Лет полтораста тому назад у этого же собора возвышались богатые триумфальные ворота, сооруженные в 1742 году от Святейшего синода для коронации императрицы Елисаветы Петровны. На воротах был изображен св. благоверный князь Владимир лежащим, а из чресл его выросшее дерево, на ветвях которого изображался род царский, начиная от равноапостольного Владимира до императрицы Елисаветы, над ликом которой виднелась следующая надпись на двух языках: «Et dokumenta damus qua sumus origine nati» — «Довольно показуем, откуда начало рождения нашего имеем» (*лат.*).

Ближе к Иверским воротам, у собора Казанской Богоматери, во дворе губернского правления помещалось еще в недавнее время страшное место для купца — «яма». Место это теперь занято новым зданием присутственных мест.

В «яму» сажали несостоятельных купцов; перед этим купец скрывался. Искали его всюду, ездили в Угреши, к Троице. Искавшему предлагали сходить даже к Василию Блаженному к ранней, там его не застанет ли? Накрывали больше купца или на улице, или в пьяном виде у подруги сердца.

Случалось так, что тот же квартальный надзиратель, который у купца пил и ел, препровождал его и в «яму». Обыкновенно это бывало вечером. Шли они друг от друга на благородной дистанции — купец норовил не подпускать квартального к себе на пистолетный выстрел. Но у ворот «ямы» квартальный быстро настигал купца и здесь уже сдавал его вместе с предписанием.

У входа в «яму», где сидели неисправные должники, перед дверьми стоял солдат с ружьем и еще ходил дежурный сторож, отставной солдат, который опрашивал и пускал через цепь приходивших. Бывало, солдат угрюмо спрашивал подходившего: «Вы с подаянием, что ли?» «Нет, так, посмотреть», — говорил праздный зритель. «Тут смотреть нечего, —

сурово замечал служивый. — А вы зачем?» — обращался он к пожилой женщине, видимо, из купчих. «Так, поплакать пришла», — отвечала благочестивая купчиха, утирая глаза.

В большие праздники купечество присылало в «яму» корзины с съестными припасами; более всего приносились калачи. Бывали и такие пожертвования: один благочестивый купец на помин души бабушки к рождественскому разговению пожертвовал пятьсот бычачьих печенок.

Жертвовали и вещами: присылались к празднику бумажные платки, правда слежавшиеся, выцветшие и в дырьях, или приносилось несколько пар резиновых галош, и все на одну ногу или детские.

«Яма» носила также название временной тюрьмы. Временною она называлась потому, что здесь содержались должники до тех пор, пока выплатят долг. Название же «ямы» она получила от крутой отлогости к стороне Белого города. По другим преданиям, здесь нарочно было вырыто углубление для монетного двора, это-то углубление и дало описываемой тюрьме название «ямы», и действительно, подойдя к ней с дворика и облокотясь на перила, можно было видеть внизу, сажени на три глубины, другой небольшой продолговатый дворик, устланный плитным камнем, и вокруг него жилье.

Замечательно также, что у ворот «ямы» всегда впервые в Москве появлялись у разносчиков на лотках свежие огурцы и первые свежие грибы весною можно было найти тут же.

Не менее замечательно было еще одно место: в доме присутственных мест, где теперь свечные лавки, прежде был винный погреб; помнят еще, как в мрачном и длинном подвале его заседали разные чиновники, выгнанные за темные дела из службы: здесь обделывались всевозможные дела, платились деньги, писались просьбы и т. п. В погребе и около дверей его целый день толпились подьячие.

По уничтожении погреба подьячие разместились от Воскресенских ворот до «Казанской», отчего и получили оставшееся до сих пор за ними название «от Казанской». Здесь ежедневно в десять часов утра собирались они, выстраивались в ряд по тротуару, совершали разные дела на улице, в трактирах и в низших присутственных местах и потом расходились. Несколько лет тому назад их и отсюда прогнали; их место заняли торговцы, а они перешли к трактирам, что против присутственных мест, к Маленькому московскому и Егорову [20].

К ограде Казанского собора примыкал ножевой ряд.

Этот ряд составляли каменные лавки, палатки и пещуры, которые тянулись уступами по улице. Против собора и этого ряда, на другой стороне, где были еще недавно бумажные, книжные и табачные лавки, был прежде саадачный ряд, где, как мы выше говорили, продавались колчаны с луками и стрелами; за саадачным рядом следовали седельный, манатейный, то же, что епанечный, кружевной и ветошный, где торговали не только старым платьем, но и пушным товаром.

На левой стороне, между маклерскими конторами, на месте, где теперь книжная лавка, кажется Свешникова, прежде был главный вход в Управу благочиния. На этом месте пред вступлением неприятеля в 1812 году в древнюю столицу раздавались и жадно расхватывались афиши графа Ростопчина, возвещавшие о печальном жребии Москвы.

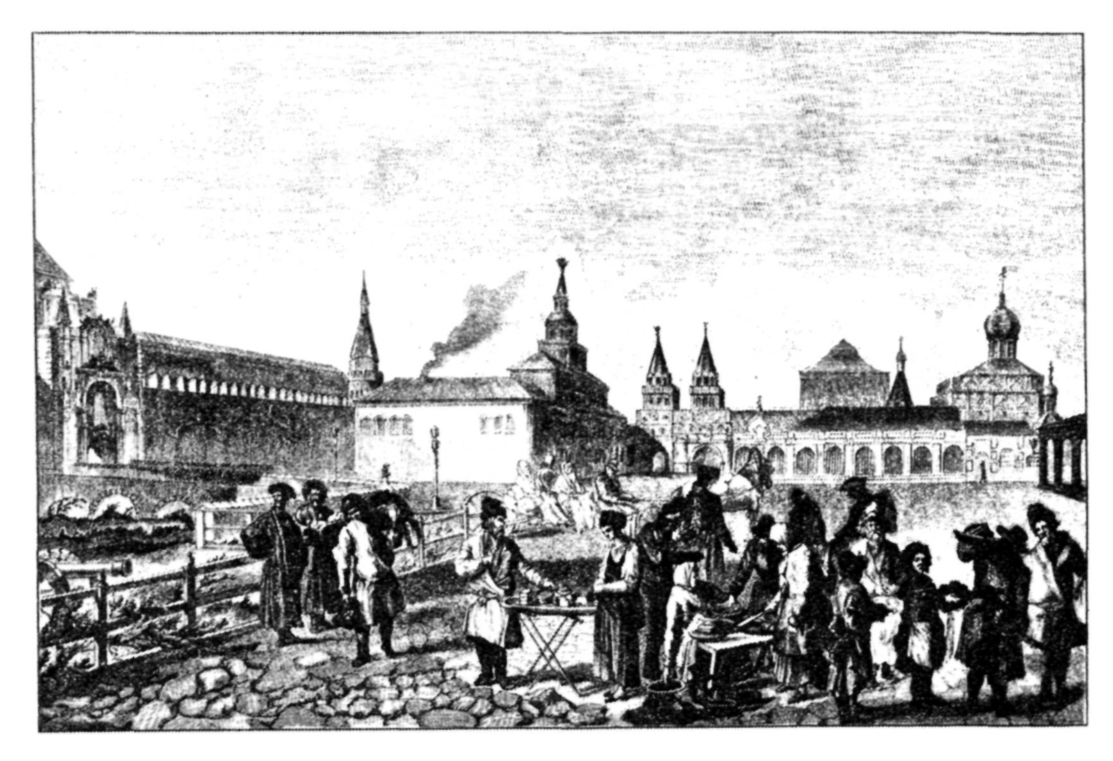
Ограду Заиконоспасского монастыря по Никольской улице до 1812 года занимали иконные лавки и ступени. По указу 1753 года повелено было сломать их, потому что ими стеснялась и без того тесная улица, вымощенная деревом, а вместо них сделать каменную стенку. В это время засыпаны колодези на улице у дворов и вырыты новые на самых дворах.

Книжная торговля в этом месте открыта позднее. В елисаветинское время торговали бумагою, церковными книгами, немецкими потешными листами, молотковыми и простыми картами в овощном ряду, потом на Спасском мосту, где первый из русских букинистов, Игнатий Ферапонтов, начал производить торг древними и старинными книгами и рукописями. В 1710 году кроме овощного ряда продавались заморские листы в иконном и ветошном рядах. Такая торговля там существовала еще при Тредиаковском, который ссылался на стихотворца Спасского моста, этого старинного приюта для слепых певцов Лазаря и Алексия Божия человека.

Отдавались от монастыря иконные лавки; впоследствии в них стали торговать книгами. Из первых торговцев из-

вестны Тараканов, Полежаев, Акохов, Козырев, Матушкин, Василий Глазунов, Сопиков, Селивановский.

Московские торговые ряды разделялись на три отделения. В первом отделении, против Красной площади, пространство от Никольской улицы до Ильинской в длину заключало в себе восемь дальних рядов, имеющих свои названия по роду товаров. Каждая линия заключала в себе еще различные ряды. Так, линия торговых рядов 1-го отделения имела восемь названий: ножевая (лицевая, с площади), овощная, шапочная, крашенинный, большой золотокружевной, затрапезный и московский суконный, поперек этой линии шел большой ряд крашенинный; линия скорняжная делилась на бумажный, епанечный, скорнячный и шелковый ряды; линия серебряная — на иконный, женский кружевной, малый ветошный и серебряный; линия большая ветошная — на перинный ряд, затем большой ветошный и сальный, лицом на Ильинку — панский; 2-е отделение, между улицами Ильинской и Варваркой и между Москворецкой набережной и переулком Хрустальным или Гос-

Уличный торг у Кремля в конце XVIII столетия. С гравюры того времени Колпашникова

суконная большая, суконная малая, скорнячная, серебряная и большая ветошная, или покромная; линия ножевая имела ряды новый овощной и седельный; линия шапочная имела четыре ряда: колокольный, холщовый, кафтанный и шапочный; большая суконная линия — четыре ряда: железный, лапотный, малый золотокружевной и смоленский суконный; линия суконная малая — пять рядов: сундучный, знаменитый своими пирожками и квасом, нитяной и малый тиным двором, имело 10 отдельных линий, которые содержали еще несколько рядов. Линии 2-го отделения носили названия: лицевая, игольная, кушачная, овощная, две суровских, москательная, скобяная, зеркальная и хрустальная или лицевая к Гостиному двору. Ряды линий 2-го отделения — на лицевой два ряда: фряжский (погреб с винами) и восковой; линия игольная с верхней игольной; линия кушачная с рядом кушачным. Овощная имела два ряда: овощной и

сафьянный; линия суровская [21] делилась на линии: суровскую, юхотную [22], судовую и медовую; другая суровская линия имела малый юхотный и большой новый суровский ряды; поперек всех линий шла москательная линия, которая делилась на два ряда: нижний игольный и медно-москательный; линия скобяная имела два ряда: скобяной и большой юхтяный. Линия зеркальная имела два ряда: зеркальный и старо-сняточный; здесь торговали шелковым товаром. Линия хрустальная имела ряды бумажный и хрустальный.

3-е отделение, между улицами Варварской и проулка Зарядья лицевая сторона на Москворецкую улицу, а задняя в линии с Хрустальным рядом, заключало четыре линии: на первой ряды семянный и кулечный; на второй — мясной и коренной рыбный и нижний медовой; третья и четвертая линии состояли из двух юхотных рядов. Отделение это отделялось от Мытного двора Мясным переулком.

Кроме упомянутых рядов находились ряды: книжный по Никольской улице, против 1-го отделения; затем по Ильинке, от Лобного места: сапожный, шапочный, платяной — существует еще шапочный на Ильинке, близ ворот, с правой стороны. Затем на той же Ильинке, с правой стороны, под Посольским домом: табачный, мыльный, нюренбергский, против Гостиного двора, в переулке, и общественный рыбный; подле церкви Василия Блаженного — масляный; за этим рядом по обеим сторонам Москворецкой улицы: меловый и бакалейный и затем по обеим сторонам той же улицы к мосту: мучной и живорыбный. Гостиный же рыбный двор в старину стоял против церкви Варвары Великомученицы; он сломан в 1792 году, построен же был в 1641 году царем Михаилом Феодоровичем. Что же касается ряда в Охотном ряду, то он основан только в 1791 году; по плану Москвы 1786 года вся площадь, где он помещается, была застроена.

В старые времена и времена, близкие до сломки, общая картина московских рядов и Гостиного двора представляла самую кипучую деятельность. Ночью вся эта часть, запертая со всех сторон, представляла какой-то необъятный сундук с разными ценностями, охраняемый злыми рядскими собаками на блоках да сторожами. Но лишь только на небе занималась заря и вставало солнце, как вся эта безлюдная и безмолвная местность вдруг растворялась [23] тысячами лавок, закипала жизнию и движением. Длинной вереницей тянулись к рядам тяжело нагруженные возы от Урала, Крыма и Кавказа. Любопытствующий мог здесь услышать имена всех значительнейших городов земли русской и увидать всевозможные произведения, как сырые, так и отделанные, начиная с пеньки и железа и кончая бархатом, замком, самоваром и т. д. Куда глаз, бывало, ни взглянет, всюду движение и кипучая деятельность: здесь разгружают, там накладывают возы; артельщики так и снуют; тюки, короба, мешки, ящики, бочки — все это живой рукой растаскивается, скатывается в лавки, в подвалы, амбары и палатки или накладывается на воза.

Длинные, извилистые полутемные ряды построены без плана и толку, в которых без путеводителя непривычному не пройти; все эти ряды сохраняли и вмещали в себе товары ценою на миллионы рублей. Посмотрите эти склады товаров; они едва обозначены скромными вывесками; присмотритесь к товарам, к продавцам и к покупателям, и удивление вас встретит на каждом шагу. Здесь есть лавки, где блеск серебра переливается с жемчугами и бриллиантами, и недалеко от них навален чугун, свинец плитками. Тут, например, парчи, бархат и атлас, а у соседа продаются рогожи, циновка. Здесь галантерейная лавка и рядом с ней тряпичник; там чай и сахар, а напротив москательный товар, скипидар, вохра; там сукно, полотно, кожа, писчая бумага. Помимо, так сказать, главных магазинов во всем городе по светлой ножевой линии от Никольской улицы к Ильинке тянутся еще многочисленные шкафчики; они пристроены к простенкам, находящимся между множества одиноких высоких и широких стеклянных дверей в несколько растворов, служащих входом в ножевую линию с Красной площади. Как на длинной черте в равном расстоянии расставленные точки, представляются взорам вашим эти шкафчики, стоящие задом к площади. Они окрашены белою масляною краскою, и когда заперты, то имеют вид полуколонн; когда же отперты, то нижняя часть их служит прилавком, а верхняя привлекает взоры мимоходящих размещенными в ней разными недорогими товарами. Об этих товарах вам кричат мальчишки, будто глухим:

«Ленты, шпильки, булавки, гребни, тесемки, шнурки, духи, помада, самохотов бальзам, перчатки... что угодно? Пожалуйте-с... пожалуйте-с! У нас покупали».

Или уже несется голос более взрослого из внутренних темных рядов: «Почтенный господин, что покупаете-с?.. У нас фундаментальные шляпы, обстоятельные лакейские шинели, солидные браслеты, нарядные сапоги, сентиментальные колечки, помочи, восхитительная кисея, презентабельные ленты, субтильные хомуты, милютерные жилетки, интересное пике [24], немецкие платки, бор десуа, бархат веницейский, разные авантажные галантерейные вещи, сыр голландский, мыло казанское, гарлемские капли... У нас покупали!» и проч.

Часто такие выкрики заглушаются более неистовым криком, непонятным для обыкновенного смертного. Это вдруг прокричит какой-нибудь торгаш с большим лотком на голове, и сколько другой ни бьется, а крика такого парня не разберет и не поймет, продает же он самую обыкновенную вещь: или баранину, или бычьи почки; товар его всегда покрыт сальною тряпкою, и потребитель его — местный купец-торговец. Идут здесь и другие мелкие торговцы, которые назойливо пристают к проходящим; вы видите их тут с корзиночками, и с метелочками, и со стеклянными фигурками, и с статуэтками, и душат же они вас своими причитаниями; ходят и бабы, кричащие пронзительно: «Ниточек, ниточек!» — причем с визгом ударяется на букву «и». Далее кричат: «Шнурочков, чулочков». Такие торговки зорко глядят, нельзя ли где что-нибудь украсть или вытащить у зазевавшегося из кармана. Ходили еще и старцы, продававшие светильники для лампадок, и курительные монашки и проч. Словом, здесь была всегда пестрая ярмарка с самыми разнородными товарами и с всевозможными сортами покупателей.

ПЕРЕЧЕНЬ ЛИЧНЫХ ИМЕН, УПОМИНАЕМЫХ В КНИГЕ «СТАРАЯ МОСКВА»

А

Абдул-Керим — турецкий посол
Абдул-Мурза. *См.* Юсупово-Княжево
Августин — епископ
Августин II, Фридрих — электор саксонский и король польский
Аверкий — иеродиакон Прилуцкого монастыря
Агафья Семеновна (Грушецкая) — царица, супруга Феодора Алексеевича
Актинфов — окольничий
Алевиз — фрязин, зодчий
Александра Павловна — великая княгиня, супруга эрцгерцога австрийского Иосифа, палатина венгерского
Александр I Павлович — император
Алексеев — московский полицеймейстер
Алексей Михайлович — царь московский
Алябьевы:
— А. В., тобольский губернатор
— дети сенатора
Амвросий (Зертис-Каменский), архиепископ московский
Андреев Василий — один из убийц архиепископа Амвросия Зертис-Каменского
Анна Иоанновна — императрица
Анфилохий — гробовый иеромонах при мощах св. Димитрия Ростовского
Апраксин С. С. — граф
Аракчеев, гр. Алексей Андреев. — генерал от кавалерии, военный министр
Арбенев — Преображенский офицер
Архаровы:
— Александра Ив. *См.* Васильчикова
— Ив. Петр.
— И. П. *См.* Кокошкина
— Никол. Петр. — генерал-поручик, московский губернатор, впосл. наместник новгородский и тверской
Ахметьев — печатник лубочных картин
Афанасьев Михаил — разбойник

Б

Баженов В. И. — архитектор
Базилевич — актер
Балк-Полева Наталья Федор. *См.* Лопухина
Бантыш-Каменский Никол. Никол. — писатель
Баранчеева — актриса
Барсов Антон Алексеев. — профессор Московского университета
Баташовы:
— Андрей Родион.
— Дарья Ив. *См.* Шепелева
— Ив. Ив. — франт-волокита
— Ив. Родион. — купец, заводчик
Батес — английский берейтор
Бахметьев — московский губернатор
Башилов А. А. — начальник комиссии для построений
Безбородко Александр Андреев. — светлейший князь, действ. тайн. советник, государственный канцлер
Безнино А. — сотрудница «Северного вестника»
Безобразова Аграфена Александ. — по 1-му браку Пожарская. *См.* Кн. Долгоруков
Бессонов — поручик архаровского полка
Бекетов Платон Петр. — литератор, московский меценат
Беклешов А. А. — московский обер-полициймейстер
Бельмонти — антрепренер московского театра
Бенигс — барон, основатель масонского ордена тамплиеров
Бернард-Жилли — великан в 3 и 1/2 аршина
Бестужевы-Рюмины — графы:
— Алексей Петр. — канцлер
— Андрей Алексеев.
Бецкий Ив. Ив. — действ. тайн. советник, президент Академии художеств
Бирон фон:
— Евдокия Борисов. — урожд. княж. Юсупова
— Иоганн-Эрнст — герцог курляндский, регент и правитель России
Благово Вл. Калин.
Блудовы:
— Гр. Антонина Дмитр. — камер-фрейлина, патриотка
— Гр. Дм. Никол. — действ. тайн. советник, статс-секретарь, президент Академии наук и председатель госуд. совета

В

Г

Д

Е

Ж

З

И

К

Л

О

П

У

Ф

Х

Ч

Ш

— Борис Петр. — генерал-фельдмаршал
— Варвара Алексеев.
— Варв. Петр. *См.* Гр. Разумовская
— Дмитр. Никол.
— Иван
— Нат. Борис. *См.* Кн. Долгорукова
— Никол. Петр. — действ. тайн. советник, обер-камергер
— Петр Борис. — генерал-аншеф и обер-камергер
— Прасковья Ив.
Шешковский Степ. Ив. — тайн. советник, начальник тайной розыскной канцелярии
Шиловский — франт и игрок
Ширяев Михаил — любимец Петра Великого
Шлыкова Т. В. — актриса
Шувалов — гр. Андрей Петр. — действ. тайн. советник, управляющий банком для размена госуд. ассигнаций
Шульгин А. С. — московский, а потом петербургский обер-полициймейстер
Шумский Яков — актер
Шушерин — актер

Щ

Щепкин П. С. — профессор Московского университета
Щербатовы — князья:
— Анна Пав. *См.* Гр. Каменская
— Н. П. *См.* Кн. Юсупова

Э

Энгельгардт Е. А. — директор Царскосельского лицея
Эртель — московский обер-полициймейстер
Эхользины — московские франты

Ю

Юсупово-Княжево Дмитрий Сеюшевич — князь
Юсуповы — князья:
— Русский княжеский род
— Анна Никит.
— Борис Григор. — директор Шляхетского сухопутного кадет. корпуса
— Борис Никол.
— Григ. Дм. — генерал-аншеф, сенатор
— Дм. Борис.
— Евдокия Борис. *См.* Бирон
— Зинаида Ив. — урожд. Нарышкина. *См.* Гр. де Шево
— Никол. Борис. — действ. тайн. советник, сенатор, член государ. совета
— Никол. Борис. — последний в роде (род. 1817 г.)
— Н. П. — урожд. Щербатова
— Татьяна Вас. — урожд. Энгельгардт, по 1-му браку Потемкина
Юсуф — владетельный султан Ногайской орды, родоначальник кн. Юсуповых
Юшков Ив. Ив. — московский обер-полициймейстер

Я

Ягужинский — гр. Пав. Ив. — кабинет-министр
Яковлев — актер

ПЕРЕЧЕНЬ МЕСТНОСТЕЙ, УЧРЕЖДЕНИЙ, ЗДАНИЙ И ПРОЧ., УПОМИНАЕМЫХ В КНИГЕ «СТАРАЯ МОСКВА»

Псковское благородное училище и Смоленский кадетский корпус)
— Павловская больница
— Посольский приказ
— Присутственные места в Кремле
— Родильный институт
— Сибирский приказ
— Славяно-греко-латинская академия
— Техническое училище Воспитательного дома
— Университет
Церкви:
— Анастасии Узорешительницы
— Борисоглебская у Арбатских ворот
— Василия Блаженного (Покровский собор)
— Введенская
— Введенская на Ростовском подворье
— Вознесенская на Гороховом поле
— В селе Троицком
— В университетском благородном пансионе
— Георгиевская в Китай-городе
— Живоначальной Троицы в полях
— Знаменская в дер. гр. К. Г. Разумовского на Воздвиженке
— Кира и Иоанна
— Козьмы и Дамиана
— Меркурия Смоленского
— Нарышкинская во имя св. Ирины и Параскевы, на берегу Неглинной
— Николая у Красных колоколов
— Николы Явленного
— Петра и Павла в Петровском-Разумовском
— Смоленской Божьей Матери, основанная патриархом Филаретом во имя св. Феодора Студийского
— Троицкая
— Феодора Студийского
— Филиппа Митрополита
— Фрола и Лавра в Кузнечном приходе
Части города Москвы:
— Арбат
— Старая Басманная
— Шаболовка
«Яма» — тюрьма для несостоятельных купцов

ПЕРЕЧЕНЬ ГРАВЮР, ПОМЕЩЕННЫХ В КНИГЕ «СТАРАЯ МОСКВА»

ПОРТРЕТЫ

Амвросий (Зертис-Каменский), архиепископ московский, — с портрета, принадлежащего Н. Д. Быкову

Архаров Ив. Петр. — с портрета, принадлежащего А. А. Васильчикову

Волконский, кн. Мих. Никит., генерал-аншеф, московский главнокомандующий, — с портрета, принадлежавшего Императорскому Эрмитажу

Голицын, кн. Вас. Вас., — с редкого гравированного портрета Тарасевича

Демидов Прокофий Акинфиевич — с портрета, принадлежавшего Н. И. Путилову

Евдокия Феодоровна Лопухина, первая супруга императора Петра I, — с портрета, принадлежавшего графу И. И. Воронцову-Дашкову

Еропкин Петр Дмитр., генерал-аншеф, московский губернатор, — с портрета, принадлежавшего княгине Е. П. Кочубей

Казаков М. Ф., зодчий, — с гравированного портрета Афанасьева

Каменские, графы;

— *Мих. Федот.,* генерал-фельдмаршал, — с гравированного портрета Осипова

— *Никол. Мих.,* главнокомандующий, — с гравированного портрета Кинингера

Кокошкин Федор Федоров., писатель, — с литографированного портрета

Лопухина Наталья Федор. — с портрета, принадлежащего кн. А. Б. Лобанову-Ростовскому

Мазепа Ив. Степ., малороссийский гетман, — с портрета, находящегося на современной ему гравюре дьякона Мишуры

Макаров Алексей Вас., президент камер-коллегии

Матвеев Артамон Серг., боярин, — с гравированного портрета, приложенного к его жизнеописанию, изданному в 1776 году

Нарышкин Александр Львов., действ. тайн. советник, — с портрета, принадлежавшего Академии художеств

Наталья Кирилловна (Нарышкина), царица, вторая супруга Алексея Михайловича, — с портрета, находящегося в Эрмитаже

Нелединский-Мелецкий Юрий Алекс., статс-секретарь, поэт, — с гравированного портрета Тейхеля

Новиков Ник. Ив., писатель, журналист и благотворитель и типографщик, — с литографии, сделанной с портрета Боровиковского

Орловы, братья, во время чумы в Москве в 1771 году — с гравюры того времени

Орловы-Чесменские, графы:

— Алексей Григорьев., генерал-аншеф, в санях с рысаком Барсом — с весьма редкой гравюры того времени (на отдельном листе)

— *Анна Алексеев.* — с портрета, находившегося в новгородском Юрьевском монастыре

Плавильщиков П. А., актер

Пугачев Емельян Ив., самозванец лже-Петр III, — с гравированного портрета XVIII столетия

Пушкин Вас. Льв. — с редкого гравированного портрета Галактионова

Разумовские, графы:

— *Алексей Кирил.* — с портрета, приложенного к соч. Васильчикова «Семейство Разумовских»

— *Кирилл Григ.* — с гравюры Шмидта, сделанной с портрета, писанного в 1758 году Токе (на отдельном листе)

Римский-Корсаков Ив. Ник., генерал-адъютант, фаворит Екатерины II

Савельич, Иван, шут, — со старинной литографии

Салтыков, гр. Петр Семен., генерал-фельдмаршал, московский главнокомандующий, — с портрета, принадлежавшего гр. А. П. Шувалову

Сандуновы:

— *Елизав. Семен.,* рожд. Федорова, переименованная в Уранову, артистка

— *Сила Никол.,* артист

Фотий (Петр Никитич Спасский), архимандрит новгородского Юрьевского монастыря, — с портрета, приложенного к I тому «Русских деятелей»

Шереметевы, графы:

— *Никол. Петр.,* действ. тайн. советник, обер-камергер, — с портрета, принадлежащего Эрмитажу

— *Прасковья Ив.* — с гравированного портрета Зелигера

Юсупов, кн. Никол. Борис, действ. тайн. советник, сенатор, член госуд. совета, — с гравированного портрета Валькера

ВИДЫ МЕСТНОСТЕЙ И РАЗНЫХ СООРУЖЕНИЙ

Бани:

— *Серебрянские* с окружающею их местностью — с гравюры Делабарта 1796 года (на отдельном листе)

— *Русские зимой* — с гравюры Делабарта (на отдельном листе)

Башни:

— *У Никольских* ворот в Кремле

— *Настенная* башня в Кремле

Ворота:

— *Варварские*

— *Воскресенские*

— *Крутицкого* архиерейского дома

Дворцы:

— *Коломенский* — с редчайшей гравюры, сделанной за год до разрушения дворца (на отдельном листе)

— *Кремлевский* в XVIII столетии — со старинной гравюры Дюрфельда

— *Петровский* — с гравюры начала XIX столетия (на отдельном листе)

Дома:

— *Гагарина,* князя, — с рисунка из того же издания

— *Мамонова,* графа, — с гравюры Гедалла

— *Пашкова,* в конце прошлого столетия, — с гравюры Делабарта 1798 года (на отдельном листе)

— *Посольские*

— *Юсупова,* князя, — с рисунка, приложенного к «Русской старине», изд. Мартыновым

Девичье поле в начале XVIII столетия — со старинной гравюры

Колокольня Ивана Великого — с литографии начала нынешнего столетия

Кремлевский сад в начале нынешнего столетия — со старинной литографии

Кремль:

— *Со стороны Каменного моста,* в 1799 году, — с гравюры Делабарта (на отдельном листе)

— *С Замоскворечья,* между Каменным и Живым мостами, — с гравюры Махаева (1764) года (на отдельном листе)

— *В начале XVIII столетия* — с гравюры того времени Бликланда

Ледяные горы в Москве во время сырной недели, в конце прошлого столетия, — с гравюры Делабарта 1794 года (на отдельном листе)

Лизин пруд в Москве — с гравюры начала нынешнего столетия

Лобное место в XVII столетии

Монастыри:

— *Высокопетровский монастырь:* усыпальница Нарышкиных в Боголюбской церкви — с рисунка, приложенного к «Русским достопамятностям» (на отдельном листе)

— *Новодевичий* — со старинных гравюр

— *Спасо-Евфимиев* в Суздале — с рисунка, приложенного к «Русской старине» Мартынова

— *Троице-Сергиева* лавра в XVIII столетии — с гравюры того времени Малютина

Мосты:

— *Каменный* — с гравюры Делабарта 1796 года (на отдельном листе)

— *То же* — с гравюры Бликланда

— *Яузский* — с гравюры Делабарта 1797 года (на отдельном листе)

Немецкая слобода в Москве в начале XVIII столетия — с гравюр де-Витта

Палата бояр Романовых в возобновленном виде

Площади:

— *Площадь в Москве* в конце XVII столетия — с гравюры того времени из «Путешествия» Олеария

— *Старая* у Гостиного двора в конце XVIII столетия — с гравюры Делабарта 1795 года (на отдельном листе)

— *Театральная* в начале XIX столетия — с гравюры Аркадьева

Села:

— *Архангельское* (парк) — с рисунка, сделанного с натуры Раухом (на отдельном листе)

— *Измайлово* в XVIII столетии — с весьма редкой гравюры того времени (на отдельном листе)

— *Останкино:* а) общий вид — со старинной гравюры; б) церковь и сад — с офорта Лафона, по рисунку с натуры Делабарта (на отдельном листе)

— *Царицыно:* а) общий вид — с гравюры, сделанной с рисунка П. П. Свиньина; б) парк — с рисунка с натуры Стакельберга (на отдельном листе)

Тверской бульвар в начале нынешнего столетия — с рисунка Кадоля

Театры:

— *Большой* в начале XIX столетия — с гравюры Аркадьева

— *Медокса* с весьма редкого рисунка, сделанного с натуры в 1805 году А. А. Мартыновым (на отдельном листе)

Терема в Москве — со старинной гравюры Казакова

Торговая лавка в XVII столетии в Москве — с гравюры из «Путешествия» Олеария

Увеселительное строение по случаю мира с Турцией в 1775 году — с рисунка того времени архитектора Казакова (на отдельном листе)

Улицы:

— *Кузнецкий мост* (на отдельном листе)

— *Улица в Москве* в конце XVIII столетия — с гравюры того времени Дюрфельда

УЧРЕЖДЕНИЯ ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЕ И ОБЩЕСТВЕННЫЕ И ИХ ЗДАНИЯ

Больница екатерининского времени — с рисунка Дергоена XVIII столетия

Воспитательный дом — с гравюры начала XIX столетия

Дворянское собрание (на отдельных листах): а) наружный вид; б) зал, украшенный для приема императрицы Екатерины II

Печатный двор в Москве в XVII столетии — с рисунка из «Древностей Российского государства»

Церкви:

— *Василия Блаженного* — со старинной голландской гравюры

— *В селе Останкине*

— *Патриаршая* — с литографии Брея начала XIX столетия

БЫТОВЫЕ И ДРУГИЕ ИЗОБРАЖЕНИЯ

«Арестанты при полиции, метущие улицу» — с литографии начала XIX столетия

«Бальный костюм кавалерственной дамы

ордена св. Екатерины в конце XVIII столетия» — с гравюры того времени Саблина

«Бег в Москве в конце XVIII столетия» — с английской гравюры того времени

«Городские сторожа в Москве в XVII столетии» — с рисунка Панова

«Гулянье в Сокольниках в конце XVIII столетия» — с гравюры того времени Делабарта

«Домашний спектакль в барском доме в начале XIX столетия» — с гравюры того времени

«Извозчичья стоянка в Москве в начале XIX столетия» — с гравюры Гейслера

«Казнь Пугачева» — с рисунка художника Шарлемана (на отдельном листе)

Коронование императрицы Екатерины II:

— «Коронование в соборе» — с гравюры Колпашникова

— «Объявление герольдами на Кремлевской площади о торжестве коронования» — с гравюры Колпашникова

«Кулачный бой» — с гравюры Гейслера

«Маскарад в Москве в 1722 году» — с весьма редкой гравюры того времени

«Масонские ложи» — со старинных гравюр:

— «Прием нового члена»

— «Посвящение в масоны» (на отдельном листе)

— «Посвящение в мастера ложи»

— «Торжественное заседание масонской ложи»

«Московская пожарная команда в начале XIX столетия» — со старинной гравюры

«Московские франты XVIII века» — по рисунку Делабарта

«Народное гулянье под Новинским в Москве в конце столетия» — с гравюры Делабарта 1797 года (на отдельном листе)

«Одежда бояр и боярынь в XVII столетии» — с рисунков, находящихся в «Древностях Российского государства»

Памятники А. С. Матвеева

«Петушиный бой» — с литографии начала нынешнего столетия

Торговцы:

— старыми вещами

— гречневиками

— маслом

— полотном

— на ларе

«Торжественная аудиенция турецкому посольству» — с гравюры Колпашникова (на отдельном листе)

«Уличный торг у Кремля в конце XVIII столетия» — с гравюры того времени Колпашникова

«Царь-колокол»

Экипажи:

— «Барская карета начала XIX столетия» — с картины Делабарта

— «Коляска конца XVIII столетия» — с гравюры Делабарта

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ ИЗМЕНЕННЫХ НАЗВАНИЙ УЛИЦ МОСКВЫ

Прежнее название	**Современное название**
Басманная Ст. ул.	Карла Маркса ул.
Болото (Болотная пл.)	Репина пл.
Большая (Царицынская) ул.	Пироговская Б. ул.
Воздвиженка ул.	Калинина просп.
Газетный пер.	Огарева ул.
Вшивая горка	Володарского ул.
Гороховская ул.	Казакова ул.
Гранатный пер.	Щусева ул.
Девичье поле	Девичьего поля пр.
Девятинский пер.	Девяткин пер.
Дмитровка Б. ул.	Пушкинская ул.
Дмитровка М. ул.	Чехова ул.
Дурной пер.	Товарищеский пер.
Знаменка ул.	Фрунзе ул.
Знаменский Б. пер.	Грицевецкая ул.
Ильинка ул.	Куйбышева ул.
Калачная ул.	Калашный пер.
Калужская Б. ул.	Ленинский просп.
Кисловский Б. (Кисловка) пер.	Семашко ул.
Козьмодемьянский пер.	Старосадский пер.
Кудринская пл.	Восстания пл.
Лубянская пл.	Дзержинского пл.
Маросейка ул.	Богдана Хмельницкого ул.
Моховая ул.	Маркса просп.
Мясницкая ул.	Кирова ул.
Немецкая Б. ул.	Бауманская ул.
Никитская Б. ул.	Герцена ул.
Никитская М. ул.	Качалова ул.
Никольская ул.	25 Октября ул.
Тверская (Царская) ул.	Горького ул.
Хлебная ул.	Хлебный пер.
Царицынская М. (Мало-Царицынская) ул.	Пироговская М. ул.
Юшков пер.	Владимирова пр.
Якиманка	Димитрова ул.

ПРИМЕЧАНИЯ

ГЛАВА I

1. Исторически сложившаяся планировка Москвы определялась прежде всего ее развитием как города-крепости, постоянно подвергавшегося вражеским набегам. Первоначальная веерная система улиц вошла в основную радиально-кольцевую систему планировки города.

2. *Бантыш-Каменский Дмитрий Николаевич* (1788—1850) — русский и украинский историк, археограф. Автор восьмитомного «Словаря достопамятных людей Русской земли», в котором ввел в научный оборот много новых архивных материалов. Не всегда критически относился к использованным источникам.

3. *Голицын Василий Васильевич* (1643—1714) — князь, боярин, фаворит правительницы государства Софьи. Возглавлял Посольский и другие приказы. Заключил «вечный мир» с Польшей в 1686 г. Возглавлял крымские походы в 1687 и 1689 гг. Сослан Петром I в Архангельский край в 1689 г.

4. *Фашина (фашинник)* — туго стянутая связка хвороста, используемая для укрепления откосов и строительства оборонительных сооружений.

5. Мера длины в России с XVI в. до введения метрической системы в 1918 г. (РСФСР), равен 16 вершкам или 71,12 см.

6. *Иоанн (Иван) III Васильевич* (1440—1505) — великий князь московский с 1462 г. При нем завершилось образование централизованного единого Русского государства, присоединены многие княжества, Новгородская феодальная республика, свергнуто монголо-татарское иго, оформился официальный титул — великий князь «всея Руси».

7. *Блонды* — особый сорт шелковых кружев с желтоватым отливом.

8. *Кафтан* — верхняя мужская и женская двубортная одежда с глубоким запахом и длинными рукавами. Шился из сукна и домотканины.

9. *Петиметр* — молодой щеголь, франт с претенциозными манерами.

10. *«Живописец»* — еженедельный сатирический журнал, издававшийся в Петербурге Н. И. Новиковым в 1772—1773 гг. В числе сотрудников были И. П. Тургенев и А. Н. Радищев.

11. *«Всякая всячина»* — еженедельный журнал, выходивший в Петербурге в 1769—1770 гг. Издание вел Г. В. Козицкий — секретарь Екатерины II — под негласным руководством императрицы.

12. С 1823 по 1826 г. А. Н. Островский (1823—1886) — «Колумб Замоскворечья» — жил в доме № 9 по ул. М. Ордынке (ныне ул. А. Н. Островского), где открыт мемориальный музей драматурга. Во дворе установлен его бюст (скульптор Г. И. Мотовилов).

13. *Китайка* — старинная, плотная, чаще синяя ткань. Первоначально шелковая, которую ввозили из Китая. Позднее — хлопчатобумажная, производившаяся в России.

14. *Нанка* — сорт грубой хлопчатобумажной ткани, обычно желтого цвета, давно вышедшей из употребления.

15. *Канават* — устарелая шелковая ткань, цветная и узорчатая.

16. *Душегрейка* — часть старинного женского русского костюма в виде теплой кофты без рукавов.

17. *Шушун* — старинная русская крестьянская одежда в виде распашной кофты, короткополой шубки, а также сарафана с воротом и висячими позади рукавами.

18. *Парча* — шелковая ткань, затканная золотыми или серебряными нитями.

19. *Глазет* — род парчи с цветной шелковой основой и с вытканными на ней золотыми и серебряными узорами.

20. *Канитель* — тонкая витая позолоченная или посеребренная проволока, употребляемая в золотошвейном деле.

21. *Кокошник* — старинный женский головной убор с высоким расшитым полукруглым щитком.

22. *Мытный двор* — здание, где в старину собирали пошлины.

23. *Ванька Каин* — знаменитый вор, сыщик, провокатор и грабитель, ставший легендарным героем воровских приключений и удальства. Привезенный в 1731 г. в Москву, он обокрал своего хозяина и обосновался под Каменным мостом, где находился известный воровской притон. Слава удачливого и дерзкого разбойника пришла к Ваньке Каину на Волге, в понизовой вольнице. В 1741 г. он явился с повинной в Москву и стал помогать полиции в поимке воров. Используя свои связи, организовывал облавы, брал крупные взятки и вымогал деньги у раскольников, открыл в Москве

игорный дом. В 1755 г. за мошенничество и мздоимство был бит плетьми и сослан в Сибирь.

24. *Дашкова Екатерина Романовна* (1744—1810) — княгиня, общественная деятельница, вошедшая в историю русской культуры. Участница дворцового переворота 1762 г., который привел на престол Екатерину II. Длительное время жила за границей, встречалась с Вольтером, Дидро. По возвращении стала одновременно директором Академии наук и президентом Российской академии. Автор популярных мемуаров.

25. *Орлов Алексей Григорьевич* (1737—1808) — граф, генерал-аншеф. Участник дворцового переворота 1762 г. Командовал русской эскадрой в Средиземном море. За победы у Наварина и Чесма в 1770 г. получил титул Чесменского.

26. *Старый Каменный мост* (Всехсвятский) — достопримечательность старой Москвы — «седьмое чудо света» — построен в 1687—1692 гг. под руководством «мостового каменного дела мастера» старца Филарета. Соединял Москву-город с Замоскворечьем, где располагались стрелецкие слободы. Имел девять арок, из которых «сухие» служили убежищем для воров и грабителей. Длина моста была около 150 м. На южном конце его находилась башня с двумя шатровыми верхами, увенчанными двуглавыми орлами. На мосту располагались лавки, стояла мытная изба. В 1859 г. на месте Б. Каменного моста поставлен металлический, который, в свою очередь, сменил в 1938 г. современный мост, сохранивший прежнее название.

27. *Троицкий мост* над рекой Неглинной соединял Троицкую башню Кремля с отводной Кутафьей башней. Возведен в 1495—1499 гг. одновременно с кремлевской башней. Принадлежит к типу бессводчатых оборонных сооружений, подражающих деревянным рубленым мостам. Вместо быков и сводов мост имел арочные проемы в фасадных кирпичных стенах для прохода воды. Облик сооружения многократно менялся: первоначально мост имел девять арок, а не пять, как ныне. Соединялся с башнями подъемными мостами. В 1975 г. мост реставрирован.

28. *Пошевни* — широкие сани, обшитые внутри лубом.

29. *Воскресенский* (Курятный) — мост у Воскресенских ворот Китай-города вел из Занеглименья от Тверской улицы на Красную площадь. Построен в 1601—1603 гг., имел длину — 44, а ширину — 10,5 метра. Завершался зубцами, имел арочные пролеты. Снесен во время прокладки коллектора для реки Неглинной в 1817—1819 гг.

30. В 1850 г. купец П. И. Челышев вблизи Китайгородской стены построил гостиницу с банями, на месте которой в начале XX столетия была возведена гостиница «Метрополь».

31. Фонтан со скульптурами работы И. П. Витали сооружен в 1835 г.

32. *Козырки* — маленькие городские санки, одиночные и без полости-покрывала для ног седока.

33. *Кургузые* — короткохвостые.

34. *Цугом* — запряжкой в две или три пары, запряженные гуськом.

35. *Трип* — шерстяной бархат.

36. *Медуза* — одна из трех горгон — в греческой мифологии женщин-чудовищ со змеями вместо волос, взгляд которых превращал все живое в камень. Сын Зевса Персей отрубил Медузе голову и отдал Афине — богине войны, а также мудрости и знаний.

37. *Сатиры* — в греческой мифологии лесные божества, демоны плодородия в свите Диониса — бога виноградарства и виноделия.

38. *Кутас* — шнур с кистями, бахромчатое украшение.

39. *Воспитательный дом* — приют для незаконнорожденных детей и детей бедняков. Его здание — одна из крупнейших гражданских построек второй половины XVIII столетия, возведено в 1764—1770 гг. в стиле классицизма по проекту архитектора К. И. Бланка при участии М. Ф. Казакова. Правый корпус выстроен в 1939—1940 гг. (архитектор И. И. Ловейко). Пилоны ворот Воспитательного дома со скульптурами «Милосердие» и «Воспитание» (скульптор И. П. Витали) выходят на улицу Солянку.

40. *Донской монастырь* — основан в 1591 г. в память освобождения Москвы от набега войск крымского хана Казы-Гирея на месте, где был стан русских воинов. Возведение крепостных стен и башен монастыря завершало создание оборонительного пояса Москвы с южной стороны. Сохранился архитектурный ансамбль XVI—XVIII вв. Древнейшее сооружение — Малый собор 1593 г. После Октябрьской революции монастырь упразднен. Ныне здесь размещается филиал научно-исследовательского музея архитектуры им. А. В. Щусева.

41. М. И. Пыляев не пытается дать более содержательный анализ отношения Екатерины II к Москве, предпочитая описательное повествование. Некритическое отношение автора к использованным источникам наглядно проявляется в цитировании рукописи о коронации императрицы, как и во многих последующих случаях привлечения документальных материалов.

42. *Воскресенские триумфальные ворота* — двухэтажные палаты, увенчанные двумя шатрами. Имели две арки проезда. Возведены в 1680 г. и вначале назывались Куретными, так как вели с Красной площади к Охотному (Курятному) ряду, где велся торг домашней птицей и дичью.

43. В 1753 г. было завершено строительство Кремлевского зимнего дворца по проекту архитектора В. В. Растрелли на месте обветшавших парадных палат (Средней, Золотой, Столовой и Набережной) старого дворца.

44. С XVI в. Ивановская площадь Кремля складывается как административно-политический центр Русского государства. На восточной ее стороне находилась церковь Николая Гостунского, построенная в 1506 г. на месте ханского двора в ознаменование полного освобождения Руси от иноземного ига (разобрана в 1848 г.). С западной стороны площадь ограничивали Архангельский собор, Посольский приказ и колокольня Ивана Великого.

45. *Литавры* — ударный музыкальный инструмент, состоящий из нескольких полушарий, обтянутых кожей.

46. *Миропомазание* — христианский обряд («таинство») освящения ароматическим маслом миро путем смачивания частей тела.

47. *Причащение* — согласно христианскому вероучению — таинство, когда причащающиеся верующие приобщаются к Христу, вкушая во время литургии хлеб и вино, которые якобы превращаются в его тело и кровь.

48. *Благовещенский собор* в Кремле — домовая церковь московских князей и царей. Построена на Соборной площади псковскими мастерами в 1484—1489 гг.

49. *Архиерей* — название высших православных священнослужителей.

50. *Порфира* — пурпурная мантия монарха.

51. *Орден св. Андрея Первозванного* — высший и первый русский орден, учрежденный Петром I в 1698 г. в честь святого, который издавна считался покровителем Русского государства. Первым кавалером ордена был один из сподвижников Петра 1 — генерал-адмирал Ф. А. Головин. Сам Петр I получил орден седьмым. Звезда ордена украшена бриллиантами и крупным жемчугом. По кругу голубой эмали золотом начертан девиз ордена: «За веру и верность».

52. *Архангельский собор* — усыпальница русских князей и царей. Построен в 1505—1508 гг. под руководством архитектора Алевиза Фрязина Нового.

53. *Грановитая палата* — главный парадный приемный зал великокняжеского дворца. Построена в 1487—1491 гг. итальянскими архитекторами Марком Фрязиным и Пьетро Антонио Солари; одно из древнейших гражданских зданий Москвы. Названа по восточному фасаду, отделанному граненым каменным рустом.

54. *Колокольня Ивана Великого* — до XIX столетия самое высокое сооружение Москвы (81 м), композиционный центр кремлевского ансамбля. Построена в 1505—1508 гг. архитектором Боном Фрязиным, надстроена в 1600 г. по указанию Б. Ф. Годунова.

55. *Лобное место* — круглый каменный помост на Красной площади. Построено в 1534 г., перестроено в 1786 г. архитектором М. Ф. Казаковым. Название объясняется расположением на «взлобье» — крутом берегу реки Москвы. Служила трибуной, с которой объявлялись важнейшие указы правительства, обращались к народу цари и патриархи. Близ Лобного места совершались казни.

56. *Роспуски* — длинные телеги без кузова, передок и задок которых соединены продольными брусьями. Служили для перевозки сосудов с водой и клади.

57. *Герольды* — глашатаи, распорядители на торжествах.

58. *Канта* — хвалебная песнь.

59. *Архимандрит* — старший монашествующий сан, настоятель монастыря.

60. *Геликон* — в древнегреческой мифологии священная гора, считавшаяся местом пребывания муз.

61. *Парнас* — горный массив в Греции, в древнегреческой мифологии местопребывание Аполлона, бога — покровителя искусств.

62. Пьеса «О Навуходоноспе, о теле злата и триех отроцех, в печи не сожженных» была написана общественным и церковным деятелем Симеоном Полоцким, преподававшим в школе Заиконоспасского монастыря, инициатором создания Славяно-греко-латинской академии.

63. *Навуходоносор* II — царь Вавилонии в 605—562 гг. до н. э. Разрушил восставший Иерусалим и увел в плен жителей Иудеи. При нем построены Вавилонская башня и висячие сады.

64. *Волков Федор Григорьевич* (1729—1763) — актер и театральный деятель. В 1750 г. организовал в Ярославле любительскую труппу, на основе которой был создан в Петербурге первый постоянный профессиональный русский театр. Играл в трагедиях Сумарокова.

65. *Минерва* — в римской мифологии богиня-воительница, богиня мудрости, почиталась также как покровительница ремесел и искусств. Соответствовала Афине в древнегреческой мифологии.

66. *Портшез* — легкое переносное кресло, вид паланкина.

67. *Херасков Михаил Матвеевич* (1733—1807) — писатель, автор эпической поэмы «Россиада», написанной в стиле классицизма.

68. *Сумароков Александр Петрович* (1717—1777) — писатель, автор популярных трагедий «Хорев», «Синав и Трувор», в которых прославлялась верность гражданскому долгу.

69. *Бахус* — латинская форма имени Вакх — одно из имен бога виноградарства Диониса.

70. *Пан* — в древнегреческой мифологии покровитель пастухов и стад, а позднее всей природы. Изображался в виде человека с козлиными рогами, копытами и бородой. В римской мифологии — Фавн.

71. *Нимфы* — в древнегреческой мифологии женские божества природы, живущие в горах, лесах, морях.

72. *Вакханки* — в античной мифологии спутницы бога виноградарства Вакха.

73. *Силен* — в древнегреческой мифологии — воспитатель и спутник Диониса. Изображался веселым, вечно пьяным лысым стариком с мехом вина.

74. Лицо, купившее право на получение какого-либо государственного дохода или налога.

75. Здесь: *целовальники* — продавцы в казенных винных лавках.

76. *Чумак* — возчик и торговец на Украине, перевозивший на волах соль, рыбу и другие товары.

77. *Нетопырь* — один из видов летучей мыши.

78. *Гарпии* — в древнегреческой мифологии богини вихря, крылатые чудовища — птицы с женскими головами.

79. *Химера* — в древнегреческой мифологии чудовище с головой и шеей льва, туловищем козы и хвостом дракона.

80. *Фимиам* — благовонное вещество, сжигаемое при богослужениях.

81. *Фортуна* — в римской мифологии богиня удачи и счастья. Изображалась с рогом изобилия, веслом в руках и иногда с повязкой на глазах.

82. *Венера* — в римской мифологии богиня весны и садов, впоследствии отождествлялась с Афродитой — греческой богиней любви и красоты.

83. *Купидон* — в римской мифологии божество любви, олицетворение любовной страсти. Изображался в виде шаловливого мальчика.

84. *Юпитер* — в римской мифологии верховный бог, соответствует Зевсу в древнегреческой.

85. См. примеч. 65.

86. *Диана* — в римской мифологии дочь Юпитера и Латоны, почиталась как богиня охоты, владычица зверей. В древнегреческой мифологии — Артемида.

87. *Ландо* — четырехместная карета с открывающимся верхом.

88. *Роброн* — старинное дамское платье с кринолином — широкой юбкой с вшитыми в нее обручами из стальных полос или китового уса.

89. *Роба* — одежда, платье.

90. *Фижмы* — принадлежность женской модной одежды XVIII — начала XIX столетия. Каркас в виде обруча из китового уса, вставлявшийся под юбку у бедер.

91. *Новиков Николай Иванович* (1744—1818) — просветитель, писатель, журналист, издатель, выпускавший сатирические журналы «Трутень», «Живописец», «Кошелек». Выступал против крепостного права. Организатор типографий, школ

и библиотек. В 1792 г. по приказу Екатерины II заключен в Шлиссельбургскую крепость.

92. *Мольер* (настоящее имя и фамилия — Жан Батист Поклен; 1622—1673) — французский комедиограф, актер, реформатор французской сцены. Высмеивал сословные предрассудки дворян, ограниченность буржуа.

93. *Расин Жан* (1639—1699) — французский драматург, представитель классицизма.

94. *Вольтер* (настоящее имя Мари Франсуа Аруэ; 1694—1778) — французский писатель и философ-просветитель, выступавший против религиозной нетерпимости и произвола, в защиту свободы личности. Сыграл значительную роль в идейной подготовке Великой французской революции, развитии общественно-философской мысли.

95. *Крашенинников Степан Петрович* (1711—1755) — путешественник, исследователь Камчатки, академик.

96. *Крашенина* — грубая крашеная ткань домашнего изготовления.

97. *Дмитриев Иван Иванович* (1760—1837) — поэт, представитель сентиментализма.

98. *Плавильщиков Петр Алексеевич* (1760—1812) — актер и драматург. Выступал в трагедиях, бытовой комедии сначала в Петербурге, а затем в московских театрах.

99. *Новодевичий монастырь* — основан в 1524 г. московским великим князем Василием III в честь взятия Смоленска. Архитектурный ансамбль сформировался в XVI—XVIII вв. Древнейшей постройкой является Смоленский собор, возведенный в 1524—1525 гг. Монастырь упразднен после Октябрьской революции. Ныне — филиал Государственного Исторического музея.

100. *Андреевский монастырь* — основан в 1648 г. бояриной Ф. М. Ртищевым. Сохранился архитектурный ансамбль XVII—XVIII вв. В монастыре была учреждена первая школа в Москве — предшественница Славяно-греко-латинской академии. Монастырь был упразднен в 1764 г., в его зданиях открыли богадельню.

101. *Павловская больница* была построена в 1763 г. близ Данилова монастыря. Деревянные корпуса заменены каменными на рубеже XIX столетия. Главное здание построено в 1802—1807 гг. по проекту архитектора М. Ф. Казакова. Северный и южный флигеля возведены в 1829 г. Памятник архитектуры в стиле классицизма.

102. *Бецкий Иван Иванович* (1704—1795) — просветитель, инициатор создания воспитательных домов и обществ, основанных на сословном принципе.

103. *Салтыков Петр Семенович* (1696—1773) — граф, генерал-фельдмаршал. В Семилетней войне одержал победы под Пальцигом и Кунерсдорфом. В 1764—1771 гг. был генерал-губернатором Москвы.

104. *Демидов Прокофий Акинфович* (1710—1786) — представитель богатого рода горнозаводчиков, составившего колоссальное состояние на эксплуатации горных рудников на Урале и вошедшего в состав московской знати. Был близок ко двору. Участвовал в благотворительной деятельности. Ссужал деньгами правительство.

105. *«Московские ведомости»* — старейшая после «СПБ ведомостей» газета в России; до XIX столетия — единственная в Москве. Издавалась с 1756 до 1917 г. С 1863 г., после того как редактором стал М. Н. Катков, умеренно-либеральное направление газеты сменилось крайне реакционным.

106. *Церковь Ризположения* на Донской улице построена в 1701—1708 гг. Для нее характерно сочетание архаичной композиции с элементами нарышкинского барокко.

107. «Санкт-Петербургские ведомости» — первая русская печатная газета, основанная указом Петра I в декабре 1702 г. Первый номер вышел в Москве 2 января 1703 г. В 1748—1765 гг. редакцией газеты заведовал М. В. Ломоносов.

ГЛАВА II

1. *«Живые»* (наплавные) *мосты* — настилы из связанных между собой бревен, которые укладывали на нескольких плотах. При проходе судов плоты разводились.

2. *Стамед* — шерстяная, косонитная ткань.

3. *Поярковая ткань* — сделанная из тонкого войлока, свалянного из шерсти от первой стрижки молодой козы.

4. *Николоугрешский монастырь* был основан за Покровской заставой на берегу Москвы-реки в 1380 г. Дмитрием Донским после победы на Куликовом поле.

5. *Юшков Иван Иванович* (ум. 1781) — главный судья Судного приказа (1753 г.), президент Камер-коллегии (1760 г.), генерал-полицмейстер в Петербурге и московский гражданский губернатор.

6. *Еропкин Петр Дмитриевич* (1724—1805) — сенатор, генерал-аншеф, применил оружие для подавления восстания 1771 г. (Чумной бунт).

7. *Брюс Яков Александрович* (1732—1791) — граф, генерал-аншеф, участник первой русско-турецкой войны, генерал-губернатор обеих столиц и главнокомандующий войсками в Москве.

8. *Ворота Варварской башни* Китайгородской стены, построенной в 1535—1538 гг. под руководством итальянского архитектора Петрока Малого, вели к улице Варварке (ныне ул. Разина), которая и дала свое имя башне. Вместе с примыкавшей крепостной стеной она была разобрана в 1934 г. во время работ по реконструкции центра. При строительстве подземного перехода на площади Ногина в середине 1970-х гг. цоколь Варварской башни был вскрыт. На нем установлена мемориальная доска.

9. *Аналой* — в православных церквах высокая подставка, на которую при богослужении кладут для чтения церковные книги, ставят иконы и крест.

10. *Митрополит* — один из высших санов священнослужителей, глава крупной епархии. Некоторые митрополиты имеют титул архиепископов.

11. *Чудов монастырь* — основан в Кремле в 1365 г. митрополитом Алексеем. Древнейшая постройка — собор Чуда Михаила Архангела, возведенный в 1501—1504 гг. В 1929 г. сооружения упраздненного после Октябрьской революции Чудова монастыря были разобраны.

12. *Алтарь* — восточная часть храма, отделенная иконостасом. *Престол* — возвышение для совершения таинства.

13. *Дом* (№ 38), в котором жил на Остоженке П. Д. Еропкин, построен в 1771 г. с использованием более старых построек. В 1806 г. его купило Купеческое общество и открыло Коммерческое училище. Здесь учился писатель И. А. Гончаров и родился историк С. М. Соловьев, о чем напоминают мемориальные доски. Ныне здание занимает Институт иностранных языков им. Мориса Тореза.

14. *Берейтор* — специалист, объезжающий лошадей.

15. *Андреевская голубого цвета лента* носилась через правое плечо — знак ордена св. Андрея Первозванного (см. примеч. 51 к главе 1).

16. *Орден св. Екатерины* был учрежден Петром I в 1714 г. в память Прутского похода. Единственный орден, которым до Октябрьской революции награждались женщины только дворянского происхождения. Знак ордена — золотой медальон с изображением св. Екатерины в обрамлении бриллиантов. Его носили на розовом муаровом банте с девизом: «За любовь и отечество».

17. Партия в карточной игре.

18. *Орлов Григорий Григорьевич* (1734—1783) — граф, фаворит императрицы Екатерины II. Один из организаторов переворота 1762 г. Генерал-фельдцехмейстер русской армии.

19. Дворец ближайшего соратника Петра I генерал-фельдмаршала Ф. А. Головина находился в Лефортове на левом берегу реки Яузы. На значительной территории был разбит парк с прудами, каналами, беседками, гротами, мостиками, каскадами и другими сооружениями. В 1773 г. на месте Головинского дворца началось строительство дворца для Екатерины II.

20. *Ринальди Антонио* (около 1710—1794) — архитектор. Итальянец. С 1751 г. работал в России.

21. *Майков Василий Иванович* (1728—1778) — поэт, автор поэмы «Игрок ломбера», «Нравоучительных басен» и других произведений.

22. В полном *растании* — здесь: в полном вооружении.

23. *Карабанов П. Ф.* — московский коллекционер и знаток древностей.

24. *Разумовский Кирилл Григорьевич* (1728—1803) — граф, последний гетман Украины, президент Петербургской академии наук в 1746—1798 гг. После упразднения гетманства в 1764 г. — генерал-фельдмаршал.

25. *Орлова-Чесменская Анна Алексеевна* — дочь Алексея Григорьевича Орлова (см. примеч. 25 к главе I), камер-фрейлина, фанатическая поклонница мракобеса архимандрита Фотия. Эпиграмма на нее приписывается А. С. Пушкину.

26. *Карамзин Николай Михайлович* (1766—1826) — историк и писатель, основоположник русского сентиментализма. Автор 12-томной «Истории государства Российского».

27. *Вяземский Петр Андреевич* (1792—1878) — князь, поэт и литературный критик, академик. Входил в литературную группу «Арзамас», был близок с Пушкиным, Дельвигом и Жуковским. В 1855—1858 гг. — товарищ министра народного просвещения. После выхода в отставку жил за границей.

28. *Благородное собрание* — дворянское сословное учреждение типа общественного клуба. Открыто в Москве в 1783 г. по инициативе попечителя Опекунского совета М. Ф. Соймонова и князя А. Б. Голицына. В 1784 г. Благородное собрание приобрело дом бывшего московского генерал-губернатора В. М. Долгорукова на углу Охотного ряда (ныне просп. Маркса) и Б. Дмитровки (ныне Пушкинская ул.), заново перестроенный архитектором М. Ф. Казаковым, создавшим один из лучших интерьеров того времени — Колонный зал. После Октябрьской революции здание передано ВЦСПС и получило название Дома союзов.

29. *Румянцев-Задунайский Петр Александрович* (1725—1796) — граф, генерал-фельдмаршал, проявил себя как полководец в Семилетней и русско-турецкой войнах. Одержал победы при Рябой Могиле, Ларге и Кагуле в 1770 г. Впервые применил новую военную тактику колонн и рассыпного строя. С 1764 г. — президент Малороссийской коллегии.

30. Заставы возникли на пересечении дорог, ведущих к Москве, с Камер-Коллежским валом, построенным в 1742 г. Камер-коллегией, которая ведала государственными доходами. Вал служил таможенной границей города. Ныне — площадь Белорусского вокзала.

31. *Елизавета Петровна* (1709—1762) — российская императрица с 1741 г. Дочь Петра I. Возведена на престол гвардией.

32. *Потемкин Григорий Александрович* (1739—1791) — государственный и военный деятель, генерал-фельдмаршал, организатор дворцового переворота 1762 г., фаворит и ближайший помощник Екатерины II, который имел решающее влияние на все государственные дела. После присоединения Крыма получил титул светлейшего князя Таврического. Главнокомандующий русской армией во время русско-турецкой войны 1787—1791 гг. В 1784 г. назначен президентом Военной коллегии.

33. *Суворов Александр Васильевич* (1730—1800) — граф Рымникский, князь Италийский, выдающийся полководец, генералиссимус (1799 г.). Участник Семилетней и русско-турецких войн, блестяще провел Итальянский и Швейцарский походы, разбив французские войска. Развил и совершенствовал русскую военную стратегию и тактику. Не проиграл ни одного сражения.

34. Дом № 42 по улице Герцена (бывш. Б. Никитская) отмечен мемориальной доской. Церковь Большого Вознесения построена в 1827—1840 гг. по проекту архитектора Ф. М. Шестакова в стиле ампир. (В 1831 г. в ней венчался А. С. Пушкин с Н. Н. Гончаровой.)

35. *Церковь Федора Студита* построена в 1626 г. по распоряжению патриарха Филарета. Бывший здесь Федоровский мужской монастырь упразднен в 1701 г. Историко-архитектурный памятник, связанный с именем А. В. Суворова, реставрируется.

36. *Апостол* — христианская богослужебная книга, содержащая часть Нового завета (деяния и послания апостолов) и Апокалипсис.

37. *Кючук-Кайнарджийский мир* заключен 21 июля 1774 г. в деревне Кючук-Кайнарджа на берегу реки Дуная. Завершил русско-турецкую войну 1768—1774 гг. Османская империя признала независимость Крымского ханства, открытие Черного моря для русского торгового мореплавания, присоединение к России Азова, Керчи и других территорий. На Ходынском поле под руководством архитектора В. И. Баженова был сооружен ансамбль временных павильонов для празднования Кючук-Кайнарджийского мира. Облик павильонов свидетельствовал о смелом обращении зодчего к архитектуре Древнего Рима, средневековья и особенно к древнерусскому зодчеству.

38. *Киево-Печерская лавра* — мужской монастырь, основанный в Киеве в 1051 г. С 1598 г. — лавра, подчинялась непосредственно патриарху, а с 1721 г. — Святейшему синоду.

39. *Бренна Виктор Францевич* (1745—1820) — архитектор и художник-декоратор. Итальянец. В 1783—1802 гг. работал в России, в основном в Петербурге и окрестностях.

40. *Макарьевская ярмарка* открывалась ежегодно с середины XVI столетия по 1816 г. у Макарьева монастыря на левом берегу Волги (ныне поселок городского типа Макарьево Горьковской области). Затем переведена на левый берег

Оки напротив Нижнего Новгорода и официально стала называться Нижегородской.

41. *Пречистенский дворец,* в котором остановилась Екатерина II, приехав в Москву в 1775 г. на торжества по случаю заключения Кючук-Кайнарджийского мира с Оттоманской империей, был воздвигнут чрезвычайно быстро под руководством архитектора М. Ф. Казакова. Грандиозный комплекс состоял из домов генерал-поручика Михаила Михайловича Голицына (1731—1807) — ныне Волхонка, 14, В. С. Долгорукого — Волхонка, 16, и деревянного корпуса, соединенного с ними многочисленными переходами.

42. В этом доме в 1865 г. состоялось открытие частного музея живописи, предметов декоративно-прикладного искусства, собранных князем М. А. Голицыным — русским послом в Испании. Крупное общественное учреждение Москвы просуществовало до 1886 г., когда музейная коллекция и библиотека были куплены Эрмитажем.

43. *Успенский собор* построен в Кремле как главный храм Русского государства в 1475—1479 гг. под руководством итальянского архитектора Аристотеля Фьораванти. В нем венчались на царство цари, короновались императоры. Усыпальница московских митрополитов и патриархов.

44. *Всенощная* — вечерняя церковная служба у православных христиан.

45. *Елей* — оливковое масло, употребляемое в церковном обиходе.

46. *Риза* — металлический оклад на иконе, оставляющий открытыми только лицо и руки образа.

47. *Кавалергарды* — первоначально — почетная стража императоров во время торжеств, привилегированная воинская часть в русской гвардейской тяжелой кавалерии.

48. *Статс-дама* — старшая придворная дама в свите императрицы или великой княгини.

49. *Царское место* (Мономахов трон) было сооружено в 1551 г. по заказу Ивана IV Грозного, первым принявшего царский титул. Изготовлено из дерева и украшено уплощенной вызолоченной резьбой, которая иллюстрирует легенду о византийском происхождении царских регалий.

50. *Грановитая палата* сооружена под руководством итальянских зодчих Марко Фрязина и Пьетро Антонио Солари (см. примеч. 53 к главе I).

51. *Иван IV Грозный* (1530—1584) — великий князь «всея Руси», первый русский царь (с 1547 г.). При нем стали созываться Земские соборы, составлен судебник 1550 г. Провел реформы управления и суда. Покорил Казанское и Астраханское ханства. Для укрепления самодержавия ввел опричнину, вел Ливонскую войну против Ливонского ордена, Швеции, Польши и великого княжества Литовского. Правление Ивана Грозного отличалось массовыми репрессиями и публичными казнями лиц, подозреваемых в измене, усилением закрепощения крестьян.

52. *Поставец* — особого рода шкафчик для показа драгоценной посуды.

53. *Гусары* — вид легкой кавалерии. Носили форму венгерского образца.

54. *Кирасиры* — вид тяжелой кавалерии. Носили каски и кирасы — металлические пластины, выгнутые по форме спины и груди и соединенные пряжками на плечах и по бокам.

55. *Матвеев Андрей Артамонович* (1666—1728) — граф, сын боярина Артамона Матвеева, дипломат, президент Морской академии и Московской навигацкой школы, сенатор и президент Юстиц-коллегии.

56. *Сегюр Луи Филипп* (1753—1830) — французский посол. Пользовался расположением Екатерины II. Автор мемуаров.

ГЛАВА III

1. *Петр II* (1715—1730) — российский император с 1727 г., сын царевича Алексея Петровича. Ближайшим советником и фактическим правителем государства был А. Д. Меншиков, а затем его сменили Долгоруковы.

2. *Бирон Эрнст Иоганн* (1690—1772) — граф, всесильный фаворит императрицы Анны Ивановны, герцог курляндский, поощрявший засилье иностранцев, разграбление богатств страны, установивший режим всеобщей подозрительности, доносов и террора. После дворцового переворота 1740 г. сослан. Возвращен в Петербург Петром III.

3. В 1743 г. в *Або* (Турку) был заключен мир, завершивший русско-шведскую войну 1741—1743 гг.

4. *Румянцев Николай Петрович* (1754—1826) — граф, государственный деятель, коллекционер и меценат. В 1807—1814 гг. — министр иностранных дел, с 1814 г. — в отставке. Собрал богатую коллекцию русской и западноевропейской живописи, этнографических материалов и монет, а также уникальную библиотеку. На их основе в 1862 г. был открыт в доме Пашкова Румянцевский музей (после ликвидации его в 1925 г. фонды были переданы в другие музеи). В Москве Н. П. Румянцев владел домом на Маросейке (ныне ул. Богдана Хмельницкого, 17), который построен по проекту архитектора М. Ф. Казакова.

5. *Пяльцы* — приспособление для вышивания в виде рамы, на которую натягивается и закрепляется ткань.

6. *Киот* — створчатая рама или шкафчик для икон со стеклянной дверцей.

7. *Гримм Фридрих-Мельхиор* (1723—1807) — французский писатель, корреспондент Екатерины II, сообщавший ей парижские новости.

8. *Янус* — в римской мифологии божество дверей, входа и выхода, затем всякого начала. Изображался с двумя лицами: одно обращено в прошлое, другое — в будущее.

9. *Баженов Василий Иванович* (1737—1799) — архитектор, один из основоположников русского классицизма. Учился в Петербургской академии художеств, продолжал образование за границей. Академик (с 1765 г.), вице-президент этой академии с 1799 г., член Болонской и Флорентийской академий, профессор Римской. Автор проекта Кремлевского дворца с реконструкцией Кремля, архитектурного ансамбля в Царицыне, дома Пашкова и других памятников.

10. *Кинбурнская коса* — низменная песчаная коса между Днепровским и Ягорлыцким лиманами Черного моря (Херсонская обл.).

11. *На Воробьевых* (Ленинских) горах в XVI—XVIII столетиях находился загородный дворец московских царей.

12. *Минарет* — башня, с которой муэдзин — служитель мечети призывает мусульман на молитву. Обычно включается в архитектурную композицию культового сооружения.

13. *Балансер* — акробат, танцующий на канате.

14. *Кадриль* — танец из шести фигур, с чет-

ным количеством танцующих пар, располагающихся одна против другой.

15. *Гайдуки* — участники вооруженной борьбы южнославянских народов против турецких завоевателей в XV—XIX вв.

16. *Пернач* — булава, головка которой сделана в виде перьев стрелы, символ власти.

17. *Абдул-Гамид I* (1725—1789) — султан Османской империи с 1774 г. Его подарки хранятся в Оружейной палате.

18. *Марабу* — род птиц семейства аистов.

19. *Волконский Михаил Никитович* (1713—1789) — князь, генерал-аншеф, московский главнокомандующий.

20. Церковь *Евпла Архидьякона* — двухъярусная, построена в 1750 г. на Мясницкой (ныне ул. Кирова., не сохр.). По конторе Ассигнационного банка переулок, отходящий от улицы Кирова, называется Банковским (до XIX в. — Шуваловский).

21. *Грош* — в XVIII столетии медная двухкопеечная монета. С XIX в. — полукопеечная.

22. *Канкрин Евгений Францевич* (1774—1845) — граф, российский государственный деятель. Министр финансов в 1823—1844 гг. Провел финансовую реформу, ввел в обращение серебряный рубль и установил обязательный курс ассигнаций.

23. *Павел I* (1754—1801) — российский император с 1796 г., сын Петра III и Екатерины II. Убит заговорщиками.

24. *Александр I* (1777—1825) — российский император с 1801 г. Старший сын Павла I. В начале царствования проводил умеренно-либеральные реформы. Вел успешные войны с Турцией и Швецией. После Отечественной войны 1812 г. возглавил антифранцузскую коалицию европейских держав. Один из руководителей Венского конгресса и организаторов реакционного Священного союза.

25. *Наполеон I* (Наполеон Бонапарт, 1769—1821) — французский император.

26. *Данилевский Григорий Петрович* (1829—1890) — писатель. Автор книги «Сожженная Москва».

27. *Бертье Луи Александр* (1753—1815) — маршал Франции, князь Невшательский и Ваграмский. Участник революционных и наполеоновских войн, военный министр (1799—1814) и начальник штаба Наполеона.

28. *Преображенское кладбище* — в северо-восточной части Москвы. Основано в 1771 г. во время эпидемии чумы. Второй после Рогожского кладбища центр старообрядчества в Москве.

29. *Петр III* (Федорович, 1728—1762) — российский император с 1761 г., сын герцога гольштейн-готторпского Карла Фридриха и Анны Петровны, внук Петра I. Свергнут в результате дворцового переворота, который привел к власти его жену Екатерину II. Убит гвардейцами в Ропше.

30. *Пугачев Емельян Иванович* (около 1742—1775) — донской казак, предводитель Крестьянской войны 1773—1775 гг. Поднял восстание яицких казаков, приняв имя Петра III. Выдан властям богатыми казаками. Казнен в Москве.

31. Новый *Красный монетный двор* был основан в конце XVII столетия. Для него в 1697 г. возле Воскресенских ворот построено двухэтажное здание, в нижнем этаже которого (без окон) хранились деньги. Верхний этаж декорирован ордерными колонками, пышными наличниками и многоцветным мозаичным фризом. Историко-архитектурный памятник расположен во дворе дома № $^{5}/_{1}$ по Историческому проезду.

32. *Шешковский Степан Иванович* (1727—1794) — обер-секретарь при Тайной экспедиции Сената, которого называли «великим инквизитором России». Отличался жестокостью. Применял пытки.

33. *Вяземский Александр Алексеевич* (1727—1793) — князь, государственный деятель, доверенное лицо Екатерины II, с 1764 г. — генерал-прокурор Сената.

34. *Сентенция* — приговор военного суда в России с 1720 по 1917 г.

35. *Перфильев Афанасий Петрович* (1731—1775) — сподвижник Пугачева, яицкий казак, один из руководителей восстания казаков на реке Яик, участник Крестьянской войны, командир полка яицких казаков и войсковой судья.

36. *Архаров Николай Петрович* (1740—1814) — московский обер-полицмейстер. Выдвинулся в 1771 г., будучи помощником графа Г. Орлова по подавлению Чумного бунта. Архаров вел следствие над участниками Крестьянской войны и был распорядителем при казни Пугачева. В 1782 г. назначен московским губернатором.

37. *Экзекутор-исполнитель* — в данном случае — руководитель казни.

38. В целях укрепления государственного аппарата на местах и усиления власти дворянства после подавления Крестьянской войны в 1775 г. была проведена губернская реформа. Россия была разделена на 50 губерний, во главе которых стоял губернатор. Права губернских учреждений расширялись, в них укрепились позиции дворян.

39. *Остзейские провинции* — Прибалтийский край, название Курляндии, Лифляндии и Эстляндии.

40. *Феникс* — в древней мифологии сказочная птица, сжигавшая себя в старости и возрождавшаяся из пепла. Символ вечного обновления.

41. В письме Гримму Екатерина II описывала свой Пречистенский дворец.

42. Имеется в виду соседство с конюшнями Колымажного двора.

ГЛАВА IV

1. Каменные *Красные ворота* построены в 1757 г. в стиле барокко по проекту архитектора Д. В. Ухтомского на месте деревянных триумфальных ворот, возведенных в честь императрицы Елизаветы Петровны в связи с ее коронацией. До этого здесь стояли деревянные триумфальные ворота в память Полтавской победы. Ценный историко-архитектурный памятник разобран в 1927 г. в связи с реконструкцией площади.

2. *Петровский дворец* — путевой царский дворец, построенный по проекту архитектора М. Ф. Казакова в 1776—1796 гг. на месте небольшого поселения Петровского, которым владел Высокопетровский монастырь. Не порывая с древнерусскими традициями, зодчий утверждал национальный вариант классицизма в сочетании с элементами готики, получивший название национально-романтического стиля. Ныне дворец занимает Военно-воздушная инженерная академия им. Н. Е. Жуковского.

3. *Башилов Александр Андреевич* (1777—1847) — сенатор, начальник Кремлевской экспедиции, ведавшей строительством в Кремле, руководил работами по созданию и благоустройству Петровского парка. Его имя сохранилось в уко-

ренившемся старомосковском названии улиц (Башиловская, Новая Башиловка).

4. *Голицынская больница* открыта в 1802 г. Здание построено на Б. Калужской улице (ныне Ленинский просп., д. 10) на средства князя Д. М. Голицына. Одна из лучших построек классицизма в Москве (архитектор М. Ф. Казаков). Парадная торжественность крупного общественного сооружения сочетается в ней с чертами лирически-камерного усадебного ансамбля. Ныне — Городская клиническая больница № 1 им. Н. И. Пирогова.

5. *Зачатьевский женский монастырь* основан в XVI в. на территории Белого города между Остоженкой и берегом Москвы-реки. В 1930-е гг. монастырские постройки частично разобраны. Сохранилась надвратная церковь Спаса (конец XVII в.) и часть стен.

6. *Здание присутственных мест* (бывш. Сената) в Кремле построено в 1776—1787 гг. по проекту архитектора М. Ф. Казакова в стиле классицизма. Ныне здание Совета Министров СССР.

7. Царская корона венчала невысокую круглую колонну с надписью: «Закон». Широкое распространение в XIX столетии получила эпиграмма:

В России нет з а к о н а , —
А столб, и на столбе корона.

8. Имеется в виду «Грамота на право вольности и преимущества благородного российского дворянства», данная Екатериной II в 1785 г. По этой жалованной грамоте дворянство получало право на владение крестьянами, землями и их недрами, на торговлю, освобождалось от налогов и телесных наказаний.

9. *Действительный статский советник* — в России до Октябрьской революции чин 4-го класса, дававший потомственное дворянство.

10. См. примеч. *55* к главе I.

11. *Сретенский мужской монастырь* основан в 1397 г. великим князем Василием I на месте встречи (стречи) москвичами иконы Владимирской богоматери, ныне хранящейся в Третьяковской галерее. Сохранились собор XVII в. и палаты.

12. Казни совершались не на Лобном месте, а рядом с ним. (Исключение — казнь раскольника Никиты Пустосвята 11 июля 1682 г.)

13. *Константино-Еленинская проездная башня* Кремля построена в 1490 г. Пьетро Антонио Солари. Имела отводную стрельницу и подъемный мост. В XVII столетии проезд закрыли, а в стрельнице устроили застенок, где производились пытки.

14. *Шуйский Василий Иванович* (1552—1612) — царь в 1606—1610 гг. Возглавил восстание против Лжедмитрия I и 17 мая 1606 г. был провозглашен царем. Руководил подавлением восстания Болотникова. Умер в плену в Польше.

15. *Лжедмитрий I* (?—1606) — русский царь с 1605 г. Самозванец (предположительно Г. Отрепьев). В 1601 г. объявился в Польше под именем спасшегося сына Ивана Грозного — Дмитрия. В 1604 г. с польско-литовскими войсками и наемниками перешел границу. При поддержке части горожан, казаков и крестьян достиг Москвы, где был провозглашен царем. Убит боярами-заговорщиками.

16. *Вербное воскресенье* — воскресенье за неделю до пасхи. Наем попов происходил на мосту у Спасской башни, а не на Лобном месте.

17. *Покровский* (Василия Блаженного) *собор* возведен на Красной площади в 1555—1561 гг. зодчими Бармой и Постником в память сокрушения Казанского ханства. На протяжении веков не имел себе равного по величине, художественному совершенству и техническому мастерству. Ныне филиал Государственного Исторического музея.

18. *Салтыкова Дарья Николаевна* (1730—1801) — «Салтычиха» — помещица, зверски расправлявшаяся со своими крепостными. В 1768 г. заключена в монастырскую тюрьму.

19. *Ивановский монастырь* основан в XVI в. на территории Белого города в местности Кулишки. Использовался как женская тюрьма. В 1860—1870-е гг. сооружения монастыря перестроены по проекту архитектора М. Д. Быковского. После Октябрьской революции упразднен.

20. *Церковь Петра и Павла* возведена на Новой Басманной по рисунку Петра I в 1705—1728 гг. в стиле барокко.

21. *Церковь Параскевы Пятницы* — двухъярусная, построена в 1744 г. в стиле барокко, не сохранилась.

22. *Церковь Николая Явленного* построена на Арбате в 1689 г., перестроена в середине XIX в. Разобрана в конце 1920-х гг.

23. *Тайная канцелярия,* а затем и Тайная экспедиция находились на месте, где в конце XVII в. было подворье рязанского архиерея — в самом начале нечетной стороны Мясницкой (ныне ул. Кирова).

24. *Лопухина Наталья Федоровна* (ум. 1763) — жена генерал-поручика С В. Лопухина — двоюродного брата царицы Евдокии Лопухиной, первой жены Петра I. Статс-дама при дворе императрицы Елизаветы Петровны, соперничала с ней красотой. Героиня нашумевшего судебного процесса: вместе с мужем и сыном была привлечена к суду по обвинению в порицании частной жизни императрицы и желании возвратить к власти брауншвейгскую фамилию. После пыток приговорена к смертной казни — вырезанию языка и четвертованию. Елизавета заменила колесование наказанием кнутом с вырезанием языка и ссылкой в Сибирь. Петр III возвратил ее из ссылки, а Екатерина II дозволила жить в Москве.

25. *Епанча* — женская короткая шубка-накидка.

26. *Коза* или *козел* — скамья, на которой производилась экзекуция.

27. *Лазаревский институт восточных языков* — основан в 1815 г., содержался на средства богатой армянской семьи Лазаревых — предпринимателей и меценатов. Главный дом построен архитекторами И. М. Подъячевым, Т. Г. Простаковым (ныне занимает Постоянное представительство Совета Министров Армянской ССР).

28. *Сухарева башня* — построена в 1692—1695 гг. по инициативе Петра I близ стрелецкой слободы полка Л. П. Сухарева (архитектор М. И. Чоглоков). Служила Сретенскими воротами укреплений Земляного города. Над трехъярусным объемом с белокаменным декором поднималась ярусная башня с часами, увенчанная орлом. В палатах размещалась Школа математических и навигацких наук, в верхнем ярусе — астрономическая обсерватория, в которой вел наблюдения Я. В. Брюс.

29. *Сопиков Василий Степанович* (1765—1818) — один из основоположников русской библиографии. Автор труда «Опыт российской библиографии».

30. Дом *Н. И. Новикова* на Лубянской (ныне Дзержинского) площади, где размещалась его типография, был снесен в 1806 г. На этом месте

камер-юнкер Шипов построил огромное здание, получившее название «Шипов дом» (не сохранился).

31. Основным зданием *Спасских казарм* на Садовой-Спасской улице (конец XVIII в.) стал большой дом графа И. С. Гендрикова, возведенный в середине этого столетия. В нем жил Н. И. Новиков, собиралась «Типографическая компания», которая издавала книги различного содержания. Сюда же была переведена типография Новикова с Лубянки.

32. *Долгоруков-Крымский Василий Михайлович* (1722—1782) — князь, генерал-аншеф, московский главнокомандующий.

33. *Чернышев Захар Григорьевич* (1722—1784) — граф, генерал-фельдмаршал. В 1760 г. командовал отрядом при взятии Берлина. Президент Военной коллегии. В 1782—1784 гг. был генерал-губернатором Москвы.

34. *Панин Петр Иванович* (1721—1789) — граф, генерал-аншеф, участник Семилетней и русско-турецкой войн. Командовал карательными войсками, направленными против армий Пугачева.

35. *Прозоровский Александр Александрович* (1732—1809) — князь, генерал-фельдмаршал, главнокомандующий Москвы. В 1792 г. арестовал и допрашивал Н. И. Новикова, осуществлял предписание Екатерины II о конфискации «развратных» книг о французской революции.

36. *Болотов Андрей Тимофеевич* (1738—1833) — писатель и естествоиспытатель, один из основоположников отечественной агрономической науки. Автор популярных мемуаров «Жизнь и приключения Андрея Болотова».

37. *Магистрат* — сословный орган городского управления в Российской империи с 1720 по 1864 г. С 1775 г. имел преимущественно судебные функции.

38. *Университетский пансион* — закрытое среднее учебное заведение для детей дворян. Давало право на поступление в университет. Курс обучения был рассчитан на шесть лет. Здание пансиона располагалось на углу Тверской (ныне ул. Горького) и Газетного переулка (ныне ул. Огарева).

39. *Адепт* — последователь, приверженец, в данном случае идей Н. И. Новикова.

40. *Тропинин Василий Андреевич* (1776—1857) — живописец. Портрет А. С. Пушкина был им написан в 1827 г.

41. По преданию, царь Израильско-Иудейского царства Соломон был автором некоторых книг Библии.

42. *Клио* — в древнегреческой мифологии одна из девяти муз — покровительница истории.

43. *Шварц Иван Егорович* (1751—1784) — профессор Московского университета, просветитель и масон, основатель ордена розенкрейцеров в России. Друг Н. И. Новикова. Уроженец Трансильвании.

44. «Союз иностранцев» (*франц.*).

45. *Лопухин Иван Владимирович* (1756—1816) — статский советник, полковник, председатель уголовной палаты, видный масон, входивший в директорию розенкрейцеров, один из энергичных и убежденных сторонников этого учения. Автор ряда трудов и переводов («Нравоучительный катехизис истинных франк-масонов», «Духовный рыцарь» и др.).

46. *Гамалея Семен Иванович* (1743—1822) — мистик, служил в Сенате и канцелярии московского генерал-губернатора. Был членом новиковского кружка. Переводил с нескольких языков.

47. *Ключарев Федор Петрович* (1754—1820-е гг.) — писатель, драматург и поэт. Воспитывался и служил при московском главнокомандующем З. Г. Чернышеве. Входил в общество масонов. С 1799 г. — почт-директор, в 1812 г. — сенатор.

48. *Озирис* (Осирис) — в древнеегипетской мифологии бог умирающей и воскресающей природы, брат и супруг Исиды, олицетворяющей супружескую верность и материнство, богини плодородия.

49. *Тамплиеры* — члены католического духовно-рыцарского ордена, который был основан в Иерусалиме в 1118 г. В 1312 г. папа Климент V упразднил орден.

50. *Апис* — в древнеегипетской мифологии священный бык — земное воплощение бога Пта — покровителя искусств и ремесел.

51. *Калиостро Александр* (настоящее имя Иосиф Бальзамо, 1743—1795) — авантюрист.

52. *Сфинкс* — в древнегреческой мифологии крылатая полуженщина-полульвица, обитавшая на скале близ Фив; задавала прохожим неразрешимую загадку и затем, не получив ответа, пожирала их. После того как Эдип разгадал загадку, бросилась со скалы. В Древнем Египте — статуя фантастического существа с телом льва и головой человека.

53. *Моисей* — в библейской мифологии вождь израильских племен, который был призван богом Яхве вывести израильтян из фараоновского рабства через расступившиеся воды Красного моря.

54. *Безбородко Александр Андреевич* (1747—1799) — государственный деятель и дипломат, светлейший князь. С 1775 г. — секретарь Екатерины II, с 1797 г. — канцлер.

55. *Манна* — по библейской легенде, пища, которая падала евреям с неба во время их странствования по пустыне.

56. *Пушкин Василий Львович* (1770—1830) — поэт.

57. В 1742 г. московский почтамт разместился в доме на Мясницкой (ул. Кирова, 40), который ранее принадлежал новгородскому епископу Феофану Прокоповичу — государственному и церковному деятелю, сподвижнику Петра I.

58. *Мартынов Алексей Александрович* (1818—1903) — историк и архитектор. Автор книг о Москве («Москва. Подробное историческое и археологическое описание города», совместно с И. М. Снегиревым, «Названия московских улиц и переулков с историческими объяснениями»).

ГЛАВА V

1. *Кобенцел Иоганн Людвиг* (1753—1809) — австрийский политический деятель — канцлер и министр иностранных дел. В 1779—1801 гг. — посол Австрии в России. Заключил союз с Россией и Англией против Франции.

2. *Линь де Шарль-Иосиф* (1735—1814) — принц из старинной бельгийской фамилии. Служил во Франции, Австрии, Пруссии. В 1782 г. отправлен с поручением к Екатерине II. Заслужил ее благосклонность. Находился в свите во время ее путешествия по России. В 1788 г. отправлен в армию к Г. Потемкину. Автор популярных писем и сочинений.

3. *Дмитриев-Мамонов Александр Матвеевич* (1758—1803) — граф, с 1784 г. — адъютант Г. А. Потемкина, в 1786—1789 гг. — фаворит Екатерины II, генерал-лейтенант.

4. *Коломенское* — местность в южной части Москвы (в XVIII в. за границей города) на правом, высоком берегу Москвы-реки. Древнее село, впервые упоминаемое в 1339 г. в завещании Ивана Калиты, в XV—XVII вв. великокняжеская, а затем царская усадьба. На месте деревянного дворца — «восьмого чуда света» царя Алексея Михайловича неподалеку от знаменитой шатровой церкви Вознесения (1532 г.) в XVIII в. был построен царский дворец, в котором и жила Екатерина II (разобран солдатами Наполеона в 1812 г.). Ныне в Коломенском музей-заповедник.

5. *Церковь Вознесения* — одна из первых и самая известная из каменных шатровых церквей России. Возведена в 1532 г. в память о рождении у московского великого князя Василия III долгожданного наследника — будущего царя Ивана IV Грозного.

6. *Юсупов Николай Борисович* (1750—1831) — князь, министр департамента уделов, член Государственного совета, директор императорских театров и Эрмитажа, владелец усадьбы Архангельское, известный меценат.

7. Уникальная модель дворца Алексея Михайловича, сделанная по точным обмерам перед его разборкой по приказу Екатерины II талантливым резчиком Смирновым, экспонируется в музее-заповеднике «Коломенское».

8. *Екатерина I Алексеевна* (Марта Скавронская, 1684—1727) — российская императрица, вторая жена Петра I. Возведена на престол гвардией. Фактическим правителем государства при ней был А. Д. Меншиков.

9. *Лагарп Жан Франсуа* (1739—1803) — французский драматург и писатель.

10. *Немецкая слобода* основана в середине XVI в. на правом берегу руки Яузы, заселена пленными из Ливонии, выходцами из Западной Европы. После разорения войсками Лжедмитрия II возродилась на берегу Яузы выше устья реки Чечеры. Была заселена иностранными офицерами, служившими в русской армии, среди которых было много сподвижников Петра I.

11. *Глинка Сергей Николаевич* (1775—1847) — драматург, писатель и переводчик. Издатель журнала «Русский вестник». Автор «Записок о Москве». Пыляев имеет в виду выпущенный С. Глинкой иллюстрированный «Путеводитель в Москве... сообразно французскому подлиннику г. Лекоента де Лаво, с некоторыми пересочиненными и дополненными статьями».

12. *Лефорт Франц Яковлевич* (1655—1699) — швейцарец, командир солдатского полка, расквартированного за Яузой против Немецкой слободы. Сподвижник Петра I, адмирал. Во время азовских походов командовал флотом. Владелец дворца, построенного для него Петром I в Немецкой слободе в 1697—1699 гг. (архитектор Д. В. Аксамитов). Ныне здесь Центральный военно-исторический архив.

13. *Анненгофская роща* — находилась в юго-восточной части Лефортова, между современными Красноказарменной, Авиамоторной улицами и Краснокурсантским проездом. Получила название от дворца «Летний Анненгоф», построенного архитектором В. В. Растрелли в 1731 г. (не сохранился). В 1904 г. роща была уничтожена сильным ураганом.

14. *Растрелли Варфоломей Варфоломеевич* (1700—1771) — архитектор, представитель стиля барокко. Проектировал архитектурный ансамбль Смольного монастыря, Зимний дворец в Петербурге, Большой дворец в Петергофе, Екатерининский дворец в Царском Селе.

15. *Гейден Петр* (даты рождения и смерти неизвестны) — архитектор. В 1741 г. принимал участие в строительстве Московского монетного двора (здание губернского правления), Анненгофского дворца и сада, так называемого Шефского домика в Хамовниках и Лефортовского дворца (перестройка).

16. *Штамб* — часть ствола плодового дерева от корневой шейки до первой скелетной ветви кроны. Штамбовые липы — имеющие длинный штамб — без боковых побегов.

17. *Шпалерные липы* — выращенные с помощью шпалеры — плоской опоры, при которой побеги растений располагаются обычно в одной плоскости. Сажаются обычно по сторонам дороги и аллеи.

18. *Ильм* — большое лиственное дерево с ценной древесиной, распространенное в Западной Европе.

19. *Самсон* — в библейской мифологии богатырь, обладавший сверхъестественной силой, которая заключалась в его волосах. Филистимлянка Далила — возлюбленная Самсона, когда он уснул, остригла волосы и позвала филистимлянских воинов, которые ослепили Самсона и заковали в цепи. Волосы в заключении отросли, и он разрушил храм, под развалинами которого погибли филистимляне и сам Самсон.

20. *Троице-Голенищево* — местность на правом берегу реки Сетуни, село, известное с XVI в. как вотчина московских митрополитов и патриархов (до XVIII в.). С конца 1940-х гг. — в черте Москвы. Район массовой жилой застройки. Софрино — старинное село (Люберецкого района), в XVII в. принадлежавшее царевне Софье. Братовщина — старинное село на Ярославской дороге, где стоял царский путевой дворец. В нем цари и царицы останавливались во время поездок на богомолье в Троице-Сергиеву лавру.

21. *Измайлово* — местность на востоке Москвы между шоссе Щелковским и Энтузиастов. Известна с XIV столетия как вотчина Измайловых, а с середины XVI в. бояр Романовых. Во второй половине XVII в. воздвигнут архитектурный ансамбль усадьбы царя Алексея Михайловича. Сохранились Покровский собор, Мостовая башня (1671—1672). В конце XVII — начале XVIII в. построены плотины, водопровод, заводы, парники, ботанический сад. На измайловских прудах Петр I совершил первое плавание на ботике — «дедушке русского флота». Здесь же устраивались «потешные игры» Семеновского и Преображенского полков. Ныне Измайлово — заповедный лесопарк в черте города.

22. *Валуев Петр Степанович* (1743—1814) — начальник Кремлевской экспедиции, ведавшей строительством в Кремле.

23. Дворец назывался *Головинским,* так как располагался на территории бывшего владения адмирала Ф. А. Головина — сподвижника Петра I, одного из создателей русского флота, дипломата.

24. *Екатерининский дворец* построен в 1773—1796 гг. по проекту архитекторов А. Ринальди, П. Макулова, К. Бланка, Дж. Кваренги в стиле классицизма. Его отличают хорошо найденные пропорции и торжественно-строгая колоннада из 16 коринфских колонн — самая протяженная в Москве до нашего времени. Ныне здание занимает Военная академия бронетанковых войск.

25. *Сокольники* — местность в северо-восточ-

ной части Москвы. До XVII в. — лесной массив, служивший местом соколиной царской охоты. К концу этого столетия часть лесов была вырублена и возникло Сокольничье поле — место загородных гуляний.

26. *Фили* — местность на западе Москвы на правом берегу Москвы-реки. Известна как деревня с XVI в. Принадлежала Милославским, а с конца XVII столетия — Нарышкиным, у которых бывал Петр I. В 1693—1694 гг. в Филях построена церковь Покрова — одно из самых нарядных сооружений Москвы в стиле нарышкинского барокко.

27. *Кукуй* — ручей, левый приток речки Чечеры, длиною около километра. Начинался в районе Нижней Красносельской улицы, пересекал Елоховский проезд, Аптекарский переулок и впадал в Чечеру в районе Доброслободской улицы. С застройкой территории русло ручья засыпано.

28. *Преображенское* — местность на северо-востоке Москвы, на левом берегу реки Яузы. Название от села, известного с XVI в. Здесь находился загородный царский дворец, в котором была «Комедийная храмина» — один из первых придворных театров. Здесь прошло детство Петра I. Возле «потешной крепости» Прешбург проходили маневры солдат «потешных» Семеновского и Преображенского полков. Позже здесь помещалась «потешная» (солдатская) слобода и Преображенский приказ, где велись допросы с применением пыток. На правом берегу Яузы было построено здание парусной фабрики, на которой работали матросы. Здесь же впервые спущен на воду ботик Петра I.

29. *Жихарев Степан Петрович* (1787—1860) — тамбовский дворянин, впоследствии обер-прокурор Сената. Принимал участие в петербургском литературном обществе «Беседа любителей русского слова», а затем в литературном кружке «Арзамас». «Записки современника» С. П. Жихарева, ярко рисующие русскую жизнь в самом начале XIX столетия, содержат богатейший материал о быте и нравах москвичей.

30. *Чесменский Александр Алексеевич* (ум. 1820) — генерал; *Новосильцев Александр Васильевич* (1766—1840) — майор; *Новосильцев Иван Николаевич* (1770—1841) — директор Липецких вод; *Полторацкий Дмитрий Маркович* (1761—1818) — помещик.

31. *Ростопчин Федор Васильевич* (1763—1826) — государственный деятель, граф. В 1812—1814 гг. — главнокомандующий Москвы. Автор мемуаров об Отечественной войне 1812 г.

32. *Забелин Иван Егорович* (1820—1908) — историк и археолог, почетный академик. Председатель Общества истории и древностей российских при Московском университете, один из организаторов и руководителей Исторического музея. Автор книг о Москве: «Домашний быт русского народа в XVI—XVII вв.», «Древности Москвы и их исследования», «Материалы для истории, археологии и статистики г. Москвы», «История города Москвы».

33. *Сбитень* — горячий напиток из подожженного меда с пряностями.

34. *Буза* — легкий хмельной напиток из проса, гречихи, ячменя.

35. На пасхе *«под Новинским»,* то есть на Новинском бульваре (ныне ул. Чайковского), устраивались традиционные гулянья, возникала, по выражению поэта Баратынского, «столица легкая безделья». В начале 1860-х гг. народные гулянья из-под Новинского перенесли на Девичье поле, неподалеку от Новодевичьего монастыря.

36. *Шпрингеры* — прыгуны; *балансер* — акробат, танцующий на канате, канатоходец; *позитурные мастера* — гимнасты; *кунстмейстеры* — здесь: фокусники; *эквилибрист* — цирковой гимнаст.

37. *Тайнинские ворота* располагались в одноименной башне Кремля, построенной в 1485 г., — первой на южной стороне. Название получила по тайнику-колодцу, который в ней находился. В 1770 г. башню разобрали в связи с закладкой Кремлевского дворца, который проектировал В. И. Баженов. После прекращения его строительства в 1771—1773 гг. башню восстановили.

38. *Кисловка* — местность на территории Белого города, названная по дворцовой Кисловской слободе, где приготовлялись различные соленья для царского двора. Сохранились названия Нижнего и Среднего Кисловских переулков (Большой и Малый переименованы, соответственно в ул. Семашко и Собиновский пер.).

39. *Никитский женский монастырь,* давший старое название улице Герцена — Большая Никитская, основан в 1582 г. боярином Никитой Романовичем Юрьевым — отцом патриарха Филарета. После Октября монастырь упразднен, а постройки разобраны (ныне на его месте сквер и подстанция метро).

40. *Цицерон Марк Туллий* (106—43 до н. э.) — римский политический деятель, оратор и писатель.

41. По библейской легенде, молодая вдова Юдифь явилась к вражескому полководцу ассирийцу Олоферну, воины которого осаждали крепость, где укрылись ее соплеменники. После пира, оставшись наедине с Олоферном, Юдифь отрубила уснувшему полководцу голову. Гибель полководца привела к поражению ассирийцев.

42. *Скоморох* — в старину странствующий актер.

43. *Торбан* — струнный щипковый музыкальный инструмент, вышедший из употребления во второй половине XIX столетия.

44. *Сырная неделя* — масленица (устаревшее выражение).

45. *Ништадтский мир* был заключен 30 августа 1721 г. в городе Ништадте (Финляндия) между Россией и Швецией. Завершил Северную войну. Швеция признала присоединение к России Лифляндии, Эстляндии, Ингерманландии, части Карелии. Россия обязалась уплатить денежную компенсацию и возвратить Финляндию.

46. *Село Всесвятское* известно с конца XV столетия. Через два столетия принадлежало грузинскому царевичу Александру Арчиловичу. Современное название возникло по церкви Всех Святых, построенной в 1683 г. (до этого село Святые отцы). Ныне Всесвятским называют местность на северо-западе Москвы в районе развилки Ленинградского и Волоколамского шоссе.

47. *Олег* (?—912) — первый исторически достоверный князь Киевской Руси. Правил с 879 г. в Новгороде, а с 882 г. — в Киеве. В 907 г. совершил поход в Византию.

48. *Арлекин* — традиционный персонаж итальянской «комедии масок», слуга-шут в костюме из разноцветных лоскутов и в черной полумаске.

49. *Зотов Никита Моисеевич* (ок. 1644—1718) — думный дьяк, учитель Петра I. Глава Ближней канцелярии, Печатного приказа. Участник развлечений молодого царя, «всешутейший патриарх».

50. *Нептун* — в римской мифологии бог источников и рек, а позднее бог морей.

51. *Ромодановский Федор Юрьевич* (ок. 1640—1717) — князь, государственный деятель, сподвижник Петра I, фактический правитель страны в его отсутствие. Возглавлял Преображенский приказ.

52. *Эзоп* (VI в. до н. э.) — древнегреческий баснописец, считавшийся создателем басни. По легенде, народный мудрец был рабом, затем вольноотпущенником, жившим при дворе лидийского царя Креза. Сброшен в пропасть в Дельфах.

ГЛАВА VI

1. Первый публичный театр — *«Комедийная храмина»* был сооружен на Красной площади по приказу Петра I возле Никольской башни Кремля в 1702—1703 гг. Это было большое здание, вмещавшее около 500 человек.

2. *Гривна* — здесь: 10 копеек, алтын — мелкая монета достоинством в 3 копейки.

3. *Деньга* — медная монета достоинством в полкопейки.

4. *Богоявленский монастырь, мужской* — один из древнейших в Москве. Основан в конце XIII в. московским князем Даниилом Александровичем. В конце XVII в. в нем находилась школа братьев Лихудов, преобразованная после перевода в Заиконоспасский монастырь в Славяно-греко-латинскую академию. Сохранился Благовещенский собор, построенный в конце XVII в., в стиле нарышкинского барокко, — здания келий. После Октябрьской революции упразднен.

5. *Заиконоспасский монастырь,* мужской — основан царем Борисом Годуновым в 1600 г. Один из центров просвещения в России: с 1687 по 1814 г. здесь размещалась первая высшая школа в России — Славяно-греко-латинская академия. Сохранился Спасский собор, построенный в 1660—1661 гг. (перестроен в XVIII в., архитекторы И. П. Зарудный и И. Ф. Мичурин), палаты. После Октябрьской революции монастырь упразднен.

6. *Эсфирь* — в библейской мифологии жена персидского царя Артаксеркса. Лицо вымышленное. Агасфер (вечный жид) — в древних сказаниях еврей-скиталец, осужденный богом на вечную жизнь и скитания за то, что не дал отдохнуть Христу по пути на Голгофу — к месту казни.

7. *Кунст* (*Куништ Иоганн* (?—1703) — антрепренер и актер странствующей «англо-немецкой» труппы, ученик Фельтона.

8. *Крепость Орешек* основана новгородцами в 1323 г. В 1611 г. захвачена шведами и названа Нотебургом. Во время Северной войны 11 октября 1702 г. взята штурмом русскими войсками и названа Шлиссельбургом. До начала XX столетия крепость служила политической тюрьмой. С 1944 г. город называется Петрокрепостью.

9. *Иван V Алексеевич* (1666—1698) — русский царь с 1682 г. вместе со своим младшим братом Петром I. До 1689 г. за них правила сестра Софья.

10. *Головин Федор Алексеевич* (1650—1706) — граф, соратник Петра I, генерал-адмирал и генерал-фельдмаршал. Участник Великого посольства 1697—1698 гг. С 1700 г. начальник Посольского и Ямского приказов, Оружейной палаты.

11. *Август II* (*Сильный,* 1670—1733) — курфюрст саксонский, с 1694 г. король польский. Участник Северной войны на стороне России.

12. *Казанова Джованни Джакомо* (1725—1798) — итальянский писатель, авантюрист. Автор получивших широкую известность мемуаров.

13. *Парис — в древнегреческой мифологии сын* царя Трои Приама. В споре трех богинь — Геры, Афины и Афродиты о том, кто красивее, признал победительницей Афродиту, вызвав ненависть соперниц. При похищении Парисом жены Менелая, царя Спарты, Гера и Афина способствовали падению Трои в начавшейся войне.

14. *Шумский Яков Данилович* (? — ум. 1812) — актер, соратник Ф. Г. Волкова. Участвовал в создании театра в Ярославле. С 1756 г. в труппе первого русского профессионального театра в Петербурге.

15. *Красный пруд* — один из древнейших московских прудов, образованный подпором реки Чечеры. Известен с XV в. Располагался на территории, ныне ограниченной Ярославским вокзалом и трассой Верхней Красносельской улицы. К северо-востоку от него находилось Красное село.

16. *Локателли Джованни Батиста* (1715—1785) — итальянец, первый антрепренер оперы и балета в России.

17. *Булгаков Я. П.* — литератор.

18. *Фонвизин Денис Иванович* (1744—1792) — писатель, просветитель. Автор комедии «Недоросль», в которой обличал крепостное право, критиковал дворянское воспитание и образование, создал яркие сатирические образы невежественных крепостников.

19. *Бомарше Пьер Огюстен* (1732—1799) — французский драматург. Автор получивших мировое признание комедий «Севильский цирюльник» и «Женитьба Фигаро», на сюжеты которых написаны оперы В. А. Моцарта и Дж. Россини.

20. *Фурии* — в римской мифологии богини мщения, обитающие в подземном царстве.

21. *Державин Гаврила Романович* (1743—1816) — поэт, представитель классицизма.

22. *Покровские* и *Мясницкие ворота* стены Белого города, построенной в 1585—1593 гг. под руководством Ф. С. Коня. Так как место это оказалось низким и заболоченным, спектакли стали давать в театре дома графа Р. И. Воронцова на Знаменке.

23. *Медокс Михаил Георгиевич* (Егорович, 1747—1822) — театральный антрепренер. Родился в Англии, преподавал математику в Оксфордском университете. В 1766 г. приехал в Россию, преподавал физику и математику Павлу — наследнику Екатерины II. С 1776 г. стал антрепренером театра в Москве. Построил здание Петровского театра.

24. *Каменский Михаил Федотович* (1738—1809) — генерал-фельдмаршал, участник русско-турецких и русско-французских войн. Жестокий по отношению к солдатам и своим крестьянам, Каменский был убит одним из крепостных. Сын — генерал Н. М. Каменский участвовал в войне с Турцией (1806—1812), погиб в 1811 г.

25. *Опекунский совет* — государственное учреждение, ведавшее в Москве делами Воспитательного дома и его кредитными учреждениями — Сохранной кассой, Ссудной кассой и др. Основан в 1763 г. Здание Опекунского совета возведено в 1823—1826 гг. в стиле классицизма по проекту архитекторов Д. И. Жилярди и А. Г. Григорьева на Солянке (ныне в нем президиум Академии медицинских наук).

26. *Церковь Спаса Преображения,* «что на Копье», была разобрана в 1817 г., дала имя Копьевскому переулку (бывш. Спасский), расположенному между Пушкинской улицей и Петровкой.

27. *Ареопаг* — в древних Афинах орган власти родовой аристократии; здесь: собрание авторитетных лиц.

28. *Коломенка* (коломянка) — полосатая, пестрая шерстяная домотканина. *Крашенина* — крашеный и лощеный холст, обычно синий.

29. *Аблесимов Александр Онисимович* (1742—1783) — сатирик и драматург. Автор комической оперы «Мельник, колдун, обманщик и сват».

30. *Талия* — в древнегреческой мифологии одна из девяти муз, покровительница комедии.

31. *Померанцев Василий Петрович* (? — ум. ок. 1806) — актер. Происходил из духовенства. Дебютировал в 1766 г. в театре Урусова. Затем служил в театре Медокса. Один из первых русских актеров, внесших в свою игру элементы реализма.

32. *Шушерин Яков Емельянович* (1753—1813) — актер. На сцене с 1772 г. Работал в московском Петровском и в Петербургском театрах.

33. *Мочалов Павел Степанович* (1800—1848) — актер. Крупнейший представитель романтизма на русской сцене.

34. *Девриент Людвиг* (1784—1832) — немецкий актер. На сцене с 1804 г. Представитель немецкого романтизма.

35. В древнегреческой мифологии сын царя Фив — Ланя. По приказанию отца, которому была предсказана гибель от руки сына, был брошен младенцем в горах. Спасенный пастухом, он, сам того не подозревая, убивает во время ссоры отца. Разгадав загадку сфинкса, в награду за избавление Фив от чудовища получает престол отца и становится мужем своей матери Иокасты. Миф лег в основу трагедий Софокла, Сенеки, Еврипида, в России — Озерова.

36. *Сандунова Елизавета Семеновна* (рожд. Федорова, по сцене Уранова, 1777—1826) — солистка оперы.

37. *Сандунов* (Зандукели) *Сила Николаевич* (1756—1820) — актер. Сын выходца из Грузии. На сцене с 1776 г. Играл в московских и петербургских театрах.

38. *Барон Мишель* (1653—1729) — французский актер. Играл в труппе Мольера в театре «Комеди Франсез», исполнитель ролей трагических героев в пьесах Ж. Расина и П. Корнеля.

39. Лизаньке Урановой, влюбленной в Сандунова, стал оказывать знаки внимания граф Безбородко. Дирекция театра, которой были подчинены артисты, решила удалить соперника графа. В публике это вызвало волнение, стали распространяться слухи, дошедшие до Екатерины II. Во время представления ее оперы «Федул с детьми» невеста Сандунова подала присутствовавшей на спектакле императрице прошение разрешить ее свадьбу с женихом. Вскоре просьба была удовлетворена и Лизанька была обвенчана с С. Н. Сандуновым.

40. *Руссо Жан-Жак* (1712—1778) — французский писатель и философ, один из представителей Просвещения, принимал участие в составлении Энциклопедии. Обосновал право народа на свержение абсолютизма в сочинении «Об общественном договоре», исследовал происхождение имущественного и социального неравенства, причину которого усматривал в частной собственности. Деист. Осуждал религиозную нетерпимость. Представитель сентиментализма в литературе.

41. *Керцелли* (1760—1820) — капельмейстер и композитор.

42. *Измайлов Михаил Михайлович* (1719—1800) — тайный советник, московский «главноначальствующий», находился при строительстве казенных зданий, председатель комиссии по перестройке Кремлевского дворца. Под его наблюдением возводились здания Судебной палаты и Окружного суда.

43. *Крутицкий Антон Михайлович* (1754—1803) — актер. С 1779 г. — в петербургском Вольном российском театре, с 1783 г. — на императорской сцене. Один из первых комедийных актеров русского театра.

44. *Волконский Михаил Петрович* (ум. 1845) — князь, театрал, владелец крепостной труппы, директор театра.

45. *Княжнин Яков Борисович* (1742—1791) — драматург, поэт и просветитель. Академик. Представитель классицизма.

46. *Моцарт Вольфганг Амадей* (1756—1791) — австрийский композитор, создавший великие произведения мировой музыкальной классики. Представитель венской классической школы. Музыкант универсального дарования.

47. *Жемчугова* (настоящая фамилия Ковалева) *Прасковья Ивановна* (1768—1803) — актриса, певица, сопрано. До 1798 г. — крепостная графа Н. П. Шереметева. Обладала не только прекрасным голосом, но и даром драматической актрисы. Подписав вольную, граф в 1801 г. обвенчался с Жемчуговой в церкви Симеона Столпника (ныне на развилке просп. Калинина и ул. Воровского).

48. *Коцебу Август-Фердинанд* (1761—1819) — немецкий драматург.

49. *Синявская* (Сахарова — сценический псевдоним) *Мария Степановна* (1762—1829) — актриса.

50. В 1808 г. архитектор Карло Росси спроектировал и руководил строительством Арбатского театра — главного в городе. 13 апреля того же года состоялся первый спектакль с прологом С. Н. Глинки «Баян, древний песнопевец славян». Театр напоминал древнегреческий периптеральный храм, то есть со всех сторон окруженный колоннадами. Он располагался на южной стороне площади, там, где ныне стоит памятник Гоголю — в начале Гоголевского бульвара. 30 августа 1812 г. состоялось представление оперы «Старинные святки». Это был последний спектакль театра: он стал одной из первых жертв пожара 1812 г. после вступления французских войск в Москву.

51. *Полевой Николай Алексеевич* (1796—1846) — писатель, журналист, историк, избран академиком в 1831 г. Издавал журнал «Московский телеграф».

52. В античных мифах упоминается нереида Галатея, которую полюбил одноглазый великан — циклоп Полифем.

53. *Колосова Евгения Ивановна* (рожд. Неелова; 1780—1869) — артистка балета. С 1799 г. — в петербургской балетной труппе. Первая в балете создала образ современницы. Исполняла русские народные танцы.

54. *Медея* — в древнегреческой мифологии волшебница. Помогала предводителю аргонавтов добыть золотое руно. Когда он решил жениться на дочери коринфского царя, Медея погубила соперницу, убила двух своих детей от Ясона и скрылась на крылатой колеснице.

55. *Жорж* (настоящая фамилия Веймер) *Маргерит Жозефин* (1787—1867) — французская актриса. На сцене с 1802 г. Выступала в Москве

и Петербурге накануне Отечественной войны 1812 г.

56. *Дмитрий Донской* (1350—1389) — великий князь московский и владимирский. Возглавил вооруженную борьбу против монголо-татарских орд, одержал победу над полчищами хана Мамая на Куликовом поле в 1380 г.

57. *Антигона* — в древнегреческой мифологии дочь царя Фив Эдипа. Предала погребению тело брата Полиника, нарушив запрет дяди — царя Креонта. За это была заключена в темницу, где покончила с собой.

58. *Тавлинка* — плоская табакерка из дерева или бересты.

59. *Федра* — в древнегреческой мифологии дочь критского царя Миноса, жена Тезея, страстно полюбившая своего пасынка Ипполита. Отвергнутая им, Федра покончила с собой.

60. *Дидона* — в античной мифологии сестра царя Тира, основательница Карфагена.

61. *Семенова Екатерина Семеновна* (1786—1849) — актриса, прославившаяся исполнением ролей в трагедиях В. А. Озерова и Ж. Расина. Искусство Семеновой высоко ценил А. С. Пушкин.

62. *Гнедич Николай Иванович* (1784—1833) — поэт. Переводил «Илиаду» Гомера, драмы У. Шекспира, произведения Вольтера, Ф. Шиллера.

63. *«Меропа»* и *«Танкред»* — трагедии Вольтера.

64. *Апраксин Степан Степанович* (1756—1827) — смоленский военный губернатор, вышедший в отставку и поселившийся в Москве. Театрал, владелец театра. Частный театр С. С. Апраксина на Знаменке (ул. Фрунзе) был местом, где устраивались литературные вечера, благотворительные и любительские спектакли. Здание построено в стиле классицизма в 1792 г. по проекту архитектора Ф. И. Кампорези. В 1944—1946 гг. надстроено до пяти этажей.

65. *Витгенштейн Петр Христианович* (1769—1843) — граф, генерал-фельдмаршал. В Отечественной войне 1812 г. командовал корпусом на петербургском направлении.

66. *Тормасов Александр Петрович* (1752—1819) — граф, генерал от кавалерии. В Отечественную войну 1812 г. командовал 3-й армией на киевском направлении. С 1814 г. — генерал-губернатор Москвы.

67. *Кульнев Яков Петрович* (1763—1812) — генерал-лейтенант. Участник русско-шведской войны 1808—1809 гг. В Отечественную войну 1812 г. командир кавалерийского отряда, одержал победу под Клястицах, смертельно ранен в бою.

ГЛАВА VII

1. *Фриз* — толстая ворсистая ткань типа байки.

2. *Стюарт Мария* (1542—1587) — представительница шотландской династии, претендовавшая на английский престол. Казнена в 1587 г. История Марии Стюарт положена в основу одноименной драмы И. Ф. Шиллера.

3. Частный театр П. А. Позднякова, в котором выступали крепостные актеры, считался одним из лучших в Москве. Режиссером крепостной труппы Позднякова был актер С. Н. Сандунов. На этой сцене выступали также французские артисты, позднее труппа императорских театров. Здание театра построено в конце XVIII в. на Б. Никитской улице (ныне ул. Герцена, 26), неоднократно перестраивалось.

4. Французский театр в Москве. Французская комедия имеет честь представить в будущую среду 7 октября 1812 г. премьеру спектакля «Азартная любовная игра», комедия в трех актах Мариво. Вслед за тем «Любовник, виновник и слуга», одноактная комедия Церона. В «Любовной игре» (участвуют): г-да Адне, Нерру, Сент-Клер, Белькур, Бетранд; м-дам Андре, Фзиль (*франц.*).

5. «Да здравствует император! Да здравствует Наполеон!» (*франц.*).

6. «Фигаро», «Прокурор-посредник», «Сид и Заира» (*франц.*). «Три султанши» — комедия Фавара.

7. *Король неаполитанский* (с 1808 г.) — маршал Франции и зять Наполеона Иоахим Мюрат (1767—1815).

8. *Беннигсен Леонтий Леонтьевич* (1745—1826) — граф, генерал от кавалерии. Участник убийства Павла I. В августе — ноябре 1812 г. исполнял обязанности начальника главного штаба русской армии, командовал войсками под Тарутином.

9. *Буцефал* — кличка дикого коня, обузданного Александром Македонским и долго ему служившего.

10. *Первый сюжет* — то есть исполнитель одной из главных ролей.

11. *Шаховской Александр Александрович* (1777—1846) — князь, драматург и театральный деятель.

12. *Спенсер* — род верхней одежды (*франц.*).

13. *Долгоруков Иван Михайлович* (1764—1823) — писатель. Автор стихотворений, пьес. Почетный член ряда литературных обществ («Беседа любителей русского слова», «Общество любителей русской словесности при Московском университете», «Вольное общество любителей словесности, наук и художеств»). Организовал домашний театр.

14. *Насова Елена Александровна* (род. 1787) — актриса.

15. *Валтасар* (Балтазар) — в библейском рассказе о падении Вавилона — последний вавилонский царь. Несмотря на осаду столицы персами, устроил великолепный пир, в самый разгар которого показалась рука, которая стала писать на стене слова: «Мене, текел, упарсин» («Исчислен, взвешен и разделен»). По этому предсказанию Валтасар в эту ночь был убит, а его царство захватили войска царя Кира.

16. *Булахов Петр Александрович* (ум. 1835) — популярный актер (тенор). Славился исполнением партий в модных французских операх, а также кантаты Верстовского «Черная шаль» на слова А. С. Пушкина. В 1821 г. поступил на московскую сцену.

17. *Хованский Григорий Александрович* (1767—1796) — князь, поэт, переводчик, драматург, сотрудничал во многих журналах («Зритель», «Полезное и приятное препровождение времени»), друг Н. М. Карамзина.

18. *Столыпин Алексей Емельянович* (1744—1810) — пензенский предводитель дворянства, владелец крепостных актеров, проданных им в императорскую труппу дирекции московского театра.

19. *Гудович Иван Васильевич* (1741—1820) — граф, генерал-фельдмаршал. Участник русско-турецких войн, командующий войсками в Грузии и Дагестане. Главнокомандующий Москвы, член Государственного совета.

20. «Господа, завтра мы будем иметь честь представить для вас...» «Господин, завтра мы будем иметь честь...» (*франц.*).

21. «На мосту Маршалов. — На Кузнецком мосту, вы хотите сказать... — В России нет маршалов, кроме меня» (*франц.*).

22. *Понтировать* — в карточных играх делать ставку против банка. «Аттанде» — карточный термин в значении «не делайте ставку».

23. *Дурасов Николай Алексеевич* (1760—1818) — помещик, владелец подмосковного Люблина, домашнего театра с труппой крепостных актеров.

24. *Вильмот Мери (Марта)* — племянница Гамильтон, по приглашению княгини Е. Р. Дашковой жила у нее в гостях в России. Письма сестер Вильмот, Марты и Катрин, опубликованы в приложениях к «Запискам» Дашковой в Лондоне в 1840 г.

25. *Потемкин Павел Сергеевич* (1743—1796) — граф, генерал-аншеф. Участник русско-турецких войн и подавления восстания Пугачева. Известен также как писатель, поэт, переводчик и драматург.

26. *Икона Иверской богоматери,* чтимой в старой Москве, находилась в построенной для нее в конце XVIII в. каменной часовне у Воскресенских (Иверских) ворот Китай-города, ведущих от Тверской улицы на Красную площадь.

27. Я Вас ношу в моем сердце (*франц.*).

ГЛАВА VIII

1. *Кусково* — местность на юго-востоке Москвы, получившая название от старинного села и усадьбы, которая с начала XVII в. до 1917 г. принадлежала графам Шереметевым. На территории бывшей усадьбы сохранились дворец, построенный в 1769—1775 гг. под руководством архитектора К. И. Бланка, церковь Спаса Нерукотворного (первая половина XVIII в.), Грот (1755—1775 гг., архитектор Ф. С. Аргунов), Итальянский домик (1754—1755 гг., архитекторы Ю. И. Кологривов и Ф. С. Аргунов), Голландский домик (1749—1751 гг.), Эрмитаж (1765—1767 гг., архитектор К. И. Бланк), Оранжерея (1761—1764 гг., архитектор Ф. С. Аргунов). Здание театра, в котором играла П. И. Жемчугова, не сохранилось. В ансамбль усадьбы входит регулярный парк, имеющий систему прудов и каналов. К нему примыкает частично сохранившийся пейзажный парк. В Кускове имеются две лиственницы, насчитывающие более 200 лет. Ныне в Кускове Музей керамики и «Усадьба Кусково XVIII века».

2. *Останкино* — местность на севере Москвы. Название от бывшего села и усадьбы. Известно с *1558 г.* В XVII — начале XVIII в. принадлежало князьям Черкасским, с 1743 по 1917 г. — графам Шереметевым. Дворцово-парковый ансамбль Останкина — один из лучших в Москве и Подмосковье. Дворец, построенный в стиле классицизма, отличает богатство пластики, гармоничность и торжественность, сочетающиеся с мягкостью и камерностью образа. Основную часть центрального корпуса занимает театр, спектакли которого обставлялись с необыкновенной роскошью. В труппе играли крепостные артисты П. И. Жемчугова, Т. В. Шлыкова и др. Анфилады великолепно обставленных гостиных соединены галереями с концертным залом в Египетском павильоне и с банкетным в Итальянском. Все постройки деревянные, с оштукатуренными фасадами, датируются 1791—1798 гг., архитекторы Ф. Кампорези, П. И. Аргунов и др. Авторы скульптурного фриза — Ф. Гордеев, Г. Замараев. В интерьерах представлены многоцветные плафоны, золоченая резьба, наборные паркеты, хрустальные светильники, бронза, изделия из фарфора. В залах дворца собраны ценнейшие произведения живописи и скульптуры западноевропейских мастеров, крепостных художников Аргуновых. К дворцу примыкает регулярный французский парк с лучеобразным расположением аллей, украшенный скульптурами и парковыми сооружениями. Частично сохранился пейзажный парк. С 1918 г. во дворце открыт музей творчества крепостных.

3. *Загоскин Михаил Николаевич* (1789—1852) — писатель, автор популярных романов «Юрий Милославский, или Русские в 1612 году», «Рославлев, или Русские в 1812 году».

4. *Вальи Шарль де* (1750—1795) — французский архитектор, член французской академии. В России не был, но прислал для шереметевской усадьбы проект театра и фасадов дворца, который уже был построен. Перестраивали фасады московские архитекторы.

5. *Черкасский Алексей Михайлович* (1680—1742) — князь, государственный деятель. В 1730 г. возглавил дворянскую оппозицию «верховников» — членов Верховного тайного совета, с 1731 г. — кабинет-министр, в 1740—1741 гг. — канцлер, президент Коллегии иностранных дел.

6. *Рафаэль Санти* (1483—1520) — итальянский живописец и архитектор. Представитель Высокого Возрождения. Автор «Сикстинской мадонны», росписей в лоджиях Ватикана. Проектировал собор Св. Петра в Риме.

7. *Ван Дейк Антонис* (1599—1641) — фламандский живописец, ученик П. П. Рубенса.

8. *Доменико Венециано* (нач. XV в. — 1461) — флорентийский живописец раннего Возрождения. Первым в Италии применил технику масляной живописи.

9. *Корреджо* (Антонио Аллегри — собственные имя и фамилия; ок. 1489—1534) — живописец. Глава одной из школ Высокого Возрождения. Работал в Корреджо и Парме.

10. *Веронезе* (собственная фамилия Кальяри, 1528—1588) — живописец позднего Возрождения.

11. *Рембрандт Харменс ван Рейн* (1606—1669) — голландский живописец, рисовальщик и офортист. Сочетал глубину психологической характеристики с мастерством живописи.

12. *Рени Гвидо* (1575—1642) — живописец академического направления.

13. *Ятаган* — колющее и рубящее (народов Ближнего и Среднего Востока) оружие с вогнутым лезвием клинка.

14. *Карл XII* (1682—1718) — король Швеции с 1697 г., полководец. В Полтавском сражении в 1709 г. потерпел поражение и бежал в Турцию. Убит во время похода в Норвегию.

15. *Шереметев Борис Петрович* (1652—1719) — граф, генерал-фельдмаршал, сподвижник Петра I. Участник крымских и азовских походов. Во время Северной войны командовал корпусом.

16. *Панин Никита Иванович* (1718—1783) — граф, государственный деятель и дипломат. С 1747 г. посланник в Дании, Швеции. Участник переворота 1762 г. Воспитатель Павла I.

17. *Долгорукова Наталья Борисовна* (1714—1771) — княгиня, дочь графа Б. П. Шереметева. В конце 1729 г. по страстной любви обручилась с И. А. Долгоруковым. Зная нерасположение к Долгоруковым новой императрицы

Анны Ивановны, родные уговаривали ее порвать с князем Иваном. Но свадьба состоялась в апреле 1730 г., а через три дня молодых постигла ссылка в Березов. В ссылке княгиня родила двух сыновей, а через некоторое время ее муж был внезапно увезен и четвертован. В 1740 г. ей разрешили вернуться к брату в Москву. Впоследствии Н. Б. Долгорукова постриглась в монахини под именем Нектарии. Автор «Записок». Ее трагическая судьба послужила сюжетом многих литературных произведений, в частности ей посвящена одна из «Дум» Рылеева.

18. *Долгоруков Иван Алексеевич* (1708—1739) — князь, муж Н. Б. Шереметевой. Казнен по обвинению в изготовлении подложного завещания в пользу своей сестры, невесты скончавшегося Петра II.

19. *Иван VI Антонович* (1740—1764) — российский император в 1740—1741 гг. Правнук Петра I. Фактическим правителем государства при Иване VI был Э. И. Бирон, затем мать — Анна Леопольдовна. Свергнут гвардией. Убит при попытке освободить его.

20. *Амазонка* — женщина-всадница.

21. *Генрих IV* (1533—1610) — французский король.

22. *Диоген Синопский* (ок. 400 — ок. 325 до н. э.) — древнегреческий философ, практиковал крайний аскетизм. По преданию, жил в бочке.

23. *Муравленый* — покрытый глазурью — особым стекловидным сплавом.

24. *Равендук* — парусинный холст.

25. *Вокзал* (воксал) — деревня близ Лондона, названная по имени владелицы Вокс. В ней в 1700 г. был устроен зал для фешенебельной публики, где давались по вечерам представления, концерты и т. д. Название получило распространение для обозначения подобных сооружений.

26. *Гонзаго Пьетро* (1751—1831) — итальянский художник. С 1792 г. работал в России. Представитель классицизма. Создал декорации для театра в Архангельском.

27. *Иосиф II* (1741 — 1790) — император Священной Римской империи с 1765 г. Проводил политику просвещенного абсолютизма.

28. *Гондола* — одновесельная плоскодонная лодка с приподнятыми фигурными оконечностями.

29. *Андроников монастырь* — основан около 1360 г. на юго-востоке от Москвы как оборонительный форпост против набегов кочевников на крутом, левом берегу реки Яузы. Назван по имени первого игумена, ученика Сергия Радонежского — Андроника. Монахом монастыря был Андрей Рублев — великий живописец русского средневековья, здесь же и похороненный. Сохранился архитектурный ансамбль XV—XVIII вв. Белокаменный Спасский собор, построенный в 1420—1427 гг., — один из древнейших историко-архитектурных памятников Москвы. В нем — фрагменты фресок А. Рублева. Началом XVI в. датируется трапезная, церковь Михаила Архангела — конец XVII в., настоятельский и братские корпуса — XVII—XVIII вв. На кладбище монастыря был похоронен основатель русского театра актер Ф. Г. Волков. После Октября монастырь упразднен. В 1947 г. объявлен заповедником. Ныне в нем помещается Музей древнерусского искусства им. Андрея Рублева.

30. *Шереметев Николай Петрович* (1751—1809) — граф, государственный деятель, обер-камергер. С 1777 г. — главный директор Московского дворянского банка, служил в Сенате. В 1800 г. вышел в отставку. При нем достиг расцвета крепостной театр, заново отстроенная усадьба Останкино. В 1801 г. женился на бывшей своей крепостной актрисе П. И. Ковалевой-Жемчуговой. После ее смерти основал Странноприимный дом — ныне памятник архитектуры в стиле классицизма, который занимает Институт скорой помощи им. Склифосовского.

31. *Кваренги* (Гваренги) *Джакомо* (1744—1817) — архитектор. Итальянец по рождению. С 1780 г. работал в России. Представитель классицизма. По его проекту построены здания Странноприимного дома, Старого Гостиного двора.

32. *Казаков Матвей Федорович* (1738—1812) — архитектор. Один из основоположников русского классицизма. Учился в архитектурной школе Д. В. Ухтомского, был помощником В. И. Баженова при проектировании и строительстве Большого Кремлевского дворца. Построенные по проекту Казакова многочисленные жилые и общественные здания во многом определили архитектурный облик Москвы на рубеже XIX столетия.

33. *Английский сад* — пейзажный парк, в котором, считалось, предпочтение отдается природе, а не искусству.

34. *Козловский Осип* (Иосиф, Юзеф) *Антонович* (1757—1831) — композитор. По национальности поляк. Один из создателей русского романса, героико-патриотических полонезов («Гром победы раздавайся».).

35. *Понятовский Станислав Август* (1732—1798) — последний польский король до третьего раздела Польши в 1795 г. При Павле I, вступившем на престол в 1796 г., Понятовский уже не был королем Польши.

36. *«Бомбы Сарданапала»* (*франц.*). *Эпикурейцы* — в данном случае: люди, ставящие выше всего личное удовольствие и наслаждение жизнью.

37. *Фридрих II* (1712—1786) — прусский король из династии Гогенцоллернов, полководец. В результате его завоевательной политики и войн, которые он вел, территория Пруссии почти удвоилась.

38. *Слободской дворец* (2-я Бауманская ул., 5) — памятник архитектуры. Построен в XVIII столетии для канцлера А. П. Бестужева-Рюмина в Немецкой слободе. Перестроен в конце XVIII в. (архитекторы Дж. Кваренги и М. Ф. Казаков), а затем в стиле ампир в 1827—1830 гг. по проекту архитекторов Д. И. Жилярди и А. Г. Григорьева. В 1868 г. во дворце было открыто техническое училище (ныне Московский государственный технический университет им. Н. Э. Баумана).

39. *Дивертисмент* — вставные вокально-хореографические номера в спектакле.

40. *Дансеры и дансерки* — танцовщики и танцовщицы.

41. *Каталани Анджелика* (1780—1849) — итальянская певица (сопрано).

42. *Жуковский Василий Андреевич* (1783—1852) — поэт. Один из создателей русского романтизма.

43. *Глушковский Адам Павлович* (1793—1870) — артист балета, балетмейстер. В 1812—1839 гг. — ведущий танцовщик и балетмейстер Большого театра в Москве.

44. *Шлыкова* (по сцене Гранатова) *Т. В.* (1773—1863) — актриса шереметевского театра.

45. *Затрапеза* — род дешевой грубой ткани, давно вышедшей из употребления.

46. *Серпянка* — легкая бумажная ткань редкого плетения.

47. *Крылов Иван Андреевич* (1769—1844) — баснописец. Издавал сатирический журнал «Почта духов» (1789 г.).

48. *Церковь Симеона Столпника* на Поварской (ныне на развилке просп. Калинина и ул. Воровского, 5) — построена в 1676—1679 гг. Композиция памятника включает пятикупольный кубический храм с двумя ярусами кокошников и приделами, трапезную и шатровую колокольню.

49. *Малиновский Алексей Федорович* (1762—1840) — писатель, археограф, управляющий Московским архивом Коллегии иностранных дел, был дружен с отцом А. С. Пушкина. Поэт бывал в семье Малиновских, которая жила на Мясницкой улице (д. № 43 по ул. Кирова).

50. Я верю, что вижу милую тень,
Бродящую вокруг ее жилища,
Я приближаюсь — но тотчас этот нежно любимый образ
Возвращает меня моей скорби, исчезая без возврата (*франц.*).

51. *Усадьба Троицкое-Кайнарджи* (Фенино) — располагалась к востоку от Москвы (ныне в 20 км по Горьковскому шоссе; Балашихинский район). Принадлежала с 1760 г. полководцу П. А. Румянцеву-Задунайскому. Дополнительное название получила в память победы над Турцией и заключения Кючук-Кайнарджийского мира. Сохранилась Троицкая церковь в стиле раннего классицизма, построенная в 1774—1787 гг., и мавзолей сына полководца (1838 г.).

52. *Клирос* — возвышение по обеим сторонам алтаря.

53. *Ковчег* — ларец для хранения культовых реликвий, так называемых святых даров.

ГЛАВА IX

1. *Садовники* — местность в Замоскворечье между Москвой-рекой и Водоотводным каналом к востоку от района Балчуг (от татарск. «грязь»). Название от дворцовой Садовой слободы XVII в. Главная улица ее — Садовническая (ныне ул. Осипенко).

2. *Местность Подкопаево* известна с XV в. Здесь в древности под Ивановской горкой копали глину. Топоним сохранился в названии Подкопаевского переулка (поблизости от Солянки).

3. *Архив Коллегии иностранных дел* располагался в перестроенных палатах XVII в., принадлежавших дипломату и государственному деятелю дьяку Е. Украинцеву (Хохловский пер., 7). Они стояли на так называемой Ивановской горке, склоны которой покрывали Васильевские или Старые сады (о них напоминает название Старосадского пер.).

4. *Васильевский луг* — в XIV—XVIII вв. местность в восточной части современного центра на берегу Москвы-реки, которая соседствовала с Зарядьем, Кулишками (в районе современных Солянки, пл. Ногина и переулков), а на востоке примыкала к реке Яузе. Затоплялась во время паводков и в XIV—XV вв. использовалась как пастбище. В XVI столетии вдоль западной оконечности луга прошла Китайгородская стена.

5. *Паллас Петр Симонович* (1741—1811) — естествоиспытатель, академик. Руководил экспедициями Академии наук, результаты которых были опубликованы в книге «Путешествие по различным провинциям Российского государства». Автор книги «Флора России».

6. *Мерзляков Алексей Федорович* (1778—1830) — поэт и переводчик. Автор песен, ставших народными.

7. *Палаш* — холодное рубящее и колющее оружие с прямым и длинным однолезвийным клинком.

8. *Бибиков Александр Ильич* (1729—1774) — государственный и военный деятель, генерал-аншеф, сенатор. Участник Семилетней войны. Руководил военными действиями против Е. Пугачева.

9. *Орден Георгия Победоносца* — высший и самый прославленный русский военный орден. Учрежден в 1769 г. для лиц дворянского происхождения. С 1807 г. знаком ордена награждались и низшие чины. Девиз ордена: «За службу и храбрость». До 1855 г. не имел степеней (позднее — четыре степени). Орденский знак в виде равноконечного креста, покрытого белой эмалью с золотой обводкой. В центре — изображение Георгия Победоносца, поражающего дракона. Лента ордена — оранжево-черного цвета.

10. *Карусель* — конные состязания.

11. *Венгерка* — вышедшая из употребления куртка с нашитыми поперечными шнурами по образцу венгерских гусар.

12. *Марьина роща* — местность на севере Москвы, между современной улицей Сущевский вал и линией Октябрьской железной дороги. Появилась после прокладки Камер-Коллежского вала в 1742 г. и расчистки леса близ деревни Марьино, которой владели графы Шереметевы. Образовавшаяся роща служила местом народных гуляний. В 1880-е гг. вырублена.

13. Село *Остров* известно с XIV в., упоминалось в завещании Ивана Калиты. Загородная резиденция московских великих князей и царей в XIV—XVII вв. В начале XVIII в. село пожаловано Петром I своему соратнику А. Д. Меншикову, позднее перешло к А. Г. Орлову. Сохранился уникальный памятник — шатровая церковь Преображения, построенный, по преданию, Иваном IV Грозным во второй половине XVI в. От усадьбы Орлова остались перестроенный Конный двор и липовый парк. Село расположено в 30 с лишним километрах от Москвы по Каширскому шоссе.

14. *Фотий* (1792—1838) — архимандрит, церковно-политический деятель, крайний реакционер. Приобрел известность как аскет и фанатик. В Петербурге — с 1815 г. Обратил на себя внимание проповедями. Через свою поклонницу графиню Орлову-Чесменскую получил доступ в аристократические салоны, сблизился с А. А. Аракчеевым, вошел в круг приближенных царя Александра I. Последние годы Фотий был архимандритом Юрьева монастыря в Новгороде.

15. *Пиетизм* — здесь: религиозно-мистическое настроение.

16. *Иеромонах* — монах-священник.

17. *Вериги* — тяжелые железные цепи, обручи, носимые на голом теле. Форма самоистязания религиозных фанатиков.

18. *Александро-Невская лавра* — мужской монастырь, основанный в Петербурге в 1710 г. в память победы Александра Невского над шведами.

19. *Голицын Александр Никитович* (1773—1844) — князь, государственный деятель, мистик и реакционер. С 1803 г. — обер-прокурор Синода, в 1817—1824 гг. — министр народного просвещения и духовных дел.

20. *Клеврет* — приспешник, не останавливаю-

щийся ни перед чем для того, чтобы угодить своему покровителю.

21. *Шишков Александр Семенович* (1754—1841) — писатель, государственный деятель, адмирал. Глава литературного общества «Беседа любителей русского слова», с 1813 г. — президент Российской академии. Реакционер.

22. *Рака* — ларец для хранения мощей святых. Имеет форму саркофага, архитектурного сооружения, сундука и устанавливается в церкви.

23. *Фигурантка* — танцовщица кордебалета.

24. *Хитон* — мужская и женская нижняя одежда древних греков. Льняная или шерстяная рубашка, чаще без рукавов; подпоясывается с напуском.

ГЛАВА X

1. *Римский-Корсаков Иван Николаевич* (1754—1831) — фаворит Екатерины II, который, по словам историка М. М. Щербатова, «приумножил бесстыдство любострастия в женах».

2. *Строганов Александр Сергеевич* (1733 — 1811) — обер-камергер, член Государственного совета, президент Академии художеств, директор публичной библиотеки. Коллекционер.

3. *Зорич Семен Гаврилович* (1745—1799) — генерал-лейтенант, фаворит Екатерины II.

4. *Зубов Платон Александрович* (1767—1822) — последний фаворит Екатерины II, светлейший князь. Был генерал-губернатором Новороссии.

5. *Салтыков Николай Иванович* (1736—1816) — князь, фельдмаршал, отличился в Семилетней войне, член Государственного совета.

6. *Карл* X (1757—1836) — французский король, младший брат Людовиков XVI и XVIII. До вступления на трон носил титул графа д'Артуа. Крайний реакционер.

7. *Вигель Филипп Филиппович* (1786—1856) — чиновник и литератор, входивший в литературный кружок «Арзамас», посетитель московских литературных салонов, в частности салона А. П. Елагиной. Записки Вигеля, опубликованные после его смерти в журнале «Русский вестник», а затем в «Русском архиве», дают чрезвычайно богатый материал по истории русской культуры, ярко рисуют жизнь и быт Москвы.

8. *Густав IV Адольф* (1778—1837) — король Швеции в 1792—1809 гг. Низложен.

9. *Сталь Анна Луиза Жермен де* (1766—1817) — французская писательница. Оказала влияние на французских романтиков.

10. *Семевский Василий Иванович* (1848—1916) — историк народнического направления. Профессор. Редактор журнала «Голос минувшего». Автор трудов по истории русского крестьянства в XVIII столетии.

11. На реке Серебрянке в конце XVII — начале XVIII в. были построены каменные плотины, вдоль берега простирался сад.

12. *Балкан* — название территории к северу от современного Садового кольца в районе Грохольского переулка и находившегося там в XVII веке пруда, засыпанного в конце прошлого столетия. Сохраняется в наименовании Большого и Малого Балканских переулков.

13. *Антиох Дмитрий Константинович* (1673—1723) — молдавский ученый и политический деятель. С 1710 г. — господарь. С 1711 г. — в России, советник Петра I, князь. Участник персидского похода.

14. *Прутский мир между Россией и Турцией.* Подписан 12 июля 1711 г. после неудачного прусского похода, когда русская армия Петра I была окружена превосходящими силами турок. Заключен близ города Яссы на реке Прут. Россия возвращала Турции Азов, должна была срыть крепость в Таганроге. Турция обязалась выслать со своей территории шведского короля Карла XII, бежавшего после полтавского поражения.

15. *Кантемир Антиох Дмитриевич* (1708—1744) — поэт и дипломат. Просветитель-рационалист, один из основоположников классицизма в жанре сатирических стихотворений.

16. Приехавшей в Царицыно в 1785 г. Екатерине II дворец, построенный В. И. Баженовым, не понравился. Она приказала сломать царицынские сооружения, овеянные романтизмом. Баженов был отстранен от строительства. Основной причиной этого варварского решения были не столько особенности архитектуры Царицына, сколько близость зодчего к Н. И. Новикову и другим представителям оппозиционных кругов, самостоятельность творческих взглядов зодчего.

17. *Матвеев Артамон Сергеевич* (1625—1682) — боярин, приближенный царя Алексея Михайловича. Участник подавления московского восстания 1662 г. Руководитель русской дипломатии. С 1676 г. в опале. Убит во время стрелецкого восстания в 1682 г.

18. *Всеволожская Афимья Федоровна* (1629—1657) — невеста царя Алексея Михайловича. Во время смотра невест, при одевании в царскую одежду, сенные девушки так затянули волосы на ее голове, что бедняжка упала в обморок, который приписали падучей болезни. За умолчание «порчи» отца невесты со всей семьей сослали в Тюмень.

19. *Нарышкина Наталия Кирилловна* (1651—1694) — царица, жена Алексея Михайловича, мать Петра I.

20. *Нарышкин Иван Кириллович* (1658—1682) — боярин, брат царицы, отличавшийся заносчивостью и высокомерием, убит во время стрелецкого восстания.

21. *Федор Алексеевич* (1661—1682) — русский царь с 1676 г., сын царя Алексея Михайловича. При нем правили различные группы бояр.

22. *Охабень* — старинный русский широкий кафтан с четырехугольным отложным воротником и длинными прямыми часто откидными рукавами, *Кунтуш* — старинная верхняя мужская одежда на Украине и в Польше в виде кафтана с очень длинными рукавами с прорезями.

23. *Кучка* — полулегендарный боярин, владевший в середине XII в. московскими землями.

24. *Калта* — Иван I Данилович по прозвищу Калита (мешок с деньгами), князь московский с 1325 г., великий князь владимирский. Сын Даниила Александровича. Заложил основы политического и экономического могущества Москвы.

25. Главный *храм* Высокопетровского монастыря, основанного в XIV в., — *Боголюбской богоматери* — построен в 1686 г. Увенчанный традиционным пятиглавием кубический объем храма — усыпальницы Нарышкиных, расположен в центре территории монастыря, играя значительную роль в его композиции.

26. *Нарышкин Александр Львович* (ум. 1745) — государственный деятель, президент Камер-коллегии. При Петре II — в опале. По

возвращении из ссылки — директор императорских строений.

27. *Остерман Андрей Иванович* (1686—1747) — граф, государственный деятель, дипломат. Родился в Вестфалии. На русской службе с 1703 г. Член Верховного тайного совета. Фактический руководитель внутренней и внешней политики при Анне Ивановне. В 1741 г. сослан Елизаветой Петровной в Березов.

28. *Долгоруков Василий Лукич* (1670—1739) — князь, государственный деятель и дипломат. С 1727 г. — член Верховного тайного совета. В 1730 г. заточен в Соловецкий монастырь. Казнен.

29. *Нарышкин Семен Григорьевич* (1680-е г г . — 1747) — генерал-аншеф, камергер, приближенный Петра I. Выполнял дипломатические поручения. Замешан в деле Алексея и сослан. Возвращен из ссылки Екатериной I.

30. *Нарышкин Семен Кириллович* (1710—1775) — генерал-аншеф, обер-егермейстер. Долгое время жил за границей. Имел домашний театр, оркестр роговой музыки.

ГЛАВА XI

1. *Нарышкин Алексей Васильевич* (1742—1800) — тайный советник, сенатор, камергер, писатель, переводчик, член Российской академии.

2. *Нарышкин Лев Александрович* (1733—1799) — обер-шталмейстер, приближенный Екатерины II.

3. *Нарышкин Александр Львович* (1760—1826) — обер-гофмаршал, обер-камергер. Главный директор императорских театров. Петербургский предводитель дворянства.

4. «Один и половина» (*франц.*).

5. Обер-шталмейстер, обер-мундшенк — придворные чины.

6. *Кубарь* — детская игрушка в виде шара с ножкой, на которой он вращается; волчок.

7. «Беспечный» (*франц.*).

8. «Леониана, в которой записаны дела и слова государя Льва, великого шталмейстера, собранные его друзьями» (*франц.*).

9. *Людовик XIV* (1638—1715) — французский король с 1643 г. Его правление — апогей французского абсолютизма. Людовику XIV приписывают изречение «Государство — это я».

10. *Людовик XV* (1710—1774) — король Франции с 1715 г., правнук предыдущего. В начале царствования правил регент Филипп Орлеанский, затем кардинал Флери и любовница короля мадам де Помпадур. Людовику XV приписывают изречение «После нас хоть потоп».

11. Забавные игры (*франц.*).

12. *Кислые щи* — прохладительный напиток, род кваса, приготовленный из ржаного и ячменного солода и пшеничной муки.

13. *Потоцкий Северин Осипович* (1762—1829) — действительный тайный советник, сенатор, камергер, член Государственного совета. Входил в кружок близких к Александру I людей.

14. *Кочубей Виктор Павлович* (1768—1834) — князь, государственный деятель и дипломат, министр внутренних дел, с 1827 г. — председатель Государственного совета и Комитета министров.

15. *Дафнис* — в древнегреческой мифологии сицилийский пастух необыкновенной красоты, создатель пастушеских песен, *Дафна* — в древнегреческой мифологии нимфа. Преследуемая Аполлоном, попросила отца, речного бога Пенея, о помощи и была превращена в лавровое дерево.

16. *Аспазия* (Аспассия, ок. 470 до н. э. — ?) — в Афинах — гетера, которая вела свободный, независимый образ жизни, затем — жена Перикла. Отличалась умом, образованностью и красотой. В ее доме собирались художники и поэты.

17. *Владимир* I (?—1015) — князь новгородский и киевский (с 969 г.). Младший сын Святослава. Покорил племена вятичей, радимичей и ятвягов. Боролся с печенегами. В 988 г. ввел христианство как государственную религию.

18. Я также имею здесь кадета (*франц.*).

19. Вот мой кадет (во втором значении этого слова — младший — *франц.*).

20. *Лафонтен Жан де* (1621—1695) — французский писатель, баснописец, традиции которого в русской литературе развивал И. А. Крылов.

21. Почтенный ворон сел на дерево,
Держа в клюве сыр (*франц.*).

22. — Обнимали ли вы вашего кузена Румянцева сегодня?
— Нет, государь, мы объединили только затруднения (*франц.*).

23. Я не хочу, чтобы обо мне говорили, что я не имею ни начала, ни конца (идиоматический оборот, дословно: ни головы, ни хвоста — *франц.*).

24. Я не только сведущ в финансах, но и в том, как их переставлять (*франц.*).

25. *Гог* и *Магог* — в религиозной мифологии (иудейской, мусульманской и христианской) два диких народа, нашествие которых должно предшествовать страшному суду.

26. *Нарышкин Иван Александрович* (1761—1841) — обер-церемониймейстер, сенатор.

27. *Алеуты* — коренное население Алеутских островов в Тихом океане.

28. *Толстой* («Американец») *Федор Иванович* (1782—1846) — отставной гвардейский офицер, известный своими авантюрами и бретерством.

29. *Давыдов Денис Васильевич* (1784—1839) — герой Отечественной войны 1812 г., поэт, генерал-лейтенант. Командовал гусарским полком и партизанским отрядом, действовавшим в тылу врага. Был близок к декабристам и А. С. Пушкину.

30. *Волконский Сергей Григорьевич* (1788—1865) — декабрист, генерал-майор, князь. Участник Отечественной войны 1812 г. и заграничных походов. Член «Союза благоденствия». Осужден на вечную каторгу.

31. *Нащокин Павел Воинович* (1801—1854) — друг А. С. Пушкина. Учился в Благородном пансионе при Царскосельском лицее. В 1819—1823 г г . — на военной службе. Выйдя в отставку, поселился в Москве.

32. *Эпитимия* (епитимья) — в христианстве церковное наказание в виде поста, длительных молитв. Налагается исповедующим священником.

33. *Крузенштерн Иван Федорович* (1770—1846) — мореплаватель, адмирал, почетный академик. Член-учредитель Русского географического общества. Возглавил первое русское кругосветное путешествие на кораблях «Надежда» и «Нева».

34. *Романов двор* XVI—XVII столетий представлял каменную и деревянную застройку с дворами на территории современной улицы Гра-

новского (между просп. Калинина и ул. Герцена). Им владели боярин Н. И. Романов, а позднее царь Алексей Михайлович. Южная часть Романова двора принадлежала Нарышкиным, а затем графу К. Г. Разумовскому. Великолепный дворец, который ему принадлежал, в основном сохранился (во дворе д. № 6 по просп. Калинина).

35. *Петровско-Разумовское* — местность на севере Москвы, к западу от линии Октябрьской железной дороги. В XVI в. здесь находилось село Семчино. В XVII в. куплено К. П. Нарышкиным — дедом Петра I. После постройки церкви Петра и Павла (не сохранилась) названо Петровским. Второе название село и усадьба получили после приобретения в середине XVIII столетия графом Разумовским. Сохранился дворец (1865 г., архитектор Н. Л. Бенуа), флигеля, парк с прудами и гротом. В 1865 г. здесь открыта Петровская земледельческая и лесная академия (ныне Сельскохозяйственная академия им. К. А. Тимирязева).

36. Сохранившиеся названия Астрадамских улицы и проезда напоминают, что в начале XVIII в. Петр I основал здесь сельскохозяйственную ферму того же типа, как он увидел в Амстердаме — «Астрадаме», как называл этот город в письмах царь.

37. *Репнин Николай Васильевич* (1734—1801) — князь, генерал-фельдмаршал и дипломат. Участник русско-турецких войн. Посол в Польше в 1763—1769 гг. Заключал мирные договоры с Турцией в 1774 и 1791 гг.

38. *Сибарит* — праздный, избалованный роскошью человек.

39. Дом на Тверской (ул. Горького, 21) был построен в стиле классицизма в конце XVIII столетия для брата известного поэта М. М. Хераскова (архитектор А. Менелас). После пожара 1812 г. его приобрел Л. К. Разумовский. В 1831 г. здесь разместился Английский клуб, объединявший с конца XVIII столетия представителей московской аристократии (ныне Центральный музей Революции СССР).

40. Граф Лев (*франц.*).

41. Улица мира (*франц.*).

ГЛАВА XII

1. *Нарышкин Федор Полуэктович* (1620-е — 1676) — думный дворянин, родственник царицы Наталии Кирилловны.

2. *Мельников* (псевдоним Андрей Печерский) *Павел Иванович* (1818—1883) — писатель. Автор произведений из жизни заволжского старообрядческого купечества (романы «В лесах», «На горах»).

3. *Фили* — местность на западе Москвы на правом берегу Москвы-реки. Названа по реке Фильке. Деревня известна с XVI в. Принадлежала князьям Милославским, с конца XVII до XIX в. — Нарышкиным. После сооружения в стиле московского барокко великолепного храма Покрова в Филях в конце XVII столетия село стали официально называть Покровским. Ныне Фили — часть района массовой жилой застройки.

4. *Кетчер Николай Христофорович* (1806—1886) — врач, поэт-переводчик, друг А. И. Герцена в 1830—1840-х годах.

5. *Аксамит* — вид старинного плотного узорчатого бархата.

6. *Петр* — в Новом завете один из апостолов, первым провозгласивший Иисуса мессией. По церковному преданию, был первым римским епископом.

7. *Возрождение* — период в культурном и идейном развитии стран Западной и Центральной Европы, переходный от средневековой культуры к культуре нового времени (XIV—XVI вв.).

8. *Нарышкинское* (московское) *барокко* — название стилевого направления в русской архитектуре конца XVII в. Светски нарядные центричные многоярусные церкви в Филях, Троице-Лыкове, Зюзине с резным белокаменным декором, элементами архитектурного ордера. Зодчим, который создал один из храмов этого стиля в селе Уборы неподалеку от Москвы, был не чужеземец, а крепостной мастер Я. Г. Бухвостов.

9. *Антиминс* — «вместопрестолие» — четырехугольный плат из льняной или шелковой ткани с изображением положения Христа во гроб и четырех евангелистов по углам. Покрывает престол под Евангелием.

10. *Церковь Знамения* на Шереметевом дворе построена в 1690-е гг. в стиле нарышкинского барокко на территории, позднее принадлежавшей графам Шереметевым.

11. *Синодики* — списки умерших для церковного поминовения.

12. Имеются в виду палаты Высокопетровского монастыря.

13. *Церковь Николы в Хамовниках* построена в 1679—1682 гг. в слободе, где жили ткачи, изготовлявшие белое (хамовное) полотно. Композиция храма традиционна: кубический объем с тремя рядами кокошников, пятикупольем, украшен цветными изразцами, к нему примыкает трапезная, небольшой придел. С запада сооружение завершает стройная узорчатая колокольня с шатровым верхом.

14. *Церковь Большое Вознесение* построена в 1827—1849 гг. в стиле ампир по проекту архитектора Ф. М. Шестакова. Над основным кубическим объемом поднимается могучий световой барабан, поддерживающий купол, увенчанный стройной главкой. Почти лишенные декора фасады украшают ионические портики. Один из лучших монументальных памятников Москвы связан с именем А. С. Пушкина. Здесь в 1831 г. состоялось венчание поэта с Н. Н. Гончаровой.

15. *Скавронский Федор Самуилович* (ум. 1720-е гг.) — граф, представитель старшего поколения родственников Екатерины I. Похоронен в церкви Малое Вознесение на Никитской улице (ныне ул. Герцена).

16. *Погодин Михаил Петрович* (1800—1875) — историк, писатель, художник, профессор Московского университета, академик. Издатель и редактор журналов «Московский вестник», «Москвитянин». Автор трудов по истории Москвы.

17. *Гордон Патрик* (1635—1699) — генерал и контр-адмирал, шотландец. С 1661 г. на русской службе. Один из учителей и сподвижников Петра I. Участник крымских и азовских походов.

18. *Нарышкин Кирилл Полуэктович* (1623—1691) — боярин, окольничий. Участвовал в подавлении восстания Степана Разина. Оставался «Москву видеть» во время отъездов царя Алексея Михайловича. Его сыновья погибли в 1682 г. во время стрелецкого восстания.

ГЛАВА XIII

1. *Юсупов Григорий Дмитриевич* (1676—1730) — князь, генерал-аншеф, участник Азовских походов и Северной войны, президент Военной коллегии, противник верховников в 1730 г.

2. Палаты образуют несколько объемов разной высоты и конфигурации, каждый из которых имеет расписную высокую кровлю. Они живописно группируются вокруг наружного парадного крыльца, по одну сторону которого расположен сводчатый зал, а по другую — жилые помещения над аркадой-лоджией. Фасады украшает белокаменный декор в виде разрезных фронтонов оконных наличников, «петушиных гребешков», фигурная кладка кирпича — поребрик, ширинки и изразцы. Ныне в здании работает Всесоюзная академия сельскохозяйственных наук им. В. И. Ленина.

3. *Тушинский вор* — Лжедмитрий II (?—1610) — самозванец неизвестного происхождения. Выдавал себя за спасшегося в Угличе царевича Дмитрия — сына Ивана Грозного. В 1608—1609 гг. находился в Тушинском лагере, который был разбит его сторонниками под Москвой, откуда безуспешно пытался захватить столицу. Убит в Калуге.

4. *Церковь Трех святителей* у Красных ворот построена в конце XVII столетия (не сохранилась).

5. *Голицын Дмитрий Михайлович* (1665—1737) — князь, один из предводителей «верховников», составитель «Кондиций», ограничивавших власть императрицы. Собрал в Архангельском уникальную библиотеку. В 1736 г. осужден по обвинению в заговоре. Умер в тюрьме.

6. *Выбойка* — бумажная или льняная ткань с узорами в одну краску.

7. *Церковь Михаила Архангела* построена в 1660-е гг. Здание архаично по архитектуре: кубический объем завершают четыре яруса закомар, над которыми поднимается световой барабан с куполом. С востока к храму примыкают два придела. Конструкция оригинальна: в интерьере световой барабан поддерживают только два столпа. Это конструктивное решение дало основание некоторым исследователям предположить, что зодчим был крепостной Павел Потехин.

8. *Веласкес* (Родригес де Сильва Веласкес (Диего), 1599—1660) — испанский живописец. Работал при дворе Филиппа IV.

9. *Менгс Антон Рафаэль* (1728—1779) — немецкий живописец и теоретик искусства.

10. *Перуджино* (настоящая фамилия Ваннуччи) *Пьетро* (между 1445 и 1452—1523) — итальянский живописец. Представитель умбрийской школы раннего Возрождения.

11. *Давид Жак Луи* (1748—1825) — французский живописец. Представитель классицизма.

12. *Риччи Себастьяно* (1659—1734) — венецианский живописец, один из основоположников стиля рококо в Италии.

13. *Тьеполо Джованни Баттиста* (1696—1770) — итальянский живописец, рисовальщик, гравер. Представитель венецианской школы.

14. *Дуайен Габриель Франсуа* (1726—1806) — французский живописец, академик. С 1792 г. — в России. Профессор Петербургской академии художеств, учитель Кипренского, Тропинина.

15. *Канова Антонио* (1757—1822) — итальянский скульптор. Представитель классицизма.

16. *Козловский Михаил Иванович* (1753—1802) — скульптор и рисовальщик. Представитель классицизма.

17. *Эльзевиры* — название книг, напечатанных в XVI—XVII вв. в Голландии в типографиях, которые принадлежали семье типографов-издателей Эльзевиров. Издания их, напечатанные художественно выразительным шрифтом, который получил название эльзевир, имеют большую историческую ценность.

18. *Альфьери Витторио* (1749—1803) — итальянский драматург, создатель национальной трагедии в стиле классицизма.

19. В 1775—1776 гг. в Кремле рядом с Чудовым и Вознесенским монастырями по проекту М. Ф. Казакова был построен Архиерейский дом. В 1824 г. над ним надстроили один этаж и переименовали в Николаевский дворец. После завершения строительства Большого Кремлевского дворца он получил название Малого Николаевского. Разобран в 1929 г. в связи со строительством здания, где ныне работает Президиум Верховного Совета СССР.

20. Так легенда трактовала коллекцию полотен с изображением многочисленных женских головок кисти итальянского художника Пьетро Ротари, работавшего в России с 1756 г.

21. То есть Екатерина II.

22. *Сен Жермен* (конец XVII в. — 1784) — граф, алхимик и авантюрист. Распространял слухи о том, что он владеет философским камнем, искусством изготовлять бриллианты и жизненный эликсир, утверждал, что прожил много веков. С начала 1760-х гг. — в России, друг братьев Орловых.

23. Павел I в 1798 г. был избран великим магистром ордена мальтийских рыцарей (иоаннитов или госпитальеров), сближение его с которым произошло еще при Екатерине II.

24. *Сандрик* — небольшой карниз, расположенный над проемом окна или двери на фасаде здания, иногда опирается на консоли, часто завершается фронтоном.

25. *Тимпан* — внутреннее поле фронтона; плоскость между проемом арки и лежащим на ней антаблементом; углубленная часть стены над дверью или окном, обрамленная аркой. В тимпане часто помещают скульптуру, живопись, гербы и т. п.

ГЛАВА XIV

1. *Гагарин Матвей Петрович* (ум. 1721) — князь, сибирский губернатор, казнен за казнокрадство и мздоимство.

2. Большой дом в итальянском вкусе с колоннами и балконами, принадлежавший М. П. Гагарину, находился на Тверской (ныне ул. Горького) между Камергерским переулком (пр. Художественного театра) и современной Советской площадью. Разобран в 1912 г.

3. *Шафиров Петр Павлович* (1669—1739) — государственный деятель и дипломат, сподвижник Петра I, вице-канцлер. Автор сочинений по истории Северной войны.

4. *Мазепа Иван Степанович* (1644—1709) — гетман Украины. Стремился к ее отделению от России. Во время Северной войны перешел на сторону Карла XII и после поражения шведов под Полтавой бежал вместе с ним в Турцию.

5. *Камзол* — обтягивающая корпус мужская одежда длиною до колен.

6. *Набоб* — нарицательное название быстро разбогатевшего человека, выскочки.

7. *Алексей Петрович* (1690—1718) — царевич, сын Петра I. Участник оппозиции политике Петра I. Бежал за границу, возвращен и осужден на казнь.

8. *Портал* — архитектурно оформленный вход в здание.

9. *Балюстрада* — ограждение лестниц, террас, балконов, состоящее из ряда невысоких фигурных столбиков — балясин, соединенных горизонтальной балкой или перилами.

10. *Студенец* — местность на западе Москвы, на левом берегу Москвы-реки близ Трех гор. Название от ручья Студенец, на берегах которого находилась усадьба Гагариных. Сохранился парк с прудами, памятная колонна в честь победы в Отечественной войне 1812 г. и садовое сооружение «Октагон». Ныне парк культуры и отдыха «Красная Пресня».

11. *Военные поселения* — особая организация войск в Российской империи в 1810—1857 гг. с целью уменьшения военных расходов. С 1817 г. главным начальником был А. А. Аракчеев.

12. Бывший дом Гагариных на Страстном бульваре (д. № 15/24; ныне городская клиническая больница № 24) перестроен после пожара 1812 г. архитектором О. И. Бове. В начале прошлого века здесь был неоднократно менявший помещения Английский клуб, в котором в 1806 г. состоялось чествование героя Шенграбенского сражения с Наполеоном П. И. Багратиона. (Оно увековечено Л. Н. Толстым в романе «Война и мир».)

13. *Гагарин Гавриил Петрович* (1745—1808) — действительный статский советник, сенатор, президент Коммерц-коллегии. В 1799 г. — главный директор Государственного заемного банка. Гроссмейстер национальной ложи масонов. С 1781 г. — в Москве.

14. Да здравствует прославленный талант, да здравствует красота (*франц.*).

15. *Семирамида* — царица Ассирии в конце IX в. до н. э. С ее именем связаны завоевательные походы и сооружение «висячих садов» в Вавилоне — одного из «семи чудес света».

16. *Село Марфино* известно с XVI столетия как владение боярина В. П. Головина. В 1698 г. Марфино приобрел воспитатель Петра I, впоследствии его сподвижник Б. А. Голицын. При нем в 1701 году было начато строительство каменной церкви Рождества Богородицы (крепостной зодчий В. И. Белозеров). С 1729 г. владельцем Марфина стал П. С. Салтыков. От создавшегося при нем архитектурного ансамбля XVIII в. сохранились Петропавловская церковь «под звоном», служебные постройки в стиле классицизма, парк с музыкальным павильоном, ротондой «Миловида» (оба сооружения — после смерти П. С. Салтыкова в 1780-е гг.). Восстановление дворцово-паркового ансамбля, пострадавшего в 1812 г., предпринял новый владелец граф В. Г. Орлов. При его дочери С. В. Паниной в 1846 г. были завершены работы по реконструкции и создан по проекту архитектора М. Д. Быковского один из лучших архитектурных ансамблей Подмосковья — образец стилизации готического и древнерусского зодчества. Он включает дворец (1820-е гг., 1832—1834 гг., архитекторы Ф. Тугаров, М. Д. Быковский) с парадным двором, флигеля, башенку-караульню, беседку, пристань с грифонами и своеобразной архитектуры мост через пруд с аркадами.

17. *Буренин Виктор Петрович* (1841—1926) — поэт и критик. Вначале печатался в прогрессивной печати: журналы «Современник», «Отечественные записки». С конца 1870-х гг. — один из ведущих журналистов реакционной черносотенной газеты «Новое время», злобно травившей все передовое. О нем была сложена эпиграмма: «Идет по улице собака, за ней Буренин, прост и мил. Городовой, смотри, однако, чтоб он ее не укусил».

18. Как у Карла V (*франц.*). *Карл V* (1500—1558) — император Священной Римской империи в 1519—1556 гг., испанский король из династии Габсбургов. В 1555 г. отрекся от престола.

19. Служанка-госпожа (*франц.*).

20. *Салтыков Иван Петрович* (1730—1805) — граф, генерал-фельдмаршал, участник Семилетней, русско-турецких и русско-шведской войн. С 1797 г. — генерал-губернатор Москвы.

21. Глава заговора (*франц.*).

22. *Кокошкин Федор Федорович* (1773—1838) — драматург.

23. *Щепкин Михаил Семенович* (1788—1863) — актер. Основоположник реализма на русской сцене. С 1823 г. — в московских театрах (с 1824 г. — в Малом театре, который называли «домом Щепкина»).

24. *Бантышев Александр Олимпиевич* (1804—1860) — оперный певец.

25. *Ленский* (Воробьев) *Дмитрий Тимофеевич* (1805—1860) — драматург и актер. Автор ряда водевилей, в том числе одного из самых популярных — «Лев Гурыч Синичкин».

26. *Живокини Василий Игнатьевич* (1805—1874) — актер Малого театра (с 1825 г.). Комик-буфф, мастер импровизации.

27. *Раич* (настоящая фамилия Амфитеатров) *Семен Егорович* (1792—1855) — поэт и переводчик.

28. *Шевырев Степан Петрович* (1806—1864) — критик, историк литературы, поэт, академик.

29. *Павлов Николай Филиппович* (1803—1864) — писатель. Автор повестей «Именины», «Аукцион». «Ятаган».

30. *Аксаков Сергей Тимофеевич* (1791—1859) — писатель. Автор книг «Семейная хроника», «Детские годы Багрова внука» и других произведений.

31. *Кони Федор Алексеевич* (1809—1879) — драматург, театральный критик, мемуарист. Автор водевилей.

32. *Ахилл (Ахиллес)* — в древнегреческой эпической поэме «Илиада» которая приписывается Гомеру, — один из храбрейших греческих героев, осаждавших Трою.

33. Короткие панталоны (*франц.*).

34. Как? (*франц.*).

35. *Волконская Зинаида Александровна* С1792—1862) — княгиня, писательница. В ее салоне (в доме мачехи, княгини Белосельской-Белозерской, на Тверской — ныне перестроенный д. № 14 по ул. Горького) собирались писатели, поэты, художники. Бывал А. С. Пушкин. 26 декабря 1826 г. здесь провожали М. Н. Волконскую, уезжавшую к мужу-декабристу С. Г. Волконскому, сосланному в Сибирь.

ГЛАВА XV

1. *Девичье поле* — историческая местность на юго-западе Москвы, в излучине Москвы-реки, между Плющихой и Новодевичьим монастырем. Название происходит от монастыря (XVI в.). В конце XVII — начале XVIII в. здесь располагалась Новая Конюшенная слобода. В XVIII—XIX в в . — место народных гуляний.

2. *Всенощная* — христианская церковная служба с вечера до окончания ночи. Состоит из вечерни, повечерия, полунощницы и утрени.

3. Предположение о строительстве собора Новодевичьего монастыря Фрязином Алевизом (Новым) некоторые современные исследователи подвергают сомнению, указывая на сходство его архитектуры с архитектурой собора женского Суздальского монастыря и отличие от архитектуры Архангельского собора в Кремле, который строил Алевиз Новый.

4. *Годунов Борис Федорович* (ок. 1552—1605) — царь с 1598 г. В 1587—1598 г г . — фактический правитель Русского государства.

5. *Софья Алексеевна* (1657—1704) — правительница Русского государства в 1682—1689 гг., дочь царя Алексея Михайловича.

6. *Шекловитый* (современная транскрипция Шакловитый) *Федор Леонтьевич* (?—1689) — окольничий. Фаворит царевны Софьи Алексеевны. Подьячий Тайного, а затем Стрелецкого приказа. Руководитель заговора против Петра I. Казнен.

7. *Акафист* — христианское хвалебное церковное песнопение.

8. *Бекетов Платон Петрович* (1761—1836) — книгоиздатель, владелец типографии.

9. *Коржавин Федор Васильевич* (1745—1812) — просветитель, купец, путешественник, литератор. Участник войны за независимость США.

10. *Чертков Александр Дмитриевич* (1789—1858) — тайный советник, председатель Московского общества истории и древностей российских, основатель «чертковской библиотеки», нумизмат, академик. Автор ряда исторических исследований.

11. *Строганов Сергей Григорьевич* (1794—1882) — граф, государственный деятель, член Государственного совета. В 1835—1847 г г . — попечитель Московского учебного округа. В 1859—1860 г г . — московский генерал-губернатор. Археолог. Председатель Московского общества истории и древностей российских, основатель Строгановского училища.

12. *Мусин-Пушкин Алексей Иванович* (1744—1817) — граф, историк, коллекционер, член Российской академии, президент Академии художеств. Открыл и издал «Слово о полку Игореве» (1800 г.). Собранная им уникальная коллекция письменных и вещественных памятников русской истории находилась в его дворце на Разгуляе (памятник архитектуры в стиле классицизма — Спартаковская ул., 2, архитектор М. Ф. Казаков, конец XVIII в.). Значительная часть погибла во время пожара 1812 г.

13. *Полуполтина* — русская серебряная монета достоинством 25 копеек. Чеканилась с 1701 г.

14. *Солдатенков Козьма Терентьевич* (1818—1901) — издатель, владелец художественной галереи, меценат и коллекционер. Жил в городской усадьбе XVIII в. на Мясницкой (ул. Кирова, 33—37), получил прозвище «мясницкий Медичи».

15. *Ровинский Дмитрий Александрович* (1824—1895) — государственный деятель, юрист, историк искусства. Участник проведения судебной реформы 1864 г., инициатор введения мирового суда и суда присяжных. Собиратель и исследователь гравюры и лубка. Составитель словарей русских граверов и гравированных портретов.

16. *Церковь Успения в Печатниках* (местность в северной части центра Москвы, где в конце XVI в. возникла слобода печатников — мастеров Печатного двора) построена в 1695 г.; кубический бесстолпный одноглавый объем и шатровую колокольню соединяет трапезная. Ныне в здании выставка «Морской флот СССР».

17. С XVI в. известен книжный ряд, который располагается возле моста над Алевизовым рвом у Спасской башни. Здесь же можно было купить лубки и гравюры — так называемые «фряжские листы». У моста в начале XVIII в. открылась первая публичная библиотека В. А. Киприянова.

18. *Соловые лошади* — желтоватой масти со светлыми хвостом и гривой.

19. *Проточина* — узкая полоса белой шерсти, идущая от лба к верхней губе.

20. *Коренник* — лошадь, запрягаемая «в корень», то есть в оглобли (при наличии пристяжных).

21. *Курбет* — прыжок с поджатыми передними ногами, совершаемый лошадью.

22. *Экзерцирмейстер* — командующий учением солдат.

23. *Зубово* — местность на юго-западе Москвы, названа по стрелецкой слободе полка Зубова (XVII в.).

24. *Фельдъегерь* — правительственный курьер в военном звании.

25. *Покров день* — церковный праздник Богородицы.

26. *Макаров Алексей Васильевич* (1674 или 1675—1750) — государственный деятель, кабинет-секретарь Петра I, выходец из посадских людей. При Петре II — президент Камер-коллегии.

27. *Ягужинский Павел Иванович* (1683—1735) — государственный деятель и дипломат, один из ближайших помощников Петра I, генерал-прокурор Сената.

28. *Прокопович Феофан* (1681—1736) — государственный и церковный деятель, писатель, сподвижник Петра I, глава Ученой дружины. Автор «Трагикомедии», «Слова о власти и чести царской» и других произведений.

29. Писатель и государственный деятель А. С. Шишков «Рассуждением о старом и новом слоге российского языка», вышедшем в 1803 г., открыл поход против языковой реформы Н. М. Карамзина, вылившийся в ожесточенную борьбу «шишковистов» и «карамзинистов».

30. *Рогатка* — преграда в виде продольного бруса на крестообразно сколоченных стойках.

31. *Воронцов Михаил Семенович* (1782—1856) — государственный деятель, генерал-фельдмаршал, светлейший князь. В 1823—1844 г г . — новороссийский и бессарабский генерал-губернатор, позднее — наместник на Кавказе.

32. *Трубецкой Никита Юрьевич* (1699—1767) — князь, генерал-фельдмаршал. С 1740 г. — генерал-прокурор Сената, позднее — президент Военной коллегии.

33. *Миних Бурхард Кристоф* (1683—1767) — граф, военный и государственный деятель, командовал русской армией в русско-турецкой войне 1735—1739 гг. В 1742 г. сослан Елизаветой Петровной, возвращен из ссылки Петром III.

34. *Бестужев-Рюмин Алексей Петрович* (1693—1766) — граф, государственный деятель и дипломат, генерал-фельдмаршал. В 1744—

1758 гг. — канцлер. С 1762 г. — первоприсутствующий в Сенате.

35. *Волынский Артемий Петрович* (1689—1740) — государственный деятель и дипломат. С 1738 г. — кабинет-министр императрицы Анны Ивановны. Противник бироновщины. Возглавил кружок дворян — сторонников его проектов изменения государственного устройства. Казнен.

36. *Ювенал Децим Юний* (около 60 — около 127) — римский поэт-сатирик.

37. *Вяземский Александр Алексеевич* (1727—1793) — князь, государственный деятель, доверенное лицо Екатерины II. С 1764 г. — генерал-прокурор Сената, в 1767 г. — председатель Комиссии по составлению нового Уложения. Член Совета при высочайшем дворе.

38. В многократно перестроенном доме И. П. Архарова ныне размещается Дом ученых (Кропоткинская ул., 16).

39. *Причетник* — младший член церковного причта; псаломщик, пономарь.

40. «Это большой интриган». «Он более на месте там, чем здесь» (*франц.*).

41. *Драгуны* — вид кавалерии, предназначенной для действий как в конном, так и в пешем строю.

42. *Егеря* — вид легкой пехоты. Формировались из лучших стрелков и действовали в рассыпном строю.

43. *Тараканова Елизавета* (ок. 1745—1775) — выдавала себя за дочь императрицы Елизаветы Петровны и объявила себя претенденткой на русский престол. В 1775 г. заключена в Петропавловскую крепость.

ГЛАВА XVI

1. *Эйлер Леонард* (1707—1783) — математик, механик, физик, астроном. Родился в Швейцарии. С 1727 г. — в России. В 1731—1741 гг. — академик. В 1741—1766 гг. — работал в Берлине, член Берлинской академии наук.

2. *Миних Иоганн Эрнст* (1707—1788) — граф, дипломат, мемуарист, сын Б. К. Миниха. В начале 1740-х гг. — обер-гофмаршал двора. В 1743—1763 гг. — в ссылке в Вологде. Автор «Записок» о правлении Анны Ивановны.

3. *Берлин* — старинная карета.

4. *Тредиаковский Василий Кириллович* (1703—1768) — поэт, филолог, академик. Автор поэмы «Тилемахида», труда о принципах стихосложения.

5. *Барсов Антон Алексеевич* (1730—1791) — языковед, профессор Московского университета (с. 1755 г.), академик. Автор грамматики, исследователь синтаксиса русского языка.

6. *Румовский Степан Яковлевич* (1734—1812) — астроном, академик.

7. *Шувалов Иван Иванович* (1727—1797) — граф, государственный деятель, фаворит императрицы Елизаветы Петровны, генерал-адъютант. Покровительствовал просвещению. Первый куратор Московского университета, президент Академии художеств.

8. *Эспадрон* — спортивная сабля, колющее и рубящее оружие. Имеет стальной клинок трапециевидного сечения и рукоять — эфес.

9. *Мирович Василий Яковлевич* (1740—1764) — подпоручик Смоленского полка, пытавшийся освободить из Шлиссельбургской крепости Ивана VI Антоновича. Казнен.

10. *Разумовский Андрей Кириллович* (1752—1836) — светлейший князь, дипломат, посол в Вене.

11. *Разумовский Алексей Кириллович* (1748—1822) — граф, государственный деятель; мистик, реакционер. В 1810—1816 гг. — министр народного просвещения.

12. Дом-усадьба Разумовского построен в 1799—1802 гг. архитектором А. А. Менеласом в стиле классицизма. Оригинален вход, который вместе с лестницами вписан в гигантскую нишу с кессонированным полукуполом. К главному дому примыкают обширный парк и хозяйственный двор. Здание (ул. Казакова, 18—20) капитально отреставрировано.

13. Разумовиа... новый вид Персонатери, названный Разумовиа (*лат.*).

14. Севрский фарфор — художественные изделия фарфорового завода в Севре близ Парижа.

15. *Местр Ксавье де* (1763—1852) — граф, французский писатель, ученый. Эмигрировал в Россию в 1800 г. Директор Морского музея.

16. *Церковь Вознесения* на Гороховом поле построена в 1790—1793 гг. по проекту архитектора М. Ф. Казакова в стиле классицизма. Ротондальный объем соединен трапезной с трехъярусной колокольней, завершающейся шпилем. Памятник расположен на улице Радио, 2.

17. *Линней Карл* (1707—1778) — шведский естествоиспытатель, создатель системы растительного и животного мира, первый президент Шведской академии наук, почетный член Петербургской академии наук.

18. *Монморанси Анн* (1493—1567) — герцог, маршал Франции. Фактический правитель при Генрихе II.

19. *Греч Николай Иванович* (1787—1867) — журналист, писатель, филолог. Один из издателей журнала «Сын отечества» и газеты «Северная пчела» (совместно с Ф. М. Булгариным). Сторонник официальной народности. Автор романов и мемуаров.

20. *Ришелье Арман Эмманюэль дю Плесси* (1766—1822) — герцог, эмигрировал в Россию во время революции во Франции. В 1805—1814 гг. — генерал-губернатор Малороссии. С 1814 г. — министр правительства Людовика XVIII.

21. *Кожевники* — местность в Замоскворечье. На севере примыкает к Садовому кольцу, на востоке — к Москве-реке, на западе — к линии железной дороги Павелецкого направления. Названа по слободе, где в XVIII столетии жили ремесленники, изготовлявшие кожи.

22. *Бастилия* — крепость в Париже. С XV в. — государственная тюрьма. Штурм Бастилии восставшим народом стал началом Великой французской революции. Срыта в 1790 г.

23. *Мерлушка* — мех, выделанная шкурка грубошерстной породы овец.

ГЛАВА XVII

1. *Сен-Клу* — королевский замок в одноименном городе на берегу Сены. Построен в XVI в. В 1782 г. замок Сен-Клу куплен Людовиком XVI для Марии-Антуанетты. Роскошно отделан Наполеоном. В 1870 г. замок разрушен.

2. *Минин Кузьма* (?—1616) — народный герой, организатор народно-освободительной войны русского народа против польско-шведской интервенции, один из руководителей земского ополчения. Нижегородский посадский. С сентября 1611 г. — земской староста.

3. Дом Кологривова находился на Тверском бульваре. В нем устраивались танцмейстером Иогелем танцевальные вечера для аристократической молодежи. На одном из них А. С. Пушкин впервые увидел Н. Н. Гончарову. На месте этого здания ныне оригинальное по архитектуре новое здание Московского Художественного театра (Тверской бульв., 22).

4. *Герберштейн Сигизмунд* (Зигмунд, 1486—1566) — немецкий дипломат и путешественник. Посетил Москву с посольствами в 1517 и 1526 гг. Издал быстро завоевавшую популярность книгу «Заметки о московских делах», составил первый (приблизительный) план Кремля.

5. *Асессор* — судебное должностное лицо.

6. *Гостиница Шевалдышева* находилась в 1830—1860-х гг., в доме, который стоял на территории бывшего владения графа П. С. Салтыкова (ныне перестроенное здание под № 12 по ул. Горького).

7. *Мариво Пьер Карле де Шамблен де* (1688—1763) — французский писатель.

8. *Богданович Ипполит Федорович* (1743/44—1803) — поэт. Поэма «Душенька» пародировала героические поэмы классицизма.

9. *Ботфорты* — род высоких сапог с широким раструбом.

10. *Коты* — род теплой обуви, преимущественно женской.

11. *Меделянские собаки* — порода крупных охотничьих собак, происходящих из Северной Италии. Обучались для травли медведей.

12. *Чертов мост* русские войска под командованием Суворова форсировали в сентябре 1799 г. во время перехода из Италии в Швейцарию.

13. *Сирепта* — немецкая колония на реке Сарепте Саратовской губернии.

14. *Раек* — верхний ярус театрального зала, галерка.

15. *Юфть* — сорт кожи, получаемой особой обработкой шкур крупного рогатого скота, лошадей, свиней.

16. *Бунчук* — древко с привязанным конским хвостом — символ власти турецких пашей, а также казачьих атаманов, украинских и польских гетманов.

17. *Ярополк I* (?—980) — князь киевский (с 972 г.). Старший сын князя Святослава.

18. *Ярослав Мудрый* (ок. 978—1054) — великий князь киевский (1019 г.). Сын Владимира I. Изгнал Святополка I, боролся с братом Мстиславом, разделил с ним государство, а затем в 1036 г. вновь объединил его. Установил династические связи со странами Западной Европы.

19. *Болеслав I Храбрый* (967—1025) — князь польский, король с 1025 г. из династии Пястов. Объединил польские земли, учредил в Гнездо архиепископство. В 1018 г. временно захватил червенские — древнерусские города и замки на Волыни.

20. *Блудов Дмитрий Николаевич* (1785—1864) — государственный деятель. Племянник Г. Р. Державина. Один из учредителей литературного общества «Арзамас». В 1832—1838 гг. — министр внутренних дел. Руководил разработкой «Уложения о наказаниях» (1854 г.). Президент Академии наук. Председатель Государственного совета и комитета министров.

21. *Скотт Вальтер* (1771—1832) — английский писатель. Создал жанр исторического романа, сочетающего романтику с реалистическим изображением жизни и действующих героев.

22. *Столбовые дворяне* — потомственные, древнего рода, занесенные в XVI—XVII вв. в столбцы, то есть родословные книги.

23. *Тургенев Александр Иванович* (1784—1845) — общественный деятель, историк, писатель. Член литературного кружка «Арзамас». Собирал документы по истории России в зарубежных архивах. Автор писем о европейской жизни. Почетный член Академии наук.

24. *Шишак* — древнерусский железный, вытянутый вверх шлем с наушниками и наносником.

25. *Забрало* — часть шлема, покрывающая лицо.

26. *Сперанский Михаил Михайлович* (1772—1839) — граф, государственный деятель. С 1808 г. — ближайший советник императора Александра I, автор плана либеральных преобразований, инициатор создания Государственного совета. В 1812—1816 гг. — в ссылке, затем генерал-губернатор Сибири, позже кодифицировал законы.

27. *Хвостов Дмитрий Иванович* (1757—1835) — граф, писатель, сенатор.

28. *Шатобриан Франсуа Рене де* (1768—1848) — виконт, французский писатель-романтик. Дворянско-монархических убеждений.

29. *Кассандра* — в древнегреческой мифологии дочь царя Трои Приама, получившая от Аполлона пророческий дар. Отвергнутый Кассандрой Аполлон внушил троянцам не верить ее прорицаниям, что привело к падению Трои.

30. *Халдеи* — семитические племена, жившие в первой половине I тысячелетия до н. э. в Месопотамии. Вели борьбу с Ассирией за обладание Вавилоном. В данном случае название условно переносится на одну из противоборствующих сторон в литературной борьбе между «Арзамасом», «Беседой любителей русского слова» и Российской академией, которые возглавлял А. С. Шишков.

31. *Уваров Сергей Семенович* (1786—1855) — граф, государственный деятель, реакционер. С 1818 г. — президент Академии наук. В 1833—1849 гг. — министр народного просвещения. Автор официальной программы «православие, самодержавие, народность».

32. *Мадригал* — здесь: небольшое стихотворение любовно-лирического содержания.

ГЛАВА XVIII

1. *Варсанофьевский женский монастырь* упразднен в 1765 г. Находился на территории, которая расположена между современными улицами Рождественкой и Дзержинского. На этом месте проходит переулок, сохранивший с начала XVIII в. старомосковское название Варсанофьевский.

2. *Иван Иванович* (1554—1581) — царевич, старший сын Ивана IV Грозного. Участник Ливонской войны и опричнины. Убит отцом во время ссоры.

3. *Покровский монастырь* — мужской, основан на территории бывшего кладбища, где прежде размещался Убогий дом (богадельня, ныне Таганская ул., 58). В первой половине прошлого века полностью перестроен. Сохранились церковь Покрова (1806—1814 гг.), кельи, дом причта, декоративные стены и башни. Упразднен после Октябрьской революции. Ныне на территории бывшего кладбища парк культуры и отдыха Таганского района.

4. *Котлы* — местность на юге Москвы, на правом берегу Москвы-реки. Название происходит от деревень Верхние и Нижние Котлы. Известна

с XIV в. В 1606 г. в районе Котлов произошло сражение между войсками царя В. И. Шуйского и отрядами И. И. Болотникова, лагерь которого находился возле этих деревень. Повстанцы потерпели поражение. Ныне район массовой жилой застройки вдоль Варшавского шоссе.

5. *Воронцов Иван Илларионович* (1709—1789) — граф, генерал-лейтенант, младший брат канцлера М. И. Воронцова — участника переворота 1741 г. в пользу Елизаветы и Р. И. Воронцова, за лихоимство получившего прозвище «Роман — большой карман».

6. Им был каменного дела мастер старец Филарет. О Каменном мосте — см. примеч. 26 к главе I.

7. *Тын* — частокол или сплошной забор из вертикально поставленных бревен, жердей.

8. *Батюшков Константин Николаевич* (1787—1855) — поэт-лирик.

9. *Клеопатра* (69—30 до н. э.) — последняя царица Египта из династии Птолемеев. После поражения в войне с Римом и вступления в Египет римской армии Октавиана (Августа) покончила жизнь самоубийством.

10. *Тальма Франсуа Жозеф* (1763—1826) — французский актер. Представитель классицизма и реализма, реформатор костюма и грима.

11. *Городскую усадьбу И. И. Воронцова,* в которой в 1808 г. разместилась Медико-хирургическая академия, а с 1845 г. клиники Московского университета, после реконструкции по проекту архитекторов С. У. Соловьева и Ф. О. Шехтеля в 1890 г. заняло Строгановское училище. Ныне здесь Московский архитектурный институт (ул. Рождественка, 11).

12. *Мусин-Пушкин Иван Алексеевич* (род. в конце XVII в.) — граф, участник Северной войны, руководил Монетным двором.

13. *Мусин-Пушкин Платон Иванович* — граф, сенатор. В 1716—1719 гг. состоял в Голландии при после Б. И. Куракине. Выполнял дипломатические поручения. Президент Коммерц-коллегии. Был близок к А. П. Волынскому (см. примеч. 35, гл. XV). В 1740 г. лишен чинов и графского достоинства, по вырезании языка сослан в Соловецкий монастырь. Возвращен при Елизавете Петровне.

14. *Куракин Борис Иванович* (1676—1727) — дипломат, родственник Петра I. Один из образованнейших людей своего времени. Автор путевых заметок и автобиографии.

15. *Колымажный двор,* где хранились царские возки, колымаги и кареты в XVI столетии, располагался на территории, где проходил Антипьевский переулок (ныне ул. Маршала Шапошникова, 8). Старое название дано по церкви Антипия на Колымажном дворе XVI в. (реставрирована).

16. Название *Арбат* происходит, как считают современные исследователи, от слова «арбад», «рабад» арабского происхождения, означающего пригород, предместье.

17. *Разряд* — правительственные назначения на военную, государственную и придворную службу с учетом местничества в России. Записывались в разрядную книгу.

18. *Целовальник* — должностное лицо в русском государстве в XV—XVIII столетиях. Избирался из посадских людей или черносошных (лично свободных) крестьян для исполнения различных финансовых и судебных обязанностей. Клялся честно выполнять их (целовал крест).

19. *Улу-Мухаммед был* изгнан братом из Золотой Орды. В 1439 г. со своей ордой напал на Москву. Великий князь Василий II Темный, не успев собрать войско, удалился на Волгу, оставив воеводой в Москве князя Юрия Патрикеева, но татары, простояв под Москвой десять дней и разорив села между Москвой и Коломной, «к граду не дошев ничтоже».

20. *Василий II Темный* (1415—1462) — великий князь московский. Сын Дмитрия Донского. Вел борьбу за великое княжение с дядей Юрием Галицким и двоюродными братьями Дмитрием Шемякой и Василием Косым, был взят в плен и ослеплен. Впоследствии одержал победу.

21. *Крестовоздвиженский мужской монастырь,* «что на острове», был основан в XV в. неподалеку от реки Неглинной около лесного островка. Он дал название улице Воздвиженке (ныне просп. Калинина) и Крестовоздвиженскому переулку (пер. Янышева). Упразднен после 1812 г.

22. *Церковь Бориса и Глеба* у Арбатских ворот построена в 1764 г. Имела четыре придела (не сохранилась).

23. *Сагайдачный Петр Кононович* (?—1622) — гетман украинских казаков. Руководил походами на Крым и в Турцию. В 1618 г. принял участие в походе на Москву вместе с войском королевича Владислава. В 1620 г. направил в Москву посольство с просьбой принять казачество Украины на службу. Боролся против засилья католической и униатской церквей.

ГЛАВА XIX

1. *Стольник* — дворцовый (придворный) чин-должность в Русском государстве. Первоначально прислуживал князьям (царям) во время торжественных трапез, сопровождал во время поездок. Позднее назначался на различные должности.

2. В XVIII в. *стряпчий* — дворцовый слуга, придворный чин, следующий за стольником.

3. *Солари Пьетро Антонио* (ок. 1450—1493) — итальянский архитектор. Принадлежал к семье известных миланских зодчих и скульпторов. Прибыл в Москву в 1490 г. Принимал руководящее участие в строительстве Грановитой палаты, стен и основных проездных башен: Боровицкой, Константино-Еленинской, Фроловской (Спасской) и Никольской, а также Угловой Арсенальной башни.

4. *Степенная книга* составлена в 1560—1563 гг. духовником Ивана IV Грозного Андреем (позднее — митрополит Афанасий). Систематически излагает русскую историю от Владимира I Святославича до Ивана Грозного, используя летописи, хронографы, родословные книги и другие исторические источники. Разделена на 17 граней (родословных степеней), что объясняет название.

5. *Серафимы* — одна из категорий ангелов — в христианстве посредники между богом и людьми.

6. Современные исследователи указывают другую дату — 1495 г.

7. *Петр* (ум. 1326) — митрополит. Перевел митрополичью кафедру из Владимира в Москву, основал Успенский собор.

8. *Алексей* (1290-е гг. — 1378) — митрополит. Поддерживал политику московских князей. Фактический глава московского правительства при малолетнем князе Дмитрии (Донском).

9. *Иона* (ум. 1461) — митрополит, первый — фактически независимый от константинопольского патриарха.

10. *Сергий Радонежский* (ок. 1321—1391) — основатель и игумен Троице-Сергиева монастыря. Активно поддерживал объединительную и национально-освободительную политику Дмитрия Донского.

11. *Олеарий Адам* (1603—1671) — немецкий путешественник. Посещал Москву в 1634 г. в составе шлезвиг-гольштинского посольства, а также в конце 1630-х гг. и в 1643 г. Автор «Описания путешествия в Московию...» и плана-чертежа Москвы.

12. Место для объявлений (*лат.*).

13. *Годуновский план Москвы* датируется 1604—1605 гг., схож с так называемым Петровским планом, изданным в 1597 г. за границей.

14. *Конклав* — собрание кардиналов, созываемое после смерти римского папы для избрания нового. Происходит в изолированном от внешнего мира помещении.

15. *Басманов Петр Федорович* (?—1606) — приближенный Бориса Годунова, командовал русскими войсками. В 1605 г. перешел на сторону Лжедмитрия, стал его доверенным лицом.

16. *Ляпунов Захарий Петрович* (? — после 1612) — организатор свержения царя Василия Шуйского. Брат П. П. Ляпунова, который возглавлял отряд рязанских дворян в армии Болотникова, затем перешел на сторону Шуйского и участвовал в его свержении. Член посольства к Сигизмунду III.

17. *Иоаким* (ум. 1690) — патриарх с 1674 г. Содействовал развитию просвещения, пригласив в Россию ученых братьев-греков Лихудов, преподававших в Славяно-греко-латинской академии. Принимал участие в диспуте о вере с раскольниками во главе с Никитой Пустосвятом.

18. *Окольничий* — придворный чин и должность в Русском государстве до XVIII в. Возглавлял приказы, полки.

19. *Дьяк* — начальник и письмоводитель канцелярий разных ведомств в России до XVIII в. Дьяки руководили работой местных учреждений (съезжие избы) и приказов. Наиболее высокопоставленные — думные дьяки.

20. *Рундук* — крытая площадка наружной лестницы.

21. *Полуполковник* — подполковник; полуголова — помощник головы.

22. *Вайя* — листья папоротников.

23. *Покровский собор* был построен в 1555—1561 гг. зодчими Бармой и Постником (см. примеч. 17 к главе IV).

24. *Придел Василия Блаженного,* давший всему сооружению второе название, был построен в 1588 г.

25. *Крестцы* — перекрестки, развилки улиц.

26. *Китай-город* — один из древнейших исторических районов Москвы. Торгово-ремесленный посад в XIV—XVI вв. С конца XV в. начинается вытеснение ремесленников дворами бояр и духовенства. Крупнейший центр культуры, где располагались Печатный двор (XVI в.), Славяно-греко-латинская академия (XVII—XIX вв.), первые публичные театр и библиотека, Московский университет (XVIII в.). При этом сохранилось значение торгового центра. В конце XIX в. Китай-город становится деловым центром. Название известно с XVI в. Происходит предположительно от слова «кита» — связка жердей, употреблявшаяся при возведении оборонительных сооружений.

27. *Мейерберг Августин* (1622—1688) — австрийский дипломат, посетивший Москву в 1661—1662 гг. Автор книги «Путешествие в Московию...». Составил альбом планов и рисунков, план-чертеж Москвы.

28. *Земский приказ* — центральное государственное учреждение в XVI—XVII вв.; ведал городским благоустройством и охраной порядка в Москве, собирал налоги с тяглового населения, осуществлял суд по уголовным и гражданским делам. С 1564 по 1699 г. находился в здании на Красной площади (на месте Исторического музея). Многоярусную постройку с нарядным белокаменным декором и башней впоследствии занимали Главная аптека и Московский университет.

29. *Медведково* — местность на севере Москвы, между реками Яузой и Чермянкой. Название от бывшего села, известного с начала XVI в. В XVII в. принадлежало Д. М. Пожарскому — одному из руководителей народного ополчения, освободившего Москву от интервентов в 1612 г. Ныне Медведково — район массовой жилой застройки.

30. *Дорошенко Петр Дорофеевич* (1627—1698) — гетман Правобережной Украины в 1665—1676 гг. При поддержке Турции и Крымского ханства пытался овладеть Левобережной Украиной. В 1676 г. сдался русским войскам.

31. Белградский мир, заключенный 18 (29) сентября 1739 г., завершил русско-турецкую войну 1735—1739 гг. России был возвращен город Азов.

32. *Ледяной дом* — выстроен зимой 1740 г. в Петербурге на Неве для развлечения императрицы Анны Ивановны. Весь дом был построен изо льда. Снаружи стояли ледяные пушки, из которых стреляли, ледяной слон и дельфины, выбрасывающие то воду, то горящую нефть. Внутри вся мебель, украшения, посуда, даже карты и марки были также изо льда. В ледяном камине горели облитые нефтью дрова, была даже ледяная баня, в которой парились. После венчания шута императрицы М. В. Голицына на калмычке молодые провели ночь в ледяном доме, едва не замерзнув. Свадьба легла в основу исторического романа И. И. Лажечникова «Ледяной дом», который приобрел широкую популярность.

33. *Русская правда* — свод древнерусского феодального права. Списки XIII—XVIII вв. Ярослав I Владимирович (Мудрый, 978—1054) — князь киевский.

34. *Щербатов Михаил Михайлович* (1733—1790) — публицист, историк. Автор памфлета «О повреждении нравов в России», 15-томной «Истории российской от древнейших времен».

ГЛАВА XX

1. *Знаменский монастырь* — мужской, основан в 1630-х гг. на дворе бояр Романовых (ныне ул. Разина, 8—10). Архитектурный ансамбль сложился в 1675—1689 гг. В него входят пятикупольный Знаменский собор (1679—1684 гг., крепостные зодчие Ф. Григорьев, Г. Анисимов, ныне концертный зал), казенные кельи (реставрация XIX в., архитектор Ф. Ф. Рихтер) стилизованы под древнерусскую архитектуру — ныне «Палаты XVI—XVII вв.» — филиал Государственного Исторического музея; колокольня XVIII в. и игуменские кельи, в которых размещается правление Московского отделения Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры.

2. В XVI в. старая *Дмитровская слобода,* где жили переселенцы из города Дмитрова, стала

заселяться знатью. Самым большим владением на этой территории, между современными проспектом Маркса и Столешниковым переулком, был двор дяди царицы Юрия Захарьевича Кошкина-Кобылина. После его смерти здесь был основан Георгиевский девичий монастырь (на территории домов № 3 и 5 по Пушкинской ул.), который сгорел в 1812 г.

3. *Девлет-Гирей* (?—1577) — крымский хан с 1551 г. Организатор походов против России. В 1571 г. сжег Москву. Разбит русскими войсками в Молодской битве 1572 г.

4. *Церковь Максима Исповедника* была построена в 1698 г. на месте более древней, XVI столетия. До нее здесь на Варварке (ныне ул. Разина) стояла церковь Бориса и Глеба, где в 1433 г. и был похоронен популярный в Москве юродивый Максим, который был канонизирован. Памятник, входящий в архитектурный ансамбль улицы Разина, реставрирован.

5. *Горсей Джером* — английский дворянин, сначала агент «русской компании английских купцов», затем посол королевы Елизаветы. В своих воспоминаниях Горсей оставил яркие портреты Ивана Грозного и Бориса Годунова. Тщеславный и самоуверенный авантюрист, Горсей, по-видимому, послужил прототипом литературного образа Джона Фальстафа. Автор «Записок о Московии...».

6. *Филарет* (Федор Никитич Романов, ок. 1554—1633) — русский патриарх, отец царя Михаила Федоровича. Приближенный царя Федора Ивановича. При Борисе Годунове — в опале, пострижен в монахи. При Лжедмитрии — ростовский митрополит, в 1608—1610 г г . — в Тушинском лагере. В 1610 г. возглавлял Великое посольство к Сигизмунду III. С 1619 г. — фактический правитель страны.

7. *Протоиерей* — старший православный священник.

8. *Вощанка* — вощеная бумага или ткань.

9. *Хоругвь* — полотнище с изображением Христа или святых, укрепленное на длинном древке. Носится во время крестных ходов.

10. *Снегирев Иван Михайлович* (1793—1868) — историк, этнограф, фольклорист, член-корреспондент Академии наук. Автор ряда трудов по истории Москвы — «Памятники московской древности», «Москва», «Русская старина в памятниках церковного и гражданского зодчества» (совместно с А. Мартыновым).

11. *Вельтман Александр Фомич* (1800—1870) — писатель, член-корреспондент Академии наук. В цикле романов («Приключения, почерпнутые из моря житейского») фантастика сочетается с реальными образами, элементы приключенческого жанра с бытовым планом.

12. *Устав* — тип почерка древних славянских рукописей, написанных кириллицей (одна из первых славянских азбук; приписывается Кириллу и Мефодию) характерен четким начертанием каждой буквы и отсутствием сокращений.

13. Не мне, но другим (*лат.*).

14. *Лихуды Иоанникий* (1633—1717) и *Софроний* (1652—1730) — деятели русского просвещения, братья, греки, учились в Италии. С 1685 г. в России, преподаватели Славяно-греко-латинской академии. Авторы учебников, словаря.

15. *Медведев Сильвестр* (в миру Симеон Агафонович; 1641—1691) — писатель, ученый, деятель просвещения. Ученик и секретарь Симеона Полоцкого. В 1678—1689 г г . — справщик Печатного двора. За поддержку Софьи Алексеевны арестован в 1689 г. Казнен. Автор записок и стихотворений.

16. *Ломоносов Михаил Васильевич* (1711—1765) — первый русский ученый-естествоиспытатель мирового значения, поэт, историк, просветитель, первый русский академик. Учился в Славяно-греко-латинской академии с 1731 по 1735 г.

17. Прекрасно (*лат.*).

18. *Магницкий Леонтий Филиппович* (1669—1739) — преподаватель математики в школе математических и навигацких наук, автор первого русского печатного руководства «Арифметика...» — энциклопедии математических знаний того времени.

19. *Рубан Василий Григорьевич* (1742—1795) — писатель, переводчик, поэт. Секретарь Г. А. Потемкина. Издатель журналов («Ни то, ни се», «Трудолюбивый муравей»). Автор первых русских путеводителей по Петербургу и Москве, многочисленных торжественных од, стихотворных посланий, гимнов, элегий и эпитафий.

20. *Карл I* (1600—1649) — английский король из династии Стюартов. Низложен и казнен во время английской буржуазной революции.

21. Официально иконы не продавали, а «выменивали».

22. *Куранты* — первая русская рукописная газета. Составлялась в Посольском приказе для информации правительства о зарубежных событиях. Сохранилась с 1600 г.

23. Однокупольная *церковь Николы Гостунского* в виде кубического объема с закомарами построена в 1506 г. на Ивановской площади Кремля. В 1817 г. к приезду в Москву Александра I древний храм был разобран в одну ночь как «делающий безобразие Кремлю».

24. *Федоров Иван* (ок. 1510—1583) — русский первопечатник. В 1564 г. совместно с Петром Мстиславцем напечатал первую датированную печатную русскую книгу «Апостол». Позднее работал на Украине и в Белоруссии.

25. *Николаевский* (Никольский) греческий *монастырь* — основан в конце XIV в. под названием Никола Старый Большие главы. Первоначально располагался между современными проездами Сапунова и Куйбышевским, поблизости от Богоявленского монастыря. Позднее переведен на Никольскую улицу (ныне ул. 25 Октября) между Заиконоспасским монастырем и Печатным двором. В середине XVI в. передан для временного пребывания греческим монахам. В начале XVIII в. монастырь перестроен на средства князей Кантемиров (в их гробнице похоронен поэт и дипломат А. Д. Кантемир). В начале XX в. ансамбль был перестроен. После Октября монастырь упразднен.

26. *Рейтенфельс Яков* — описатель Москвы. Был в ней в 1671—1673 гг. Автор «Сказания о... Московии».

27. *Гостиница «Славянский базар»* на Никольской улице (ул. 25 Октября., 17) памятна тем, что в этой гостинице в разное время останавливались писатели А. П. Чехов, Г. И. Успенский, композиторы П. И. Чайковский, Н. А. Римский-Корсаков. В ресторане этой гостиницы 21 июня 1897 г. состоялась встреча К. С. Станиславского с В. И. Немировичем-Данченко, положившая начало основанию Художественного театра.

28. *Воротынский Иван Алексеевич* (ум. 1679) — боярин, двоюродный брат царя Алексея Михайловича, сопутствовал ему во всех походах. Последний представитель рода Воротынских.

29. *Салтыков Михаил Михайлович* — боярин, воевода в Казани. Ложно обвинил М. И. Хлопо-

ву — невесту царя Михаила Федоровича в «порче» (неизлечимой болезни). За то, что «государевой радости и женитьбе учинил помешку», М. М. Салтыков и его брат были сосланы, а мать пострижена в монахини. После смерти патриарха Филарета возвращены из ссылки.

30. *Соковнин Алексей Прокофьевич* (ум. 1697) — окольничий, начальник Конюшенного приказа. В 1697 г. участвовал в заговоре стрелецкого полковника Цыклера в пользу Софьи Алексеевны. Четвертован.

31. Вся надежда на колокол из Шена во Франции (*франц.* перевод дается по рабочей гипотезе Д. А. Дробоглава).

32. Campana — колокол (*лат.*). Nola — город в Кампании (Италия).

33. *Царь-колокол* находился еще в отливочной яме, когда разразился опустошительный пожар 1737 г. При его тушении вследствие неравномерного охлаждения колокол дал трещины и от него откололся громадный осколок массой 11,5 тонны. В 1836 г. по проекту архитектора А. Монферрана Царь-колокол был поднят из земли и установлен на постамент.

34. *Маторины* (Моторины) Иван Федорович (ок. 1660—1735) и Михаил Иванович (?—1750) — русские литейщики, пушечные и колокольные мастера, отец и сын. В 1735 г. отлили Царь-колокол.

35. *Лыко* — внутренняя часть коры молодых лиственных деревьев (преимущественно липы), использовалась для изготовления веревок, плетения лаптей, рогож и т. д.

36. *Жильцы* — один из разрядов служилых землевладельцев в Московском государстве XVI—XVII вв. Принадлежали к служилым людям московского чина и занимали среди них четвертое место вслед за стольниками, стряпчими и московскими дворянами, вместе с ними входя в «государев полк», предшествовавший позднейшей гвардии.

37. *Рейтары* — вид тяжелой кавалерии.

38. *Кучум* (? — около 1598) — хан Сибирского ханства. В 1582—1585 гг. воевал с Ермаком. Продолжал сопротивление русским воеводам до 1598 г. После поражения бежал в Ногайскую орду.

39. *Соловьев Сергей Михайлович* (1820—1879) — историк, академик. Ректор Московского университета в 1871—1879 гг. Автор многотомной «Истории России с древнейших времен».

40. *Чубук* — полый стержень курительной трубки, через который курящий втягивает дым табака, а также длинная трубка.

ГЛАВА XXI

1. *Епанча* — старинная верхняя одежда в виде широкого плаща.

2. *Ектенья* (эктения) — часть православного богослужения.

3. *Аналой* — высокий, с покатым верхом столик, на который кладутся богослужебные книги, иконы.

4. Честный преступник (*франц.*).

5. Янькова Елизавета Петровна (1768—1861) — дочь П. М. Римского-Корсакова. Принадлежала к высшим кругам знати и была в курсе многих событий того времени. Хорошо помнила многочисленные предания дворянской Москвы, где прожила всю жизнь. Ее называли живой летописью Москвы конца XVIII — первой половины XIX в., Воспоминания Яньковой, в которых фигурируют представители пяти поколений, собраны и изданы ее внуком Д. Благово под названием «Рассказы бабушки».

6. *Делиль Жак* (1738—1813) — аббат, французский поэт и переводчик. Перевел «Потерянный рай» Мильтона и «Энеиду» Вергилия.

7. Петр I плавал на ботике по Плещееву озеру, на берегах которого расположен древний город Переславль-Залесский. Оно стало колыбелью русского флота. У села Веськова царь основал «Деловой двор», на котором была построена Переславская военная флотилия. 1 августа 1692 г. на озере состоялся первый парад первого русского военного флота.

8. *Долгоруков Яков Федорович* (1639—1720) — князь, сподвижник Петра I, его советник и доверенное лицо. Участник азовских походов. В 1700—1711 гг. — в шведском плену. В 1712 г. — сенатор, затем — президент Ревизион-коллегии.

9. *Костомаров Николай Иванович* (1817—1885) — историк и писатель, академик.

10. *Офрен Жан* (1728—1802) — французский актер.

11. *Долгоруков Василий Владимирович* (1667—1746) — князь, генерал-фельдмаршал. Участник Северной войны. Руководил подавлением булавинского восстания. С 1726 г. — главнокомандующий на Кавказе. С 1728 г. — член Верховного тайного совета. В 1731 г. арестован. Спустя восемь лет заточен в Соловецкий монастырь. С 1741 г. президент Военной коллегии.

12. *Церковь Иоанна Богослова под вязом* построена в 1825—1837 гг. в стиле позднего классицизма. В ней размещается Музей истории города Москвы (Новая пл., 12).

ГЛАВА XXII

1. *Наливайко Северин* (?—1597) — руководитель антифеодального крестьянско-казацкого восстания на Украине и в Белоруссии в конце XVI столетия. Выдан казачьей верхушкой польской шляхте. Казнен в Варшаве. Образ Наливайки вошел в фольклор и художественную литературу.

2. *Кочубей Василий Леонтьевич* (1640—1708) — генеральный писарь, затем генеральный судья (1699 г.) Левобережной Украины. Сообщил Петру I об измене Мазепы. Казнен Мазепой.

3. *Лещинский Станислав* (1677—1766) — польский король в 1704—1711 и в 1733—1734 гг. Изгнан из страны во время войны за польское наследство.

4. *Байрон Джордж Ноэл Гордон* (1788—1824) — английский поэт-романтик, пэр Англии. Автор поэм «Паломничество Чайльд Гарольда», «Дон Жуан» и других произведений.

5. *Собеский Ян* (1629—1696) — польский король, полководец. В 1683 г. разгромил турецкую армию, осаждавшую Вену. Заключил вечный мир с Россией в 1686 г.

6. Август II Сильный (1670—1733) — курфюрст саксонский, польский король. Участник Северной войны на стороне России.

7. *Евдокия Федоровна* (Лопухина, 1669—1731) — дочь боярина Лопухина. Первая жена Петра I, мать царевича Алексея Петровича. В 1698 г. пострижена в монахини. В 1727 г. поселилась в Новодевичьем монастыре в палатах, получивших название лопухинских. Похоронена не в Воскресенском, а в Новодевичьем монастыре,

в Смоленском соборе, рядом с гробницами царевны Софьи и ее сестры Екатерины Алексеевны. На гробнице Евдокии Федоровны надпись: «Лета 7239 а от Р. Х. 1731 г. представися августа 27 дня раба Божия благоверная государыня и великая княгиня Евдокия Федоровна урожденная Лопухина, во инокинях Елена, супруга императора Петра великого, от коея родились царевичи Алексей и Александр Петровичи, во иноческий образ пострижена она в Покровском девичьем монастыре, что в Суздали, 1696 г., а в 1727 г. по указу внука своего, императора Петра II, переведена в Новодевичий монастырь, где и погребена в 60 лет от рождения, а тезоименитство ея 4 августа». Этот же текст воспроизведен в книге великого князя Николая Михайловича «Московский некрополь». СПб., 1907. Т. 1. С. 421.

8. *Левенвельд Карл Густав* (ум. 1735) — камергер. Сообщил Анне Ивановне о решении Верховного Совета. Занимал дипломатические посты. Пользовался расположением Анны Ивановны и Бирона. Враг Миниха.

9. *Лесток Иоганн Герман* (1692—1767) — граф, действительный тайный советник, французский дворянин. С 1713 г. — в России. Приобрел влияние при дворе Елизаветы Петровны. Давал информацию французам и англичанам. В 1748 г. был подвергнут пытке и сослан. Освобожден при Петре III.

10. *Герберг* — кабак.

11. *Церковь Успения на Могильцах* построена в 1791—1799 гг. (архитектор Н. И. Легран, Б. Власьевский пер., 2/2).

12. *Церковь Николы, «что у столпа»,* была построена в 1669 г. К ней примыкала высокая шатровая колокольня. Стояла на пересечении современных переулков: Малого Комсомольского и Армянского. Не сохранилась.

13. *Галуппи Бальдассаре* (1706—1785) — итальянский композитор. Руководил капеллой собора Сан-Марко в Венеции. В 1765—1768 гг. работал в России, мастер опер-буфф с комедийным сюжетом.

14. *Сумароков Иван Богданович* — стольник, прозванный Орлом за спасение на охоте царя Алексея Михайловича от медведя. Сторонник Нарышкиных, на которых поступил донос в том, что они подговаривали Орла убить царя Федора. Правительница государства Софья, стремясь осудить Нарышкиных, пыталась убедить Сумарокова подтвердить этот донос. Но он, проявив твердость и благородство духа, отказался это сделать. По одной версии — казнен после пыток, по другой — погиб во время стрелецкого восстания 1682 г.

15. *Генеральное межевание* — массовое определение границ землевладений помещиков, общин государственных крестьян и других землевладельцев Российской империи с 1766 г. до середины прошлого века. Укрепило землевладение помещиков, легализовав их самовольные захваты государственных земель и лесов.

16. *Юшков Иван Иванович* (ум. 1781) — президент Камер-коллегии, генерал-полицмейстер в г. Петербурге и московский гражданский губернатор. Его дом был построен в конце XVIII столетия в стиле классицизма по проекту архитектора В. И. Баженова. Отличительную особенность архитектуры здания составляет великолепная полуротонда на углу Мясницкой (ул. Кирова) и Боброва переулка. Длительное время здесь находилось Училище живописи, ваяния и зодчества.

17. *Церковь Флора и Лавра* была возведена в 1657 г. напротив московского почтамта у Мясницких ворот Китайгородской стены (не сохранилась).

18. *Фонтенель Бернар ле Бовье де* (1657—1757) — французский салонный поэт, драматург, оперный композитор. Секретарь Французской академии.

ГЛАВА XXIII

1. *Тверской бульвар* — часть Бульварного кольца между площадью Никитских ворот и площадью Пушкина (Страстной), который создан в 1796 г. (архитектор С. Карин) на месте стены Белого города, построенной в 1585—1593 гг. (зодчий Ф. С. Конь). Первый бульвар Москвы. Назван по Тверской улице — главной в Москве (ныне ул. Горького). В первой половине прошлого столетия — место гуляния аристократии.

2. В XVII—XIX вв. по обеим сторонам трассы старинной «волоцкой» дороги из Новгорода в Москву через Волоколамск (ныне здесь проходит ул. Красная Пресня) находились Пресненские пруды (верхний и нижний). Первый из них сохранился на территории Зоопарка. Через речку Пресню был построен мост. Пресненские пруды были в конце XVIII — начале XIX в. местом гуляний московской аристократии. «Большое стечение экипажей со всех концов обширного города, певчие и роговая музыка делают сие гульбище одним из приятнейших», — писал поэт К. Н. Батюшков.

3. *Жабо* — высокий большой воротник мужской сорочки, закрывавший низ щек.

4. *Грейг Самуил Карлович* (1736—1788) — адмирал. Участник Чесменского сражения в 1770 г. В русско-шведской войне 1788—1790 гг. командовал Балтийским флотом.

5. *Зоил* — древнегреческий философ и ритор, живший в IV веке до н. э. Ученик Сократа. Представитель ранней критики гомеровского текста. Его имя стало нарицательным для обозначения несправедливо-придирчивого критика, злобного хулителя.

6. *Ловелас* — герой романа С. Ричардсона «Кларисса». В нарицательном значении — обольститель, волокита.

7. *Марин Сергей Никифорович* (1776—1813) — стихотворец.

8. *Хвостов Дмитрий Иванович* (1757—1835) — граф, сенатор, бездарный стихотворец.

9. *Дом-«комод»* (ул. Чернышевского, 22) — редкий в московской архитектуре памятник гражданского зодчества в стиле барокко. Возведен в 1760-х — начале 1770-х гг. Неизвестный творец этого здания принадлежал к кругу учеников Растрелли. Первоначальными владельцами «московского Зимнего дворца» были Апраксины, а затем князья Трубецкие.

10. Мот (*франц.*).

11. *Бекеша* — мужское пальто старинного покроя со сборками в талии.

12. *Кеньга* — меховая или кожаная теплая обувь без голенищ.

13. *Казимир* — вышедшая из употребления шерстяная ткань с косой ниткой.

14. *Кика* — женский праздничный головной убор в старину.

15. *Кокошник* — старинный женский головной убор с высоким расшитым полукруглым щитком.

16. *Шлейф* — длинный волочащийся позади подол женского платья.

17. *Парки* — в древнеримской мифологии — три богини судьбы, плетущие нить человеческой жизни.

18. *Нелединский-Мелецкий Юрий Александрович* (1752—1829) — поэт. Автор од и песен, стилизованных под народные.

19. *Мятлев Петр Васильевич* (1756—1833) — сенатор.

20. *Трощинский Дмитрий Прокофьевич* (1749—1829) — тайный советник, статс-секретарь Комиссии прошений.

21. *Кутайсов Иван Павлович* (около 1759—1834) — граф, камердинер и фаворит императора Павла I, по национальности турок, пользовался большим влиянием при дворе.

22. *Рубец* — кушанье, приготовленное из желудка жвачных животных.

23. *Петрарка Франческо* (1304—1374) — итальянский поэт, родоначальник гуманистической культуры Возрождения. Основоположник национальной поэзии. Автор поэм, песен, любовных стихотворений.

24. *Алябьев Александр Александрович* (1787—1851) — композитор. Автор популярных романсов в традициях русского городского фольклора, а также опер и балетов.

25. *Верстовский Алексей Николаевич* (1799—1862) — композитор и театральный деятель. Один из основателей жанра оперы-водевиля. Представитель романтизма в русской музыке. Автор популярной оперы «Аскольдова могила», баллады «Черная шаль» и других произведений.

26. *Самотека* — местность в северной части Москвы между современными Садовым кольцом и площадью Коммуны. Получила название по находившемуся здесь до конца XVIII в. Самотечному (проточному) пруду, через который протекала река Неглинная, иногда называвшаяся Самотекой. В конце XVIII в. пруд был частично засыпан, началось строительство жилых домов, а в следующем столетии спущен (на его месте создан сквер).

27. Фавориту Екатерины II И. Н. Римскому-Корсакову принадлежали два дома (№ 24 и 26), памятники русского классицизма, характерные для застройки Тверского бульвара тех лет.

28. *Лорнет* — очки в оправе с ручкой.

ГЛАВА XXIV

1. *Иванов Федор Федорович* (1777—1816) — драматург.

2. *Феб* (*греч.* — блистающий) — второе имя Аполлона как божества солнечного света.

3. *Офросимова Анастасия* (Настасья Дмитриевна, урожденная Лобкова, 1753—1826) — вдова генерал-майора, была известна в обществе резкостью и независимостью суждений. По словам П. А. Вяземского, она «была долго в старые годы воеводою в Москве, чем-то вроде Марфы-посадницы, но без малейших оттенков республиканизма. В московском обществе имела она силу и власть... Она была судом, пред которым докладывались житейские дела, тяжбы, экстренные случаи». Офросимова послужила прототипом литературных образов — Хлестовой в комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума» и Ахросимовой в романе «Война и мир» Л. Н. Толстого.

4. *Парни Эварист* (1753—1814) — французский поэт. В своей лирике обновил принципы классицизма элегичностью, искренностью чувств.

5. *Эртель Федор Федорович* — обер-полицмейстер в Москве с 1798 г. Ф. Вигель о нем писал: «Между гатчинскими офицерами был пруссак Эртель, которого сама природа создала начальником полиции: он весь был составлен из капральской точности и полицейских хитростей».

6. Одна из лучших городских усадеб Москвы на рубеже XIX столетия — Шепелевский дворец был построен в 1795—1805 гг. в стиле классицизма для миллионера, владельца чугунолитейных заводов на Урале И. Р. Баташева. Усадебный комплекс воздвигнут под руководством крепостного архитектора М. Кисельникова по проекту Р. Казакова. Подлинный дворцовый ансамбль ныне занимает городская клиническая больница № 23 им. Медсантруда (Интернациональная ул., 9—11).

7. *Вшивая горка* указана на первом геодезическом плане Москвы, изданном в 1739 г. под руководством архитектора И. Ф. Мичурина. По одной версии последующее название — Швивая горка — «благопристойный» вариант первоначального обозначения грязного, трущобного района. По другой — слово «швивая» — искажение от «ушивая», то есть горка, покрытая ушем — колючей травой, терние. В устных преданиях существовала и третья версия — происхождения слова от «швеи». Но сведения о поселении в этом районе ремесленников-портных отсутствуют.

8. *Злобин Василий Алексеевич* (1750—1814) — откупщик-миллионер.

9. *Карин Федор Григорьевич* (ум. 1800) — переводчик, которого называли «московским сибаритом».

10. *Костров Ефим Иванович* (1750 или 1752, ум. 1796) — поэт и переводчик. Один из основоположников русского сентиментализма.

11. *Дидро Дени* (1713—1784) — французский философ-материалист, писатель. Основатель и редактор «Энциклопедии, или Толкового словаря наук, искусств и ремесел».

12. *Ифигения* — в древнегреческой мифологии дочь Агамемнона. Была принесена отцом в жертву богине Артемиде, чтобы обеспечить грекам благополучное отплытие к Трое. Однако богиня охоты заменила жертву ланью и перенесла Ифигению в Тавриду, сделав ее своей жрицей.

ГЛАВА XXV

1. *Съезжая изба* (приказная) — канцелярия воеводы, куда съезжались служилые люди на смотры и перед военными походами.

2. *Гостиный двор* — первоначально место для торговли со складами и помещениями для купцов — «гостей» (крупные купцы, которые вели торговлю с другими городами и зарубежными странами). Известен в Москве с XVI столетия. В 1790—1805 гг. под руководством архитекторов И. Селихова и С. Карина по проекту архитектора Дж. Кваренги построен в стиле классицизма Старый Гостиный двор (реставрирован после пожара 1812 г. архитектором О. И. Бове). В 1835—1842 гг. был возведен Новый Гостиный двор в том же архитектурном стиле.

3. *Церковь Варвары* — крестообразный в плане храм в классическом стиле с портиками коринфского ордера возведен в 1796 г. по проекту архитектора Р. Р. Казакова на месте одноименной церкви начала XVI в. (архитектор Алевиз Новый).

4. *Сотни* — с XIV до начала XVIII столетия корпоративные объединения купцов (гостиная, суконная и др.) и территориально-профессиональ-

ные корпорации посадских людей. Позднее — административно-территориальные единицы.

5. *Черная сотня* — организация черных людей, то есть свободного, но, в отличие от бояр, «гостей» и духовенства, платящего подати населения во главе с сотским или сотником.

6. *Рухлядь* — скарб, движимое имущество.

7. *Лал* — драгоценный камень, рубин, яхонт.

8. *Портище* — отрезок от какой-либо ткани на одежду.

9. *Чепрак* — подстилка суконная, ковровая или меховая под конское седло.

10. *Захребетники* — в России XV—XVII вв. феодально зависимые люди, не имевшие своего хозяйства, жившие и работавшие во дворах крестьян или посадских людей.

11. *Тамга* — таможенная пошлина, особый сбор за наложение клейма.

12. *Гильдии* — в XVIII—XIX вв. сословные объединения купцов. Привилегированное гильдейское купечество подразделялось на три гильдии (с 1775 г. — по размерам капитала).

13. *Флетчер Джайлс* (ок. 1549—1611) — английский дипломат. В 1588—1589 гг. посол в Москве. Автор книги «О государстве Русском», изданной в 1591 г. в Лондоне. Содержавшееся в ней обличение царского деспотизма и острая критика всей государственной системы в России повлияли на судьбу этого произведения, несмотря на его посвящение английской королеве Елизавете. В Англии торговая компания, которая вела дела с Россией, опасаясь репрессий со стороны царя, пыталась затруднить распространение тиража. В России за публикацию сочинения Флетчера в «Чтениях в Обществе истории и древностей Российских при Московском университете» власти прекратили выпуск этого научного непериодического издания, а переводчик — известный славист профессор О. М. Бодянский был уволен из университета и сослан из Москвы в Казань.

14. Одновременно с «Грамотой на право вольности и преимущества благородного российского дворянства» в 1785 г. была дана «Грамота на права и выгоды городам Российской империи». Она разделяла все городское население на шесть разрядов. Город управлялся общей думой, которая выбирала шестигласную думу. В ней под председательством городского головы заседали гласные от всех разрядов. «Шестигласная дума» ведала городским хозяйством и торговлей.

15. *Именитые граждане* — в России в 1785—1832 гг. сословная группа городского населения из лиц свободных профессий и (до 1807 г.) верхушки купечества. Категория именитых граждан упразднена в связи с введением в 1832 г. звания почетных граждан.

16. *Сусло* — сладковатый неперебродивший отвар крахмалистых и сахаристых веществ, из которого изготовляют пиво и квас.

17. *Праветчик* — судебный служитель, пристав.

18. *Барберини Рафаэль* — итальянский путешественник. Посетил Россию в 1564 г. как частное лицо, выполняя дипломатическое поручение: передать письмо английской королевы Елизаветы к Ивану IV Грозному. Автор «Описания путешествия в Россию...», изданного в 1565 г.

19. *Теребенев Иван Иванович* (1780—1815) — скульптор, мастер монументально-декоративной скульптуры в стиле классицизма, которая установлена на здании Адмиралтейства в Петербурге (Ленинград). Автор сатирических лубков-карикатур на Наполеона и его армию.

20. *Московский трактир* — его здание находилось на месте бывшей гостиницы «Гранд-Отель» (пл. Революции, 1; ныне гостиница «Москва»). Ввиду близости к присутственным местам в Московском трактире обычно происходили встречи с ходатаями по гражданским и уголовным делам, составлялись прошения, заключались сделки. Трактир Егорова — старейший московский трактир, находился в Охотном ряду (ныне просп. Маркса).

21. *Суровской ряд* — где торговали шелковыми, бумажными и шерстяными тканями.

22. *Юхотный ряд* — где торговали кожаными изделиями.

23. *Растворы* — складные двери лавок на целый ряд сплошных дверей и окон.

24. *Пике* — ткань из хлопчатобумажной пряжи с выпуклым рисунком на лицевой стороне (обычно в виде рубчиков).

ОГЛАВЛЕНИЕ

Михаил Иванович Пыляев

СТАРАЯ МОСКВА

Заведующая редакцией
Т. МИТРОФАНОВА
Редактор
К. СТАРОДУБ
Художник
Ю. ТРАПАКОВ
Художественный редактор
В. ГУСЕЙНОВ
Технические редакторы
О. ИВАНОВА, Н. ПРИВЕЗЕНЦЕВА
Корректоры
Я. КУЗНЕЦОВА, А. ГОМОЗОВА,
Л. СИДОРЕНКО

ИБ № 4275

Сдано в набор 06.02.89. Подписано к печати 13.04.90. Л 22074. Формат 70X 108 1/16. Бумага офсетная № 1. Гарнитура «Таймс». Печать офсетная. Усл. печ. л. 36,57. Усл. кр.-отт. 74,11. Уч.-изд. л. 44,11. Тираж 150 000 экз. Заказ 4539. Цена 5 р. 50 к.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Московский рабочий», 101854. ГСП, Москва, Центр, Чистопрудный бульвар, 8.

Ордена Ленина типография «Красный пролетарий», 103473, Москва, И-473, Краснопролетарская, 16.